

Дмитрий Ружников

ФРАНЦУЗ

Дмитрий Ружников

Француз

Роман

Том I

Санкт-Петербург
«Геликон Плюс»
2015

УДК 832.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р 83

Р 83 Ружников Д.
Француз : Роман. Том I. — Санкт-Петербурга, «Геликон
Плюс», 2015. — 736 с.

ISBN 978-5-93682-842-3

Дмитрий Ружников не профессиональный писатель. Он врач. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт, живет на Крайнем Севере. Из-под его пера вышли романы «Род», «Поляк», «Хирург», повесть «Инфаркт». Новый роман «Француз» — необычайная, полная приключений история семьи Солей, в которой автор в присущей ему манере рассказывает историю Франции.

УДК 832.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-93682-842-3

© Д. Ружников, текст, 2015
© «Геликон Плюс», оформление, 2015

Франции с любовью!

Книга первая

Часть первая

Викинг

Странное событие произошло в маленькой рыбацкой деревеньке Бальгедер, что приютилась в конце узкого, зажатого голыми скалами фьорда. С уходящей в небо скалы упал в воду викинг Бьорг Сильный. Когда его обезображенное, уже объединенное рыбами тело выбросило на берег, то между ребрами увидели застрявший обломок лезвия ножа. Всем стало ясно, что викинга убили и убил кто-то свой, кто мог настолько близко подойти к Бьоргу, чтобы ударить его ножом. Еще удивились — что мог делать викинг на скале? На нее поднимались редко, и то мальчишки — с ее высоты в хорошую погоду проглядывался весь фьорд — почти до сурового, холодного моря, — и дети, высмотрев возвращающиеся корабли отцов, ловко прыгая по камням, бежали вниз сообщить об этом радостном событии жителям деревни.

Из своих, деревенских, в убийстве никого не подозревали — все знали, что у Бьорга не было врагов. Он родился здесь, здесь родились его родители и родители родителей, и так до времени, когда бог Один создал эти скалы и море, да и самих викингов. Бьорг был известным воином, поэтому его останки не выбросили в море, а сожгли, и он отправился в Валхаллу, куда попадают все умершие викинги и где они беспрерывно бьются на мечях, потом пьют вино и вновь бьются, и так до бесконечности.

Предки Бьорга плавали через бурные холодные моря и грабили чужие земли, и Бьорг плавал, грабил и убивал. Когда подрос его старший сын Стейн, то тоже стал плавать через море, грабить и убивать.

Длинные, устойчивые к штормам драккары, на которых плавали по морям викинги, принадлежали ярлу провинции Блекинге Юхану Прыщавому, жившему в городке

Роннебю. Для управления провинцией Юхан имел четырех хэрсиров. Хэрсира прибрежной земли, где находилась и деревня Бальгедер, звали Олаф Красный; прозван так он был за цвет волос. Предки Олафа жили здесь еще со времен, когда никаких провинций, и даже Швеции как государства, не было. Ему бы ярлом быть — такой у него был древний род, но...

Времена грозных нападений на чужие земли давно прошли, и бывшие викинги стали герцогами и графами в странах Европы, а у себя на родине, в Швеции, многие занялись мирным трудом: выращивали хлеб, овощи, пасли коз и коров — результат внедрения в страну свирепых язычников христианской религии. Но набеги продолжались, редкие и больше похожие на нападения пиратов и разбойников. Королевская власть была слабой, и многие ярлы провинций подчиняться ей не хотели. Юхан Прыщавый был таким ярлом и другой жизни не желал знать.

В зимнее время жители деревни занимались рыбалкой, используя суда хорошо выдерживающие морскую волну, а мальчишки ловили рыбу в водах самого фьорда, плавая на утлых лодочках, сделанных из трех досок или выдолбленных из целого куска дерева, ловко управляясь веслами или небольшим парусом.

Викинги всегда гордились своей свободой. Они не платили никаких податей — просто отдавали ярлу треть от захваченной в других землях добычи.

В гибели Бьорга заподозрили родственника Олафа Красного — Хоккона. Хоккон плавал с викингами в набеги, был труслив и жаден, старался как можно больше урвать от награбленного себе лично. А Бьорга уважали и за невероятную силу, и как честного человека. К нему обращались, когда надо было решить какой-нибудь спор с Хокконом. Однажды в море произошла ссора между Хокконом и Бьоргом — Хоккон схватился за меч и бросился на Бьорга, но тот увернулся и ударил Хоккона кулаком. Хоккон от удара вылетел из лодки и быстренько бы пошел ко дну, но викинги его пожалели — бросили веревку и вытащили из воды. У Хоккона оказалась сломанной челюсть и поврежден один

глаз. Есть он не мог и, пока викинги плыли домой, пил только воду. Челюсть срослась, но криво — лицо перекошило, а на глазу появилось белое бельмо, и на берегу встречавшие судно мальчишки, закричали, показывая на него пальцем: «Хоккон Кривой! Хоккон Кривой!» Прозвище сразу прилепилось накрепко — не оторвать.

Вот Хоккона Кривого и обвиняли в смерти Бьорга Сильного, но закон у викингов прост: не видели — значит, не доказано, к тому же Хоккон был родственником хэрсира Олафа, от воли которого зависела жизнь семей викингов. А потом всё как-то быстро забылось — у всех своих забот было полно.

Стейн, старший сын Бьорга, при всех сказал Хоккону, что сделает его слепым — выбьет ему второй глаз. Поверить было несложно — он был столь же силен, как отец. Младший сын, Харальд, ничего не обещал, но, зная, что и у него удар кулака похож на удар молотом, можно было предположить, что просто так это все не закончится.

Через год Стейн погиб, но Хоккон Кривой в этом не был виноват: корабль попал в шторм и перевернулся — погибли все.

В семье остался один кормилец — младший сын Харальд, по прозвищу Солнечный.

I

Узкий, с загнутыми вверх носом и кормой драккар зарывался в волну, которая проносилась по палубе, и казалось, что корабль больше уже не всплывет, но он, весь в белой пене, выныривал, вскарабкивался на новую волну, зависал над бездной и вновь устремлялся вниз; парус был готов вот-вот сорваться с мачты и улететь, и если бы он улетел или сломалась мачта, то всем, кто находился на корабле, оставалось бы только молиться великому богу Тору, чтобы тот послал им быструю смерть. Но люди в лодке не молились — они, накрывшись шкурами, спали и храпели, и их жизнь в этот момент зависела от юноши, державшего в своих руках руль и внимательно смотревшего на волны и

парус. Потоки воды обдавали его, но он крепко стоял на палубе и только пошатывался от ужасающей морской качки.

Харальд Солнечный, прозванный так за необычный даже для викингов цвет волос, в свои семнадцать лет уже дважды побывал в разбойных набегах на земли франков. Дрался там храбро, чем заслужил одобрение у своих рыжеволосых бородатых соплеменников, но имел самую маленькую долю от добычи — был слишком молод и считался не воином, а гребцом. Правда, ему обещали со следующего лета долю увеличить — станет взрослым. Он даже мог бы жениться на равной себе бедной девушке, коих было много в Бальгедере и соседних деревнях, но Харальд был влюблен в Ингрид — дочь Олафа Красного, которой было пятнадцать лет. Она тоже была влюблена в синеглазого юношу с солнечными волосами, но ее ожидал другой брак — с Гнупом, сыном ярла Юхана Прыщавого, за которого она и должна была выйти, как только ей исполнится шестнадцать лет. Для Олафа Красного отдать дочь за сына своего господина было великим счастьем!

Харальд с малолетства знал море: мальчиком драил палубу, готовил еду, чистил оружие, чинил сети; подросток — стал ставить паруса, грести длинным тяжелым веслом; еще подросток — поставили к рулю, благо был смышлен и обладал недюжинной для подростка силой. К четырнадцати годам благодаря отцу и старшему брату мог по солнцу и звездам привести с моря рыбацкую лодку домой, знал все ветра, подводные течения и мели, владел мечом и луком с длинными стрелами, что пробивали любой щит и любую кольчугу. Когда два года назад, после смерти старшего брата, остался единственным кормильцем в семье, был взят в первый свой набег на другие земли. Хоккон Кривой был против, ругался, отчего единственный зрячий глаз наливался кровью, но спорить с викингами из Бальгедера побоялся, да и о молодом Харальде говорили, что из него в будущем вырастет настоящий воин.

Мать Харальда Эбба Белая в год, когда при загадочных обстоятельствах погиб ее муж, тяжело заболела, а когда утонул старший сын, в нее как будто вселился бес — она

стала обвинять в гибели своего сына самого бога Тора. Многие посчитали, что она потеряла рассудок, и ее по приказу Олафа Красного прогнали за деревню ближе к скалам, в вырытую земляную нору, и если она появлялась в деревне, мальчишки кидали в нее камнями — все боялись, что она принесет несчастье в их дома. Вначале она еще порывалась вернуться, но со временем перестала — камни учат даже лишившихся разума.

Их небольшой, но крепкий, сложенный из бревен и камней, с покрытой мхом крышей дом пустовал и приходил в упадок — Харальд жил в нем только в зимние месяцы, когда море ежедневно штормило и по нему плыли большие льдины. Когда он уходил в новый поход, Эббе иногда приносили рыбу старые товарищи ее мужа, которые уже не могли плыть в море и ловили рыбу в водах фьорда. Но это было редко, и чтобы не умереть с голоду, она питалась корнями растений, лягушками, грибами и ягодами. Жители деревни решили, что она не просто потеряла разум и перестала разговаривать, но и обернулась в ведьму. Сытно она ела только тогда, когда приплывал ее единственный сын и покупал рыбу, мясо и хлеб.

Хлеб у викингов был самой желанной, самой дорогой едой — его привозили в деревню из внутренних районов страны, где на скудной каменистой земле его выращивали крестьяне. Он был сухой, жесткий и черный. А в землях франков хлеба было много, и он был белым, мягким и необычайно вкусным, не то что свой, больше похожий на черные сухари. И когда викинги приплывали домой, они рассказывали об этом удивительном хлебе, о том, что там, в чужих землях, он растет под теплым солнцем на зеленых красивых равнинах и его очень много... Норманнские дети затаив дыхание слушали их рассказы, похожие на сказки-саги, и мечтали об этом необыкновенном лакомстве. Викинги привозили из земель франков и глиняные сосуды с вином и во время зимних застолий, когда нельзя было выйти на кораблях в море, пили его, но оно было скисшим, и они плевались и блевали, а некоторые умирали в страшных муках; впрочем, это вызывало у всех только смех —

значит, умерший был слабым человеком, недостойным называться викингом. Мертвеца относили на утес и бросали в море — считалось, что человеческие останки — лучший корм для рыб. И это было правдой: чем больше было сброшено в фьрд мертвецов, тем больше ловилось рыбы.

Харальд плыл домой из последнего набега и радостно думал, как пойдет к хэрсиру Олафу и будет просить его отдать за него дочь. Он про себя решил, что если Олаф не будет соглашаться, то он предложит хэрсиру золотой медальон на тонкой, но удивительно крепкой золотой цепи, отданный ему матерью после смерти отца и старшего брата. Медальон хранился в их семье с незапамятных времен, когда их предок однажды плавал через океан в неизвестную, покрытую лесами землю, где жили черноволосые люди с желтой кожей и головными уборами из перьев птиц. Этот медальон был на шее у вождя этих людей, которого и убил предок Харальда. В центре медальона был изображен выпуклый круг, а вокруг другие, разной величины кружки. Никто в семье не знал, что означают эти круги, но считали, что это связано с богом Одином. Медальон никогда и никому не показывали — понимали, что можно лишиться этой, самой дорогой семейной ценности. А больше ничего из золота у Харальда не было, чтобы предложить за рыжеволосую Ингрид. Раньше было, но всё продали, когда не стало отца с братом.

Викинги украшения, снятые с убитых ими женщин, старались хэрсиру Олафу не отдавать — дарили своим женам и подругам. Отбирать их силой боялись — они были сняты с мертвых, и викинг готов был схватиться за меч и убить любого, считая это не общей, а его личной добычей. И Хоккон Кривой побаивался отбирать такую добычу. Правда, не у всех — таких, как Харальд, он не боялся.

Плыть домой было очень тяжело — все время штормило и драккар швыряло на волнах, как щепку, паруса рвались, но прирожденным мореходам все было нипочем: они пили вино, обсасывали соленые от морской воды бороды и усы и орали дикие песни, восхваляя бога морей и штормов Тора. Когда переплыли море и зашли в родной фьрд —

щель между уходящими в небо скалами, — ветер стих; все взялись за весла и с песней поплыли в самый конец фьорда, к родному дому.

Харальд для своего юного возраста был очень силен — мог одним ударом тяжелого меча разрубить противника вместе с деревянным, обшитым кожей щитом; когда греб, его весло прогибалось, а иногда ломалось. Сильные от природы викинги, глядя на него, восхищенно цокали языками и вспоминали его отца и брата — таких же необыкновенно сильных людей. Юноша был высок и строен, и у него были удивительного цвета волосы: белые с красными, как медь кончиками, отчего они напоминали цвет встающего над морем утреннего солнца. Отсюда было и прозвище — Солнечный. У викингов были серо-голубые или зеленые глаза, а у Харальда глаза были синими. Такие глаза и такие белые волосы были только у его матери Эббы Белой. Маленькой девочкой Эббу с матерью, как пленниц, привез из плавания в Ледяную страну дед Харальда. Дед был к тому времени вдов, и мать Эббы стала его женой, а Эббу, которую прозвали Белая, он воспитал и, когда она выросла, выдал замуж за своего сына Бьорга — вот от них и пошли необычные сыновья: невероятной силой в деда и отца, волосами и глазами в мать. Только кончики белых волос были рыжими — обычный цвет для викингов.

Не доплывая до берега, судно остановилась, и Хоккон Кривой, усевшись в корме, стал делить добычу. Третью сразу отошла ярлу Олафу, оставшееся Хоккон поделил среди викингов; каждый подходил и забирал указанную ему долю. Хоккон открыто недолюбливал Харальда — это же его отец, Бьорг Сильный, выбил ему глаз и сделал на всю жизнь кривым. Поговаривали, что Хоккон отомстил — ударил Бьорга ножом и столкнул со скалы. Он никогда не взял бы в поход Харальда, но это было требование викингов, а с этими своенравными людьми из-за какого-то мальчишки лучше было не спорить.

— Это твое, малыш, — со смешком, скривившись, сказал Хоккон и протянул юноше кучку монет и бусин. — У тебя на этот раз неплохая добыча.

— Но почему так мало? Почему не как всем? Я что, не дрался и не убивал людей? У меня же семья...

— Ты еще не воин и получил свою долю как молодой гребец. И о какой семье ты говоришь? Если ты имеешь в виду свою мать, то смерти этой безумной старухи ждут все жители Бальгедера. Все же знают, что она приносит несчастье... — Хоккон рассмеялся. — И не смотри на меня так, а то моя одежда сгорит от твоего испепеляющего взгляда. А если ты будешь возмущаться, то больше в плавание с нами не пойдешь. Будешь сидеть со своей матерью на берегу. Ты этого хочешь? И еще: если ты что-то утаил, то лучше отдай сейчас, потому что я все равно об этом узнаю, но тогда тебя накажет уже сам Олаф. Он заберет у тебя всю добычу, и ты уже никогда больше не попадешь на корабль.

Юноша ничего не ответил, только еще раз с ненавистью взглянул на Хоккона и ушел в нос корабля. Его душила злость — он был готов разорвать голыми руками родственника Олафа за такие слова о своей матери, но сдержался — ему еще надо было идти к хэрсиру домой. «Ничего, я тебе голову еще сверну», — подумал Харальд, и его синие глаза недобро сверкнули.

Судно пристало к берегу, на котором столпились женщины, старики и дети — все ждали своих родных. Некоторые женщины, не видя их, заранее начинали выть, а их малые дети от этого плача тоже стали подвывать и хвататься в страхе за юбки своих матерей — все понимали: если отец не вернулся, то их ожидает нищета и, возможно, голодная смерть.

А в сторонке от этой толпы беззвучно стояли и улыбались скупщики награбленного; у них для продажи и обмена было все необходимое: одежда, обувь, мясо и, главное, хлеб. Они были спокойны — все, что они привезли с собой, будет раскуплено очень быстро: часть добычи викинги отдадут за взятые ранее в долг товары и будут опять брать в долг под будущую добычу, другие — но таких было меньшинство — будут покупать; и все знали, что так было и так будет всегда. Торговцы платили Олафу десятину со своих доходов и старались ее отдать — в толпе, среди жителей,

были люди хэрсира, которые внимательно следили за обменом: если не отдать десятину, то можно лишиться всего и уже никогда здесь не торговать. Олаф Красный строго стерег свое добро и место.

Харальд, купив мяса, рыбы и хлеба, пошел за деревню к скалам, к матери. Всегда, когда он приходил к ней, она начинала радостно плакать, как плачут все женщины при встрече с любимыми после очень долгой разлуки. У ней как будто возвращался разум, и Харальд видел по ее глазам, что она понимает все, что он ей говорит, но только не отвечает. А сын рассказывал, как он плавал по бурному морю, кто из викингов утонул, где приставали к чужим берегам и нападали на местных жителей, кто был убит и кто, вдруг влюбившись в черноволосых, черноглазых франкских девушек, оставался навсегда в тех землях.

— Мама, я тоже бы остался — там такая красивая земля и там так тепло, но ты же знаешь, я не могу тебя бросить. Ах, если бы у меня была большая лодка с парусом, я бы взял тебя и... еще кое-кого и уплыл бы в те земли. И зачем мы на них нападаем? Они же не делают нам ничего плохого; они выращивают изумительный белый хлеб, и я пробовал их вино — оно необыкновенное, не та кислятина, которую пьют у нас. Ах, мама, как там хорошо! Если бы я был птицей, я бы полетел через море к тем берегам. Там остаются многие викинги — там уже целая земля, где они живут, и когда мы нападаем на них, они защищают свою новую родину и убивают нас.

Мать ничего не отвечала, она только плакала, и сын удивлялся — неужели она правда его понимает?

Вечером он тайно встретился с Ингрид. Рыжеволосая, стройная девушка, плача, рассказала, что к ним домой приезжали люди ярла Юхана и договорились с отцом о женитьбе ее и Гнупа через два месяца, в день, когда ей исполнится шестнадцать лет.

— Говорят, этот Гнуп такой же прыщавый, как его отец. Харальд, любимый, я не знаю, что мне делать... Я так боюсь. Отец пообещал отдать меня за сына Юхана, и он выполнит свое обещание, — девушка горько заплакала, склонив го-

лову с пышной ярко-красной копной волос на широкую грудь Харальда. — Ах, Харальд, нас хотят разлучить навсегда, и если это произойдет, я брошусь в море!

— Я завтра пойду к твоему отцу и попрошу отдать тебя мне в жены.

— Он не отдаст — ты бедный.

— Но я викинг, и я хожу в походы. Еще два-три года, и я стану богатым. Вот, посмотри, — Харальд достал из-под рубашки медальон, тот тускло заблестел. — Такого нет ни у кого. Это настоящее золото. Я отдам его твоему отцу в залог. Пусть отложит твою свадьбу на один год.

— Ты не знаешь моего отца.

— Твой отец викинг и, значит, должен меня понять.

— Ах, Харальд, как ты неправ. Ярл Юхан — господин моего отца.

— Ингрид, любимая, все будет хорошо. А если он не согласится и все-таки захочет тебя отдать замуж за этого Гнупа, я тебя украду.

— Куда мы убежим? Нас везде найдут.

— Ах, если бы у меня была лодка! Мы бы уплыли на Датские острова, а потом дальше, в земли франков. Ингрид, ты не можешь представить, какая там красивая земля.

— Отец и Юхан все равно найдут тебя и убьют!

— Пусть! Но без тебя мне жизнь не нужна.

— Харальд, любимый, мне так страшно за тебя... за нас, — и из зеленых глаз девушки опять побежали слезы.

На следующий день Харальд, помывшись в холодных водах фьорда и надев чистую одежду, пошел к Олафу Красному. Большой дом хэрсира был построен из огромных сосен и обнесен частоколом с воротами. Ворота были открыты, и Харальд, пройдя их, оказался на большом дворе, где столкнулся с Хокконом Кривым.

— Ты что здесь делаешь? Пришел наниматься на работу? Так нам нужен человек для ухода за лошадьми. Ты пойдешь — кто-то же должен выносить навоз, — засмеялся Хоккон.

— Если я тебя сейчас ударю, у тебя вылетит второй глаз! — зло выкрикнул в лицо Хоккону юноша.

— Что ты сказал, мальчишка? Да я тебя сейчас разрублю пополам.

— Конечно, раз у меня нет меча.

— Я сейчас принесу меч!.. Эй, слуги, принесите сюда меч.

В этот момент на крыльцо дома вышел крупный рыжеволосый мужчина и стал внимательно наблюдать за перепалкой, а потом вдруг засмеялся и весело крикнул:

— Хоккон, а вдруг он и правда тебя убьет? Он же, видно, смелый, а ты его обидел. Эй, малый, ты к кому пришел?

— К хэрсиру Олафу.

— Я Олаф.

— Значит, я к тебе.

— Нет, точно, смелый. Здесь будем говорить?

— Лучше один на один.

— Ну пошли!

Они вошли в дом, и в большом зале Олаф, сев на деревянный трон с высокой резной спинкой, спросил:

— Ну говори, зачем пришел? И не отнимай у меня время. Тебе еще драться с Хокконом.

— Я прошу тебя отдать Ингрид за меня.

Олаф вытаращил зеленые глаза. «У Ингрид точно такие же глаза. И волосы такие же», — подумал Харальд.

— Ты не смелый, ты глупый. Ты чей, мальчик?

— Я Харальд, сын Бьорга Сильного.

— А... вот ты кто... — улыбка сошла с лица Олафа. — Я знал твоего отца. Да, он был необыкновенно сильный викинг. Это ведь он выбил глаз Хоккону. И это он всегда старался настроить жителей Бальгедера против меня. И поделом ему, что сдох. А твоя мать — ведьма, которая живет у скал и наводит порчу на моих людей и мой скот?

— Она нормальная женщина. Да, у нее помутилось в голове от горя — она потеряла мужа и сына, после чего ее выгнали из родного дома и лишили куска хлеба. Хоть ты и хэрсир, но ты не имеешь права оскорблять моего отца и мою мать. Они викинги, и ты оскорбляешь меня как их сына.

— Да ты в своем ли уме, мальчишка, чтобы со мной так разговаривать? Ты еще не викинг!

— Почему я не викинг, если уже побывал в двух походах и убил не менее пяти франков — и не крестьян, а воинов?

— Это хорошо, что из тебя вырастет воин. Я уважаю воинов. Сам много лет плывал в земли франков и бриттов и знаю, как это тяжело. Ты, может быть, и любишь мою дочь, но я скажу тебе: она принадлежит другому. Просто, ты мне не ровня.

— А что ты хочешь, чтобы я стал тебе ровней?

— Ничего. Она выходит замуж за сына самого ярла Юхана. И для меня и моей дочери это великая честь и счастье. Всё! У меня больше нет времени на пустую болтовню с тобой. Уходи отсюда и больше не приходи в мой дом. За смелость и твою глупость я тебя на этот раз пожалею, но если ты еще хоть раз посмотришь в сторону моей дочери, я прикажу выбросить тебя в море с той же скалы, с которой упал твой отец. Иди к своей матери — вот ей-то ты ровня.

— А если я тебе предложу золото, ты отложишь свадьбу на один год?

— Ты хочешь сказать, что у тебя есть золото? — подозрительно спросил Олаф.

— У меня нет золота, но через год оно у меня будет. А пока я могу тебе предложить вот это, — Харальд раскрыл ладонь и показал медальон. — Если я за год не добуду еще золота, это украшение будет твоим и твоя дочь может выйти замуж за сына ярла Юхана.

— Откуда он у тебя? Ты его украл? Ты не отдал его в общую добычу? Ты знаешь, что тебе полагается за это?

— Это украшение досталось мне от моего отца. А ему от его отца. Тебя самого в те времена еще не было.

— Покажи! — хрипло крикнул Олаф.

— Смотри, — юноша протянул медальон. Олаф схватил тяжелую золотую круглую пластину и стал ее внимательно рассматривать; глаза его загорелись жадным огнем.

— Уходи отсюда! — сказал он и сжал в ладони медальон. — И больше не приходи.

— Тогда верни золото.

— Пошел отсюда вон!

И тут произошло неожиданное: юноша шагнул к Олафу и сжал его руку столь сильно, что у того от боли слезы выступили из глаз, а лицо стало таким же красным, как волосы. Он хотел что-то крикнуть, но рот скривился и раздалось лишь невнятное шипение. Ладонь разжалась и юноша забрал медальон.

— Ты не достоин быть викингом, — спокойно сказал Харальд и вышел из дома.

— Ты... Ты, щенок! Да знаешь ли ты, что с тобой будет? — плевался Олаф, растирая руку: — Эй, схватите его! — но это было сказано так тихо и хрипло, что никто его не услышал.

На середине двора стоял Хоккон Кривой с двумя мечами в руках.

— Ну что, сопляк, померяемся, кто кого?

Юноша не ответил — он резко ударил Хоккона в лицо, и тот упал, потеряв сознание. В окно дома смотрела рыжеволосая девушка — она видела все.

— Беги! — крикнула она. — Харальд, любимый, беги!

— Без тебя я не уйду.

— Беги! Встретимся на нашем месте, — опять крикнула девушка и юноша побежал к открытым воротам...

В темноте у костра сидели двое.

— Мама, что же мне делать? — говорил Харальд. — Куда мне бежать? Если меня поймут — меня убьют, — он только что рассказал матери все, что произошло. Без всякой надежды, что она ему ответит. И про Ингрид рассказал. Мать, опустив белую голову, молча глядела на огонь костра и вдруг заговорила:

— Тебе надо бежать из нашей земли. Укради лодку и плыви в Данию. Ты знаешь, где находится Ольборг?

— Да. Он на берегу Лим-фьорда. Мы один раз спасались в нем от шторма, так датчане, увидев наши корабли, попрятались в своих домах.

— В Ольборге ты найдешь Йенсена Длинного — это брат твоего отца. Он тебе поможет.

— Мама, как я убегу? А ты?

— Сынок, мне немного осталась жить. Не бойся, даже если они меня будут пытаться, я все равно ничего не скажу. Я же жена и мать викингов.

— А Ингрид?

— Ингрид? Не знаю... Лучше, если ты будешь один. Если она убежит с тобой, то не только Олаф, но и ярл Юхан будет тебя искать за нанесенную ему смертельную обиду. Бьорг как-то говорил, что у Олафа в Дании есть родственник ярл. И тогда тебе придется плыть дальше, в эту землю франков, где растет белый хлеб... И это зимой?! Беги! Прощай... — мать посмотрела на сына синими глазами, потом отвернулась и вновь превратилась в старуху, смотрящую безумными глазами на огонь...

— Прощай мама, — юноша поцеловал мать в седые волосы и тихо ушел, и уже не видел, как по ее щекам текли слезы. Харальд побежал к берегу, где лежали вытасченные из воды лодки, разные — от больших, на которых можно было бы плыть в море, до маленьких для рыбалки в фьорде. Была поздняя осень, и на рыбалку плавали утром, когда еще было светло, а сейчас, в наступившей вечерней темноте, никого не было — все грелись у жарких очагов в своих домах. Харальд выбрал большую, крепкую лодку со спущенным парусом. Юноша был настолько силен, что один столкнул лодку на воду, тихонько, на веслах, подплыл к уткнувшимся в каменистый берег драккарам и поднялся на один из них. Он быстро нашел, что ему было нужно: бочонок с пресной водой и плотную, непромокаемую и спасающую от ветра, сшитую из выделанных тюленьих шкур одежду. Нашлась и рыба. Все это Харальд перенес в лодку и переплыл в небольшую бухту под скалами, о которой знали только деревенские мальчишки и Ингрид — она не раз приходила сюда на свидания с Харальдом, и они катались по фьорду на маленькой лодке. Юноша старательно уложил вещи и еду; он делал все не спеша, как будто не его сейчас искали и если бы нашли, то приговорили к смерти за нападение на хэрсира. Он ждал. В середине ночи появилась тень — к лодке подошла девушка в плотной шерстяной накидке с капюшоном. Она обняла юношу и заплакала:

— Я так боюсь за тебя, Харальд. Отец послал на твои поиски Хоккона с дружинниками.

— Я видел, как они бегали с факелами по берегу. Но я уже был здесь, под скалой. Скажи, Ингрид, ты поплывешь со мной?

— Да, любимый. Куда мы поплывем?

— В Данию. Там живет брат моего отца.

— Тогда поплыли!

— Тебе придется немного подождать.

— Ты хочешь сходить к матери?

— Да.

— Но они тебя могут там ждать.

— Я должен сходить к ней.

— Будь осторожен. Я буду здесь.

— Ингрид, если я не вернусь к рассвету, уходи домой.

— Не надо так говорить, Харальд, все будет хорошо, ты вернешься, и мы уплывем отсюда.

Хоккон Кривой долго пытал старую женщину — он бил ее плетью так, что рвалось платье и на коже выступали кровавые полосы.

— Говори, тварь, где твой сын? Говори, иначе я тебя забью до смерти! — рычал Хоккон. Но женщина только дико смеялась, плевала ему в лицо и кричала:

— Это же ты убил моего мужа, подло ударив его ножом и столкнув со скалы! Ты! Смотрите, люди, — он убийца!

— Ты что мелешь, старая тварь? Лучше говори, где твой щенок? Иначе... Эй, подкиньте хвороста в костер и суньте в него меч. Ты у меня сейчас все скажешь!

— Испугал! Меня, Эббу Белую, испугал! — женщина дико рассмеялась. — Ты, мерзкий человечек, рожденный от крысы, пугаешь жену викинга? Смотри! — Эбба выхватила из костра горящую ветку, огонь заплясал в ее руке, но она, как будто не чувствуя боли, стала ею грозно размахивать.

— Смотри, убийца, смотри! — кричала она, стараясь огнем достать до Хоккона, и это ей удалось — пламя опалило его лицо.

— Ах ты, тварь! — заорал, схватившись за лицо, Хоккон. Он выхватил свой меч, и крикнув: — Получай! — пронзил женщину.

Эбба сразу обмякла, взгляд ее вдруг стал осмысленным, синие глаза заблестели, и пламя костра заиграло в них, она вздохнула, изо рта полилась кровь, и, прохрипев: «Харальд отомстит», она рухнула на землю.

— Хоккон, не надо было этого делать, — сказал один из дружинников хэрсира Олафа. — Что скажут викинги? Пусть она и безумная, но она жена и мать викингов, и если за нее надумают отомстить, то вырежут всех нас, участвовавших в этом убийстве.

— Заткнись! Кто отомстит? — крикнул Хоккон. — Ты лучше думай, где найти этого мальчишку! Он единственный, кто остался живой из всей их семейки.

— А черт знает, где он. Может, он убежал в горы, а может, уплыл из деревни...

— Куда уплыл? В море? Сейчас, осенью? Ты думай, о чем говоришь. Ищите, а я пошел к Олафу.

— А что делать с Эббой?

— Ничего. Бросьте здесь — волки съедят. Сюда все равно никто не ходит. Она же ведьма.

Хоккон ушел, и воины Олафа, тихо ругаясь, тоже стали спускаться к деревне, и слышно было в темноте, как один из них зло говорил:

— Вот-вот, именно ведьма. А если она захочет отомстить, то никому из нас не поздоровится — она пошлет на нас и наши семьи чуму и лихорадку, и мы все умрем в страшных муках. На то она и ведьма.

— Ты прав, — ответили в темноте. — Сволочь этот Хоккон. Лучше бы муж Эббы тогда его прибил. И зря его вытаскивали из моря. Что сейчас будет?

Костер уже догорал, когда из черноты скал появился юноша, встал на колени перед мертвой женщиной и тихо заплакал. Потом он легко поднял мертвое тело и унес в горы, где похоронил, заложив камнями, и, стоя над могилой, произнес сквозь слезы:

— Мама, я обязательно вернусь и отомщу за тебя и отца. Прощай, мама.

Ночью, при свете луны и звезд, по фьорду поплыла лодка с одиноким гребцом. Когда она проплыла в сторону моря так далеко, что стала не видна с берега, на ней поднялся парус и она устремилась, ведомая сильной и знающей рукой, в море. И сразу на фьорд и берег упал густой туман, и в его сплошной белой пелене не стало видно ни воды, ни скал.

— Мы его не нашли, — опустив голову, сказал Хоккон, сидевшему на своем троне хэрсирю Олафу. — А его умалишенная мать не сказала ни слова. Поверь, я очень старался у нее узнать, где спрятался ее щенок, но все было напрасно — она сдохла от моего меча. Мальчишка, по-видимому, спрятался где-то в скалах, но никуда он не денется — жрать захочет и выйдет. Я в деревне всех предупредил: тот, кто окажет ему помощь хоть маленьким куском тухлой рыбы, будет наказан.

— А что если он уплыл на лодке?

— Куда, Олаф? Куда можно уплыть на лодке осенью? Даже драккар в такую погоду не выйдет в море. Нет, он где-то здесь. Найдем и приведем к тебе, не сомневайся.

В зал, где они разговаривали, вбежала Бирта — жена Олафа.

— Ее нигде нет! — кричала она.

— Кого нет? — непонимающе уставился на жену Олаф.

— Дочери! Нашей дочери Ингрид.

— Как это нет? А где она?

— Я не знаю. Но уже ночь, и в ее комнате не хватает теплых вещей.

— Ты хочешь сказать, что она убежала к этому сопляку?

— Я ничего не хочу сказать, кроме того, что наша дочь сбежала из дома.

— Найти их! — заорал, вскочив с трона, Олаф. Лицо его стало красным, как волосы, рот открылся, и он, захрипев, упал на пол. Все остолбенели от ужаса, не понимая, что произошло, и не зная, что делать, пока Хоккон не закричал:

— Хозяину плохо, несите его в постель и тащите сюда скорей знахаря.

Олаф аккуратно подняли и отнесли в спальню, где он заплетающимся языком прохрипел:

— Найди их... Верни мне дочь... Мальчишку можешь убить, но заведи у него медальон...

— Какой медальон? — удивился Хоккон и наклонил голову.

— Золотой, на цепи.

— Я все сделаю хозяин, выздоравливай.

Олаф вдруг обхватил рукой шею Хоккона, отчего тот посинел, приподнялся и хрипло зашептал:

— Хоккон, какое несчастье выпало на мою голову! Моя дочь, невеста сына ярла Юхана, убежала с каким-то простолудином! Если Юхан узнает об этом и решит, что это для него смертельная обида, то меня убьют. Если ты не найдешь их здесь, то бери лучший из кораблей и моих дружинников — тех, кто умеет плавать по морю, и плыви в Данию. Они там! Я знаю, я чувствую. У Бьорга был брат, который еще совсем молодым уплыл в Данию. Там они... Ее вернешь живой, пальцем не тронь! Она моя дочь, и я сам решу, что с ней делать... Поклянись!

— Клянусь, Олаф, что все сделаю, как ты говоришь, но пока не уйдет туман, мне в море не выйти.

— Моли бога, чтобы ветер как можно быстрее его унес. И не говори никому ни слова о побеге и зачем ты плывешь. В Дании обратишься к ярлу Эрику Синему — он мой дальний родственник, расскажешь ему все, думаю, он тебе поможет. Плыви и без дочери не возвращайся! — Олаф в изнеможении упал на кровать.

На улице была сплошная белая пелена — невозможно было куда-то идти, а уж плыть... «И куда я поплыву? — подумал Хоккон. — А если за это время Олаф помрет, то зачем же я буду рисковать и подставлять свою шкуру? Это же море, и это даты. Впрочем, если Олаф помрет, мне-то это даже выгодно... Тогда я привезу эту шлюху самому Юхану. И Юхан может назначить меня хэрсиром вместо Олафа. Хорошо бы! В одном Олаф прав: здесь мальчишки нет и в горы и другие деревни он не побежит — он же считает себя викингом. Надо плыть, надо».

II

В рыбацкой деревне Ольборг к дому Йенсена Длинного, который лет тридцать назад, еще юношей, уплыл из родного дома в Бальгедере в Данию, подошла странная пара: синеглазый юноша с белыми волосами и рыжеволосая девушка. Лица молодых людей были усталыми, а девушка еле держалась на ногах, и если бы не юноша, который бережно ее поддерживал, она бы упала. Йенсена Длинного знали все на побережье — слишком был высок. Он был около дома и как раз развешивал для просушки сети.

— Ты Йенсен Длинный? — усталым голосом спросил юноша.

— Да, а что тебе от меня надо?

— Я Харальд, сын Бьорга Сильного, твоего брата, и мне нужна твоя помощь. Моя мать сказала, что ты можешь мне помочь.

— Если ты сын Бьорга, то я рад тебя видеть и проходи в дом. Я давно уехал с родины, но слышал, что у Бьорга и Эббы два сына. Ты похож на Эббу. А кто эта девушка?

— Это Ингрид. Я все тебе расскажу, но только дай нам поесть и позволь Ингрид отдохнуть.

— Хорошо, — Йенсен открыл дверь своего небольшого домика и пропустил внутрь молодых людей. Весь дом состоял из двух комнат: одна была спальней — в ней стояли три деревянные кровати, а другая кухней с закоптившимся очагом, столом и лавками. Йенсен поставил на стол нехитрую еду — рыбу, небольшой кусок хлеба и кувшин с водой. Девушка, по-видимому, настолько устала, что, съев чуть-чуть рыбы и выпив воды, с разрешения Йенсена прилегла на одну из кроватей, ее укрыли теплой овечьей шкурой, и она, тяжело вздохнув, сразу уснула. Харальд, ничего не скрывая, рассказал Йенсену о гибели отца и брата, о безумии матери и ее убийстве Хокконом, о своей любви к Ингрид, дочери Олафа Красного, и своем побеге. Йенсен, не перебивая, внимательно слушал, и только его лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

— Что же ты наделал, Харальд? Это же хэрсир. Да что Олаф? Вот если ярл Юхан начнет тебя искать, то тебе негде будет спрятаться. Зачем ты взял с собой эту девчонку?

— Мы любим друг друга.

— О чем ты? Какая любовь? Что это такое? У меня была жена — она пять лет назад умерла, и у меня двое сыновей, Эйд и Скули. Мы простые рыбаки, мы ни на кого не нападаем, и мы уже не викинги. И что — мы плохо живем? Мы счастливы в этой жизни. А чего хочешь ты? Ты навлек несчастье на себя, на свою мать и даже на эту девчонку. Когда вас поймают, а вас обязательно поймают, тебя убьют. И я не знаю, чем я могу тебе помочь. Когда ты рассказал свою историю, я сразу понял, кто ты: ты тот, которого ищут по всему побережью. Ищут люди нашего ярла Эрика Синего и с ними какие-то неизвестные люди. Один из них кривой на один глаз, по-видимому, это человек вашего хэрсира Олафа. Они уже приходили в нашу деревню, но это было два дня назад, и думаю, еще придут. И будут искать тебя и эту девчонку, пока не найдут. Давай вернем ее отцу, и тогда, может быть, тебя перестанут искать и ты спасешься, да и то я в этом не уверен.

— Я ее не отдам никому. Если только она не захочет вернуться домой сама.

— Но если я вас спрячу, то меня и всю мою семью убьют. Я правда не знаю, чем я могу тебе помочь.

— Я смотрю, у вас, у датчан, меньше свободы, чем у нас, шведов. Мы же все викинги. Хорошо, я тебя попрошу только об одном: дай мне лодку, которая может выдержать море — моя разбилась, немного еды, и мы уплывем.

— Куда ты хочешь уплыть?

— К франкам.

— Ты, совсем мальчишка, хочешь туда доплыть? Да знаешь ли ты, где эта земля?

— Я был там два раза.

— Тогда ты больше похож не на отца, а на своего деда Харальда — он был бесстрашным. Тебя и называли в его честь. Хорошо, в память о моем брате и его жене я попробую тебе помочь. Сейчас ты тоже ложись и отдыхай, а

я пойду. Думаю, надо сделать так: я спрячу вас в лодке и уплыву в море к Фризерским островам. Три дня назад на море был сильный шторм и в песчаной косе опять появился проход, по которому мы и выйдем из фьорда в море. К островам раньше нас на другой лодке уплывут мои сыновья, и я с ними вернусь домой. Моли бога Одина, чтобы он своим единственным глазом осветил нам путь и ослепил твоих преследователей. И чтобы никто из них не знал, что сейчас отсюда можно проплыть в Северное море.

— Скажи, Йенсен, есть ли у тебя оружие?

— Зачем оно тебе? Впрочем, возможно оно тебе понадобится. Где-то у меня сохранился лук со стрелами. Когда-то это был очень хороший лук. Лучший. Я поищу, а ты пока отдыхай.

Вечером приплыли сыновья Йенсена Эйд и Скули и рассказали, что люди ярла Эрика Синего обыскивают побережье. С ними какой-то кривой на один глаз швед. И они нашли на берегу чужую разбитую лодку.

— По-видимому, это твоя лодка, — сказал старший из братьев Эйд. — Они ищут уже второй раз и очень тщательно, проверяют не только дома и сараи, но и ямы, где хранится рыба. Ночью они искать не будут — сейчас осень и темнота наступает рано, а завтра с утра они будут здесь... Отец, что будем делать?

— А чего делать? Мы должны помочь Харальду и его девушке, — воскликнул младший Скули. — Он же наш брат!

— Я сам знаю, что надо, и у нас есть только наступающая ночь. Сделаем так... — Йенсен объяснил сыновьям и Харальду свой план... — Идите, готовьте лодки, — и, повернувшись к Харальду, произнес: — Мне жаль, племянник, что так получилось, но это все, что мы можем для тебя сделать. Кто этот кривой?

— Это Хоккон, родственник хэрсира Олафа. Это он убил отца и мать.

— Я бы с удовольствием его убил сам, но за это меня казнят наш ярл Эрик Синий. И не только меня, но и моих сыновей. У нас такие строгие законы. Ты прав — мы уже

не свободные викинги, и я не могу так рисковать. Давайте собираться. Харальд, буди свою девушку.

Когда Ингрид проснулась и удивленно посмотрела на Йенсена и его сыновей, Скули, не удержавшись, громко произнес:

— Какая красивая! И я бы за такую любому голову оторвал.

— Прекрати болтать, — одернул его отец. — Идите с Эйдом, готовьте лодку.

— А чего ее готовить? — рассмеялся Скули. — Она готова. Подняли парус и поплыли.

— Тогда чего вы расселись? Плывите и ждите нас у острова Рёмё... Да не забудьте еду, воду, факелы.

— Обижаете, мы же твои дети, — рассмеялся Эйд. И братья, такие же высокие, как их отец, низко пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку, вышли из дома.

Лим-фьорд пересекал весь Ютландский полуостров от пролива Каттегат на востоке, до Северного моря на западе, от которого его отделяла лишь песчаная коса. Иногда, после сильных штормов, косу размывало и фьорд на несколько дней превращался в пролив. Воды фьорда изобиловали мелями и ночью по нему могли плавать только хорошо знающие эти воды рыбаки — Йенсен и его сыновья были именно такими людьми. Эйд и Скули уплыли раньше — они должны были ждать лодку отца в море у одного из Фризских островов, идущих вдоль западного побережья полуострова.

Йенсен оттолкнул лодку от берега и тихо поплыл по фьорду в сторону моря. Ночное небо было чистым и звездным, в свете луны можно было разглядеть берега фьорда. Стояла такая тишина и лодка так быстро и легко плыла под этим звездным небом, что казалось, она вот-вот вырвется в море, как вдруг впереди, в самом узком месте, на обоих берегах фьорда появились люди с факелами.

— Эй! — закричали они. — Приставай к берегу. Проверим, кто в лодке, и отпустим.

— А ты кто? — крикнул в ответ Йенсен.

— Я родственник хэрсира Олафа Красного.

— Не знаю такого хэрсира? Откуда ты?

— Из Швеции.

— Тогда я пристану, чтобы тебя убить!

— Эй, я дружинник ярла Эрика Синего. Приставай, тебе говорят.

— А чего надо ярлу Эрику от простого рыбака?

— Пристань, и я скажу.

— А если не пристану?

— Я тебя убью.

— Ладно, сейчас спущу парус.

— Ты хочешь нас выдать? — тихо спросил Йенсена прячущийся в носу лодки Харальд.

— Никогда! Я же викинг. Лежите и не поднимайтесь.

Йенсен, вместо того чтобы спустить парус, резко поднял его, и лодка быстро поплыла к выходу из фьорда.

— Ах ты... Остановись! Приказываю! Стреляйте, стреляйте же! — закричали на берегу, и в борт лодки с силой вонзились несколько стрел.

— Темно! Ни черта не видно! — кричали на берегу.

— Уйдет!

— Не уйдет, сейчас все увидим!

Лодка уже проплыла самое узкое место, когда с берега, описывая огненную дугу и кувыряясь, полетел горящий факел. Он упал на дно лодки, и сразу она вся осветилась и стал виден сидящий в корме человек.

— Вот он! — вновь истошно закричали на берегу. — Сейчас не уйдет, стреляйте!

Йенсен бросился к факелу, чтобы выбросить его в воду, когда стрела попала ему в спину. Йенсен даже не вскрикнул — упал мертвый на дно лодки. Парус стал заворачиваться, и лодка начала сбавлять ход.

— Я попал в него! — радостно крикнул кто-то на берегу.

— Лежи! — шепнул Харальд Ингрид и, поднявшись, бросился на корму, к рулю, схватил его и выправил лодку. Парус надулся, и лодка стала удаляться от людей на берегу.

— Вот он! — истошно закричали на берегу. При свете факелов было видно изуродованное лицо. — Это он! Стреляйте.

Лодка удалялась.

— Да стреляйте же! — неслось с берега. — Стреляйте по огню. Видно же!

— Держи руль! — крикнул Харальд и бросился к горящему на дне лодки факелу. В его свете юноша увидел лежащий длинный лук. Не замечая капающей на руки горячей смолы, он выбросил факел в воду, схватил лук и, выдернув из тела Йенсена стрелу, выстрелил. Тетива зазвенела, и стрела полетела в сторону освещенного факелами уродливого человека. «А-а-а!» — дико закричали на берегу, и все забегали, размахивая факелами. Ингрид не смогла справиться с тяжелым рулем, и лодка опять стала разворачиваться, но Харальд успел схватить выпавший из ее рук руль и выправил лодку — она запрыгала на волнах, и люди и крики стали удаляться и быстро пропали в легком тумане, наползающем на берег с моря. Лодка вырвалась на простор и поплыла к Фризерским островам — Харальд знал, куда плыть. Через несколько часов они увидели раскачивающийся огонь. Юноша понял — это сигнал, который подают сыновья Йенсена.

Когда лодка ткнулась носом в берег острова, Эйд, не видя отца, тревожно спросил:

— Где отец?

— Вот он, — Харальд показал на тело, лежащее на дне лодки.

— Это наша вина — мы не могли его предупредить, что на выходе из Лим-фьорда люди ярла Эрика, — сказал Эйд.

— Нет, это моя вина, — ответил Харальд. — Он погиб из-за меня.

— Он погиб, как погибают викинги. Нам остается только похоронить его в море и найти убийцу.

— Один из них был Хоккон Кривой, я узнал его. Я выстрелил в него из лука и, кажется, попал, но убил или нет, я не знаю.

— Харальд, возьми лук и переходи с Ингрид в нашу лодку. Здесь все: вода, одежда, еда. Это очень хорошая лодка. Она построена всего год назад и отлично держится во время шторма. Мы на ней уплывали далеко в море и всегда возвращались домой.

— Нет. Отдайте мне эту, старую лодку.

— Ты на ней никуда не доплывешь. Давай, Харальд, переходи и будь счастлив со своей Ингрид.

— А что будет с вами?

— Ничего. Нас уже проверяли и ничего не нашли, и когда мы вернемся, то на нас никто не подумает. Да и мы плывем с моря — чего нас проверять? А про отца, если будут расспрашивать, где он, мы скажем, что он еще два дня назад уплыл на рыбалку. Пойди проверь. А с моря не всегда возвращаются, — грустно закончил Эйд.

Тело Йенсена Длинного опустили в море. Ингрид плакала. Эйд и Скули пожали руку Харальду, и лодки разошлись — одна поплыла домой, а другая дальше в море, в полную неизвестность. В корме лодки сидел синеглазый юноша с развевающимися от ветра белыми волосами, а рядом, прижавшись к его груди, спала рыжеволосая девушка. С черного ночного неба на них удивленно смотрели звезды, а луна, отражаясь на воде серебряной дорожкой, показывала им путь.

Стрела попала в Хоккона Кривого, но ему повезло: чуть-чуть — и она вонзилась бы в его грудь, а так всего лишь пробила насквозь плечо. Ярл Эрик Синий, узнав, что беглецы уплыли в море, а помогавшего им убежать датчанина, по-видимому, убили, решил, что искать больше не будет, и даже пожалел убитого: «Жаль его, смелый, как все датчане!» Поиски прекратились, и ярл Эрик зло сказал уплывающему домой раненому Хоккону:

— Тебе, Хоккон, повезло, что остался живой. Но думаю, этот мальчик все равно вернется и отомстит тебе. Мне сказали, что ты убил его мать, а она была ведьмой. Если бы я сразу узнал об этом, я бы тебя близко на свою землю не пустил. Ты хочешь накликать на нас проклятье ведьмы? Убирайся! И передай моему родственнику Олафу — будь он трижды проклят, — что если он захочет их искать, то пусть ищет сам и не в моих землях. У меня ваших беглецов больше нет. Пошел вон отсюда!.. Эй, отведите Хоккона на его корабль и проследите, чтобы он как можно скорей уплыл, иначе он уже никуда не поплывет — я его убью своим мечом.

В городке Роннебю, в своем большом каменном доме, на покрытом шкурой диковинного зверя — льва каменном троне сидел ярл Юхан Прыщавый и слушал своего хэрсира Олафа Красного. Слушал и не верил своим ушам. Такого позора он еще не испытывал в жизни. Он был так разгневан, что его прыщи еще больше вылезли из кожи и превратили все лицо в красно-гнойную маску.

— Олаф, ты пьян? Ты посмел прийти сюда, чтобы сказать мне, твоему господину, что невеста моего сына убежала с каким-то мальчишкой? Да в своем ли ты уме? Ты хочешь, чтобы я сейчас же приказал отрубить тебе голову? Да после этого моему сыну больше не нужна твоя шлюха-дочь! Но я никому не позволю порочить мое великое имя. Все твои люди — это мои рабы! И ты мой раб! И этот мальчишка мой раб! И твоя дочь принадлежит мне! Ты говоришь, что они убежали в Данию, а оттуда, ранив, отправленного за ними в погоню твоего родственника, уплыли в море? И куда они могли уплыть на простой лодке, да еще глубокой осенью? На другие острова? В другие земли? Куда?

— Я не знаю, ярл Юхан.

— Найди их и убей. Обоих! И головы привези мне.

— Но, мой господин, она же моя дочь. Единственная.

— Выбирай — либо ее голова, либо твоя.

— Я понял, ярл Юхан, — тихо произнес Олаф.

— Если потребуется, плыви хоть до Нормандии. Я напишу письмо герцогу нормандскому д'Артуру с просьбой помочь тебе в поимке беглецов.

— Но как герцог будет мне помогать, если я нападаю на его земли, граблю и убиваю его людей? Он меня казнит.

— Если он отрубит тебе голову — правильно сделает. Кто-то же должен отвечать за нападения на его земли. Хочешь сказать, что я? Нет. Я ярл! Мы с герцогом д'Артуром родственники, у нас с ним один предок — великий викинг Роллон, и мы всегда будем помогать друг другу, потому что мы властители в этом мире и никогда не позволим своим рабам поднимать руку на то, что принадлежит нам, иначе этот мир рухнет. Иди, готовь корабль и плыви в Нормандию, и чем быстрее ты отправишься, тем лучше будет для

тебя. Я отправляю с тобой моего сына Гнупа — пусть он отомстит за мой и его позор.

— Но корабль может утонуть — никто в такое время не выходит далеко в море, а тут плыть до Нормандии.

— До Нормандии ты, Олаф, еще проверишь множество других земель. Они могут спрятаться где угодно. Пошел вон, и если я узнаю, что ты не уплыл, я не поленюсь и сам приеду в твою вонючую деревню, и тогда ты уже никуда не поплывешь. Ты поплывешь, но мертвый, кормить рыб.

Когда Олаф Красный ушел, к ярлу подошел огромный рыжеволосый молодой человек. У него, как и у Юхана, все лицо было покрыто прыщами.

— Гнуп, найдешь своего обидчика и убьешь его, — закричал Юхан. — И эту суку, вздумавшую опозорить тебя, убей. А их головы привези сюда и брось к моим ногам, чтобы я мог плюнуть в их глаза... А голову этого предателя — ее отца брось там, пусть ее съедят собаки. Иди и не забудь вернуться. А я пока найду тебе другую невесту.

— Отец, я их убью, но разве нельзя для этого доставить их сюда?

— Э-э, ты о чем?

— Я не хочу плыть на корабле, сейчас, во время зимних штормов.

— О, одноглазый Один! Ты слышишь, что говорит сын ярла викингов? Он боится моря! Я исходил все моря вдоль и поперек, я нападал и убивал сотни людей, только чтобы быть достойным называться викингом. Я убил своего отца и своего старшего брата, только чтобы стать ярлом земли Блекинге, а мой сын говорит, что он боится моря! Уйди с моих глаз и не возвращайся, не отомстив.

III

Давным-давно наводивший на всех ужас викинг Роллон, по прозвищу Хрольф Пешеход, стал первым герцогом Нормандии и удостоился невиданной чести — быть похороненным в Руанском соборе, а война на завоеванном им побережье все не утихала. Дрались потомки викингов, что

жили в Нормандии и в Англии. Не на жизнь, а на смерть дрались и ненавидели друг друга. Да еще набег с исторической северной родины, пусть одиночные, небольшие, но неприятные и раздражающие.

В маленькой рыбацкой деревне Дьепп, что стоит у впадения реки Теллы в море, в разгар зимы появились юноша и девушка; откуда и как они приплыли, они никому не рассказывали, но по лодке и рваному парусу и так было понятно, что плыли они долго и по беспокойному морю. Жители Дьеппа были рыбаками, но и они удивились, что в такое время, на таком утлом суденышке можно плыть по морю, и приняли молодых людей очень радушно. Те сняли комнатку в доме одинокой старухи Эрны; ее муж и сын несколько лет назад утонули в море, и она была рада поселить их у себя — не столько из-за денег и рыбы, которые они обещали ей отдавать за кров, сколько ради общения, и с первого дня, как они поселились у нее, перестала плакать, а на старом лице ее вновь появилась улыбка. Юноша стал, как все мужчины Дьеппа, ловить рыбу в море, и это у него получалось столь ловко, что он быстро завоевал уважение у местных рыбаков и его прозвали Харальд Умелый, но глядя на необычный цвет его волос, улыбнувшись, все-таки добавляли: Солнечный.

Так прошло несколько месяцев. Наступила весна, теплое солнце каждый день с утра бегало по морским волнам. Рыба ловилась хорошо, и все в деревне были счастливы. Харальд и Ингрид ждали ребенка... Но однажды запыхавшаяся старуха Эрна вбежала в свой дом и, схватив Ингрид за руку, озираясь, как будто кто-то гнался за ней, зашептала:

— Слух идет, что по всему побережью люди герцога ищут двух молодых людей, которые могли приплыть сюда зимой. И что у юноши необычного цвета волосы и синие глаза, а девушка рыжеволосая и зеленоглазая, и что они беглецы и убийцы. Это про вас? Когда Харальд должен вернуться с моря?

— Я не знаю, — испугалась Ингрид. — Может, завтра, может, через день. Сейчас светло, и он уплывает далеко в море.

— Я боюсь, что кто-нибудь из наших, деревенских, расскажет о вас людям герцога. Все же боятся — за сокрытие преступников у нас полагается смерть.

— Что же делать, Эрна?

— Вам надо бежать, и как можно скорее, но я не знаю, как предупредить Харальда...

— И я не знаю. Ах, как мне страшно.

— Возьми еды и уходи в дюны. Если они придут сюда и никого не найдут, то уйдут. Зачем им одинокая бедная старуха?

— Но если на тебя кто-нибудь укажет, то тебя казнят?

— Дай Бог, все обойдется. Ну чего ты стоишь? Уходи скорее!

Герцог нормандский Жак д'Арктур, большой и сильный, как все потомки Роллона, совсем еще не старик, сидел на украшенном золотом резном деревянном троне в своем замке в Руане и презрительно смотрел на стоявших перед ним людей.

— С чего это я, герцог Нормандии, буду помогать твоему ярлу Юхану? Его люди нападают на мои земли, а я ему должен помогать? Да я вас самих сейчас же прикажу распять на крестах. Вы же варвары! — перед герцогом стояли Олаф Красный и сын ярла Юхана Гнуп. — А ты, значит, Прыщавого сын? Такой же прыщавый, как он, — д'Арктур рассмеялся. — Я твоего отца, конечно, знаю. Я и деда твоего знал, пока Юхан своими руками его не убил. И своего брата старшего тоже убил. Вот что, варвары: забирайте свою бумажку — кстати, кто ее писал? Мне прочли и долго смеялись, столь, говорят, безграмотный человек начертил эти строки. У вас там что, совсем никто писать не умеет? У меня тоже писать не умеют — не наше это дело, но хотя бы одного умного человечка для таких дел иметь надо. Все-таки Юхан — ярл! Ну что это? — герцог потряс бумагой. — Какие-то корявые буквы в вашем письме. Идите отсюда, пока я добр.

Герцог взял с блюда баранью кость и стал с жадностью разгрызать ее — затрещали хрящи.

— Так убийцы они, — плаксиво произнес Гнуп. — Если бы от тебя, герцог, к нам убийцы прибежали, неужели бы мы стали их скрывать? Поймали бы и выдали.

— А ты, прыщавый, не такой уж и дурак — в отца. А ты... как тебя... Олаф, что молчишь?

— Так девка-то убежавшая — его дочь! — вскрикнул Гнуп.

— Вот как?! И ты, Олаф, приплыл, чтобы дочку поймаешь и смерти предать? Да-а, — закачал головой герцог, — ты хороший слуга у своего господина. Но ты не викинг. Собственную дочь для казни ловить... И кого они убили?

— Они в датские земли убежали, а когда их почти поймали, парень этот, Харальд, убил стрелой Хоккона — родственника Олафа, — соврал Гнуп и поглядел на Олафа. Тот, опустив голову, промолчал.

— Правильно и сделал, вот он — викинг! Как это — свою женщину, да другому отдать? Ты, Олаф, кому дочку-то обещал?

— А вот ему и обещал, — Олаф показал на Гнупа.

— Как?! Так она твоя невеста?! У тебя, сына ярла Юхана, девку из-под носа увели? Ха-ха-ха! Ей-богу, надо бы посмотреть на этого молодца... Ну и с чего вы решили, что они в моих землях? Сами говорите, что произошло все осенью, почти зимой — как же они смогли бы доплыть в такое время до Нормандии? Может, они у германцев? А если доплыл до Нормандии, то ваш беглец настоящий викинг.

— Он знает, как к тебе плыть, он участвовал в набегах на твои земли, — сказал Гнуп.

— Вот как! Тогда я его сам поймаю и казню. Сколько ему лет?

— Кажется, семнадцать.

— Ого, молод. Хорошо, я дам вам своих людей и найдите его. Но не убивайте, а приведите ко мне. Я хочу на него посмотреть, а там решим, что с ним делать. Я решу. Понятно?

— Но отец приказал привезти их головы, — сказал Гнуп.

— Здесь моя земля, а не ярла Юхана. Здесь все решаю я! И только попробуй послушаться моей воли. С вами поедет барон де Кантелу, — герцог повернулся к воину в доспехах. — Барон, помоги им поймать этих беглецов и приведи этого мальчишку ко мне.

— А девчонку? — спросил де Кантелу.

— Пусть живет.

— Но-о... она моя... — замычал Гнуп.

— Ты, прыщавый Гнуп, заткнись. Тебе нужен обидчик, вот и ищи обидчика. А у девки отец имеется, и он сам решит, что с ней делать: казнить или миловать. Я ему разрешаю, а не тебе. Вы что, по всей моей Нормандии искать будете?

— Можно и по всей, но он жил на берегу моря и ничего не умеет, кроме как ловить рыбу. Так что будем искать на побережье, — ответил Олаф. — А за дочь, герцог, спасибо.

— Ты ее вначале найди.

Искали день за днем, неделю за неделей, в каждом городке, каждой деревне. И в Дьепп приходили и ничего не нашли. В конце концов барон де Кантелу разозлился:

— Хватит! Нет их в Нормандии. Поезжайте куда хотите, а я с моими людьми возвращаюсь в Руан.

Так бы и произошло, если бы случайный рыбак на берегу, — ему Гнуп пригрозил мечом — не сказал, что слышал, как зимой к деревне Дьепп вынесло лодку с двумя еле живыми людьми.

— Ну и что? — спросил с неохотой уставший от поисков барон де Кантелу. Ему все надоело и хотелось домой.

— Конечно, у нас много лодок с людьми выносит, но всегда с мертвыми, а тут живые и, говорят, у юноши были необычные белые волосы... — сказал рыбак.

— Он! — крикнул Гнуп.

— Поворачиваем на Дьепп, — зло приказал де Кантелу.

Увидев всадников, жители рыбацкой деревеньки стали прятаться в домах, но двери взламывали, их вытаскивали и, угрожая оружием, требовали показать, где скрываются приплывшие зимой двое молодых людей. Никто не врал — показывали на стоявший с края деревни, у

песчаных дюн маленький домик старухи Эрны. Упирающуюся, воющую от страха Эрну за волосы выволокли из дома и, привязав к столбу, на котором рыбаки сушат сети, начали допрашивать:

— Говори, старуха, где скрываются двое беглецов, что ты спрятала в своем доме? — заорал Гнуп.

Эрна только выла. Ее стали бить плетью; старая рубашка лопалась от ударов, и по худому телу потекла кровь.

— Говори, ведьма, или сдохнешь! — продолжал кричать Гнуп и, выхватив у воина плетть, сам стал хлестать старуху. — Говори, иначе сождем твою хибару.

Эрна изгибалась и выла под ударами.

И тут из-за песчаных дюн вышла рыжеволосая девушка и пошла к пытавшим старуху людям. Все посмотрели в ее сторону.

— Не трогайте Эрну. Я Ингрид, — крикнула девушка.

— Зачем ты это сделала? Беги! — прохрипела Эрна и заплакала.

— Где Харальд? — Гнуп замахнулся плетью на подошедшую девушку.

— Не смей! — хэрсир Олаф схватил Гнупа за руку. — Не смей ее бить! Это моя дочь, и она принадлежит мне. Так сказал герцог д'Арктур.

— Что?! — взревел Гнуп и с размаху ударил Олафа плетью по лицу. Кровавая полоса пересекла щеку хэрсира. Олаф схватился руками за изуродованное лицо — сквозь пальцы потекла кровь, а Гнуп выхватил свой меч и ударил Олафа в грудь; тот вскрикнул и упал мертвый.

— А сейчас она принадлежит только мне, — произнес с угрозой Гнуп. — Слышите — только мне!

— Отец! — закричала Ингрид и, рыдая, упала на мертвое тело Олафа.

— Нехорошо ты поступил, Гнуп, — это не твоя земля, — сказал барон де Кантелу. — Сделаем так: забираем девчонку, а ты, старуха, скажешь Харальду, что она у герцога д'Аркура в Руанском замке. Пусть сам придет, либо мы ее казним... Эй, свяжите девчонку, посадите на лошадь, да осторожней — она все-таки дочь дворянина, пусть и не

французского, да, кажись, еще и беременна... Черт, надоело тратить столько времени на поимку двух каких-то беглецов.

Ближе к ночи с моря вернулся Харальд, довольный хорошим уловом. Ингрид не вышла его встречать, и у юноши тревожно забилося сердце. Света в доме не было, в углу кто-то стонал и Харальд, нащупав на столе оплавленную свечу, зажег ее и со страхом посмотрел туда, откуда доносились страшные звуки. Он очень боялся увидеть умирающую в родах Ингрид. На лавке лежала животом вниз Эрна и плакала.

— Что случилось, Эрна? Где Ингрид?

— Приходили люди герцога, — сквозь слезы заговорила старуха, — и с ними люди какого-то ярла. Они схватили Ингрид, а люди ярла стали ругаться между собой, и один убил другого. А Ингрид так рыдала над убитым, что я поняла — это был ее отец.

— Убили Олафа Красного?!

— Убил какой-то молодой, огромный, рыжий и весь в прыщах. Это он меня бил, чтобы я рассказала, где ты.

— Наверное, это Гнуп, сын ярла Юхана?

— Правда, правда, они называли его Гнупом. Они сказали, что повезли Ингрид в замок герцога в Руан и если ты не придешь, то ее казнят, — старуха опять завывала.

— Потерпи, я сейчас вернусь, — сказал Харальд и вышел из дома. Юноша не плакал над убитым Олафом, но и не проклинал его. Он вырыл могилу и похоронил отца Ингрид, а когда вернулся, старуха уже сидела на лавке и, мотая головой, плача приговаривала:

— Звери они. Разве можно так бить старуху? У них же, наверное, есть свои матери?

— У них нет матерей. Ты правильно сказала: они звери! — произнес Харальд. — Эрна, извини нас. Я уйду в замок к герцогу и знаю, что уже не вернусь. Но я постараюсь, чтобы вернулась Ингрид.

Харальд снял с шеи и протянул женщине золотой медальон.

— Возьми. Если Ингрид вернется — это ее. Если нет — это тебе за твою доброту. У меня, кроме Ингрид, никого больше нет. Прощай, Эрн.

От Дьеппа до Руана три дня пути, а Харальд прошел его за два — он почти бежал, и сейчас перед герцогом нормандским Жаком д'Арктуром стоял юноша с необычными белыми с медными кончиками волосами и спокойно смотрел на герцога своими синими глазами.

— Тебе правда семнадцать лет? Выглядишь ты старше, — сказал герцог.

— Да, мне семнадцать лет, — ответил юноша.

— Правда, что ты участвовал в нападениях на мои земли?

— Да, правда. Я участвовал в двух плаваниях.

— Ты смелый или глупый? Любой бы на твоем месте, стал врать, что он не участвовал в разбоях или что был простым гребцом.

— А я и был гребцом.

— Но людей убивал?

— Не скрою — убивал.

— И все-таки убежал со своей девчонкой в мои земли?

— Да. У тебя прекрасная земля. И все месяцы, которые мы с Ингрид жили здесь, в Дьеппе, я ловил рыбу и мы были счастливы.

— Говорят, что ты убил родственника хэрсира Олафа?

— Если тогда в Дании, стрелой, я убил Хоккона Кривого, то я рад. Он убил моих родителей.

— Тогда ты правильно сделал. А знаешь ли ты, что отца твоей девчонки убил ее жених, сын ярла Юхана?

— Знаю. Мне сказали.

— Ну и что мне с тобой делать?

— Я в твоей власти господин, но прошу тебя об одном — отпусти мою жену. Она ждет ребенка.

— Она тебе не жена, и ее хочет забрать с собой сын ярла Юхана. И тебя он тоже требует отдать ему. Вот я и думаю, что же мне с тобой делать? Ты мне нравишься — ты похож на викинга.

— Если ты считаешь, что я викинг, то прикажи нам с сыном Юхана сразиться на мечах, как мужчине с женщиной.

— Но ты еще не мужчина! Ты мальчишка, да и он сын ярла, а ты простой рыбак.

— Я не просто рыбак, я викинг и сын викинга! Мои предки плавали даже в те земли, где живут желтолицые люди. А Ингрид — моя жена и ждет ребенка от меня. И если ты еепустишь, то на твоей земле будут жить новые твои люди.

— Умно! Ну что, Гнуп, — обратился герцог к стоявшему в стороне рыжему великану, — сразишься с этим мальчишкой? Он называет себя викингом, а ты-то себя кем считаешь?

— Он мой раб, и я должен его казнить.

— Не ври! Викинги никогда не были рабами! Если бы они были рабами, они никогда бы не завоевали эту землю. Ее смогли завоевать только смелые и храбрые воины во главе с моим предком Роллоном! Ну так что, сразишься? Если убьешь его — заберешь девчонку и что хочешь потом с ней делай: увози с собой, отдай моим воинам, можешь даже взять себе в жены, — герцог рассмеялся. — И детей не надо делать — готовые есть. Ты поступил нечестно по отношению ко мне — убил Олафа, и не в поединке, а подло ударил его мечом. Мне все рассказал барон де Кантелу. Так что дерись и докажи, что ты викинг, — закончил с угрозой герцог.

— Хорошо, я разрублю его пополам одним ударом моего меча!

— Вот и прекрасно! Эй, ведите мальчишку во двор... Сейчас повеселимся.

Круглая площадь замка была покрыта большими каменными плитами, а по краю, полукругом, шли в два ряда каменные скамьи. Отдельно стоял каменный трон, устланный шкурами зверей. Все говорило о том, что здесь проводились поединки рыцарей. В середине площади стояли Харальд и Гнуп. У каждого был тяжелый меч и деревянный щит, обшитый кожей и прибитыми гвоздями

металлическими пластинами. На Гнупе была тяжелая кожаная куртка и металлический шлем, на Харальде была одна рубашка.

— Неравно одеты, — сказал герцог, — дайте мальчишке куртку... Впрочем, не надо, все-таки Гнуп сын ярла... — и крикнул Харальду: — Эй, мальчишка, умри, как викинг!

— Я сделаю с тобой то, что не смог Хоккон. Я привезу твою голову в Бальгедер и покажу ему, как надо убивать своих врагов, — крикнул Гнуп.

— Так он еще жив? — удивился Харальд.

— А ты думал, что его убил? Нет, стрела пробила плечо, а так он был бы здесь и на коленях умолял меня подарить этот поединок ему. Прощайся с жизнью, раб!

— Попробуй ее взять!

Противники сошлись, и первым ударил Гнуп. Удар был столь силен, что щит Харальда развалился на две части; любой другой противник упал бы сраженный, но юноша только пошатнулся. Он отбросил в сторону обломки щита и нанес свой удар. Произошло что-то невероятное — его меч разрубил щит и рассек Гнупа от левого плеча, наискосок, через всю грудь. Герцог и все присутствующие на поединке, закричали: «Ах!» — и вскочили со своих мест. Мертвый, рассеченный поперек Гнуп лежал, и кровь струями выливалось из его тела на каменные плиты.

— Вот это удар! — крикнул герцог. — Ты, мальчишка, где научился так сражаться?

— Моего отца звали Бьорг Сильный. А я в него.

— Да-а, я такого удара никогда еще не видел. Ай да мальчишка, ай да викинг! Смотрите все — вот как надо драться! Пойдешь ко мне служить?

— Нет.

— Как ты смеешь мне отказывать? Я за это прикажу тебя повесить. Эй... связать его!

— Мой господин, — спокойным голосом произнес юноша, — если я останусь у тебя, то уже не мне, а тебе будет мстить ярл Юхан за своего сына. Отпусти меня с Ингрид, и я уйду с твоей земли. Я хочу быть рыбаком, а вот мои дети пусть выбирают свой путь.

— Я, конечно, не боюсь какого-то ярла Юхана, но ты сказал прямо и честно. За доставленное мне удовольствие увидеть такой прекрасный удар мечом можешь забрать девочку — она твоя и уходи. Даю тебе четыре дня, чтобы ты исчез из моей Нормандии. Не уйдешь — я и тебя, и ее прикажу повесить, здесь, на этой площади, — герцог повернулся к людям ярла Юхана. — Слышите? Ярлу Юхану так и передайте, что мальчишка завоевал свободу в честном бою. Забирайте труп. Хотите, везите домой, нет — хороните в поле за городом, он не заслужил быть похороненным, как викинг. Да унесите побыстрее, а то он вот-вот завоняет... Ах, какой прекрасный удар! А ты, юноша, за то, что я тебе дарую свободу, дай мне клятву, что каждый старший сын в твоём роду будет служить воином у нас, герцогов нормандских, пока за свою службу сами не станут дворянами. Нам, нормандцам, предстоят великие битвы и великие завоевания... Клянись!

— Я клянусь, господин, что так будет! И еще клянусь, что вернусь на свою родину, чтобы отомстить за своих родителей. Хоккон-то оказывается жив!

— И правильно сделаешь. Для мести нет забвения. Иди и не забудь о том, что ты здесь мне обещал.

— Я викинг и дважды клятву не даю!

— Согласен, ты — викинг!

Через три дня Харальд и Ингрид прощались с Эрной. Та, еле-еле ковыляя, пришла на берег.

— Спасибо тебе, Эрна, — сказала Ингрид и, обнимая, заплакала на плече старухи.

— Куда вы теперь? — спросила Эрна.

— Не знаем, — ответил Харальд. — Поплывем дальше вдоль берега. Говорят, через десять дней плавания, за мысом, где маленький город Шербур, земля герцога заканчивается. Прощай, Эрна.

— Постой, Харальд, — старуха протянула руку — на ладони лежал золотой медальон. — Он же твой.

— Что ты, Эрна — он твой. Ты так много сделала для нас.

— Мне он не нужен, а для тебя это память о своей земле и своих родителях. Передашь своим детям... Прощайте...

— Прощай, Эрна.

Харальд взял на руки Ингрид и перенес ее в лодку. Поднялся парус, и лодка поплыла в море... Солнце играло на волнах, а на берегу стояла старая, сгорбленная старуха и плакала.

IV

Шли дни и недели, светило солнце и лили дожди, лодка приставала к берегу, а потом вновь над ней поднимался парус и она плыла по морю. Что двигало двумя молодыми людьми? Почему они не решались остановиться насовсем, а плыли дальше? За ними давно уже не гнались — они плыли вдоль берегов Бретани, а потом им повезло: море Ируаз было спокойным и перед ними открылся огромный Бискайский залив. Они остановились в маленьком рыбацком поселке Сен-Назер. Это было необыкновенно красивое место в месте впадения реки Луары в море и они решили остаться здесь жить, но прожив две недели вдруг, как будто чего-то испугавшись, сели в лодку и поплыли дальше.

В утренний летний день Атлантический океан был спокоен, солнце пробивало изумрудную воду на всю глубину, до самого дна, где резвились стаи рыб, когда в пролив между материком и большим, уходящим далеко в море островом вплыла парусная лодка и сидевший в корме юноша поднялся и, показывая вперед рукой, хрипло крикнул:

— Там люди, Ингрид! Люди!

Юноша повернул руль и парус, как будто чувствуя конец тяжелого пути, напрягся, и лодка, запрыгав по волнам, устремилась вперед, к берегу, где стояли домики небольшой деревни и стояли люди. Нос лодки прошуршал по песку, парус повис рваной тряпкой, и беловолосый юноша, подняв на руки девушку, ступил на берег. Встав на твердую землю, он закачался, и девушка крепче обхватила его шею руками. Лица обоих были усталые, кожа обгорела от солнца, а одежда висела лохмотьями. Дырявое платье обтягивало выпуклый живот девушки. Жители деревни, все черноволосые и кареглазые, удивленно, без страха рас-

сматривали приплывших — те были значительно выше ростом, у девушки были огненно-рыжие волосы и зеленые глаза, а у юноши волосы были необычного белого цвета с медного цвета кончиками, а глаза синими, как море. Стоявший в толпе маленький мальчик показал рукой на юношу и крикнул: «Солей!» — и все стоявшие на берегу люди заулыбались и стали кивать головами, тоже показывать на юношу и радостно повторять: «Солей, Солей!» — и непонятно было, что они называли солнцем: необычный цвет волос юноши или выглядывающий из-под его рваной рубахи золотой круглый медальон. А вокруг было так тихо, красиво и тепло...

Из толпы вышел седой старик и, показав рукой в сторону домов, сказал:

— Пойдем!

Люди расступились, пропуская юношу с девушкой на руках, и он пошел по белому теплomu песку, а старик вновь показал рукой на домики:

— Ла-Рошель.

— Ла-Рошель, — повторил за ним юноша, еще сильнее обнял девушку и сказал: — Ингрид, кажется, наши мучения закончились. Это, наверное, и есть та земля, куда мы стремились все эти дни и недели.

— Слава богу! — устало произнесла девушка. — Харальд, я думала, что рожу в море. Ла-Рошель — как это красиво звучит. Какое мягкое и доброе название у этой земли. Харальд, неужели мы приплыли?

— Я думаю, Ингрид, мы наконец-то приплыли домой, — ответил юноша.

Они шли мимо жителей поселка, и те приветливо кивали им головами, а некоторые похлопывали Харальда по спине — выше они достать не могли. Мальчишки же бежали рядом и весело кричали:

— Солей! Солей...

* * *

Через два месяца, осенью, у Харальда и Ингрид родился мальчик, которого отнесли в маленькую церковь в центре

рыбачкой деревни и крестили. Харальд, передавая ребенка священнику, тихо произнес:

— Я хочу назвать своего сына, как называют первых сыновей в той стране, откуда мы приплыли: по имени деда — Бьоргом и по первому слову, которое мы услышали на вашей прекрасной земле, — Солей. И пусть он будет первым французом в нашем роду.

— Да будет так! — торжественно и громко произнес священник. — Нареем тебя, новый человек, Бьорг Солей! И восславим за это Господа нашего, Иисуса Христа!

У мальчика были необычного цвета волосы: белые с красными кончиками и большие, синие, как море, глаза.

V

Восемнадцатилетний Бьорг Солей стоял перед герцогом Нормандским Жаком д'Арктуром в донжоне замка города Кан.

— А я, как тебя увидел, так сразу вспомнил твоего отца. Викинг! Скажи, ты так же силен, как твой отец?

— Господин герцог хочет меня проверить?

— Эй, принесите сюда подкову, — крикнул герцог и, когда приказ был исполнен, рассмеялся: — Ну, попробуй сломать!

Юноша взял подкову и легко разогнул ее — подкова сломалась.

— А-а, какой силач! — закричал герцог. — Я помню, как твой отец одним ударом меча разрубил своего врага. Я больше никогда не видел такого удара. Ты, видимо, такой же.

— Господин герцог, я простой рыбак и не умею сражаться мечом.

— Ладно, научим. А как рыбак ты еще пригодишься. Но что ты еще умеешь?

— Умею стрелять из лука и немного читать и писать. Отец заставил. Но я не любил учиться. Младший брат Франсуа — тот да, очень грамотный.

— Это не страшно, я тоже не умею читать и писать. Для этого есть писари. Будешь лучником. Но все-таки скажи: почему ты пришел ко мне?

— Отец исполняет обещание за ту милость, которую вы оказали ему девятнадцать лет назад. Да и мне самому не очень хочется быть простым рыбаком.

— То, что твой отец давал мне клятву, я помню, но был уверен, что он никогда ее не выполнит, потому что погиб. Его потом года три по всей Нормандии искали люди ярла Юхана Прыщавого. И где же твой отец?

— В Ла-Рошели.

— Где? Не может быть! Как он смог доплыть до Аквитании? Впрочем, правильно, что так далеко уплыл, иначе его бы нашли. Большая ли у него семья?

— Я, брат и сестра. Я старший. А мать умерла семь лет назад.

— Ну, твой отец еще молодой, так что у тебя еще будут братья и сестры.

— Я не уверен. Отец очень любил маму.

— Любовь — это выдумка для дураков. Мне уже много лет, но я все еще не прочь поразвлечься с женщинами. От этого только сил прибавляется и чувствуешь себя молодым. Нет, зря твой отец не остался у меня служить — из него получился бы хороший воин. А ты хочешь стать хорошим воином?

— Да, господин герцог.

— Ну что ж, служи.

— Герцог, отдайте его мне, — сказал высокий, с проседью в черных волосах мужчина лет сорока, с орлиным носом и жестким взглядом умных карих глаз; на его плечи был накинут красный плащ, а на богато украшенном поясе висел короткий меч. — Я его отца тоже помню и тот великолепный удар мечом помню.

— Точно, это же ты поймал тогда беглеца.

— Насколько я помню, он сам пришел в Руан.

— Пусть будет так. Тебя, Бьорг, я определяю служить у барона де Кантелу. И да здравствует Нормандия!

— А как я должен отвечать? — спросил юноша.

— Кричи в ответ: «Да здравствует Нормандия!»

— Да здравствует Нормандия! — крикнул юноша, и его сильный и звонкий голос пронесся эхом под сводами замка.

— Черт, ты меня оглушил, — рассмеялся герцог. — Может, тебя отправить певчим в церковный хор Руанского собора? Или лучше поставить на нос корабля, когда мы подплывем к берегам Англии, и ты своим криком распугаешь всех англичан. Забирай его, барон. По-моему, из этого парня получится хороший воин.

— Я надеюсь, — ответил де Кантелу и сказал юноше: — Пошли, Солей, я отведу тебя к лучникам.

— Иди, Солей и старайся быть лучшим — впереди Англия! Вот где понадобится твоя сила, — произнес герцог д'Арктур. — Когда я вновь приеду в Кан, я обязательно проверю, чему ты научился.

— Спасибо, господин герцог, — ответил юноша. Он ни разу не поклонился — не знал как и не умел.

Бьорг был определен в отряд лучников и с утра до вечера учился стрелять в круглые деревянные мишени. Вначале, как все, с расстояния в пятьдесят шагов, но сразу стал попадать в центр мишени, и стрелы с такой силой вонзались в деревянные щиты, что пробивали их насквозь. Старый воин-лучник, что учил новобранцев, смотрел-смотрел, как Солей раз за разом посылает стрелу в центр мишени, покачал головой и принес очень длинный лук с такими же длинными стрелами.

— Это английский лук. Я когда-то из него хорошо стрелял, но сейчас уже не могу — силы не те. Он как раз для тебя, — и приказал перенести мишень еще на пятьдесят шагов.

— Вот расстояние, с которого ты должен поражать врагов, — сказал старик.

И Солей продолжал учиться стрелять, но уже отдельно от других новобранцев. А старый лучник все дальше и дальше отодвигал мишень, а потом привел маленького мальчика.

— Ты, Солей, слишком много времени тратишь на собирание стрел. Этого мальчишку зовут Якоб. Я его выпро-

сил для тебя у барона де Кантелу. Отныне он твой слуга. Он будет носить твой лук, собирать стрелы и защищать тебя щитом.

— Как защищать — он же ребенок?! Да он и щит-то не поднимет, — воскликнул Солей.

— Если он этого не сможет, я его отправлю обратно. Его родители — бедные крестьяне, и для него быть твоим слугой — единственная возможность не сдохнуть с голоду. Так что ты его не жалеяй, ему повезло — он сыт! А если он тебе не понравился, я его сейчас отправлю обратно и выпрошу другого.

Перед Бьоргом стоял худой, босоногий, в рваной одежде мальчик, и лицо и глаза его говорили, что он давно сытно не ел.

— Пусть остается, — сказал Солей.

— Но запомни, Солей: кормить его будешь ты и герцог в любое время может его у тебя забрать. Он принадлежит ему.

Учились стрелять неделю за неделей, каждый день с утра до позднего вечера, в любую погоду, и Солей стал лучшим лучником — никто не мог, как он, стрелять с двухсот шагов и попадать в центр мишени. Его только спрашивали другие лучники:

— Бьорг, как ты можешь видеть эту мишень?

— Так я же рыбак, — отвечал он. Как попасть стрелой с такого расстояния, уже не спрашивали — никто не стремился это даже попробовать.

Когда герцог д'Арктур с сыном Жаном и большой свитой вновь приехал в Кан, барон де Кантелу устроил для герцога смотр: пехотинцы показали, как они умеют, прикрывшись щитами, идти строем, ловко взбираться по лестницам на стены, сражаться на мечах, а лучники за пятьдесят шагов поражали круглые мишени. Герцог и свита радовались и восхищались. Но когда одну из мишеней отнесли на две сотни шагов — так далеко, что, казалось, ее и рассмотреть-то трудно, — вышел Бьорг Солей с развевающимися на ветру белыми волосами и из длинного лука попал стрелой в

центр мишени. Все захлопали в ладоши и удивленно закричали:

— Викинг! Боже, настоящий викинг! А какая рука!

Герцог д'Арктур, показывая на юношу, хвастливо говорил:

— Он сын того мальчишки, что двадцать лет назад одним ударом разрубил пополам противника вместе со щитом. Эх, мне бы сотню таких воинов, я бы не только завоевал Англию, но и с королем Людовиком разбил бы всех мавров в далекой Палестине... Вперед, на Англию! Бойся, граф Девон, я иду разорять твои земли! Да здравствует Нормандия!

И все вокруг герцога закричали: «Вперед, на Англию! Убьем англичан! Бойся нас, Девон! Да здравствует Нормандия!»

Совсем недалеко от грозно кричавших французских воинов — в церкви Сен-Этьен покоился прах Вильгельма Завоевателя, основателя Англии и первого ее короля!

А на другом берегу пролива Ла-Манш, разделявшего две земли, жили люди, в жилах которых текла кровь таких же викингов, но только они кричали: «Да здравствует Англия! Бойся, Нормандия! Бойся нас, герцог д'Арктур!»

На французском берегу в руках воинов были мечи, а на английском — самые мощные в мире луки.

Вечером герцог пировал в замке города Кан.

— Конечно, — говорил д'Арктур, — самое простое — это переплыть Па-де-Кале и напасть на Лондон. Но я понимаю: рано! У меня еще нет сил, чтобы захватить Лондон. Но рано — не поздно, Лондон еще падет под ударами наших мечей. Я нападую на Эксетер. Мой родственник, граф Девонширский, и не подозревает, что я нападую на него. Да... И лучше бы плыть туда из Шербура, но у нас нет там кораблей. Все корабли в Руане, а значит, мы приплывем на них сюда и заберем твоих солдат, де Кантелу. Когда-нибудь и Кан станет портом, а пока потопашь к морю ножками. И не забудь прихватить с собой девиз этого прекрасного города. Напомни, барон.

— Один Бог, один Король, одна Вера, один Закон!

— Барон, надеюсь, король — это я? — спросил д'Арктур.

— Да, герцог.

— А то, — засмеялся герцог, — король французский Людовик все меня спрашивает, что это за девиз и о каком короле в нем говорится?

— И что вы отвечаете? — засмеялись сидевшие за столами красиво одетые рыцари.

— Приходится врать, что это про него, и Людовик принимает эту ложь за правду. Впрочем, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А вы знаете, что Людовик собирается в крестовый поход? — сразу наступило напряженное молчание. Герцог обвел всех строгим взглядом, а потом рассмеялся и произнес: — Не напрягайтесь. Это произойдет не сегодня и не завтра, но поход обязательно будет. И вы как рыцари, конечно, будете в нем участвовать. Не зря же Людовик хочет, чтобы его еще при жизни называли Святым.

— Будем участвовать! — закричали рыцари.

— Но вначале разберемся с Эксетером, — сказал герцог.

— Разберемся с Эксетером! Разберемся с графом Девонном! — громко повторили за герцогом рыцари.

Через три недели к пустынному берегу пристали несколько кораблей и десятки рыцарей со своими оруженосцами, сотни солдат и лучников, пришедшие сюда из Кана, стали подниматься на них по деревянным шатающимся сходням. Заводили на палубы и рвущих в кровь свои губы лошадей, которые падали со скользких досок, ломая ноги.

Солей завернул в баранью шкуру лук и стрелы и, вытираив свои синие глаза, пригрозил Якобу:

— Если ты его утеряешь или он намокнет, я тебя выброшу в море!

У мальчика от ужаса из глаз побежали слезы.

На середине Ла-Манша задул сильный, переходящий в шторм ветер, и корабли стало швырять на волнах, как щепки, паруса рвались. Всем стало страшно, солдаты блевали и молились, лошади ломали стойла, прыгали в воду

и, жалобно поржав, тонули, а набранные в портовых тавернах капитаны и кормчие не могли справиться с ветром; небольшие, с плоскими днищами корабли разворачивало, и под ударами волн они переворачивались. Находившиеся в них солдаты прыгали в бушующее море, махали руками, истошно призывая на помощь, но недолго — их головы скрывались под водой. Суденышко, на котором плыл Солей, тоже было обречено; когда кормчий неумелой рукой повернул его бортом к волне, судно, накренившись, зачерпнуло воду и было готово вот-вот перевернуться. Все в ужасе закричали, а Солей бросился на корму, оттолкнув кормчего, схватился за тяжелый румпель руля и невероятным усилием — толстое дерево затрещало — развернул корабль по ветру; тот выпрямился и запрыгал по волнам. Капитаны кораблей тоже стали разворачивать суда по ветру, на запад, и устремились к полуострову Котантен, на краешке которого примостилась крепость Шербур. Одни суда утонули, другие выбросило на песчаный берег полуострова Котантен. Корабль герцога Нормандского доплыл до Шербура, и измученного штормом старика на руках снесли с корабля на берег, где он, проклиная всех, крикнул: «С меня хватит!» — и уехал в Руан.

Когда шторм стих, барон де Кантелу отправил вдоль берега отряд из солдат, куда попал и Солей. Они стаскивали в море выброшенные суда, благо большинство из них имели плоские днища, после чего, кое-как заделав пробоины, чтобы не утонуть, вели их в Шербур.

Несколько недель на кораблях ремонтировались, чинили паруса, набирали новых матросов в единственной таверне Шербура и, совершив молебен, в прекрасный солнечный день вновь отплыли к берегам ненавистой Англии. Старый герцог д'Арктур свое слово сдержал — больше не появился, отправив в плавание своего сына Жана. Солей плыл с бароном де Кантелу — тот, наслышанный о его поведении в первом, неудачном походе, взял его на свой корабль. «На счастье», — как выразился барон.

— Правда, что ты ударил по роже капитана корабля? — спросил Солея де Кантелу.

— Никого я не бил, — удивился тот, — да и капитана на нашем судне не было. Но если будут такие кормчие, как тот, что был на нашем судне, то мы никогда не доплывем до Англии.

— К сожалению, других нет.

На этот раз Ла-Манш был удивительно спокоен, солнце, отражаясь в воде, слепило глаза, но солдаты не радовались, а крестились, боясь нового шторма. Потеряв всего два корабля — они сели на мели недалеко от Шербура, — к утру следующего дня флотилия подплыла к берегу Англии у впадения в море реки Экс, и солдаты взялись за весла. Десятки кораблей поплыли вверх по реке, а по берегу бежали рыжие бородатые люди, что-то кричали и стреляли из луков, но расстояние было слишком большим, и стрелы, не долетая до кораблей, падали в воду.

— Якоб, подай мне лук, — приказал Солей, и мальчик протянул ему длинный лук и стрелы. Солей натянул тетиву, лук согнулся в дугу, стрела со свистом полетела к берегу и пробила английскому воину грудь.

Над кораблями пронесся рев восхищения. Барон де Кантелу крикнул:

— Молодец, Солей! А ну еще!

Солей вновь натянул лук, и опять длинная стрела улетела к берегу, и еще один английский воин упал, и вновь над рекой пронесся рев восхищения, а английские солдаты, выпустив еще десяток стрел, отошли подальше от берега.

Плыли долго, у солдат с непривычки появились на ладонях кровавые мозоли, и они облегченно вздохнули, когда наконец-то носы кораблей зашуршали по гальке берега.

Эксетер — каменная крепость со стенами высотой не больше четырех туазов и башнями по углам — с реки показалась такой маленькой, что французы обрадовались: легко будет ее взять. По приказу барона де Кантелу солдаты стали выгружать с кораблей большие деревянные щиты и жерди, из которых стали связывать длинные лестницы.

— Вперед! На штурм! Пехоте взять щиты и лестницы, лучникам защищать пехоту, — крикнул де Кантелу.

Солдаты, прикрывшись щитами, неровными рядами пошли к стенам крепости. Расстояние от берега до крепости было не больше пятисот шагов, но когда осталось меньше ста, в наступающих французов полетели десятки стрел, от которых спасали только щиты. Солей велел Якобу спрятаться за спинами солдат, а сам, тщательно прицеливаясь, стал стрелять из своего мощного лука; почти после каждого выстрела на стенах раздавался душераздирающий крик, а наступающие французы, радостно крича, ускоряли шаг. Дойдя до стен, одни солдаты, отбросив тяжелые щиты и приставив лестницы, стали подниматься вверх, другие кидали веревки с крюками на концах, которые цеплялись за верхние края стен, и солдаты, упираясь ногами в камни стен, ловко лезли по веревкам вверх. Англичане рубили веревки, сбрасывали камни на головы нападавших, но и сами погибали — лучники убивали их, как только они появлялись над стеной. И уже ничто не могло удержать наступающих солдат — на стенах и англичане, и французы стали убивать друг друга мечами и длинными ножами. Солей, крикнув Якобу: «Сохрани!» — бросил ему лук, а сам, схватив меч убитого француза, подбежал к лестнице и очень быстро, как умеют только моряки, взобрался на стену. К нему подскочил английский воин и замахнулся мечом, но Солей сумел подставить свой меч. Англичанин был простым воином и замешкался, чем и воспользовался Солей, нанеся ему свой удар: меч скользнул по шлему англичанина и, перерубив кольчугу, отсек ему руку. Кровь фонтаном хлынула из раны. А в Солее вспыхнуло радостное чувство победы, своей силы, и он, дико крича, стал наносить удары мечом, калеча и убивая защитников, и вскоре вокруг него образовалась пустота — англичане в ужасе отбежали от этого, как соломинку, вращающего над головой тяжелый меч, бело-волосого юноши. «Белая смерть!» — раздался чей-то душераздирающий крик, и защитники беспорядочной толпой стали отступать, а французы, закричав: «Смерть англичанам!» — бросились им вслед. Англичане побежали вниз по идущим вдоль стен лестницам. Образовалась давка, кто-то стал прыгать с высоты стен на внутренний двор, ломая

ноги, и уже французы с яростными криками пробились к крепостным воротам, сбили поперечное бревно, ворота распахнулись, и в крепость ворвались десятки всадников в кольчугах, шлемах и толстых кожаных куртках. Длинными копьями они стали убивать английских солдат, но заревела труба и из донжона замка на площадь выехали десятки английских всадников в таких же доспехах. Рыцари сталкивались, ударяя друг друга копьями, и падали с лошадей — площадь была слишком маленькой, всадники не могли развернуться, а кони разбивали своими копытами головы упавших. Те, кто успевал подняться, вытаскивали мечи — большие и длинные — и, держа их двумя руками, старались поразить ими воинов противника. Барон де Кантелу в красивых доспехах и красном плаще столкнулся с английским рыцарем, одетым в такие же дорогие доспехи и желтый плащ; оба от ударов копий упали с лошадей, но их оруженосцы помогли им подняться и подали мечи. Образовался небольшой круг, и рыцари стали наносить друг другу страшные удары мечами, но оба были прекрасными фехтовальщиками и ловко увертывались и отбивали удары — искры отлетали от их мечей. Но вот барон как-то неловко подставил свой меч под удар английского рыцаря, и меч выпал из его рук, и англичанин поднял над головой свой меч, чтобы убить де Кантелу, когда неожиданно подбежал юноша с белыми волосами и в окровавленной рубахе и бросился со своим мечом под удар английского рыцаря. От удара меч юноши сломался, но этого мгновения хватило, чтобы де Кантелу успел поднять с земли свой меч. Барон оттолкнул юношу в сторону и крикнул английскому рыцарю: «Сражайся со мной!» И они вновь стали наносить друг другу удары, но на этот раз де Кантелу оказался проворнее и выбил меч из рук англичанина. Английский рыцарь остановился и, тяжело дыша, опустил голову.

— Ты мой пленник, — крикнул де Кантелу. — Признаешь ли это?

— Да, признаю, — тихо ответил английский рыцарь, и в глазах его появились слезы. — Могу ли я узнать твое имя?

— Барон де Кантелу, — с гордостью произнес барон. — А твое?

— Сэр Моллиган, — ответил не менее гордо англичанин и учтиво поклонился. — Я племянник герцога Девонширского, и я рад, что встретил столь достойного и благородного противника.

— Взаимно, сэр Моллиган, но вам придется отдать мне свой меч.

— Он ваш, — Моллиган протянул меч.

Де Кантелу повернулся к юноше, который только что спас ему жизнь:

— Солей, возьми меч и проводи сэра Моллигана на мой корабль, пусть к нему отнесется как к моему гостю... Я скоро приду, сэр Моллиган.

— Я буду вас ждать. Я же ваш пленник.

— Я уже сказал, что вы, сэр Моллиган, мой гость, — учтиво произнес барон.

Через час все было кончено. Защитники сдались, и из крепости потащили на корабли серебряную посуду, оружие, ткани, грабили живых и обирали мертвых, но не убивали жителей и не жгли город — барон де Кантелу запретил это делать под страхом смерти. Ночью в уже пустых залах донжона были установлены столы, из подвалов принесли вино, пиво и окорока и стали пировать вместе просидевший всю битву на корабле молодой герцог Жан д'Арктур со своими рыцарями и плененные английские рыцари во главе с сэром Моллиганом. Герцог поднял кубок с вином и торжественно произнес:

— Я хочу выпить за сэра Моллигана, за славных английских рыцарей, за их храбрость и честь. Ну и конечно, за графа Девонширского.

Сэр Моллиган в ответ еще более учтиво сказал:

— Ваши добрые слова, герцог д'Арктур я обязательно передам моему дяде, графу Девонширскому. И клянусь в моей вечной к вам дружбе. Я в своей жизни не встречал столь благородного рыцаря, как барон де Кантелу.

Барон де Кантелу тоже произнес лестные слова о герцоге д'Арктуре и сэре Моллигане, который оказался к тому

же бароном. Празднование продолжалось глубоко за полночь: лилось вино и пиво, летели кости в камин, произносились тосты, рыцари, только что убивавшие друг друга, обнимались, плакали и клялись в вечной дружбе, а потом все напилось и английские слуги уложили своих хозяев, постелив сено, тут же на полу, а французов их слуги отнесли на корабли. И пока герцог и рыцари спали на палубах, солдаты, разведя костры на берегу, радовались, пили вино, принесенное из крепости, и хвастались, кто и чем разжился при штурме крепости. Погибших товарищей похоронили, но особо не вспоминали — а чего вспоминать, в бою все равны и гибнет тот, кому не повезло. Солей тоже имел трофей — длинный, с наборной разноцветной рукоятью меч. Его подарил ему за спасенную жизнь барон де Кантелу. В корме корабля, свернувшись калачиком и обняв длинный лук, спал Якоб. Он ничего не получил, но был доволен, что наелся и даже успел спрятать под одеждой кусок окорока, чтобы, приплыв домой, отнести родителям. С первыми лучами солнца, подняв паруса, корабли поплыли вниз по реке к морю. Англичане в крепости безмятежно спали.

VI

Солею казалось, что служить у герцога Нормандского совсем не тяжело; наоборот, он с удовольствием продолжал совершенствоваться в стрельбе из лука, а в свободное время старательно выписывал над головой круги тяжелым мечом, подаренным ему бароном де Кантелу. Барон после Эксетера проникся уважением к молодому воину.

— Поверьте, этот юноша нам еще очень пригодится. С его-то силой и ловкостью из него вырастет великий воин, — говорил молодому герцогу Жану д'Артуру барон. — Главное, не посылать его для усмирения крестьян. Он слишком любит свою свободу.

— Свобода солдату не нужна! И этот Солей должен быть всего лишь солдатом, хорошим солдатом, и не более, — отвечал герцог. Он был очень доволен своей первой победой над англичанами.

Временами крестьяне Нормандии начинали бунтовать из-за непомерных податей и брались за вилы и косы. Тогда герцог посылал своих солдат для усмирения бунтовщиков. Их не жалели: убивали, а дома сжигали. Для охраны же сборщиков податей имелись особые помощники, отличавшиеся жестокостью, — для них убийство женщины или ребенка было делом привычным. Их хорошо знали, и, завидев их, крестьяне старались убежать, но это удавалось редко — казалось, что у этих воинов был нюх, как у натасканных на людей собак: они ловили должников и начинали их истязать, иногда до смерти.

Барон де Кантелу приказал выплатить Солею все задержанное жалование, и юноша снял себе маленький домик недалеко от Кана, на берегу Ла-Манша, и в свободное от службы время учил Якоба стрелять из лука в птиц и плавал с ним в море на рыбалку. Якоб считался слугой, но Солей относился к нему, как к младшему брату.

Когда два всадника подъехали к домику на песчаном берегу, один, который был старше и лучше одет, крикнул:

— Эй, лучник Солей, твоего слугу зовут Якоб из Нюртена?

— Я не знаю, откуда он, но то, что его зовут Якоб, верно.

— Из Нюртена, Нюртена. Мы должны его забрать у тебя. Где он?

— Ты кто такой, чтобы забирать моего слугу?

— Я помощник главного сборщика податей.

В это время из-за дюн появился Якоб с небольшим луком — он ходил к озеру стрелять уток, двух он держал в руке.

— Вот Якоб. Говори, чего тебе от него нужно? — сказал Солей.

— А-а, да этот разбойник еще и убивает птиц на землях герцога! — закричал помощник, тяжело слез с лошади и сказал Якобу: — Иди сюда, разбойник.

Мальчик подбежал к Солею и испуганно спрятался за его спину.

— Стой! В чем его вина? — спросил помощника Солей. — Это я послал его подстрелить парочку уток. Я знаю,

кто ты, и говорю, что ты ошибся, приехав сюда, — ни я, и уж тем более ни этот мальчишка ничего не должны герцогу.

— Это не тебе решать. У него родители не смогли отдать подати герцогу, поэтому мы заберем его и посадим в тюрьму, и если долг не будет вовремя отдан, его продадут как раба.

— Мне его дал сам барон де Кантелу, и ты его у меня не заберешь, пока мне не прикажет это сделать барон. У тебя есть такой приказ?

— Ты, лучник, рехнулся — зачем тебе бумага, которую ты не сможешь прочесть?

— Почему не смогу? Еще как смогу.

— Чушь! Ты должен знать, что все здесь принадлежит герцогу д'Артуру. Понял?

— Нет, не все. Вот я — свободный воин и могу уйти от герцога в любой день.

— Попробуй, — засмеялся помощник. — Но, впрочем, мне до тебя нет никакого дела. Пока нет. Отдай мальчишку.

— Я уже сказал, что он мой слуга. И он носит мое оружие, а значит, он солдат герцога. В отличие от тебя!

— Так ты смеешь мне мешать? — закричал помощник и, вытащив меч, бросился на Солея — и тут же упал, получив удар в лицо. Второй всадник тоже схватился за свой меч и стал понукать коня ехать вперед, но делал это как-то робко, отчего конь оставался стоять.

— Поверь, — остановил его Солей, — ты не успеешь вытащить свой меч, как я тебя отправлю на тот свет. Забирай своего товарища и уходи, — и Солей, схватив за одежду валявшегося на земле помощника, дотащил его до лошади и закинул поперек седла.

— Уезжайте и больше здесь не появляйтесь, — засмеялся Солей.

Всадник, с расширенными от удивления и страха глазами, схватил за повод лошадь с лежащим поперек помощником сборщика налогов, быстро отъехал на три десятка шагов и, повернувшись, крикнул:

— Я все расскажу главному сборщику. Ты ударил слугу самого герцога Нормандского! Теперь тебе смерть!

— Скачи быстрее, пока я не разозлился. Ты, когда ехал сюда, должен был бы узнать, что я лучший лучник герцога и если я сейчас возьму свой лук, то ты уже ничего никому не успеешь сказать, — крикнул в ответ Солей. А когда всадник скрылся вдаль, повернулся к Якобу: — Ну, негодный мальчишка, рассказывай, что им от тебя надо?

— Я не знаю, хозяин. Но мои родители бедные люди. Крестьяне. Не отдавайте меня, — мальчик заплакал.

— Не реви, Якоб, ты же мужчина. Кстати, сколько тебе лет?

— Десять.

— Ты, Якоб, пока спрячься на озере. Я думаю, сейчас за мной придут.

— Почему?

— Потому что они правы — я ударил слугу самого герцога.

— И что же сейчас будет?

— Не знаю. Но будем надеяться, что пронесет, а ты спрячься — тебя могут схватить, и тогда я уже не смогу тебе помочь.

Солей не ошибся — вскоре приехали всадники, которых он хорошо знал по нападению на Эксетер, и потребовали, чтобы он шел с ними в Кан к герцогу д'Артуру. Они не угрожали и не старались связать Солея — они хорошо знали силу молодого человека. А по дороге рассказали, что к герцогу пришел его главный сборщик податей и пожаловался, что Солей избил его помощника, сломал ему челюсть, а другого помощника пообещал убить.

— Мы тоже их ненавидим, — говорили они, — но бойся, Солей, это может закончиться для тебя смертью. Если у тебя есть кто-то, кто может за тебя заступиться перед герцогом, скажи, и мы постараемся ему передать, что ты в смертельной опасности.

— Если сможете, скажите об этом барону де Кантелу. Больше у меня защитников нет.

— Ты думаешь, что барон захочет тебя защитить? Почему?

— Я однажды спас ему жизнь.

— И ты уверен, что барон об этом помнит?

— Надеюсь.

— Ну что ж, мы постараемся это сделать.

— Спасибо, друзья.

Солей второй раз оказался перед герцогом Жаком д'Арктуром. Старое лицо герцога было в красных пятнах гнева, губы и руки тряслись.

— Как ты посмел поднять руку на моих людей? — закричал герцог. — Ты одному сломал челюсть, а второго чуть не убил, и он с трудом отбился от тебя! Да знаешь ли ты, что с тобой будет? Ты умрешь под топором палача!

— Господин герцог, — спокойным голосом ответил Солей, — а что мне оставалось делать, если они вдвоем, ничего не объясняя, набросились на меня с мечами, а у меня не было даже палки, и я никого из них не ударил, а так, тихо-нечко к одному прикоснулся. Да если бы я его ударил, то он бы умер, а второго надо гнать со службы — он трус. И как трус все вам соврал. Он так быстро убежал, что я не успел ему ничего сказать, — на лице Солея было такое смирение, а синие глаза так честно смотрели, что герцог невольно улыбнулся.

— Ты, конечно, врешь. Но почему ты не отдал им мальчишку? Он мой раб — его родители мои должники.

— Господин герцог, — продолжил столь же спокойным голосом Солей, — барон де Кантелу дал его мне не только как слугу, который носит стрелы и лук, а чтобы я воспитал из него воина. И я хочу сказать, что у него большие успехи. И это в десять лет. Из него вырастет хороший воин. Ваш воин. А какая вам выгода, если он будет продан как раб?

— Солей, — засмеялся герцог, — тебе бы проповеди произносить в церкви. Все-то у тебя звучит так убедительно. Ладно с мальчишкой, но ты изувечил моего слугу и, значит, должен понести наказание. Заплати за него.

— Я не могу заплатить, у меня, кроме лука и меча, который мне подарил барон де Кантелу, ничего нет.

— Да, я слышал, что ты очень храбро сражался при взятии Эксетера.

— Он спас мне жизнь, — раздался голос, — в зал вошел барон де Кантелу.

— Герцог, я заплачу за него, — сказал он.

— Ну что ты, барон. Какие с тебя, моего друга и друга моего сына, я могу взять деньги!

— Тогда, прошу вас, не наказывайте этого юношу.

— Хорошо, но только пусть он пообещает, что никогда больше не поднимет руку на моих людей.

— Я защищался, мой господин... — вновь заговорил Солей, но герцог его раздраженно прервал:

— Замолчи! Я тебя, Солей, предупреждаю: это единственный раз, когда я не наказываю. Благодарю барона де Кантелу. А мальчишку придется отдать.

— Тогда, господин герцог, я от вас уйду, — сказал Солей.

— Что ты сказал? — герцог от удивления поднялся с трона.

— Я уйду от вас. Я свободный человек и никаких клятв и обещаний, как мой отец, вам не давал.

— Да как ты смеешь такое мне говорить? Да я сейчас же прикажу тебя бросить в тюрьму, и ты в ней сгниешь заживо, — лицо герцога стала заливать краска гнева, а глаза налились кровью.

— Господин герцог, но я же ничего не прошу у вас для себя, кроме как оставить мальчишку, которого, кстати, я кормлю и пою из своего жалованья и воспитываю из него для вас воина.

— Черт возьми, Солей, я от тебя устал, — герцог опустился на трон. — Тебя не переспорить. Хочешь, я определю тебя в писари? Я помню, что ты умеешь писать.

— Господин герцог, и какая от этого польза? Научить писать можно любого человека, а чтобы хорошо владеть луком и мечом, нужно желание быть воином.

— Хорошо сказано. Ладно, пусть мальчишка остается у тебя. У него хороший заступник. Впрочем, как и у тебя. Иди.

Солей вышел, а герцог повернулся к барону:

— Друг мой, мне не нравится, как этот Солей заявил, что он свободный человек и если он захочет, то уйдет от меня.

— Для того чтобы уйти, он должен быть живым, — тихо произнес барон. — А он, как вы заметили, не писарь.

— Да, писарей у меня достаточно. Ты ему подарил меч, вот пусть он с ним и воюет, а то с луком он слишком далеко от старухи по имени Смерть.

— Я понял. Жаль, конечно, терять такого воина. Знаете, как его называли англичане?

— Сын что-то говорил, но я забыл. Я в том возрасте, когда уже вспоминается кормилица.

— Белая смерть.

— Белая смерть?! А что, подходяще. Барон, мне донесли, что граф Девон, сидя на своем острове, опять посылает мне угрозы. Зря ты с моим сыном Эксетер не спалили. Не пора ли повторить нападение?

— Может, напасть на Плимут? Наши корабли сейчас находятся в Шербуре.

— Неплохо придумано. Граф Девон и не ожидает, что мы его в самое сердце ударим. Да и ты со своим новым дружком, сэром Моллиганом, повидеешься.

Герцог засмеялся:

— Соскучился, наверное, по совместной попойке? Давай-ка, де Кантелу, сегодня вечером соберемся на совет. Я с сыном и ты. И все решим. А знаешь, что сейчас надо обращаться ко мне как к герцогу *ваша светлость*. Так сейчас говорят при дворе короля французского в Париже.

— Хорошо, ваша светлость.

Барон ушел, а герцог приказал привести сборщика податей.

— Много должны родители этого мальчишки, что служит у лучника Солея? — спросил герцог.

— Два урожая, мой господин.

— О-о... это слишком много. Сожгите их дом, а самих выгоните с моей земли. Так будет справедливо.

— Да, мой господин, так будет справедливо, — повторил с радостью сборщик налогов. — А что с этим... лучником?

— Не суй свой нос, куда не следует. Он лучник и, значит, может умереть раньше, чем ты думаешь.

VII

Решение напасть на Плимут так взволновало старого герцога, что, как его ни уговаривали, он решил сам плыть через Ла-Манш.

— О господи, только бы с погодой повезло, — сказал сын герцога Жан д'Арктур.

Тихим вечером десятки кораблей отошли от французского берега и сразу же пропали в морской дымке, а когда утреннее солнце растворило туман, они уже были у берега полуострова Корнуолл.

Плимут был большим городом, в центре которого возвышалась крепость, сложенная из огромных камней, с башнями и зубцами по верхнему краю стен. Полдня на берег выгружались рыцари, слуги, солдаты и из, казалось бы, неуправляемой толпы постепенно выстраивались в боевые шеренги. Рыцари, одетые в длинные кольчуги, садились на лошадей, лучники и арбалетчики готовы были в любой момент стрелять, лестницы и длинное бревно-таран вынесли в первые ряды пехотинцев — войско было готово к штурму. Для старого герцога установили шатер и рядом вкопали длинный шест, на котором затрепетало знамя герцогов Нормандии: два золотых льва на красном полотнище.

Герцог Нормандский и граф Девонширский были родственниками — у них были одни предки — великий завоеватель викинг Роллон и первый король Англии, граф Нормандии Вильгельм Завоеватель, да и сама Нормандия не так уж и давно стала французской. Но кто старое помянет...

Герцог Нормандский послал в Плимут графу Девонширскому любезное письмо с предложением сдаться, а в противном случае пообещал город разорить и сжечь и получил ответ: на красивой бумаге со свисающими на шнурах красными сургучными печатями было написано всего одно слово, которое смог прочитать даже безграмотный герцог: «Попробуй!» Над крепостью поднялся флаг графа Девона — желтое полотнище с синим львом.

Герцог д'Арктур рассмеялся и приказал сыну и барону де Кантелу взять крепость к полудню, а сам уселся обедать, любуясь морским прибоем. Барон вышел из палатки озадаченный — полдень давно прошел, и когда вслед за ним вышел из шатра сын герцога, спросил:

— О каком полудне говорил твой отец?

— Не переживай, де Кантелу, ты же не хуже меня знаешь, что мой отец давно выжил из ума. Я думаю, он даже не понимает, что любит Ла-Маншем с английского берега.

— Не уверен. Но что же нам делать?

— Как что? Пойдем, друг мой, исполнять приказ герцога, — засмеялся Жан д'Арктур.

И все началось, как при штурме Эксетера: лучники стреляли, пехота бежала к стенам и приставляла лестницы, которые оказались короткими, защитники забросали штурмующих камнями, и те побежали обратно.

— Все трусы! — в бешенстве закричал, узнав об отступлении, старый герцог и приказал вновь идти на штурм крепости. Французы опять дошли до стен и опять, теряя десятки убитых, побежали обратно и, добежав до лагеря, закричали:

— Чего хотят эти герцоги — чтобы нас всех здесь перебили?

— А чего ты хотел? Нас убьют — других привезут.

— Пусть везут, а я больше не пойду умирать.

— И я не пойду... И я не пойду! — раздались крики со всех сторон.

И в шатре герцога шел разговор на повышенных тонах:

— Отец, — говорил старому герцогу его сын Жан д'Арктур, — необходимо остановить эти ненужные и безуспешные атаки. Так мы можем потерять всех солдат и не добиться успеха.

— Ты предлагаешь отступить? Кому? — закричал герцог. — Мне, герцогу Нормандии? И перед кем — перед каким-то графом Девонем? Англичанином? Да пусть я лучше потеряю всех своих рыцарей, всех солдат, но не отступлю. Вперед, на штурм... И не мешай мне обедать... Эй, я долго буду ждать своих устриц? — герцог замолчал, задум-

чиво склонив голову, а потом, по-видимому, забыв, о чем он только что говорил с сыном, показал пальцем на море и сказал: — Какая прекрасная жизнь. Интересно, а на том берегу, у проклятых англичан, тоже так же хорошо?

Жан — сын герцога и де Кантелу вышли из шатра.

— Что будем делать? — спросил на этот раз Жан д'Арктур.

— Исполнять приказ. Удлиним лестницы и снова пойдём на штурм. Я сам поведу солдат, — ответил барон.

— Не надо, де Кантелу. Зачем тебе так рисковать? У нас достаточно рыцарей, которые могут командовать солдатами.

— Достаточно, но всегда нужен пример.

— Ах, барон, барон, уже седина в волосах, а всё как мальчишка. Забыл, как тебя чуть не убил сэра Моллиган?

— Да-а, если бы тогда не Солей, он бы меня убил. Думаю, Моллиган сейчас в крепости вместе со своим дядей, графом Девонширским.

— Если правда хочешь сам идти на штурм, то не забудь взять с собой и Солея. Пусть расчищает для тебя путь подаренным ему мечом. Для чего-то же ты ему его подарил?

— Спасибо, *ваша светлость*, за совет. Я обязательно им воспользуюсь.

— Это что за новое обращение ко мне?

— Так просил обращаться к нему ваш отец. Сказал, что так теперь принято обращаться к герцогам при дворе французского короля в Париже.

— Очередная блажь выжившего из ума старика?

— Не уверен, *ваша светлость*.

— Лучше все-таки, друг мой, называй меня по-прежнему «герцог». Мне так привычнее и приятнее.

— Хорошо, герцог.

Штурм начали на следующий день, как только взошло солнце. В блестящем шлеме, кольчуге и развевающимся на ветру красном плаще впереди ехал барон де Кантелу. Оставшиеся в лагере рыцари восхищенно приветствовали барона криками. Красивое лицо Жана д'Аркура резко изменилось: краска злобы залила щеки, глаза превратились

в узкие щелки. «Еще посмотрим...» — прошептал молодой герцог.

— А когда нам выступать? — спросили герцога рыцари.

— Умереть спешите? — резко одернул их Жан д'Арктур. — Я скажу, когда надо.

Когда летящие со стен стрелы стали долетать до первых шеренг, барон де Кантелу отъехал назад и стал кричать:

— Не останавливаться! Вперед, на стены! Лучники, чего медлите? Стреляйте и идите вперед.

Видя, что барон остановился и стрелы не долетают до него, с опаской, окруженный рыцарями, к нему подъехал Жан д'Арктур и криво усмехнулся:

— Что, друг мой, передумали? Правильно — жизнь дороже любой славы, — и крикнул в спины еле идущих солдат: — Вперед! Вперед! Заснули, сукины дети! Кто первый взойдет на стену, получит от меня добрый кусок земли, где сможет построить дом и разбить огород.

Эти слова о земле, как пожар по сухой траве, побежали по рядам наступающих французов, и те вначале ускорили шаг, а потом с криками побежали к крепости — каждый желал первыми взобраться на стену и каждый хотел иметь свой клочок земли и построить на ней дом. Сотни воинов с ревом бросились к стенам и, приставив лестницы, полезли вверх, а лучники, вместо того чтобы их защищать, бросали свои луки, хватали мечи убитых товарищей и тоже устремлялись к лестницам, где уже выстроились очереди из желающих вскарабкаться по этим скользким от крови ступенькам туда, наверх — к свободе, к богатству. Началась давка, никто никому не уступал, ругались и дрались между собой, а со стен летели стрелы, камни, копья. Десятки штурмующих уже лежали на земле и корчились в предсмертных муках. Солей тоже услышал призыв герцога и тоже решил, что может получить землю. Отдав лук Якобу, он побежал к лестницам, когда вдруг со скрипом раскрылись ворота крепости, оттуда выехали одетые в длинные кольчуги всадники на рослых конях и стали убивать наступающих французов копьями и рубить мечами. Те, бросая оружие и прикрывая головы руками, побежали к берегу, но всадни-

ки их легко догоняли и протыкали насквозь копиями или зарубали их головы мечами. А впереди, мертвой хваткой сжав поводья и раздирая до ребер острыми шпорами бока своего коня, несся герцог д'Арктур. Барон де Кантелу замешкался, но тоже развернул свою лошадь и поскакал к берегу. За ними никто не гнался, но в их глазах был такой страх... И Солей тоже бежал, путаясь ногами в ножнах своего меча, а за ним, волоча длинный лук, бежал Якоб, и только когда он жалобно закричал, Солей вдруг остановился и, повернувшись, увидел, что мальчик лежит на земле и старается увернуться от копыт крутящегося над ним коня. Солей выхватил свой меч и, подскочив, отрубил коню передние ноги. Лошадь рухнула, всадник кубарем перелетел через ее голову и не успел встать — меч Солея проткнул его насквозь.

— Беги! — закричал Солей Якобу, а сам с поднятым мечом встал на пути скачущих на него всадников. Меч зашвистел, рассекая воздух, и следующий конь рухнул с разрубленной головой, а рыцарь с тяжелым металлическим звоном упал с мертвой лошади и пополз от машущего мечом беловолосого француза. Всадники окружили Солея и старались ударить его копиями, но это им никак не удавалось — длинный меч Солея перерубал толстые копия, как тростинки.

— Эй, стойте! — крикнул подъехавший всадник в желтом плаще. — Я его помню. Это же он спас барона де Кантелу тогда, при Эксетере? Он, он — я его узнал. Не трогайте его. Он мой. Берите в плен тех, кто еще жив, и возвращайтесь в крепость, кто знает, что там еще придумал старик д'Арктур — может быть, это ловушка?

Всадник в плаще поднял вверх копьё, не боясь, подъехал к стоявшему с поднятым мечом Солею.

— Ты должен меня помнить, — сказал он, — я сэр Моллиган. Послушай, юноша, иди служить ко мне. Ну зачем тебе нужен этот выживший из ума старый герцог? Ты же не француз, ты викинг, как и я. Я сделаю тебя своим оруженосцем, и ты станешь свободным человеком. У тебя будет прекрасная английская жена, семья, дом.

— Но я и так свободный человек, — ответил Солей.

— Тогда что ты делаешь у герцога Нормандии?

— Исполняю обещание, данное ему моим отцом.

— Что же такое мог сделать герцог для твоего отца?

— Сохранил ему жизнь.

— На герцога это уж совсем не похоже. Но ты же не дворянин, чтобы исполнять какое-то обещание. По-видимому, твой отец и ты — честные люди. Ладно, иди к герцогу, служи. Тебя никто не тронет. Но меч оставь — это мой меч. Увидишь барона де Кантелу, скажи ему, что я меч вернул себе.

Солей отдал меч и пошел к берегу, а ему навстречу бежал маленький мальчик. Подбежав, он упал и, обняв его ноги, заплакал:

— Ты живой, хозяин. Слава богу, живой.

— А ты зачем обратно прибежал, тебя же могли убить?

— Если тебя не будет, меня сразу же продадут.

— Где мой лук? Бросил?

— Нет, хозяин, я его надежно спрятал.

— Ну тогда пошли, — рассмеялся Солей и, обняв мальчика за плечи, пошел в лагерь, а барон Моллиган, показывая на него копьем, сказал английским рыцарям:

— Посмотрите — вот настоящий викинг! Жаль, что он не согласился служить мне. Герцог может ему не простить, что он остался жив.

— Сэр Моллиган, которого из герцогов вы имеете в виду: отца или сына? — спросили, смеясь, рыцари.

— Обоих.

Английские рыцари развернули своих коней и не спеша поехали к воротам крепости, в которые уже загоняли, как загоняют скот, ударами плетей толпу пленных французов. И те уже не думали о своем клочке земли, они радовались тому, что остались живы.

В лагере на берегу воины, что успели убежать от английской конницы, лежали, как выброшенные из воды рыбыны, на песке и хрипели: «Пить... Пить... Пить!» Их товарищи хотели дать им воды, но дружинники герцога скакали на лошадях и кричали, что тем, кто подаст воды трусам, гро-

зит суровое наказание. И сразу невидимая стена страха разделила людей, и уже солдаты умирали не только от ран, но, хрипя сухими ртами, от жажды. Те, кто имел еще силы, ползли к морю и пили, захлебываясь, соленую воду, а потом жутко кричали, катаясь по песку, блевали и умирали от нестерпимых болей в животе. Везде, от стен крепости до берега, лежали трупы. Трупы нормандских воинов. А над лагерем стоял протяжный стон.

Солей с Якобом дошел до отряда лучников, когда ему приказали идти к барону де Кантелу.

— И где мой меч, Солей? — закричал барон юноше.

— Его забрал барон Моллиган.

— Ты видел барона Моллигана?

— Да, он со мной говорил и отпустил, забрав меч.

— Отпустил? Тебя? Живого? И о чем, интересно, он мог с тобой говорить?

— Он предложил мне перейти к нему служить.

— И ты отказался служить племяннику графа Девонширского? Не смейся меня.

— Да, я отказался, потому что я служу герцогу Нормандскому, как велел мне отец.

— Я это помню. А ты можешь мне сказать, почему вы не смогли взять крепость и позорно побежали обратно?

— А каждый захотел получить объявленную герцогом награду, и все мы были готовы убить друг друга, только бы оказаться первыми на стене.

— И ты тоже захотел быть первым?

— Конечно. А чем я хуже?

— Да-а... одно слово может погубить армию, — задумчиво произнес де Кантелу. — Мой тебе совет: никому не говори, что тебя отпустил барон Моллиган. Ты смелый и сильный юноша, ты многого сможешь добиться, но научись держать язык за зубами. У меня есть сын, ему сейчас семнадцать лет, и я бы очень хотел, чтобы он стал настоящим рыцарем. Он хотел плыть со мной сюда, но заболел и остался дома. Он барон с рождения, но я ему говорю, что, если он хочет достичь чего-то в жизни, пусть прежде всего научится держать язык за зубами. Я верю, что он совершит

подвиг во славу короля Франции и станет виконтом, а там, может, даже графом, — де Кантелу счастливо вздохнул.

Старый герцог д'Арктур сидел за столом, уставленным тарелками. В последнее время с герцогом происходило что-то непонятное: он ел и ел, он мог есть целый день... и худел на глазах! У него возникали запоры и несварение желудка, иногда его рвало с кровью, лекарь давал ему настои и отвары, чтобы облегчить страдания, — ему становилось легче, но через какое-то время все повторялось. Это происходило последние полгода, бодрый и веселый, он стал быстро превращаться в дряхлого старика. Некоторые из его окружения считали, что герцога отравили, но что это был за яд, когда человек непрерывно ел и худел, никто не знал. А тот, кто знал, уже давно был мертв и кормил рыб в Ла-Манше. И еще герцог тупел и становился похожим на малое дитя. Иногда он начинал беспричинно смеяться, а потом смотрел осмысленно и говорил здраво. Слушая, как его солдаты вновь бежали из-под стен крепости, он не отрываясь грыз баранью кость и со счастливой тупой улыбкой смотрел на набегавшие на берег волны. Жир стекал по его рукам, а он не замечал, и когда уже все было сказано и все решили уходить, прозвучал голос старого герцога:

— Не можете победить врага, уничтожьте его людей, — все повернулись и удивленно уставились на герцога. — То, что я вижу только море, не лишило меня слуха. Я все слышал. Всё и всех! Не можете уничтожить цитадель, уничтожьте город. Я не хочу делать подарки моему родственнику графу Девону. Сожгите город, а людей убейте или заберите к себе рабами, — и, отвернувшись, герцог продолжил грызть баранью кость.

— А отец-то прав, — выйдя из шатра, сказал Жан д'Арктур барону де Кантелу, — крепость нам не взять, особенно после сегодняшнего позора, так давай сожжем город.

— Как сожжем? Это же не защитники крепости и не рыцари, они не оказывали нам сопротивления. За что мы будем их уничтожать?

— За то, что сопротивляется граф Девон, и за то, что они англичане.

— Я такой приказ отдать солдатам не могу.

— Почему? — зло спросил герцог.

— Потому что я рыцарь, потому что у меня есть сын, который тоже станет рыцарем.

— Барон, ты друг моего отца, но боюсь, перестанешь быть моим другом. Уходи и подумай.

Жан д'Артур созвал рыцарей и отдал один приказ:

— Идите к своим солдатам и скажите, что я разрешил им разграбить город, а дома сжечь!

Радостный крик пронесся над лагерем. И уже не требовалось никаких приказов и угроз — все бросились к домам и стали вышибать двери, хватать кур, куски тканей, кастрюли, котлы, катили перед собой бочонки с пивом, гнали овец и тащили визжащих свиней. Пьяные, они убивали мужчин и детей, насиловали женщин. Это была уже не армия, а злобная дикая банда разбойников.

Солей, взяв с собой Якоба, тоже пошел в город, но не врывался в дома, никого не грабил — он хотел найти коня. По дороге он подобрал брошенный кожаный пояс с мечом и, опоясав себя, с удовольствием попробовал, хорошо ли вынимается клинок из ножен. И с конем ему повезло — тот несся по улице, сбивая всех на своем пути. Черная грива развевалась, глаза были налиты кровью, шкура блестела, поводья свисали, а с разорванных губ стекала кровавая пена. Солдаты разбежались от несущегося на них коня, и когда на его пути встал Солей, конь вздыбился, стараясь ударить его копытами, но юноша увернулся и, схватив повод, потянул голову коня к земле. Тот сопротивлялся, фыркнул несколько раз и, упав на колени, покорился неведомой ему до этого силе. Конь был под седлом, а уздечка с серебряными пряжками, он явно принадлежал какому-то богатому человеку. «Держи крепко», — сказал Солей, передавая повод Якобу, и довольный пошел к берегу. И когда услышал женские крики, доносившиеся из маленького домика, не обратил внимания — кричали везде — и хотел пройти мимо, но тут из дома выскочила молоденькая девушка в разорванном платье и, что-то крича, бросилась к нему, стараясь схватить его за руку. На Солея умоляюще смотрели полные слез и ужаса

большие зеленые глаза. Вслед за ней выбежали два солдата с окровавленными мечами и бросились к девушке, желая ее схватить, но она увернулась и спряталась за спину Солея.

— А ну отойди — она принадлежит нам! — крикнул один из них, и Солей их узнал — это были те двое, что приходили к нему в Нормандии, чтобы забрать Якоба. Они были настолько пьяны, что не узнали Солея, и с ругательствами бросились к нему. В юноше вдруг вспыхнула такая злоба и ненависть, что он молниеносно вытащил из ножен меч и двумя страшными ударами убил обоих. Якоб закричал и отпустил повод, но конь не испугался — остался спокойно стоять. Солей понял, что если сейчас его застанут с мечом над телами двух воинов герцога, его ждет неминуемая смерть. Схватив повод коня и крикнув Якобу: «Бежим!» — он побежал за угол дома, потом свернул за другой дом и еще, еще, убегая от места убийства. Вокруг радовались пьяные солдаты герцога, а сзади, не отставая, придерживая руками разорванное платье, бежала девушка. Солей остановился и закричал на нее:

— Зачем ты бежишь за нами? Уходи!

Девушка остановилась и непонимающе, с мольбой посмотрела на юношу. Солей махнул на нее рукой и быстро пошел дальше, а девушка вновь побежала за ним.

— Что же мне с тобой делать? — вновь остановившись, сказал Солей. — Как ты не можешь понять, что тебе надо спрятаться где-нибудь, — он схватил девушку за руку и, открыв дверь в ближайший дом, втокнул ее внутрь.

— Сиди там! — крикнул Солей и пошел дальше, а когда обернулся, увидел, что девушка опять бежит за ними.

Так они и дошли до берега: Солей, держащий за повод красавца коня, Якоб и бегущая сзади девушка. Со всех сторон раздались крики:

— Ай да Солей — и коня нашел, и красавицу себе схватил...

— Эй, Солей, подскажи, где такую можно найти? Я тоже хочу...

— Солей, продай девку! Отдам все, смотри, — кричавший показал бурые от крови бусы и монеты...

— Эй, парень, куда ты с ней? На корабле для нее места нет... Оставь здесь — и другим добро сделаешь.

— Попользоваться дашь?

— Как же, этот даст — он тебе так даст, что от тебя одно дерьмо останется... — рассмеялся кто-то на просьбу.

Проезжавший по берегу барон де Кантелу, увидев Солея с девушкой, остановился и тоже рассмеялся:

— Черт, от тебя, Солей, я не ожидал такой прыти. Конь — это хорошо, да еще такой красавец, но зачем тебе английская шлюха? Изнасиловал бы здесь, на берегу, и достаточно. Таких смазливых и на нашем берегу полно. Оставь ее здесь.

— Так я ее... — забормотал Солей и, оглянувшись вокруг, увидел дикие, жаждущие насилия пьяные глаза своих товарищей; он понял, что если бросит эту девушку сейчас здесь, она уже не дойдет живой до города — ее тут же, на берегу, будут насиловать до умопомешательства, до смерти. По-видимому, понял это и де Кантелу.

— Ладно, веди на корабль. Если, конечно, довезешь ее целой и сам целым останешься, — сказал он.

— Спасибо, господин барон.

— И не вздумай кого-нибудь покалечить или убить из-за своей девки. Я сам прикажу тебя выкинуть в море. Вот радости-то будет — тогда раздерут твою красотку на куски. А конь у тебя славный — когда тебя и твою шлюху прикончат, он достанется мне, — вновь рассмеялся де Кантелу.

А к берегу шли, ехали нагруженные тюками, посудой, корзинами, ошалевшие от крови и вина воины герцога. Кто вел лошадь, кто козу и даже корову. У схода ругались, толкались и хватались за оружие — каждый хотел быстрее попасть на корабль и занять место, где бы меньше донимала качка. Солей посмотрел на столпотворение и понял, что ему придется пробиваться с помощью своих кулаков. Сев на лошадь, он подъехал к борту корабля и поднял над головой Якоба. Мальчишка уцепился за борт и взобрался на корабль. Солей развернулся и, показав девушке на горящий город, сказал: «Уходи! Ты свободна». Но та подбежала к нему и, протянув руки, тихо произнесла: «Спаси!» Солей,

увидев полные слез и мольбы зеленые глаза, вздохнул и, видимо, что-то решив, взял девушку за талию, легко поднял над собой и крикнул:

— Якоб, помоги ей и иди на наше место в корме. Если кто-нибудь там будет, скажи, чтобы убирались, иначе они будут иметь дело со мной.

Солей поехал к сходням, и конь, будто понимая, чего от него хочет новый хозяин, своей мощной грудью стал расталкивать людей, которые падали с досок в воду, ругались и обещали Солею, что вот они поднимутся и тогда Солею ничего не останется, кроме как умереть от их кулаков и мечей. Их товарищи, что не попали под лошадь, весело смеялись.

Место в корме было занято двумя пьяными солдатами, которые старались сорвать с девушки платье, а из носа Якоба текла кровь — мальчишка защищал добро своего хозяина.

— А-а! — закричал подъехавший на лошади Солей и, схватив одного из солдат за одежду, легко поднял и выбросил за борт. Раздался отчаянный крик. Находившиеся на корабле подбежали к борту — в воде отчаянно барахтался человек.

— С любим, кто сунется сюда, будет то же самое, и уже не здесь, на берегу, а в море. Это мое место, — кричал юноша, для большего устрашения хватаясь за меч, и солдаты, кто со злобой, кто со смехом, отодвигались подальше от всадника на красивом коне.

А над городом поднимался черный дым.

— Эй, скорей отплывайте! — понеслось над кораблями, и все, кто еще оставался на берегу, ринулись к сходням, сталкивая в воду своих товарищей, бросая вещи и животных, выхватывая мечи и ножи. Вода окрасилась кровью. В глазах не успевших на корабли воинов застыл ужас — к берегу неслись десятки всадников с выставленными вперед копиями.

Солей огляделся — капитан с кормчим лежали на палубе, мертвецки пьяные. Юноша схватил длинное весло и стал отталкивать судно от берега. Видя это, другие солдаты тоже схватили весла и стали отталкивать корабль от

берега. Сходни упали, а с ними и люди; кто-то успел схватиться за борт, но им не помогли подняться на корабль, руки их скользили, они царапали ногтями дерево и падали в воду, а всадники, подскакав к берегу, стали безжалостно убивать мечами и копьями оставшихся на берегу французских солдат. Над берегом разнесся вой умирающих людей. Солей схватил свой лук и, не целясь, стал посылать стрелы во всадников, но это уже не помогло — все оставшиеся на берегу нормандцы были убиты.

Корабль уплывал все дальше в море.

— Поднять парус! — крикнул Солей, и его приказ был моментально выполнен матросами, а сам он, навалившись на руль, развернул корабль, и тот поплыл в море, навстречу солнцу, и люди на палубе начали креститься и славить господу и этого юношу с белыми волосами, понимая, что он всех их сейчас спас, и уже не завидовали, что он везет из похода красивого коня — девушку за добычу никто не принимал, знали, что дома, в Нормандии, можно продать только пленных мужчин и детей.

Море было тихим, дул попутный ветер, и когда показался маяк на мысе Ла-Гог, все стали кричать — впереди был родной берег, впереди был дом. Когда корабли вновь бросили якоря у Шербура, солдаты стали прыгать с высоких бортов и падали на колени, целуя белый песок, а потом побежали в таверну, пропивать награбленное добро и радоваться, что остались живы. Спустив паруса, сошел с корабля, держа за повод красавца коня, Солей, а за ним спустились Якоб и девушка. Солей с мальчишкой крепко привязали судно к столбу на берегу, чтобы не унесло во время прилива.

— Ну и что мне с тобой делать? — Солей поглядел на девушку. — Я даже не знаю, куда бы нам с Якобом приткнуться. Если только остаться на корабле, — грустно сказал юноша и стал оглядываться, как будто ища решение. Со стороны города подъехал всадник и, не слезая с лошади, крикнул:

— Барон де Кантелу приказал тебе, Солей, никуда не уходить от корабля и ждать, — и ускакал.

— Понятно, — засмеялся Солей и сказал: — Якоб, разводи костер и готовь еду, а я пойду напою коня и принесу воды, — и, взяв за повод коня и прихватив кувшин, пошел в сторону пробегавшей недалеко речки Диветт. А девушка пошла за ним.

— Какого черта ты идешь за мной? Оставайся и помогай Якобу, — и Солей показал рукой в сторону мальчика, который ходил по берегу и собирал ветки для костра. Девушка испуганно посмотрела на Солея, а потом произнесла:

— Нет.

— Черт, ты умеешь говорить, а я уже думал, что ты немая, — рассмеялся юноша. — Ладно, пошли. Только возьми еще один кувшин, — он постучал по своему кувшину. Девушка поняла и подбежала к кораблю, поднялась на палубу и также бегом вернулась, неся большой глиняный кувшин, оплетенный ивовыми прутьями.

— Э-э, да ты все понимаешь, — воскликнул Солей. — А почему же не говоришь? Не умеешь?

— Да, — ответила девушка.

— Да? Что да? Не умеешь? — опять рассмеялся юноша, и девушка в ответ улыбнулась, показав ровные белые зубы, отчего с лица ее исчезла грусть. Они, взяв с двух сторон поводья, пошли к бегущей в море небольшой реке, набрали воды и отпустили коня. Тот долго-долго пил, отфыркивался и опять пил, и его живот стал круглым и провис, и он радостно и лениво замотал головой. Солей снял рубашку и стал бросать ладонями на себя холодную воду и весело вскрикивать от удовольствия, а девушка умыла свое лицо, и они, посвежевшие, пошли обратно к кораблю, где уже горел костер. Оказалось, пока они ходили, проворный Якоб достал спрятанные в корме удочки и поймал несколько рыбин и даже успел их почистить. На корабле нашелся котел, деревянные ложки, глиняные тарелки, несколько сухарей и немного соли. Якоб принес большую иглу с толстой ниткой, какими зашивают паруса, и протянул девушке. Она, схватив ее, убежала на корабль и вернулась довольная — разорванное платье было аккуратно зашито. Якоб сварил

рыбу — получился густой рыбный суп, и они с огромным удовольствием поели и весело смеялись, показывая на лошадь, которая завалилась на бок, храпела и дергала ногами во сне.

Вдруг, будто что-то вспомнив, Солей показал на Якоба и сказал: «Якоб», потом, показав на себя, произнес: «Бьорг», и спросил девушку:

— А ты? Как тебя зовут?

— Саннива, — ответила девушка.

— Какое странное имя — Саннива. Но красивое, — произнес юноша и повторил: — Саннива.

Якоб так наелся, что, пошатываясь, отошел от костра, лег на песок и, подложив под голову ладонь и пригреваемый солнышком, сразу уснул. Саннива взяла посуду и вымыла ее в море, тщательно отдирая песком. Вокруг стояла такая тишина, прерываемая только храпом коня, что Солей, покраснев, сказал:

— Пойдем, Саннива, погуляем, пока все спят.

Она посмотрела на него, и ее лицо побледнело. Солей понял, о чем она подумала, и, покраснев, хрипло произнес:

— Не бойся, Саннива, я тебя не обижу и никому не позволю тебя обидеть.

Юноша протянул руку девушке, та осторожно протянула навстречу свою маленькую ладонь, и они пошли по берегу, а море ласково накатывалось и смывало с мокрого песка следы их босых ног...

На следующий день прискакал тот же всадник и передал, что барон де Кантелу требует, чтобы Солей немедленно пришел к нему в крепость. Юноша сел на коня, которого он успел назвать странной для лошади кличкой Шторм, и поехал в Шербур.

— Я договорился с герцогом д'Арктуром: ты остаешься здесь, в Шербуре, и назначаешься командиром отряда лучников. У тебя будет двадцать неотесанных солдат, и из них ты должен сделать лучников, конечно, не таких, как ты, но умеющих убивать, — барон бросил на стол несколько серебряных монет. — А это тебе от меня — я не люблю быть должником, даже перед такими, как ты. Ты, Солей, будешь

получать неплохое жалованье. Можешь даже снять себе жилье. Ты же вроде как уже семейный человек, — барон рассмеялся и, насмеявшись, строго произнес: — Я сейчас уеду в Кан к герцогу, а ты будешь подчиняться коменданту крепости шевалье Симону д'Анишу. Он, конечно... — барон пожал плечами. — Я не буду говорить, какой он, но в любом случае ты, Солей, везунчик — если так пойдет и дальше, то я не удивлюсь, если ты когда-нибудь станешь оруженосцем, а затем рыцарем и дворянином. Старайся, Солей! Кто знает, может, и правда, что французский король Людовик объявит новый крестовый поход, в который я, если доживу, обязательно пойду и ты пойдешь. Там завоевываются слава, титулы и почетная смерть.

— Я буду очень стараться, господин де Кантелу. Мне есть для чего стараться — у меня же сейчас есть семья.

— И где же ты такую красивую девушку нашел? Что-то на английском берегу я красивых женщин не видел. Да еще и без драки с ней доплыл сюда? А конь — какой красавец конь! Продай!

— Простите, господин барон, но я в него влюбился.

— В коня? — засмеялся барон. — Впрочем, хороший конь — как лучший друг и, уж конечно, лучше любой женщины. Прощай и не подведи меня.

— Спасибо, господин барон.

Денег было немного, но Солей, выехав из крепости, тут же, поторговавшись, снял маленький домик на берегу моря и довольный поехал к кораблю.

Саннива, увидев его, заплакала, а глупое от счастья лицо Якоба расплылось в улыбке, и он, заикаясь, сказал:

— Хозяин, мы боялись, что больше тебя не увидим.

— Собирайтесь, я снял для нас дом. Пошли быстрей, а то мне надо на службу.

— На службу? — спросил Якоб.

— Да, я назначен командиром лучников здесь, в крепости Шербур.

— А я? — воскликнул мальчик.

— А ты, как и положено, пойдешь служить со мной.

— Отлично, хозяин.

— Саннива, чего ты стоишь? Или ты опять ничего не понимаешь?

— Я понимаю, — сказала тихо девушка, — но я очень боюсь.

— Пойдем, и ничего не бойся. Ты будешь хозяйкой нашего дома.

VIII

В шевалье Симоне д'Анише не было ни капли норманнской крови. Он родился в южной Франции, был черноволос, кареглаз, горбонос, худ, мал ростом, не женат, никто не слышал о его любовных похождениях — странное сочетание для французского дворянина — и... не любил нормандцев. Ему было около тридцати, когда он, без единой монеты в кармане, похожий больше на оборванца, чем на дворянина, пришел в Руан и попросился на военную службу к герцогу д'Арктуру. В лучшем случае его бы взяли солдатом, но он имел при себе грамоту на дворянский титул шевалье д'Аниша, выданную его отцу королем Людовиком VIII по прозвищу Лев во время последнего похода короля на юг Франции для усмирения еретиков. На бумаге с печатями стояла дата 8 ноября 1226 года — день смерти короля! Какой подвиг, какие услуги оказал королю отец Симона, чтобы Людовик на смертном одре даровал ему дворянский титул, не было известно никому, да и кто бы стал сомневаться в честности документа десятилетней давности? Герцог назначил д'Аниша командиром полусотни солдат. Службу д'Аниш не любил, завидовал всем, у кого были деньги или имелись земли, приносящие доход, а не как у него — неизвестная маленькая деревня недалеко от Лилля. И то это было известно с его же слов. Он участвовал в нападении на Плимут и всех своих солдат потерял, а сам успел убежать от стен крепости и тем спасся. Он хотел одного — денег и земли и совсем не хотел военной славы, а уж тем более погибать ради чужой славы. Так бы и прозябал д'Аниш, но после Плимута, где он так трусливо и бесславно бежал, его не выгнали, а, наоборот, назначили ко-

мендантом гарнизона из двухсот солдат крепости Шербур. Солдатами этих поступивших на службу крестьян назвать было трудно — никто из них не умел сражаться и не участвовал ни в одном сражении. Барон де Кантелу, отвечавший за Шербур, противился назначению д'Аниша, считая, что тот в случае нападения не сможет организовать защиту крепости, но это было решение герцога Нормандии.

Д'Аниш уже слышал о Солее, но увидев, возненавидел — в юноше было то, чего не было в нем: рост, физическая сила, мужская красота. При первой же встрече д'Аниш начал кричать на Солея, сам не понимая зачем, и докричался до хрипоты, а перед ним невозмутимо стоял улыбающийся до беловолосый юноша, и это еще больше приводило д'Аниша в бешенство. Когда он закашлялся от крика, Солей участливо спросил:

— Хотите воды, господин д'Аниш?

— А-а? — д'Аниш от такой наглости открыл рот, и его лицо стало пунцовым.

— Хотите воды? — повторил Солей.

— Черт, что ты лезешь ко мне со своей водой? Здесь советую и приказываю только я. Интересно, кто тебя, простолюдина, назначил командовать моими лучниками?

— Барон де Кантелу.

— Барон ошибся. Надо ему об этом сказать. Неслыханно — крестьянина назначили командиром двадцати солдат!

— Я не крестьянин, я рыбак.

— Боже, рыбак!

— Мне сообщить о вашем мнении барону?

— Заткнись! Твоя задача — сделать из этих крестьян солдат. Солдат, беспрекословно исполняющих мои приказы. Понятно?

— А-а, — протянул Солей, — мне барон де Кантелу говорил о другом.

— И что такого мог говорить тебе барон?

— Он приказал, чтобы я из этих крестьян сделал лучников. Понимаете, не простых солдат, а людей, умеющих убивать из лука.

— Я уже слышан, что ты любишь спорить. Но со мной это не пройдет, чуть что — и я отправлю тебя обратно в солдаты.

— Не отправите — меня назначили командовать лучниками не вы, а барон де Кантелу.

— Ну как-нибудь с де Кантелу я договорюсь. Мы все-таки дворяне, не рыбаки, — хохотнул д'Аниш.

— Попробуйте... Я могу идти к своим крестьянам, господин д'Аниш?

— Иди и помни, что я тебе сказал. Я буду очень внимательно наблюдать за тобой.

— Хотите сказать — следить...

То, что лучники были крестьянами, а не солдатами, было правдой. Они не понимали команд и не умели стрелять из луков. Это Солей понял сразу, как только их увидел. Он, вспомнив, как учили его, вывел этих двадцать необученных солдат на берег моря и приказал стрелять по мишеням с двадцати шагов. Больше половины не попали в большую деревянную мишень. Мишень перенесли еще на двадцать шагов — попали только двое.

— Вы двое, — сказал Солей, — и будете командовать десятками, — и приказал отнести мишень на сто шагов. Якоб подал ему длинный лук, и Солей первой же стрелой поразил центр мишени, чем вызвал восторг у лучников. Солей одним точным выстрелом добился своего: солдаты сразу же признали его своим командиром.

Каждый день, в любую погоду он заставлял их по многу часов стрелять в мишени, пока не достигал нужного результата.

— Вы должны уметь стрелять быстрее и лучше врагов, иначе они убьют вас первыми, — говорил Солей.

— А ты давно служишь у герцога? — спросил один из лучников.

— Почти два года, а до этого был простым рыбаком в Ла-Рошели.

— Не может быть!

— Почему? Если будете стараться, то через полгода будете поражать мишень с семидесяти шагов. А дальше нуж-

ны сила и особый лук. Чтобы его иметь, надо переплыть через Ла-Манш или дожждаться, пока англичане приплывут сюда.

За Шербур перед герцогом Нормандии отвечал барон де Кантелу, и он раз в месяц приезжал в город и проверял, как готова крепость к отражению возможного нападения англичан. Смотрел и понимал: Шербур не устоит, и не потому, что мало солдат, а из-за их неумения воевать. Всеобщего, кроме лучников Солея. Де Кантелу ругал коменданта, просил старого герцога его заменить, но слышал в ответ:

— Д'Аниш дворянин и прекрасно служит мне уже пять лет. Если я дворян буду выгонять со службы, то кто же из рыцарей придет ко мне служить? Нет, нет и нет! Да и кто нападет на Шербур? Англичане? Они если и захотят напасть, то на Гавр. Да и не верю я, чтобы граф Девон решился напасть на мои земли... И в Шербуре двести солдат. Если что-то и произойдет, то они отобьют любое нападение!

— К сожалению, из этих двухсот только два десятка лучников способны защищать крепость.

— Де Кантелу, за Шербур отвечаешь ты! А д'Аниша не трогай! — старый герцог склонился над очередной тарелкой с едой. Барон, мысленно ругнувшись, пошел к сыну — герцогу Жану д'Арктуру. Молодой герцог выслушал и произнес:

— Да плюньте, мой друг, на все свои страхи. Никто на Шербур не нападет. Ну на кой он англичанам? Старик прав: если уж нападать, то на Гавр. А за Гавр, как известно, уже отвечаю я. Ну что ты хочешь?

— Нанять еще двести-триста солдат и отправить в Шербур. И главное, как можно быстрее выгнать коменданта д'Аниша.

— А у тебя есть кто-то другой на примете?

— Твой отец по моей просьбе назначил командиром лучников в Шербуре Бьорга Солея.

— Я его помню. Хороший воин. А как стреляет из лука! Невероятно! А какая сила!

— Вот только его двадцать лучников и способны защищать крепость. Двадцать из двухсот! Я бы сейчас же назна-

чил его комендантом крепости Шербура, но он не дворянин. А твой отец может назначить, но не хочет.

— Ах, де Кантелу, ты же знаешь, как я тебя люблю, ты прекрасный воин, но не знаешь самого главного — где взять денег на этих солдат? Пока я могу пообещать тебе, что, как только произойдет... ну ты понимаешь о чем я... то сразу же выгоню этого д'Аниша. А Солею надо отличиться — совершить подвиг во благо Франции и нашего короля Людовика, скажем, сходить в крестовый поход. Поговаривают, что король все-таки собирается в Палестину. А там твой Солей либо голову сложит, либо, может быть, станет рыцарем и дворянином.

— Если будет поход, я сам пойду.

— Хочешь стать виконтом?

— Хочу. У меня же сын. Ах, поскорей бы.

— Вот и возьмешь Солея своим оруженосцем.

— И сын пойдет, а Солея-то обязательно возьму — он свободный воин, — лицо герцога при этих словах скривилось, но барон этого не заметил. — Я верю: этот юноша там совершит подвиг!

— Вот и прекрасно, если это произойдет, обещаю по возвращении назначить Солея комендантом Шербурской крепости, и тогда пусть попробуют англичане напасть на наши земли, — рассмеялся герцог. Его лицо оставалось злым. — А пока пусть д'Аниш остается комендантом Шербура. Всем от этого спокойней.

— А может, нам самим еще раз напасть на англичан? — спросил де Кантелу.

— А что, мысль прекрасная, но все, мой друг, потом, потом... — герцог вытер выступившие слезы и, когда барон вышел, прошептал: — Поскорей бы... уж слишком долго тянет. Может, обманул с ядом... да спросить уже не с кого.

IX

Когда зазвучала сигнальная труба на крепостной башне, все удивились — она звучала впервые. Труба ревела, и где-то внутри, у сердца каждого человека возникал непо-

нятный страх. Солей побежал по ведущей на башню каменной лестнице и, достигнув смотровой площадки, увидел старого солдата, о котором никто не вспоминал, пока вот так, неожиданно, не зазвучали страшные звуки. Каждый день с первыми лучами солнца этот солдат поднимался на башню и смотрел на море, пока солнце не скрывалось за горизонтом и не наступала темнота. И так каждый день из месяца в месяц, из года в год. О нем не вспоминали — он ел, пил и честно нес свою службу.

Солдат, увидев Солея, перестал дуть в трубу и показал рукой в море, где у горизонта виднелись множество черных точек. Солей был моряком и рассмотрел больше, чем старик, который давно уже не обладал хорошим зрением, — по морю шли десятки кораблей. Чьих — уже было не важно, это были чужие корабли. Солей сбежал с башни и, увидев растерянно стоявшего коменданта д'Аниша, крикнул:

— Сюда плывут вражеские корабли. Очень много кораблей.

— Может, это торговые суда? — голос д'Аниша дрожал.

— Нет, это не торговые корабли. Это англичане.

— Откуда ты знаешь?

— Я это видел. Надо предупредить горожан, чтобы бежали в крепость, и послать гонца к герцогу.

— Что делать, здесь решаю только я!

— Ну что же, решайте, а я пойду к своим лучникам.

— Вот так-то лучше, — язвительно заметил д'Аниш. — И почему ты решил, что это англичане?

— Кто-то же должен отомстить нам за Плимут.

— Ничего там особенного не произошло. Ну сожгли город. Так они не сдали крепость, вот мы и сожгли.

— А сейчас они сожгут Шербур.

— Пусть только попробуют!

Солей отошел и махнул рукой Якобу. Когда мальчишка подбежал, юноша наклонился и прошептал:

— Беги домой и скажи Санниве, чтобы спряталась, а сам садись на Шторма и быстро езжай по дороге в Кан. Когда встретишь солдат герцога, проси, чтобы тебя отвели

к барону де Кантелу. Скажешь ему, что в Шербур приплыли англичане. Очень много кораблей. Если спросят, кто тебя послал, скажи, что командир лучников Солей. Беги, Якоб!

Мальчик убежал, а Солей, собрав лучников, сказал:

— У кого в городе есть семьи, быстро идите домой и предупредите: пусть идут сюда, в крепость, или уходят в сторону Кана.

— Что случилось, Солей?

— Сюда плывут англичане.

— Они плывут сюда, чтобы отомстить за Плимут?

— Думаю, да... Потом собираемся на западной стене.

Щербур — маленький городок, где кроме гарнизона крепости жили рыбаки и торговцы. Стоял прекрасный день, и рыбаки были в море, а их жены не захотели бросать дома и скот, пока не увидели, как десятки больших кораблей появились в лагуне. Тогда, испугавшись, они схватили детей и бросились в крепость. Прибежала и Саннива.

— Зачем ты пришла? — спросил ее Солей. — Я же просил спрятаться. Это же англичане, они тебя не тронут.

— Я уже не англичанка, а французенка. И у меня есть ты. А Якоб еще мальчишка, чтобы указывать, что я должна делать. Он сел на твоего коня и, сказав, что исполняет твой приказ, ускакал.

— Хорошо, оставайся.

Д'Аниш сверху стены приказал солдатам:

— Закройте ворота и никого не пускайте.

У ворот началась давка — все хотели попасть внутрь крепости.

— Почему нас не пускают? — кричали люди.

— Я не знаю, зачем сюда плывут эти корабли. Но вам нечего бояться — если они захотят напасть на нас, то прежде выдвинут свои условия. Идите домой, а если послушаетесь и будете рваться в крепость, то я прикажу солдатам стрелять в вас, — крикнул д'Аниш.

Толпа отхлынула от ворот и, крича проклятия коменданту, побежала обратно в город.

Корабли подошли к берегу, и с них стали сходить пехотинцы и лучники, рыцари в кольчугах и шлемах садились

на лошадей, над всем этим войском затрепыхалось желтое полотнище с грозным синим львом, и уже не было сомнений, для чего приплыли сюда эти корабли.

От берега отъехал всадник и поскакал к крепости. Не боясь быть пораженным стрелой, он остановился под стенами и крикнул:

— Я, сэр Моллиган, от имени Болдуина де Ревьерса, графа Девонширского предлагаю вам сдать крепость. Взамен граф Девонширский обещает не убивать жителей и солдат.

Д'Аниш осторожно выглянул из-за зубца стены и задрожавшим голосом закричал:

— Я, шевалье д'Аниш, — комендант крепости, принимаю условия графа Девонширского и готов сдать на милость победителя. Мне нужен час времени.

— Посмотрим, шевалье д'Аниш, как ты держишь слово французского дворянина. Мы ждем час, после чего начинаем штурм, и тогда ни ты, ни защитники не ждите пощады — пленных не будет, мы убьем всех! — Моллиган развернул коня и поскакал обратно к берегу.

Д'Аниш, оглядывая солдат, радостно и громко сказал:

— Вот видите, я был прав! Англичане — хорошие и порядочные люди, они предложили нам сдать крепость, а взамен обещают сохранить жизнь. Слава богу, все закончилось миром. Приказываю открыть ворота, сложить оружие и всем покинуть крепость.

— Д'Аниш, как ты можешь такое говорить? — закричал Солей. — Ты же французский дворянин! Мы должны защищать крепость! Я отказываюсь сдаваться!

— И я... И я! — понеслось над солдатами.

— Ты, Солей, и вы все подчиняетесь мне, и я приказываю сдать крепость!

— Никогда! Ты, д'Аниш, трус и предатель. Пусть уходят все, кто не хочет защищать крепость, а те, кто не желает сдаваться англичанам, остаются! — ответил Солей.

— Да и черт с вами, погибайте! — закричал д'Аниш и пошел к воротам. Ворота открыли, солдаты, толкаясь, бросились к выходу. Первым выбежал д'Аниш. С Солеем остались только лучники и три десятка солдат.

— Послушайте меня: кто боится, у кого остались в городе семьи, уходите. Дай бог, чтобы англичане не поступили так, как мы поступили с ними в Плимуте, — обратился к ним Солей.

Солдаты и несколько лучников, опутив головы, пошли к воротам. На площади молча стояла Саннива.

— Уходи, Саннива. Ты же англичанка, скажи им, что тебя силой вывезли из Плимута, и ты сможешь вернуться к себе домой, в Англию, — сказал ей Солей.

Саннива подняла залитое слезами лицо и дрогнувшим голосом произнесла:

— Я не пойду, Бьорг. Я останусь с тобой!

Солей обнял ее и прошептал:

— Саннива, ты сейчас в ответе за нашего будущего ребенка. Если что-нибудь случится со мной, возьми Якоба, моего коня и уезжайте в Ла-Рошель. Я тебе рассказывал, как туда добраться. Мой отец примет вас, а брат и сестра будут рады. Только уходи из Шербура как можно скорее — вы оба принадлежите герцогу, — Бьорг взял девушку за руку и, доведя до ворот, поцеловал и тихо произнес: — Прощай, Саннива!

Когда девушка, рыдая, вышла из крепости, Солей, повернувшись к оставшимся лучникам, крикнул:

— Закрывайте ворота! Все на стену. И делайте всё так, как я вас учил. Помните, если мы погибнем — никто не назовет нас трусами и предателями...

Х

Д'Аниш подошел к сидевшему на коне барону Моллигану и заискивающе стал смотреть на него.

— Ну, д'Аниш, все вышли? Почему же тогда ворота закрыты? — спросил коменданта Шербурской крепости Моллиган.

— Господин барон, там осталось два десятка солдат, которые не захотели уходить и закрылись в крепости.

— Они что — безумные? Мы же их за это казним.

— Я тоже так сказал, но их командир не подчинился моему приказу.

— Ну что ж, тем хуже для них, — сказал Моллиган и, дернув за повод коня, поехал, но вдруг остановился и, повернувшись к стоящему с опущенной головой д'Анишу, произнес с угрозой: — Если они убьют хоть одного моего солдата, я убью тебя! Как зовут того смертника?

— Солей, господин барон.

— Как?

— Солей.

— А что он-то здесь делает? Он же всегда был при бароне де Кантелу.

— Так барон де Кантелу и назначил его сюда.

— Ты хочешь сказать, что оставшиеся в крепости солдаты — лучники?

— Да. Двадцать лучников.

— И давно ими командует Солей?

— А как в прошлом году приплыли с набега на земли графа Девонширского, так... — замялся и закашлялся до красноты на лице д'Аниш. — Простите, барон.

— Значит, научил, — тихо произнес Моллиган.

— Что вы сказали, господин барон?

— То и сказал: если они убьют хоть одного моего солдата, я прикажу тебя повесить.

— Но я же дворянин и все исполнил, как вы приказали, — вскрикнул д'Аниш.

— Не все, раз крепость не сдалась.

Барон Моллиган приказал солдатам взять бревно и, используя его как таран, разбить ворота. За пятьдесят шагов от стен, когда можно было различить даже отдельные камни крепости, солдаты стали посмеиваться и кричать:

— Зачем бревно-то тащим?.. Эй, в крепости, открывайте быстрее, я хочу вина и мяса... А я хочу побыстрее забраться на какую-нибудь девицу... — и снова громкий смех.

Над стеной появились люди с луками, и несколько солдат упали, убитые стрелами. Защитники скрылись, и тут же появились следующие, и опять полетели стрелы, и опять упали мертвыми английские солдаты. Началась па-

ника. Бросив бревно, солдаты побежали обратно. Никто не стрелял им в спины. Страх гнал солдат — они готовы были пробежать мимо лагеря и спрятаться на кораблях, но их останавливали, сбивая с ног ударами кулаков, а над лагерем стоял громкий смех.

Граф Девонширский был маленьким горбатым человеком, он был хром на одну ногу, и на его лице никто никогда не видел хотя бы подобие улыбки. Он смотрел на Моллигана, и его длинноносое, с неопрятной бородой лицо было перекошено злобой, а глаза сверкали.

— Барон, — закричал граф, — что это значит? Ты же сказал, что там осталась маленькая кучка защитников. И они обратили моих солдат в бегство? Моллиган, что происходит? Ты же никогда не показывал спину врагу.

— Ах, граф, я и сам не понимаю, что произошло и почему они побежали. Может, потому, что там этот Солей?

— Какой еще Солей? — раздраженно спросил граф Девон.

— Обыкновенный человек, но необыкновенный воин. Он стреляет из лука лучше и дальше всех и может сражаться двуручным мечом. Это он спас жизнь барону де Кантелу в Эксетере, когда я должен был его убить. Это он, единственный, не бежал, когда вы, граф, разбили войско герцога Нормандского под стенами Плимута.

— Ну и что? Что может сделать один человек?

— Он может научить других так же храбро сражаться. Я подумал об этом, и мне вдруг самому стало страшно. Двадцать стрелков убили десять солдат!

— Ах, Моллиган, Моллиган, как ты меня расстроил, — маленький горбачий человек в маленьких, как у детей, блестящих латах, прихрамывая, быстро прошел из конца в конец шатра, остановился и, указав закованным в железную перчатку пальцем на барона, прокричал: — Я приказываю тебе, Моллиган — иди и возьми Шербур, и чем быстрее ты его возьмешь, тем лучше будет для тебя, потому что, я думаю, к герцогу Нормандскому давно отправили гонца за помощью. А не то мне придется совершить такую же подлость, как герцогу, — сжечь город.

— Граф, а почему бы нет? Что в этом плохого — ответить тем же?

— Ты так считаешь?

— Я пошлю к ним коменданта, который сдался, и пусть он им выскажет наше требование: либо они откроют ворота, либо мы сожжем весь город вместе с жителями.

— Ну вот, кажется, к тебе вернулся разум. Потом, когда они откроют ворота, покажите мне этого смельчака.

— Да, граф.

Барон вышел и увидел, как два солдата тащат по земле к дереву, с которого свисала веревочная петля, рыдающего д'Аниша.

— Барон! Барон Моллиган, спасите меня! — закричал, увидев Моллигана, д'Аниш.

— Почему это без моего приказа вы решили его повесить? — удивился барон.

— Господин, он хотел убежать, и убежал бы, но мы успели его поймать уже за лагерем.

— Да кто тебе позволил казнить дворянина, пусть даже и французского? — вновь закричал Моллиган. — Развяжите его и подведите ко мне.

Плачущий от счастья д'Аниш упал перед бароном на колени.

— Спасите, сэр Моллиган! Мы же с вами дворяне.

— А зачем ты бежал? Тебе же ничего не грозило.

— Как не грозило? Вы же сами, барон, пообещали меня казнить, если погибнут ваши воины. Я испугался, я потерял разум и побежал. Ах, пощадите меня, барон, я сам не знаю, что на меня нашло. Я буду всю жизнь вашим покорным слугой.

Моллиган внимательно посмотрел на д'Аниша, потом криво и презрительно усмехнулся:

— Вот что д'Аниш, иди в крепость и скажи этому Солею, что если он откроет ворота, ни его, ни его солдат не тронут. Если же нет, то город сожгут... Эй, дайте французскому шевалье коня! Скачи, д'Аниш, и как можно быстрее. Да не вздумай сбежать и уж тем более остаться в крепости — я тебя тогда, не задумываясь, отдам на расправу своим сол-

датам, и хоть ты и дворянин, поверь, кончишь уже не веревкой, а с выпущенными кишками и оскопленный!

Д'Аниш от таких слов зашатался от страха и с трудом стал залезать на лошадь, не попадая ногой в стремя.

— Помогите ему! — приказал Моллиган. — И запомни д'Аниш, я долго ждать не буду.

Лошадь, получившая удар плеткой, поскакала, и было видно, как в седле трясется д'Аниш.

— Не упал бы, — глядя ему вслед, засмеялся Моллиган, и ему сразу стало весело, и пропал, посетивший его, смелого человека, неведомый доселе страх. Барон покачал головой и прошептал: — Странно — какой-то один простой воин может вызвать страх у стольких людей.

Д'Анишу ворота крепости не открыли, и он, задрвав голову, крикнул:

— Ты, Солей, свинья! Что ты наделал — англичане обещали убить всех горожан и сжечь город! Да и черт бы с ними, с жителями и с этим городом, но они пообещали казнить и меня. Меня! Дворянина! Шевалье д'Аниша! Все убирайтесь из крепости. Я вам приказываю! И благодарите меня за то, что я спас всем вам жизнь.

Лучники повернулись к Солею. Один, старший по возрасту, сказал:

— Мы сделаем так, как ты нам прикажешь. Говори.

— Пусть каждый решает сам, но лучше, если вы уйдете. Это же англичане, и они приплыли, чтобы отомстить за Плимут. Не уйдете — они сожгут город!

— А ты?

— Я остаюсь. Уходите.

— Ну что ж, надо уходить, — сказал лучник и пошел к воротам. За ним потянулись и другие. Последним шел Солей.

Когда ворота открыли и все лучники вышли из крепости, д'Аниш удивленно спросил:

— А ты, Солей?

— Я лучше умру, чем сдамся, — ответил Солей.

— Ну и черт с тобой! — д'Аниш со злостью ударил плетью лошадь и поскакал к английскому лагерю.

— Тогда и я не пойду! — заявил совсем молоденький лучник. — У меня же нет семьи.

— Уходи, — сказал Солей. — У тебя вся жизнь впереди, будут и жена, и дети. Запомните, — вы храбро дрались и не опозорили себя. Вам будет что рассказать своим детям.

Лучники, опустив головы, пошли к берегу, и Солей закрыл за ними ворота крепости.

В лагере перед бароном Моллиганом стоял с перекошенным от страха лицом д'Аниш.

— И что это значит? — спросил Моллиган. — Где Солей?

— Он остался, — дрожащим голосом ответил д'Аниш.

— Как остался? Один?

— Да, один.

— Д'Аниш, я что-то тебе обещал? — закричал барон. — Я обещал, что отдам тебя своим солдатам, и я сделаю это.

— Но, ваша милость, что я мог сделать, если я всех уговорил и только он один отказался уходить?

— Надо было его убить!

— Как я мог его убить, если они не открыли передо мной ворота? Простите меня, барон.

— Простить?! Нет, ты пойдешь первым на штурм крепости. Первым! На единственного защитника! — Моллиган повернулся к солдатам. — Сотник Брэди, берите своих людей и ломайте ворота. И знайте, что там всего один защитник.

— Как один?

— Один, и постарайтесь взять его живым. А этого француза, — Моллиган показал на д'Аниша, — гоните впереди себя. Будет упираться — убейте. Он это заслужил. Я разрешаю!

За сто шагов до стены стрела попала в д'Аниша, и он, дико закричав, упал на землю.

— Чертов француз, — зло произнес сотник Брэди. — Пусть не надеется, что останется живым, если убьют хоть одного моего солдата!

Рядом упал англичанин с пробитым стрелой горлом.

— О-о! — закричал Брэди. — Эта стрела была предна-
значена мне! Бог меня сберег!

Потеряв нескольких солдат, англичане тараном сломали
ворота и ворвались в крепость. Наверху ведущей на стену
лестницы стоял юноша с белыми волосами и мечом в руке.

— Убейте его! — крикнул Брэди, и солдаты, выхватив
мечи, толкаясь, с криками ярости стали взбираться по ка-
менным ступеням.

Первые трое, достигшие верхней площадки, под страш-
ными ударами Солея скатились по лестнице вниз.

— А-а! — завизжал Брэди и, расталкивая солдат, бро-
сился вверх по лестнице. Юноша отражал удары, не давая
солдатам взойти на площадку, когда напротив него поя-
вился Брэди. Сотник считался лучшим в боях на мечах, и
благодаря этому он, простой ремесленник, вначале стал
оруженосцем у барона Моллигана, а затем командиром со-
тни солдат и ему был обещан дворянский титул.

Под ударами меча сотника Солей отступил на площадку
башни, и они закружились, стараясь поразить друг друга.

— Черт, я такого сильного противника еще не встре-
чал! — хрипло крикнул Брэди. — Где же ты так научился
сражаться, юнец?

Солей не ответил и нанес удар. Брэди подставил свой
меч, и меч Солея лишь скользнул по его груди, прикрытой
кольчугой. Она лопнула, и кровь выступила на рубашке со-
тника.

— Хороший удар! — вскрикнул Брэди. — Но он тебя не
спасет.

Сотник ловко отбил очередной удар Солея, и тот, что-
бы удержать равновесие, на какой-то момент развел руки,
открыв грудь. Опытный Брэди тут же нанес удар мечом,
разрубив грудь юноши. Хлынула кровь, и Солей упал на
колени, а потом, закрыв глаза, рухнул на каменные пли-
ты. Брэди занес над ним меч, чтобы убить, но тут раздался
грозный крик:

— Брэди, остановись! Не убивай его. Я приказываю.
Его хотел увидеть сам граф Девон, — на площадку вбежал
барон Моллиган.

— Ваша милость, я бы и сам не хотел убивать столь достойного противника, но думаю, этого уже не требуется. Он мертв! Жаль, он столь молод.

— Да, жаль. Я знал этого юношу как очень храброго воина. Мне даже сказали, что во время нападения на Плимут он убил двух французов за то, что они убивали мирных англичан.

— Я этого не знал, ваша милость. И если бы я это знал, то не стал бы его убивать.

— Господин барон, — крикнул наклонившийся над Солеем солдат, — а он, кажется, дышит.

— Отойди! — и Моллиган с сотником наклонились над юношей. Тот едва заметно дышал.

— Эй, — крикнул барон, — отнесите его в лагерь. Осторожно, чтобы он не умер по дороге.

Через распахнутые ворота в крепость въехал всадник и крикнул:

— Барон Моллиган, граф Девон приказывает всем быстро уходить на берег. Сюда приближается войско герцога Нормандского.

— Как жаль, что мы не успеем разграбить крепость. Брэди, подожгите все, что успеете поджечь, здесь и в городе, — приказал Моллиган.

Англичане спешили — хотелось убежать обратно в лагерь, — хватали в домах все, что могли утащить, рубили мечами жителей и бежали к берегу. Крепость дымилась, над домами с гулом поднимался огонь пожаров.

В сотне шагов друг против друга выстроились два войска. От французов отъехал всадник в блестящих доспехах на красивом коне и поехал в сторону англичан. От англичан отъехал всадник в таких же доспехах и с желтым плащом на плечах.

— Я рад вас видеть, барон де Кантелу, — сказал англичанин. — Жаль, что вы так рано приехали, а то мы бы сделали с вашим городом то же, что вы так подленько сделали с нашим Плимутом.

— Мне, сэра Моллиган, самому стыдно за Плимут.

— Ой ли, барон! Пусть герцог д'Арктур радуется, что у него есть такие воины, как Солей.

— Не понял вас, сэръ Моллиган! При чем здесь Солей?

— А вы расспросите своих лучников, которые защищали крепость.

— А что, крепость кто-нибудь защищал?

— Барон! Да мне бы таких солдат, как Солей с его лучниками, вы бы и близко к Эксетеру и Плимуту не подошли.

— Вы знаете, где он?

— Он на корабле у графа Девона — граф очень хотел посмотреть на этого героического юношу.

— Что вы собираетесь делать дальше, сэръ Моллиган?

— Если герцог д'Арктур и вы барон, не возражаете, — засмеялся Моллиган, — то мы уплывем домой. А если возражаете, то наши лучники убьют любого, кто приблизится к нам на пятьдесят шагов. Солея-то у вас больше нет.

— Тогда пообещайте, сэръ Моллиган, больше не нападать на наши земли, и можете спокойно плыть домой, в Англию.

— Барон, вы о чем? Вы что, можете пообещать, что прекратите нападать на английские города?

— Конечно, нет.

— Вот и я не могу. Да и не от нас с вами это зависит.

— Хорошо. Плывите.

— До встречи, барон де Кантелу.

— До встречи, сэръ Моллиган.

Моллиган отдал приказание, и английские солдаты стали подниматься на корабли. На палубу одного из них заехал на лошади Моллиган, и, прежде чем отплыть, четверо солдат на куске парусины снесли на берег окровавленного человека. Моллиган, показав на него рукой, крикнул:

— Де Кантелу, передайте герцогу д'Арктур, что этот юноша — единственный герой несостоявшейся битвы и мне очень жаль, что он умирает, иначе я бы его забрал с собой.

Доски сбросили в воду, корабль стал медленно отходить от берега и растворился в морской дымке. Де Кантелу подъехал и склонился над лежащим на берегу человеком.

Ему было очень жаль этого красивого юношу с необыкновенного цвета волосами, который тяжело и прерывисто дышал. Лицо умирающего было столь же белым, как волосы, с губ срывалась кровавая пена. К нему осторожно подошли красивая черноволосая девушка и мальчик. Мальчика барон узнал — это он прискакал на лошади и сообщил о нападении на Шербур.

— А где твой конь? — спросил у мальчика барон.

Мальчик показал на воина, сидевшего на красивом коне.

— Это конь Солея, — сказал воину де Кантелу. — Слезай и верни коня мальчишке. Солей еще не умер, чтобы ты завладел его имуществом. И конь принадлежит не тебе, а герцогу. Повернувшись к девушке, барон спросил: — Ты жена Солея? Я тебя помню. Ты из Плимута? — Девушка молча кивнула головой.

— Отнесите Солея туда, куда она укажет, и попробуйте только не исполнить — будете иметь дело со мной, — приказал барон и поехал навстречу подъезжавшим к берегу всадникам, над которыми развевался флаг с гербом герцога Нормандии — двумя золотыми львами на красном полотнище. Вдруг барон остановил коня, внимательно посмотрел на стоящую толпу оставленных англичанами на берегу пленных и крикнул:

— Это ты, д'Аниш? Ранен? Иди за мной.

Комендант крепости с бледным лицом и перевязанной грудью, пошатываясь, пошел за поскакавшим к герцогу бароном. Он понимал — его сейчас казнят за трусость и предательство...

XI

В маленьком домике небольшого городка Ла-Рошель, что на берегу Атлантического океана, сидели за столом двое, и посмотрев на них, любой человек сразу бы сказал, что это отец и сын, настолько они были похожи. Оба были высокие, беловолосые и синеглазые, только отец был шире в груди и плечах, а сильные, крепкие руки были со вздуты-

ми венами и вокруг глаз было много мелких морщин. Это были Харальд по прозвищу Солнечный и его младший сын Франсуа.

— Франсуа, — сказал Харальд, — в том, что к герцогу Нормандскому ушел служить Бьорг, было не только мое, но и его решение. Я свою клятву, данную когда-то герцогу, исполнил. Теперь я должен вернуться на свою родину, чтобы исполнить другую мою клятву — данную над могилой матери.

— Я помню — ты поклялся убить Хоккона Кривого.

— Да, Хоккона, будь он проклят.

— Отец, давай это сделаю я. Ты же знаешь — я умею хорошо стрелять из лука, умею читать и писать, неплохо знаю шведский язык, я молод и легко устроюсь матросом на любой торговый корабль, чтобы добраться до Швеции.

— Нет, Франсуа, это мой долг, а ты как младший сын должен жить в этом доме, — Харальд протянул сыну золотой медальон. — Он должен храниться в семье и передаваться от отца к сыну. Это единственное, что осталось у меня от моих родителей. Теперь он твой. Мне же предстоит очень далекий и очень опасный путь, который когда-то я, такой же молодой, как ты, прошел с Ингрид. Я и сейчас не могу поверить, что мы сумели тогда доплыть до Ла-Рошели. Боже, прошло уже двадцать лет! Я знаю, что сюда больше не вернусь... Долгов у меня нет, лодка хорошая, сети отремонтированы, дом крепкий. Может быть, мы живем бедно, но мы простые рыбаки — наши деньги в море, и это очень трудные деньги. Сколько в Ла-Рошели за эти годы разорилось рыбаков! А ведь они не ленились, не лежали на лавках, они каждый день плавали в море, но им не везло. А сколько дней и недель мы сами сидели без крошки хлеба. Но я не желаю тебе другой судьбы. Я знаю, ты, как все в нашей семье, любишь море и будешь ему верен... Как вы с сестрой будете жить, зависит теперь только от тебя. Прошу, береги Ингрид и, когда она вырастет, выдай ее замуж за хорошего и доброго человека. А сегодня давайте пораньше ляжем спать — завтра рано утром я уеду.

— Как завтра? — воскликнул Франсуа.

— Время не терпит, а путь очень длинный, да и там, куда я поплыву, лето быстро кончается. Я уже договорился с торговцем Батистом — он завтра поплывет в Нант на свадьбу к дочери и пообещал взять меня с собой.

Нерадостным был этот вечер. Сидели за столом тихо и грустно — казалось, даже огонь в очаге горел не ярко. Харальд не ложился спать, все выходил из дома смотреть, когда же появится краешек солнца над таким любимым и родным для него морем. И все-таки ночь и монотонный шум прибоя сморили его, под самое утро он прилег на кровать всего на чуть-чуть... Но только солнце появилось над морем, разделив на горизонте воду и небо, Харальд встал и тихо пошел по дому, про себя с грустью прощаясь с ним навсегда. Заглянул в комнату, где спали дети — после отъезда Бьорга в ней осталось две кровати: Франсуа и дочери Ингрид, — он понимал, что больше не увидит своих детей, и ему в этот момент очень хотелось их обнять, но он боялся, что разбудит их и тогда ему еще трудней будет прощаться. Слезы душили его. Он уже тихо выходил из дома, когда вдруг подумал, что не услышал привычного спокойного сонного сопения сына. Он вернулся, тихо подошел к кровати сына и с замиранием в груди поднял тоненькое одеяло — на кровати лежали две подушки... Харальд все понял. Сгорбившись, как старик, тяжело шаркая ногами, он прошел на кухню и только тогда увидел на столе небольшой листок бумаги, прижатый золотым медальоном. Читать Харальд не умел и, растолкав дочь Ингрид, заставил ее прочитать записку. Девочка, сонная и удивленная, по слогам прочитала: «Отец, прости меня, но я решил исполнить свой сыновий долг. Я все сделаю так, как хотел сделать ты, и обязательно вернусь домой. Клянусь — я вернусь! Сохрани для меня свой медальон».

Харальд, мужественный человек, сел на лавку и, положив на стол свои большие, жилистые, сильные руки, опустил голову и заплакал. В своей жизни он плакал только два раза: когда погибла его мать и когда умерла жена Ингрид.

— Мальчишка! Зачем же ты это сделал, Франсуа? — шептал он. — Это мой сыновий долг, а не твой. Зачем? Маленькая Ингрид прижалась к отцу и тоже плакала.

XII

В рыбацкую деревеньку Бальгедер с маленьким торговым судном приплыл юноша с волнистыми белыми с рыжими кончиками волосами. Первая же идущая навстречу старуха подозрительно посмотрела на юношу и, взглянув в его синие глаза, спросила:

— Ты чего здесь забыл?

— Я? Я приплыл из Дании и ищу здесь своих родственников.

— А кто твои родственники?

— Эбба Белая, — ответил юноша, и старуха отшатнулась от него, как от больного чумой.

— Ты родственник ведьмы? — спросила она со страхом.

— Почему ведьмы? — удивился юноша.

— Когда ее убил Хоккон Кривой — будь он сам проклят и проклята вся его семья до седьмого колена, — на всю нашу деревню напал мор. Пришла какая-то странная болезнь: все стали покрываться язвами и умирать в страшных муках. Полдеревни вымерло. Спаслись только те, кто успел убежать из деревни. Некому стало плавать в другие земли — викингов не стало, а корабли сгнили. Это было проклятие Эббы! Мы знаем!

— Но при чем здесь Эбба Белая?

— Она была ведьмой, а этот Хоккон ее насмерть замутил пытками. Вот она и отомстила.

— А кто-то из ее родственников остался живой?

— Что ты! Муж ее, Бьорг Сильный, очень странно погиб — упал вон с той скалы, — старуха показала на уходящую ввысь скалу фьорда. — Его зарезали ножом, а потом столкнули. Тогда все говорили, что это сделал Хоккон, да что толку. Старший сын Эббы погиб в море. Но это хорошо — викинги и должны умирать в море. А вот младший сын пропал.

— Как пропал?

— То ли погиб, то ли убежал. Странное тогда говорили: мол, он украл дочь у нашего хэрсира Олафа Красного и убежал с ней. Но куда можно из нашей земли убежать? А дочка у Олафа и правда тогда пропала.

— И никого из родственников Эббы Белой не осталось?

— Нет.

— А что с этим... как его... Хокконом?

— Рассказывали, что его где-то, но не в наших землях, смертельно ранили стрелой, но он выжил и давно уже здесь не живет. Он живет в доме Олафа Красного, своего родственника. Олаф-то в те же времена уплыл на корабле искать дочь, да так и не вернулся. Поговаривали, что вместе с ним уплыл и сын нашего ярла Юхана Прыщавого и тоже не вернулся. А Хоккон, как Олаф-то пропал, жену его вместе с сыном из родного дома выгнал и сам стал хэрсиром. Да и Юхан Прыщавый не возражал. А чего ему возражать — он с того времени, как сын пропал, пьет, не просыхая. И удивительно — все еще не сдох. Сильный человек! Это все ведьма порчу навела... Так что нет тут никого из твоих родственников. Зря пришел. Ну, все рассказала, а зачем — сама не знаю. Прощай.

— Спасибо, бабушка.

Когда юноша отошел, старуха прошептала ему в спину:

— Как же, будто я не узнала сына Эббы Белой Харальда! Надо же, совсем не изменился. Может спросить, что он здесь делает? Что ты! Чур меня, чур — это же сын ведьмы. Пусть идет своей дорогой, — старуха пошла и, встретив такую же старуху, рассказала о появившемся в деревне загадочном, но таком узнаваемом юноше.

Хоккону повезло: раненный стрелой в Дании, он выжил, а когда пришла весть, что хэрсир Олаф и сын ярла Юхана во время погони за Харальдом и Ингрид погибли в далекой Нормандии, он предложил Бирте — вдове Олафа — стать его женой. Та презрительно отказалась, и тогда Хоккон вы-

гнал ее с маленьким сыном из ее же дома, правда, перед этим съездил к ярлу Юхану и заручился его поддержкой — тот, узнав о смерти сына, посылал проклятия на дом покойного Олафа и его семьи. И Хоккон вошел в дом Олафа уже на правах нового хэрсира, а изгнанная вдова стала жить на берегу моря в маленьком домике с сырым земляным полом и вечно коптящим очагом.

Шли годы. Юхан Прыщавый спивался, опускался, перестал вдаваться в дела своей провинции, его люди умирали от непонятных болезней, когда-то прекрасные корабли, на которых викинги плавали по морям, сгнили, дом его ветшал, а слуги и воины разбегались. И Хоккон сам захотел стать ярлом провинции Блекинге и поселиться в городке Роннебю. Для этого он дважды сплавал на остров Стадсхольмен в проливе между озером Меларен и Балтийским морем, где зять короля Швеции Биргер Ярл построил крепость «Три короны» — будущую новую столицу, и, упав перед ним на колени, признал его своим господином. Про Биргера Ярла говорили, что именно он правит королевством. Но все-таки он не был королем и, чтобы упрочить свою власть, нуждался в поддержке ярлов шведских земель. С трудом изобразив на своем грубом жестком лице маску доброжелательности, Биргер слушал ползающего перед ним по каменному полу тронного зала одноглазого, с высохшей рукой человека, стараясь понять из его сбивчивых фраз, что же тот хочет, и, не понимая, уже хотел его выгнать, когда воевода его дружины, рыцарь Мули, прошептал ему на ухо несколько слов о ярле Юхане Прыщавом, отчего лицо Биргера резко изменилось и покрылось краской гнева. Он с высоты своего трона внимательно посмотрел на униженно преклоненного Хоккона и, выдавив улыбку, произнес:

— Встань, мой друг. Я согласен поручиться перед королем за тебя, но при условии, если ты соберешь дружину из двадцати воинов и пойдешь вместе со мной в поход на очень богатый русский город Новгород, — Биргер почесал свою рыжую бороду. — Так велит нам церковь! И всё будет зависеть от того, как ты проявишь себя во время похода.

Советую тебе быть лучшим — ярл Юхан тоже должен прислать дружину... Может, он хочет отделаться твоими и других хэрсиров воинами из вашей провинции? Я надеюсь, что у тебя хватит ума прибыть сюда со своей дружиной помимо воли ярла Юхана. Будем считать, что Юхан — это Юхан, а ты — это ты. Я жду тебя!

— Я все сделаю, как ты сказал, мой господин! — радостно воскликнул Хоккон. В этот момент он уже решил, что провинция Блекинге принадлежит ему и даже будто почувствовал под собой твердость трона ярла Юхана.

Бирта, жена убитого Олафа Красного, с двадцатипятилетним сыном Клеппом ютилась на берегу моря в маленьком домике, похожем на лачугу. Клепп плавал с рыбаками в море — никто уже не помнил, что он сын хэрсира, был грамотен — Бирта выучила его, забрав с собой единственную книгу, когда ее выгоняли из родного дома. Хоккон не возражал — он смеялся.

Она тогда пробовала найти защиту у ярла Юхана, но тот, увидев ее, зарычал:

— Из-за твоей сучки погиб мой единственный сын! И ты после этого смеешь являться ко мне с какими-то просьбами? Я сейчас прикажу бить тебя плетьюми, чтобы ты на своей шкуре поняла, как мучительно больно для отца потерять единственного сына.

— Ярл Юхан, но я потеряла мужа.

— Да знаешь ли ты, как сдох твой муж?

— Не надо говорить. Я слышала, что моего мужа убил твой сын!

— Правильно! Это я ему приказал убить обоих: и отца, и дочку! А любовник твоей дочери убил моего сына, — Юхан заплакал, размазывая грязной рукой пьяные слезы. — О, всемогущий Один, — закричал Юхан, — почему ты не помог уничтожить всю эту подлую семейку?! Запомни, подлая, если ты со своим вырождением сдохнешь от голода в придорожной канаве, я буду этому только рад. Вон! А если ты еще раз здесь появишься, я прикажу гнать тебя, как последнюю нищенку, и спущу свору собак!

В погожий солнечный день, в дверь домика Бирты постучали и вошел юноша. При тусклом свете очага кончики его длинных белых волос отливали медью.

— Ты Бирта, жена Олафа Красного? — спросил он.

— Я Бирта, — удивленно ответила чистившая рыбу плохо одетая женщина. — Что тебе нужно?

— Скажи, Бирта, почему ты не живешь в своем доме?

— А почему ты об этом спрашиваешь? Ты какой-то странный. Кто ты? Кто тебя послал сюда? Мы с сыном ничего больше не хотим, мы счастливы жить здесь, оставьте нас в покое. Пожалейте нас. Мой сын ни в чем не виноват, он простой рыбак, — голос женщины дрожал, а из глаз побежали слезы.

— Но твой сын должен быть хэрсиром, как его отец.

— Должен? Кто тебе это сказал? Может, он должен быть ярлом? Кто ты?

— Я твой внук.

— Кто? — отшатнулась женщина.

— Я сын твоей дочери Ингрид. Меня зовут Франсуа Солей.

— Не может быть! Говорили же, что она погибла там, в Нормандии, где погиб мой муж и сын ярла Юхана.

— Да, там Гнуп подло убил твоего мужа Олафа, когда он хотел защитить свою дочь.

— О боже! Я не знала, что он погиб, защищая Ингрид, — срывающимся голосом произнесла женщина.

— А Гнупа убил в поединке мой отец, Харальд.

— Харальд... убил Гнупа? Но говорили, что он был совсем мальчишкой.

— Да, ему было тогда семнадцать лет.

— И где сейчас моя дочь?

— Моя мать умерла семь лет назад. После перенесенных испытаний она все время болела и, когда родила дочь — мою сестру, умерла.

— И где ты живешь?

— Очень далеко, во Франции, на берегу Атлантического океана в маленьком городке Ла-Рошель. Отсюда многие

недели пути по морю. Отец ловит рыбу. Там все ловят рыбу и очень дружно живут. Там тепло и даже зимой почти не бывает снега.

— Что же тогда ты здесь делаешь?

— Я должен сделать то, что хотел сделать мой отец. Я приплыл сюда, чтобы наказать убийцу.

— Кого? Какого убийцу?

— Хоккона Кривого. Это же он убил родителей моего отца.

— Боже! Как такое возможно — убить Хоккона? Он же сейчас хэрсир, и говорят, скоро станет ярлом всей нашей провинции Блекинге.

— Мне нет до этого дела, он ответит за те подлые убийства.

— Я пойду с тобой, — вдруг раздался голос, и с лавки, отбросив старое, дырявое одеяло, поднялся высокий рыжеволосый молодой человек.

— Не надо, Клепп! — воскликнула Бирта, и слезы вновь полились из ее глаз.

— Я все слышал. Получается, Франсуа, я твой дядя. Я помогу тебе убить Хоккона. Он убил моего отца и захватил наш дом и наши земли, которые должны принадлежать мне. Он незаконный хэрсир, а я нищий рыбак!

— Клепп, он тебя убьет! Я не смогу жить без тебя! — закричала Бирта.

— А я не могу больше жить с таким позором. Сердце мое разрывается от ненависти! Мне двадцать пять лет, и я давно должен был это сделать сам, а не ждать, когда сюда придет этот юноша. Он проплыл через моря, чтобы отомстить, а я, живя здесь, сажу и ничего не сделал, чтобы спасти свою и твою, мама, честь. Я пойду и вызову его на честный бой — буду драться с ним на мече.

— Он тебя к себе не подпустит, его охрана убьет тебя, — сквозь слезы произнесла Бирта.

— Пусть! Но лучше смерть, чем этот невыносимый позор. Мне душно здесь... Пойдем, Франсуа, на берег и там поговорим.

— Клепп! — воскликнула Бирта.

— Мама, прекрати. Я — недостойный сын своего великого отца. Пойдем Франсуа, — и двое молодых людей вышли из маленького домика.

Хоккону Кривому не спалось. Нестерпимо болело пробитое стрелой много лет назад плечо. Перед глазами проплывали воспоминания: падающий со скалы Бьорг Сильный с ножом в боку и страшные глаза Эббы Белой, выкрикивающей перед смертью проклятья, что вернется ее сын Харальд и отомстит за нее. И вот сейчас прибежал человек из Бальгедера и рассказал, что в деревне появился юноша, почти мальчик, сказавший, что он приплыл из Дании и что он родственник Эббы Белой, и что этот юноша был как две капли воды похож на ее детей: Стейна и Харальда. Хоккон потер ноющую высохшую руку и задумался: «Прошло же столько лет! Утонувшего Стейна мог вернуть только бог Тор, но сказали, что пришедший не был похож на утопленника, что у него прекрасный цвет лица и его синие глаза явно не были мертвыми... Харальда же после убийства им Гнупа несколько лет искали и не нашли — пропал где-то вместе с дочкой Олафа. Говорили же, что они погибли. А может, не погибли? А может, ошиблись? Но зачем Харальду через столько лет сюда возвращаться? А если это он вернулся, то зачем? И почему молодой? — ему же должно быть уже лет сорок, — Хоккон ходил из угла в угол большой спальни, на лбу выступила испарина. — Что-то тут не то... Если он вернулся, то только для одного — убить меня!»

Хоккон не был стар, но раны давали о себе знать: единственный глаз стал плохо видеть, простреленная рука с каждым годом становилась все тоньше, высохла и перестала сгибаться — знахарь сказал, что перебита какая-то жизненная жила. Хоккон цеплялся за жизнь, уже третья жена умерла, а детей все не было, и он понимал — это проклятие Эббы Белой; если не будет наследника, то после его смерти все достанется другому хэрсиру. Он вспомнил, что у убитого Олафа остался сын Клепп и он теперь взрослый; Хоккон как-то видел его на берегу — вылитый рыжий Олаф. Его затрясло от подступившей к горлу ярости. «Какого черта

я не убил его? Он же единственный наследник. А это привидение? Кто же появился? Харальд? Молодой? А может, сын Харальда? Но тогда он тоже наследник, его же мать — Ингрид, дочь Олафа. О, боже!» Холодный пот побежал от затылка вниз между лопаток... Он стал озираться, как будто призраки убитых им людей уже стояли за его спиной — Хоккон очень боялся смерти!

Хоккон вызвал Бенга — начальника своей небольшой дружины, собираемой для Биргера Ярла. Бенг когда-то жил в другой провинции на севере страны, был дружинником и, напившись, убил какого-то купца. Ему должны были отрубить голову, но он сбежал на юг страны, в провинцию Блекинге, однако не пошел служить к ярлу Юхану — побоялся, что тот его выдаст, а пришел в Бальгедер к Хоккону, и тот взял его к себе как человека, умеющего драться, убивать и командовать людьми. И все годы Бенг оставался для Хоккона единственным родным и незаменимым человеком. Он отвечал за охрану Хоккона, а когда Биргер Ярл потребовал выступить с дружиной в поход на Русь, стал ее собирать. Правда, дружинники не умели ни стрелять из луков, ни владеть мечом — это были оборванцы и пьяницы, которым нечего было терять, но Бенг обещал их обучить и Хоккону приходилось ему верить — он понимал, что стать ярлом вместо Юхана Прыщавого можно только с помощью Биргера Ярла, а тому нужен не кривой и однорукий Хоккон, а умеющие воевать воины.

— Послушай, Бенг, — сказал Хоккон, — идут странные разговоры, что у нас объявился мальчишка, похожий на Харальда, сына Эббы Белой. Ты ее не знаешь, но слышал — это та ведьма, которую убили лет двадцать назад, а потом наступил мор, и все решили, что это ее проклятие. Как ты думаешь, если это так, для чего он здесь?

— Я много слышал об этой ведьме и ее семье, но не верю, чтобы из Валхаллы возвращались. Если этот Харальд или его привидение здесь, то он пришел, чтобы забрать твою душу Хоккон.

— Будь она проклята! Я спать не могу, как вспомню эту старуху и ее последние слова. Когда наступил мор, чуть не

сожгли этот дом, а меня самого чуть не убили. Бенг, иди и найди его! Можешь убить его на месте, но если удастся захватить живым, то было бы хорошо — я хочу посмотреть на это привидение, прежде чем оно еще раз умрет.

— Я все сделаю, хозяин, но с привидением мне не справиться. Так что я думаю, оно состоит, как все мы, из мяса и костей, — рассмеялся Бенг.

— Смешно ему! Ты сейчас все будешь делать, что я скажу, только бы этот дом стал твоим, когда я стану ярлом вместо Прыщавого. И я от своего обещания не отказываюсь. У нас с тобой великое будущее, и этот мальчишка мешает нам обоим. Кстати, не он один. Мы кое-кого забыли. О время! Когда разберешься с Харальдом... или его привидением, то сделай так, чтобы исчез и сын хэрсира Олафа. Он вырос и живет на берегу моря вместе со своей матерью. Сделать это будет нетрудно — он простой рыбак, а рыбаки, как известно, тонут, — Хоккон рассмеялся и закашлялся. — Я вдруг вспомнил Бьорга, которого я заманил, а потом убил тогда на скале. Черт, как же он подпустил меня так близко?

— Я все помню, ты рассказывал. Сколько дружинников я могу взять с собой?

— Кто-то же должен меня охранять. Возьми пятерых, остальные пусть остаются здесь. И никого в дом не пускать. Ночью жечь костры и факелы, чтобы если даже мышь пробежит, мы ее увидели.

— А где искать этого Харальда? В Бальгедере?

— Если бы я знал, то сам бы нашел и убил. Но думаю, раз он хочет убить меня... то где-то рядом, может быть, все еще в Бальгедере. Хватай всех подозрительных, а там разберемся, кто и зачем. И запомни, у нас очень мало времени — нам скоро отправляться к Биргеру Ярлу.

— Я буду стараться, *мой господин*.

— Вот так бы мог всегда меня называть. До чего же приятно. Иди.

Поздним вечером у дома Хоккона раздались крики:

— Поймали! Поймали! Мой господин, я его поймал! — кричал Бенг, а за ним на освещенный факелами широкий двор дружинники втащили рыжеволосого, высокого моло-

дого человека. Хоккон вышел на крыльцо и, увидев пленника, удивленно спросил:

— Бенг, ты кого привел? Это же Клепп.

— Но этот человек крался вдоль забора, и у него был нож, — Бенг показал длинный рыбацкий нож с костяной ручкой.

— Клепп, мальчишка, — закричал Хоккон, — что ты делал около моего дома?

— Я не мальчишка. Мне двадцать пять лет, и это не твой, а мой дом. Бенг сказал правду: я пришел, чтобы убить тебя!

— Ты... Меня... Убить? — Хоккон хрипло рассмеялся. — Твое место в рыбацкой лодке, а дело твоей матери — обогреть своим телом замерзших рыбаков. Впрочем, ей, наверное, уже нечем обогреть — она уже давно как старая тряпка.

— Эй, люди, я Клепп, — закричал юноша, — сын Олафа Красного, вашего убитого хозяина. И этот дом — мой дом.

Стоявшие на дворе слуги удивленно заговорили.

— Сын Олафа? У Олафа был сын?

— Правда-правда, у Олафа же был сын.

— Значит, сын жив и он наш господин?

— Эй, Хоккон, ответь — правда, что это сын нашего пропавшего господина Олафа?

— Кто это сказал? — спросил Хоккон. При свете факелов было видно, как его лицо перекошилось от злобы.

— Я.

— А-а, это ты, Вигфус. Ты всегда был мне неприятен. Почему я до сих пор тебя не вышвырнул из моего дома? Всё, мое терпение лопнуло — убирайся вон, иначе я прикажу тебя выпороть и выкинуть на съедение волкам. Они уже соскучились по хорошему куску человеческого мяса.

— Хоккон, но нас тоже интересует, правда ли то, что говорит этот юноша? — крикнули из толпы.

— Что?! Бенг, заткни им рот! — закричал Хоккон. — А Клеппа убей!

Бенг схватился за меч, но тут длинная стрела пронзила голову Хоккона и он рухнул с крыльца на землю. Дружинники и слуги в ужасе отшатнулись, и только один Бенг

осторожно подошел и наклонился над распростертым телом Хоккона.

— Хозяин! — позвал он тихо. — Господин!

Дружинники, державшие Клеппа за руки, отпустили их, и тот выхватил у одного из них меч и с криком: «Умри собака!» — вонзил его в спину Бенга. Бенг упал мертвый рядом с Хокконом, а Клепп повернулся к застывшей толпе и, подняв над головой меч, закричал:

— На колени! Я Клепп, сын хэрсира Олафа. Я ваш господин!

Воины и слуги попадали на колени.

— Да здравствует Клепп, сын Олафа! Да здравствует хэрсир Клепп! — раздались голоса.

Клепп вошел в дом и, пройдя через зал, сел на широкое деревянное кресло — трон своего покойного отца.

— Вигфус, — сказал он одному из вошедших за ним слуг, — отныне, ты командуешь моей дружиной. Ты когда-то служил моему отцу, сейчас служи мне.

— С радостью, хозяин, — ответил Вигфус, и из его глаз потекли нескрываемые слезы радости.

— Ты знаешь, где живет моя мать?

— Я слышал, что она живет на берегу...

— Возьми людей и приведи сюда твою госпожу, мою мать Бирту, — сказал Клепп, и Вигфус с несколькими слугами побежал исполнять приказ нового хозяина.

Пришла Бирта в старом, грязном, рваном платье и гордая, с презрительным взглядом сразу же прошла в свои бывшие покои, где переоделась в найденную на самом дне одного из сундуков свою одежду — чужую, оставшуюся от умерших жен Хоккона, она приказала выбросить на двор, и слуги стали драться между собой за платья и платки. Вигфус удивился, что вещи не достались ему, исподлобья взглянул на Бирту и что-то прошептал, но быстро склонил голову перед шедшей через зал матерью нового хэрсира.

По приказу Клеппа были накрыты праздничные столы, за которые стали садиться дружинники; им никто этого не разрешал, но это была их привычка — садиться за любой стол, не спрашивая разрешения. Они с интересом рассмат-

ривали стоявшего рядом с Клеппом высокого беловолосого юношу с луком в руках. Молодые люди, смеялись и о чем-то весело говорили, Бирта же, с гордо поднятой головой пройдя через весь зал, села на поставленный рядом с тронным креслом стул с высокой спинкой, — его нашли в подвале дома, это был ее стул, он всегда стоял рядом с креслом покойного Олафа. В доме еще остались слуги, которые об этом помнили. На лице Бирты не было радости — одно высокомерие и презрение к присутствующим. Клепп прошел к своему трону и, подняв кубок, торжественно произнес:

— Вот он, Франсуа Солей, которому я обязан возвращением в этот дом, — Клепп показал рукой на Франсуа. — Он мой племянник, сын моей сестры Ингрид, приплывший сюда из далекой Франции, чтобы помочь мне вернуть трон отца! Это он стрелой убил подлого Хоккона. Славьте его! — И все, подняв кубки и глиняные чашки, стали кричать, не понимая, откуда все-таки появился на их земле этот синеглазый юноша, и решив, что он один из викингов, вернувшихся из Валхаллы — земли мертвых. У него же было такое странное имя. И это было для всех куда понятнее, чем какая-то неизвестная Франция. Они знали, что в загробном мире живут одни герои, и потому этот юноша был для них героем и его надо за это приветствовать. Был лишь один человек, который не радовался и не пил, — Бирта. Губы ее презрительно кривились, а глаза горели от ярости.

— Дурак, — прошептала она. — Кто же отдает славу другим? Неужели я так ошибалась в своем сыне? Ах, как же здесь не хватает Олафа — он бы всех поставил на колени и никогда бы не стал пить вино со слугами и каким-то рыбаком, пусть даже родственником.

Она не хотела верить, что какой-то мальчишка, назвавшийся ее внуком, смог вернуть ей власть. Знала, что она жена хэрсира и ей только бог Один мог помочь и никто больше! Она уже не вспоминала, как ей было страшно, когда ее сын — простой рыбак вышел из их домика на берегу моря вместе с этим странным, похожим на сказочных викингов юношей, а когда в тот же день ночью пришли люди с факелами, среди которых она узнала своего бывшего слу-

гу Вигфуса, она решила, что ее сын погиб и это пришли за ней, чтобы отвести к Хоккону, в когда-то ее родной дом, и там прилюдно предать смерти. В этот момент она прокляла принесшего такое горе молодого человека, который посмел назваться ее внуком, а на самом деле был из той, ненавистной ей семьи, из-за которой рухнул ее прежний, прекрасный мир. Она хотела убежать, но ноги подкашивались, и Вигфусу пришлось долго объяснять, что ее просят вернуться в ее родной дом, где теперь хэрсиром — ее сын.

Когда полдня назад Клепп с беловолосым юношей вышел из их маленького домика, она подбежала к двери и стала прислушиваться, но ничего смогла услышать и потому не знала, что же произошло.

А произошли события, которые позволили ее сыну стать хэрсиром, а ей вернуться в свой дом.

— Как ты хочешь его убить? — спросил Франсуа.

— Тихонько проберусь в дом и зарежу его ножом. Я был маленьким, когда нас выгнали, но я помню, где расположена спальня, — ответил Клепп. Голос его дрожал от возбуждения.

— А почему же раньше не убил?

— Не знаю. Боялся, наверное. Но я всегда хотел его убить.

— А где этот дом?

— Наш дом вон там, — Клепп показал рукой куда-то в сторону далеких холмов.

— Это далеко?

— Нет, версты две. Я туда иногда хожу и смотрю на него. Это же мой дом.

— Ножом ты вряд ли его убьешь. У тебя есть какое-нибудь другое оружие?

— Когда сообщили о гибели отца, я вынес из дома и спрятал в лесу отцовский лук. Я был совсем маленьким мальчиком и не помню, зачем это сделал. Когда вырос, пробовал из него стрелять, но он очень тяжелый и тугой. Такой лук не для меня.

— Он цел? Можешь его показать? — тихо спросил Франсуа.

— Да. Я даже его смазывал жиром, чтобы он не рассохся. Я сейчас принесу его.

Лук был длинный, сделанный из одного куска дерева, с тетивой, сплетенной из конских волос, — такими пользовались викинги во времена своих набегов на чужие земли. Франсуа начал бережно его сгибать — дерево пружинило, потрескивало, но не ломалось. Он несколько раз, с каждым разом все сильнее, сгибал лук, и тот уже упруго, без скрипа распрямлялся. Франсуа натянул ослабленную тетиву, подергал ее — она зазвенела. По напряженному лицу юноши расплылась улыбка.

— Вот это лук! — сказал он восхищенно.

Он стал осматривать стрелы, и радость на его лице исчезла.

— Плохо... плохо... плохо, — повторял Франсуа, легко ломая высохшие стрелы... — Вот... одна! Жаль, Клепп, но у нас всего одна стрела, — он осмотрелся. Шагах в пятидесяти росла одинокая сосна. Франсуа осторожно, без видимого усилия, натянул тетиву, лук согнулся... и стрела со свистом вонзилась в дерево.

— Великолепный лук! — воскликнул Франсуа.

— Ты что, лучник? Откуда ты умеешь так хорошо стрелять? — удивился Клепп.

— У нас в доме есть такой же лук, и мы с братом с детства учились стрелять из него... Ну что, пойдём к твоему дому?

— Пойдем.

Уже начало темнеть, когда они увидели большой деревянный дом, окруженный забором из заостренных бревен.

— И как ты хотел туда попасть? — спросил Франсуа. — Там должна быть охрана.

— Да, и там страшный Бенг. Для него убить — радость! И все равно я пойду и убью Хоккона, а не смогу — погибну, но больше я не хочу жить как простой рыбак.

— А я вот простой рыбак, — произнес Франсуа.

— Но ты сын рыбака, а я сын хэрсира и мог бы стать ярлом! — в голосе Клеппа прозвучали нотки превосходства.

— Мой отец, как и твой, — викинг! — сказал Франсуа.

— Мы все викинги, — согласился Клепп. В темноте не было видно, как исказилось его лицо. — Рыбаки говорили, что Хоккон скоро займет место ярла Юхана, тот уже спился. А наш дом займет Бенг.

Недалеко от дома росли сосны. Франсуа подошел к ним и легко, как кошка, стал взбираться по стволу высоченного дерева. Вскоре он исчез в ветвях вершины, а когда спустился, дыхание его оставалось ровным.

— Вот с нее я и буду стрелять. Весь двор и дом Хоккона... извини, твой дом виден, как... море с мачты. Там много людей. Хоккон появляется, но ненадолго — что-то прокричит и опять уходит в дом.

— Как ты мог отсюда что-то увидеть, а тем более узнать Хоккона, если ты его ни разу не видел? — удивился Клепп.

— Так он же кривой, — улыбнулся Франсуа. — И видно же, кто слуга, а кто господин. У него, кстати, одна рука висит как плеть. А вижу я хорошо, потому что я рыбак и с пеленок плаваю по морю.

— И ты хочешь попасть в Хоккона с этого дерева?

— Да. Плохо, что всего одна стрела. Если в Бальгедере меня узнали, то уже донесли Хоккону и тогда должны искать. Нам надо спешить. Эх, как бы угадать, когда Хоккон выйдет из дома? Я же не могу целый день сидеть на дереве и ждать, когда он появится, а потом еще и стрелять — я могу промахнуться.

— Я знаю, что надо сделать! Ты залезешь на дерево, а я пойду и выманю его из дома.

— Как выманишь?

Клепп сбивчиво и почему-то шепотом объяснил...

— Но ты рискуешь своей жизнью: если я в него не попаду, то успею убежать, а тебя убьют, — сказал Франсуа.

— Знаешь, Франсуа, ты по сравнению со мной мальчишка, но пересек моря, чтобы отомстить за своих родных, а я, хэрсир по крови, все эти годы униженно молчал и ничего не сделал, чтобы вернуть свой трон. Мне стыдно за себя! Сделаем так, как я сказал. Я старший, я здесь приказываю! И, пожалуйста, не промахнись...

ХІІІ

Весть об убийстве Хоккона быстро, как пожар, понеслась из деревни в деревню по провинции Блекинге и достигла дома ярла Юхана Прыщавого в городе Роннебю, но тот на гибель своего хэрсира отреагировал вяло:

— Сдох! — прохрипел он, наливая очередную чашу забродившего меда. — Ну и отлично! Говорят, хотел вместо меня стать ярлом Блекинге. Но есть бог на свете, — Юхан одним махом осушил кубок с вином и тупо уставился мутными от пьянства глазами на горящие в камине березовые поленья.

Но когда известие о гибели Хоккона достигло новой столицы королевства, то почти король Биргер Ярл в своей крепости «Три короны», выстроенной на острове Стадхольмен, рассвирепев, закричал:

— Кто позволил поднять руку на моего слугу? Мули, возьми дружинников и плыви в провинцию Блекинге — привези сюда убийцу. Живым! Я буду казнить его здесь, в моей столице, прилюдно, чтобы ни у кого не появлялось даже мысли поднять руку на то, что принадлежит мне! И разберись с этим пьяницей Юханом. Он мне надоел. И еще — чтобы из Блекинге дружины были! Без них можешь не возвращаться!

Рыцарь Мули, сорокалетний великан, всю жизнь проведший в войнах, защищая род Фолькунгов, к которому относился и Биргер Магнуссон, позже прозванный Биргером Ярлом, не помнил ни своих родителей, ни места, где он родился. Его еще ребенком как раба привезли из очередного набега на северные земли славян викинги и продали отцу Биргера. Мальчик вырос, стал воином и к двадцати пяти годам получил свободу, а затем за преданность и подвиги стал рыцарем. Правда, кроме громкого рыцарского имени, у него ничего не было. Он командовал личной дружиной Биргера Ярла и готовил наемное войско к походу на Русь: ярлы Швеции, признавшие над собой власть Биргера — а таких было немало — обязались со своими дружинами из десятков воинов принять участие в освященном римским

папой Григорием IX походе на богатый русский город Новгород. Да и у самих шведов давно чесались руки отомстить новгородцам за сожженную пятьдесят лет назад их древнюю столицу Сигнугу.

Узнав о смерти Хоккона, Биргер Ярл испугался, что безнаказанность убийства одного из присягнувших ему хэрсиров может вызвать сомнения среди других ярлов провинций. А сомнения — это отказ от участия в походе, кто же будет воевать за слабого ярла, да еще и желающего стать королем? Один откажется, другой, третий — и нет власти короля Эрика Эриксона, а значит, и его власти — Биргера Ярла. Фолькунги хоть и родственники между собой, но готовы друг другу горло перегрызть, только бы самим стать королями. Было о чем задуматься Биргеру Ярлу.

— Мули, только не дай ему умереть раньше времени. Он мне нужен живым и даже не раненным. Он испытает всю мою ненависть, прежде чем умрет! — кричал Биргер в спину уходящему из крепости рыцарю.

Когда через четыре дня Мули на двух ладьях приплыл в Бальгедер и вошел со своими дружинниками в дом хэрсира, в большом зале Клепп продолжал отмечать свое возвращение на трон отца. Все вокруг были пьяными, кто-то уже лежал под столами, кто-то еще крепился — жалко было расстаться с выпивкой и едой. Все, кроме Франсуа — он был слишком молод и не пил, а в этот день собирался покинуть Швецию. Он уехал бы раньше, но Клепп каждый день просил и умолял своего спасителя задержаться еще на денек.

— Кто тебе позволил без моего позволения входить в этот дом? — закричал пьяный Клепп, увидев входившего Мули и его воинов.

— Я Мули, рыцарь Биргера Ярла. Он прислал меня, чтобы схватить и доставить в Стокгольм убийцу хэрсира Хоккона.

— Хоккон никакой не хэрсир. Он подло убил моего отца, хэрсира Олафа, и захватил этот дом. Это я, Клепп, сын Олафа, убил его.

— Может быть, ты и отвоевал свой трон и стал хэрсиром, но за убийство преданного слуги Биргера Ярла будешь

отвечать. Тебя ждет мучительная смерть — тебе отрубят руки, но прежде вырежут язык и выколют глаза. Схватить его! И вяжите крепче, — приказал Мули.

— Как это меня, хэрсира, схватить и связать? Да по какому праву? И кто такой Биргер Ярл?

— Ах ты, недоумок, ты не знаешь, кто правит нашей славной Швецией? Только за это тебя ждет заслуженная казнь.

— Ты лжешь! Швецией правит король Эрик Эриксон по прозвищу Шепелявый.

— Ты из каких лесов вышел? Может, ты и вовсе не сын хэрсира, если не знаешь, что Биргер Ярл женат на Ингеборге, сестре короля, и его сын Вальдемар — единственный наследник королевского трона? Да что я тебе рассказываю — когда тебя будут пытать раскаленным железом в крепости «Три короны», ты все сам узнаешь.

— Он не мог этого знать! — раздался вдруг властный женский голос. В зал вышла строгая женщина в дорогом платье. — Он не мог этого знать, так как двадцать лет назад его вместе со мной изгнали из этого дома. Я Бирта, вдова хэрсира Олафа, и я сама из рода Фолькунгов, из которого и Биргер Магнуссон. И мой сын не убивал Хоккона. Его убил Франсуа Солей, сын рыбака Харальда, бежавшего из Бальгедера двадцать лет назад, после подлого убийства сына ярла Юхана, — Бирта показала на Франсуа. — Вот он! Хватайте его. Это Франсуа Солей, иностранец, прибывший сюда из Франции, чтобы убить Хоккона. Он убийца!

— Мама, как ты можешь? Он же вернул нам трон отца, — крикнул пьяный Кноп. Руки его тряслись, и вино из кубка проливалось на платье.

— Молчи, сын! Он простой рыбак и сын рыбака. И нам никто ничего не вернул. Мы сами вернули то, что нам принадлежало.

— Но он же сын твоей дочери! Он твой внук!

— У меня нет дочери, которая опозорила семью и принесла столько горя в наш дом. Из-за нее погиб мой муж, а мы стали нищими! Рыцарь Мули, я тебе приказываю: арестуй этого человека. Он опасен, как и его отец.

— Мне еще лучше, госпожа Бирта. Эй, связать его! — Мули показал на Солея своим дружинникам.

Франсуа стоял и не верил в то, что услышал. К нему подскочили два воина и схватили за руки, но тут он будто очнулся и с легкостью отбросил их в стороны. Все ахнули.

— Вяжите его крепко, у них весь род такой — невероятно сильный, — крикнула Бирта.

Дружинники Мули и бросившиеся им на помощь, еле стоявшие на ногах дружинники Клеппа бросились на Франсуа, но никак не могли его свалить на пол, пока от удара по голове юноша не упал.

— Вот это сила! — восхитился Мули. — Будет что рассказать Биргеру. А ты, Клепп, собирайся в Стокгольм. Хоккон обещал привести дружину из двадцати воинов — мы идем в поход на русский город Новгород. Ты их и приведишь.

— Но...

— Никаких но — это приказ Биргера Ярла. А его приказ — это приказ короля.

— Мой сын все сделает, как того просит Биргер Ярл, — сказала Бирта.

— Биргер Ярл ничего никогда не просит — он берет. Либо Клепп приплывет в Стокгольм с двадцатью дружинниками, либо в этом доме будет другой хэрсир. Тебе еще повезло, что двадцать воинов — ярл Юхан должен направить дружину из шестидесяти воинов.

— Думаю, что он и десяти не соберет, — засмеялась Бирта.

— Тем хуже для него. Кстати, Биргер Ярл обещал Хоккону за участие в походе отдать все земли Юхана. Так что, — Мули дружески похлопал по плечу Клеппа, — теперь у тебя, Клепп, есть возможность стать ярлом всей провинции Блекинге и подружиться с самим Биргером Ярлом, твоим королем.

— Я буду стараться. Так и передайте Биргеру Ярлу, — воскликнул Клепп.

— Ты сам ему об этом скажешь. Через неделю ты должен быть в Стокгольме. Ты знаешь, как туда доплыть?

— К сожалению, нет.

— Черт! Я тебе оставляю человека, который знает путь.

— Спасибо, рыцарь Мули, — поклонился Клепп.

— Госпожа Бирта, я уверен, что твой сын принесет на кончике своего меча славу в этот дом... Как, ты говоришь, зовут этого убийцу? — спросил Мули.

— Франсуа Солей, прибывший сюда из Франции, сын рыбака Харальда из Бальгедера. И передайте от меня поклон Биргеру Ярлу, — ответила Бирта.

— Ведите пленника на корабль да стерегите крепче, — приказал Мули. — Я столь сильного юношу еще не видел в своей жизни. Я сам сильный, и мой сын сильный, но такого мальчишку я вижу впервые... Я еду в Роннебю к ярлу Юхану. Уверен, к моему возвращению в Стокгольм ты, Клепп, уже будешь там.

Когда Мули с воинами и связанным Франсуа вышел, Клепп удивленно спросил мать:

— Почему, матушка, ты так поступила с Франсуа? Он же наш родственник.

— Ты хочешь вернуться в то место, откуда несколько дней назад сюда пришел? Или хочешь, чтобы тебя заковали в кандалы и прилюдно казнили в этой новой столице Швеции? Я думала, ты умней. Бог наконец-то посмотрел на нас и не только возвратил нам наши земли, но и мой сын может занять место ярла Юхана Прыщавого! Ах, как хотел этого твой отец! Мы всегда были достойны того, чтобы провинция Блекинге принадлежала нам... Поезжай! Я тоже приеду в Стокгольм, но попозже, — буду там встречать тебя с победой и буду просить Биргера Ярла назначить тебя ярлом вместо Юхана, если к тому времени тот еще не сохнет. Впрочем, можно ему и помочь. Не один же наш родственник Хоккон умел отправлять людей на тот свет. Это у нас семейное.

XIV

В проливе, соединяющем озеро Меларен с Балтийским морем, на одном из многочисленных островов, называе-

мом Стадхольмен, Биргер Магнуссон, женившись на Ингеборге, сестре бездетного короля Эрика Эриксона, заложил крепость под названием «Три короны». Король Эрик по прозвищу Шепелявый был слабым королем, и Биргер по сути правил страной. Это был сильный, волевой, беспощадный воин и умный политик. Он понимал, что не сможет сам стать королем, но очень хотел, чтобы им стал его малолетний сын Вальдемар. Новую столицу он стал строить на острове, возведя на нем крепость, и уже вокруг крепости на других островах быстро стал расти город, появился порт, стала развиваться торговля, а где торговля — там люди и деньги. Биргер строил новую столицу подальше от юга страны, где прибрежные деревни и города горели в пожарах войны с Данией, и не на севере, где было слишком холодно и далеко от торговых путей. Биргер, зять короля, стремился стать для простых шведов больше чем королем — он хотел стать для них живым богом. И как викинг считал лучшим средством для достижения своих целей войну с соседями: Данией, Финляндией и Русью. С Данией война шла годами, то затухая, то вновь вспыхивая. Земли финнов и карелов Биргер, как все шведские короли, хотел присоединить к Швеции, но мешала Русь, и тут сказочно повезло: от русского государства после нападения монгольских орд Батыя ничего и не осталось — вся она лежала в руинах и пепелищах. Биргер знал, что монголы никогда не дойдут до Швеции — они панически боялись рек, а тут море. Но был город, самый богатый русский город, до которого Батый не дошел, — Новгород.

И знаменитый зять короля стал собирать войско для нападения на Новгород. Со всей Швеции ярлы присылали свои дружины, свободные рыцари вставали под знамя самого известного рыцаря страны — Мули. Для управления кораблями насильно хватали кормчих торговых и рыбацких судов. Надо было спешить — лето северное коротко.

Связанного Франсуа посадили в нос ладьи и предупредили: «Если захочешь убежать, мешать не будем — прыгай, а Мули мы скажем все, как было». И больше на него никто

не обращал внимания. Если надо было переступить — переступали, как через бревно. Ладью швыряло на волнах, парус трещал и рвался. «Он руль-то что, первый раз в руках держит?» — удивленно подумал юноша о кормчем. Попробовал разорвать связанные руки — плетенные из полос кожи веревки тянулись, но не рвались. Плыли, штормило, воины Мули — не моряки, блевали за борт; один чуть перегнулся, и его волной смыло в море, он дико закричал и, махнув руками, скрылся под водой. Так прошел день, второй, и когда очередной раз в борт ладьи ударила волна с такой силой, что она, накренившись, зачерпнула воды, Солей крикнул:

— Да кто же так управляет судном? Утопишь же всех! На волну надо править и ветер ловить.

— Эй, кормщик, слышишь, что мальчишка-то говорит? Ты же и правда всех утопишь, — крикнул командир дружинников и повернулся к Солею: — А ты что, умеешь управлять ладьей?

— Умею.

— Эй, развяжите его. Говори, мальчишка, что надо делать, пока мы все не отправились к великому Тору!

Кормщик не обиделся — он с радостью передал руль Солею, и тот, навалившись на румпель, сразу развернул ладью носом к волне и стал отдавать команды двум матросам и кормчему. Лодка запрыгала по волнам, и уже только мелкие, искрящиеся на солнце брызги стали долетать до дружинников. Те облегченно вздохнули, кто-то затыкнул песню, и уставшие от качки и постоянного страха воины, накрывшись шкурами и кусками парусины, засыпали.

Когда ладья вплыла в широченный пролив, ветер стих. Все стали грести веслами, с трудом поплыли против течения и через несколько часов остановилась у острова, на котором возвышалась крепость. Франсуа провели через широкий двор и втолкнули в сырой каменный подвал. Напоследок один из воинов шепнул:

— Спасибо, мальчишка. Мы расскажем о тебе Мули.

В темноте слышались тяжкие вздохи, кто-то жалобно стонал. Когда глаза привыкли к полумраку, Солей разгля-

дел, что вдоль стен сидят люди — все бородатые, в тяжелой рыбацкой одежде.

— Вы кто? — спросил Франсуа, растирая запястья рук.

— А ты кто? — спросили в ответ.

— Франсуа Солей из Ла-Рошели, сын Харальда Солнечного из Бальгедера.

— Как это так — отец Харальд из Бальгедера, а ты какой-то Франсуа, да еще непонятно откуда? Это где-то на севере?

— Это во Франции. Мой отец уплыл туда двадцать лет назад, и я там родился.

— А-а, понятно. Мой дед рассказывал о той стране — он был викингом. Это же где-то далеко на юге? И зачем ты здесь? Жил бы там.

— Я приплыл сюда, чтобы отомстить за отца.

— Отомстить? И отомстил?

— Отомстил. Убил Хоккона Кривого.

— Ты убил Хоккона, хэрсира из земли Блекинге? Я его знал. Зверь!

— Да, убил.

— Ну ты и глупец! Жди теперь лютой смерти.

— Я знаю. А вы за что здесь сидите?

— Нас в поход хотят погнать. Рыбаки мы и кормчие — умеем управлять судами и моря не боимся. Вот, либо согласимся плыть, либо тоже, как тебя, казнят. А ведь свободные вроде люди. И семьи у нас есть, и дети.

— Так соглашайтесь — может, и выживете, еще и богатыми вернетесь, вы же сражаться не будете. Я об этом походе много слышал, пока сюда плыли. Все на судне только и говорили, что вернутся богатыми.

— Ишь-ты, какой умный сюда заявился! У него веревка на шее, а он туда же — других поучает. А семьи, а дети — их-то кто кормить будет, пока мы в русские земли поплывем?

— А далеко это?

— На том краю моря. Если ветер попутный и штормить не будет, то дней за десять доплывем. А там река Нева, и норы у нее ой еще какой! По ней вверх до озера Альдога,

а оттуда в реку Волхов и уже по ней вверх до Новгорода, — сказал один, худой и длинный.

— Ты там бывал? — спросил Солей.

— Я несколько раз плывал в Новгород. Красивый и очень богатый русский город.

— А кто такие русские ?

— Они там всегда жили. Страна у них большая, от Белого до Черного морей, а вот, говорят, не стало ее.

— Как так? Почему?

— Говорят, на их земли пришли какие-то монголы и всех перебили. Один Новгород и остался. А так русские хорошие люди. И сильные.

— Чего же они — сильные, а их перебили?

— Не знаю. Может, слабыми оказались.

— Ну раз они такие слабые, то чего же вам-то бояться? Биргер со своими воинами захватит этот город, и поплывете обратно домой. Так говорили.

— Хорошо бы. Только тебе-то от этого что? Ты же сам сказал, что убил хэрсира. Мальчишка! Глупец! Тебя ждет смерть, и не надейся, что тебя просто повесят. Биргер любит мучить людей раскаленным железом.

— Я сделал то, что должен был сделать!

— Еще раз скажи, как тебя зовут?

— Франсуа, сын Харальда Солнечного.

— А я — Трюгви, кормщик с острова Эланд.

— Я слышал такое название, когда сюда плыли, но не видел — связанный лежал на дне лодки. А кормщик на судне был такой, что все думали, вот-вот утонем.

— Ты, парень, в уме ли — тебе-то какая разница, какие кормщики у Биргера? — грустно рассмеялись в глубине подвала.

— Так я не виноват, что кормщик такой.

— Безумный, — донеслось из другого угла.

— Да все я понимаю, но что же сейчас — я должен рыдать? Я же знал, на что шел.

Солей сидел в подвале и со многими познакомился, но сдружился только с Трюгви, который временами начинал плакать и страдать от того, что больше не увидит своей

семьи, а Франсуа продолжал его уговаривать, чтобы тот согласился плыть кормщиком в поход — все-таки можно остаться живым. Через три дня стали по одному выводить из подвала, и никто уже не возвращался, и Франсуа понимал, что они согласились плыть в русские земли. И не он их уговорил — их устроили подвал и время.

Франсуа вывели последним. От солнечного света и чистого воздуха у юноши закружилась голова. Его привели в большой зал, где вдоль стен сидели и стояли люди с мечами, в длинных и коротких кольчужных рубашках и с накинутыми на плечи разноцветными плащами. Франсуа провели в середину зала и поставили перед сидевшим на каменном троне мужчиной — молодым, лет двадцати пяти, с длинными рыжеватыми волосами и ярко-рыжей бородой. Мужчина посмотрел на Франсуа, и юноша почувствовал в этом немигающем жестком взгляде серых глаз ненависть. В толпе стоял и Клепп. Кольчуга на нем была большой и висела мешком, отчего он казался меньше ростом и худее. Клепп старательно отводил взгляд в сторону, а его рот кривила презрительная улыбка. «Помог», — с горечью подумал Франсуа. Стоявший рядом с тронем рыцарь Мули наклонился и что-то долго шептал сидевшему человеку. Тот поднял руку, и сразу наступила тишина, только звякали кольчуги и мечи.

— Я — Биргер Ярл. Как ты, щенок, посмел поднять руку на моего хэрсира Хоккона? — голос у Биргера был сильный и твердый, слова гулким эхом отражались от стен и потолка зала.

— Он убил моего деда и бабу.

— Ну и что? Он был родственником хэрсира Олафа и после его смерти сам стал хэрсиром. У него есть право убивать.

— А разве у свободных людей нет права защищаться?

— Как ты сказал? Свободных людей? Сколько тебе лет, мальчишка? И правда ли то, что ты приплыл сюда из Франции?

— Мне шестнадцать лет, и я приплыл из Франции. А моя мать — дочь хэрсира Олафа, которого двадцать лет

назад подло убил сын ярла Юхана Гнуп. Правда и то, что мой отец в честном поединке в замке герцога Нормандии убил Гнупа.

По залу пробежал рокот удивления.

— Что же твой отец сам не приплыл и не убил Хоккона, а послал тебя, мальчишку? — спросил Биргер.

— Он хотел, но я его обманул и убежал из дома, написав, что это сделаю я. И не оскорбляй моего отца — он не трус. Он в одиночку проплыл на простой лодке от Швеции до Франции.

— Поверить невозможно... — лицо Биргера смягчилось. — Но что же получается — ты внук хэрсира Олафа? И кто может это подтвердить?

— Спросите у Клеппа, сына Олафа. Он подтвердит.

— Клепп, где ты? — крикнул Биргер и, увидев, вышедшего из толпы рыцарей Клеппа, спросил: — Он говорит правду?

— Это ложь! Жаль, что здесь нет моей матери, она бы подтвердила мои слова, — голос Клеппа дрожал, а лицо стало пунцовым. Глаза Биргера опять стали жесткими.

— Я тебе верю, Клепп. Ты же не будешь врать своему господину? — тихо произнес Биргер, но стояла такая тишина, что эти слова услышали все в зале, и все почувствовали звучащую в них угрозу. Биргер посмотрел на Франсуа.

— Знаешь ли ты, как будешь казнен?

— Нет.

— Удивительно, с каким спокойствием ты это сказал. Тебе отрубят руки, но перед этим вырвут язык и выколуют глаза, а потом выбросят в лесу, чтобы тебя съели волки... Теперь прощай.

К Франсуа подошли два воина и взяли его за руки. Рыцарь Мули опять наклонился к Биргеру и стал что-то тихо говорить, показывая рукой на Франсуа. Биргер удивленно посмотрел на Мули.

— Стойте! Скажи, с какого расстояния ты убил Хоккона? — спросил удивленно Биргер.

— Было, наверное, шагов сто, может, больше.

— Ночью?

— Да, было темно, но Хоккона освещали факелы.

— И ты попал ему в голову?

— Я хотел попасть ему в глаз.

— Где ты научился так стрелять?

— Я же внук и сын викингов.

— Ого! Какие прекрасные слова. Мули говорит, что ты необыкновенно силен?

— Не знаю.

— Дайте ему кочергу, — приказал Биргер и слуга, подбежав к огромному камину, схватил толстый металлический прут и подал Франсуа.

— Ну, попробуй согни, — весело крикнул Биргер.

Лицо Солея напряглось, мышцы на руках и груди вздулись, и он согнул кочергу колесом. По залу пронеслись возгласы восхищения. Биргер захлопал в ладоши, рассмеялся и сказал:

— Еще рыцарь Мули говорит, что тебя не могли связать пять человек, ты их всех раскидал, пока тебя хорошенько не стукнули по голове...

— Меня так хорошо стукнули, что я ничего не должен помнить, — ответил Франсуа.

Биргер расхохотался:

— Определенно, этот мальчишка мне нравится... Хочешь жить?

— Конечно.

— Ты умеешь драться мечом?

— Нет.

— Мули говорит, что ты заменил кормчего на ладье и даже спас моих воинов?

— Я с рождения в море. Правда, я не знаю здешних морей.

— Вот что я сделаю — отправлю тебя матросом на корабль, где кормчий знает наше море, как лужу у своего дома. И там, куда мы поплывем, ты будешь сражаться за величие Швеции как простой воин, — Биргер посмотрел на стоявших ярлов и рыцарей. — Вот в дружине у Клеппа и будешь служить. И если проявишь себя в море и в бою, обещаю — ты будешь свободен. Всё, отведите его на корабль.

Судно, на которое отвели Франсуа, было небольшой одномачтовой ладьей, и на ней могло поместиться не больше двух десятков воинов. Когда не было попутного ветра они же должны были грести длинными веслами. Кормчим на ладье оказался Трюгви, чему Франсуа удивился, а тот, увидев Солея живым, стал его обнимать, хлопать по плечу, выражая громкими криками свою радость, а потом заплакал и опять стал вспоминать своих детей.

Стояли летние северные белые ночи, для Франсуа столь непривычные, что он никак не мог заснуть и с восхищением смотрел на белое ночное небо с не заходящим за горизонт солнцем. На ладье всем заправлял Трюгви, который, посмотрев, как Солей один легко поднимает парус, назначил его своим помощником. Клепп стал возражать, но Трюгви был непреклонен и даже пообещал пожаловаться, правда, не сказав кому...

— Когда господин, ты будешь махать своим мечом, тогда он и будет у тебя в подчинении, а на море начальник я, — сказал кормщик и отвернулся от хэрсира.

Клепп унизительно проглотил обиду, пробурчав ругательство. Ему было не до Трюгви — приплывшие с ним дружинники представляли собой жалкую, необученную, плохо вооруженную кучку людей, чем вызывали нескрываемый смех среди других дружинников, не говоря о рыцарях, которые подчинялись только Мули. Клепп не знал, что делать, — он сам не был воином, а Мули, увидев его отряд, угрожающе произнес:

— Почему десять, а не двадцать воинов, как обещал Хоккон?

— Я не успел собрать, они все разбежались, — пролепетал Клепп.

— Не успел? А что ты успел? Тебе, Клепп, не воевать надо, а коров пасти. Если до сражения твои люди не научатся держать мечи, то вряд ли твоя жизнь будет что-нибудь стоить. Ты, наверное, думаешь, что отсидишься за спинами моих славных рыцарей? Не надейся! Кстати, я тебе отдаю и десять оборванцев, которых мы успели захватить в доме пьяницы Юхана... Тоже, сволочи, разбежались. Но

Юхан дорого за это заплатит! Это не я сказал — это сказал великий Биргер Ярл!

Через несколько дней десятки кораблей отошли от новой столицы и поплыли по протоке Норрстрём к морю. Дул несильный попутный ветер с озера Меларен, и все на ладье, кроме Трюггви, Солея и двух матросов — таких же, как Трюггви, пойманных и теперь плывущих в неизвестность под страхом смерти рыбаков, отдыхали. Солей был для матросов обычным мальчишкой, и они его не замечали, пока судно не отплыло от острова и Солей не начал вдруг отдавать команды. Тогда матросы поняли, что этот юнец хорошо знает, как управлять кораблем. Кормчий Трюггви восхищенно покрикивал, с радостью повторяя команды Солея, забыв, что на корабле командует только он.

Дружинники Клеппа сбились в кучку и тихо переговаривались, зло поглядывая на десять людей ярла Юхана, приплывших в Стокгольм без запасов еды и без денег, чтобы ее купить, — Мули, передавая их Клеппу, приказал ему кормить этих оборванных, голодных и запуганных людей.

Бирта оказалась права — пьяный Юхан даже не смог ответить Мули, где дружинники для Биргера, и рыцарь похватал разбегающихся при его появлении слуг ярла и отправил их в Стокгольм. Биргер, узнав, что Мули привел от Юхана только десять слуг, рассвирепел и пообещал, вернувшись из похода, у Прыщавого провинцию отобрать.

А Клепп вспоминал разговор с матерью при отъезде в Стокгольм.

— Старайся, сын, — говорила Бирта, — старайся быть все время на виду у Биргера Ярла, но не суйся сражаться в первых рядах. Первые умирают славной смертью, но все лавры победителей достаются тем, кто стоит сзади, а то и вообще наблюдает за сражением со стороны. Ты не воин и мечом не владеешь, но в этом твоей вины нет. Ты старайся завоевать расположение Биргера не удалью и силой, а лестью. А я тебя буду ждать в Стокгольме, чтобы, когда ты вернешься, твои заслуги не присвоил себе кто-нибудь другой.

— Мама, — спросил Клепп, — а как мне себя вести, если этого Солея не захотят казнить, посчитав его нашим родственником?

— Я уверена, что он уже мертв, но если еще жив, наговорив Биргеру о нашем родстве, то отрицай все. Ты хэрсир — тебе поверят. И забудь о нем — мальчишка сделал то, что хотел сделать, а ты этим воспользовался и получил то, что принадлежит только тебе. Это не его, это твоя победа.

Клепп боялся погибнуть, боялись умереть и его люди — никто из них не умел обращаться с оружием; они надеялись, что бой, если он будет, произойдет без них — с русскими справятся рыцари Мули. Но они знали, что после захвата Новгорода начнется пир победителей — грабеж. Вот там они хотели быть первыми.

И в крепости на острове Стадсхольмен тоже говорили о Клеппе.

— Мули, — сказал Биргер, — я ведь сразу понял, что этот Клепп лжет, но он хэрсир, и я не могу при ярлах унижить одного из них. Они должны быть уверены, что я на их стороне. Пусть они идут со мной на Новгород, пусть грабят и убивают — мне наплевать. Они же хотят остаться или стать ярлами, — Биргер внимательно посмотрел на Мули, улыбнулся и произнес: — Это и тебя касается, друг мой. Пора тебе перестать быть безземельным рыцарем. А мне нужна слава. Я всего лишь зять короля.

— Но все же, мой господин, если с Юханом все понятно — он умрет, и никто даже не будет сомневаться отчего, то что делать с Клеппом?

— Не мне тебе говорить, что из походов возвращаются далеко не все. Сделай так, чтобы он не вернулся.

— Тогда можно одну просьбу, мой господин?

— Говори.

— Могу ли я забрать к себе этого мальчишку?

— Только по возвращении, если он останется жив. Мне самому он понравился — сильный и, кажется, честный юноша. А как он гордо заявил, что его предки викинги. Сейчас всё меньше и меньше об этом говорят. И скажу по-

чему — потому что мы отринули своих богов, а христианская религия — религия слабых людей. Но это, Мули, между нами. Конечно, этот мальчишка вернул Клеппу его трон, а тот его предал. Но кто знает, какие настоящие планы были у этого юнца? Ведь если Клеппа не будет, он может сам стать хэрсиром, а там и ярлом вместо Юхана. Может, этого-то и боится Клепп? И скорее всего, так оно и есть. Ты думаешь, мальчик не понимает, что к чему? Там, в его далекой Франции, нищета, а здесь ты хэрсир, у тебя земли, слуги, богатство. Вот его отец и надоумил. А может, он вообще не тот, за кого себя выдает? Правда, зачем же так подставлять свою голову? Впрочем, если хочешь, когда будем сражаться с русскими, не оставляй этого мальчика сторожить корабль — дай ему меч, пусть почувствует запах смерти, пусть почувствует радость от льющейся из груди врага крови; только тогда из него, может быть, и получится настоящий воин.

— Я так и сделаю, мой господин, — Мули поклонился и вышел.

— Я знаю, чего ты хочешь, Мули, — тихо рассмеялся Биргер. — Ты все получишь, что заслужил. Но все потом. Потом... после победы.

XV

В море штормило, и даже драккары с их высокими носами заливало водой; два корабля развернуло поперек волны, и они, накренившись, перевернулись — люди барахтались в воде и тонули. Солей подскочил к Трюггви, схватил руль, резко развернул ладью, и она, сама заливаемая водой и готовая вот-вот перевернуться, подплыла к барахтающимся в воде людям. Им стали протягивать весла и бросать веревки.

— Я тебя самого выкину за борт! — закричал Солею Клепп, но его никто не слушал — все выполняли приказы юноши. Спасли десять человек, и они лежали на дне ладьи, блевали и плакали от счастья, что живы. Среди спасенных оказался и рыцарь Свенсон — молодой русоволосый ги-

гант, сын рыцаря Мули. Он успел уцепиться за брошенную веревку, ударив двух, тоже желавших спастись воинов, и те захлебнулись, а его с трудом вытащили на палубу ладьи. Биргер Ярл понял, что можно потерять весь флот, и приказал пристать к Аланским островам. Воины выходили на берег, падали и плача целовали землю. А после разводили костры, сушили одежду, ели, пили и спали.

Трюггви, Солей и два матроса отмывали облеваный корабль — таков был приказ Клеппа. Биргер Ярл, увидевший, как спасали воинов с тонувших кораблей, а потом узнавший от Мули, что среди спасенных оказался и рыцарь Свенсон, сказал:

— Мули, сам Тор спас твоего сына.

— Мой господин, Тор хотел его утопить, а этот мальчишка Солей спас. Это он развернул ладью и приказал спасать тонущих людей.

— Да?! Тогда пойдём к нему.

Биргер с Мули пошли вдоль берега и наконец дошли до судна, где Франсуа старательно отмывал дно и борта ладьи.

— Эй, француз, иди-ка сюда, — крикнул Биргер Солею, и тот, увидев ярла, бросил тряпку и, как кошка, прыгнул с ладьи на берег.

Биргер хохотнул:

— Мальчик, ты меня радуешь. Мы еще не доплыли до русских земель и не схватились за мечи, а я уже готов дать тебе свободу. Спасибо тебе за спасенных шведов.

— Господин, у меня ничего бы не получилось, если бы не кормщик Трюггви и мои товарищи матросы.

— Молодец, что так говоришь о своих товарищах. Я их обязательно награжу, но все будет после победы над русскими, — Биргер повернулся, чтобы его услышали воины на берегу. — Слышите все?! Все будут награждены, но только после победы над русскими. Отдыхайте, и в путь!

И когда уже шли обратно, Биргер вдруг остановился и, посмотрев на Мули, произнес:

— А француза надо наградить не за то, что спас твоего сына, а за то, что показал другим, как можно многого добиться, если быть смелым и верить своему королю.

Клепп слышал, как Биргер Ярл благодарит Солея, и не мог поверить, что тот разговаривает с каким-то рыбаком. Рабом! Мимо Клеппа Биргер прошел, даже не взглянув.

Когда шторм стих и люди, отдохнув, почувствовали себя лучше, корабли поплыли дальше по морю.

Финский залив был тих, вода чуть-чуть рябила, играя на солнце. Вперед направили корабли, кормчие которых бывали здесь и знали проходы среди множества мелей залива. Одним из таких оказался и Трюггви.

Подошли к Неве, но дул встречный ветер, а течение реки было столь сильным, что подняться по реке на веслах не получилось — корабли сносило обратно в залив, люди на веслах изматывались, сбивая ладони в кровь.

— Черт, — ругался Биргер, — кто обещал, что в это время поход в земли русских — легкая прогулка? — И внимательно посмотрел на рыцаря Гюрдира, командовавшего флотом.

— Только не я, — ответил Гюрдир. — Меня от такого количества воды уже тошнит. Я скоро меч не смогу поднять. Сойду на берег и упаду. Зачем я только согласился командовать флотом?

— Нечего сказать, хорош моряк. И что же делать? — спросил Биргер.

— Надо спросить у тех кормчих, которые знают, как в такую погоду плыть по этой реке.

— Так иди и спроси.

— Придется пристать к берегу.

— Нет, по воде пойдешь, как, говорят, ходил Христос, — заворчал Биргер. — Боже, неужели мы, дети великих викингов, перестали быть моряками? Где ты, великое время завоевателей?

Корабли пристали к безлюдному, заросшему лесом южному берегу залива, и Гюрдир приказал позвать к нему кормчих. Оказалось, что только несколько из них ранее плавали по Неве и только трое доплывали до Новгорода.

— Что будем делать? — спросил их Гюрдир.

— Надо дожидаться попутного ветра и на парусах и веслах подняться вверх по реке. Всего-то семьдесят верст, — предложил один из кормщиков.

— Так можно и неделями ждать, — не согласился другой.

— А что ты предлагаешь?

— Не знаю.

— Но здесь у реки не одно же русло. Можно попробовать проплыть по другому, — предложил Трюггви. Кормщик пришел с Солеем: ему разрешили — имя Солея стало известно известным в шведском войске.

— Конечно, если только по правому руслу, там ветер не будет в лоб, но путь длинней, — сказал первый кормщик.

— Ты по нему плавал? — спросил Трюггви.

— Один раз, но давно, еще молодым. Так что считай что не был.

— У нас даже не ладья — большая лодка, давайте мы поплывем первыми, а все уже за нами, — предложил Солей.

— А тебя, мальчишка, никто не спрашивал и слова не давал. Ты вообще-то что здесь делаешь? — спросил один из кормщиков.

— Это я разрешил. И я с ним согласен. У нас нет времени ждать. Плывите, — сказал Гюрдир.

— Да как такое возможно, чтобы нами, старыми кормщиками, командовал какой-то мальчишка? Он хочет утонуть, ну и пусть тонет, а мы не поплывем! — крикнул кормщик.

— Если я скажу — поплывешь! — с угрозой произнес Гюрдир.

— Кормщиком на судне я, а не Солей и я говорю, что поплыву, — сказал Трюггви.

— Вот и решили. Впереди поплывет твоя ладья, — Гюрдир показал на Трюггви. — А вслед за тобой половина кораблей. Если сумеешь пройти до основного русла, приплывешь по Неве обратно и проведешь остальные корабли. Всё. Выполнять. Ну чего вам бояться реки, если по морю не боитесь плавать?

Трюггви был очень хорошим кормщиком, а Солей с матросами умело управляли парусом. Ветер дул в борт, и судно тихо, замеряя глубину, выписывая замысловатые

зигзаги, медленно пошло вверх по реке. Через несколько часов, обогнув пустынные, заросшие лесом острова, они доплыли до основного русла Невы. Корабли, шедшие позади, остановились, и Трюггви, выгрузив на берег Клеппа с воинами, быстро поплыл уже по Неве к заливу. Через день все корабли собрались на Неве и пошли на веслах вверх по реке. Северная ночь светлая, но все же, когда вода и берег стали почти неразличимы, а матросы и воины, гребущие тяжелыми веслами, выбились из сил, Биргер Ярл приказал пристать к берегу. Долго искали место — берега были сильно заболочены, и только песчаный берег в месте впадения в Неву небольшой речки Ижоры оказался подходящим для стоянки.

— Трюггви, может, мне показалось, но я видел среди деревьев людей. Давай скажем об этом Клеппу? — сказал Солей.

— У тебя острый глаз, мальчик. Я никого не заметил. А если и видел, то это, наверное, финны. Не беспокойся. Отдыхай, мы свое дело хорошо выполняем.

По приказу Мули воины стали сходить на берег. Сводили застоявшихся, уставших лошадей, которые, почувствовав землю, падали на колени; солдаты разводили костры, варили еду, а для Биргера Ярла поставили шатер. Дружинники были настолько измучены, что, даже не поев, засыпали, сидя на песке. Светлая летняя ночь была так коротка, что казалось, люди только сомкнули глаза, а уже солнце встало на востоке. Вновь стали разжигать потухшие костры и готовить еду. Все уже знали, что сегодня они доплывут до Ладожского озера, где на берегу, в месте впадения в него реки Волхов, стоит крепость Ладога — старинная столица русских. После ее взятия путь на Новгород будет открыт. Это радовало и будоражило всех, как будто именно для этого они и приплыли через море.

— Я опять видел в лесу людей, — сказал проснувшемуся Трюггви Солей. — И их было много. Надо все-таки сказать Клеппу.

— Прекрати, негодный мальчишка! Ну какое тебе до этого дело? Твоя забота — вот эта ладья, которая, не дай

бог, вот-вот развалится. Сейчас все начнут грузиться, и мы поплывем. Чего ты все беспокоишься — ты же не воин?

— Биргер сказал, что я должен буду сражаться, когда доплывем до русских.

— Но мы еще до них не доплыли. А это финны или чужь — они здесь живут...

Договорить Трюгтви не успел: из леса к берегу выбежал воин, истошно крича:

— Русские. Очень много — пешие и конные!

— Откуда русские? Как они могли здесь оказаться? — закричал Биргер. — Мули, поднимай дружину! Не дай захватить врасплох! И подайте моего коня.

Но было поздно — русские уже замелькали среди подступающих к берегу деревьев. Впереди был всадник на крепком коне, в доспехах и остроконечном шлеме. Всадник показал копьем на шведов и крикнул:

— Вперед! Бей ворогов! — и сам первым, опустив копье, поскакал к берегу. За ним, дико крича, скакали на лошадях и бежали сотни русских воинов с мечами и копьями, кто в доспехах, а кто в простых рубахах до колен. Мули все-таки успел организовать оборону, и шведы, выстроившись в две шеренги, прикрывшись щитами и выставив копья, стали стеной против нападавших русских. Но те бросали своих лошадей прямо на копья, а сами прыгали через головы умирающих лошадей в гущу шведов и бесстрашно начинали драться мечами и ножами, пока не умирали от множества ран. То же делали и пешие воины, грудью бросаясь на копья шведов. Ряды шведов смешались с русскими, и все стали драться в одиночку, и уже побеждал тот, кто был смелее, способнее, сильнее и бесстрашнее. Русские кричали: «Александр! Александр!» Их князь дрался в гуще битвы, убивая шведов копьем, и кричал: «Биргер! Биргер!» И Биргер на коне, в красивых доспехах и шлеме, пробился среди дерущихся воинов к Александру.

— Ты меня звал. Так вот он я! — крикнул Биргер Ярл.

Над полем битвы вдруг наступила тишина, казалось, даже смолкли крики раненных и умирающих. Воины расступились в стороны, опустили мечи и копья и стали смот-

реть, кто победит в этой схватке: ярл всех шведов или русский князь, потомок знаменитого шведа Рюрика, основателя русского государства. Всадники разъехали и, выставив вперед копыя, поскакали друг на друга. Копье Биргера ударило в щит Александра, но сломалось, и русский князь только пошатнулся от страшного удара, но удержался в седле, а копье Александра попало в забрало шлема Биргера, и тот вылетел из седла.

— Победа! — закричал Александр. — Бей ворогов!

Русские бросились к поверженному Биргеру, но к ярлу подскочил рыцарь Мули и с криком «За Биргера! За Швецию!» стал наносить своим огромным двуручным мечом страшные удары по набегавшим русским воинам. Шведы подхватили раненого Биргера и, прикрывая его щитами, утащили на корабль. А рыцарь Мули продолжал размахивать своим мечом, не давая русским броситься вдогонку за Биргером. Видя, как отважно Мули сражается с русскими, уже шведские рыцари бросились вперед, и вновь завязался бой. Стрела попала Мули в плечо, и меч выпал из его рук. С яростными криками русские бросились к рыцарю, чтобы разрубить на куски ненавистного шведа, но тут с одного из кораблей прыгнул на песок беловолосый юноша и, расталкивая дерущихся, увертываясь от копий, подбежал к Мули и, подняв с земли огромный меч, стал им вращать над головой. Раздался жуткий свист, вызвавший оторопь у нападавших русских воинов, они остановились, не зная, как им подступиться к этому высокому беловолосому мальчишке, который с такой легкостью вращал мечом, готовый убить любого захотевшего напасть на раненого Мули. Русский воин, крепкий, высокий, прикрывшись щитом, бросился к юноше, но тот нанес удар мечом по щиту, и щит раскололся от удара на две половины, а воин упал на песок и, страшно закричав, пополз от занесенного над ним меча. А беловолосый юноша, казалось, даже обрадовался такому удару — он рассмеялся и опять начал вращать тяжелым мечом над головой, и опять раздался жуткий, завораживающий, наводящий страх и ужас свист. Русские отскочили.

— Уходи, Мули! — крикнул юноша и ударил мечом по копью русского воина. Длинный меч перерубил копье, как соломинку, а Солей — это был он — нанес удар по кинувшемуся к нему другому воину, и этот удар был настолько сильным, что у русского раскололась голова вместе со шлемом.

Шведы помогли зажимающему рукой рану плеча рыцарю Мули отойти на корабль, и он с носа корабля стал кричать:

— Да помогите же ему!

Увидел Клеппа — тот, прикрывшись щитом, так что и головы не было видно, неумело махал перед собой мечом.

— Клепп, — заорал Мули, показывая здоровой рукой на размахивающего мечом Солея, — помоги ему! Он же сделал тебя хэрсиром! Ты же его должник! Вон он, один дерется. Да быстрее же ты. Чего сжался? Трусишь, собака? Вперед!

Русские прорвались к шатру Биргера и подрубили столб, на котором он держался. Шатер рухнул, вызвав радостные крики среди русских воинов. Шведы продолжали отчаянно защищаться, но русские все больше прижимали их к воде, а один из них, в дорогих доспехах, на коне по сходям заехал на палубу корабля, где находились раненые Биргер и Мули, и стал размахивать мечом. Копьями его сбросили за борт — он упал, лошадь вынесла его на берег, и он снова поскакал к сходям, и вновь заехал на корабль, и его опять сбросили в воду. Он поднялся и, стоя по пояс в воде, вдруг стал смеяться, как будто это была не смертельная схватка, а детская забава.

Клепп со своими дружинниками, среди которых был Вигфус, трусливо оглядываясь на кричавшего рыцаря Мули, пошел в сторону дерущегося Солея, но когда несколько его дружинников были убиты, а остальные, бросая оружие, побежали обратно к кораблям, он тоже бросил щит и меч и побежал к берегу.

— Дерись, Клепп! — кричал с носа корабля Мули. — Смотри, как дерется этот мальчишка! Им надо гордиться! Дерись! Ты же викинг!

А русские, окружив Солея, кричали:

— Сдавайся, гад! Сдавайся, Белая смерть!

К Мули подошел Биргер. Лицо его было перевязано, и рыцарь, показывая здоровой рукой на Солея, восторженно крикнул:

— Смотри, мой господин, вот настоящий швед.

— Мули, он не швед, а француз, и он уже мертв. О, как же он дерется! Боже, как он силен! Мули, в нем такая же сила, как в тебе, а ведь он еще совсем мальчишка. А вот, Мули, швед, — Биргер показал на бегущего к воде и машущего руками Клеппа и, посмотрев на рыцаря целым глазом, презрительно добавил: — Может, Мули, возьмем его с собой? Мы с тобой о нем уже говорили.

Мули понимающе кивнул головой и, выхватив здоровой рукой у стоявшего рядом воина копье, с криком: «Умри, трус!» — бросил его в Клеппа. Копье пробило Клеппу грудь, и он упал мертвый.

— Ну вот, Мули, ты и хэрсир. И вся его земля теперь принадлежит тебе, — сказал Биргер и приказал: — Всем отплывать на середину реки.

Корабли, сбрасывая сходни и рубя якоря, стали отплывать от берега. Несколько судов, подожженные русскими, горели на берегу, и шведы прыгали с них в воду. Их били и связывали.

Еще дрались несколько десятков шведов, но один за другим падали мертвыми или бросали оружие и становились на колени, моля о пощаде; их не убивали — тоже били и связывали. И лишь один швед продолжал драться — без кольчуги и шлема, в одной окровавленной рубашке, юноша с белыми волосами размахивал длинным мечом, отрубая направленные на него копья. Русские дружинники подходили и заворуженно смотрели, как этот совсем мальчишка со сверкающими голубыми глазами отбивался тяжелым мечом. Подъехал черноволосый, с черными же глазами, в кольчуге с металлическими бляхами на груди русский воин, который до этого убил многих шведов, слез с коня и, растолкав окруживших Солея воинов, крикнул:

— А со мной, сука белая, сразиться не хочешь?

Русские закричали:

— Ратмир! Ратмир! Убей его! Убей Белую смерть!

— Давай своей, прими смерть! — крикнул Ратмир и, выхватив меч, бросился на Солея. Этот искусный воин убил бы юношу, но споткнулся об обломок лежавшего на песке копья и упал грудью на выставленный вперед меч Солея. Длинный меч прошел его насквозь, выйдя со спины Ратмира. Русские ахнули и отшатнулись в ужасе.

— Ратмир! — закричал воин в дорогих доспехах, что дважды врывался на корабль с раненым Биргером. Он подскакал к князю Александру и закричал:

— Смотри, княже Александр, что вытворяет этот белоголовый швед! Он убил Ратмира! Я сейчас его изрублю на куски!

— Остановись, Алексич, он мне нужен живым.

— Нет, княже, его надо убить, здесь, на месте, чтобы все видели, как он умирает!

— Я что тебе сказал, воевода? Он мне нужен живым. Захочу — принародно казню в Новгороде.

— Подчиняюсь тебе, княже, но только потом сдержи свое слово, — зло ответил Алексич и с гиканьем поскакал в сторону Солея. Все расступились, и Алексич ловко бросил аркан — плетеная веревка обвилась вокруг шеи юноши, а всадник поскакал дальше. Солей уронил меч, схватился за веревку и, захрипев, упал на спину, а лошадь потащила его по песку, пока юноша не задохнулся и не перестал держаться.

— Вот так-то, кое-чему татары нас тоже научили, — крикнул всадник и приказал: — Вяжите его. А за Ратмира, клянусь, я тебя сам казню лютой смертью.

Битва была окончена: шведские суда уплывали вниз по реке, а русские, подняв мечи и копья, радостно кричали, славя своего князя Александра.

XVI

Солей брел по лесной тропинке. Болела голова, из ран на шее и груди текла темная кровь. Одна рука была крепко

привязана — аж кисть онемела — к длинной веревке, к которой были привязаны все идущие друг за другом пленные шведы. Солей вспомнил, как спрыгнул с ладьи, как схватил меч и как под ударами его меча падали чужие воины, а он испытал необыкновенное чувство своей силы, своего превосходства над русскими. Он гордился собой и мало думал о своем будущем — хотелось только напиться воды. Пленных шведов было десятка три, и они, усталые, спотыкаясь и падая, брели, а сбоку ехали на лошадях русские воины с короткими копьями в руках. Они не обращали на связанных шведов внимания и о чем-то весело перекликались между собой. Июльское солнце стояло над головой, но не пекло — спасали кроны высоких сосен, зато было много комаров, которые тучами вились над пленными и густо облепляли их лица и тела. Пленных гнали, не останавливаясь, целый день. Кто падал — били плетью. Если не поднимался, убивали мечами или копьями. Шведы, видя, как безжалостно убивают их товарищей, изо всех сил старались не упасть.

Шедший впереди Солея швед упал на колени. К нему подъехал русский и с размаху ударил плетью, замахнулся, чтобы ударить еще раз, но Солей подставил свою спину под удар и крикнул упавшему шведу: «Вставай! Быстрее вставай!». Тот тяжело поднялся, оглянулся и обрадованно вскрикнул — это был кормчий Трюгтви. Русский еще раз со злостью, наотмашь ударил Солея плетью, рубаха на спине юноши лопнула, и брызнула кровь, воин замахнулся, но раздался чей-то повелительный окрик, и, опустив плеть, русский нагнулся с коня к Солею и сказал с угрозой:

— Я тебя, Белая смерть, помню, и скольких ты русских погубил, тоже помню. Ты для нас хуже татарина. Подожди, дойдем до Ладоги, а там, как только князь уедет, и прирежем. Так сказал воевода Гаврила Алексич. Ты его племянника Ратмира убил. Жаль, что нельзя тебя здесь прикончить. Я бы тебе жилы на ногах подрезал и бросил в лесу — волкам на радость.

Солей не понимал, что говорит русский воин, он помогал Трюгтви делать тяжелые, трудные первые шаги после падения. Помогал и шептал кормчему:

— Трюггви, держись! Ты сильный, ты выдержишь. Обопрись на меня, и пойдем.

— Зачем? Лучше здесь упасть и умереть, — плакал Трюггви.

— У тебя же семья, Трюггви. Ты же должен к ней вернуться.

К вечеру, когда небо стало сине-белым, а одинокие тучки порозовели от света скатившегося к горизонту красного солнца, остановились на поляне, по которой протекал небольшой ручей. Шведы были настолько измотаны и устали, что падали на колени и ползли к журчащей воде, роняли головы в прозрачную холодную воду и пили, пили, пили. Русские, выставив нескольких воинов для охраны пленных, развели костры и стали готовить еду, и ее запах доносился до пленных, но те уже не замечали ничего — они спали! А русские всю ночь праздновали и пели странные протяжные песни и кричали: «Слава Александру! Слава Александру! Слава Ярославичу!» Над поляной стоял терпкий запах перебродившего меда. Стоявшим в охране воинам надоело сторожить спящих пленных, и они присоединились к своим товарищам и стали радоваться вместе со всеми победе над шведами.

Не спал один Солей и, дождавшись, когда русские напились и уснули, растолкал Трюггви и зашептал:

— Трюггви, они все спят. Бежим. Я веревки уже развязал. За ночь мы далеко убежим, до реки, а там найдем лодку, спустимся вниз и найдем корабли Биргера.

— А если не добежим? А если поймают? А если не будет лодки? А если звери по дороге? Я боюсь. Я не побегу, Франсуа. Пусть будет, что будет. Я же не воин. Может, меня не убьют.

— Зря, Трюггви. Вдвоем было бы легче. Подумай.

— Нет. Если хочешь, беги, а я остаюсь.

— Прощай, Трюггви.

Солей тихонько пополз с поляны и, оказавшись в лесу, побежал по тропинке, по которой их вели целый день. Северная летняя ночь светлая, и направление определять было легко — на опустившееся к горизонту солнце. Солей

был молод — совсем мальчишка, он родился и жил на берегу моря и не понимал и не боялся леса. Ему казалось, что он помнит, как их вели, и не стал все время бежать по петляющей тропинке, а решил срезать путь и побежал по лесу. Пробежав версту, понял что сбился с пути, и побежал в сторону, потом в другую, но вокруг все было одинаковым: высокие деревья, одинаковые звуки и шорохи, он бегал искал, забрался на дерево, но ничего, кроме бескрайнего леса, не увидел и, еще поискав тропинку, уставший, сел под дерево и сразу уснул.

До места битвы, куда пристал один из кораблей Биргера Ярла, чтобы забрать убитых шведов и похоронить их вместе с кораблем на середине реки, Солей не добежал несколько верст. Если бы убежал какой-нибудь другой швед, русские не стали бы его ловить — зачем, звери в лесу задерут, но сбежавший был особым пленником, прозванным Белой смертью, за которого они отвечали перед князем Александром и воеводой Алексичем. Когда ночью одному пьяному русскому воину вдруг захотелось убить этого беловолосого шведа, принесшего столько горя, он, вытащив нож, пошел его искать и, когда не обнаружил, поднял крик. Надавав оплеух и пообещав всем неминуемую смерть, начальник русского отряда отправил на поиски беглеца воинов-охотников, и те, как собаки, по только им понятным следам нашли спящего юношу и подошли так тихо, что он даже не услышал их шагов; навалились, связали крепко руки и, привязав конец веревки к седлу лошади, поехали назад. Русские не били Солея; он бежал за лошадью, потом споткнулся, упал, и его потащили по земле, пока он от ударов о корни деревьев не потерял сознание. Тогда его, окровавленного и еле живого, привязали поперек лошади и повезли обратно в лагерь. А когда привезли, радуясь, что поймали, допили крепкое медовое вино и, выставив сторожей, вновь улеглись спать.

Ближе к полудню погнали пленных дальше, идти стало легче: небо закрыли тучи и не было жары, а на комаров уже не обращали внимания. Когда начинал накрапывать дождь, то до земли долетали только отдельные капли — со-

сны где-то далеко в вышине сплетали свои кроны. У встречавшихся на пути ручьев шведы падали и жадно пили воду. Русские перестали бить пленных, только косо и зло поглядывали на Солея, — так им хотелось забить насмерть этого беловолосого мальчишку.

— Я тебе говорил, что они тебя поймают, — шептал Трюгви.

— Я все равно убегу, — прохрипел Солей. — Лучше скажи, куда нас ведут?

— Не знаю. Наверное, в крепость Альдебург, или, как говорят русские, Ладогу. Я там бывал.

— А Новгород?

— Это большой город, он далеко вверх по реке Волхов, но все равно мимо Ладоги не проплывешь. Говорят, что Ладога была раньше столицей русских.

— А кто такой Александр? Они все время кричат: «Александр».

— Это их ярл, или, как они называют, князь.

— Это тот, что ранил Биргера! Он молодой и сильный.

— Наверное. Я же на корабле был и только издали видел, как он сбил Биргера копьем с лошади.

— А как ты-то, Трюгви, попал в плен?

— Так наш корабль подожгли. Я спрыгнул в воду, и меня поймали. Так многие попали в плен, на отплывавшие корабли нас не брали. Вон, Клеппа свои же копьем, когда он хотел залезть на уплывающий корабль, убили.

— Убили?! Жалко.

— Ты же говорил, что он тебя предал?

— Предал, но он был моим дядей.

— Теперь нам будет не до родственников.

— А что делают русские с пленными?

— Либо делают своими рабами, либо продают татарам.

— Значит, надо бежать.

— Ты, мальчишка, еще не набегался? Куда ты убежишь?

— Думать надо. На реке же лодки должны быть, украдем, и нас уже не поймают.

— На Волхове? Да от Ладоги-то по озеру до Невы два дня пути. Поймают. О, господи, увижу ли я своих детей?

— Значит, в Ладоге и убежим.

— Опять поймают, — вздохнул Трюггви.

— Увидишь, Трюггви, не поймают. Еще бы лук со стрелами и топор.

— Странный ты, Франсуа. Совсем мальчишка, иностранец, а столько в тебе веры в свободу. Ты знаешь, как они тебя называют?

— Нет. Я же не понимаю их языка.

— Они тебя называют Белая смерть.

— Это, наверное, из-за волос?

— Скорее, за то, что ты так храбро дрался. Я видел, пока наше судно не подожгли, как ты дрался этим огромным мечом. Ах, если бы я приказал оттолкнуть ладью от берега... Сейчас был бы свободен.

— Мы с тобой, Трюггви, будем свободны. Только надо держаться вместе.

— Я не воин, я боюсь.

— Так и я не воин. Впервые меч в руках держал.

— Не может быть! Такой меч! Тогда ты прирожденный воин.

— Если честно, у меня было какое-то необыкновенное чувство, когда я держал этот меч. Такая радость в груди.

— Конечно, с твоей-то силой. Но бойся — как я понял, ты убил какого-то их знаменитого рыцаря, которого звали Ратмир. Больше я ничего не понял.

— Ты знаешь их язык?

— Так, несколько слов. Русские к нам в Швецию приплывают, и вся наша торговля с южными странами идет через русских. Они нас называют варягами. А наш ярл Рюрик, говорят, когда-то, в древности, стал их главным князем... Я два раза плавал в Новгород... Зачем воюем? Торговать надо... На солнце ведут, значит, в Альдебург. Все, не увижу я больше своих детей.

— А где Александр с воинами?

— Они, наверное, в Альдебург уплыли на своих ладьях, а нас пешком ведут. Боюсь я бежать-то. Страшно! Только не здесь, может, там, в городе? Там лодок на берегу много. Ох, боюсь я...

— Хорошо, убежим в Альдебурге.

Их внимательно слушал бредущий сзади швед — слуга погибшего Клеппа Вигфус. Он хотел подойти, но передумал — в плену, в неизвестности каждый за себя!

XVII

Альдебург, или, как называли русские, Ладога — когда-то город, а потом, с веками, небольшая крепость с каменными башнями и невысокими стенами — стоял в месте впадения реки Волхов в Ладожское озеро, и мимо него проплыть в Новгород было невозможно. Пленных через открытые ворота крепости провели на широкий двор, где на крыльце построенного из огромных бревен дома, на искусно вырезанном деревянном троне, сидел князь Александр, молодой, с небольшой юношеской рыжеватой бородой и с длинными до плеч, волнистыми русыми волосами. Его серые глаза смотрели на пленных строго и как-то нелюдимо. Взгляд его теплел и губы смешливо дергались, когда он разговаривал с воеводой Алексичем, стоявшим рядом с троном. Дружинники сидели по кругу двора за широкими столами, на которых на больших деревянных блюдах лежали мясо птиц, зверей, рыба, ягоды, грибы, меда, караваи хлеба, стояли деревянные жбаны с медовухой, которую черпали большими деревянными кружками; у богатых воинов были серебряные кубки. Все кричали хором:

— Слава князю... Слава Александру Ярославичу... Слава защитнику земли русской...

Воевода Алексич поднял руку и, когда наступила тишина, крикнул:

— Отныне надобно величать Александра Ярославича князем Невским!

И все хором закричали:

— Правильно... Невским! Невским!

Когда в центр площади вывели пленных шведов, все стали показывать на них пальцами и смеяться. Встал с кубком в руке воин в дорогих доспехах и крикнул:

— Это я, посадник новгородский, Сбыслав Якунович, за то, что столько варягов топором порубил, первым должен выбирать для себя пленников.

— Почему это ты, Якунович, должен первым выбирать? — вскочил с места другой дружинник. — Это я, старейшина ижорской земли Пелгусий, выследил варягов, когда они на своих лодьях только еще в Неву хотели зайти, да не смогли, и послал людей с сообщением к князю нашему. Я и должен первым пленников выбирать.

— Вас послушать, так только вы и бились, а мы в стороне стояли? А кто подрубил столб и шатер ихнего ярла обрушил? Кто? Я! — закричал большой, безусый юноша.

— Ты, Мишка... Ты... — засмеялись, сидевшие за столом княжеские дружинники. — Только тебе-то зачем пленники — тебе всего-то шестнадцать годков!

— Забирайте хоть всех, но этого мальчишку с белыми волосами отдайте мне. Он моего племянника, богатыря нашего Ратмира убил. Я его буду казнить лютой смертью. Я, и никто другой! — закричал Гаврила Алексич.

— Ты, Алексич, не князь, а всего лишь воевода, — прозвучал жесткий звонкий голос. — И ты, и все вы — моя дружина, и здесь буду решать только я, князь Александр Ярославович! Понятно сказал? — громко произнес князь Александр.

И опять все закричали:

— Понятно... Чего не понять... Конечно, ты, Ярославич, ты один... Решай сам, князь...

— А раз так, выведите-ка этого свея вперед, — Александр показал на Солея. — Я хочу на него посмотреть.

Солея вывели из толпы пленных и поставили перед князем. Александр посмотрел на него строго, но без злобы, рука же воеводы Алексича сжимала рукоять меча так сильно, что пальцы побелели.

— Как тебя зовут? Откуда ты? Сколько тебе лет? — спросил князь.

— Меня зовут Франсуа Солей, я француз, рыбак, мне шестнадцать лет, — перевел, стоявший у трона толмач, и брови Александра удивленно поднялись, а по рядам русских воинов пробежали недоверчивые возгласы.

— Э-э! Да он мой ровесник! — весело крикнул дружинник Мишка.

— Может тебе, как и Мишке, шестнадцать лет, — сказал Александр. — Мне самому девятнадцать. Но что делал в набеге на наши земли француз, да еще и рыбак? Помнится мне, земли французские далеко отсюда, даже представить трудно, как далеко. В Новгороде из вашей земли купцов я не видел. Легкой наживы захотелось? Неужели плохо живется в землях заморских? Вон и татары до ваших земель не дошли — всю силу на Русь истратили. Спасли мы вас от разграбления, а вы за это нам такой монетой платите? И где это ты, рыбак, так мечом-то научился биться? Честно, раньше не видал такого силача. Врешь ведь, что рыбак?

— Я впервые держал меч в руках.

— Врешь! — закричал Алексич. — Как бы ты тогда Ратмира убил?

— Если ты говоришь, про того воина в красивых доспехах, так я его не убивал, он поскользнулся и на меч сам наскочил. А на корабль меня отправил Биргер Ярл как своего пленника, умеющего плавать на кораблях, пообещав дать мне свободу, если выиграем битву.

— Как же ты его пленником-то стал? — спросил заинтересованно Александр.

— Мой отец, викинг, двадцать лет назад бежал из Швеции, когда убили его отца и мать, и доплыл до Франции, где и стал жить в рыбацкой деревне Ла-Рошель, на берегу Атлантического океана. Когда мы с братом выросли, он решил, что должен вернуться на свою родину, чтобы отомстить убийце его родителей Хоккону Кривому, а я решил, что сделаю это вместо него, и, убежав из дома, добрался до Швеции.

— И что, отомстил? — в словах Александра прозвучала насмешка.

— Да, я его убил из лука, а потом меня схватили и отвезли в Стокгольм к Биргеру Ярлу, где должны были казнить, но отправили на корабль. Можете спросить Трюгви, — Солей показал на кормчего, — он подтвердит.

— А зачем же ты тогда за меч схватился, да еще рыцарский меч?

— Мне Биргер обещал свободу, а если уж честно, то я не знаю, почему бросился на помощь рыцарю Мули.

Кто-то из дружинников крикнул:

— Врет он! Он мечом так вращал, только свист стоял над его головой!

— Я с детства учусь сражаться мечом, — произнес Александр, — но я князь, а не раб, как ты. Знаешь ли, что с тобой будет, если я тебя сейчас отдам воеводе Алексичу или любому из своих дружинников? С тебя с живого кожу сдерут или на потеху с медведем биться заставят. Голыми руками! — Солей при этих словах опустил голову. Он очень жалел, что не успел добежать до реки. А Александр продолжил: — А как же ты убежать-то смог? Донесли мне. Пили и проспали мои дружинники? Говори правду, и я их накажу.

— Не видел, чтобы пили. А руки я сам развязал и на заходящее солнце убежал. Странное у вас солнце — ночью светло, как днем.

— Врешь, конечно, но то, что моих дружинников выгораживаешь, хорошо. Тебе бы русским быть, а не свеем. Глаза у тебя русские, только волосы странные, как солнце утреннее. А силой ты в кого?

— В деда и отца.

— Хорошо, что таких свеев мало, а то туго бы нам пришлось, — вдруг рассмеялся Александр. — Но... и ты, и все пленники теперь наши рабы, и по русскому обычаю повелеваю: провести здесь торг и раздать пленников среди дружинников. Первым будет выбирать Пильгусий — ему их вести совсем рядом, в ижорские земли.

— Правильно, я первый! — радостно закричал Пильгусий.

— Остальных распределите, но без драки, кому кто нужен для работ или для продажи, и завтра плывите с ними в Новгород. А француз мой! Я с Алексичем отплываю сейчас.

— Этого, — Алексич показал на Солея, — с собой возьмем?

— Ты Гаврила Алексич в желании своем прикончить его совсем разум-то потерял? — зло произнес Александр. — Виданное ли дело, чтобы я, князь русский, с пленным рабом в одной ладье плыл. Пусть со всеми остальными привезут в Новгород. А там я сам решу, что с ним делать: может, на кол посадим, может, голову отрубим, но все будет в Новгороде.

Александр поднялся. Все вскочили, и князь торжественно и громко сказал:

— Всем вам, дружинники мои, низкий поклон от людей русских. Сами видели, сколь в силе превосходил нас враг, но вы своей удалью и храбростью разбили его! Потому что Бог не в силе, а в правде!

Князь Александр поклонился, и все радостно закричали:

— Слава Александру! Слава Александру Невскому!

Князь Александр с воеводой Гаврилой Алексичем и небольшой личной княжеской дружиной ушли на берег, и вскоре их ладья поплыла вверх по реке, а оставшиеся дружинники и старейшины близлежащих земель стали с руганью делить пленников между собой. Спрашивали: кто какие ремесла знает, осматривали, здоров ли. Тех, кто достался Пильгусию, сразу повели обратной дорогой к реке Ижоре, остальных закрыли в пустом бревенчатом амбаре и, радуясь, что князь и воевода уплыли, стали безудержно пить и хвастаться друг перед другом, кто и скольких убил врагов. И чем больше пили, тем больше хвалились.

— Ну и куда тебя отправляют? — спросил Солей у Трюгви.

— Сказали, что в Новгороде продадут на ушкуи, а чтобы не сбежал, прикуют цепью к веслу, — Трюгви заплакал.

— Радуйся, хоть живой будешь, а мне точно смерть! Эх, не удалось убежать.

— Чему радоваться?! Мне рассказали, что дальше со мной будет: ушкуи — это лодки разбойничьи, плавают на юг, аж до Черного моря, и когда их ловят, то всех, кто на них плавает, убивают либо продают невольниками к мусульманам... Кажется, ты прав, Франсуа, — надо бежать.

Из-за стен доносились пьяные крики и песни русских. Стены амбара были из толстых бревен, пол земляной, кры-

ша прямая из тесаных досок. Пленные, измученные и усталые, спали, а Солей все ходил, переступая через спящих шведов, и смотрел по сторонам.

— Был бы нож — сделали бы подкоп и убежали, — сказал он тихо Трюггви.

— Я очень устал, Франсуа, давай спать. Завтра же посадят на весла, и будем неделю грести до Новгорода.

— Трюггви, а ну-ка встань сюда, в угол, — Трюггви вяло повиновался. — Возьмись руками за стену и, главное, не падай, — Солей взобрался у Трюггви на плечи и уперся головой в потолок.

— Теперь держись крепче и только не кричи, — прошептал Солей и двумя руками уперся в доски.

— Ой, больно! — приглушенно вскрикнул Трюггви и этим ой заглушил треск — посыпалась земля, и широкая доска отошла в сторону. Образовалась дыра, в которую виднелось синеватое небо с белыми облаками. Солей схватился за края дыры и, подтянувшись, легко вылез на крышу, а потом, повиснув головой вниз, протянул руку и зашептал:

— Трюггви, хватайся быстрее.

— Я боюсь, — заплакал Трюггви. — Нас поймают, и меня казнят.

— А так прикуют цепью к лодке, и ты умрешь как раб! Подумай, Трюггви, неужели ты не хочешь свободы и готов умереть рабом?

— Я боюсь.

— Трюггви, подумай о своей семье и своих детях. Давай быстрее руку, пока никто не проснулся.

Трюггви протянул дрожащую руку, и Солей вытащил его на крышу.

— Эй, — вдруг раздалось снизу, — возьмите меня с собой... или я закричу.

— Зачем тебе бежать? — тихо спросил Солей. — Нас могут поймать и убить.

— Мне все равно. Вытаскивай, иначе крикну!

— Черт с тобой, — Солей опять опустил в дыру, схватил протянутую руку, вытащил пленника наверх и тихо удивился: — Я, кажется, тебя знаю...

— Конечно, я Вигфус, слуга у Клеппа.

— Подожди, — сказал Солей и тихонечко сдвинул доску обратно. — Вот теперь пусть думают, что мы улетели, превратившись в птиц.

Вначале прыгнул с сарая Вигфус. Солей прыгнул за ним и махнул рукой Трюгви, тот прыгнул, но неловко, и упал бы, но Солей успел его подхватить и, прижав палец к губам, показал рукой на приоткрытые ворота. Сторожа спали прямо на земле, привалившись к крепостной стене, и в светлой ночи раздавался их залиvistый храп. Солей, Трюгви и Вигфус перебежали через двор и, выбежав за ворота, сразу свернули к лесу и уже в тени деревьев добежали до реки. Лодок было много, и больших, и малых. Беглецы прислушались: на больших лодках, по-видимому, спали дружинники — оттуда раздавался их храп. Они осторожно прошли по песчаному берегу и нашли хорошую, крепкую лодку с лежащими на ее дне веслами. В соседней лодке кто-то сонно пробормотал: «Ты куда?» — и снова раздался храп. Солей рукой показал, чтобы Трюгви и Вигфус легли на дно лодки и, приподняв лежащий на песке нос, бесшумно толкнул лодку в воду. Продолжая толкать, он заходил все дальше в воду, а потом, держась за борт, поплыл и, когда лодку подхватило течение, легко взобрался в нее. Там он взялся за весла и стал грести. Вскоре наползающий на реку утренний туман скрыл их. Течение и сила Солея быстро гнали лодку вперед, и вскоре они выплыли на бескрайнее, как море, озеро, повернули налево и поплыли вдоль берега — туда, к свободе, к далекой, вытекающей из озера Неве. Плыли всю ночь и день. Солей, казалось, не уставал, он даже что-то все время напевал. Трюгви с Вигфусом не понимали, о чем он поет, но прислушивались к неизвестному языку. Потом они сменили Солея, и так плыли, меняясь, до ночи. Устав, пристали к берегу и легли спать. Проснулись голодные, но чувство свободы было сильнее, и опять они плыли целый день, а потом еще день, пока не вплыли в Неву. Здесь они сразу почувствовали силу ее течения — лодку быстро понесло, легкий туман, плывущий над водой, мешал разглядеть берега.

— Свобода! — закричал Солей.

— Неужели я увижу своих детей? — заплакал Трюггви. Вигфус тоже плакал.

— Как думаешь Трюггви, далеко ли нам плыть до того места, где была битва? Может, там есть еще наши корабли? — спросил радостный Солей.

— Думаю, через полдня доплывем. Ах, какое счастье быть свободным. Спасибо тебе, Франсуа. Я бы сам никогда не решился убежать.

Вигфус услужливо молчал. Он сразу стал называть Солея хозяином и, когда тот запротестовал, объяснил:

— Хэрсира Клеппа больше нет; ты, Солей, единственный внук хэрсира Олафа — значит, новый хэрсир и мой господин и хозяин.

— Прошу тебя, Вигфус не называй меня ни хозяином, ни господином. Мы доплывем до Швеции, и я уеду к себе домой, во Францию. Там меня ждут отец и сестра, я обещал им вернуться, и никаким господином я не хочу быть. Да и у Клеппа осталась мать.

— Женщины без мужа — никто!

— Все равно прекрати называть меня хозяином.

— Хорошо, хозяин, — ответил Вигфус, на что Солей и Трюггви рассмеялись.

Течение было столь сильным, что оставалось только подправлять веслами лодку, чтобы ее не закружило в водоворотах.

В вечерних сумерках впереди появилось судно. Парус был спущен, и было слышно, как весла хлопают по воде.

— Кто это? — спросил Солей. — Что делать будем, Трюггви?

— Если останоят, скажем, что финны.

На носу и над бортом подплывающего корабля появились головы, и тут Вигфус не выдержал и, вскочив, начал махать руками.

— Э-эй! Мы здесь! Помогите! Мы бежали из плена! Помогите!

Весла чаще захлопали по воде, а когда корабль приблизился, беглецы вдруг поняли, что это русская ладья.

С нее бросили веревки с крюками, которые, чудом не зацепив беглецов, впились в борта лодки, и ее подтянули к кораблю.

— Ну, вот вам и свобода, — тихо произнес Трюггви и, сев на дно лодки, заплакал.

— Это я виноват, хозяин! — крикнул Вигфус и прыгнул в воду.

— Зачем, Вигфус! — закричал Солей, протягивая руку. — Хватайся! — Но Вигфус, наоборот, замахал руками, чтобы отплыть от лодки, и течение понесло его. Он не кричал, только донеслось издали: «Прости хозяин»; голова еще несколько раз показалась над водой и скрылась.

Беглецы поднялись по веревочной лестнице на ладью, где их тут же сбили с ног, связали и бросили в трюм.

— Я понял, кто это, — прошептал разбитыми губами Трюггви. — Это русские, собирающие с финнов дань для князя Александра.

Через день ладья приплыла в Ладогу. В крепости начался праздник — сборщиков дани поили вином, подносили подарки и радостно говорили:

— Особо вам за мальчишку белобрысого спасибо. Уже второй раз бежит. Да и черт бы с ним, но он князя Александра добыча, если бы вы не поймали, не сносить бы нам головы, — и вновь наливали вина и спрашивали: — Шведов-то не видели?

— Много ихних кораблей плыло по заливу в сторону моря, но нас они не видели.

— Тогда вам повезло, они бы вас утопили, — и рассказывали о сражении на Неве. Сборщики дани только ахали:

— Мы видели мертвых на берегу у впадения Ижоры. Еще удивились — кто это?

— Это князь их перебил! Они на Новгород шли.

— А князь-то где?

— Уплыл в Новгород. Ну и мы поплывем. Слава богу, не с покаянной головой.

Плыли по Волхову на легких парусных лодках. Франсуа связали особо: вдоль спины положили весло и привязали к нему руки и ноги. Пригрозили:

— Чуть что — выкинем за борт, сука белобрысая. А князю скажем, что сам, связанный, прыгнул и сразу утоп. Не понимаешь? А жаль.

Трюггви повезло — к веслу привязали только руки и сказали:

— Как устанешь, скажи — вместе с веслом поплывешь обратно.

Через три дня приплыли в Новгород. Веревки на ногах у Солея развязали и так, привязанного к веслу и с петлей на шее, повели к князю. Жители красивого города удивленно смотрели на падающего, привязанного к веслу беловолосого юношу и идущих рядом четырех дружинников с вынутыми мечами. Весло зигзагами чертило путь по земле.

— Кто это? — удивленно спрашивали новгородцы.

— Это убийца Ратмира, — слышали в ответ.

— Ратмира? Не может быть! Как он смог-то? Он же совсем мальчишка, а Ратмир — наш лучший воин.

— Вот тебе и мальчишка. Он в битве на Неве столько дружинников убил — не счесть.

— Так чего же его сюда-то привезли? Там бы и казнили самой лютой смертью.

— Князь не разрешил.

— А князь у нас не правит! У нас посадник есть! Что посадник-то думает? А воевода Алексич?

— Воевода-то сразу хотел этого свея прикончить, да князь не дал. Сказал, что этот пленный принадлежит ему.

— Не слишком ли много князь о себе думает? Конечно, молодец, что свеев разбил, но пленных защищать — это уже слишком. Не имеет он на то права, это новгородцы сами решают... И куда вы его ведете?

— Так к князю Александру и ведем.

— Ладно, подождем, что князь решит. Но если не по нашему будет, вмиг новгородцев соберем и сами порешим.

— Да мы-то что? Как скажете, так и сделаем, а пока не мешайте, и так этот мальчишка хлопот наделал: два раза бегал. Повезло, что поймали.

— Вот и не надо было сюда тащить. Поймали — и там же на месте и прикончили бы.

— Если ты такой смелый, то иди и скажи это князю... Чего сразу за спины-то спрятался? То-то же.

Горожане расступились, и связанного Солея повели на Городище, к княжескому двору.

Александр в простой, с пояском рубашке стоял на крыльце княжеского дома.

— Почему он так связан? — спросил князь. — Его что, так от берега через весь город вели, словно Христа на Голгофу?

— Почему с берега? Он так связан с Ладоги. Здесь только ноги развязали.

— Как? Зачем?

— Так он с Ладоги-то опять убег. Крышу в сарае разобрал и убежал с другими пленниками. Лодку украли и аж до Невы доплыли, да там твои сборщики дани их и поймали. А так бы тю-ю... ищи-свищи.

— А чего ты лыбишься? — спросил Александр дружинника.

— Так поймали же. Знаем, что с нами было бы.

— Хорошо, что знаете. Значит, вновь упустили? Опять бражничали? А ну, развяжите его.

Солея отвязали от весла, и он упал на колени — ноги не держали.

— Эй, дайте ему воды напиться! — крикнул Александр. — А не боялись, что умрет по пути? Что же вы за люди? Как звери...

Александр внимательно посмотрел на Солея и тихо, без угрозы, даже с каким-то состраданием в голосе произнес:

— Дай мне слово, что не побежишь.

Юноша будто понял, что у него спросил князь, и как безумный замотал головой.

— Впрочем, не побежишь, — сказал Александр. — Выживешь ли? Отнесите его на сеновал, если сможет, покормите, но легко, чтобы заворота у него не случилось. Воды давайте, сколько влезет, и пусть спит. Сторожите, но не будите. Когда проснется, приведите ко мне. Тогда и решу, что

с ним делать. Но если он умрет, я с вас шкуру спущу. Я же всем говорил, что он мой пленник.

Когда Солея взяли под руки и отнесли в сарай, Александр покачал головой и, повернувшись к подошедшему воеводе Алексичу, сказал:

— Посмотри, Алексич, как этот мальчишка хочет быть свободным. Я его даже зауважал.

— А я нет. Надо было его еще там, на берегу Невы, казнить, — тихо и зло произнес воевода.

— Ты, Алексич, опять за свое? Только попробуй тронь — не посмотрю, что ты воевода и мой наставник.

От перенесенных страданий Солей заболел: начался жар, он метался в бреду. Думали, умрет, но молодость и сила взяли свое — выжил. Через неделю он сполз с сеновала, и смеющиеся дворовые мужики, по приказу князя Александра, отвели его в баню. Он думал, что умрет от дыма и жара, когда его, голого, два здоровенных мужика хлестали березовыми вениками и, смеясь, приговаривали:

— Мы из тебя, варяг, не только хворь, душу твою поганую выбьем!

Обливали холодной водой, давали пить квас и опять парили, а потом, полумертвого, одели в длинную рубаху, завернули в овчинный тулуп, напоили морсом и опять отнесли на сеновал. Он проспал еще сутки и проснулся здоровым. Его опять напоили клюквенным морсом и накормили кашей с черным хлебом, а после отвели к Александру.

Князь сидел на резном деревянном троне и смотрел весело.

— Ух ты, все говорили — умрешь, а ты вон какой живучий, — смеялся Александр, глядя на худого от болезни пленника. — Как тебе наша русская баня? От всех хворей самое лучшее средство. Вот что я тебе скажу, свей. Мы, русские, хворых и убогих не трогаем и не наказываем — вера наша не велит. И тебя не тронем, но когда выздоровеешь и вновь побежишь — поймаем, и тогда пощады уже не жди. Хочешь, чтобы тебя по рукам и ногам в кандалы заковали и на галеры продали? Это сделать легко. Персы за тебя деньги хорошие заплатят. Вон, твоих товарищей, что в бою

взяты были, мои дружинники всех продали. Сейчас будут гребцами на ладьях торговых или на ушкуях разбойничьих, и уж кто куда поплывет — никто не ведает: может, в Персию, может, в Византию, кто-то, если повезет, попадет в Любек к немцам, а некоторые — обратно по Волхову и морю в твои земли, в Висбю, что на острове Готланд, поплывут. А вот что с тобой делать, не знаю... Жители-то Новгорода требуют предать тебя смерти. Кто-то их подбивает против меня, а кто — не знаю, но догадываюсь, — лицо Александра стало злым, краска гнева выступила на щеках, он посмотрел на стоявшего в сторонке воеводу Алексича. Тот побледнел, а Александр, не обращая ни к кому, громко произнес: — Не надо трогать то, что принадлежит мне! Я этого не люблю. Свей, дай мне слово, что не убежишь, и тогда, хоть ты и раб мой, жить будешь у меня свободно... Вижу по глазам, что ты меня понял. Да?

— Да, — тихо произнес Солей.

— Ну вот и ладно. Будешь жить с холопами. За ворота не выходи, тебя там вмиг прирежут мои же дружинники. Обидел ты их сильно. Делай, что прикажут, веди себя тихо, авось и поутихнет все. Иди...

Встретили Солея княжеские слуги и холопы зло. Молва о нем как убийце Ратмира вызывала у всех ненависть, да и не был он русским рабом, он был рабом иностранным — челядином и совсем не имел никаких прав. Но он был челядином князя Александра, и это еще больше раздражало и вызывало еще большую ненависть, — как тронешь, как ударишь раба самого князя?

А Солей оказался прост в общении, довольно легко и быстро выучил два десятка русских слов — большего и не требовалось — и, казалось бы, с каким-то даже удовольствием делал все, что ему приказывали. Увидев, как мальчишка с легкостью катает многопудовые бочки с рыбой и таскает мешки с зерном, со смехом, на спор, стали нагружать его не одним, а двумя, а то и тремя мешками и радостно смеялись, видя, как он их несет через двор в амбары.

— Соль, — так прозвали Франсуа, найдя подходящее русское слово, — тебя заместо лошади запрячь надобно

и поле пахать. И то думаем — лошадь-то за тобой не угонится.

Однажды, увидев, как Солей несет мешки через двор, Александр удивился, а когда тот возвращался и стал, как научили, низко кланяться, князь сказал:

— Эко же ты, француз, силен! — и крикнул слугам: — А ну, принесите подкову! — Те, толкая друг друга — только бы угодить князю, — бросились исполнять приказ. Самый ловкий, принеся, упал перед князем на колени и со взглядом побитой собаки протянул подкову Александру.

— Сломать сможешь? — спросил князь, протягивая Солею подкову, и юноша легко, без видимого усилия, подкову сломал. Видевшие это слуги и холопы восхищенно заахали.

— Я, конечно, тоже могу подкову сломать, — сказал Александр, — но чтобы так легко!.. Эх, тебя бы в мою дружину, но ты многих дружинников новгородских погубил, и не поймут они, если я приму такое решение. Живем-то мы с тобой в Новгороде, а здесь свои законы. Республика здесь, и жители считают себя свободными гражданами и подчиняются только решению народного вече, а если что не по ним, то даже меня, князя, могут выгнать из города. Я для них князь приглашенный. Вся-то моя и обязанность — защищать город. Только думаю, эта их вольница скоро закончится... А терять тебя мне жаль... Ладно, иди работай.

В город с княжеского двора Солея не отпускали, понимали — растерзают. Шли дни и недели, а желание горожан казнить врага только усиливалось. На Торговой площади кричали:

— Эй, новгородцы, люди вольные, да что же такое творится: князь-то убийцу наших сыновей у себя на Городище спрятал, раны его вылечил, он у него ничего не делает, только спит и жрет! Пусть князь Александр ответит!

— Пусть ответит... Пусть ответит! — несло над Ярославовым дворищем, а кто-то схватил веревку на Вечевом колоколе, и над городом прокатилось глухое «Бух! Бух!». Сотни новгородцев побежали на площадь и, не понимая,

что случилось, кричали: «Татары идут! Конец Новгороду!» На телегу взобрался купец, одетый, несмотря на тепло, в овечий полушубок, и закричал:

— Люди новгородские, хватит князю-то над нашими вольностями надсмехаться. Или пусть подчиняется законам новгородским, или пусть уходит из нашего свободного города!

И в толпе громко поддержали:

— Правильно-о!.. Хватит!.. Пусть уходит!.. Сегодня убийцу защищает от справедливого гнева новгородцев, а завтра, глядишь, и на вольности наши плевать будет!

— Да как же так можно-то? Ярославич-то Новгород от свеев спас! Если бы не он, что бы ты сейчас говорил? — крикнули в ответ.

— Ничего он не спас. То свейские торговые суда были, и плыли они сюда в Новгород мирно, с товаром, а князь напал на них и, многих поубивав, корабли потопил.

— Не может этого быть! Я сам был на той битве. Вооруженные свеи были и дрались храбро.

— А чего же тогда князь убийцу Ратмира не отдает?

— Этого я не знаю. Только тот, что Ратмира убил, был совсем мальчишка и очень храбро дрался. Его князь как пленника по праву себе взял, и только его одного, а мог бы всех пленников себе взять.

— Нет, пусть отдаст! Тогда, может, и оставим в Новгороде князем.

Ругались, хватались за грудки, махали кулаками, кровь из разбитых носов потекла... Но тут, переехав мост через Волхов, расталкивая людей большим сильным конем, на площадь въехал князь Александр с воеводой Гаврилой Алексичем и несколькими своими дружинниками. Князь грозно взглянул на кричащую толпу, и все сразу смолкли.

— Ну и чего замолчали? — спросил Александр сильным голосом, на всю площадь было слышно. — Говорите, чем я вам не угодил?

Из примолкнувшей толпы вышел посадский человек с золотым пояском на животе и, поклонившись князю, сказал:

— Да всем ты, князь, нам угодил, только должен знать, что Новгород тебе неподвластен. Мы люди свободные и считаем, что ты попираешь наши вольности.

И сразу закричали со всех сторон:

— Правильно... Попираешь... Попираешь!..

— Это чем же я их попираю? — крикнул Александр.

И опять закричал купец на телеге:

— Ты, князь, почему торговых людей, что из-за Варяжского моря к нам плыли, поубивал, а корабли разграбил? Они товар нам везли, за который мы уже деньги немалую платили. Кто нам убытки вернет? Ты? Тогда плати.

— Ты сам-то не лопни от своих денег! — крикнул щупленький мужичок в драной одежде, и по толпе покатился многоголосый смех.

— А ты-то, рвань, куда лезешь? — посмотрел на него купец. — Я тебя запомнил. Посмотрю, как ты заголосишь, когда ко мне в торговые ряды придешь! — Крикнувшего как ветром сдуло — он, склонившись, спрятался в толпе. А купец повернулся к князю: — Ты, князь, если так себя вести будешь, весь город разоришь. К нам же никто и ездить не захочет. И что тогда будет? А я скажу тебе что. Не будет денег, и нечем будет городу откупаться от татар, и тогда Батый обязательно до нас дойдет и весь город сожжет, а горожан всех убьет или возьмет себе в рабство.

— Правильно! — крикнул кто-то. На него шикнули — он затих.

А купец вскинул руки и закричал:

— Этого вы хотите, люди новгородские?

И над площадью пронесся гул многих голосов «Уходи... Уходи... Уходи».

— Слышишь, князь, что народ-то о тебе думает? — показал на людей купец и вытер потное лицо рукавом шубы. — Уходи из города, князь Александр!

И тут, как будто ждали, закричали в разных концах площади:

— Уходи... Уходи... Не нужен ты нам... И убийцу Рагмира отдай!

Александр оглядел всех с высоты своего коня, лицо его стало алым от гнева.

— Жители Новгорода, — начал хрипло Александр, но вздохнул, и голос его зазвенел над всей притихшей площадью. — Я ваши вольности уважаю. И вы это знаете. Но раз не люб стал, что же, живите, как хотите. Я уйду домой, в Переяславль. И больше меня не зовите! А что касается пленника, то это мой пленник и мой челядин. Хочу — казню, хочу — милую. Вы-то своих пленников всех продали купцам. Разве не так?

— Так, так, — крикнули в притихшей толпе. — Только тем, у кого погибли сыновья да мужья, ничего не досталось. Несправедливо это. И ты еще убийцу покрываешь.

— Не он один ваших мужей и братьев убивал. И погибли они не за меня, князя Александра, а за вас, за Новгород. И уж свеев мы убили несравнимо больше, чем нас самих погибло. Что же вы других-то пленников не убили? — Александр поднялся на стремянах, лицо побледнело. — Это мой пленник! А что до Новгорода — вы решили, я подчиняюсь. Завтра меня с моей дружиной в городе не будет. Всё!

Александр сильно дернул коня за повод, тот от боли затанцевал на месте, толпа притихла, князь развернулся и поехал мимо расступающихся перед ним людей к мосту через реку, а когда уже выехал с площади, обернулся и крикнул:

— А напоследок запомните: если татары до Новгорода не дойдут, то Ливонский-то орден дойдет обязательно. Здесь он, рядом, вот-вот Псков возьмет, а следующим будет Новгород. Вот тогда вспомните и свои вольности, и меня, да поздно будет! — И это прозвучало так зловеще, что многие новгородцы шапки поснимали и креститься начали.

— Езжай, князь, ты не один князь на земле русской, кого пригласить можем, и отец твой Ярослав, да и брат Федор не хуже тебя будут, так что, если что, есть на кого опереться... — раздался одинокий голос. Но на сказавшего ругнулись, и он затих. Над площадью слышалось только дыхание сотен людей.

Позади князя ехал воевода Алексич и, вытянув шею, шептал высокому Александру:

— Княже, надо свея этого отдать народу — пусть растерзают, и все успокоится. Я сам с горожанами поговорю.

— Станный ты, однако, Гаврила Алексич. Неужели ты думаешь, что дело в этом мальчишке? Он что, только для тебя одного убийца Ратмира? Ратмир был моим другом и моим дружинником. Что ты-то так заинтересован в этой казни? Потому что Ратмир племянник твой? Отомстить хочешь? Так это не месть — это убийство. Ратмир — воин, и нет прекраснее смерти для воина, чем пасть на поле битвы. А может, это ты мутишь народ в городе? А? — воевода, видимо, хотел сказать нет, но только замотал головой. — Нет? Тогда иди и прикажи дружине собираться, завтра утром уезжаем в Переяславль.

— Хорошо, княже. Только я остаюсь в городе. Я же воевода новгородский. Отдай мне свея, и я тоже пойду с тобой.

Александр остановил коня, повернулся и внимательно посмотрел на Алексича.

— А я почему-то и не удивлен такими твоими словами, Гаврила Алексич. Ты же мой учитель. Не ты ли меня учил уважать противника, а врага, сдавшегося в плен, смерти не предавать? А свея этого ни тебе, ни кому другому я не отдам, и не потому, что он чем-то лучше других пленников, а потому, что я князь и моя воля выше всех этих новгородских свобод и вольностей, — Александр, хлестнув коня, поскакал через мост, а воевода опустил голову и прошептал:

— Ну зачем же, княже, так-то всех от себя отталкивать? И из-за кого? Из-за мальчишки, убийцы русских людей... Все равно, князь, будет по-моему. Я его убью!..

Солей стоял перед князем Александром.

— Запомни, француз: дело совсем не в тебе. Мне легче отдать тебя толпе, жаждущей твоей крови. По-своему они правы — ты слишком много принес им горя. Но если я один раз уступлю, и кому — смердам и холопам, то потом они решат, что из меня можно веревки вить. Не бывать этому! Я Ярославич! Я русский князь, я от Рюриков род веду. Пусть они захлебнутся своей кажущейся свободой. Где она на

Руси, свобода? Под татарами? Так что выбор для тебя невелик: либо я тебя отдаю, либо увожу с собой в Переяславль, а там видно будет. Ты мой челядин и моя собственность. И не советую тебе бежать. Поймаю и отдам новгородцам. Алексичу отдам. Ну что, побежишь?

Солей стал на колени и, глядя на Александра синими глазами, произнес:

— Спасибо, мой господин.

— Савва, — приказал князь своему дружиннику, отличившемуся в битве на Неве, — ты его переодень и ночью, тихо, чтобы никто не видел, вывези из города. Дождешься меня за Волховом, — Александр посмотрел на стоящего на коленях Солея. — Еще раз предупреждаю тебя, француз: убежишь — пеняй на себя. Биргер-то прав был: свободу ты должен заслужить.

XVIII

Прошло больше года с того дня, как Солей вместе с дружиной и слугами князя Александра, по прозвищу Невский, покинул Новгород и уехал в Переяславль-Залесский, где жил отец Александра князь Ярослав. Странное это было рабство. Солей не носил цепей, и у него не было никаких отличительных знаков, говорящих, что он челядин — иностранный раб. Он был таким же холопом, как все княжеские холопы. Работал, как все: рубил лес, таскал мешки с зерном, ловил рыбу в Плещеевом озере. Местные рыбаки уважительно и с восхищением смотрели, как этот юноша управлял лодкой с парусом и закидывал сети. Он носил простую одежду, мерз, но не замерзал и любил, как все русские, мыться в бане. Эта маленькая русская изба, в которой было темно, нестерпимо жарко и дымно, вызывала у юноши необыкновенное чувство восхищения, а непривычная для европейца чистота тела прибавляла сил. Но больше всего ему понравилось работать в кузнице. Произошло это так: Александр принес к знаменитому на всю округу кузнецу Василию огромный двуручный меч, захваченный в Невской битве — меч рыцаря Мули, — и спросил:

— Сможешь такой же сковать?

Василий взял меч, поднял, покрутил в сильных руках и подал обратно.

— Хорош меч! Но я, княже, такой не скую.

— Почему это? — удивился Александр. — Хочешь сказать, что swei лучше нас мечи делают?

— Нет, княже, не лучше, но такой меч я один сработать не смогу. Помощник мне нужен, и не такой, как у меня — внучка, силач мне нужен — такой, как покойный сын или я в молодости, чтобы самым тяжелым молотом бить мог. Я-то уже стар махать, силы не те.

— Силач, говоришь? — переспросил Александр, улыбнулся и сказал: — Будет тебе такой помощник. Swei подойдет?

— Какой swei?

— Так есть у меня такой. Мальчишка, а силы неимоверной. Он и этот меч знает. Он этим мечом Ратмира убил.

— А-а-а, слышан. Это тот, которого, как лошадь, мешками нагружают?

— Да, — засмеялся Александр.

— Ну что ж, давай его, князь, — пусть swei русский меч и кует. И бочонок масла пусть принесет с собой.

— Зачем тебе столько масла?

— Так такой меч остужают не водой, а маслом.

— Ишь ты! Хорошо, будет тебе масло.

Солей за год жизни в Переяславле повзрослел, возмужал, вытянулся, стал шире в плечах, пальцами легко загибал в кольца толстые кованые гвозди. Волосы, в отличие от русских, не стриг, и они белыми волнами спускались до плеч, а чтобы не мешали при работе, подвязывал их плетеной разноцветной веревочкой. Он уже неплохо говорил по-русски, и если выпадало свободное время, не залезал, как все, спать на сеновал, а учился владению мечом. В этом ему помогал княжеский дружинник Савва. Савва, может и не помогал бы, да ему князь Александр приказал.

— Хоть и совсем мальчишка, но из него выйдет большой воин, — сказал Александр. — Учи его.

Самому князю Александру было всего-то двадцать лет.

— А чего его учить, если он стреляет из лука лучше любого из нас? Я видел на охоте: стрелой — белке в глаз. На медведя с рогатиной один идет! И насквозь рогатиной! Медведя! Не дай-то бог с ним в бою столкнуться!

— Знаю. Научи его владеть мечом.

— Ему бы лучше оглоблю дать или рогатину. Вот его оружие. Не дружинник же он, а твой, князь, челядин.

— Ну-ну, что-то он на Неве не оглоблей дрался. И как я узнал, его мать — дочь хэрсира, это как у нас — боярина.

— Да ну?

— Вот тебе и ну. Учи, сказал.

Так шли месяцы. Однажды, увидев Солея, Александр поманил его рукой.

— Француз, твоя свобода на кончике твоего меча.

Солей не удержался и, склонившись до земли, спросил:

— Когда? И где тот меч взять?

— Скоро, очень скоро, — ответил князь. — Но запомни: ты не дружинник, ты мой раб. Отличишься в битве — станешь свободным, а возможно, и дружинником моим станешь. Там же, в битве, и меч завоюешь.

— Спасибо, мой господин. Я все сделаю так, как ты прикажешь, — опять склонившись в низком поклоне, ответил Солей. Он быстро схватывал русские привычки холопства и научился низко кланяться перед князем; не из-за боязни — так было принято. Другие холопы падали на колени, завидев князя или его жену.

Зимой прискакал из Новгорода Гаврила Алексич и, закрывшись в княжеском доме, долго о чем-то шептался с князем Ярославом Всеволодовичем и его сыновьями Федором и Александром, а потом вышел недовольный на крыльцо и, сев на лошадь, поехал к воротам. Увидев на дворе Солея, подъехал, замахнулся на него плеткой и... не ударив, ускакал.

А еще через три недели приехало целое посольство важных новгородских людей: посадник, тысяцкий, торговые старшины и воевода Алексич. Опять закрылись в доме

князя Ярослава, о чем-то говорили, потом уехали, а Александр стал собирать свою дружину.

— Эй, француз, иди-ка сюда, — крикнул князь, увидев несущего мешок с зерном Солея. — Ты почему не в кузне?

— Василий болен, вот я здесь по хозяйству и помогаю.

— Скажи Василию, что болеть некогда — через три дня я ухожу в поход, а меча все нет. Может, он забыл? Так я ему напомню. Так напомню... — Александр потряс плетью. — Чтобы через три дня меч был! А тебе повезло: я иду с дружиной на битву и беру тебя с собой. Дерись смело, насмерть, и если останешься жив, обещаю — будешь свободен. Я свое слово держу. Хотя ты и челядин, но будешь оруженосцем у Саввы. Я уже его предупредил. Но вначале — меч!

— Так мы этот меч уж раз десять ковали, а Василию все не так — в огонь его и новый кует.

— Это, конечно, за ним водится — что ни возьми, все им славно сделано, не как у других. Но... три дня! Так и скажи Василию.

Через три дня дружина Александра на лошадях двинулась по зимней дороге в сторону Новгорода. Сами дружинники ехали на лошадях, а слуги и холопы шли пешком. Оружие и еда были сложены в сани, запряженные лохматыми низкорослыми лошадаками. В одних санях лежал завернутый, еще теплый отковки, необычный меч: длинный, но с рукоятью под одну руку и необычайно легкий, как короткий меч. На лезвии играли разводы — как морские волны.

За полдня до отъезда, когда Александр стоял на крыльце и наблюдал, как собирается дружина, к нему подошел кузнец Василий и развернул перед ним рогожу, на которой лежал меч.

— Что это? — спросил Александр. — Я же, как у свеев, длинный и тяжелый просил сделать. А этот... — Александр взял меч в руку, взмахнул и восхитился: — А-а, легкий-то какой! И по руке, — и закрутил с нескрываемым удовольствием над головой. — Эх, на чем бы испробовать?

Василий склонил седую голову.

— Спасибо, княже, что Соля дал в подмогу. Я бы такой меч никогда не сковал, а он молотом-то чушку желез-

ную в блин превращал, словно и не железо вовсе, а тесто раскатывал, а потом обратно листы в чушку скатывал, и так раз за разом — вот и получился такой вот меч. А что такой легкий, так за морями так мечи куют. Мне давно, еще по молодости, один ихний торговец рассказывал. Я запомнил как, но не мог выковать, сколько ни старался — сил не хватало, что ли, а тут... Тебе же, княже, сидя на лошади, тяжелым-то мечом несподручно будет биться. А этим... Вот смотри, князь, — Василий положил на деревянный чурбак кованый гвоздь, не боясь, забрал из рук Александра меч и одним ударом разрубил гвоздь на две половинки. Потом показал лезвие меча — не было ни одной зазубрины.

— Вот, князь, какой меч получился! — с гордостью произнес кузнец.

— Ах! — удивился Александр. Схватил меч и стал им вращать над головой. Раздался свист. Александр радостно кричал: — Вот это меч! Вот удружил ты мне, Василий, так удружил. Спасибо тебе. Давай, называй цену.

— Что ты, княже, какие деньги? Это мы, старые мастера, каких уж нет и не будет, для тебя постарались. Знаем же, для чего меч-то делали. Он не только тебе, он всей нашей матушке — русской земле нужен...

— Так нельзя. Говори, чего за меч хочешь?

— Тогда можно мне, княже, просьбу сказать?

— Говори, Василий, все исполню.

— Если Соль-то жив останется, отдай его мне в кузню. Из него великий мастер получится. Да и не только... — кузнец замялся и вздохнул.

— Если он этого сам захочет. Я ему пообещал: если биться будет без страха, то получит свободу, а мое слово — что твой меч. А чего это ты вздыхаешь? Говори.

— Так, ничего, пусть только живой останется и вернется.

— Зря, Василий, не говоришь. Если он что худое удумал, лучше сейчас скажи.

— Нет. Пусть идет, за Русь бьется...

— Говори!

XIX

Василиса, внучка кузнеца Василия, родителей не помнила — была еще совсем маленькой девчонкой, когда ее родители утонули в Плещеевом озере. Странная это была смерть: в жаркий летний день, вечером, после работы, отец Василисы, тоже кузнец, пошел с женой купаться. Многие в тот жаркий день купались. Оба и заплыли-то недалеко, а попали в водоворот и утонули. Шептались тогда долго, что будто видели, как царь водяной утянул их к себе на дно. Кузнец-то, мол, отбивался — силы был невероятной, а водяной жену утянул; кузнец за ней и нырнул — и все. Дед Василий вначале ударился в горькую, потом пьяный пошел топиться в озере, но сколько ни пытался утопиться, не принимала его вода — только нахлебался. Плачущий, вылез на берег, заревел, как медведь, и ушел в кузню. И больше никогда не брал вина в рот. Внучку взял к себе, воспитал, любил, баловал, а потом и к кузнечному делу приучил. Выросла она в крепкую, русоволосую, сероглазую девушку. К восемнадцати годам женихов не счесть — такая-то красота. Только девушка всех воздыхателей от порога гнала, а деду твердила: «Не люб мне никто!»

Солея заметила сразу: относила на княжеский двор подковы да косы и как увидела несущего мимо нее мешок юношу, так девичье сердце и зашлось — влюбилась, лицо покраснело. Она глаза опустила, а он прошел и даже ее не заметил. Расстроенная, ушла к деду в кузню — махала целыми днями малым молотом, а из головы, из сердца образ юноши так и не уходил. Дождливая, вперемежку со снегом поздняя осень на дворе, а она, разгоряченная, заснуть ночью не могла. Тихо из дома вышла — и простудилась. Умирала в горячке две недели, но Бог милостив — выжила. Худая, встала с лавки — ветром шатает, а лицо строгое, глаза грустные. Замкнулась в себе, работает — машет молотом, меха раздувает — и молчит, на праздники не ходит, подружек прогнала, а высокий юноша с синими глазами из сердца так и не ушел.

Когда он появился на пороге кузницы, не поверила — пелена набежала на глаза. А юноша поглядел на нее своими синими глазами и тихо произнес, мягко коверкая слова:

— Меня зовут Солей. Князь послал меня помогать кузнецу Василию. Это бочонок с маслом, как Василий просил. А ты кто?

— Я его внучка Василиса, — пролепетала девушка. Когда Солей понял, какое у девушки имя, рассмеялся, и от этого смеха у девушки щеки запылали, на глаза навернулись слезы, отчего они заблестели, и вдруг она тоже рассмеялась. Они смотрели друг на друга и смеялись и даже не заметили, как вошел кузнец Василий — большой, широкоплечий, грузный, а когда увидели его, сразу, смутившись, оборвали смех.

— Ты кто? — грозно спросил кузнец.

— Солей. Меня послал князь.

— А, помогать пришел. Слышал про тебя, — показал на самый большой молот. — Возьми и ударь им по наковальне.

Солей легко поднял тяжелый молот и ударил — гул пошел по всей кузне.

— Стой, стой! Ты так мне наковальню расколешь! — закричал кузнец. — Да-а, сила в тебе есть, не дурная бы только. Ладно, проверим тебя в деле. Помогай Василисе горн разжигать, будем тебя учить кузнечному делу. Только думаю, зря — времени-то на учебу у нас нету. Княже меч ждет. Звать тебя буду, как все, — Соль.

— Соль, — прыснула Василиса. Кузнец удивленно посмотрел на внучку, та испуганно приложила ладошку ко рту, а глаза продолжали смеяться.

— Что-то ты, Василиса, совсем не похожа на себя. Не заболела ли вновь? — спросил кузнец. Потом внимательно посмотрел на Солея, нахмурился. — Посмеялись — и хватит, давайте за работу.

Юноша кузнецу понравился — схватывал все на лету, мог бить молотом сутками. Василий к внучке присматривался, а потом заявил:

— Мы тут и без тебя управимся. Твоя задача — кормить! Я-то куда ни шло, старый, а Соль много есть должен, ему махать и махать молотом. Я даже представить не могу, как к делу-то приступить, я же меч такой не то что не ковал, в жизни не видел. А князь ждать не будет.

Василиса старалась, готовила. Кузнец нахваливал:

— Ты же особо готовить-то и не умела, а тут...

— Так ты же, дед, всегда ешь всё без разбора.

— А-а-а, так ты ради Соля стараешься? Ну-ну... — посмотрел внимательно на внучку. Василиса покраснела и потупила взгляд.

Ругал юношу кузнец нещадно, только что не бил, но когда Солей полдня без остановки бил молотом, распластывая кусок железа в тонкий блин, который потом разрубали на полосы, раскаливали, вновь сковывали вместе в единый кусок и так повторяли снова и снова, остужая в масле, получив наконец странную, вязкую, как сметана, сталь, из которой долго ковали клинок, Василий хлопнул по плечу Солея и сказал:

— Молодец, Соль!

Полировала клинок Василиса, и через много дней тяжелой работы они увидели странный меч, по матовой поверхности которого плыли волны. Рукоять одели в резную моржовую кость, но не гладкую, а испещренную мелким рисунком, чтобы не скользила в руке. Василий заказал эту удивительную красоту у мастера-костореза, который давно уже из-за старости лежал и грел кости на печи. Тот, узнав, для кого куется меч, сполз с печи и сделал эту необыкновенную красоту, а после, не взяв денег, залез обратно на печь, пробурчал только:

— Пусть он всех ворогов побьет.

Меч был готов, и Василий, положив на большой, обитый по кругу железной полосой чурбак толстый прут, протянул меч Франсуа.

— Ну, Соль, пробуй! — и перекрестился.

— Я?! — удивился Франсуа. — Нет, я не могу.

— Я сказал: пробуй! Если такой прут перерубим, только тогда и будем считать, что меч получился. А если не перерубим, то позор мне до конца жизни.

Солей взял в руку меч — он оказался удивительно легкий, — поднял над головой. В открытые двери кузницы в этот момент заглянуло солнце и заиграло на лезвии меча. «Ах!» — крикнул юноша и, ударив мечом по пруту, перерубил и прут, и дубовый чурбак. На лезвии не было даже царапины!

— Дай бог, князю понравится. Единственный защитник он у русских людей остался. Не он бы — не было бы уже Руси! — Василий ласково поцеловал клинок, обтер и достал ножны с поясом — простые, кожаные, с вывернутым внутрь мехом, сшитые только для этого меча лучшим переяславским кожевником. Пояс был без пряжки, а завязывался особым узлом: дернул — и пояс с ножнами отстегивался, чтобы не мешал при пешем бое. Кожевник, как и старый косторез, денег за свою работу не взял — знал, для кого применил свое мастерство.

— Ну, я понес меч князю, — сказал Василий. — Соль, иди в баню, помойся, а ты, Василиса, приберись здесь. Я задержусь — зайду к старикам, может, чарку выпью.

— Дед, ты же не пьешь? — удивилась внучка.

— Ради такого дня можно! — ответил кузнец и вышел.

Солей ушел в баню. Он привык, как все русские, мыться в бане, с веником, в страшной жаре, с купанием летом и зимой в Плещеевом озере, отчего, казалось, из разгоряченного тела улетает всякая усталость. Он радостно мылся, скреб себя скрученным куском рогожи, хлестал себя веником, когда пришла Василиса. Он испугался, но она как-то просто сказала:

— Ложись-ка, Соль на полог, я тебя парить буду...

XX

Шли быстро. Морозов сильных не было — начиналась весна. Солей уже привык к одежде русских холопов — одет был в длинную, до колен, рубаху и в из грубой шерсти, подпоясанный веревкой зипун, штаны из холста, плотную круглую шерстяную шапку и странную для европейца обувь: сплетенные из узких полосок тонкого, прочного

берестяного лыка лапти. Он был обязан держать лошадь, когда дружинник Савва садился на нее, подавать ему копье, щит и меч, а во время боя бежать рядом с конем. Солей хорошо бегал — не отставал. Савва относился к нему спокойно, но иногда, по-видимому вспоминая Невскую битву, зло смотрел на юношу, и рука его до побеления сжимала плеть, но, видимо, понимал: ударишь — ударишь раба князя, а князь крут, может и сам ударить, да так, что без глаза останешься. Да и его новый оруженосец — старый погиб на Неве — повода для наказания не давал, исполнял все приказания Саввы беспрекословно и быстро.

Солей вновь оказался в Новгороде, где к небольшой дружине Александра присоединились дружина новгородцев и ополчение под командованием воеводы Гаврилы Алексича.

Первой битвой Александра стала Копорская крепость, построенная рыцарями Ливонского ордена на завоеванных ими русских землях. Крепость была небольшая, деревянная, но хорошо укрепленная. Перед стенами земля была залита водой, превратившейся на морозе в лед, ворота из толстых плах были закрыты. Александр решил с ходу захватить крепость, и его дружинники, с бегущими рядом слугами и холопами, бросились к стенам, но были встречены десятками летящих стрел. Потеряв несколько дружинников и десятка два холопов, Александр приказал отойти на безопасное расстояние. Для князя установили шатер, и он пригласил на совет воеводу и сотников. Не спорили, Александр приказал:

— Холопов отправить в лес, пусть нарубят жердей для лестниц и ивовых ветвей. Пусть вяжут щиты и, прикрывшись ими, вновь идут на приступ, а дальше на стены по лестницам.

— Княже, так они же в лесу разбегутся, — удивился воевода Алексич.

— Скажите им: кто первый ворвется в крепость, будет свободен, и не просто свободен — землю получит, почтитай, смердом станет. Ну а кто побежит обратно, с тем будет, как у татар, — смерть! Если убьют, не беда. За Русь погибнут, не

за князя. Самых сильных бросить к воротам. Пусть топорами рубят. Не тысячи же там, в крепости, рыцарей — сотни. Везде защитить не успеют. Как только ворота разрушат, ты, Гаврила Алексич, с дружиной ворвешься в крепость.

— Ну, свей, наступило твое время, — сказал Савва Солею. — Погибнешь — мне, может, и жалко будет, обратно побежишь — сам тебя зарублю. Возьми себе один из моих топоров. Да советую: походи по золе — не будешь сильно скользить. Иди и умри достойно, как умеют умирать русские.

Сотни холопов, прикрывшись вязанками из ивы, пошли к стенам крепости. Сзади шли лучники, их было мало, и стреляли они плохо — не умели, а луки и стрелы были короткими. Со стен же летели стрелы длинные, легко пробивавшие вязанки и убивавшие русских. Одни холопы падали, убитые, другие не останавливались, знали — сзади смерть, а впереди свобода. Когда подошли к стенам, поставили лестницы и поползли по ним вверх. Их, вооруженных косами и ножами, легко сбрасывали со стен, рубили топорами и мечами, прокалывали насквозь копьями, разбивали головы тяжелыми железными палицами.

Солей же с десятком таких же, как он, крепких холопов, вооруженных топорами, бросились к воротам.

— Ты и ты со мной. Остальные прикрывайте нас, иначе всех перебьют, — командовал Солей и первым ударил топором в толстые доски. Полетели щепки. Еще двое стали вместе с ним рубить ворота.

Александр сидел на лошади и кричал:

— Смотри, смотри, дошли... на стену лезут и ворота рубят. Алексич, пошли еще лучников.

— Княже, если я пошлю лучников, то с кем мы в Псков-то придем? Это же холопы — пусть умирают. Может, еще и дружинников моих им в помощь послать?

— Твоих? Ты, Алексич, говори, да не заговаривайся. Посылай скорей! Иначе и ворота не успеем сломать, и на стены никто не заберется. Отправляй, говорю!

К стенам крепости побежали десятки вооруженных русских воинов.

Солей без устали рубил ворота, щепки летели в стороны, пока не образовалась дыра.

— Руби! — кричал Солей.

— Ай да молодцы! — видя, как шатаются ворота, кричал Александр. — Алексич, приготовься, сейчас начнем!

Падали мертвые холопы, но по лестницам с дикими криками ползли новые. Каждый хотел только одного — взобраться на стену первым. А судьба битвы решалась не здесь, у стен, а у ворот, где в прорубленную в воротах дыру уже была видна толстая поперечная доска, которую и рубил Солей с тремя оставшимися живыми товарищами. Они, потеряв чувство страха, только кричали что-то дикое... Перерубленная доска наконец упала, ворота распахнулись, и на Солея и его товарищей кинулись защитники крепости с мечами в руках. Пока Алексич с дружинниками скакал по скользкой мерзлой земле к распахнувшимся воротам, всех их, кроме Солея, убили. Не зря же Савва учил юношу сражаться мечом — зарубив топором одного из ливонцев, Солей схватил его меч и стал наносить по окружившим его воинам ордена страшной силы удары.

Князь Александр, видя, как бьется мечом его пленник, восхищенно кричал:

— Смотрите, смотрите, как он дерется! Алексич-то чего плетется, как корова? Он же погибнет! Быстрее, Алексич! — и приказал: — Савва, копье мне! Всем... Вперед!

Дружинники Алексича подскакали к воротам, и Солей еле успел отпрыгнуть в сторону от несущихся коней. Падая, увидел над собой перекошенное злобой лицо Алексича и меч, который просвистел над самой его головой. Русские ворвались в крепость и начали рубить всех, кто попадался на их пути. А за Алексичем, с поднятым над головой, сверкающим на зимнем солнце мечом, на красивом коне, окруженный дружинниками, въехал князь Александр.

Солей поднялся и тоже побежал в крепость. Дружинники князя рубили яростно защищавшихся рыцарей. Ливонский рыцарь воткнул длинный меч в шею коня Саввы. Конь поднялся на дыбы, предсмертно заржал и рухнул головой

вперед. Савва вылетел из седла и упал на землю, над ним поднял меч рыцарь, но подскочивший Солей пронзил его своим мечом, и тот упал на Савву. А Солей, дико крича, стал размахивать мечом, ловко отражая им удары и нанося свои — страшные и смертельные. И этот беловолосый юноша, что-то орущий не по-русски, в странной для воина одежде — простой рубахе до колен и лаптях — вызывал непонятный ужас среди защитников крепости.

Все было кончено. Оставшиеся в живых рыцари бросали оружие и сдавались в плен. В крепости было три десятка рыцарей Ливонского ордена, остальные — оруженосцы и простые воины из народов, живущих вдоль Балтийского моря, которых русские, не разбираясь, называли одним словом чудь.

Александр на коне проехал вдоль стоявших с поникшими головами рыцарей.

— Вы свободны, — сказал князь. — Идите и скажите своему магистру Андерсу фон Фельфену: пусть он бежит с русской земли, потому что если не успеет убежать и я его догоню, то уже не буду, как сейчас, добр и убью всех, кто встанет на моем пути. И еще передайте ему и другим рыцарям мои слова: кто к нам с мечом приходит, тот от меча и гибнет! А чудь, что против нас сражалась, мы казним, чтобы знали — так будет с каждым, кто посмел поднять руку на русских людей.

Чудь убивали страшно — топорами по голове! Но нескольких отпустили, чтобы рассказали, что случится с их народом, если будут помогать рыцарям Ливонского ордена. Крепость Александр приказал сжечь. И в зимней ночи запылали деревянные стены, озаряя черное небо и землю на многие версты, вызывая ужас у живущих на этой земле народов. Этого и хотел Александр — чтобы у всех в душе был страх.

— Я у ворот вроде видел того француза, — сказал Алексич Александру. — А я думал, что он сдох у стен.

— Алексич, да если бы не этот француз, неизвестно еще, скольких бы мы потеряли воинов. Нет, каков молодец! Я ему пообещал свободу, и, по-моему, он ее уже

заслужил, — Александр повернулся к Савве. — А ты что скажешь, Савва?

— Если бы не он, меня бы тот рыцарь зарубил. Я французом жизнью обязан, и для меня он больше не раб. Я ему разрешил забрать себе кольчугу и сапоги с убитого им рыцаря, а меч он сам завоевал. Такой меч под силу далеко не каждому.

— Слышишь, Алексич. Вот она, правда, — сказал Александр.

— Для меня существует одна правда: он убил Ратмира и многих русских людей и должен умереть.

— Алексич, только тронь француз — я не посмотрю, что ты мой воевода. Француз остается оруженосцем у Саввы. Выгоним рыцарей с нашей земли, и если останется жив — он свободен. Я так решил! Идем освобождать Псков!

Но освобождать было нечего. Город рыцарями был сожжен, а жители убиты или угнаны в плен. Предателей, что открыли ворота города рыцарям Ливонского ордена, Александр повесил на главной площади города. Со всех сторон из городов и деревень шли ополченцы в войско Александра. Их всех русский князь вел к берегу Чудского озера на великую битву.

В теплый апрельский день два многотысячных войска встретились. Сотни рыцарей, одетых поверх кольчуг в кожаные с металлическими пластинами куртки и белые плащи с крестами, с длинными копьями и мечами, на огромных лошадях, с тысячами пеших воинов, с нарастающим, как гроза, криком, как нож в масло, врезались в войско Александра, стараясь разорвать его надвое. Русские ополченцы, вооруженные копьями, дубинами, косами, падали под ударами огромных мечей, погибали под копытами лошадей, умирали сотнями и начали отступать. И уже над войском рыцарей раздался победный крик, когда Александр ввел в битву спрятанные за холмами сотни своих конных дружинников, которые сцепились с рыцарями. Копья ломались, разбивались шлемы, и не выдерживали ударов мечей кольчуги, раненых не было — упавших затаптывали лошади. Ополченцы, видя, как дружинники дерутся с рыцаря-

ми, воспряли духом и бросились на пехоту ордена, и в этой смертельной схватке самым удобным оружием оказались ножи. Резались, втыкая острый металл в незащищенные места — лицо, шею, руки. Весь берег был красен от крови и завален трупами.

Солей, убив одного из рыцарей, взобрался на его лошадь и, обхватив двумя руками рукоять своего меча, стал убивать ливонских воинов, крича какой-то непонятный всем клич.

— Белая смерть! Белая смерть! — кричали воины ордена и старались отбежать в сторону от размахивающего мечом беловолосого русского. Рыцари не выдержали натиска русских — началась паника, и, топчя своих же пехотинцев, они стали разворачивать коней и бросились назад по льду на другой берег озера. Русские с дикими криками бросились за ними и, если догоняли, убивали. Солей тоже скакал на захваченном коне, и его меч разрубал головы бегущих людей. И только на середине озера русские опомнились и остановились и поехали обратно к своему берегу, где уже все радовались и, поднимая вверх мечи, копья, топоры, славили князя Александра.

Когда Солей подъехал к дружиннику Савве, тот радостно закричал:

— Живой француз! Молодец! Тебя сам князь хочет видеть. Поезжай к нему. Что до меня — ты давно свободный человек.

Солей поехал к шатру князя, и его провели к Александру, который в возбужденном, радостном настроении что-то весело говорил находившимся в шатре воеводе Алексичу и прославившимся в битве дружинникам. Когда Солей вошел и низко склонился перед князем, Александр подошел, обнял и поцеловал в щеки.

— Ты свободен, француз! Ты заслужил свою свободу, защищая русскую землю, и как свободный человек ты сам вправе решить, останешься ли здесь, при мне, уже моим дружинником или поедешь к себе домой... — Александр улыбнулся и сказал: — А может, поедешь в Переяславль? Тебя там ждет кузнец Василий и еще кое-кто... Не спеши,

завтра скажешь, а сейчас иди, веселись, радуйся вместе с русскими людьми. Это великая битва и великая победа. Жива Русь! И ради этого погибли сегодня многие русские люди. Но мы не плачем, мы радуемся, потому что эти смерти были не напрасны!

Находившиеся в шатре князя дружинники закачали в знак согласия головой.

Александр рассмеялся и, показывая на Солея, сказал:

— А француз-то не только свободу получил, но и невесту себе нашел.

— И кто ж такая? — удивился Алексич.

— Красавица Василиса, кузнеца Василия внука, — засмеялся Александр.

— Ишь ты, везде поспел, — тихо сказал Алексич. — Ну ничего... — и вышел из шатра.

Солей шел мимо костров, где стояли, жарили мясо, наливали вино, кричали, обнимались, плакали сотни и тысячи людей в самой разной одежде: в доспехах и без них, в кафтанах и простых зипунах и даже в одних рубахах. Казалось, все были в этот момент равны, кто-то радовался победе, кто-то тому, что остался жив, кто-то плакал, поминая погибших товарищей... Солей, взяв за повод коня, шел по лагерю, ища какого-нибудь знакомого из Переяславля, когда его сзади дернули за рукав.

— Куда бежишь с таким-то красивым конем? Становись к нам. На, выпей, свей, — Солею сунули в руку деревянную кружку. — Я видел, как ты славно сегодня бился. Если бы я не знал, что ты в нашей войске, то подумал бы, что ты рыцарь. Уж больно похож. Как хорошо, что ты с нами, с русскими. Пей! — в голосе было столько доброты, а лицо казалось таким знакомым... Солей выпил сладковатую густую, пахнущую медом жидкость, и ему вдруг стало легко и счастливо на душе; он вспомнил, что уже свободен, и, чуть коверкая русские слова, стал вместе со всеми кричать здравицы князю Александру, обниматься с протянувшим ему кружку с вином и казавшимся теперь таким близким и родным ему человеком. Ему наливали — он пил, и голова его кружилась, и в конце концов он уже перестал пони-

мать, где он и что делает... Его обняли за плечи, и все тот же хороший и добрый голос глухо, как в тумане, произнес:

— Э-э, да как тебя, свей, развезло-то! Тебе надо отдохнуть, а то как завтра появишься перед князем? Пойдем, я тебя положу спать в сани. Выспишься и с утра будешь как огурчик... Да за коня своего не беспокойся, никто в такой день не украдет.

Солей слабо понимал, что с ним происходит, ноги заплетались и не слушались, и очень хотелось спать. Он не сопротивлялся, и его увели куда-то в сторону от веселящихся людей и положили в сани с пахнущим лугом и цветами сеном. Он только подумал: «Я о князе вроде не говорил, а он почему-то знает...» Но тяжелый сон давил, как камень.

— Давай снимем кольчугу-то, да я тебя накрою тулупом, а то замерзнешь, — услышал сквозь наваливающийся сон Солей. Чьи-то добрые руки помогли снять кольчугу и накрыли его теплым тулупом. Люди ушли, а юноше стало вдруг плохо, и он перегнулся с саней — его вырвало, потом еще раз. Стало легче, он даже попробовал встать — приподнялся, но ноги не слушались, и он упал в сани и забылся. Ему даже показалось, что сани едут — как будто лодка качается на волнах. Он глубоко вздохнул и, пробормотав: «Спасибо. Я свободен», провалился в вязкую темноту.

XXI

Голова болела, было холодно, и лицо больно кололо сеном. Солей повернулся на бок и понял, что его руки связаны, а он лежит в санях в одной рубахе и босиком — ни тулупа, ни сапог не было. Он попробовал разорвать путы, но они только сильнее врезались в кожу. Рядом с санями ехали два всадника, и когда один увидел, что Солей заворочался, то удивленно сказал:

— Смотри-ка, жив! Ты ему яд-то давал? — голос показался Солею знакомым.

— Да я ему все вылил, что воевода-то дал. Он же сказал, что десять человек можно отравить. Даже для девки ничего не осталось, — ответил второй.

— А чего же не действует? Как топить-то будем? Живого?

— А я-то откуда знаю? Мы же сделали все, как нам сказали. Не знаю я, может, и правда, плохой яд. Так мне его сам воевода дал. С него и спрос.

— Чего? Ты думай, что говоришь! Ты что, ему будешь отвечать: так, мол, и так, не подействовал твой яд? Он тебе самому яда даст... Ну а этого, раз выжил, то в прорубь головой мы его бросать не будем. Не по-христиански это.

— А чего тогда с ним делать? Приказали же мертвым и в прорубь.

— Так это же для них он мертвый, а для нас вроде как живой. Мы его продадим.

— Продадим? Кому?

— Так до Сольцов, что на Шелони-реке, доведем да и продадим. Там много людей зимует. Только надо шибче ехать, а то вот-вот ледоход начнется, а со льдом *лоды* торговые в Ильмень-озеро уплывут, тогда ищи-свищи. Этим живоглотам гребцы ой как нужны. Нам же все равно туда по пути в Переяславль. Так что никто не проверит и не спросит.

— Согласен. Поехали. А если потом и спросят, скажем: отвезли подальше да и утопили, как велели.

— Правильно. Только тулупчик-то надо на него накинуть, а то замерзнет по дороге — и плакали наши денежки.

Накинули тулуп. Стало теплей, и Солей даже вздремнул. Везли до Шелони долго. На реке уже были большие забереги, а лед был темно-серый, готовый вот-вот расколоться, оторваться, и многие суда уже колыхались на воде, готовые вместе со льдом плыть по реке в озеро Ильмень и уже через озеро в Новгород. Двое с санями подъехали и стали с берега кричать, пока по сходням с одного из кораблей не спустился толстый, в накинутом на плечи коротком зипуне купец.

— Ну, чего надо? — картавя спросил он.

— Так товар хотим предложить.

— Какой еще товар?

— Сильного молодца. Привязывай к веслу, и пусть гребет с утра до ночи.

— Покажи!

С Солея скинули тулуп, купец внимательно посмотрел, пощупал мышцы рук и сказал:

— А он чей будет? На чужь вроде не похож? Русский? Немец? Свей? За него мне отвечать не придется?

— Отвечать не придется. Он просто холоп и еще вчера должен был умереть, да вот пожалели.

— Тогда много не дам.

— Да мы сильно торговаться-то и не будем. Но сам же видишь, какой хороший товар: молодой и сильный. Ой какой хороший товар. А не хочешь, так мы его татарам продадим. Тут ехать-то всего ничего.

— Ну насчет всего ничего — это ты не заливай. Ладно, — купец полез в привязанную к поясу кошину и вытащил несколько серебряных золотников.

— Добавил бы, хозяин, — недовольно сказал один из воинов.

— Тебе добавит тот, чьего холопа ты продал. Несите его на ладью.

— Чего? Мы так не договаривались. Теперь это твой товар: что хочешь, то с ним и делай, — зло ответил воин и с товарищем столкнул связанного Солея с саней на сырой снег.

— Заплачу, несите, — крикнул купец.

— Плати.

Купец недовольно полез опять в кожаный мешок и протянул золотник.

Солея волоком протащили по сырому снегу к кораблю, по сходням подняли к борту и перебросили на палубу. Двое, уже довольные продажей, залезли на своих лошадей и поехали, а лошадка, запряженная в сани, на их окрик и свист, почувствовав легкость, трусцой побежала за ними. Побежала и привязанная к саням лошадь Солея.

— А девку-то травить чем будем? — спросил один. — Яда-то нет.

— Дурья твоя голова — зачем убивать, если, как и этого свея, можно продать. Там же татары совсем рядом.

— Правда твоя... Вот прибытку-то — и лошадь, и деньги. Ты у воеводы-то деньги взял?

— А как же, — и ответивший постучал по груди и поехал вперед. Недалеко — нож легко вошел в его шею. Сняв с убитого всю одежду, забрав деньги, всадник поехал дальше, ворча:

— Кто первый успел... Не я, дак ты бы меня... Может, девку-то не трогать? Не-е, надо... а то узнает, что жива, и всё мне... Может, воевода еще денег даст, если все исполню, как приказывал? А Семку, скажу, убили... татары, под Переяславлем...

Купец обошел вокруг связанного Солея, поцокал языком.

— Развяжите и отведите его в трюм, — приказал купец подошедшим матросам.

И когда Солея развязали и подняли, еще раз внимательно посмотрел и спросил:

— Ты русский? Сколько тебе лет? Чьим холопом ты был?

— Я француз и был рабом у князя Александра.

— Да ты что? И чем же ты так провинился, что тебя хотели убить да продали в рабы мне?

— Тем, что помогал разбить рыцарей на Чудском озере.

— Значит, плохо помогал. Хотя видно, что парень ты крепкий. Плавать на лодьях приходилось?

— Немножко, — не зная почему, соврал Солей.

— Ладно. Иди в трюм. Тебя покормят. Думаю, тебе же лучше с лодьи-то не бегать. Поймают и прикончат.

— Я это понял.

— Что-то быстро ты понял. Ты вообще-то на свея похож, а говоришь, что француз? Может, ты свей? — подозрительно спросил купец.

— Нет, — опять, не зная почему, соврал Солей. — Ты не первый, кто так говорит, но я даже не знаю, где такие люди живут.

— А я вот не знаю, где твои французы живут. Правда, слышал, что далеко. Потом расскажешь. Так что надумай бежать — беги лучше отсюда, ближе будет, — рассмеялся купец.

В низком трюме было полутемно, но глаза быстро привыкли, и Солей, сев в углу, с нескрываемым удовольствием стал приседать, сгибать и разгибать ноги и растирать затекшие руки. Подошел бородатый матрос в войлочной шапке и протянул глиняную миску с деревянной ложкой.

— Ешь, Франсуа, — тихо сказал матрос.

— Ты кто? Откуда ты меня знаешь? — закашлялся от удивления Солей.

— Тихо ты. Это я, Трюггви. Только прошу тебя, не подавай виду, что ты меня знаешь, и не говори, что ты швед и моряк, — шепнул Трюггви.

— Я сказал, что француз, и ты же знаешь, что это правда. А почему нельзя говорить, что я умею плавать на кораблях?

— Тогда тебя могут продать на другой корабль, который поплывет по Дону и Днепру к Черному морю или, того хуже, по Итиль-реке до Хвалийского моря.

— Хозяин ничего такого не говорил.

— Ишь ты, и даже плетью не ударил? Значит, прижало. Его Филиппкой зовут. У него и половины команды нет, а еще надо товар в Новгороде грузить и плыть быстро — не успеем по большой воде и застрянем на порогах. Боится он покупать таких, как ты, чужих рабов — а вдруг узнают? Про меня он думает, что я эст или лат, но только не швед. У нас на корабле нет шведов. Их всех продали татарам, когда плыли сюда зимовать. Я с ними плывал на Дон и Днепр, — Трюггви оглянулся на свет, падающий в трюм. — Вроде показалось. Ты веди себя тихо. Ешь, ешь. Тебя увидел и сразу подумал, что, может, и увижу еще своих детей, — Трюггви вздохнул и ушел.

Когда Солей поел и чуть отдохнул, его опять повели к хозяину судна.

— Меня зовут Филипп, — сказал купец. — Ты, конечно, мой раб, но я тебя на цепь, как собаку, приковывать не буду. Ты будешь делать все, что тебе прикажут. Того матроса, что тебе еду приносил, зовут Трюггви, он эст и тоже раб, он у меня уже год кормщиком. Ему в помощники сильный матрос нужен. Ты будешь ему помогать. Будешь сопротив-

ляться — пеняй на себя: для начала плети, потом руки свяжем — и за борт. Понятно говорю?

— Понятно, хозяин, — склонился в поклоне Солей. — А спросить можно?

— Спрашивай.

— А свободу можно получить?

— Хорошо работай, не ленись, все выполняй — и, может, через пару лет и станешь свободен. Так на Руси-то лучше быть рабом у нас, у купцов, чем к татарам в полон попасть. Тогда уж лучше смерть!

Через несколько дней вдруг раздался страшный треск. Все выбежали на палубу. В белых сумерках — ночи уже не было — по реке шли большие льдины — насакивали друг на друга и с водой медленно уплывали по реке.

— Братцы, спасайте лодью! — закричал жалобно Филиппка. — Оторвет — тогда всем конец! Затрет льдинами, и всё. Отталкивайте льдины, а ты, ты, ты, — показывал пальцем на матросов, — прыгайте на берег и держите якоря, чтобы не оторвало.

У стоявших рядом кораблей рвались якорные канаты, и их тащило вместе с льдинами на середину реки, борта трещали, а потом суда с грохотом ломались. Обломки затаскивало под воду; кто успевал спрыгнуть на льдины, метались по ним, бежали к берегу, перепрыгивая с одной льдины на другую, падали в полыньи, барахтались, старались вылезти, скользили, кричали дико и тонули.

Солей с матросами держал канаты, упираясь ногами в оголившийся весенний берег, и ладья осталась на месте.

— Ну и силища у этого парня! — показывали на Солея матросы. — Он, считай, один ладью-то удержал. Два каната как косу сплел и удержал. А не сплел бы — оборвались!

— Да-да, я тоже видел, — подтвердил Трюгви. — Хозяин, у нас пробоина в трюме. Надо быстро вытаскивать ладью на берег, иначе утонем.

— Эй, все на берег и вытаскивайте ладью. Все свободными будете, только ладью спасите, — закричал Филиппка.

Тащили все. Глаза кровью наливались — свобода впереди маячила, и Солей тянул изо всех сил. По воде, затем

скользя по льду, нос судна вылез на берег, и стала видна продавленная внутрь дыра в борту.

— Ну слава богу! — крикнул хозяин. — Где плотник? Давай, заделывай дыру быстрее — лед-то пройдет быстро, и плыть надо в Новгород.

— А как же свобода? — спросил один из матросов.

— Что? Эй, всыпьте-ка ему плетей!

Матроса повалили на снег два помощника купца, связали руки и ноги, задрали рубаху, спустили штаны и стали наотмашь, со всей силы хлестать плетьюми. Кровавые полосы появлялись на белой коже после каждого удара. Матрос кричал, выл, а потом затих.

— А вот сейчас ты свободен, — рассмеялся Филиппка. — Развяжите его... Чего встали? Быстро ремонтируйте и поплыли. И запомните: так с каждым будет, кто мне поперек хоть слово скажет.

— А этого-то куда? — спросил помощник, показывая на раздетого окровавленного матроса.

— Как куда? Пусть здесь остается. Зверям тоже еда нужна. Вон, медведи из берлог повылезали, да и волки за зиму отощали, пусть свежатинкой полакомятся... Может, еще кто свободы захотел? Тогда портки скидывай и ложись.

Пробоину заделали, столкнули судно в воду и, отталкивая длинными веслами и баграми приближающиеся к бортам одинокие льдины, поплыли вниз по реке. На берегу лежал голый человек, и снег вокруг него был красным от крови, а на краю подступающего к самому берегу леса появилась стая волков.

На озере Ильмень льда было немного, и прозвучала самая прекрасная для любого моряка команда: «Поднять парус!» До Новгорода доплыли быстро и пристали к берегу у торговых рядов. Кораблей было много, по сходням с берега на корабли и обратно бегало множество людей с мешками и корзинами на плечах. Филиппка куда-то ушел, а всех матросов на судне помощники купца загнали в трюм. Но никто не рвался на палубу, к свободе — все видели, как эти двое изувечили их товарища на берегу красивой русской реки Шелонь. Хотел один Франсуа, но раздумывал, надо ли.

Солей с Трюггви примостились в темноте трюма и стали тихо переговариваться.

— Я, когда мы доплыли до Новгорода, попал на ладью, которая плавала по реке Итиль. Аж до соленого Хвальнойского моря доплывали, — рассказывал Трюгви. — Жара, мух — аж небо черное, с Дона в Итиль ладью по бревнам волоком тащили, а по берегам рек татары на лошадях скачут и стреляют из луков, да так далеко и так метко, что многих убивали. А в море вода — сплошная соль. Потом заболел лихорадкой, и меня бросили умирать в трюм, но я, не знаю как, выжил, и меня полудохлого отдали Филиппке. Был у него гребцом, а потом стал кормчим. Плавал на его корабле по озеру Ильмень, по Волхову доплывал вниз до Ладоги и по ней к карелам, а в Неву ни разу не заплывали. Там, на Ладоге, хотел убежать, но как? Боюсь я. Все тебя вспоминал и наш побег. Ах, если бы не Вигфус, наверное, мы бы уже давно были дома. Только и надеялся, что, может, когда-нибудь поплывем через море в сторону Швеции и там удастся убежать... Эта ладья у Филиппки новая и самая большая, по морю может плавать, потому и молчу, что швед. Говорю, что эст или, как русские называют, чудь. Они всех людей делят на немцев и чудь, а мы — варяги или свеи.

— Ничего, если когда-нибудь доплывем до Ладоги, то убежим и уж больше не попадемся. Это я тебе обещаю.

— Хорошо Франсуа, я согласен. Я так хочу увидеть своих деток. Они уже выросли без меня. А ты где был эти годы? Возмужал ты сильно. Совсем взрослый.

— Ты, наверное, помнишь, что меня должны были казнить в Новгороде, но князь Александр не позволил. Я стал рабом у князя Александра. Меня не били, кормили хорошо, работал много и даже научился драться мечом. Ко мне князь хорошо относился. Я и свободу после битвы на Чудском озере получил. Сам князь Александр дал. А воевода Алексич никак не мог простить мне смерть его родственника. Помнишь, тогда, на Неве, я убил Ратмира, его племянника. Ну и когда праздновали победу над рыцарями, опоили меня вином с ядом, чтобы утопить мертвого, а я выжил. Двое, что везли к полынье, видимо, испугались

живого топить и продали на этот корабль. Конечно, я могу убежать и прийти к князю Александру и вновь стану свободным, может, даже попаду в княжескую дружину, в грид-ни. Но воевода Алексич все равно убьет — не захочет же он, чтобы я рассказал князю, что со мной произошло, да и, думаю, никто мне не поверит. Так что лучше здесь, на корабле,ждемся, когда поплывем к Ладоге, а там видно будет. Ты мне лучше шапку какую-нибудь найди, я под нее волосы спрячу, чтобы в Новгороде не узнали.

Пришел Филиппка и приказал быстро грузить судно.

— Плыдем вниз, к Ладоге, — если бы он взглянул в этот момент на засветившиеся от нескрываемой радости лица Трюгви и Солея, то удивился бы и даже насторожился, но ему было некогда. Надо было торопиться, чтобы по большой воде проскочить пороги на Волхове.

День и ночь без перерывов грузили мешки, бочки — помощники Филиппки стояли с плетями и подгоняли. Когда трюм заполнился товарами, отплыли от берега, подняли парус, и ладья, гонимая течением и ветром, быстро поплыла вниз по реке. Весна была в разгаре, солнце растопило снег на берегах, небо было синим, синей была вода с плывущими одиночными льдинами.

— Столько-то товара мы брали, когда плавали к карелам, — шепнул Трюгви Солею.

Доплыв до крепости Ладоги, выгрузили весь товар и стали ждать ушедшего в крепость Филиппку. Франсуа показал на видневшуюся крышу амбара:

Помнишь, как мы тогда убежали? И сейчас убежим. Ночь наступит — и убежим.

— Я боюсь, — ответил Трюгви, — но побегу. Поскорей бы уж ночь.

— Да какая ночь в мае?

— Товар-то весь выгрузили. Значит, обратно поплывем.

— Ну тогда ночью и убежим.

Пришел Филиппка — довольный — и приказал грузить-ся. Груз был большой — в тюках, но легкий — пушнина.

— Кто плывал по Варяжскому морю? — спросил купец. Все молчали. Солей, толкнув Трюгви в бок, шепнул:

— Соглашайся.

— Я бывал в том море, помогал кормщику, — сказал Трюггви.

— У-у, чудь, а раньше врал, что не плавал, — сузил глаза Филиппка.

— Так давно это было, да и не кормщиком я был — помогал.

— Ладью проведешь, вернемся — свободу получишь.

— Спасибо, хозяин. Только это не река — море, мне помощник нужен, чтобы за парусами следил, меня подменял. Плыть-то далеко?

— Далеко, до Готланда.

— До Готланда? — сорвалось у Трюггви. — Так это же свейская земля?

— Нет, кормщик, ты не так прост, как кажешься. Ты и там бывал?

— Так говорю же, что бывал, когда в Данию плавал. А нас свеи не потопят за битву-то на Неве?

— А ты откуда знаешь про битву? — удивился Филиппка.

— Так про это все знают, — нашелся Трюггви.

— Не вздумай там убежать!

— Куда убежать, хозяин? — Трюггви искренне удивился.

— К свеям.

— Зачем? Я же не свей. Да и зачем же я бежать буду, если ты мне свободу дашь, а свеи своим рабом сделают?

— Твоя правда. Ну и кого себе в помощники возьмешь?

— Так вот — француза. Он парень толковый, сами видели.

— Не скрою, повезло мне с ним. Слушай, француз, если с Трюггви проведете корабль туда и обратно, я и тебе тоже обещаю свободу дать.

— Спасибо, хозяин.

— Ну тогда поднимайте парус.

Ладья выплыла в огромное Ладожское озеро. Через полдня небо заволокло тучами, ветер стал рвать парус. Его спустили, и все взялись за весла. Корабль качало и разво-

рачивало поперек волны, он кренился до воды и, казалось, вот-вот перевернется.

— Держись, Трюгви! — крикнул Солей и схватился за толстый круглый румпель. Вдвоем они с трудом повернули судно к берегу и, обогнув выступающий мыс, спрятались за ним от ветра. И вовремя. Ветер завыл и перешел в шторм, и два дня команда слушала его вой. Кто умел — крестился, Филиппка плакал от страха. Когда ветер стих и появилось солнце, вновь подняли парус, и ладья, легко покачиваясь на волнах, вплыла в Неву, а там, подхваченная сильным течением реки, ее быстро понесло к морю.

— Я вам обоим свободу дам! — кричал радостный Филиппка. — Вернемся — и дам. А ты, француз, молодец! Уже второй раз спасаешь мне лодью. Вернемся домой, я тебя кормчим поставлю на другую лодью. Ее сейчас достраивают в Новгороде. Будешь к морю по Итиль-реке плавать. Радуйся.

— Я и радуюсь, хозяин, — ответил Солей и низко поклонился, а когда Филиппка отошел, тихо рассмелся и сказал Трюгви: — Вот же, научили русские меня кланяться, потому что у них чуть что не так — плеть.

— Тебя много били?

— Знаешь, удивительно, но ни разу, а видел много раз, как забивают до смерти. А радуюсь я тому, что мы с тобой доплыли до места, где попали в плен, — Солей показал на левый берег, где на песке белели человеческие черепа и кости.

— Неужели я увижу своих деточек? — заплакал Трюгви.

— Обязательно увидишь! — радостно сказал Солей.

Трюгви внимательно посмотрел на Солея и с теплотой в голосе произнес:

— Ах, мальчишка, ты стал совсем взрослым.

XXII

К Биргеру Ярлу в тронный зал вбежал Мули — уже хэрсир — и с порога закричал:

— Биргер, я принес радостную весть: тот мальчишка, что спас мне жизнь на Неве, оказался жив, он убежал из русского плена и доплыл до Швеции.

— Не может быть! Где он?

— Здесь, в крепости.

— Так веди его сюда, Мули.

Когда вошел Солей, Биргер Ярл подошел к нему и, обняв, сказал:

— Ты великий воин, Солей. Ты спас жизнь Мули и не дал русским опозорить шведское оружие. Расскажи, что с тобой произошло и как ты сумел убежать из русского плена?

Солей рассказал, как после битвы пленных отвели в Ладожскую крепость, как приговорили его к смерти, но князь Александр не позволил его казнить, как они с кормчим Трюггви сумели убежать ночью через крышу амбара и, украв лодку, доплыли до Невы, но их поймали; как он попал в Новгород к князю Александру, участвовал в битве против рыцарей Ливонского ордена на Чудском озере и Александр даровал ему свободу; как вновь стал рабом, проданный на русский торговый корабль, и как, доплыв до острова Готланд, они с Трюггви сбежали с корабля и их арестовали шведы.

— Нас неделю держали в подвале, а мы кричали, что мы шведы, но нам не верили, пока я не сказал, что я знаю самого рыцаря Мули. Они, по-видимому, сообщили Мули, а дальше... дальше, я перед вами, мой господин.

— Ты повзрослел и совсем уже не мальчик. Ты видел князя Александра? Скажи, какой он? — спросил Биргер.

— Очень молодой. Ему двадцать лет. Очень смелый и сильный. Русские его боготворят и называют Невским за победу в той битве на Неве. Сейчас он разбил рыцарей Ливонского ордена на Чудском озере. Рыцарей было много, все в кольчугах, даже лошади были защищены, но он их разбил. Честно — русские дерутся, не боясь смерти. Для них смерть в битве — гордость и слава. Мне угрожала смерть за то, что я тогда, на Неве, убил какого-то их известного воина Ратмира. А я его не убивал — он сам напоролся

на меч. Воевода Алексич требовал меня казнить, а князь Александр не позволил. Он много чего не позволял, и его выгнали из Новгорода, и он взял меня с собой.

— Вот, Мули, сейчас бы надо напасть на Новгород! — вскрикнул Биргер.

— Ты, как всегда прав, мой господин, — сказал Мули.

— Не успеете, — сказал Солей

— Почему? — удивился Биргер.

— Он уже в Новгороде. Для него война — сама жизнь! Он разобьет любого, кто придет на его землю.

— Ты так хвалишь Александра?

— Мой господин, он сохранил мне жизнь, а с русскими я вместе дрался. Не хотел бы я еще раз драться против них.

— Ты хвалишь врагов, — зло произнес Биргер.

— Для меня русские уже не враги.

— Однако ты смел! — крикнул Биргер. Лицо его покрылось пятнами гнева.

— Мой господин, я говорю о том, что я видел. В плену же был я, а не кто-то другой...

Биргер посмотрел на Солея и вдруг рассмеялся:

— Ты так и не изменился, мальчишка. Это очень будет мешать тебе в жизни. Мули, ты что-то хочешь сказать?

— Да, Биргер Ярл. Тогда, на Неве, он славно дрался! Мой меч мало кто мог поднять, а уж чтобы им сражаться... Он спас мне жизнь, и я его должник.

— Ты появился вовремя, — сказал Биргер. — Мули стал хэрсиром вместо погибшего Клеппа, твоего родственника, который тебя предал. Но сегодня пришла весть, что ярл Юхан Прыщавый отправился к своим предкам. Так вот, вместо Юхана ярлом станет Мули, а тебе я предлагаю стать хэрсиром. Ты, кстати, единственный наследник после Клеппа, — Солей заметил, как при этих словах изменилось лицо Мули — стало жестким, а глаза потемнели.

— Но у Клеппа была мать? — сказал Солей.

— Вот именно — была. Когда ей сказали, что Клепп погиб, она утопилась, — ответил Биргер.

— А можно мне, мой господин, попросить о милости? — тихо спросил Солей.

— Говори, ты заслужил.

— Я бы не смог убежать, если бы не рыбак Трюггви. Можно ли дать ему свободу и хоть немножко денег? У него большая семья.

— А где он?

— Он продолжает сидеть в тюрьме. Но уже здесь, в Стокгольме.

— Как?! Мули, прикажи его отпустить и подари ему от моего имени хорошую лодку. Пусть ловит рыбу.

— Спасибо, мой господин, — сказал Солей.

— Ну что, едешь в свой Бальгедер?

— Я благодарю тебя, мой господин, но отказываюсь.

— Почему? — нахмурился Биргер.

— Я младший сын у моих родителей и обязан жить с ними и ухаживать за ними до их смерти.

— Тогда привези своих родителей сюда.

— Для этого я вначале должен добраться до Ла-Рошели.

— Может, ты и прав. Я не знаю, вернешься ты или нет, но я хочу сделать тебе подарок, — Биргер снял с пальца кольцо с большим желтым камнем и протянул Солею. — Я буду рад, если ты вернешься, но приветствую твое желание помогать своим родителям. Это кольцо дороже любого золота, потому что оно подарено тебе мной, будущим королем всех шведов. Помни об этом. Если кто-нибудь в Швеции посмеет тебя тронуть, то покажи мое кольцо и скажи, что оно подарено тебе Биргером Ярлом. Впрочем, я не завидую тому, кто станет на твоём пути... Я всегда буду рад тебя видеть здесь, в Стокгольме. Шестьдесят лет назад русские сожгли нашу древнюю столицу Сигтуну. Стокгольм — новая столица Швеции, и отсюда мы, шведы, пойдем завоевывать весь мир. И так будет! Не сегодня, не завтра — через годы, через столетия, но будет! Иди. Мули, проводи этого славного шведа.

— Спасибо, мой король! — растроганно сказал Солей и низко поклонился. — Я всегда буду носить это кольцо и расскажу своим детям, что я сражался рядом с двумя великими воинами: королем шведов Биргером Ярлом и русским князем Александром, по прозвищу Невский.

— Ах ты льстец! — рассмеялся Биргер. — Помни всегда, что в тебе кровь викингов.

— Я никогда этого не забуду.

— Прощай.

Когда вышли из тронного зала, Мули остановил Солея.

— Мне нечего тебе подарить. Я воин и честно служу своему королю. Я сегодня стал ярлом и, может быть, наконец-то стану богатым. Я хочу подарить тебе свой нож, — Мули снял кожаный, украшенный серебряными пластинами пояс с ножом и протянул Солею.

— Это лучший подарок для простого французского рыбака, — сказал Солей.

— Это во Франции ты рыбак, а здесь, на родине своих предков, тебе предложили стать хэрсиром.

— Но ты-то, ярл Мули, против, — ответил Солей.

— Заметил? Пойми, если я стану ярлом вместо Юхана, то хэрсиром вместо меня может стать мой сын Свенсон, которому ты спас жизнь, когда он тонул у Аланских островов... Почему ты отказался? — Мули очень внимательно посмотрел на Франсуа.

— Я хочу домой.

— Я желаю тебе счастливого пути и всегда буду рад тебя видеть. Мой дом и дом моего сына всегда открыт для тебя. Приедешь?

— Я постараюсь, ярл Мули.

— Постарайся. А сейчас пойдем выручать твоего друга...

XXIII

Бьорг Солей умирал. Его сильное, молодое тело еще боролось со смертью, но ее печать уже коснулась его тела и лица: черты заострились, бледная кожа покрылась испариной, он тяжело и хрипло дышал, кровавая пена выступала с его губ, сильные руки стали худыми и желтыми. Уже две недели он умирал, и все это время рядом с ним сидела красивая зеленоглазая девушка и, смачивая кусок ткани в холодной воде, обтирала его лицо и лоб. Она уже не боялась

менять повязку на его ужасной ране, из которой шел зловонный запах. Меч английского сотника Брэди перерубил ключицу и грудь, и в этой ужасной ране было видно темно-вишневое, уже не дышащее, спавшееся легкое. Вначале из раны текла кровь, а потом появился этот ужасающий запах и гной. Солея даже осмотрел присланный бароном де Кантелу лекарь: брезгливо приподнял двумя пальцами повязку, глаза его удивленно расширились, зажимая нос, он выбежал из домика, шепча под нос: «Letalis, Letalis», и быстро пошел в сторону крепости.

От прикосновения ко лбу холодной ткани умирающий юноша временами открывал глаза, смотрел на сидевшую рядом девушку и хрипел:

— Мне так жалко тебя, Саннива... Если сможешь, возьми Якоба и моего коня и уходи к моему отцу в Ла-Рошель... Я тебе рассказывал, как дойти. Там мой брат Франсуа... Они тебе помогут, — девушка заплакала, а юноша тяжело дыша, прошептал: — Саннива, не плачь. Сделай так, как я тебя прошу...

И Бьорг вновь потерял сознание и начал что-то бессвязно бормотать и метаться в бреду. Он не знал, что уже приходили люди герцога и предупредили Санниву и Якоба, что, как только Солей умрет, они должны явиться в крепость, где их отдадут новым хозяевам. Люди хотели увести коня, но того не оказалось — Якоб его спрятал. Якоба высекли, но он все же и не сказал, где конь.

Красивая девушка и маленький мальчик стояли около кровати и прощались с умирающим Бьоргом, когда открылась дверь и, пригнувшись в дверном проеме, вошел... живой Бьорг Солей. Девушка и мальчик испуганно вскрикнули. От их крика умирающий открыл глаза, его уже затуманенный взгляд вдруг прояснился, и он похрипел:

— Франсуа?! Почему ты здесь? Быстрее подойди ко мне, я тебе хочу сказать... — кровь потекла изо рта умирающего. Когда юноша, как две капли воды похожий на него, подошел к кровати, Бьорг зашептал: — Франсуа, спаси мою семью. Я знаю, что после моей смерти Санниву и Якоба отдадут новым хозяевам. Они принадлежат герцогу. Попроси

помочь барона де Кантелу. Только он может помочь... Если не удастся, помощи им убежать. Якоб знает, где мой конь... Как отец? Откуда ты узнал, что я умираю, и как успел приехать из Ла-Рошели?

— Я приехал не из Ла-Рошели. Я был на родине наших родителей и отомстил за них. А сюда, в Шербур, попал случайно — корабль, на котором я плыл в Брест, налетел во время вчерашнего шторма на мель и затонул. А здесь все только и говорят о нападении англичан и о тебе.

— Ты убил Хоккона, о котором всегда вспоминал отец?

— Да.

— Молодец, — прохрипел Бьорг, — молодец, Франсуа... Спаси их... — По телу Бьорга пробежали судороги, он глубоко вздохнул и умер. Девушка упала на его грудь и зарыдала. Мальчик встал на колени и тоже стал громко плакать.

На следующий день к барону де Кантелу, обедавшему в Шербурской крепости, тихо, на цыпочках, подошел слуга и, уставившись на хозяина удивленными глазами, заикаясь, прошептал:

— Ваша милость, к вам просится войти привидение.

Барон подавился вином и, прокашлявшись, прохрипел:

— Ты пьян, скотина?! Где это видано, чтобы привидения являлись днем, да еще просили разрешения войти?

— Но это правда. Там этот... Солей...

— Кто?! Солей? Тогда пусть войдет.

Вошел молодой человек, и барон, увидев его, открыл от удивления рот, потом вновь закашлялся и просипел:

— Я, как все, верю в привидения, но этого не может быть! Ты кто — Солей?

— Да, господин барон, я брат Бьорга Солея.

— Я слышал, что твой брат умер, и мне очень жаль. Он умер героем. Я даже хотел его сделать сотником и просить герцога, чтобы он обратился к королю с просьбой даровать ему титул шевалье... Но не успел, — барон глубоко вздохнул.

— Господин барон, спасибо вам за добрые слова о моем брате, но я пришел просить вас о милости.

— Говори, я постараюсь тебе помочь — хотя бы в память о человеке, который спас мне жизнь.

— У брата осталась жена, и она ждет ребенка. Они не венчаны в церкви — она англичанка. И у него был слуга, мальчишка Якоб. Я прошу отдать их мне, чтобы я мог отвезти их домой к моему отцу в Ла-Рошель. Об этом меня попросил перед смертью мой брат, и он сказал, что только вы сможете мне помочь.

— Это будет очень трудно сделать — они принадлежат не мне, они принадлежат герцогу. Я попрошу герцога, чтобы он их отдал мне, а я дам им свободу, и они смогут уехать с тобой. Но это займет много времени. Впрочем, давай я отведу тебя к старому герцогу. Может быть, он тебя выслушает и примет решение. Он знал твоего отца и твоего брата.

На следующий день в крепости перед старым герцогом д'Арктуром стоял высокий юноша с необычными белыми с красными кончиками волосами.

— Значит, ты брат умершего Солея? Ты тоже очень похож на своего отца. Я его помню. Какой тогда он нанес удар мечом! И что ты хочешь? А-а-а, я вспомнил, мне де Кантелу говорил. Ты хочешь, чтобы тебе отдали беременную женщину, которую твой брат захватил, когда мы напали на Плимут, и мальчишку-слугу. Но они принадлежат мне и моему сыну. И твой брат хотел убить коменданта Шербура, шевалье д'Аниша. Но господь не позволил ему это сделать. Может, д'Аниш подлец и предатель, но он дворянин, а за нападение на дворянина положена смерть. Твой брат избежал казни, а ты хочешь, чтобы я еще ему, мертвому, помог? Не бывает этому!

— Позвольте, герцог, сказать, — прозвучал голос барона де Кантелу. — Его брат умер героем, защищая вашу крепость Шербур. Вы знаете, что он — единственный, кто остался ее защищать. Если бы он остался жив, то я бы просил вас за такой подвиг обратиться к королю с просьбой даровать ему титул шевалье, а после назначить комендантом Шербура вместо предателя д'Аниша или взял бы его к себе оруженосцем.

— Де Кантелу, я тебя люблю, но закон есть закон. Простолюдин, поднявший руку на дворянина, должен быть казнен, а все его имущество и семья поступают в пользу герцога Нормандии. А мальчишка и эта женщина и так принадлежат мне. Конечно, д'Анишу ничего не достанется, как бы он ни заявлял о своих правах... А ты, юноша, можешь идти, хотя я бы предложил тебе служить у меня вместо брата. Пойдешь?

— Господин герцог, мой брат служил у вас, потому что это вам обещал наш отец. Я же младший сын и должен остаться в семье.

— Да, с твоим отцом было так оговорено. Хорошо, ты свободен.

— Господин герцог, может быть, вы позволите выкупить их?

— Что сделать?

— Выкупить.

— Какие слова выучили бедняки! — засмеялся герцог д'Арктур. — У тебя есть такие деньги?

— У меня нет денег, но есть вот это, — и юноша протянул кольцо с большим желтым камнем.

— Откуда у тебя такое кольцо? Ты его украл?

— Нет, господин герцог, мне его подарил зять короля Швеции, Биргер Ярл.

— Сам Биргер Ярл?! Я много слышал о нем, и именно его называют настоящим королем Швеции. И за что же он подарил тебе такое кольцо?

— За спасение жизни его воеводы, рыцаря Мули, в битве против русских.

— Ого, каков ты! — герцог посмотрел кольцо на свет. — Необыкновенная красота! Это янтарь, солнечный камень! — герцог повернулся к своему сыну. — Ну а ты что скажешь?

— За этого юношу просит барон де Кантелу, и я прошу тебя ему не отказывать. Но я бы хотел получить и свою долю за принадлежащих нам рабов.

— Что ты имеешь в виду? Забрать кольцо себе? Так оно и так скоро станет твоим.

— Нет. Меня интересует вон тот нож, — и сын герцога показал на висевший на поясе Солея нож.

— А-а, я-то и не заметил. Совсем стар стал... Ну и что это за нож? Для тебя, юноша, он слишком хорош. Покажи, — герцог протянул дрожащую, худую, с желтой дряблой кожей руку. Солей вынул из ножен нож и протянул герцогу.

— Хорош, — сказал, любуясь ножом, старый герцог, потом передал сыну. — Он твой, а ты, мальчишка, отдай пояс с ножнами и отвечай, откуда он у тебя?

— Мне его подарил рыцарь Мули за то, что я спас ему жизнь и отказался стать хэрсиром в пользу его сына.

— Ты — хэрсиром?! — рассмеялся старый герцог. — Там, на нашей бывшей родине, видимо сошли с ума?

— Нет. Я внук хэрсира Олафа Красного и его единственный наследник.

— Ну будет, будет врать, — кашляя, засмеялся герцог. На губах его выступила красноватая пена. — Это уже слишком. Нож принадлежит моему сыну. А ты, значит, готов на все, чтобы исполнить просьбу своего брата?

— На все, кроме своей свободы.

— Хорошо. Вот мой ответ. Я тебя отпущу с женщиной и мальчишкой, а ты поклянись, как поклялся твой отец, что каждый старший сын в вашем роду будет служить нам, герцогам Нормандии.

— Клянись! — тихо сказал юноша, и его синие глаза заблестели от слез.

— Смотри, будь таким же честным, как твой отец.

Франсуа вышел из крепости и побежал к маленькому домику на окраине города.

— Скорей собирайтесь, мы уходим, пока герцог не передумал.

— Хозяин, я сейчас приведу Шторма, — крикнул Якоб.

— Скорее, Якоб. Саннива, пойдём, прощаемся с Бьоргом и уходим...

Трое скрылись за холмами, и когда уже стала не видна крепость Шербура, Солей остановился.

— Якоб, это лук моего брата? — спросил Солей.

— Да, — ответил мальчик и протянул завернутый в кусок плотного холста длинный лук. Солей развернул ткань, взял лук и попробовал тетиву. Та зазвенела.

— Хорошо! — произнес он восхищенно и показал рукой на опушку леса. — Саннива, жди меня там. А ты, Якоб, охраняй ее, как положено охранять свою госпожу. Умри, но охраняй.

— Да, хозяин. У меня есть нож и топор. Я сделаю все. Не беспокойтесь, я же знаю, зачем вы идете.

— Если я не вернусь, идите в Ла-Рошель. Плохо, что у меня нет денег.

— У меня есть немного, — Саннива отвернулась и, порывшись в своей одежде, достала несколько серебряных монет. — Это все, что мы скопили с Бьоргом, — девушка заплакала.

— Перестань рыдать, Саннива. Ты носишь ребенка и должна быть сильной, — сказал Франсуа и повернулся к мальчику. — Якоб, спрячьтесь и ждите меня. Я вас найду. Для меня это не лес, а чистое поле. Настоящие леса я видел очень далеко отсюда, у русских.

— Расскажите, хозяин?

— Расскажу. Потом.

Франсуа пошел обратно к крепости, а мальчик и девушка свернули с дороги в лес, и девушка, тяжело сев под дерево и отдышавшись, спросила:

— Якоб, куда пошел Франсуа?

— Эх ты, Саннива! Неужели не догадалась? Он пошел отомстить за своего брата.

Поздно вечером, уже в темноте, Франсуа неожиданно и очень тихо появился из-за деревьев, чем напугал Санниву и Якоба. Один только конь заржал, почувствовав чужого человека.

— Эх, Якоб, как же ты охраняешь?

Мальчик опустил голову и всхлипнул.

— Ладно, я так неслышно научился ходить, когда был рабом у русского князя Александра. Русские умеют так тихо ходить по лесу, что даже птицы не поднимаются с ве-

ток. Пошли, за ночь мы далеко уйдем. Саннива, давай я тебе помогу сесть на Шторма.

Ночь была лунной, люди по дорогам страны ходили только днем — боялись разбойников, и трое, освещенные серебряным светом луны, легко и не боясь пошли по лесной дороге.

XXIV

Рыбак Харальд, по прозвищу Солнечный, сидел около своего маленького домика и с грустью смотрел на море. Был теплый день, по морю бегали легкие волны, рыбаки сталкивали лодки, поднимали паруса и уплывали в океан. Но ничто не радовало Харальда. Ему было всего сорок лет, а он чувствовал себя разбитым стариком. Жена его умерла, сыновья ушли из дома, он остался один, и его больше ничего не интересовало в жизни. Он, может, и покончил бы с собой, но на руках у него оставалась маленькая дочь. Прошло больше двух лет, как ушел из дома его младший сын Франсуа. Харальд смотрел на море и вспоминал свою молодость — больше ему не о чем было вспоминать. И когда раздался голос, он и не понял, что кто-то обращается к нему.

— Отец, я вернулся, и я не один, — перед Харальдом стоял повзрослевший Франсуа, а рядом стояли женщина с большим животом и мальчик, державший за повод красивого коня.

— Ты, Франсуа, успел обзавестись семьей? — удивился Харальд и вдруг заплакал. — Почему ты так поступил, Франсуа? Это была моя клятва. Я поклялся на могиле моей матери.

— А я поклялся самому себе, что это должен сделать я. Отец, это жена Бьорга, ее зовут Саннива. А это Якоб, и он теперь для меня как младший брат.

— Что вы, хозяин? — вскрикнул мальчик, и из его глаз потекли слезы. — Я всего лишь ваш слуга.

— Запомни, Якоб, здесь не Нормандия. Здесь живут свободные люди, и ты тоже свободный человек, а я для тебя просто Франсуа. Понял?

— Да, хозяин, — радостно ответил мальчик.

— А для меня ты еще один сын. Самый младший. А где же Бьорг? — дрожащим голосом спросил Харальд и сердцем родителя понял, что его сына больше нет.

— Он умер, отец. Я его похоронил там, в Нормандии.

— Я это почувствовал. Слава богу, хоть ты вернулся. Проходите, дети, в дом, если, конечно, можно назвать это домом.

Харальд был прав — дом за два года обветшал настолько, что стал, наверное, самым бедным домом в Ла-Рошели.

— Отец, а наша лодка цела? — спросил Франсуа.

— Она на берегу, но я давно не выходил в море. Скажу честно: я ждал смерти.

— А теперь, отец, радуйся жизни. Все сейчас будет хорошо. Якоб, пойдем на берег, посмотрим нашу лодку. И ты рукой потрогаешь океан.

— Вот, возьми, — Харальд разжал руку, на ладони тускло блестел золотой медальон. — Я сегодня хотел его выбросить в море, — Харальд вновь заплакал, но это были слезы радости.

— Отец, все сейчас будет у нас хорошо, — повторил Франсуа.

Когда Франсуа с Якобом ушли, Харальд посмотрел на Санниву и тихо произнес:

— Роди девочку, чтобы больше не пришлось исполнять клятву.

— Бьорг тоже хотел девочку, — ответила девушка, и по ее щекам побежали слезы.

— Не плачь, дочка, все будет хорошо. Это я тебе говорю, Харальд, по прозвищу Солнечный. Я, правда, не знаю, что у меня в доме есть из еды, но я схожу в лавку и попрошу займы.

— Давайте, отец, я схожу, только покажите, куда идти.

— Тебе не тяжело?

— У вас здесь такой воздух! Я всю жизнь прожила у моря, но здесь необыкновенный, теплый воздух. Наверное, и море такое же теплое.

— Да... Иди вон туда, — Харальд показал рукой. — Лавочника зовут Мартин, мы с ним знакомы уже двадцать лет. Скажи, что ты моя невестка. Думаю, он даст все, что попросишь. И не забудь попросить вина. У меня сын домой вернулся! У меня в доме праздник!

* * *

Через два месяца Саннива родила девочку, которую называли Фрида, что по-скандинавски означало Прекрасная.

А еще через два года у Франсуа с Саннивой родился сын, которого в маленькой церкви Святого Бартоломея крестили французским именем Жак. У мальчика, как у деда и отца, были синие глаза и необычного цвета белые с рыжими кончиками волосы.

В год рождения Жака король Людовик IX принял решение пойти в свой первый крестовый поход. Ученые посчитали — седьмой!

Часть вторая

Крестоносец

Стоял прекрасный летний день 1270 года от Рождества Христова, и жители города Парижа по случаю воскресенья с утра потянулись в церкви, чтобы приложиться к многочисленным мощам великих святых и попросить их и Господа о помощи: дать чуть-чуть денег просили бедняки, побольше — нарождающаяся буржуазия, много и сразу — просьба дворян и безземельных рыцарей; за любимых и весело просила пьяная молодежь из Латинского квартала, где появился университет — диковинный рассадник знаний и свободомыслия, почему-то понимаемых студентами как свобода от учебы и безудержное веселье, наводящее ужас на добропорядочных жителей Парижа; сохранить или дать здоровья просили все.

Горожане ручейками человеческих тел текли по деревянным мостам через Сену на остров Сите, но не как всегда к огромному, еще недостроенному, но уже проводящему воскресные службы собору Нотр-Дам, а к церкви Сент-Шапель. Шли дворяне, богатые горожане, ремесленники, торговки и прачки, шли нищие, шли убогие и больные из стоявших уже шесть веков на берегу Сены барачков Парижского Божьего приюта, который стараниями епископа Мориса де Сюли всего несколько лет назал был преобразован в первую в стране больницу Отель-Дьё де Пари. Казалось весь Париж собрался в этот день на острове Сите. Узкие улочки были запружены народом, все толкались и напирала друг на друга, стремясь попасть в первые ряды, чтобы увидеть, что делается внутри церкви. Но она, ко всеобщему удивлению, была закрыта, хотя колокола гудели, а из-за закрытых дверей доносилось церковное песнопение. Ладно если бы был закрыт верхний уровень — все-таки это была

часовня самого короля, куда он приходил с семьей через крытую галерею прямо из королевского дворца, но были закрыты двери и в нижний уровень, в котором всегда могли помолиться подданные короля — не все, конечно : нищих, убогих, простой люд не пускали, для них были другие соборы и церкви, тот же величественный Собор Парижской Богоматери — Нотр-Дам. Все удивлялись, крестились и шептались, толпа гудела, люди напирала друг на друга, кто-то визжал, кто-то уже падал в беспамятстве, кто-то кричал: «Украли! Лови вора!» Вдруг, будто ветер над лесом пролетел, возникло, зашелестело и пронеслось кем-то брошенное короткое слово «Война!». Пронеслось, затихло и вновь зазвучало и, уже не останавливаясь, побежало по огромному, застроенному домами острову, перепрыгнуло через Сену в квартал аристократии Марэ и в кварталы бедноты, жители которых со страхом крестились, понимая, что опять военный поход ляжет тяжким бременем на плечи простых людей, и голодным детям станет еще голодней, и они будут умирать, а истощенные от работы женщины, чьи мужья уйдут воевать простыми солдатами, выстроятся по ночам на площадях и кривых узких улицах в надежде, что кто-то, пьяный, позарится на худое, невымытое, дурно пахнущее тело, чтобы быстро, в ближайшем уличном углу, среди грязи и бегающих крыс удовлетворить возникшую под действием вина похоть и с презрением бросить за это в дрожащую от испытанного позора женскую ладонь несколько су. Но эти деньги пролежат в ладони совсем недолго. По улицам пойдут люди в монашеских одеждах и будут трясти деревянными кружками, требуя, чтобы эти деньги пошли на нужды страдающей за человеческие грехи церкви. «Церкви, — говорили они, — нужней. Она готовится в новый крестовый поход, против проклятых сарацин, живущих там, далеко за морями, на востоке и желающих захватить у христиан гроб Господень...» А где это — никто и не знал.

Знали только король и несколько сотен рыцарей, оставшихся живыми после страшного поражения и плена в предыдущем седьмом крестовом походе.

Король Франции из династии Капетингов Людовик IX, граф д'Артуа, молился в церкви Сент-Шапель. Он, склонив голову, стоял на коленях перед золотой криптой, где хранилась самая дорогая реликвия Франции — терновый венец Господень, обогранный кровью Христа. Король купил его у венецианских купцов за невероятные по тем временам деньги — 138 тысяч ливров золотом. Купцы сказали королю, что сами купили его в Византии у латинского императора Бодуэна II, и набожный король Людовик поверил! Многим в бедной Франции, раздираемой междоусобицами и войнами с соседними государствами, показалось, что их король сошел с ума, потратив такие огромные деньги за сплетенные в кружок сухие веточки с листиками, а ученые мужи открыто смеялись над королем, заявляя, что никакие растения — ни живые ни мертвые — не могут сохраниться двенадцать веков и что венецианские купцы, продавшие королю реликвию, были шарлатанами с ближайшей ярмарки. Но когда Людовик для этой реликвии построил церковь Сент-Шапель, которая обошлась казне еще в 40 тысяч ливров, французы поняли: их король — свихнувшийся... святой, и стали добавлять к ранее данному королю прозвищу Святой, обидное — Разоритель!

Но удивительно — построенная Людовиком церковь стала лучшей, красивейшей церковью Парижа! Стоявший неподалеку, возвышающийся над городом огромный Нотр-Дам был еще не достроен, фасад его был закрыт строительными лесами, хотя служба уже велась, но горожане шли к Сент-Шапель — только ради того, чтобы, если повезет, попасть внутрь и хотя бы одним глазком, хоть мгновение полюбоваться на то, как солнечные лучи, преломляясь в огромных, на всю высоту — от пола до изогнутого небесного цвета свода — красно-синих витражах, заливают все внутреннее пространство церкви таинственным светом, вызывая даже не восхищение — оторопь от увиденной божественной красоты. Витражи были так широки, что казалось, будто стены состоят из одного переливающегося стекла, и

сам воздух в церкви пропитан ароматом прекраснейшего, райского вина, от которого кружилась голова.

За покупку реликвии и постройку ради нее грандиозной часовни католическая церковь восхваляла короля Людовика, а он церковь почему-то не очень, считая, что своими подвигами во славу Господа он стал выше похвалы какого-то папы. Хотя как обойтись без благословения церкви, если идешь на священную войну против мусульман?!

Ученые мужи быстро посчитали, что новый крестовый поход в Святую землю — восьмой начиная с 1095 года, когда были завоеваны Эдесса, Антиохия и Иерусалим и образовались христианские государства. Но в 1244 году хорезмийцы захватили Иерусалим, а два года назад пала и Антиохия. Мир, созданный европейцами на Востоке, трещал по швам!

Людовик молился, чтобы Господь даровал ему победу в новом крестовом походе. Двадцать шесть лет назад он тяжело захворал и дал обет возложить на себя крест. Испросив благословение у папы в Лионе и получив в церкви Сен-Дени хоругвь, перевязь и посох паломника, король, собрав огромную трехгодовую церковную десятину, с 15 тысячной армией, переплыв Средиземное море, высадился в Египте. Разгромил сарацин в Дамьетте, и после, оставив в захваченном городе беременную жену Маргариту Прованскую, Людовик пошел дальше вдоль берега моря к Иерусалиму, но был разбит мамлюками при Мансуре; погиб его брат Роберт, а сам он попал в плен. Маргарита оказалась великой женщиной и королевой. Беременная, она могла бы покинуть Египет, но отказалась, взяв со своих крестоносцев-телохранителей клятву, что, если сарацины возьмут Дамьетту, они отрубят ей голову! Родила в осажденном городе сына Иоанна, или, на французский манер, Жана, которому дали второе имя в честь героя рыцарских романов — Тристан. Договорилась с мусульманами, отдала Дамьетту и выкупила из плена своего мужа-короля, заплатив почти полмиллиона ливров, прекрасно зная, что королева-мать не дала бы ни единого су, если бы пленным не был ее сын, так желавший стать святым и великим. Так бесславно

закончился седьмой крестовый поход. Людовик жену обожал, еще четыре года жил с ней в Сирии, где она рожала ему детей; вернулся во Францию, когда умерла вдовствующая королева-мать Бланка Кастильская, которая до самой смерти не любила свою невестку Маргариту, считая, что та своими чарами отняла у нее любимого сына — тот никак не хотел возвращаться домой, и ей одной пришлось править Францией целых шесть лет.

Король стоял на коленях и усердно молился, а позади него стояли жена короля Маргарита Прованская, братья короля — Альфонс, герцог де Пуатье с женой Жанной Тулузской, Пьер, граф Алансона и Перше, с женой Жанной де Шатиньон, сыновья короля — Филипп с женой Изабеллой Арагонской, Жан-Тристан с женой Иоландой Бургундской и жена брата короля Карла Анжуйского Маргарита Бургундская — младшая сестра Иоланды. Дальше стояли канцлер Филипп де Коор, мэтр королевского двора граф де Лонгвиль, казначей — первый камергер двора, сын простого парижского буржуа, добившийся таких неслыханных успехов, — Жан Саразен, Пьер де Вильбеон — хранитель королевских секретов по прозвищу «Пьер-камергер», Альфонс де Бриенн, граф д'О — королевский кравчий и сын короля Иерусалимского Жана де Бриенна, командующий королевскими войсками коннетабль Жиль Ле Брен, маршал Жофруа де Ла Шанель, который был назначен на эту пожизненную должность после того, как король Людовик отстранил от этой должности Андре де Лавалья, служившего маршалом еще Людовику VIII — отцу нынешнего короля. Свое отстранение де Лаваль посчитал оскорблением и ушел служить к единственному независимому суверену — герцогу Бретонскому. Стояли второй (на случай войны) маршал Жан де Сауси и пикерийский рыцарь Флоран де Варенн, назначенный адмиралом королевского флота, состоящего из купленных у генуэзцев кораблей. Ближе к алтарю, повернувшись лицом к королю и свите, стояли рыцари Жервэ д'Эскренн с банньерой — знаменем короля в руках и Ланселот де Сен-Марк с орифламмой — знаменем французского королевства. Дальше всех в свите стояли ка-

мергеры: Пьер де Лан — кассир королевского дома и его зять Пьер де Шамбли, по прозвищу Урод, спасший короля во время покушения в 1248 году, Жан Бургинье — постельничий короля, без которого король не ложился спать и который не только грел своим телом постель короля, но и в холодные ночи разделял с ним королевское ложе, Пьер де Маше — начальник охраны короля и другие камергеры, а в самом конце, за свитой, стояли, гордые что именно их пригласили, герцоги и графы, среди которых выделялся своим ростом и толщиной граф Жан д'Арк — большой знаток и любитель вина, ему прочили в будущем должность королевского кравчего — оставалось только дожидаться, чтобы граф д'О умер.

Лица одних были грустны, оттого что идут с королем в новый крестовый поход, другие светились радостью, что остаются в Париже. Всего было человек тридцать, все по такому торжественному случаю в праздничных одеждах, а рыцари-знаменосцы — в длинных кольчугах, шлемах и с мечами; у многих на кожаных, с множеством чеканенных серебряных блях поясах висели короткие мечи или ножи с прекрасными наборными ручками, и у всех были поверх одежды накинута белые накидки с большими крестами на груди и спине.

Отсутствовал брат короля Карл Анжуйский, король Сицилии и король Неаполя, граф Анжу и Мэна, граф Прованса и Форкалье, самый влиятельный после короля Людовика человек Франции — он в Италии готовил к походу свою армию.

Службу вел не епископ Парижский, а папский легат епископ Рудольф из Альбено, которого папа направил в новый крестовый поход как представителя церкви.

Королевская семья слушала молитвы, а графы и герцоги тихо-тихо, совсем шепотом, обсуждали красоту собора, разбирая рисунки на пятнадцати окнах, повествующие историю человечества — от Сотворения мира до казни Иисуса Христа, от Бытия в первом окне и Исхода во втором до Книги Царств в четырнадцатом и истории Страстей Христовых в последнем. Потом они перешли с осмотра красо-

ты церкви на осмотр красоты присутствующих женщин и каждый раз заканчивали словами: «Ведьма. Но до чего же хороша!» И звук этого, казалось бы, тихого шепота, поднимаясь вверх, гулким эхом бился о своды церкви, отражался от витражей, превращаясь в неровное и звенящее: «Ведьма». Громко вздыхал граф Жан д'Арк, и его вздохи были больше похожи на икоту. На него шикали, он ненадолго замолкал, но потом вновь вздыхал, и так громко, что кто-то вздрагивал, а стоявший рядом Роберт Бетюнский, сын Ги де Дампьера, графа Фландрии, как ни старался сдерживаться, тихо смеялся, вызывая такой же предательский смех среди других дворян.

Роберт, прислушиваясь к разговорам, не выдержал и спросил у отца:

— Кого они называют ведьмой?

— Ты не знаешь? — удивился де Дампьер. — Они говорят о жене принца Жана-Тристана Иоланде Бургундской. Вон она, — де Дампьер глазами показал в сторону детей короля. Рядом с сыном короля Жаном-Тристаном стояла молодая женщина — ни зеленое платье, ни накинутый красный плащ не могли скрыть ее утонченной фигуры. Она была среднего роста, как раз такой, какие нравятся мужчинам, из-под платка серебристого цвета и круглой шапочки выпала прядь волнистых русых волос. Когда она обернулась на шепот, многие, особенно те, кто увидел ее впервые, оторопели от цвета ее глаз — это были большие, необыкновенного бирюзового цвета глаза, а в полумраке церкви, в свете витражей, они казались светящимися драгоценными камнями. И матовая кожа лица, ямочки на щеках, черные ресницы и тонкие черные брови только подчеркивали их красоту. Это была Иоланда Бургундская, графиня Невера, Тоннера и Осера, одна из самых богатых и родовитых женщин Франции. Она была помолвлена с сыном короля Жаном-Тристаном еще десятилетней девочкой, о чем договорились ее отец граф Эд Бургундский и королева-мать Бланка Кастильская, а в семнадцать лет стала его женой. После смерти отца — Эд Бургундский пал смертью храбrego в Иерусалимском государстве в битве под Акрой — по

завещанию Иоланда получила все земли, а ее двум несовершеннолетним сестрам Маргарите и Алисе достались только графские титулы Тоннер и Осер, без земли. И уже четыре года между сестрами шла смертельная борьба. Младшие кричали, что несправедливо, когда одна сестра, пусть даже и старшая, — трижды графиня, а они остались безземельными сиротками. Больше всех кричала Маргарита, два года назад ставшая женой вдового Карла Анжуйского — родного брата короля. И если король Людовик раньше отмахивался от писем и призывов Маргариты и Алисы к справедливости, то сейчас, накануне похода, находился в щекотливом положении: чью сторону занять в споре — сына или брата. Поди разберись, кто ближе и родней...

Маргарита стояла рядом со своей сестрой Иоландой, но показательно отвернувшись от нее. Дворянам надоело стоять и слушать скучные молитвы, они начали сравнивать Маргариту с Иоландой, удивлялись тому, как сестры не похожи, и считали, что Бог Маргариту обидел, отдав всю красоту старшей сестре. А некоторые, зная, что Маргарита обладает твердым и настойчивым характером, посмеивались — как бы она с помощью муженька не забрала у Иоланды не только Тоннер, но в придачу и Осер, ничего не отдав самой младшей сестре, Алисе, которая только что вышла замуж за Жана де Шалона, графа де Рошфора. Они были недалеки от истины: Маргарита была моложе Карла Анжуйского на двадцать три года и брала не красотой, а молодостью, и тот после ночи любовных утех готов был сделать все, что она пожелает. И первое, что она сделала, — переехала в великолепный замок Карла в Анже. Она знала, что за нежеланием отдать земли стоит Жан-Тристан, что именно он, а не Иоланда, был против передачи Тоннера и Осера. Король Людовик, чтобы как-то повлиять на сына, выделил ему земли Валуа (апанаж), и тот стал графом Валуа, но все равно упрямо не хотел отказываться и от всех титулов жены. Король тайно от своего сына и невестки пообещал брату, что поможет, но только после похода, и Карл поклялся на кресте, что примет участие в новом походе, но заявил:

— Встретимся на Сардинии в Кальери и там решим, куда дальше поплывем.

— Как? — удивился Людовик. — Какая Сардиния? Как решим? Договорились же, что встречаемся на Крите и дальше плывем в Антиохию. Ты что, забыл, что султан Бейбарс захватил два года назад нашу христианскую Антиохию? Сто семьдесят лет этот город был главной преградой против нашествия войск султана на священную землю, и если мы не вернем Антиохию, Бейбарс выкинет христиан со всех оставшихся земель на Востоке.

— Давай встретимся в Кальери и там поговорим, — упорствовал Карл. — И помни, что ты мне пообещал земли моей жены.

— Ты же знаешь, что я-то не против, но Жан-Тристан...

— Что Жан-Тристан? Все знают, что он твой любимый сын и благодаря твоей милости отныне еще и граф Валуа, но он же не наследник. Филипп — вот будущий король. Кстати, у Филиппа у единственного есть дети, — братец уколол короля в самое больное место.

— Я знаю, но все бывает в жизни...

— Бывает только то, что мы, короли захотим. Так что с Тоннером?

Людовику ничего не оставалось, как согласиться.

Второй брат короля Людовика, Альфонс де Пуатье, сразу согласился участвовать в походе. Он любил воевать, участвовал в предыдущем крестовом походе и вместе с королем находился в плену у сарацин. Альфонс в отличие от братьев решил взять в этот поход и свою жену Жанну и на вопрос: «Зачем?» — ответил просто:

— Там будет скучно, а она умная, умеет читать и развлечет меня.

Брат короля Пьер, граф Алансона, идти в поход согласился, но без жены.

Карл Анжуйский тоже захотел взять с собой молодую жену, но Маргарита открыто рассмеялась:

— А не слишком ли много там будет свободных мужчин? Как бы при виде меня они не начали воевать уже друг с другом. Это пусть Тристан возьмет свою потаскуху.

— Иоланда же твоя сестра!

— Ну и что? Шлюха — она везде шлюха. Может, сам хочешь попользоваться?

— Как ты можешь?! Я тебя люблю и хочу одного — роди мне сына.

А вот с детьми у всех сестер были проблемы. И у Жана-Тристана с Иоландой, и у Алисы с графом Рошфором не было детей. При королевском дворе шептались, что семейка Бургундских бесплодна по женской линии.

Полной противоположностью своей жене Иоланде был Жан-Тристан. Маленького роста, щуплый, черноволосый и длинноносый, с неровной кожей лица и злым взглядом, он никак не соответствовал своему второму имени, данному в честь Тристана — белокурого длинноволосого красавца из рыцарского романа. Многие при дворе посмеивались: в кого этот некрасивый принц — короля-то рядом с Маргаритой Прованской не было, одни рыцари охраны... Хотя, присмотревшись, можно было безошибочно сказать, что он из рода Капетингов.

Жан-Тристан и Иоланда были женаты уже четыре года, а детей не было, и королева-мать Маргарита Прованская даже подумывала развести их и найти сыну новую жену, которая могла бы родить наследника. Король же был спокоен — у него было достаточно детей, чтобы один из них когда-нибудь стал королем. Людовик напомнил жене, что для их брака потребовалось особое разрешение папы Григория IX, так как Маргарита была очень близкой родственницей королю, и найти новую жену для сына среди царствующих семей Европы будет так же трудно — все были близкими родственниками.

Король разослал по всей Франции к герцогам и графам письма с просьбой направить в его армию рыцарей, лучников и арбалетчиков. Он обратился с призывом о совместном походе и к королю Англии Генриху III. Тот согласился, и его сыновья Эдуард и Эдмунд стали готовиться к походу, но тут возмутились дворяне Англии — помогать Франции, помогать врагу! Английский король под благовидным предлогом — насморк — отказался участвовать в походе,

но пообещал на период похода не воевать с Францией... на ее территории и разрешил пользоваться английскими портами опять же на территории Франции, так почти все они находились под английской короной. У французского короля был всего один маленький порт на Средиземном море — Эг-Морте. Да что там — сама Франция представляла сплошную чересполосицу: одни земли принадлежала королю, другие — независимым от короля герцогам, которые были богаче и могущественнее короля, третьи — англичанам. И какая это была французская земля, если в низинах Луары, в аббатстве Фонтевро, еще не успели истлеть кости похороненных там английских королей Генриха II и Ричарда Львиное Сердце с их женами! На обращение короля откликнулись далеко не все герцоги и графы французских земель. Вспоминали двадцатилетней давности разгром армии Людовика в песках Египта. «Этот сумасшедший святой заведет нас в ад!» — говорили, крестясь, и старались найти любой повод, только чтобы не участвовать в походе. А уж если кого и посылали в армию короля, то только самых отъявленных злодеев и головорезов, которым было все равно, где и за кого воевать, лишь бы хорошо платили. Но самое главное — все расходы на поход королю пришлось взять на себя. Впервые за почти двести лет крестовых походов!

II

Герцог д'Арктур Норманский при всей кажущейся независимости считал французского короля своим господином, понимая, что прошли те времена, когда Нормандия могла диктовать условия французским королям. Без помощи французского короля его земли опять могли бы стать английскими. Что уж далеко ходить за примерами: Бретань, Аквитания и сама Нормандия каких-то семьдесят лет назад принадлежали английскому королю Ричарду по прозвищу Львиное Сердце.

Герцог посылал своих рыцарей и в предыдущий крестовый поход, где те дрались в отряде Роберта д'Артуа — брата короля Людовика. Командовал нормандцами барон де

Кантелу, желавший за заслуги перед королем стать виконтом, а свой титул передать сыну — молодому юноше, что пожелал участвовать в крестовом походе вместе с отцом. Барону чудесным образом повезло: в битве при Мансуре пущенная со стен осажденной крепости стрела попала в шею лошади барона. Та, захрипев, вздыбилась, и он упал на землю перед самыми воротами. Пока оруженосец оттащивал барона, сломавшего при падении руку, от хрипящего и бьющегося в предсмертных муках коня, за ворвавшимся в крепость Робертом д'Артуа и его рыцарями мамлюки закрыли ворота и с невероятной жестокостью перебили всех, а самого Роберта д'Артуа изрубили на куски. Среди погибших был и единственный сын барона де Кантелу. Де Кантелу попал в плен, был выкуплен вместе с королем и вернулся домой в Нормандию, израненный, постаревший и поседевший. К тому времени старый герцог д'Арктур Нормандский умер, и барон продолжил служить у его сына Жана, не понимая, зачем и для чего он служит...

Рыцарей, пожелавших идти в новый крестовый поход, по всей Нормандии набралось всего-то три десятка, и они сразу стали возмущаться и заявлять, что не собираются трястись на своих лошадях через всю страну до какого-то неизвестного порта Эг-Морте на берегу Средиземного моря, и герцогу — как ему этого не хотелось! — пришлось взять на себя дополнительные расходы и нанимать для них большой торговый корабль, способный плыть по морям и в который поместились бы рыцари, их оруженосцы, слуги и лошади. Среди рыцарей был и Симон д'Аниш, пятидесятипятилетний, злобный, всем и всеми недовольный седоволосый комендант крепости Шербур. Д'Аниша, не желавшего идти в новый крестовый поход, отправил сам герцог Нормандский.

— Как он мне надоел! — сказал герцог барону де Кантелу. — Может, его на этот раз наконец-то убьют! Это надо же, две стрелы — и живой! И понятно же, что вторую стрелу он получил от младшего брата погибшего Солея. И из прошлого похода вернулся живой, а твой сын погиб, и почти все мои рыцари тогда, при Мансуре, погибли. Закол-

дованный он, что ли?! Барон, прошу тебя, пошли его под стрелы сарацин. Ну пусть его убьют!

— Ваша светлость, я до конца своих дней не прошу себе, что остался жив! Лучше бы меня разрубили на куски, чем... — на глазах барона выступили слезы. — Нет, мне этот трус не нужен. Он же в прошлом походе все время скрывался за спиной своего оруженосца, а когда того убили, получил небольшую рану на руке и уже не участвовал в сражениях. И это рыцарь?! Это позор! Может, и рана та была не от мамлюков? Сам себя поранил?

— Вот потому и возьми, чтобы мамлюки его на твоих глазах убили.

— Ваша светлость, куда мы поплывем?

— Не знаю, но, наверное, в Антиохию. Необходимо ее отбить у Бейбарса. Антиохия — это ворота на Восток. Да что мне тебе об этом рассказывать — ты же воевал с моим отцом в Антиохии.

— Я помню те славные времена. Ваш покойный отец был молод, а я — совсем мальчишкой. Ох, как же мы там дрались! Но как могли взять эту крепость — она же неприступная?

— Вот тебе, барон, и неприступная. Как ее захватили, никто толком сказать не может. Де Кантелу, ты мне не просто друг, ты мне вместо отца, и прошу тебя, останься живым.

— Зачем? Я этого не хочу.

Барону де Кантелу шел восьмой десяток, он был вдов, единственный сын погиб в крестовом походе, и у барона временами наступали приступы умопомешательства, как только он слышал слова сарацин и мавр. Он, узнав о новом походе, на коленях умолял герцога послать его с отрядом рыцарей, не зная, что это его решение обрадовало герцога — д'Артуру очень не хотелось, чтобы отрядом командовал его единственный сын; остаться на старости лет, как де Кантелу, без наследника, герцог Нормандский очень боялся.

Рыцари, узнав, что поплывут на корабле, успокоились, а герцог отправил в Париж де Кантелу с сообщением коро-

лю, что считает за честь принять участие в новом крестовом походе и посылает своих лучших рыцарей на корабле, как и договаривались, в порт Эг-Морте. Герцог знал, кого посылать: Людовик возмутился, что герцог посылает столь малочисленный отряд, но когда прочитал письмо герцога до конца и понял, что ему не надо нанимать еще один корабль, обрадовался. Обрадовался король и появлению барона де Кантелу — он помнил по предыдущему походу его отчаянную храбрость и гибель сына. Король обнял барона и участливо спросил:

— Мой старинный друг, что я могу для тебя сделать? Я не могу вернуть тебе единственного сына, но, может быть, у тебя есть какие-то личные просьбы? Я с удовольствием их выполню.

— Ваше величество, мне уже ничего не надо в этой жизни, но у меня есть одна... даже две просьбы, которые могут вам показаться странными.

— Говори, говори, мой друг.

— Я бы хотел, чтобы вы, ваше величество, если я останусь жив, даровали мне титул виконта. Без права наследования.

— Ах, де Кантелу, как мне сейчас стыдно. Ты мне напомнил, что титул виконта я обещал еще тогда, двадцать лет назад, и с правом наследования. А теперь ты опять просишь этот титул. Зачем?

— В память о погибшем сыне.

— Прости, мой друг. Я все сделаю. Что-то еще?

— Я хочу, чтобы вы дали мне право передать мой баронский титул любому другому человеку.

— Как это — любому?

— Любому, кто совершит подвиг во имя вас, ваше величество.

— О-о-о! Прекрасно! Восхитительно! Ах, де Кантелу, ах, мой благородный друг, я такие титулярные грамоты пачками бы подписывал каждый день. Это же мне ничего бы не стоило, — король внимательно посмотрел на барона. — Мне кажется, ты чего-то не договариваешь, мой друг. В чем тут подвох? Говори, не бойся.

— Ваше величество, я давно уже ничего не боюсь. И нет никакого подвоха. У вашего брата Роберта д'Артуа, жестоко убитого вместе с моим сыном, там, в Мансуре, остался сын, а у меня больше никого нет. Мне приснилось, что я в этом походе вновь увижу своего сына.

Король внимательно посмотрел на де Кантелу и вспомнил, что ему рассказывали о чудачествах старого барона.

— Я помню и, кажется, понял... — протянул Людовик. — Хорошо, пусть будет так, как ты просишь. Кстати, сын моего брата Роберта, тоже Роберт, идет в этот поход. Передай герцогу, что корабль должен приплыть не в Эг-Морте, а на Сардинию в порт Кальери. Я жду тебя там, де Кантелу. Я очень жду! Подожди, не уезжай — отвезешь письмо герцогу.

Когда барон вышел, король покачал от удивления головой: даровать титул виконта, который бы не передавался по наследству, ни к чему Людовика не обязывал — в этом случае к титулу не прилагались ни земля, ни крестьяне. Пустая, временная бумага. А возможность передачи баронского титула — так это старческая блажь! Да и за подвиг во имя его, короля Людовика!

Но король на то и король, и в письме герцогу Нормандскому Людовик сообщил и об удивительных просьбах барона де Кантелу.

Герцогу самому давно надоел старый барон. Он, прочитав письмо короля, рассмеялся и... вызвав д'Аниша, весело сказал:

— Д'Аниш, я давно знаю, что ты трус, и сам удивляюсь, почему я все еще держу тебя комендантом Шербура. Я ведь обещал де Кантелу еще двадцать пять лет назад, когда еще отец был жив, выгнать тебя, да ты в поход в Египет с королем все-таки пошел, чем меня порадовал. Говорят, ты в новом походе участвовать не хочешь? Не скрою — я хочу, чтобы ты пошел, и не просто пошел, но чтобы ты там погиб. До того ты мне надоел! — лицо д'Аниша перекошилось от страха. — Но это было до сегодняшнего дня. Ты невероятный везунчик, д'Аниш. Ты должен был умереть уже не раз, но жив, а теперь я предлагаю тебе остаться живым и стать бароном.

— Как, ваша светлость? Каким бароном?

— Совершив подвиг во имя короля, и чтобы это видел барон де Кантелу, а лучше сам король. И если за этот подвиг де Кантелу не предложит тебе стать его наследником и не передаст свой баронский титул, то я попрошу, чтобы этим наследником тебя сделал король. Правда, для этого, — герцог перешел на шепот, — барон де Кантелу должен вовремя умереть. Ты меня понял?

— Да, ваша светлость, я все понял, — почему-то так же шепотом ответил д'Аниш. — Только зачем я должен идти в поход?

— Для подвига и потому что отрядом моих рыцарей, как и в прошлый раз, будет командовать де Кантелу.

— Так он же совсем старик!

— Тебе же легче будет. Я понятно сказал?

— Понятно, — пролепетал д'Аниш.

— Иди, собирайся.

Когда д'Аниш вышел, герцог громко захохотал:

— Ничего ты не понял. Лучше, если бы вы оба не вернулись!

А д'Аниш шел и думал: «Чем черт не шутит, может, и стоит пойти. Де Кантелу-то одной ногой уже в могиле, перед смертью все равно захочет передать свой титул, а кто будет рядом? Я! И не надо никакого подвига».

Но больше всех был доволен герцог д'Арктур. Королю, своему сеньору, помог, сына от крестового похода сберег, надоевших ему людей отправил на смерть. Ах, если бы только не расходы на корабль!.. Впрочем, расходы на дорогу через всю Францию до Эг-Морте, единственного порта, принадлежащего французскому королю на Средиземном море, привели бы к еще большим тратам. Герцог деньги считать умел.

III

Принц Жан-Тристан пробежался по комнате, остановился напротив жены и выкрикнул:

— Почему ты не хочешь, как это сделала когда-то моя мать и как сейчас сделали другие жены, плыть со мной в поход?

— Мой дорогой муж, я не обладаю и толикой достоинств, присущих твоей матери, и ты, видимо, забыл, что произошло с ней, когда после поражения твоего отца Людовика при Эль-Мансуре все бросили ее. Какой тогда приказ она отдала своим телохранителям? Неужели ты думаешь, что я смогу отдать такой приказ?

— Как ты можешь так говорить о короле и королеве? Да разве можно идти в битву, думая, что проиграешь?

— А разве я должна идти на какую-то битву? Я женщина и жена, моя обязанность — любить своего мужа... и своих детей. И если уж честно, то мне претит вся эта затея твоего отца с новым крестовым походом. Неужели во Франции все настолько хорошо и она процветающая страна? Да у нас почти все побережье страны принадлежит англичанам! Может быть, стоит отвоевать эти земли? У нас во Франции столько нищих, что приходится наглухо закрывать окна кареты, чтобы только не видеть толпы этих оборванных людей, просящих подаяние, и не слышать запах их грязных и невымытых тел. В Париже можно задохнуться от их вони!

— Замолчи ! Ты говоришь слова, не подобающие жене принца! Там, за морем, чуждый нам народ захватывает наши земли и наши христианские святыни. И если мы не сохраним эти земли и эти святыни, то они со своим Аллахом придут сюда, в Европу, во Францию, и всех нас уничтожат!

— Да? А не ты ли говорил, что против сарацин появилась неведомая сила — сельджуки, что между ними вот-вот разразится война и нам останется только наблюдать, кто кого победит, а лучше, чтобы они друг друга перебили в смертельных битвах? Не ты?

— У тебя хорошая память, Иоланда. Но я это сказал сгоряча и не совсем трезвый и уже забыл об этом, а ты зачем-то вспомнила. Султан Бейбарс захватил Антиохию, и ему открыта дорога на Иерусалим. А этот неизвестный народ, о котором ты вспомнила, стоит перед воротами Константи-

нополя. Падет Константинополь — падет Византия, остаток великого Рима!

— У меня заболела голова. Ты хочешь быть святее своего отца! Плыви с ним куда хочешь, а лучше, если он прихватит, как в прошлый раз, свою жену. Только отставьте меня в покое! Я уезжаю в Невер и там буду тебя ждать.

— Ты не пойдешь меня провожать?

— Нет.

— Подлая сучка! Я знаю, мне многие говорили, что ты неверна мне.

— Я всегда была честна перед Богом и перед тобой, и ты лучше всех знаешь, почему у нас нет детей, но для тебя слова твоей матери значат больше, чем слова любви, сказанные твоей женой. Прощай.

— Как прощай? Ты не забыла, что король сегодня вечером дает праздничный обед в честь нового крестового похода?

— Я не останусь. Мне на этих обедах становится дурно. Там нечем дышать. И не праздник это — поминки!

— Что ты сказала? Поминки? И очень хорошо, что тебя там не будет. Прекрасно повеселимся, не видя твоей кислой рожи. Уезжай — не держу, скатертью дорога! Но запомни: если я узнаю, что ты меня не дождалась и была мне неверна, ты в своем Невере и останешься. В лучшем случае. Потому что все остальные земли отойдут твоим сестрам. Так договорились король Людовик и Карл Анжуйский. Что ты так удивленно смотришь? Ты не знала? Неужели ты думаешь, что дядя Карл согласился плыть в этот поход просто так, не получив ничего взамен? Твоя сестрица Маргарита уж постаралась. Говорят, что она хоть и страшна на лицо, но необыкновенно хороша в постели и Карл прямо воеет, счастливый, от ее ласк. Не то что ты, всегда холодная как лед!

— Да, не я, — грустно ответила Иоланда. — Я же не виконт д'Эрбе! — и из ее глаз цвета летнего моря побежали слезы. Она выбежала из комнаты, и сквозь рыдания слышалось: — Не я, не я. Где она, любовь? Нет ее! И никогда не будет!

А Жан-Тристан вдруг рассмеялся и произнес:

— И о д'Эрбе уже знает? Не слишком ли много знает? Сказал кто или догадалась? Ведьма!

Вечером король Людовик в своем дворце давал торжественный прощальный обед. В самом большом зале накрытые столы ломились от яств, тысячи свечей и горящие камины создавали такую духоту, что женщинам становилось душно. Лакеев меняли каждый час — они падали от усталости. Некоторые из рыцарей, одетые в плотные одежды и оттого заливающиеся потом, порывались открыть окна, но их останавливали: не открывать — таков был приказ короля. Людовик был силен духом, но не телом. Любой сквозняк мог привести к страданиям: сильной горячке и кашлю, который разрывал его грудь. Зная его здоровье, многие удивлялись, зачем он надумал идти в многотрудный поход в земли мусульман, когда ему надо бы думать о будущей жизни в раю. В том, что король попадет в рай, и не просто попадет, но и станет одним из святых, никто не сомневался.

Все старались перекричать друг друга и произнести тосты во славу великого короля, отчего стоял невероятный шум и можно было услышались только отдельные слова, и то соседа.

— Мы доплывем до Антиохии и спасем христианский мир! — крикнул коннетабль Жиль Ле Брен. И все радостно и воинственно поддержали его криками:

— Спасем! Защитим христиан! Смерть сарацинам! Да здравствует великий король Людовик!..

И над сводами понеслось многоголосо:

— Людовик... Людовик... Людовик... Святой!

Людовик с рождения был слабым, болезненным ребенком, а после плена, когда, пусть и непродолжительное время, ему пришлось сидеть в темной сырой темнице, стал совсем больным. Отсюда и боязнь сквозняков. Но когда женщин стали выносить из зала, он все-таки разрешил открыть окна. Волна свежего воздуха ворвалась в зал, задула многие свечи и подняла спертый воздух к потолку. Все весело зашевелились, раздались смех и шутки, и вновь закричали здравицы королю.

Король посмотрел на сына — Жана-Тристана.

— Где твоя Иоланда? Я что-то ее не видел после торжественной мессы в часовне Сент-Шапель. И я даже заметил, что она плохо читала молитвы. Что с ней? Она не больна? Она бы очень украсила сегодняшнее торжество. А может...

— Нет, она не беременна, — зло ответил Жан-Тристан. — Она уехала в Невер.

— Как уехала? Ты ее отпустил? Почему?

— Я ее не отпускал, но и не удерживал. Она мне надоела.

— Если надоела — поменяй, — вмешалась в разговор сидевшая рядом с королем его жена Маргарита Прованская. — Я тебе сколько раз говорила: коли столько лет нет детей, меняй жену, а ты все тянешь.

— Да я уже решил. Вернемся — и разведусь.

— Вот и хорошо, я за это время подберу тебе другую жену.

— Маргарита, о чем ты говоришь? Если он разведется, все три графства останутся за Иоландой и она опять станет самой богатой невестой, — произнес Людовик.

— Так это все зависит от тебя, — сказала Маргарита. — Ты же не разрешаешь отдать Тоннер и Осер ее сестрам.

— А по-твоему, я должен их забрать у Жана-Тристана?

— Тише, Людовик. И так все уже к нам прислушиваются, — понизив голос, сказала Маргарита.

— Хорошо, давайте всё сделаем после похода. Я и с Карлом об этом же договорился.

— А-а, с братом, значит, ты уже договорился, — прошептала Маргарита. — Ну подожди, пока тебя не будет, я сама во всем разберусь.

— Да тише вы, — прошептал Жан-Тристан и поднялся из-за стола.

— Жан-Тристан, ты куда? — спросил король.

— Пойду к своим друзьям. Вы со своей вечной грызней мне надоели, — и, не прощаясь, Жан-Тристан пошел к другому столу, где веселились молодые рыцари.

— Надоели? — произнес король. — Как же, знаем мы, что это за друзья вроде виконта д'Эрбе.

— Что за виконт? — спросила мужа Маргарита.

— А ты как будто не знаешь?

— Нет.

— Он его друг...

— Друг? В каком смысле?

— Маргарита, не задавай глупых вопросов...

— Но... от такой любви детей не бывает...

— Да разве без любви бывают дети? Возьми нас... я по сей день трепещу от прикосновения к тебе.

— Ты не ошибся, любимый муж? Ты трясешься от холода не из-за того, что меня нет, а если тебе не согреет постель твой любимый Жан Бургинье. Что-то часто ты стал засыпать в его объятиях. Ты не забыл взять его с собой?

— Маргарита, как ты можешь такое говорить? У нас же уже внуки.

— Дети и внуки не мешают мужчине и женщине спать вдвоем.

— Хороши проводы! — громко сказал король. Сидевшие рядом братья повернулись на его голос.

— Да тише ты, — прошептала Маргарита.

«Ах ты, старая карга!» — хотел сказать король, но вовремя спохватился и ласково произнес:

— Любовь моя, зачем нам ссориться по каким-то пустякам в столь прекрасный день.

— Ты прав, — ответила миролюбиво королева Маргарита Прованская.

Маргарите было уже сорок девять лет, она родила Людовику одиннадцать детей и выглядела старухой, хотя и не верила в это. Людовик был старше ее на семь лет, и, посмотрев на него, любой бы сказал: и в чем душа держится?

IV

Из Руана корабль отплывал торжественно. Проводить рыцарей приехал сам герцог Нормандский д'Арктур — его двадцатилетний сын казался больным и не присутствовал. Епископ Руана приехал вместе с герцогом и всех благословлял в поход против угрозы с далекого, неизвестного

Востока; при этом называл мусульман варварами, восточными зверями, крысами, нападающими на христианский Иерусалим. Он бы продолжал говорить и устрашать, но толпа провожающих перестала его слушать и бросилась обнимать своих, уплывающих в эти неведомые земли мужей, детей и любимых. Герцог искренне всплакнул и еще раз попросил барона де Кантелу вернуться живым. При погрузке на корабль началась такая давка, что несколько лошадей вместе с всадниками упали в воду. Получившие увечья рыцари горько плакали, что больше не смогут участвовать в крестовом походе, не прославятся и не станут богатыми, а уплывающие весело кричали с корабля обидные слова и потешались над ними. Де Кантелу испугался, что от его отряда ничего не останется, и, не боясь быть задавленным лошадьми, сам встал у схода. Плеткой и ругательствами он заставил всадников слезь с лошадей, слуги и оруженосцы взяли бедных животных под уздцы и провели на корабль. Когда последнего коня завели в трюм, на судне подняли флаг с гербом герцога Нормандии — двумя львами на красном фоне и оно, покачиваясь, поплыло по Сене к морю. На берегу все радостно закричали, герцог и епископ заплакали, и еще долго был виден, как огонек, удаляющийся флаг.

— Ну и слава Господу, — громко вздохнул герцог.

— В ваших словах, герцог, я не слышу радости. — сказал епископ.

— Ну что вы, я очень рад, ваше преосвященство, — ответил герцог и прошептал: — Что моего сына нет на этом корабле.

На Ла-Манше дул небольшой попутный ветер, судно чуть-чуть покачивалось, и обрадовавшиеся, что наконец-то они плывут, рыцари приказали слугам накрыть на палубе столы и принялись праздновать начало похода. Капитан ругался, но никто не обращал на него внимания. Де Кантелу же махнул рукой: хоть в море отдохнет, пусть командует капитан судна. Поэтому пировавшим не мешал, но сам не пил: стар был, раны болели, да и с кем — с д'Анишем? Барон ушел в каюту.

Судно, на котором плыли рыцари, было необычным. Это был неф, в котором сочетались все лучшие качества кораблестроения того времени. Корабль был построен не в Генуе или Венеции, где строились все корабли, а в Дании; у него были обтекаемые высокие борта, закрытый от волн и дождя трюм и не рулевое весло по правому борту, а редкий для того времени руль с пером и румпелем. При своих небольших размерах он имел две мачты, что позволяло развивать очень большую скорость. В корме имелась каюта капитана, а с каждого борта, по требованию герцога Нормандии, было пристроено по каюте, которые нависали над водой, и в них было страшно, но лучше, чем в трюме или на палубе. И что было самым удивительным, в носу корабля, где была расположена площадка-галльюн для переднего рангоута фок-мачты, находились отхожие места, по одному с каждого борта, что позволяло в спокойные дни не пользоваться парашами и горшками. Даже паруса были необычными — их ткань состояла наполовину из льна, наполовину из конопля, что делало парусину очень прочной. Весь стоячий такелаж рангоута, что удерживал мачты в определенном положении, был из толстого тростникового каната. Все деревянные детали были сделаны из северной сосны. Это был один из лучших кораблей, что плавали от Дании по Северному морю, вдоль берегов Франции и Испании, в Средиземное море. Судно принадлежал француз Шарлю, он же был его капитаном. Шарль из-за болезни остался без груза и согласился за хорошие деньги, которые ему не только пообещал, но и частично выплатил герцог Нормандский, доставить отряд рыцарей из Руана в Средиземное море. Вначале ему сказали, что плыть надо до порта Эг-Морте, потом до Сардинии, а уже там скажут, куда дальше. Капитану Шарлю это не нравилось, но деньги были получены и приходилось подчиняться.

Всего, не считая команды, на корабль поднялось около ста человек. Каюты заняли барон де Кантелу и Симон д'Аниш. В трюме расположились рыцари с лошадьми и оруженосцами, а слуги спали вместе с босоногими матросами на палубе.

Корабль плыл, паруса были наполнены морским ветром, светило солнце, было прохладно от воды, и все были счастливы. Рыцари радовались и много пили, и их потом, пьяных, слуги уносили в трюм и укладывали на сено, под ноги лошадям. Те ржали и облизывали пахнущие вином лица, а слуги смеялись, думая, что лошади так узнают своих хозяев, и всё удивлялись крысам во множестве выползавшим из щелей и, никого не боясь, выбегавшим по трапам на палубу. Так, с вином и жареным на палубе мясом, приятно проходили дни плавания. Корабль прошел рядом с полуостровом Котантен, и барон де Кантелу и д'Аниш бросились к левому борту, стараясь разглядеть в морской дымке башни крепости Шербур; проплыл между Нормандскими островами, принадлежащими Англии, и дальше поплыл вдоль берегов Бретани. Рыцари пили, ели и спали, а слуги, когда те храпели под ногами своих коней, допивали вино и доедали жареное мясо и окорока и тоже были счастливы. Попутный ветер наполнял паруса! Когда корабль обогнул мыс Корсан, капитан Шарль попросил барона де Кантелу отправить всех рыцарей в трюм. Те, разглядывая солнечные блики на спокойном море, стали бурно выражать свое неудовольствие:

— Почему мы должны уходить... Плевать мы хотели на капитана... Пусть он нами не командует. Мы подчиняемся только королю!..

На что капитан ответил:

— Черт с вами! Оставайтесь, только предупреждаю: впереди море Ируаз — самое опасное море Европы. В нем утонуло кораблей больше, чем во всех морях мира! — Крестonosцы, ругаясь, бросились по трапам в трюм.

— Задрайте люки, — тихо приказал матросам капитан. Де Кантелу услышал и удивленно спросил:

— Капитан, что ты делаешь? Если что-то случится, никто же не сможет выйти из трюма?

— Не накликайте беду, барон! — рявкнул капитан и перекрестился. — Лучше идите в свою каюту и молитесь, чтобы мы проскочили это проклятое море. Господи, помогите нам!

Де Кантелу хотел в ответ наорать на капитана, но взглянув ему в глаза, что-то буркнул и ушел в свою каюту.

Море Ируаз, как и обещал капитан Шарль, встретило корабль штормом, но опытный капитан ловко провел корабль между островами Сен и Уэссан и перед глазами открылся огромный Бискайский залив, до горизонта покрытый барашками белой пены. Капитан повернул корабль на юг к далекому, невидимому Пиренейскому полуострову, и какое-то время ему удавалось так плыть, но все более усиливающийся ветер стал сносить корабль к берегу Франции. Капитан гонял матросов по вантам, орал на кормчего, но не мог повернуть корабль в море. Он попробовал спрятаться от ветра за островом Бель-Иль, но судно чуть не перевернуло волнами. А за мысом Сен-Назер, только чудо спасло корабль от удара о выступающие из моря камни. Ветер перешел в шторм и нес судно с огромной скоростью вдоль берега. Так прошли день и ночь, паруса рвались и управлять кораблем становилось все трудней. Несколько матросов ночью смыло с палубы в море. Но оставшиеся понимали: если они прекратят бороться за свою жизнь, то корабль повернет бортом к волнам и тогда никто не успеет даже перекреститься... В темноте трюма людей швыряло на переборки и калечило, привязанные лошади рвали губы и ломали ноги, рыцари плакали и молились, вспоминали родных, врагов и друзей, просили прощения у оставшихся в Нормандии жен и детей, кляли себя, что поплыли в этот поход, выхватив мечи, рвались по трапам на палубу, но люки были наглухо закрыты. И все понимали — пришла ужасная, дикая, страшная смерть!

Так проходил час за часом, когда вдали, в свете раннего утра второго дня, прямо по курсу возникла полоска земли, которая быстро приближалась и капитан, показав на нее рукой, крикнул:

— Это остров Ре! Если уйдем за него — мы спасены! Ну, миленькие, ну надо, надо повернуть корабль в море! Умоляю, ну постарайтесь! Всех награжу! О боже, помоги нам! Помогите, Господи!..

Может, Господь и правда услышал молитвы капитана, а может, матросы из последних сил сделали то, о чем он их умолял, но корабль повернул вправо и наклонившись, едва не выскочив на камни, проплыл рядом с оконечностью острова. И тут капитан подскочил к кормчему и, вцепившись в румпель, закричал:

— Поворачивай, поворачивай! Ну давай же, давай! Господи, помоги!

И оба, что-то безумно крича, навалились на руль. Корабль резко наклонился на левый борт, так что над водой появилось обросшее днище... развернулся и заплыл за остров. И сразу наступила тишина и стали слышны несущиеся из трюма крики людей и ржание умирающих лошадей. Корабль выпрямился и капитан Шарль, упав на колени, заплакал:

— Господи, спасибо тебе! Господи, ты спас нас!

И тут вдруг судно резко качнулось. Румпель — длинное бревно, ударил кормчего и тот вылетел за борт. Раздался короткий крик, и все стихло. Капитан, несмотря на свой возраст, как кошка прыгнул к румпелю и повис на нем всем телом, не давая судну развернуться и наскочить на выступающие около острова Ре камни и корабль только чирнув по ним левым бортом, еще немного покачался и выпрямился.

Из каюты вышел барон де Кантелу. Шатаясь, с белым лицом, он подошел к капитану Шарлю и хрипло закричал:

— Капитан, почему мы не погибли?

— Господь не позволил, — тихо ответил капитан.

— Я оглох, я не слышу, что ты сказал. Говори громче.

— Я сказал, что нас спас Господь, — крикнул капитан.

— А-а, понятно... А что дальше, капитан Шарль?

— Вон там, — капитан показал рукой на берег, — Ла-Рошель, и там мы попробуем отремонтировать корабль.

— Как ты сказал, капитан? — удивился де Кантелу.

— Ла-Рошель.

— Странно, мне почему-то знакомо это название, но я не могу вспомнить откуда, — задумчиво произнес барон. — Что-то очень давнее, но что? Я пойду в трюм. Боюсь даже представить, что там творится, сколько там погибших и ис-

калеченных. Что же я буду делать, если там все мертвы или ранены, с кем же я поплыву дальше? И поплыву ли вообще? Господи, мне так страшно... — барон перекрестился.

— Откройте трюм, — приказ матросам капитан и тоже стал креститься.

Корабль, покачиваясь, с рваными парусами медленно плыл вдоль острова Ре к виднеющемуся на берегу небольшому городу, а от берега ему навстречу плыли, белея парусами, множество лодок.

— Эй, — свесившись за борт, закричал капитан Шарль людям в подплывших лодках, — кто из вас может провести корабль в гавань? Давай, поднимайся.

На лодках стали переключаться, а потом рассмеялись и крикнули: «Лучше Жака никто». Одна из лодок подплыла к борту, сверху сбросили веревочную лестницу, по которой, как кошка, легко взобрался и перепрыгнул через борт на палубу юноша — высокий, стройный, с повязанной красным платком, головой.

— Я помогу вам провести корабль, — сказал юноша, и на капитана взглянули веселые, синие, как море, глаза.

— Управлять рулем умеешь? — спросил капитан Шарль.

— Да, капитан.

— Тогда бери румпель и говори, как дальше плыть. У меня повреждены паруса и судя по осадке в трюме полно воды, а там рыцари, их слуги и лошади. Может, все уже мертвы... У вас можно отремонтировать такой корабль? А дерево для ремонта, а полотно для парусов можно найти?

— В прошлом году у нас закончили строить гавань для больших торговых судов. Через наш город идет вся торговля вином и солью Франции, — в голосе юноши звучала нескрываемая гордость.

— Да ты что? Ей-богу, не знал. Я всегда плыл сразу на Гибралтар и потому никогда не бывал здесь, в Ла-Рошели. Мне кажется, ты слишком молод, чтобы управлять таким большим кораблем? — с сомнением сказал капитан Шарль и добавил: — Поврежденным кораблем.

— Не беспокойтесь, капитан, в проливе Антиош я знаю каждый подводный камень и проведу ваш корабль в гавань

Да-Рошели, — весело крикнул юноша, и от этой веселости капитану как-то сразу стало легче на душе и он даже хохотнул:

— А я думал, что Руан единственный порт во Франции.

— Это где?

— В Нормандии.

— У-у, это же так далеко! У меня и дед там бывал, и отец, и дядька.

— А чего же ты здесь, а не там?

— Так они не по своей воле там были.

— Как это?

— Всего не знаю, но связано это с герцогом Нормандским.

— Ладно, потом расскажешь, а сейчас показывай, как плыть.

Юноша взялся одной рукой за румпель, другой стал показывать, как и куда плыть, а капитан удивленно посмотрел на него, на его руки и стал отдавать команды своим матросам. Там, за островом Ре, бушевал шторм, по небу неслись тяжелые облака, а здесь, под защитой острова, накренившийся на левый борт, корабль с рваными парусами, огибая невидимые мели, тихонько приблизился к берегу и проплыл между двумя строящимися сторожевыми башнями в большую квадратную гавань, с выложенными серыми валунами стенами. В свете утра стал виден чистенький от прошедшего дождя, небольшой город с каменными домами и узкими улочками, сбегаящими на выложенную булыжником предпортовую площадь. Юноша отдал еще несколько команд, и корабль прижался бортом к каменной стенке гавани.

— Вот и всё, — сказал юноша и задорно засмеялся, показывая ровные белые зубы, и его синие глаза весело сверкнули на матовом от загара лице. Он снял с головы платок и обтер лицо, а по его плечам волнами рассыпались необычные, белые с красными кончиками волосы.

— Что-то ты, парень, совсем не похож на француза, — сказал капитан Шарль. — Таких, как ты, я видел, когда плавал в Данию.

— Так мои предки викинги.

— В той земле, откуда я приплыл, тоже у всех предки викинги. Спасибо тебе, юноша. Ну и силен ты, коли румпель одной рукой удерживаешь. Не хочешь остаться на моем корабле? Мы плывем в Средиземное море, и ты сможешь неплохо заработать.

— Нет. Я единственный сын у своих родителей и не могу их покинуть. Прощайте, капитан.

— Прощай... — капитан не успел договорить — из трюма появился де Кантелу и стал громко ругаться:

— Это ужасно! Три рыцаря и больше десятка оруженосцев и слуг мертвы, а сколько покалечилось, не сосчитать. Нет ни одной целой лошади — все лежат мертвые в воде. Там полно воды. Капитан, надо поднимать людей из трюма.

— То что там воды по колено я знаю. Мне об этом уже доложили. Но, господин барон, мое дело корабль, и мне его необходимо срочно чинить, а рыцари — это ваша забота. Мои люди, конечно, помогут подняться живым и раненым, но вытаскивать мертвых и трупы лошадей — увольте. Обратитесь за помощью к здешнему бальи или кто здесь правит от имени короля. Это же он должен вам помогать, — и, капитан, повернувшись, спросил стоящего в сторонке юношу: — Ты можешь показать господину барону, где живет ваш бальи?

— Конечно, — ответил юноша и, повернувшись к де Кантелу, произнес звонким голосом: — Пойдемте, господин барон, я вас провожу к нашему бальи, господину де Блуа.

Барон посмотрел на юношу, глаза его округлились от удивления, и он воскликнул:

— Солей?! Ты Солей?

— Да, господин барон, меня зовут Жак Солей. А откуда вы знаете?

— А-а, вспомнил! — де Кантелу ударил ладонью себя по лбу. — Я стар, но не настолько, чтобы такое забыть. Все правильно — Ла-Рошель! Городок откуда были все Солеи. Харальд Солнечный тебе, юноша, кто?

— Он мой дед.

— Жив еще?

- Нет, умер два года назад.
- Боже, как же ты на него похож.
- Вообще-то мы, Солеи, все похожи.

— Юноша, ты прав — все Солеи, которых я видел, как две капли воды похожи друг на друга. Пойдем, проводишь меня к вашему балю... А тебя, капитан, все-таки прошу поднять из трюма погибших рыцарей и лошадей, иначе как ты будешь ремонтировать корабль — там все завалено трупами и вся вода красная от крови. Капитан, это тебе зачтется. Я потом расскажу герцогу д'Арктуру, как ты спас нас всех, и он тебя наградит.

Капитан Шарль грустно вздохнул:

— Мне бы корабль спасти, а до наград герцога — как до звезд на небе. Любой знает: чем дальше от графов и герцогов, тем целее будешь.

— Ах, капитан, что же ты об этом говоришь сейчас, а не там, в Нормандии?

— Так я же и сказал: чем дальше, тем лучше... А что было бы, если бы я об этом сказал в Руане? Уверен — ничего. Я не принадлежу герцогу. Я свободный человек, свободнее любого из вас, потому что я моряк и капитан собственного корабля!

— Пойдем, Солей, тебя наш разговор не касается, — сказал барон.

Они пошли по узкой улочке к центру города, и барон заинтересованно спрашивал, а юноша удивлялся, что этому старому господину так много известно о его семье, и рассказывал, что он единственный сын у своих родителей, которых зовут Франсуа и Саннива, что есть еще старшая сестра Фрида, она замужем за таким же, как все живущие здесь, рыбаком, что зовут его Жак, ему двадцать четыре года и у него есть маленький сын, но он вдов — жена умерла два года назад во время родов.

Юноша очень внимательно посмотрел своими синими глазами на барона и, улыбнувшись, произнес:

— Я знаю о клятве, данной дедом и отцом герцогу Нормандскому, но я единственный сын, и у меня самого пока один сын.

— Если честно, мне очень жаль, что ты единственный сын. Вы, Солеи, необыкновенные воины. Интересно, а ты столь же силен?

— Не знаю, но я легко могу сломать подкову.

— Может, ты согласишься плыть со мной в крестовый поход? Ты владеешь каким-нибудь оружием?

— Я хорошо стреляю из лука.

— Вспомнил. Все Солеи отлично стреляли из лука, но неплохо владели и мечом.

— Я рыбак, и меч мне ни к чему.

— Подумай, ты мог бы неплохо заработать. Зачем тебе прозябать в этой дыре? С деньгами можно жить в любом месте, даже в Париже, а можно нанять других людей, и пусть они ловят для тебя рыбу, а ты ее только продавай или что там еще можно — я не знаю. Единственное, что я умею делать — воевать.

— А говорите, как заправский торговец. Я, господин барон, очень люблю море и никуда не хочу уезжать из Ла-Рошели, да и наживаться на других людях я тоже не хочу. Мне всего хватает, а звезд с неба, как и больших денег, мне не надо.

— Ты не прав! Деньги — это власть над людьми. А власти хотят все.

— Может быть, но я никогда не видел много денег, а что такое власть, я не знаю. У нас в городе есть королевский бальи и мэр — это и есть наша власть. И если честно, нам, рыбакам, больше нравится наш мэр.

— О каком мэре ты говоришь? Нет никакой другой власти, кроме власти короля, дворян и бальи.

— Значит, есть, раз у нас выбран мэр города.

— Выбран? Чепуха и глупость!

Так, разговаривая, они дошли до площади, где рядом с маленькой церквушкой строилась большая каменная церковь, отчего на улице было пыльно. Юноша показал на один из домов, стоящих близко друг другу вокруг площади.

— Здесь живет наш бальи, господин де Блуа. А вот в этом доме заседает городской совет и наш мэр Коломб, — в голосе юноши зазвучали нотки уважения и гордости.

— Опять? Кто это — совет и мэр? — удивился де Кантелу.

— Это, господин барон, когда горожане выбирают совет из самых достойных и уважаемых жителей, а совет выбирает себе мэра, и они помогают в решении нужд города. Вы же видели нашу прекрасную гавань — она построена по решению совета и на деньги горожан. Вот и эта новая церковь тоже строится на деньги горожан...

— Я ничего не понял из того, что ты сказал, — раздраженно произнес де Кантелу. — Всем и так известно, что церкви строятся на деньги прихожан. О каком совете, каком мэре ты говоришь? Королевскую власть в землях Франции раньше представляли сенешели, а теперь бальи, и никакой другой власти не может быть. Иди, юноша, собери всех своих знакомых и друзей и помоги капитану корабля. Я думаю, вы, рыбаки, не очень-то боитесь мертвецов.

— Мы при виде их трясемся от страха! И появление у нас вашего корабля тоже не к добру.

— Еще заголоси, как баба! Приказываю тебе: иди и помоги.

— Хоть вы и барон, господин де Кантелу, но вы не можете мне приказывать — я свободный человек, — гордо ответил юноша. — А помочь — мы все вам поможем. По-человечески.

— Я смотрю, тебя не переспорить. Весь в своего деда. Тот не только спорил, но из-за любви к своей девушке готов был умереть! Ладно, пусть будет «по-человечески».

Барон вошел в дом, где проживал бальи, а Солей пошел скорым шагом обратно в гавань, куда, казалось, уже устремилось все население Ла-Рошели. В гавани, в толпе, стоявшей на площади, он заметил отца и мать.

— А что вы здесь делаете? — подойдя к ним, спросил юноша.

— Ах, сынок, тут такие страсти рассказывают, — заговорила мать — черноволосая, зеленоглазая женщина, — будто с моря приплыл корабль, полный мертвецов. Я так испугалась, а Франсуа решил идти, ну и я с ним.

— А Мишель где?

— Он с детьми Фриды.

— О женщина! — воскликнул отец. — Ты когда-нибудь помолчишь? Жак, ты что-нибудь знаешь? Откуда этот корабль?

— Это корабль рыцарей. Они плыли в Средиземное море, но попали в шторм. Я даже помог капитану провести корабль в гавань.

— А что, больше некому?

— Отец, я тоже считаю, что любой рыбак Ла-Рошели может провести корабль в гавань, но все почему-то решили, что это должен сделать я. Я и помог.

— А где наша лодка?

— Якоб ее должен был привести к берегу. Да вон он, Якоб, — Жак показал на мужчину с небольшой черной бородой. — Эй, Якоб, не уходи, я сейчас подойду.

— Смотрите, смотрите! — понеслось над толпой. — Мертвецов выгружают!

Из трюма корабля подняли мертвого человека. Толпа ахнула, и все начали креститься.

— Отец, мама, я пошел, — сказал Жак и стал проталкиваться между горожанами, но вдруг остановился и, повернувшись, крикнул:

— А-а... я совсем забыл. На корабле приплыл рыцарь из Нормандии, который вас знает и деда знал.

— Как его зовут? — крикнул в ответ Франсуа Солей.

— Барон... барон де Кантелу, — и Жак стал проталкиваться дальше, над людьми была видна только его белая шевелюра.

— Как он сказал? — испуганно спросила Саннива.

— Он сказал — барон де Кантелу... Саннива, тебе плохо? Ты такая бледная.

— Я испугалась, Франсуа. Будто вновь увидела себя там, в Шербуре. Как из могилы пахнуло. И почему-то вспомнила коменданта крепости д'Аниша.

— Д'Аниш мертв! Я сам видел, как стрела попала ему в грудь и он упал. Было довольно далеко, но я хорошо видел. А Жак сказал, что приплыл барон де Кантелу. Вспомни, он

всегда был добр к нашей семье. Иди домой к внуку, а я пойду посмотрю, что это за корабль.

— Да-да, я пойду. Не знаю, но я так боюсь.

— Иди и прекрати бояться. Маленький Мишель тебя заждался.

Франсуа Солей с Якобом, по прозвищу Якоб из Нюртена — небольшого роста, широкоплечим, черноволосым, с живыми карими глазами мужчиной, — растолкали толпу зевак, забрались на палубу корабля и подошли к капитану.

— Капитан, я отвел господина барона к бальи де Блуа, и мы с Якобом готовы помочь вам в ремонте корабля.

— Какой, к черту, ремонт! Там в трюме одни мертвые лошади! Пока их не вытащим, дыру не заделать. Хотите помочь — идите в трюм и помогайте команде. Проклятье! Что за плавание — одни несчастья с первого дня! Кормщика выбросило за борт, и он утонул, на помощника упала балка и сломала ему ногу, а теперь я должен сам ползти в трюм и командовать матросами. Идите, ребята, я сейчас приду, — капитан увидел какого-то матроса и начал орать: — Какого черта ты здесь делаешь? Иди в трюм... Что? Боишься крови? Я тебя сейчас выкину за борт и оставайся в этом паршивом городке! Посмотри на этих ребят — никто не просил, сами пришли, чтобы нам помочь. Мне бы их в команду, я бы всех вас выгнал! — Капитан ударил кулаком, стоявшего с бледным от страха лицом матроса, и закричал: — Чего застыл? Бегом в трюм!

Франсуа и Якоб с неподдельным удивлением посмотрели на капитана, засмеялись и стали спускаться в трюм. В темноте, при свете масляных фонарей, метались люди, все что-то кричали; воды, красной от крови, было почти по пояс, плавали трупы лошадей. Кто-то пробовал через узкий люк вытащить мертвую лошадь, но туша разбухла от воды, в люк не пролезала, и от этого люди еще больше ругались.

— Эй, слушайте меня, — крикнул Солей. — Какого черта вы все здесь делаете? Останьтесь человек пять, а остальные выходите на палубу, открывайте все люки и спускайте сюда веревки; мы здесь будем привязывать мертвых лоша-

дей, а вы вытаскивайте и сбрасывайте на берег. Ну, давайте быстрее! Якоб, иди, команду на палубе.

Матросы, услышав молодой звонкий голос, вначале закричали, что они не собираются подчиняться какому-то «сопляку», но потом, продолжая ругаться, разделились на две части — пятеро остались в трюме, а остальные выбрались с Якобом на палубу и, убрав деревянные решетки с люков — сразу стало светлее, — опустили веревки в трюм. Солей удивил всех: он подтащил труп лошади к открытому люку и, подняв ее за голову, командовал необычно спокойным голосом:

— Мертвых лошадей не видели? Надевайте петлю на шею.

— Боже, Геркулес! — крикнул кто-то, и все засмеялись. И уже почти не боялись, только, когда вытаскивали мертвых людей, крестились и отворачивались в сторону.

Через несколько часов все трупы лошадей и мертвецы были подняты и сгружены на берег, а оттуда с помощью горожан, которыми руководил пришедший мэр Коломб, трупы лошадей сразу же увозили за город и зарывали. Мертвых людей положили в ряд на берегу. Солей же, выстроив матросов и горожан в цепочку, стал деревянными ведрами и бадьями вычерпывать воду, и когда стала видна пробоина в левом борту, быстро с помощью Якоба и матросов натянул на нее кусок промасленной парусины и закрепил. Вода перестала поступать в трюм, и Солей удивленно сказал:

— И как с такой пробоиной в борту вы не утонули? Господь к вам милостив... Я думаю, мы с Якобом здесь уже не нужны.

Со всех сторон трюма раздались слова благодарности, кто-то хлопал Солея по плечу и кричал в ухо:

— Эй, парень, оставайся, поплыли с нами. Мы готовы, чтобы ты стал новым помощником капитана. Помощник — сволочь, он сломал ногу, а мы этому только рады. В тебе что-то есть... Поплыли, мы уже между собой договорились и сказали об этом капитану.

— Интересно, когда же вы успели? Спасибо, конечно, но я как-нибудь здесь, в Ла-Рошели, проживу.

— Зря ты так. Нам обещали хорошие деньги.

— Я не прощаюсь. Вы же здесь не на один день, и я еще приду к вам.

— Приходи, мы ждем тебя.

Солей поднялся на палубу и увидел капитана Шарля, который о чем-то говорил с бароном де Кантелу. Молодой человек пошел к борту, чтобы сойти с корабля, когда капитан его окликнул:

— Подожди, юноша, я хочу с тобой поговорить.

Солей остановился и непроизвольно услышал разговор барона с капитаном.

— А здешний бальи, барон де Блуа, очень приятный человек, — говорил барон. — У него прекрасное вино и отличная еда, но, оказывается, он не обладает никакой властью. Всем здесь заправляет этот непонятный совет во главе с мэром. Вот и ты, капитан, говоришь, что именно мэр помог организовать помощь. Тогда я ничего не понимаю...

— Да, господин барон, если бы не мэр Коломб, я вряд ли бы смог что-то сделать. Он даже сказал, что все похороны погибших будут оплачены их советом. Поверьте, господин де Кантелу, я много плавал по свету, но впервые встречаюсь с такой непонятной для меня помощью. И мне такая помощь очень понравилась.

— А мне нет! — воскликнул де Кантелу. — Не может быть такой власти. Есть только одна власть — власть короля, и никакой другой власти не может быть!

— Я не буду с вами спорить, господин барон. Какая должна быть власть — это не мне решать. Но здешняя власть мне понравилась. И замечу — впервые... Позвольте, я поговорю с молодым человеком, — капитан махнул рукой Солею, чтобы он подошел к нему.

— Что бы я без тебя, юноша, делал... — начал капитан, — но я так и не спросил, как тебя зовут?

— Я уже говорил, капитан Шарль, что этого молодого человека зовут Солей, — сказал де Кантелу.

— Спасибо тебе, Солей. Меня зовут капитан Шарль, и мне надо с тобой поговорить. Я хочу заплатить тебе за помощь.

— Кто же откажется от денег, — засмеялся Солей. — Но я был не один. Капитан Шарль, хочу сказать: вы, капитан, — необыкновенный моряк, сумевший в такой шторм, с такой пробоиной, с поврежденными парусами спасти корабль и людей. Я думаю, вам сейчас не до меня, а я с товарищами приду на ваш корабль завтра, чтобы еще помочь.

— Пробоину я получил уже здесь за островом. Спасибо еще раз Солей, и я буду тебя ждать, — произнес капитан, и видя как молодой человек легко спрыгнул с корабля на пирс, как-то жалобно произнес: — Я не знаю, господин барон, как мы поплывем дальше? У меня нет помощника — этому дурню упала на ногу балка, и кости разлетелись вдребезги. Его увезли к здешнему лекарю и говорят, что уже отрезали ногу. У меня нет кормщика, — ударом румпеля его выкинуло за борт. Я потерял пять матросов... А этого Солея хвалит вся команда корабля. Он толковый, разбирается в управлении кораблем и отлично командует людьми. Уж какая у меня разношерстная команда, но как они ему подчинялись! Вот бы мне его в помощники. Помогите, господин де Кантелу, уговорить его плыть с нами. Иначе, боюсь, мы здесь, в Ла-Рошели, и застрянем.

— Капитан Шарль, я уже говорил с ним об этом, но он отказался. Здесь надо придумать что-то другое. И я бы хотел, чтобы этот молодой человек плыл с нами. Я знаю Солеев — они отличные, прирожденные воины и моряки... Я должен уйти, капитан, — необходимо с почестями похоронить погибших рыцарей. Трое погибли, пятеро сломали руки. Еще чуть-чуть, и мы можем уже поворачивать обратно в Нормандию. Зачем мы только поплыли кораблем? Ехали бы тихонечко на лошадях.

— Я с вами полностью согласен, господин де Кантелу, — зачем поплыли?

— Так потребовали рыцари.

— А может, отсюда, из Ла-Рошели, и поедете?

— На чем? Нет ни одной лошади. Пойду снова к бальи, пусть поможет, в чем я уже сомневаюсь.

— Вы же его хвалили...

— Я сказал, что у него хорошее вино и еда... Я поехал на кладбище, там хоронят славных рыцарей нашего святого короля.

— Нам проще — наши могилы в море.

— Не знаю, может быть. Потом договорим... И о Солее тоже, — барон сошел по сходням на берег, где его ждала лошадь, присланная мэром Коломбом.

А на палубе корабля, спрятавшись за мачтой, стоял рыцарь, одетый, несмотря на летнее тепло, в меховую куртку, как будто ему было холодно, и удивленно шептал:

— Солей? Живой, значит... и даже не постарел. Вот Господь сподобил увидеться. Это твоя стрела в моей груди, и я верну тебе долг. Какое счастье, что я тебя нашел.

Рыцарь пошел к борту, чтобы вслед за де Кантелу спуститься на берег и пойти на кладбище, где для погибших рыцарей и слуг уже были вырыты могилы. Похороны организовал мэр города, чем опять удивил де Кантелу. Бальи де Блуа на кладбище не пришел. Пьяный, он лежал под столом в своем доме.

Погибших похоронили, получивших увечья и не могущих плыть дальше отвезли на попечение лекаря. Те рыдали. От счастья! Лошадей не осталось — одни погибли, других, сломавших ноги, пришлось прикончить. Необходимо было решить, где взять лошадей.

V

Барон де Кантелу уже знакомой ему дорогой вновь пришел в дом бальи. Тот сидел за столом и пил вино — лечился. Увидев барона, он обрадованно расплылся в пьяненькой улыбке:

— Ну слава богу, пришел. Садитесь, барон, в ногах правды нет. Эй, налейте барону вина. Не правда ли, у меня прекрасное вино? Расскажите барон, о чем вчера был наш разговор, я, если честно, не очень хорошо помню... вообще не помню.

— Неудивительно, барон де Блуа, если пить столько вина.

— Вы, барон, хотите запретить мне пить вино? Не слишком ли смело так говорить с королевским бальи?

— Да пейте вы его, сколько вашей душе угодно, но прежде выслушайте мою просьбу.

— Другое дело. Я вас внимательно слушаю, барон.

— Мне нужны лошади.

— Лично вам, барон, я отдам одного из своих коней. Поверьте, у меня прекрасные кони.

— Не сомневаюсь, но мне нужно двадцать лошадей. Сбруя и седла у меня есть.

— Сколько, сколько?

— Двадцать. И не простых, похожих на волов, только и умеющих тащить повозки, а готовых к войне, знающих, как скакать под седлом.

— Да я и ломовых-то столько не найду. Это же морской город. Здесь лодки и суда есть, а лошадей нет. Есть, конечно, но у торговцев — для перевозки рыбы, вина и соли, но чтобы умеющих скакать... Ну что вы, барон, это невозможно. Давайте лучше выпьем вина. А устрицы сегодня свежайшие — только что выловленные и доставленные к моему столу.

— Господин де Блуа, я к королю должен плыть. Как же я перед ним появлюсь, если у меня ни одной лошади не осталось?

— Ну... не знаю, не знаю, барон, чем вам и помочь... Если только у кого-нибудь купите.

— Как куплю? У меня и денег-то таких нет.

— Но не я же должен покупать этих лошадей!

— Так вы же, господин бальи, здесь, в Ла-Рошели представляете королевскую власть. И за военные дела вы отвечаете. А о чем вас ни спроси, ничем не можете мне помочь.

— Прошу осторожней бросаться такими словами, барон. Вы в моем доме гость, и не более, а если что-то не нравится, то я вас не держу.

— Я, барон де Блуа, на вас буду жаловаться королю.

— Жаловаться? На меня? Уходите, де Кантелу, пока я не рассердился.

Барон, не прощаясь, резко повернулся и вышел из дома. На площади было пыльно из-за строящейся церкви. Барон удрученно покрутил головой, и вдруг его взгляд остановился на одном из домов. «Черт, это же дом мэра, — подумал де Кантелу. — Солей же показывал. Вчера мэр помог, хоть я и не просил, — барон вздохнул. — А сейчас, по-видимому, придется самому идти на поклон. О, господи, совсем стал стар, ничего не понимаю. Какой-то совет, какой-то мэр...» — и де Кантелу, еще раз вздохнув, пошел к небольшому каменному дому, в двери которого входили и выходили люди.

Мэр Коломб был у себя в кабинете, когда ему сообщили, что пришел барон де Кантелу. Он сам вышел навстречу барону и, широко открыв дверь, улыбаясь, пригласил:

— Проходите, барон де Кантелу. Я очень рад вас вновь видеть. Вам, по-видимому, нужна наша помощь, и я как мэр буду рад вам помочь.

«Черт, — вновь подумал барон, — ничего не пойму. Бальи должен, но не хочет помогать, а какой-то мэр готов помочь, а я даже не знаю, кто он», — но признался:

— Господин Коломб, вы правы, мне очень нужна помощь.

— Я вас слушаю, барон де Кантелу.

— Мне нужны лошади, но не для перевозки груза, а для всадников. Сможете ли вы мне помочь?

— А что же бальи де Блуа?

— Он сказал, что не сможет найти лошадей, но предложил их купить. Я же крестоносец — откуда у меня деньги.

— Я понял: вам нужны деньги.

— Да, но я, к сожалению, не знаю, можно ли здесь купить хороших лошадей...

— Конечно, можно. У бальи де Блуа.

— Как у бальи? У него есть лошади?

— У него отличные лошади. Надо признаться — великолепные лошади. За городом у господина де Блуа есть большой участок земли, и там содержатся десятки прекрасных лошадей. Господин бальи знает толк в лошадях... как, впрочем, и еще кое в чем, — мэр рассмеялся.

— Ах, какой он... — хотел выругаться де Кантелу, но вовремя спохватился — мэр Коломб был явно не из его круга...

— Я понимаю, барон, что вы хотели сказать, но вы, как и де Блуа, дворянин. Я сегодня же соберу Совет, чтобы принять решение о выделении вам денег, но вам надо как можно быстрее решить с де Блуа вопрос о стоимости лошадей.

— Но, господин Коломб, — барон никак не мог выговорить непонятное ему слово «мэр», — если честно, я немножко разбираюсь в лошадях, но в их стоимости...

— Понятно. Хотите, я пошлю с вами одного ловкого человека? Он прекрасно разбирается в торговле и не позволит переплатить ни одного лишнего су. Он скорее недоплатит. А лошади это будут или коровы, ему все равно. Его стихия — торговля. Вы отберете лошадей, а он будет оговаривать стоимость. Главное, не вмешивайтесь и соглашайтесь, когда он вдруг будет предлагать вам не покупать лошадей и даже уйти. У бальи есть одна пагубная привычка, которую вы заметили, и ему очень нужны деньги. Он весь погряз в долгах, и если об этом узнает король, думаю, его нахождение здесь закончится.

— Я об этом доложу королю.

— Не спешите. Вначале купите лошадей. Да и зачем его менять — он не мешает жителям города. А пришлют другого — и неизвестно, как тот себя поведет. Прошу вас, барон, не надо этого делать.

— Хорошо, господин Коломб. И еще один вопрос: есть ли в Ла-Рошели люди, желающие плыть с нами в крестовый поход? У меня и особенно у капитана Шарля большие проблемы.

— Я об этом знаю. Может быть, и есть желающие, но я не уверен. Я могу сказать только одно: Ла-Рошель — особое место, здесь живут рыбаки и торговцы, и все очень любят свой город и свое море.

— А что вы можете сказать о семье Солей?

— Солеи? Они хорошие прихожане, добрые люди и прекрасные рыбаки. Я слышал о странствиях Франсуа Солея в другие земли, когда он был совсем еще мальчишкой, я

знаю, что его брат погиб у вас в Нормандии... Ну а Харальда Солнечного любил весь город.

— Не знаю, как Франсуа, а Бьорг Солей был великим воином, господин Коломб.

— Возможно, но Солеи не любят об этом говорить.

— Я обязан ему жизнью.

— Его уже нет, а вы, как я понимаю, хотите, чтобы с вами пошел в крестовый поход младший Солей. Правильно?

— Правильно, господин Коломб, и я бы хотел, чтобы вы мне в этом помогли.

— Я?! Нет, никогда. При всей моей любви к нашему королю я не хочу, чтобы кто-нибудь из ларошельцев погиб из-за меня.

— Но это же святая смерть!

— Все, что касается святости, — это не ко мне. Это через дорогу в строящийся храм.

— Вы не богохульствуете, господин Коломб?

— Нет. Я один из лучших прихожан. Но я мэр, и моя задача — всего лишь исполнять решения, принятые Советом города.

— Я, конечно, ничего не понимаю в том, что вы говорите, но в любом случае я благодарю вас за помощь.

— Сейчас я приглашу Эмили — так зовут нашего стряпчего, и мы вместе пойдем к бальи де Блуа договариваться о лошадях.

Эмили оказался длинноносый малым с подвижным лицом и немного раскосыми глазами. Он выслушал мэра и рассмеялся:

— Главное, милостивые господа, прошу вас не вмешиваться в мой разговор с господином бальи. Тогда, я думаю, мы договоримся на выгодных для обеих сторон условиях.

— С чего ты так думаешь, Эмили? — спросил мэр.

— А все довольно просто, — сказал Эмили, и пока де Кантелу с мэром переходили через площадь из дома мэра в дом бальи, они узнали главное: оказывается, королевские бальи не имели права иметь имущество, включая дома, заниматься торговлей и разведением скота в тех землях, куда

они были назначены французским королем. За нарушение полагалось лишение должности, изъятие всей недвижимости, незаконно нажитых денег и опала.

Де Блуа не скрывал радости, когда к нему пришли мэр и предводитель отряда крестоносцев. Он был сильно навеселе и, казалось, даже забыл, что только что встречался с де Кантелу. Он совершенно искренне вскочил из-за стола и, разведя широко толстые руки, пошел навстречу барону и мэру.

— Ах, барон, как я рад вас видеть! И мэр Коломб с вами! Проходите друзья, у меня сегодня прекрасные устрицы, а какое вино! Господи, какое вино!

— Господин бальи, я подумал над вашим предложением и пришел, чтобы купить у вас лошадей, — сказал де Кантелу. Эмили скорчил мину неудовольствия. Барон заметил, но, по-видимому, забыл о его предупреждении.

— Купить? У меня? — удивился бальи. — Да что вы барон, какие у меня лошади?

— Все знают, что у вас очень хорошие лошади.

— Кто это все? Кто вам сказал о лошадях? Мэр Коломб? Это вы, Коломб, сказали барону о лошадях?

— Да, господин де Блуа, это я сказал. А разве это тайна? — мэру ничего не оставалось, как признаться.

— Правда, правда, у вас господин бальи очень хорошие лошади. Все же об этом знают, — скорчив добродушную мину на лице, сказал Эмили. Ему надо было спасти своего мэра.

— Ну, раз здесь Эмили... — протянул де Блуа. Каким бы он ни был пьяным, он понял, что над ним нависла смертельная угроза. Бальи сел за стол, лицо его стало строгим, неулыбчивым и сразу как-то осунулось.

— Садитесь, господа, — выдавил из себя бальи. Голос его стал тихим и грустным. — Я вас слушаю.

— Если господа позволят, то скажу я, — начал мэр Коломб. — Мне, к сожалению, надо уходить, чтобы собрать Совет. Господин де Блуа, я думаю, я даже уверен, что мы с вами как люди, представляющие в Ла-Рошели власть — вы королевскую, я гражданскую, должны, обязаны помочь

воинам нашего святого короля в борьбе с мусульманами. Шторм погубил лошадей у рыцарей, и мы с вами совместно поможем в лице барона де Кантелу нашему святому королю Людовику. Барон отберет необходимое количество лошадей из вашего табуна, господин Эмили подготовит все необходимые бумаги, а Совет оплатит сделку. В меру своих возможностей, конечно, — мэр громко сказал последнюю фразу.

— Но двадцать лошадей? — сказал де Блуа. — Где я возьму столько?

— Господин де Блуа, из ваших семидесяти продать двадцать, да из них ни одной кобылы... Да что вы, де Блуа? — включился в разговор де Кантелу. О семидесяти лошадях, принадлежащих бальи, он узнал тоже от Эмили.

— Семьдесят? А я и не знал! — фальшиво вскрикнул де Блуа. — Хорошо, поедемте, барон, отберете лошадей, и я вам, господин мэр, назову цену.

— Я ничего не понимаю ни в лошадях, ни в цене на них. Я уже сказал, что доверяю это сделать Эмили. Он, в отличие от меня, умеет считать. Я вам больше не нужен господа? Тогда всего хорошего. Я жду вас, господин де Кантелу. До свидания. Еще раз спасибо, господин де Блуа, за ту помощь, которую вы оказываете нашему великому королю. Если вы позволите, то совет направит письмо королю Людовику с описанием тех добрых дел, которые вы совершаете ради него, — сказал мэр Коломб.

«Ну и верткий же этот мэр! — восхитился де Кантелу. — И что он делает в каких-то мэрах? Ему бы торговать». Барон не знал, что мэр был самым известным и уважаемым торговцем в Ла-Рошели и состоял в Совете гильдии торговцев Аквитании! И был очень богатым человеком. А под маской доброго, умного и даже веселого человека скрывалась жесткая натура, умеющая получать из каждого слова, из каждого решения выгоду. Личную.

— Думаю, не стоит сообщать королю обо всем... — встревоженно сказал де Блуа.

— Тогда можно поступить проще: вы сами составите бумагу, а мы от своего имени пошлем королю.

— Вот это другое дело! — обрадовался бальи. — Хотя думаю, что наш святой король не поймет, от кого пришло такое письмо. Вряд ли он знает, кто такой мэр.

— Вот и узнает.

Дальше все было просто: барон вызвал пять слуг крестосцев, которые разбирались в лошадях, и с бальи и Эмили поехал за город, где на большом, отгороженном поле пасся табун лошадей. Одного взгляда хватило, чтобы понять — де Блуа знал толк в лошадях. Де Кантелу отобрал двадцать лошадей, которых тут же отделили от табуна в отдельный загон. Бальи, увидев, каких лошадей отобрал де Кантелу, посерел лицом, но надеялся, что получит за них хорошую цену. И тут вступил в переговоры Эмили. Он спорил отдельно по каждой лошади, приписывая им несуществующие пороки, ругался из-за каждого су, вставал и, не обращая внимания, что перед ним дворяне, уходил. Его вновь звали, спор продолжался, и над всем этим витало недосказанное, но как будто слышимое: если де Блуа не согласится на предлагаемые условия, не бывать ему больше королевским бальи! Письмо может уйти к королю, но уже только от имени Совета с указанием других добродетелей бальи. В конце концов де Блуа понял, что его прижали к стенке, что лучше отдать часть, чем потерять все, и согласился на условия предложенные Эмили, который тут же составил купчую. Де Блуа с трудом поставил на ней свою подпись в виде закорючки, после чего, не прощаясь, уехал.

Де Кантелу оставил отобранных лошадей под охраной и на выбранном для себя великолепном коне приехал в гавань. Рыцари, увидев его на лошади и узнав, что и им достанутся столь же прекрасные кони, да еще и бесплатно, радостно закричали и пошли в уютную таверну, которую облюбовали в Ла-Рошели. Они уже стали забывать о перенесенных страданиях, успокоились от потери товарищей и слуг. Будущее мало зависело от них, боялись они только одного: вот отремонтируют их корабль и поплывут они в неизвестность — до нового шторма. И сразу мороз по коже от приступа страха! Единственная радость в жизни — не лошадь, а кувшин хорошего вина. Так и пили до умопом-

рачения. Де Кантелу не вмешивался, понимал — бояться люди. Это же не с мечом в атаку! Самое ужасное для человека — неизвестность.

Они не знали, что шторм, от которого они чудом и стараниями капитана Шарля спаслись, пролетел над Бискайским заливом, поднялся над Пиренеями и неистовым ураганом понесся вниз к Средиземному морю, по которому к Сардинии плыл флот короля Людовика, и потопил несколько кораблей с крестоносцами. Какое ужасное начало похода! Знак свыше?! А что ждет впереди?!

VI

В каюте капитана Шарля находились трое.

— Ну почему, Солей, ты не хочешь плыть с нами? Тебе же сам капитан Шарль предлагает стать его помощником. Полгода, ну в лучшем случае год — и ты по сравнению с теперешней своей жизнью богач. Даже я, барон, не могу тебе предложить таких денег, если ты станешь лучником в моей баталье. Ну, может быть, достигнув славы в битвах против сарацин, станешь оруженосцем у какого-нибудь богатого дворянина, — говорил барон де Кантелу.

— Господин барон, я уже говорил вам, что не стремлюсь быть богатым, — ответил юноша.

— Хорошо, я тебе тогда предложу кое-что другое. Мой единственный сын погиб двадцать лет назад в Египте. Мне восьмой десяток, и я скоро умру от старости. Правда, если до нее доживу. Но я был бы счастлив умереть на поле битвы! Мне король Людовик пообещал, что я могу передать свой баронский титул любому, кто совершит подвиг во имя короля. Если бы здесь был Бьорг Солей, я не задумываясь отдал бы ему свою баронскую корону. Ты, как и он, столь же силен, и в тебе течет кровь воина. Викинга! Твое место среди нас, крестоносцев. Поплыли со мной. Пока ты на корабле, ты будешь помогать капитану Шарлю, а когда мы станем воевать, ты пойдешь со мной в бой и совершишь подвиг, и я передам тебе свой баронский титул. Там, в сражениях, совершить подвиг — раз плюнуть,

там каждый день многие их совершают, но только единицы могут рассчитывать, что их заметят и король дарует им дворянство. А твой титул перед тобой! Вот он — протяни руку! Я сразу по прибытии укажу королю на тебя! И всё — ни тебе, ни твоим детям не надо больше гнуть спину ни на кого. Вы, Солеи, станете по-настоящему свободными людьми. И заметь — уже никогда и никому из вашего рода не надо будет служить у герцогов Нормандских. Служить будут вам! Я знаю, что говорю, потому что я знал твоего деда и его сыновей. Любой из них сейчас плакал бы от счастья. Ну что тебя здесь держит? Ничего! У тебя есть сын, но твои родители еще не старые люди и смогут за ним поухаживать, пока ты плаваешь. Всего-то год! Я же помню, что твой отец ушел из дома совсем мальчишкой и отсутствовал несколько лет. Решайся! Через два дня мы отплываем.

— Господин барон, я бы хотел поговорить с родителями. И еще: если я соглашусь, смогу ли я взять с собой и Якоба? Он для меня как старший брат.

— Якоб? Это тот мальчишка — слуга Бьорга Солея?

— Да.

— Что он умеет?

— Как все — плавать по морю.

— А из оружия?

— Как и я, стрелять из лука.

— Отлично, — де Кантелу повернулся к капитану Шарлю и весело спросил: — Ну а что скажет капитан Шарль?

— Я буду только рад. Пусть плывет. Господину барону не хватает лучников, а мне матросов.

— Да что вы, капитан, лучшего кормчего, чем Якоб, вы не найдете! — сказал Солей.

— Отлично.

— Ну что, решено?! — воскликнул де Кантелу.

— Господин барон, завтра я скажу, что решил, — ответил Солей.

— Хорошо, но только до завтра. Я пойду к рыцарям, а вам, я думаю, есть о чем еще поговорить, — сказал барон де Кантелу и довольный, сойдя с судна, пошел через пло-

щадь к таверне, где продолжали веселиться рыцари. Капитан Шарль с Солеем остались в каюте одни.

— Ты когда-нибудь видел компас? — спросил капитан, показывая юноше деревянную коробочку, в которой хранилась самая дорогая для любого капитана магнитная стрелка.

— Да, капитан. На больших торговых судах, которые приплывают в Ла-Рошель за вином и зерном, я видел эту стрелку. Это какое-то чудо! Я умею плавать по звездам, знаю здешние течения и направления ветров.

— Как далеко ты заплывал на своей лодке?

— Дважды во время штормов нашу лодку уносило до мыса Рока. Это было так далеко, что пойманную рыбу приходилось выбрасывать — она скисала. И один раз нас занесло на запад аж до мыса Пуэнт де Корсан. Домой мы с Якобом добрались только через две недели. Все, кроме моих родителей, считали, что мы уже утонули.

— Неужели ты, прирожденный моряк, не хочешь увидеть, что там, за горизонтом?

— Конечно, хочу.

— Так поплыли со мной. Ты увидишь Гибралтар, Геркулесовы столбы, ты будешь плыть по теплому, сказочному Средиземному морю. Ты увидишь его цвет, который невозможно забыть, увидишь другие земли, другие страны, других людей. Ты увидишь Геную и Венецию — те города, откуда к вам приплывают корабли и где их строят. Юноша, ты просто не представляешь, как тебе повезло — никому из твоих друзей и знакомых я не предложил плыть со мной. Разве только твоему другу Якобу. И то если поплывешь ты. А какие деньги ты сможешь получить! О-о-о! Мы же с тобой плывем не сражаться и умирать, наше дело — держать нос корабля по ветру. Да и плавать нам с тобой от силы полгода. Мой корабль нанят герцогом Нормандским на это время, после чего мы можем развернуться и уплыть либо заключить новый договор за другие деньги. Я даже дам тебе часть денег, чтобы ты мог их оставить своей семье. Поверь, я никогда этого не делаю, но ты мне нравишься. А вернешься — купишь другую лодку. Ну что? Поверь, я

больше не буду тебя упрашивать. И зачем тебе де Кантелу с его баронским титулом? Все это сказки. Плыть со мной — вот единственная правда!

— Ах, капитан Шарль, вам бы с вашим красноречием проповеди в нашей церкви произносить, так красиво и заманчиво вы умеете говорить. Хорошо, но только на полгода.

— По рукам! — протянул руку капитан. — Завтра я тебя жду. И твоего друга. Идите, прощайтесь со своими семьями.

— У нас одна семья.

— Тогда еще проще.

В маленьком доме недалеко от берега моря шел разговор.

— Я понимаю, ты взрослый и вправе решать, как поступать, но у тебя есть сын. Почему, Жак, ты не думаешь о нем?

— Отец, я как раз и думаю о нем. Если я получу то, что мне обещают — не титул барона, во что я не верю, а деньги, которые мне пообещал капитан Шарль, то их хватит, чтобы мы построили новый дом и купили новую лодку. Всего полгода, и я вернусь.

— Я тоже когда-то думал, что быстро вернусь, а стал рабом в чужой стране и только чудом остался жив. Я вернулся домой, даже когда мне сам Биргер Ярл предложил стать хэрсиром Бальгедера. И я мог стать им законно, так как мой дед — хэрсир Олаф... Саннива, ну что ты-то молчишь, скажи хоть что-нибудь.

— Франсуа, я ничего не могу сказать, я только плачу со вчерашнего дня, когда Жак объявил о своем решении. За что мне такая участь? Сынок, ты же плывешь не за рыбой в море, когда мы все равно не спим и ждем, когда ты вернешься, но это привычно, это наша жизнь. Ты же плывешь на войну! Я знаю, что такое война! Я это хорошо знаю. Я потеряла своих родителей на войне, я потеряла Бьорга на войне, а теперь ты хочешь, чтобы я потеряла тебя? Так сыновья не поступают.

— Мама, я же сказал, что я не собираюсь воевать, я буду только помощником капитана Шарля. Вот и Якоб со мной плывет. Поверь, мама, мы очень быстро вернемся.

— Я своего благословения тебе не дам, — сказала Саннива и вышла из дома в маленький сад.

— И что теперь будешь делать? — спросил отец.

— Я уже пообещал, а значит, дал слово. Я завтра уплываю.

— Если Жак плывет, значит, и я, — сказал Якоб. — Мы будем очень осторожны, Франсуа.

— Жак, лучше бы ты еще раз женился и завел кучу детей.

— Отец, ты забыл, что ты когда-то обещал герцогу Нормандскому?

— К черту всех этих герцогов!

— Знаешь, отец, барон де Кантелу и капитан Шарль, кажется, правы: пока мы будем просто рыбаками, мы будем из поколения в поколение всегда зависеть от всех и всем будем должны. Пора выбираться из этой кабалы.

— Какая же это кабала — быть рыбаком в Ла-Рошели? Это счастье.

— Ты сам сказал, что мог стать дворянином в Швеции.

— Но не стал же! Если бы остался и стал хэрсиром, то не встретил бы Санниву, а мой отец умер бы с горя. И наш медальон лежал бы сейчас не здесь, а на дне моря.

— Но я-то еще не встретил свою Санниву. Я даже не знаю, встречу ли я ее когда-нибудь.

— Встретишь. Ты плохо ищешь. Посмотри вокруг и сразу же ее увидишь.

— Пока я не вижу.

— Тебя не переубедить — ты уже все решил.

— Да.

— Пойдем, я хочу, чтобы ты повесил медальон на шею своему сыну.

— Пойдем, отец. А затем давайте посидим дружно за столом.

— Зовите мать, — сказал Франсуа Солей. На его глазах блестели слезы.

Они стояли втроем рядом с деревянной кроватью, в которой спал маленький мальчик. Его волнистые белые волосы слиплись от летней духоты. Жак надел на шею ре-

бенку золотую цепочку с круглым медальоном, на котором были изображены выпуклые круги. Мальчик открыл глаза и посмотрел на всех сонными синими глазами, потом поцмокал губами и, повернувшись на бок, вновь заснул.

— Мама, отец, прошу вас, берегите его, — тихо сказал Жак. — До свидания, Мишель, — и Жак поцеловал спящего сына в лоб.

Ранним летним утром, когда солнце только-только встало над океаном, при стечении всего населения маленького городка Ла-Рошель корабль с рыцарями, подняв отремонтированные паруса, развернулся в гавани и тихо выплыл в пролив Антиош. В гавани радостно кричали провожающие. Только два человека не радовались — их сын уплывал на этом корабле. Саннива горько плакала на груди своего мужа.

— Я боюсь... я знаю... — сквозь рыдания говорила она, — он не вернется. Почему ты не запретил?

— Я не мог ему запретить. Он такой же, как я, — он Солей.

А на корме корабля рядом со своим другом Якобом, крепко сжимавшим руками румпель, стоял юноша с белыми волосами и махал рукой. Когда он прощался в порту с родителями, мать тихонько сунула ему в руку маленький глиняный кувшинчик, прошептав:

— Я тебе сделала особый эликсир из трав. Меня научила его делать моя мать. Он поможет тебе от всех болезней.

— Ну что ты, мама, — тихо ответил сын, — все будет хорошо. Только не плачь. Я буду стремиться домой. У меня же, кроме тебя с отцом и сына, никого нет. Я скоро вернусь.

Женщина, прижавшись к мужу, плакала, а он смотрел вдаль синими глазами и одними губами, так что она не слышала, прошептал:

— Я тоже знаю, что он не вернется, — и, обняв жену, нежно произнес: — Пойдем домой, Саннива. Мишель, наверное, уже проснулся, да и мне надо готовить сети. Завтра я уплыву в море. Как-то надо жить и ждать...

А корабль уплывал все дальше и дальше в океан, его паруса были наполнены свежим ветром, и у всех на корабле было приподнятое настроение. Рыцари опять пили вино и пели воинственные песни, оруженосцы тоже пили вино, но песен не пели, а слуги лежали на сене около новых господских коней и, не обращая внимания на бегающих крыс, тихонечко прикладывались к кувшинам с украденным у своих хозяев вином. Все были счастливы!

Проходил день за днем. С погодой везло — паруса были полны северного ветра, а когда достигли мыса Рока, ветер стал смещаться на юго-восток и корабль легко обогнул Пиренейский полуостров. Через день появились Геркулесовы столбы — уходящая в небо Гибралтарская скала и гора Джабель-Муса.

— Господи! — шептали и крестились рыцари. Многие стали надевать плащи с крестами, как будто их морской путь вот-вот закончится и они высадутся на берег.

— Слишком рано начали праздновать, — засмеялся де Кантелу. — Нам еще плыть и плыть.

Солей с Якобом стояли на корме и, задрав головы, смотрели на черную Гибралтарскую скалу.

— Вот, Якоб, мы с тобой и доплыли до конца земли. Первыми! — крикнул радостно Солей.

— Что-то нас ждет впереди, — грустно ответил Якоб.

Проплыв еще полдня, корабль вплыл в Средиземное море. Оно и вправду было каким-то необычным — изумрудным!

VII

На острове Сардиния, в прилепившемся к скалисто-му берегу городке Кальяри, в только-только построенном замке скучал французский король Людовик — ждал флот своего брата, короля Сицилийского и Неаполитанского Карла Анжуйского. Как набожный человек и чтобы уж совсем не умереть от скуки, король посещал местные священные места и церкви: согнувшись пополам, вошел и помолился в склепе Святой Реституты, посетил базили-

ку Святого Ситурино, но особо восхитился развалинами римского амфитеатра. «Вот бы здесь провозгласить победу в этом походе! — подумал король — Сколько бы сюда вместилось народу!» Людовик в отличие от брата в Риме не бывал и Колизея не видел.

Король посмотрел на бредущую за ним, открыто скучающую свиту. А свита была внушительная, привезенная из Парижа: канцлер, мэтр двора, казначей, хранитель секретов, камергеры. Король заставил ходить с собой и коннетабля с маршалами — а что им делать на острове? По летней жаре плелся адмирал Флоран де Варенн, хотя ему необходимо было решать вопросы ремонта кораблей. Трудно было рыцарям Жервэ д'Эскренну, несшему расшитое золотыми лилиями лазоревое полотнище — личное знамя короля, и Ланселоту де Сен-Марку с орифламмой — «священным знаменем» королевства. Они были одеты в кольчуги и плащи, на их головах блестели шлемы, которые нагревались от солнца, и рыцари готовы были вот-вот упасть. Когда король останавливался, они старались встать в тень деревьев или святых развалин. Но особенно тяжело приходилось стареющим маршалам — когда король становился перед какой-нибудь святыней на колени и вся свита делала то же самое, маршалы боялись, что уже не смогут самостоятельно подняться, и им помогали камергеры, а молодых рыцари-знаменосцы смеялись над их немощью, шепча нехорошие слова в их адрес коннетаблю Ле Брену. Им самим очень хотелось стать маршалами и больше не носить тяжелые знамена.

Король ходил, скучал, переживал и все удивлялся: когда он приплыл на Сардинию, брата, герцога Анжуйского, на острове не оказалось, хотя договаривались. А ведь от Сицилии до Сардинии можно на веслах доплыть! Под знамена короля собралось позорно мало рыцарей — всего пятьсот и две тысячи оруженосцев, лучников, арбалетчиков и пехотинцев. Слуги не в счет. У некоторых рыцарей не было ни оруженосцев, ни слуг, — у них ничего не было, кроме мечей и бахвальства. Они с котомками за плечами шли по пыльным дорогам Франции босиком, сохраняя имевшуюся

у них обувь, и придя в Эг-Морте — единственный порт на Средиземном море, принадлежавший французской короне, — сразу же требовали от короля денег, еды, вина и лошадей. Они были правы: они были дворянами и им прочитали воззвание короля к рыцарям Франции о новом крестовом походе — сами они читать не умели. А там все это было обещано! Людовик вспомнил добрым словом герцога Нормандского: вот бы все вассалы так поступили — наняли за свои деньги корабли! Но... так поступил только герцог д'Арктур. Хуже всего было то, что этот поход пришлось оплачивать из казны королевства. Все отказались давать деньги! Казначей Жан Саразен ежедневно хватался за сердце, подсчитав вечером, в какие суммы обходится еще не начавшийся крестовый поход. Денег не было! Саразен уже неоднократно тихо спрашивал Людовика, не прекратят ли эти бессмысленные, по его мнению, траты, но король, одержимый идеей похода, не желал ничего слышать. Что деньги — их всегда не хватает. Это был второй крестовый поход короля Людовика — на первый, двадцать лет назад, деньги давали все: папа, христианские короли, свободные сеньоры и вассалы короля, была собрана церковная десятина за три года. Король надеялся, что за прошедшие годы забылось, что закончился тот поход страшным поражением, в котором пострадал и сам король — попал в плен. Но спасибо молодой жене, вернулся живой домой... и с прорехой в панталонах из-за болезни и непрерывного кровавого поноса. Король от него бы и умер, если бы кто-то из рыцарей не отдал ему свое снадобье, данное ему в поход колдуньей-матерью. Король выжил, а рыцарь без снадобья умер... от поноса.

Деньги, деньги, деньги... Будь они прокляты! Без них ни одно судно не выйдет из гавани, ни один рыцарь не пошевелит даже пальцами ноги, пока монеты не зазвенят в его вечно пустом кошельке!

Во время шторма король потерял три корабля, на которых плыли десяткит рыцарей и сотни пехотинцев и арбалетчиков. Слуг не считали — у кого-то их было несколько, а у кого-то ни одного, — утонули все. В армии крестонос-

цев стали шептаться: «Знак божий!» Некоторые, достигнув берегов Сардинии, стали собираться в обратный путь. И немногочисленное войско короля, не поучаствовав ни в одном сражении, готово было разбежаться. Да еще долг перед генуэзцами за потерянные корабли. Было от чего расстраиваться Людовику. Крестоносцев, желающих покинуть короля, успокоили тем, что отказались им платить и предложили добираться с Сардинии домой самим, за свои деньги. Денег, чтобы нанять хотя бы одномачтовый генуэзский неф, даже вскладчину собрать не удалось. А потом теплый воздух, голубое небо, необыкновенно вкусная и сытная еда и прекрасное вино Сардинии как-то сгладили ужас морского перехода.

Король рассматривал остатки амфитеатра, когда ему сообщили, что приплыл герцог Анжуйский.

— Слава господу! Сколько с ним кораблей? — радостно спросил Людовик.

— Один. Он приплыл с несколькими рыцарями на маленьком одномачтовом корабле.

— Как?! — закричал король. — Быстро возвращаемся в город.

Король не шел — бежал, и вся многочисленная свита спешила за ним, радуясь тому, что, видимо, поход закончился и они поплывут домой.

Герцог Анжуйский, невысокого роста, полноватый, некрасивый, на пятом десятке мужчина, сидел за длинным обеденным столом в тронном зале замка города Кальяри и с удовольствием уплетал только что выловленных устриц, запивая их местным вином.

— Карл, брат мой, что это значит? — вскрикнул, вбегая в зал, король Людовик. — Почему ты один? Где твоё войско?

— Ну что ты так кричишь? Нас же слышат. Садись, спокойно поедим и после поговорим.

— Как ты можешь есть? Я в этом ужасном плавании потерял три корабля и семьдесят рыцарей, не считая арбалетчиков и пехотинцев, моя армия ропщет и боится плыть на Кипр и дальше в Сирию, а ты так спокоен. Я не сплю

ночами, я молюсь за себя и за тебя, а ты сидишь и пьешь вино. Где твоя армия? Ты сразу поплывешь на Кипр? Разве мы так договаривались?

— Мой любезный брат, прошу тебя, успокойся. Присядь и давай спокойно все обсудим, — Карл радостно развел руки и обратился к вошедшим с королем людям: — Альфонс, брат мой, я рад тебя видеть. О, и вы здесь, мои дорогие племянники Филипп, Жан-Тристан и Роберт. Я приветствую вас, канцлер де Коор, и вас, граф де Лонгвиль, и вас, адмирал де Варенн, и вас, граф д'О, — Карл обладал очень хорошей памятью и с легкостью перечислял и здоровался с многочисленной свитой короля, не упустив ни одного имени, даже камергеров. Единственные, кого он не знал и не назвал по имени, были рыцари Жервэ и Ланселот, но им он приятно улыбнулся и дружелюбно кивнул головой, чем их очень порадовал. «Хороший знак!» — подумали они.

— Где твоя армия? Где твои корабли? — не унимался Людовик.

— Брат мой, если ты так нетерпелив, то давай поговорим сразу. Попроси, чтобы мы остались вдвоем.

— Чтобы все ушли? — удивился король.

— Нет, конечно. Братья и племянники пусть останутся. Я прошу провести семейный совет.

— Все слышали? Покиньте нас.

— А я? — обиженно спросил Пьер де Вильбеон.

— Извини, Пьер, ты останься, — улыбнулся король своему хранителю секретов. Как шептались при дворе, Вильбеон для Людовика был не только хранителем секретов, но и чем-то большим... иногда грел постель вместо постельничего Жана Бургенье или вместе с ним.

— А я? — недовольно спросил канцлер де Коор.

Людовик посмотрел на Карла Анжуйского, а потом произнес:

— Оставайтесь все.

— Даже мы, — тихо шепнул знаменосец Жервэ.

— И мы, — столь же тихо и радостно ответил ему знаменосец Ланселот.

Когда король с братьями и сыновьями сели за длинный стол, а слуги принесли еду и вино и, выйдя, плотно закрыли за собой двери, Карл Анжуйский встал, поднял кубок с вином и произнес:

— Я предлагаю выпить за нашего святого короля, моего брата Людовика, и за его новый крестовый поход... в Тунис!

— Как в Тунис? — удивился Людовик и вскочил со своего кресла. — Мы плывем, чтобы освободить Антиохию, а ты говоришь о Тунисе. Зачем нам Карфаген?

— Мы должны захватить именно Тунис, отрезав тем самым Египет от западных земель Африки. Тунис — ближайшая страна, где мы можем нанести поражение мусульманам и потребовать от них уступок. И у тебя, и у меня неважно с казной, — Анжуйский многозначительно посмотрел в сторону стоявшего казначея Жана Саразена, и тот согласно закивал головой. — Моя казна пуста! — грустно закончил Карл.

— Наша тоже, — тихо прошептал канцлер Филипп де Коор, но так тихо, что его все услышали.

— Вот, слышишь, брат, твой канцлер подтверждает мои слова. А завоевав Тунис, мы сразу же добьемся того, чего хотим: славы в христианском мире и денег, — по залу пронесся вздох удовлетворения, многие закивали головами. Карл Анжуйский продолжал: — И главное, не получится, как в прошлом походе, двадцать лет назад. А ведь тогда с тобой был весь христианский мир и деньги церкви и королей. Нам второго поражения не простят и тебя перестанут называть Святым, чего ты, безусловно, заслуживаешь, а могут прозвать Безумным. Неужели ты этого хочешь, мой король?

— Да я этого не хочу, но все равно не понимаю, почему Тунис? Извини, но Карфаген разрушили еще римляне.

— Да, но ты забываешь, брат, что перед тем, как его разрушили, был свирепый карфагенянин Ганнибал.

— К чему ты клонишь? Не хочешь же ты сравнить халифа Туниса Мухаммада с Ганнибалом? Смертельный враг всех христиан — султан Бейбарс! А с Мухаммадом у нас

мир. Братец, ты плохо знаешь географию — от Туниса до Антиохии полмира!

— Тем более! Зачем плыть через полмира, если победа — вот она рядом, рукой подать!

— Скажи правду, зачем мы поплывем в Тунис?

— Иначе, мой дорогой брат, я буду единственным рыцарем, который поплывет с тобой. Моя армия после славных побед в Сицилии и Италии не желает больше умирать. Она хочет только жрать и пить!

— О господи! Но без твоей армии ни о каком походе не стоит и говорить! Какие-то жалкие несколько тысяч! В Египте у меня было пятнадцать тысяч человек.

— Если мы пойдём на Тунис, я обещаю привести семь тысяч воинов. Подумай, мой король, что для тебя важнее: поражение от Бейбарса или легкая победа в Тунисе и слава великого защитника христиан! На всех площадях будут кричать: «Король Людовик — Святой король!»

— Чего будет стоить моя святость, если за этим последует изгнание христиан из Святой земли?

— Прекрати, Людовик. Придет время, и христиан выбросят не только со Святой земли, но и из Константинополя.

— Не кощунствуй!

— Я? Да я сказал вслух то, что все и так знают. И твой нынешний поход этому подтверждение. Поверь, больше не будет походов — никто не хочет умирать ни за какие святые реликвии. Время крестовых походов прошло, все мы будем воевать между собой в Европе.

— Ты что, пьян?!

— Я, дорогой брат, как никогда трезв. Так что мне сказать своей армии?

— Тунис, — произнес Людовик и, уронив голову на руки, заплакал. Наступила гробовая тишина.

— Ваше величество, позвольте мне сказать? — произнес канцлер де Коор.

— Я тебя слушаю, Филипп, — не поднимая головы, сказал король, отчего его голос прозвучал глухо и зловеще.

— Не расстраивайтесь, ваше величество. В том, что мы не поплывем в Антиохию, совсем нет вашей вины.

У нас нет не только денег, но и кораблей, чтобы туда плыть.

— Как это? — удивился король и поднял голову. — Куда они делись? Вот же они, видны за окном у берега.

— Да, но генуэзцы потребовали оплатить те три, что утонули во время бури, и когда я и казначей Саразен отказались, они сказали, что больше никуда не поплывут, пока мы не отдадим долг.

— Это еще не все, мой король, — произнес адмирал Флоран де Варенн, — из-за шторма у многих кораблей течи в днищах, порвались паруса, сломаны реи и мачты, а сколько мы потеряли якорей — и не сосчитать. Генуэзцы нам поставили гнилые корабли, годные только возить вино отсюда, с Сардинии, до соседней Корсики.

— Адмирал, — воскликнул коннетабль Жиль Ле Брен, — но ведь это вы отвечаете за флот!

— Надо бы вам, Ле Брен, как командующему всеми войсками знать, что я не отвечал за покупку кораблей. Об их покупке договаривались другие, — адмирал многозначительно посмотрел в сторону канцлера и казначея.

— О чем это вы, адмирал? — с угрозой в голосе произнес канцлер де Коор. — Вы кого-то здесь подозреваете?

— Я? Да что вы, канцлер, я только говорю, что я не покупал эти корабли. Я назначен адмиралом на уже имеющийся флот. Вот и всё.

— Так и командуйте этим флотом.

— А я и не отказываюсь. Я только говорю, что он до Сирии не доплывет.

— Прекратите! — крикнул Людовик. — Решение принято. Карл, когда ты сюда приплывешь со своей армией?

— Я приплыву сразу в Тунис. Позволь, мой король, откланяться и отплыть на Сицилию.

— Подожди. Коннетабль Ле Брен, когда мы сможем отплыть с Сардинии?

— Ваше величество, я лично готов хоть сегодня, но что на это скажет адмирал де Варенн? Да и не все еще приплыли. Нет рыцарей герцога Нормандского, рыцарей английского короля Генриха и многих других, кто обещал.

— Ле Брен, ты же знаешь, что короля Генриха не будет. Обещал приплыть его сын Эдуард. А приплывет или нет, я сейчас уже не знаю. И герцог Нормандский обещал, да не приплыл... Все так плохо.

— Тогда, ваше величество, мы можем отплыть через неделю, — сказал адмирал де Варенн.

— Карл, — обратился король к герцогу Анжуйскому, — ты успеешь за это время?

— Конечно, мой король, — весело ответил Карл Анжуйский, — я поплыву на всех парусах и обещаю, что обгоню тебя. Ты приплывешь, а я уже захвачу эту полуразрушенную временем крепость!

Анжуйский стал весело смеяться, и за ним следом, подобострастно, не скрывая радости, смеялась и свита короля Людовика. Никто не хотел плыть в Антиохию. Никто не хотел умирать. Никто не хотел быть святым. Никто, кроме французского короля.

— Надеюсь, мой брат, что твои корабли лучше моих разбитых корыт, — сказал Людовик.

— Ах, брат, я же живу совсем недалеко от Генуи и Венеции, где строятся лучшие в мире корабли, и они знают, что я могу направить свою армию к ним, на север Италии...

— Так, может, нам плыть в сторону Генуи и Венеции? — сказал молчавший до этого брат короля Альфонс де Пуатье, граф Тулузский. — Чем вновь попасть в плен к сарацинам, я бы лучше поплыл туда, а уж моя жена Жанна тем более.

— Брат мой, вопрос: зачем ты взял с собой жену? — спросил Карл Анжуйский.

— Я уже говорил: она умеет читать.

— Ах, дядя, какой вы счастливый человек — моя жена Иоланда тоже умеет читать, но наотрез отказалась плыть со мной, — сказал Жан-Тристан.

— Дорогой племянник, — произнес герцог Анжуйский, — твоя жена слишком богата, красива и независима. По-видимому, она не так любит тебя, как любит твоя матушка своего мужа, нашего короля Людовика. Советую, когда вернешься, спесь-то с нее сбей, можно даже плетью. Какой бы она ни была богатой и трижды графиней, все-та-

ки ты сын короля, принц и наследник, — никто не заметил, как при этих словах окаменело лицо старшего сына короля Людовика Филиппа, который прошептал: «Какой наследник? Не бывать этому. Наследник трона один — я».

— Дорогой дядя, — зло произнес Жан-Тристан, — если вы бьете плетью вашу молодую жену, пусть даже для того, чтобы получить большее удовольствие, то это ваша проблема, но советую вам больше не говорить таких слов о моей жене. Кстати, сестре вашей Маргариты. Я же понимаю, почему вы так говорите: не можете успокоиться, что Тоннер принадлежит Иоланде, а значит, мне.

— Я надеюсь, что это ненадолго, дорогой племянник, — парировал Карл Анжуйский и, поклонившись королю, быстро вышел из зала. Слышно было, как он зло отдавал приказание немедленно готовить корабль к отплытию.

— Зачем ты так, Жан-Тристан? — сказал король.

— Отец, какой бы ни была Иоланда, она все-таки моя жена, и, оскорбляя ее, оскорбляют меня.

«Надо же, оскорбился, — подумал Филипп. — Вечером расскажу об этом Изабелле. Вот она посмеется, да еще и Жанне расскажет».

VIII

В первую же ночь плавания по Средиземному морю произошло ужасное — пропал Якоб.

Якоб сменил у руля Солея, и тот ушел спать. Он уже провалился в приятный сон, когда почувствовал, что корабль качается и волны бьют в борт, и во сне подумал: «Что? Шторм? Как быстро налетел. Я и не чувствовал... что значит чужое море...» — и вырвался из плена сна, подскочил с палубы — на корме кричал капитан Шарль.

Капитан Шарль спал очень чутко. Новый помощник Солей и его друг Якоб — двое, кому он доверил держать руль. Они знали Атлантику. Когда показался мыс Рока, капитан стал беспокоиться и, став рядом, рассказывал и показывал Солею и Якобу, как плыть дальше вдоль Пиренейского по-

луострова. В Гибралтарском проливе за рулем стоял Солей, а вся команда корабля, все рыцари, арбалетчики и слуги высыпали на палубу, чтобы заворуженно, с открытыми от удивления ртами смотреть на уходящую в небо гигантскую скалу. Когда вошли в Средиземное море, налюбовавшись необычного цвета водой, к ночи, когда на небе высыпали звезды, Якоб сменил Солея, радостно сказав:

— Иди спи, я тоже хочу посмотреть на эту красоту. Ах, Жак, мечтали ли мы, что когда-нибудь будем плыть по Средиземному морю, увидим Гибралтар, увидим эти звезды и будем управлять таким огромным кораблем!

— Якоб, ты скоро начнешь слагать песни, а может быть, даже писать романы о море, о любви — такие, как о Тристане и Изольде.

— А что? Может быть, и наступит такой момент. Я бы не отказался... Правда, я не умею читать и писать. И как у тебя хватило сил выучиться?

— Все просто — я этого хотел.

— Я тоже постараюсь... потом, когда вернемся. Иди спать.

— Не переживай, старик Шарль обещал вот-вот появиться.

— Он все-таки нам не доверяет?

— И правильно делает. Ладно, я пойду, — Солей посмотрел на звездное небо и произнес восхищенно: — Какая красота! — И ушел спать — недалеко, на нагретую за день палубу...

Солей, наступая на чьи-то тела и слыша в ответ ругательства, добрался до трапа, ведущего на корму. В сероватом рассветном полумраке, вцепившись руками в румпель и расставив ноги, стоял капитан Шарль и старался развернуть судно. Он орал, поминая Бога, черта, всех святых... и Якоба. Солей подскочил к капитану и стал помогать поворачивать корабль. Румпель скрипел от усилия двух людей, но корабль медленно развернулся, а паруса вновь наполнились ветром.

— Ну и сила в тебе, Солей! — восхитился капитан.

— А где Якоб?

— А я откуда знаю? Я прибежал, когда корабль развернуло, а его нигде нет. Он же тебя менял? Он что, пьяный был?

— О чем вы, капитан? Вы должны бы запомнить, что мы не пьем в море.

— Тогда куда он делся? Эй, — закричал капитан матросам, — обыщите корабль, но найдите Якоба. Я хочу задать ему хорошую трепку.

— Капитан, может быть, ему стало плохо и он где-нибудь лежит? — сказал Солей. Голос его дрожал.

— Ищите! — крикнул капитан.

Целый час матросы обследовали все уголки корабля, но так и не нашли Якоба.

— Странно, не мог же он сквозь землю провалиться. Не забрали же его сладкоголосые морские нимфы. Я их не слышал, а сплю я чутко, — сказал капитан Шарль.

— Капитан, — крикнул один из матросов, — смотрите!

Капитан и Солей подошли к борту корабля. На гладком бруске борта была видна кровь.

— Черт, что это? — воскликнул капитан Шарль. — Это же кровь! Он что, ударился и упал за борт? Как так? Солей, он не был болен? Ни на что не жаловался, когда тебя менял?

— Капитан, клянусь, он был здоров. Вы же знаете: мы почти не расстаемся и даже вахты стоим вместе.

— Тогда я ничего не понимаю.

— И я тоже, — тихо произнес Солей. — Но думаю, ему кто-то помог упасть за борт. Но кто?

Капитан, как всякий моряк, хорошо слышал.

— Да кому нужен простой моряк? Правда, если он поцапался с кем-нибудь из моей команды... Этим ребятам убить — как плюнуть!

— Этого не может быть, капитан! Якоба так просто не убить, он любого скрутит, даже если на него будут бросаться с ножом. Если его убили, то кто-то, кто мог к нему подойти очень близко. На корме со спины не подойдешь.

— Тогда я не знаю, как и что произошло, но мне очень жаль, — сказал Шарль. — Иди, Солей, я постою у руля. Поспи часика два и сменишь меня.

— Какой сон, капитан. Я еще поищу или хотя бы что-нибудь узнаю.

Солей обошел весь корабль, заглянул в каждую щель, кроме кают рыцарей, опросил всю команду, но так ничего и не узнал. С тяжелым сердцем вернулся он к капитану.

— Ничего? — спросил Шарль.

— Ничего, — упавшим голосом ответил Солей.

— Пропал парень. Жаль...

За всеми поисками в щелку двери каюты, нависающей с правого борта, криво улыбаясь, смотрел одетый, несмотря на тепло, в меховую накидку и такую же шапочку, кашляющий, худой человек. Это был д'Аниш. Окровавленный нож лежал на качающемся полу.

Де Кантелу, узнав о гибели Якоба, вместе с Солеем спустился в трюм и сам расспросил рыцарей и оруженосцев. Кто-то отвечал, что выходил по нужде в нос судна, но ничего необычного не заметил, другие — что спали. Д'Аниш дверь каюты не открыл, кашляя, раздраженно прохрипел барону через дверь:

— Барон де Кантелу, я болен, я день и ночь молюсь, и ничто другое меня не интересует.

Де Кантелу повернулся к Солею:

— Кажется, я спросил у всех. Мне очень жаль, но я больше ничем не могу тебе помочь.

Солей помнил этого худого, с неприятным лицом и взглядом рыцаря и, поблагодарив де Кантелу, подумал о нем: «Надо же, какой богомольный! Другие пьют вино и бьются на мечах, веселясь от нанесенных ранений, а этот странный какой-то».

Д'Аниш еще в первый день спасения, в Ла-Рошели, когда увидел Солея, поклялся, что отомстит ему за свои унижения и за две стрелы, полученные им более двадцати лет назад. Никто тогда в Шербуре не верил, что он выживет. Наконечник стрелы пробил грудь и воткнулся в легкое, из которого через рану, шипя, вышел воздух. Д'Аниш много недель гнил, метался в лихорадке, рот его пузырился кровью, пока рана в груди не затянулась безобразным рубцом, а пробитое легкое не перестало дышать. Герцог Норманд-

ский сжалился над ним — все-таки дворянин, шевалье, получил ранение при защите города — и оставил его командовать крепостью Шербура. Д'Аниш больше не мечтал ни о карьере военного, ни о дворянском титуле барона. Он уже ни на что не надеялся и ждал, когда герцог назначит ему маленькую пенсию и он в домике на берегу моря будет доживать свои дни. Единственное, что держало его на этом свете, — ненависть и желание отомстить тому беловолосому юноше, что смертельно ранил его стрелой. Что это сделал брат Бьорга Солея, он не сомневался.

В Ла-Рошели он выследил, где живут Солеи, и даже дважды видел Франсуа Солея. Он хотел сразу же убить всю его семью, но его сдерживал страх. Он понимал, что в этом миролюбивом городке такое убийство не останется незамеченным, что все поймут и станут обвинять рыцарей, а барон де Кантелу вспомнит историю двадцатилетней давности и укажет на него. Он боялся. Он хотел ночью поджечь дом, где жила семья ненавистного ему человека, и опять боялся: а вдруг его кто-то увидит и его схватят. Понимал, что не посмотрят на дворянский титул — растерзают. И пока он боялся и думал, как же все-таки ему отомстить, судьба, как всегда, оказалась к нему благосклонной: молодой Жак Солей согласился плыть на корабле, а с ним и ставший уже взрослым мужчиной мальчишка Якоб, слуга погибшего тогда в Шербуре Бьорга Солея. Д'Аниш неоднократно сталкивался с Солеем во время ремонта корабля и когда они уже поплыли по океану. Улыбчивый Жак с ним вежливо, как и с остальными рыцарями, здоровался, но черноволосый Якоб, когда его видел, внимательно приглядывался, и д'Аниш понимал, что тот его узнает — просто спросит у кого-нибудь, как его зовут, услышит «д'Аниш» и сразу же вспомнит, кто он. И расскажет Солею. «И тогда эти твари, не задумываясь, найдут способ от меня избавиться. Просто возьмут и подрубят балки, крепящие мою каюту к борту судна», — от этой мысли дрожь пробегала по телу д'Аниша. Он даже, когда входил в свою каюту, больше похожую на будку, вначале осторожно наступал ногой на пол — не провалится ли? От этого постоянного страха

и бессонницы у него открылась рана в груди, он стал еще сильнее кашлять, и так худой, стал совсем тощим, и на него внимательно смотрел де Кантелу — не помер бы, а рыцари старались обойти стороной, боясь заразиться. Он понял, что долго так не протянет и пора рассчитаться с Солеем, а заодно и его дружкой Якобом. Первым стал Якоб — он узнал Симона, раз спросил: «Господин, вы из Шербурга?» Д'Аниш, презрительно посмотрев на Якоба, ничего на это не ответил. При виде же Солея д'Аниша трясло от страха — того звали, когда надо было вытащить якорь, и вся команда сбегалась, чтобы посмотреть на, как он это делает.

— Ты, Солей, лучше любого битенга держал бы якорь! — смеялась команда корабля.

Юноша один поднимал якорь, когда во многих случаях на кораблях канат попросту обрубали и якорь оставался на дне. А капитан Шарль говорил:

— Солей, я раньше столько тратил денег на якорях, что готов платить тебе дополнительно, только чтобы ты их поднимал.

Настораживало д'Аниша и очень дружеское, доброе, какое-то отеческое отношение барона де Кантелу к молодому помощнику капитана. Д'Аниш ни на минуту не забывал, зачем он пошел в этот поход. У него неоднократно возникала мысль, что барон может назвать своим преемником Солея, но он тут же удивленно думал: «Такое невозможно. Чтобы простолюдин стал бароном? Нет, нет, это чепуха... Никуда де Кантелу от меня не денется, мы же плывем на войну, а на войне убивают... Всех, кроме меня». Когда прошли Гибралтар, д'Аниш решил, что пора исполнять задуманное. «Как бы не опоздать», — решил он.

Ночь была тихая, на черном небе горели огромные звезды. Солей, отстояв свою вахту, ушел спать, капитан давно отдыхал, и у руля стоял один Якоб. И д'Аниш, следивший за всем через щель в двери, решил. Он подошел к Якобу и весело спросил:

— Ну и как тебе живется, Якоб?

— Очень хорошо, господин д'Аниш, — ответил Якоб.

— Ты все-таки узнал меня.

— Я думал, что ты мертв!

— Как видишь, это не так.

— Ничего, я думаю, ты, собака, недолго протянешь. Я скажу Жаку, кто ты есть... — договорить Якоб не успел, — худая жесткая рука закрыла ему рот, а тонкий длинный нож пронзил его сердце. Якоб умер моментально. Д'Аниш с трудом подтащил мертвое тело к борту и сбросил в воду. Ставший неуправляемым корабль развернулся и волны стали с силой ударяться в его борт, сильно раскачивая. Д'Аниш не удержался на ногах и, упав на колени, выронил нож. Тот воткнулся в палубу и д'Аниш, схватив его, поднялся и шатаясь, добежал до своей каюты, скрылся в ней. Корабль швыряло на волнах, и нависающая за бортом каюта угрожающе закрипела, а сердце д'Аниша сжалось от страха. «Господи, — взмолился он, — не дай умереть и утонуть в этом страшном море!» Он ради спасения уже хотел выскочить из каюты, но боялся — быть первым означало быть свидетелем и вызвать подозрение. Обливаясь потом от страха, он все же дождался, когда прибежал капитан корабля, а за ним и Солей и схватились за руль. Страшный скрип каюты прекратился, и весь в поту от переживаний д'Аниш упал на смятую постель и забылся в тревожном сне.

Смерть Якоба отразилась на Солее: всегда веселый и улыбчивый, он превратился в сухого, неразговорчивого, замкнутого человека, слышал и не понимал команд капитана корабля, отвечал невпопад, молчал, забирался на марсовую площадку грот-мачты и сидел там часами — смотрел на горизонт, как будто чего-то ждал и хотел увидеть.

Капитан Шарль ругался, кричал, умолял, плакал, но в конце концов махнул рукой и сказал:

— В Сардинии ты уйдешь с корабля!

Солей не отреагировал и полез по вантам помогать матросам расправлять завернувшийся от ветра парус — он почему-то исполнял, хотя его и не просили, обязанности матроса, — а потом опять забрался на марс.

Все это видел барон де Кантелу и однажды, подойдя к капитану корабля, сказал:

— Капитан Шарль, передайте Солею, что он узнает, кто виноват в смерти его друга, когда совершит подвиг во имя короля, — после того, как капитан спас всех от неминуемой смерти в Атлантике, барон капитана уважал.

Слово в слово ли передал капитан обещание барона или что-то добавил от себя, но поздним вечером Солей подошел к стоявшему у руля капитану, взялся за толстое бревно румпеля и спросил:

— Куда плыть, капитан Шарль?

— Курс на северо-восток, — капитан положил в глиняную чашку с водой пробку с магнитной стрелкой. — Туда, — показал он рукой.

— Все понял, капитан. Идите, отдыхайте.

— Да-а... давно пора. Забыл, когда и спал. Лучше бы ты, парень, запил — я бы приказал тебя связать и выбросить за борт и, поверь, ты бы протрезвел сразу.

— Лучше бы вы так и сделали!

— В следующий раз так и будет, и спасательной веревки не жди. Догонишь корабль — выживешь, а нет — так умри, как умирают моряки... Пошел я спать.

Капитан ушел, а Солей, крепко держа румпель, поглядывая на паруса и звездное небо, управлял кораблем и вдыхал прохладный морской воздух. Когда полоска горизонта окрасилась в розовый цвет, он как будто очнулся и прошептал: «Я тебя найду! Я тебя обязательно найду!»

Корабль еще не доплыл до Сардинии, когда со смотровой площадки грот-мачты закричали: «Корабли! Много кораблей!» — а потом стали видны десятки кораблей. Капитан Шарль сказал стоявшему у руля Солею:

— Пльвем к кораблям — это, видимо, флот короля, — и скомандовал матросам: — Поднимите на грот-мачте флаг герцога Нормандского.

С борта корабля Людовика адмирал де Варенн, сложив ладони трубой, кричал зычным голосом:

— Следуйте за нами!

— Нам не доплыть до Кипра, — закричал в ответ капитан Шарль. — Моя посудина пойдет ко дну.

— Мы пльвем в Тунис.

— Как в Тунис? — крикнул подошедший к капитану барон де Кантелу. — Эй, позовите коннетабля Умбера де Боже. Я командир батальи нормандцев барон де Кантелу.

— Де Боже умер, я новый коннетабль короля Жиль Ле Брен, — ответили с королевского корабля. — Барон де Кантелу, все правильно: мы плывем в Тунис. Это решение короля Людовика.

— Понятно, — крикнул в ответ барон и, повернувшись к капитану, сказал: — Все правильно — плывем в Тунис. А где этот Тунис? Мы доплывем? Не утонем?

— Нет, барон, не утонем. Тунис — это бывший Карфаген. Он на берегу Африки, совсем недалеко отсюда. Примерно пятьсот миль. Если не будет шторма, то через четыре-пять дней мы будем там. Я однажды там был. Пыльный нищий город. Зачем мы туда плывем? Но я рад, что не на Кипр.

— Слава господу, а то я умру от этой постоянной качки. Мне уже блевать нечем, и я не ем неделю. Я ненавижу море. Я не сяду больше ни на один корабль, пусть лучше меня убьют в бою. Я поеду через пустыни и горы, я пойду пешком, но только не поплыву на корабле, — закричал де Кантелу.

— Барон, во Францию из Туниса, кроме как переплыв море, добраться нельзя.

— Тогда пусть меня в этом Тунисе убьют.

— А как же обещание, данное вами Солею?

— Я исполню мое обещание, если он исполнит свое.

— А разве то, что он привел корабль сюда, не подвиг?

— Капитан Шарль, вы свои заслуги другим не приписывайте. Плывите в Тунис и постарайтесь, чтобы я не умер от качки.

На палубе стояли рыцари и оруженосцы, всё видели и слышали и начали кричать:

— Плывем в Тунис! В Тунис! Слава Господу, скоро земля!

Капитан Шарль удивленно смотрел на эту всеобщую радость, а потом рассмеялся и сказал:

— Мне еще лучше... Солей, поворачивай строго на юг!

В сторонке, рядом с мачтой, стоял худой человек и кашлял. Он был единственным, кто не радовался, что плавание скоро закончится. Он был единственным, кто не хотел воевать. Он смертельно устал! Но никто не обращал на него внимания, все веселились, пили вино — скоро конец этого страшного, проклятого морского пути. Скоро земля! Скоро война!

IX

Когда в роскошный зал дворца халифа Туниса Мухаммада аль-Мунтасира вполз на четвереньках визирь Ахмад бен Сулеймен и закричал: «Корабли крестоносцев в море! Очень много кораблей!» — халиф не поверил.

— Ты напился вина или объелся забродившим виноградом? Зачем здесь крестоносцы? У меня с христианами мир. Из них единственный великий — это Карл Анжуйский, король Сицилии и Неаполя, но он не будет воевать со мной, у него и в Италии полно врагов. Он же хочет править Римом. И вообще он желает создать Латинскую империю со столицей в Константинополе. Тогда кто же приплыл сюда? Неужели этот француз Людовик, который сам себя называет Святым? Он один раз уже избежал смерти в Египте, когда его, недостойного, выкупила из плена женщина. Ему нейдет, и он решил еще раз испытать судьбу? Аллах всемогущ, и он будет наказан! Если это Людовик... Но запомни — я велю тебе отрубить голову, если ты соврал.

— Благословенный, но я же не сказал, что это французский король Людовик.

— Тогда что ты здесь делаешь? Иди и узнай!

Визирь выполз из покоев халифа.

Аль-Мунтасир подозвал командира своих мамлюков, синеглазого Амаана.

— Амаан, я не верю ему. Иди с ним и узнай, кто плывет к нам. У страха глаза велики. Может, два корабля с товаром и светлокожими женщинами с Черного моря? В Тунис давно красивых белых женщин не привозили.

— Мой господин, я все сделаю, как ты сказал, но думаю, нам срочно надо усилить гарнизон башни бу-Саид. Неверные не должны захватить башню: падет она — может пасть Тунис.

— Так иди и исполняй, на то ты и командир моих мамлюков. Но прежде выясни, кто к нам приплыл! — халиф вознес кверху руки. — Аллах милосердный, пошли не врагов, но гостей!

Синеглазый воин поклонился и вышел, а халиф приказал:

— Отправьте сообщение в Египет султану Бейбарсу, что крестоносцы приплыли в Тунис.

Корабли один за другим тыкались носами в песок берега, и как только спустили сходни, по ним с ревом побежали, падая, ломая руки и ноги, рыцари, арбалетчики, слуги, рвущие в кровь губы исхудавшие лошади... Сотни, тысячи вооруженных людей сходили с кораблей на берег, падали на песок, плакали от счастья и благодарили Господа, что они живы, что они наконец-то достигли земли, хотя она была совсем не той, куда они плыли, не Палестиной. Но для них эта земля уже стала святой — только бы не плыть дальше! И все они были уверены, что пришли освободить эту землю от чуждой мусульманской веры.

А живущие здесь мусульмане считали христиан своими заклятыми врагами и готовы были ценой своей жизни уничтожать крестоносцев, пришедших на их землю. Встретились не два войска, а две веры! Так считали короли и султаны.

Для короля и принцев установили большие шатры, для канцлера, коннетабля, адмирала — шатры поменьше, еще поменьше — для маршалов, казначея, камергеров, и на берегу появился целый город из разноцветных шатров. Рыцари, оруженосцы, арбалетчики разбивали отдельные лагеря согласно землям, из которых они были родом, разводили костры, жарили мясо и пили вино. Мяса и вина было много закуплено на Сардинии. Лошади свободно, прихрамывая на непривычном белом, мягком песке, ходили по берегу. Охраны у лагеря не было — а чего бояться? Знали — вот-

вот, скоро, может, уже завтра — на штурм. И тогда какая вера, какой Христос — убить, ограбить и уплыть домой!

Всадники в халатах и тюрбанах, подъехавшие к лагерю, с трудом выяснили у радостных и пьяных рыцарей, как проехать к шатру короля, — казалось, в лагере не было ни одного трезвого человека. Двоих — визиря и синеглазого воина — пропустили в шатер короля, и они, войдя, увидели веселящуюся компанию мужчин и женщин. Визирь поклонился и вежливо произнес:

— Я визирь великого халифа Туниса Мухаммада аль-Мунтасира. Мой господин хотел бы знать, кто приплыл к нему в гости и как надолго?

Слова визиря перевели, и раздался громкий хохот, после чего поднялся высокий, плотный, черноволосый рыцарь в дорогой одежде и, икнув, громко произнес:

— Передай своему халифу, что перед ним великий король Людовик Французский со своим многотысячным войском рыцарей. И король желает, чтобы халиф, не оказывая сопротивления, открыл ворота города, принял христианство сам и обязал принять его своих подданных. Ну и подписал мирный договор, по которому должен выплачивать ежегодную дань в размере миллиона ливров золотом. Кстати, за этот год мы бы хотели получить деньги уже завтра, — и все вновь засмеялись.

— Ваше величество, — поклонившись, обратился к сказавшему это французу визирь, — я передам ваши слова моему господину, великому потомку Хафсидов Мухаммаду аль-Мунтасиру.

Француз покачнулся, из кубка в его руке выплеснулось вино, и он рассмеялся:

— Конечно, приятно, когда тебя путают с королем, но короля французов надо знать в лицо. Перед тобой Филипп де Коор, канцлер святого короля Людовика. А король... король — вот он, — канцлер показал на спящего в кресле худого, узколицего человека в мантии, расшитой лилиями. — Но ради тебя мы его будить не будем. Ты свободен. Поезжай к своему халифу и передай ему наши слова. Мы ждем ответа до завтрашнего утра.

Когда визирь, поклонившись, вышел, Филипп, сын короля сказал:

— Может быть, мы зря так неучтивы к посланнику халифа?

— Ваше высочество, чем жестче мы будем вести себя с мусульманами, тем стоворчивее они будут. Этот народ понимает только силу, — ответил коннетабль Жиль Ле Брен.

— Не уверен, что это так. Я в прошлом походе что-то этого не заметил, — тихо произнес Альфонс де Пуатье, брат Людовика и, обняв жену Жанну, сказал: — Я немного устал. Пойдемте, дорогая Жанна, к себе.

— Я тоже пойду. Меня шатает от моря. Пойдем, Изабелла, — сказал сын короля Филипп, встал и, опираясь на плечо жены, покачиваясь, вышел. Однако выйдя, Филипп решил сходить по нужде, и брат короля с женой вынуждены были остановиться.

— Ах, Филипп, неужели ты не мог дотерпеть до своего шатра? Всего-то пять шагов, — сказал Альфонс де Пуатье.

— А какая разница — королевский это шатер или мой?

А Жанна, приобняв Изабеллу, тихо прошептала на ушко:

— Ты видела, какой красавец этот синеглазый тунисец?

— Да... ах, какие глаза. То-то королева-мать так долго не хотела убегать из Египта, — и обе засмеялись...

— Он не тунисец, он мамлюк, — вдруг сказал Филипп. — И если еще раз вы скажете плохое слово о моей матери, я... не знаю, что сделаю...

— Ну и слух! — произнесла Жанна.

— Прости, забыла тебе сказать об этом, — вновь засмеялась Изабелла...

В шатре короля продолжалось празднование.

— Филиппу хорошо, с ним жена, — сказал Жан-Тристан. — Хотя, думаю, сейчас всем будет не до жен. Не верю я, чтобы халиф согласился на все наши условия. Но принимать решение королю.

— Неужели вы не заметили, что они уже испугались? — громко захохотал пьяный коннетабль Ле Брен. — А, иначе, мы завтра начнем штурм, и город будет наш!

И все закричали:

— Штурм! Завтра штурм! — и стали пить вино из дорогих кубков.

— Тише, тише, — сказал, замахав руками, Пьер Вильбеон, — вы разбудите короля.

И все повторили потише:

— Штурм! Штурм! — и продолжили пить вино.

О чем-то шептались мэтр, казначей и хранитель секретов де Вильбеон. Встал канцлер Филипп де Коор.

— Ваше высочество, мы люди не военные и только будем мешать вам обсуждать завтрашний штурм. Позвольте нам покинуть вас.

— Я вас не задерживаю, — ответил Жан-Тристан.

— Господин коннетабль, господа маршалы, господин адмирал, мы уходим, и пожалуйста, сделайте всё, чтобы его величество прекрасно выспался, — сказал канцлер де Коор.

— Идите, идите... Мы знаем, что при виде крови вы падаете в обморок, — весело произнес маршал Жофруа де Ла Шанель. И все громко рассмеялись. Король спал!

Сидели и праздновали долго, но все-таки радость постепенно утихла, усталость и вино сделали свое дело. Пришли камергеры и слуги и унесли своих пьяных герцогов и графов по шатрам.

Слуги короля убрали со столов еду и вино и унесли их в свои палатки. Постельничий Жан Бургинье расстелил большую походную кровать и с помощью хранителя секретов Пьера де Вильбеона, которому впору было самому помогать раздеться, снял с пьяного короля одежду и уложил в постель, после чего, совершив нужду в стоявшие в углу горшки, постельничий и хранитель секретов легли по бокам спящего короля, обняли его, и уже через несколько мгновений мощный храп доносился из шатра короля. И весь лагерь постепенно угомонился и затих, все спали: рыцари в шатрах, солдаты у дотлевающих костров или просто на теплом африканском песке. Редкие дозорные спали сидя, а то и упав набок — сил не было стоять. Над огромным лагерем раскинулось бесконечное черное африканское небо с мириадами больших и малых звезд, а по морю шла лун-

ная серебристая дорожка — от песчаного берега через все море, туда, далеко к горизонту, показывая путь домой, в родную Францию.

На следующий день штурм не состоялся — армия не смогла подняться!

Король проспал до полудня, чуть раньше встали принцы и свита. Еще раньше — рыцари, которых разбудили заспанные слуги. И все не очень понимали, зачем они проснулись. Кое-кто начал подъем с хорошей порции вина; вначале украдкой, а потом и открыто вся армия вновь стала пить вино, гоня слуг на корабли за бочонками и солеными окороками. К полудню, когда проснулся король, армия была уже не в состоянии пойти в бой.

У короля болела голова. Его кое-как умыли и обвязали голову смоченным в уксусе куском ткани, отчего он стал похож на мусульманина в чалме. Король сел за уже накрытый стол и приказал прийти своей свите. Все пришли и сели по своим вчерашним местам, как будто и не уходили спать. Лица у всех, включая женщин, были не очень свежи.

— Я что-то вчера пропустил? — начал вялым голосом король. — Мне что-то рассказал де Вильбеон, но я ничего не понял из того, что он сказал. У него какая-то каша во рту. Скажите, что вчера произошло? Тунис сдался? — король хрипло засмеялся и, схватив кубок, отхлебнул хорошую порцию вина. Бледное лицо его сразу раскраснелось. — Кто вел переговоры? Давайте, рассказывайте, что да как? Может уже пора плыть домой? Как представлю опять бушующее море, мне становится дурно. Может, хоть немного поживем в Тунисе?

Король опять отхлебнул из кубка, сжал руками обмотанную тканью голову и жалобно произнес:

— Как же мне плохо!

— Ваше величество, — сказал канцлер де Коор, — вы меня простите, но переговоры вел я. Как и договаривались в Кальяри, я изложил визирю халифа Мухаммада ваши требования: сдача города, принятие христианства, подписание мирного договора и выплата дани.

— Сколько потребовали денег? — спросил король.

— Миллион ливров золотом в год.

— Хорошо бы сразу вернуть те четыреста тысяч, что мы выплатили им двадцать лет назад...

— Я, ваше величество, потребовал миллион.

— О-о! И как?

— Мы им назначили срок выплаты сегодня.

— Отлично! Есть повод выпить вина, — король опять отхлебнул большой глоток. — И можно не спешить со штурмом. Кстати, Ле Брен, всё ли готово к штурму? Мы должны быть готовы ответить всей мощью моей армии на возможный отказ халифа Туниса.

— Ваше величество, а разве мы не будем ждать войско вашего брата Карла Анжуйского? Он же обещал прибыть в Тунис восемнадцатого июля, — вопросом на вопрос ответил коннетабль Жиль Ле Брен.

— А сегодня какое число?

— Двадцатое июля, ваше величество.

— Ждать не будем. Если завтра город не будет сдан и миллион ливров не будет сюда привезен, приказываю начать штурм. Ну а сейчас давайте завтракать. Расскажите лучше, как всем спалось?

Армия отдыхала еще один день. Ответа от халифа не было.

Через день королю стало чуть легче, и он, произнеся знаменитую фразу древних римлян: «Карфаген должен быть разрушен!» — приказал начать штурм города. Дисциплина среди рыцарей восторжествовала, и, надев кольчуги, шлемы и плащи с крестами, прикрывшись щитами и построившись в отряды-батальи, кто на лошадях, кто пеший, они медленно пошли на штурм башни бу-Саид, закрывающей со стороны моря вход в пригороды Туниса. Впереди рыцарей шли арбалетчики и лучники, два десятка крепких воинов тащили бревно-таран, а солдаты несли длинные лестницы. Их сделали из привезенных длинных жердей — в Сардинии вырубил целую рощу тонких длинноствольных кипарисов. Впереди рыцарей ехал на красивом коне, в блестящих доспехах и с отсвечивающей золотом орифламмой в руках Ланселот де Сен-Марк.

Короля посадили на коня, чтобы он мог лучше видеть, как сражается его армия, а рядом встал рыцарь Жервэ д'Эскренн с банньерой — с переливающимися на бирюзовой ткани золотыми лилиями личным знаменем короля. Все было необычайно красиво и торжественно.

Мусульмане на стенах башни молчали.

С расстояния ста шагов французские арбалетчики начали стрелять. Короткие стрелы со свистом улетали в сторону башни, не принося защитникам никакого вреда — их не было видно. Но когда расстояние сократилось до пятидесяти шагов, уже защитники начали стрелять из луков, и их стрелы попадали в щиты и незащищенных воинов, несущих лестницы. Однако и королевские арбалетчики с лучниками с такого расстояния посылали свои убийственные стрелы во множестве и довольно метко.

Среди лучников выделялся высокий юноша с развевающимися белыми волосами. Он стрелял из длинного лука и столь метко, что каждый его выстрел вызывал восхищение у наступающих солдат.

— Кто этот юноша? — показав на него, спросил маршал де Ла Шанель. Окружавшие маршала рыцари недоуменно пожимали плечами, пока один не сказал:

— Это идет барон де Кантелу с батальей нормандцев.

— Тогда чего удивляться! Всем же известно, что нормандцы — дикие викинги. Посмотрите, как хорошо и метко этот юноша стреляет. А барон-то где? Я не вижу.

— Вон он, седой старик на коне, без шлема, — опять подсказали маршалу.

— Когда закончится штурм башни, пригласите ко мне барона...

Башня бу-Саид прикрывала дорогу от моря к пригородам Туниса Карфагену и Сиди-бу-Саиду, окруженным каменными стенами, а дальше шел старый город Эль-Медина, вокруг которого шла еще одна стена, более высокая, с башнями и железными воротами. Начать штурм самого города, не захватив башню бу-Саид, было нельзя — в спины наступающих полетели бы сотни стрел. Коннетабль Ле Брен приказал рыцарям под командованием маршала де

Сауси обогнуть башню, чтобы осажденным в башне сарацинам не могла прийти помощь из города, а солдаты маршала де Ла Шанеля начали штурм башни.

Со времен падения Карфагена на Тунис не нападала столь огромная армия.

Деревянные ворота башни оказались старыми, и хватило десятка ударов тараном, чтобы они рассыпались на куски. Лучники и арбалетчики армии Людовика тоже прекрасно справились — их было так много, что стрелы тучей летели в сторону башни, убивая поднявшихся над краем стены защитников сразу несколькими стрелами.

Ворота рухнули, арбалетчики и солдаты расступились, и в крепость на лошадях ворвались закрытые длинными кольчугами с металлическими бляхами на груди и накинутыми белыми плащами с красными крестами рыцари маршала де Ла Шанеля. Мамлюки оказали сопротивление, дрались, умирали, но крестоносцев было так много, что на каждого защитника нападали сразу несколько рыцарей, оруженосцев и пехотинцев. И лишь несколько мамлюков на гладких, длинноногих, с лоснящейся шерстью и гривой черных лошадях, во главе с воином, с головы которого в пылу битвы упал тюрбан и стали видны его длинные белые волосы, размахивая кривыми мечами, страшно визжа и убивая всех на своем пути, прорвались к разрушенным воротам.

— Мамлюки! — закричали в рядах наступающих, и они отшатнулись от скачущих на них всадников, а те вырвалась из башни и, дико крича, ускакали в пустыню. Им вслед стреляли арбалетчики, но они впервые встретились с таким странным противником и у них от страха тряслись руки — стрелы ни в кого не попали.

Башня была взята, и раздался громовой радостный клич из тысяч глоток. Все поднимали мечи, арбалеты, копья и кричали:

— Да здравствует великий король Людовик! Да здравствует Людовик Святой! Победа!

Армия вернулась в лагерь, и началось безудержное веселье. Все решили, что поход окончился быстрой и великой победой!

Когда армия приплыла в Тунис, только три человека не радовались вместе со всеми и не пили вина: капитан Шарль боялся, что матросы перепьются и сожгут его корабль, командир батальи нормандцев барон де Кантеллу был стар для вина, а помощник капитана Жак Солей почти не пил, потому что это не было принято в его семье. Все трое стояли на носу корабля и смотрели, как армия праздновала свое прибытие в Тунис.

— Ну что, Солей, ты принял решение? Готов ли ты совершить подвиг ради своего короля? — спросил де Кантеллу.

— Не делай этого, Жак! Твое призвание море. Ты же его любишь. Закончится это безумство, — капитан Шарль показал на раскинувшийся на многие сотни шагов лагерь армии короля, — мы получим свои деньги и живыми, слышишь — живыми, поплывем домой. Обещаю, я даже заверну в твой теплый городишко, чтобы высадить тебя там.

— Господин барон, остается ли в силе ваше обещание сказать, кто убил Якоба? — спросил Солей.

— Юноша, я готов это сказать тебе хоть сейчас, но ты испортишь свою жизнь — ты пойдешь мстить и угодишь под топор палача. Я сдержу свое обещание, но только если ты сделаешь то, что я тебя просил: совершишь подвиг во имя нашего короля. Тогда ты станешь дворянином и тебя никто уже не тронет.

— Вы хотите сказать, что убийца Якоба дворянин? Рыцарь? — удивился Солей.

— Я и так уже сказал слишком много.

— Господин барон, вы хотите послать его на смерть? — спросил капитан Шарль.

— Одному из Солеев я обязан жизнью. Я должник перед его семьей. Капитан Шарль, этот юноша знает, что подвиг нужен. И все Солеи — викинги, и все они воины. Решайся, Солей.

— Я согласен, господин барон.

— Тогда подожди, — барон ушел в свою каюту и, вернувшись, протянул Солею длинный лук и кожаный колчан с двумя десятками столь же длинных стрел.

— Я думаю, ты умеешь с ним обращаться? — спросил барон.

— Спасибо, господин барон, у нас дома есть такой же. Это английский лук.

— Вот и покажи всем, как ты умеешь из него стрелять. Сюда же приплыли арбалетчики. Почему-то все считают, что из арбалета стреляют дальше и точнее и что арбалетчики лучше лучников. Если так пойдет, то скоро лучников не будет. А я в это не хочу верить.

— Хорошо, господин де Кантелу, но только сдержите свое слово, — сказал Солей.

— Не забывайся — я барон!

— Но как же я узнаю, что уже совершил подвиг?

— Судьба сама приведет тебя к нему.

— А можно мне оставаться на корабле? Я не очень хочу спать на песке и пить вино, — спросил Солей.

— Это решать капитану Шарлю, — ответил барон.

— Я не возражаю, но, Жак, мне тебя искренне жаль.

— Господин барон сказал, что это судьба.

— Если бы только судьба, а так... — капитан махнул рукой в сторону празднующего лагеря. — Посмотри — какая же это судьба?

На следующий день Солей никуда не пошел — армия праздновала. Что праздновала, он не знал, да и никто не знал. Через день армия пошла на штурм, но не города, а всего лишь небольшой каменной башни. Солей с луком шел вместе с арбалетчиками-нормандцами. Позади ехали на лошадях барон де Кантелу и рыцари отряда. Солей с необычным для себя радостным чувством, как будто раньше не стрелял из лука, натягивал тетиву — лук сгибался и звенел, стараясь вырваться из рук. Когда арбалетчики начали посылать свои короткие стрелы, которые не долетали до стен башни, он выстрелил из своего длинного лука — стрела попала в выглянувшего из-за стены мусульманского воина.

— О-о! — восхищенно закричали арбалетчики. У Солея было мало стрел, и он старался стрелять редко, останавливался и тщательно прицеливался, и его стрелы чаще

других достигали цели, вызывая бурю восторга у идущих рядом арбалетчиков и пехотинцев. Лезть на стены не пришлось — ворота были сломаны тараном, арбалетчики расступились, и к распахнутым воротам понеслись лошади с рыцарями, побежали оруженосцы и пехотинцы. Арбалетчики поняли, что для них бой закончился, и остановились, решая, идти ли вслед за рыцарями и пехотинцами или повернуть обратно в лагерь. В это время из башни выскочили всадники на красивых тонконогих конях и, крича что-то непонятное, дикое, жуткое, убивая изогнутыми мечами всех на своем пути, поскакали на нормандцев. Те, бросив арбалеты, стали разбегаться или падали на землю. Впереди скакал всадник с длинными белыми волосами и большим сверкающим мечом рубил бегущих воинов короля. На его пути оказался Солей, который стоял и изумленно, как на призрак, глядел на всадника. Конь беловолосого воина вздыбился перед Солеем, всадник поднял меч, чтобы зарубить его, но вдруг, что-то крикнув, опустил меч и ускакал в пустыню.

— Почему он тебя не убил? — заикаясь от страха, спросил поднявшийся с песка арбалетчик. — Станный какой-то мавр — беловолосый, как ты.

— Не знаю. Может, потому и не убил, — прошептал Солей.

Башня бу-Саид была взята!

На небольшой площади внутри башни радовались солдаты, поднимали вверх копья, мечи. Слуги рыцарей обшарили все закоулки круглой башни, дрались из-за найденных мелких денег, оружия и особенно воды. Воины, которым ничего не досталось, ругаясь, уходили обратно на берег моря, к своим потухшим кострам, и пили вино, а опьянев, продолжали дико радоваться победе над маврами.

В шатре короля тоже шло празднование победы. Все восхваляли короля, а напившись, стали вспоминать и свои заслуги. Маршал Жан де Сауси стал жаловаться коннетаблю Ле Брену, что его воинам ничего не досталось, хотя только благодаря ему не пришла помощь из города.

— Почему вся слава досталась де Ла Шанелю? — кричал маршал.

— Ты, де Сауси, неправ, мои воины умирали во славу короля и должны быть вознаграждены. И где эта награда — несколько баранов, хлебных лепешек да пара бурдюков с водой — вот и всё? — кричал в ответ де Ла Шанель.

— Прекратите, — миролюбиво произнес король Людовик. — Все заслуживают наград, и главная награда — это благословение Господа нашего.

— Да, да, да, — закричали за столом. — Всё правильно. Всё во имя Господа. Король — вы великий человек!

Маршалы, еще немного поругавшись, выпили вина и успокоились. Коннетабль Ле Брен спросил у де Ла Шанеля:

— Скажи-ка, де Ла Шанель, а кто это у тебя так метко стрелял из лука? Кто этот высокий беловолосый лучник?

— Это надо спросить у барона де Кантелу, это лучник из батальи нормандцев.

— Кстати, а где барон? — услышав имя де Кантелу, спросил король. — Где мой старинный друг? Пригласите его.

Когда в шатер вошел старый воин и низко поклонился королю, а потом и всем присутствующим, король весело закричал:

— Барон, почему я тебя не видел в Кальери?

— Я не успел, ваше величество. Корабль попал в шторм и получил пробоину. Пришлось ремонтироваться в Ла-Рошели. Спасибо капитану корабля, иначе мы бы все давно кормили рыб. Погибли все лошади, несколько рыцарей, арбалетчиков и слуг.

— Простите, ваше величество, но я видел барона на прекрасной лошади, да и его рыцари были на хороших конях, — сказал коннетабль Ле Брен.

— Что скажешь, де Кантелу? — засмеялся король. — Оказывается, за тобой внимательно следят.

— Я не заслуживаю такого внимания, — ответил барон. — Что же касается лошадей, то их для нас купил мэр Ла-Рошели у тамошнего бальи Тибо де Блуа.

— Как это — купил у бальи? — удивился канцлер де Коор. — Де Блуа был обязан обеспечить вас лошадьми. Ваше величество, я уже слышал об этом бальи де Блуа из Аквитании. Он нарушает ваши законы, не разрешающие бальи заниматься разведением скота и торговлей.

— Хорошо, напомните, де Коор, мне об этом, когда вернемся из похода. Тут к тебе, де Кантелу, вопрос об одном из твоих воинов.

— Скажи, барон, что за лучник у тебя в отряде? Высокий, беловолосый, похожий на викинга и прекрасно стрелявший, — спросил маршал де Ла Шанель.

— Его зовут Солей. Это не воин, господин маршал. На нашем корабле во время шторма сломал ногу помощник капитана, а этот юноша помогал нам ремонтироваться в Ла-Рошели, и капитан Шарль уговорил его стать своим помощником. Он рыбак и сын рыбака, но я знал его деда и отца и предложил ему пойти со мной в поход. Его дядя когда-то служил у герцога Нормандского и во время похода на Англию спас мне жизнь. Эти Солеи — прирожденные воины и необыкновенно сильны: могут с легкостью сломать подкову и великолепно стреляют из лука.

— Там, в Ла-Рошели, не все такие? — рассмеялся маршал де Ла Шанель.

— Господин маршал, я там всем предлагал пойти в поход, а согласились только двое.

— Почему? — спросил король.

— Там живут одни рыбаки, они никуда не хотят уезжать из своего городка, настолько им нравится земля, где они живут. Да мне и самому там понравилось — у них совсем другое море, а воздух столь теплый и приятный.

— Ты так красиво говоришь, де Кантелу, что мне захотелось туда съездить. Надеюсь, я когда-нибудь обязательно там побываю. А на твоего викинга надо посмотреть, — сказал король и приказал: — Пусть подадут мясо, а ты, де Кантелу, садись вот здесь, рядом со мной. Филипп, пересядь куда-нибудь.

— Почему я? — посерел лицом сын короля. — Пусть пересядет Жан-Тристан, он же младший.

— Я так хочу. А Жан-Тристан, пусть и младший, но мой любимый сын. И не спорь со мной. Здесь король я.

— Да, отец, — тихо произнес Филипп. Глаза его блеснули от обиды. Жан-Тристан, глядя на него, прикрыл ладонью рот и тихо рассмеялся.

— Ваше величество, позвольте мне уйти — что-то мне не очень хорошо. Наверное, что-то съел, да и жена захворала, — сказал Филипп.

— Иди. Для будущего короля у тебя и у твоей жены слишком слабые желудки. Успей добежать... а то твоей любимой женушке придется подтирать тебе ж... — Все разразились хохотом. Громче всех смеялся Жан-Тристан.

Филипп выскочил из шатра короля и быстро пошел к себе, где его ждала жена Изабелла Арагонская, но вдруг остановился и, развернувшись, пошел к берегу моря. Море и небо разделяла красно-багровая, похожая на кровь полоса. Лагерь ревел от праздничных выкриков и песен, кто-то плясал, а кто-то уже дрался на ножах, вызывая дружный хохот и крики в поддержку своего бойца.

«Ну-ну, так недолго и перерезать всем друг другу горло... А-а, наплевать! — подумал Филипп, и перед его глазами вновь возникли смеющийся король и красное от смеха лицо брата Жана Тристана. — Почему отец стал ко мне так относиться? Это же я будущий король. Или что-то изменилось? А Жан-Тристан? Он-то почему так себя ведет? Может, ему что-то пообещал отец? Что? Трон? Но он может получить трон, только... если не будет меня...» По спине Филиппа пробежал холодный пот, он испуганно оглянулся, вдруг представив, что смерть уже стоит за его спиной. «О боже, как же я сразу не догадался!» — подумал он и вдруг увидел, как из темноты, отражаясь в пламени костров, появилась тень и стала приближаться к нему.

— Остановись! Что тебе надо? — дрогнувшим голосом крикнул Филипп.

— Ваше высочество, меня зовут Рауль де Лаваль. Я рыцарь из отряда герцога Бретонского.

— Что тебе надо, де Лаваль? Разве ты не знаешь, что не можешь просто так приближаться к королевским особам?

— Да, знаю, но мой отец когда-то мог прийти к вашему деду в любое время.

— Постой! Мне что-то говорит твое имя. Напомни, кем был твой отец?

— Маршалом.

— А-а, вспомнил — маршал Андре де Лаваль. Там какая-то странная история, связанная с ним... Что-то не очень хорошее...

— Ваш отец, став королем, лишил его должности маршала.

— Ты что-то путаешь! Маршалы неприкосновенны, и их должность пожизненная.

— Вот и вы это знаете, а ваш отец нет. Мой отец не только перестал быть маршалом, но и лишился титула графа, после чего ушел служить к герцогу Бретонскому. Три года назад он умер, а я, став простым рыцарем, пошел в этот крестовый поход.

— Зачем? Ты же должен быть обижен на короля Людовика?

— Я хотел посмотреть на человека, из-за которого мой отец, граф и маршал, стал вассалом герцога Бретонского; на человека, из-за которого я стал простым рыцарем и должен сейчас пить и есть вместе с людьми, которые не достойны даже стоять рядом со мной!

— Не боишься, де Лаваль, что я прикажу тебя арестовать и казнить?

— А что я теряю? Я давно уже все потерял.

— И что ты хочешь от меня? Не меня же ты хотел увидеть?

— Короля Людовика я уже увидел, а вот нового короля еще нет.

— Какого нового короля? У нас один король — мой отец Людовик.

— Но он же не вечный. Я бы хотел быть полезным будущему королю.

— Ах, будущему, — грустно сказал Филипп и махнул рукой, — когда еще это будет, и будет ли вообще.

— Будет, и раньше, чем вы думаете, ваше высочество. Надо только судьбе помочь...

— В чем помочь?

— Освободить трон.

— Да я сейчас тебя убью! — Филипп стал вытаскивать короткий меч из ножен.

— Вы можете это сделать — я с легкостью приму смерть от ваших рук, но приблизит ли это вас, ваше высочество, к вашей мечте стать королем?

— Что ты хочешь? — тихо спросил Филипп.

— Я хочу помочь вам стать королем Франции.

— Но как? — еще тише спросил Филипп и оглянулся.

— Король должен передать вам трон.

— Как передать?

— Как всегда. Умирая.

— Ты... злодей.. Эй, стража! — Филипп хотел громко крикнуть, но голос его сорвался, и раздалось какое-то шипение.

— Я хочу помочь вам стать королем! — спокойным голосом повторил стоявший перед принцем молодой человек.

— Но король перед... может объявить королем Жана-Тристана.

— Король объявит только вас.

— Но...

— Только вас, ваше высочество.

— Почему я тебе должен верить? Может, ты ко мне подослан?

— Зачем мне это надо? Я всего лишь хочу вернуть принадлежащий нашей семье незаконно отобранный титул.

— Ты хочешь стать маршалом?!

— Я хочу, чтобы мне вернули титул графа и жезл маршала, принадлежащий мне по праву и данный вашим великим дедом, королем Людовиком Львом.

— Иди, я подумаю. Как мне тебя найти?

— Рыцарь Рауль де Лаваль из батальи герцога Бретонского.

— Хорошо. Иди...

XI

Халиф Туниса Мухаммад аль-Мунтасир был не просто разгневан — он был в бешенстве. Любитель удовольствий, хорошей еды, фруктов и очень красивых наложниц был удивлен нападением французского короля, с которым, как ему казалось, он был почти в дружественных отношениях. Французы никогда не нападали на Тунис. Тунис не граничил с Египтом, где правил великий мамлюкский султан Арабского халифата Аз-Захир Бейбарс аль-Бундукдери, разбивший не только крестоносцев, но и монголов, и был очень далеко от Палестины, из-за которой шла война между христианами и мусульманами. Тунис был ближе к Европе и поэтому не был воинственным мусульманским государством, в нем жило много христиан, да и все помнили его великое старинное имя — Карфаген! Оно даже сохранилось в одном из пригородов города.

Когда командир мамлюков Амаан Белоголовый доложил, что войско короля французов Людовика составляют чуть больше четырехсот рыцарей, около двух тысяч оруженосцев, арбалетчиков и солдат и столько же «рабов», как презрительно назвал Амаан слуг рыцарей, лежавший на подушках халиф приподнялся.

— Чего они хотят? — спросил своего визиря халиф.

— Благословенный, — сказал стоявший на коленях визирь халифа Ахмад бен Сулеймен, — эти недостойные собаки хотят, чтобы мы склонились перед их христианским миром, предали своего Господа Аллаха все милостивейшего и всемогущего и перешли в их веру.

Халиф удивленно промолчал.

— И чтобы мы без сопротивления открыли ворота Туниса, — продолжил визирь.

Халиф молчал.

— И платили дань — миллион ливров золотом в год.

Халиф сел на подушки.

— И миллион заплатили сейчас, — тихо договорил визирь.

Халиф открыл рот, покраснел и вдруг упал на спину. Все испугались, как бы удар не случился с великим халифом, и бросились к нему, но халиф перевернулся на живот и начал смеяться — как рыдать, иногда останавливаясь и подвывая.

— Может, они еще потребуют отдать им мой гарем? — смеялся Мухаммад аль-Мунтасир и, перевернувшись на спину, вновь улегся на гору подушек.

— Как ты приказал, благословенный, султану Бейбарсу послана весть о нападении армии короля Людовика, — склонился до ковров в поклоне визирь.

— Ты поторопился, визирь, можно было и не посылать. Этот Людовик что — безумный? Неужели с таким войском он собирается захватить Тунис?

— Мой повелитель, мои лазутчики выяснили, что Людовик ждет своего брата Карла, короля Сицилии, — произнес мамлюк Амаан.

— Тогда понятно, почему Людовик напал на Тунис. Я знал, что их христианский папа просил послать войско в Палестину. С чего он вдруг высадился на нашем берегу? Этого захотел не Людовик, этого захотел Карл! Карлу нужны деньги! А христианство — это так... Как же он уговорил Людовика? Тот же у них считается святым. Почему он не поплыл в Палестину? — халиф покачал головой, задумался и вдруг крикнул: — Я понял: у Людовика нет ни денег, ни войска... Ну и что будем делать?

— Мой повелитель, я предлагаю напасть на их лагерь. Они второй день пьют, охраны почти нет. Пятьсот всадников решат все! Я притащу их короля на аркане к вашим ногам.

— Не надо портить мои ковры! Ты великий воин, Амаан, но если ты такое сделаешь, то против меня восстанет весь христианский мир.

— Но Людовика двадцать лет назад уже пленили, и его выкупила жена. Какой позор для воина! Вам, мой повелитель, никто не мешает это повторить! Только скажите, и я все сделаю! — воскликнул мамлюк.

— Ты, Амаан, этого знать не можешь. Тебе самому-то, наверное, чуть больше двадцати лет. Во всяком случае,

столько ты здесь живешь. Это тебе твой учитель рассказал? Да, двадцать лет назад короля Людовика разбили и пленили, но армия христиан была в пять раз больше, и против него воевал сам великий Бейбарс. Ты хочешь, чтобы я стал вторым Бейбарсом? Тогда мне лучше сразу проглотить бриллиантовую пыль. Я халиф Туниса, и никем другим быть не хочу.

— Так что же делать, мой повелитель? — удивленно спросил мамлюк.

— Готовиться к осаде! Укреплять город. Набрать воды во все подземные хранилища, во все чаны и кувшины. Около городских колодцев поставить стражу. Все колодцы вокруг города засыпать. Скот угнать в пустыню, в оазисы... Ты говоришь, празднуют, пьют вино? Пусть пьют. Чем больше, тем лучше. Посмотрим, как они с вином, но без воды выживут! — засмеялся халиф.

— Но, мой повелитель, мои мамлюки рвутся в бой! — крикнул Амаан, и его синие глаза сверкнули.

— Они не твои, они мои. Возьми отряд из сотни мамлюков и защищай башню бу-Саид.

— С сотней против армии?

— Ты боишься, Амаан? Вспомни, что значит твое имя.

— Я всегда это помню, мой повелитель. Второе качество пророка — верность. А страха не ведаю! Смерть, принятая в битве против неверных, — почетная смерть для любого мусульманина.

— Ты не мусульманин, ты мамлюк! — сказал халиф. — Ты воин. И не думай, что мы тебя оставим там умирать одного. И другим хочется славы. Иди, но прошу — останься живой.

Когда крестоносцы захватили башню бу-Саид, мамлюк Амаан, бесстрашно сражаясь, убивая всех на своем пути, успел вырваться с несколькими воинами из захваченной башни и ускакать в пустыню, а ночью пробрался в город и явился к халифу аль-Мунтасиру.

— А-а, мой славный Амаан, как я рад, что ты жив! — весело закричал халиф.

— Мой повелитель, как же так случилось, что я не получил помощи и, потеряв в бою всех своих мамлюков, не смог удержать башню?

— Ты, Амаан, герой! Виноват во всем визирь Ахмад бен Сулеймен. Это он не послал тебе помощь, за что уже отправлен в Башню смерти и ждет казни. С этого момента ты мой военный визирь! — беловолосый молодой человек упал на колени и удивленно смотрел своими синими глазами на халифа.

— Я недостойн, мой повелитель, — произнес он, склонив голову.

— А это уже зависит от тебя. Ты должен защитить город. Пусть твои лазутчики день и ночь следят за французами и докладывают, что происходит в их лагере. Меня прежде всего интересует, что у них с водой.

— Я все сделаю, чтобы вы, мой повелитель, победили неверных.

— Ты, Амаан, опять за свое? Когда же ты наконец поймешь, что мне не нужна победа — я не должен проиграть! Ты не дай им захватить город, остальное доделает жажда. Иди, командуй!

Когда Амаан вышел из покоев, халиф тихо произнес:

— Глупый мальчишка. Мне не нужна слава Бейбарса. Бейбарс может быть только один. Остальные получают бриллиантовую пыль.

Амаан же пошел к отряду мамлюков, самых бесстрашных, самых отважных, самых непримиримых воинов мусульманского мира, и, отдав распоряжения по защите города — все кланялись перед ним, молва о его назначении визирем долетела до воинов быстрее произнесенных халифом слов, — ушел в дальний конец дворца, где жил аль-Дин — старый прорицатель и учитель, когда-то учивший премудростям жизни еще маленького Мухаммада аль-Мунтасира и теперь доживающий свой век в небольшой каморке. Слава Аллаху, кусок лепешки и кувшин свежей воды каждый день у него были, а что еще нужно старому человеку? Только книги.

Аль-Дин когда-то учил исламу мальчиков-рабов, пригнанных из далеких северных земель, где лежит неизвестный в Тунисе снег, а маленького, самого подвижного и умного мальчика с белыми волосами и синими глазами, которого нарекли Амааном Белоголовым, очень любил, и тот отвечал на его любовь вначале детской, а потом и юношеской любовью и привязанностью. Для Амаана аль-Дин заменил родителей, которых он не помнил.

Старый мудрец болел. Он знал, что дни его сочтены, и был рад приходу Амаана. Старчески прищурившись и присмотревшись к лицу своего любимчика, спросил:

— Я вижу: тебя, визирь, гложет какая-то дума и ты никак не можешь найти ответ...

— И ты уже знаешь? Учитель, вчера, когда я вырывался из башни бу-Саид, которую захватили неверные, я видел воина, не похожего на французов — он был беловолосый и синеглазый, как я. Мне кажется, что если нас поставить рядом, то можно было бы сказать, что мы братья. И я не смог его убить! И сейчас не знаю, правильно ли я сделал. Объясни, учитель, почему я не похож даже на мамлюков, а похож на того воина?

— Мне под страхом смерти не положено рассказывать мамлюкам историю их рождения, и я никогда и никому не говорил, но теперь мне уже не страшно. Ты, как и все воины-мамлюки, не мусульманин по рождению. Вы — дети-рабы из далеких северных земель. Это очень далеко, на краю света, где огромные леса, полноводные реки, поля, горы, и там есть зимой снег — белая замерзшая вода, падающая с неба.

— Так вот что мне иногда снится: белый холодный пух, падающий на лицо, — прошептал юноша.

— Значит, ты все-таки помнишь, — сказал учитель. — Вы, мамлюки, лучшие воины в мире. Скажу больше: великий султан Бейбарс тоже мамлюк! Почему ты не похож даже на мамлюков? Я думаю, ты не кипчак и не грузин, ты из совсем дальних северных земель, где живут русские и викинги. По-видимому, твои родители попали в плен к монголам, а потом ты, еще ребенком, попал к нам.

— Но тот, беловолосый — мой враг!

— Да, он иноверец, но не враг. Я никогда не был воином и не держал меч в руках, поэтому для меня все люди одинаковы. Я никогда не призывал убивать других людей. Я сказал тебе то, что знаю, и то, что ты хотел услышать.

— Я услышал, но ты меня не переубедил. Они пришли на мою землю не как гости, и для меня они смертельные враги. И я их буду убивать! Спасибо и прощай, учитель.

— Прощай. Но прошу тебя, если ты еще раз встретишься с ним, не убивай его.

— Почему?

— Потому что он твой брат — не по вере, по крови.

— Учитель, ты говоришь слова, недостойные мусульманина.

— Пусть будет так, но помни, что я тебе сказал. Я так вижу...

Амаан, недоумевающий и грустный, вышел от учителя, но тут же забыл о разговоре — десятки воинов ждали его приказов, а за этими десятками стояли подчиненные им сотни, которых надо было поставить в нужных местах на крепостных стенах. Надо было организовать защиту не только стен, но и самой большой ценности, дороже любого золота, единственной способной сохранить жизни воинам и жителям, — воды. У всех городских колодцев была поставлена усиленная охрана. Горожанам под угрозой смерти было приказано не приближаться к колодцам ближе десяти шагов, а охранявшим воинам — убивать любого, кто позволит себе перейти эту невидимую черту. Люди исчезли с площадей.

Через потайные ходы были отправлены в сторону французского лагеря лазутчики, которые доносили Амаану все, что происходит в лагере крестоносцев. Все колодцы вокруг города были засыпаны либо в них были сброшены трупы животных. Город был готов драться, но выстоять длительную осаду не мог. Амаан это понимал, потому-то и хотел одним мощным ударом разбить крестоносцев. Станный, даже, казалось, трусливый, хитрый, недостойный воина план халифа был ему непонятен. Но он гнал эту мысль — для него халиф был наместником Аллаха на земле.

ХП

— Ваше величество, у нас беда: армии не хватает воды, из-за нее уже дерутся! — голос коннетабля Ле Брена был испуганным.

— Ты о чем, Ле Брен? Какой воды?

— Простой, ваше величество... чтобы пить.

— А куда она делась? Что-то, когда отплывали с Сардинии, никто ни слова не говорил о воде, все подсчитывали, сколько взять вина.

— А сейчас в армии начинают драться из-за воды.

— Но ты не ответил мне, куда она делась.

— Выпили, ваше величество.

— Пить надо вино, а водой умыться!

— Армия уже не моется. Так, чуть в море ополоснется, и всё. Так в нем не вода — соль!

— Раз не хватает, так изыщите.

— Воды нет. Колодцы засыпаны песком либо в них трупы скота.

— Фу, как противно! Что ты хочешь всем этим сказать, Ле Брен? — голос короля дрогнул.

— Нужно либо как можно быстрее взять Тунис, либо уплывать обратно.

— Да в своем ли ты уме, Ле Брен? Как можно уйти, не выполнив клятву, данную Господу?

— Тогда надо штурмовать город.

— Нет, ей-богу, ты, Ле Брен, действительно сошел с ума! Как с такой маленькой армией штурмовать такие стены? Надо ждать, когда приплывет мой брат Карл со своими рыцарями. У него армия намного больше моей. Когда они будут здесь, мы одним ударом захватим город.

— Ваше величество, а когда он приплывет?

— Де Брен, ты кого спрашиваешь — меня? Это мне все должны сказать, когда мой братец соизволит прибыть сюда. Впрочем, — король повернулся к скучающему де Вильбеону, — Пьер, оторвись от созерцания дыр в моем шатре и пригласи сюда канцлера де Коора и мэтра де Лонгвиля.

— Я? — удивился хранитель секретов и лениво потянулся.

— Да, ты, и побыстрей, — король сделал строгое лицо, но ненадолго — глаза его увлажнились, а губы растянулись в улыбке. — И когда же наконец подадут обед? — король похлопал в ладоши. — Де Вернон, где ты? — и когда гофмейстер двора вошел в палатку, король заинтересованно спросил: — Скажи, Жан, что у нас с водой?

— Ничего, ваше величество, — ответил де Вернон.

— Тогда прикажи, чтобы подавали обед.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Вот видите, Ле Брен, все прекрасно, — сказал Людовик.

Когда все собрались в шатре короля — братья, сыновья, канцлер, мэтр, коннетабль, маршалы, — король поднялся с кресла и произнес:

— Известно ли вам, что в армии не хватает воды и что из-за нее уже дерутся?

— Известно, ваше величество. Но всё из-за того, что солдаты слишком много пьют вина, — сказал канцлер де Коор. — Поэтому утром их мучает жажда.

— И еще едят много копченого мяса, — добавил мэтр де Лонгвиль.

— И ничего не делают, — сказал маршал де Сауси. — Пьют, дерутся, спят и жрут!

— Они скоро разорят казну, — обеспокоенно произнес первый камергер двора казначей Жан Серазен. Серазен хоть и был сыном простого парижского буржуа, но благодаря своим выдающимся талантам добился столь большой должности и мог говорить на равных с герцогами и графами. Те терпели, признавая необыкновенные способности человека, который умел хорошо считать. Король его любил и вознес на такую высоту. Заслуженно.

— Они скоро проедят и пропьют всю вашу казну, — повторил казначей. — А нам еще надо с ними расплачиваться, да еще долг перед генуэзцами за корабли. А рыцари не воюют, корабли тонут.

— Тебя послушать, любезный Серазен, то чем больше погибнет рыцарей, тем лучше? — удивился Альфонс де Пуатье, брат короля.

— Для казны — да, ваше высочество.

— Прекратите, Серазен. Не дай бог, услышат рыцари, они вас распнут на кресте, — сказал коннетабль Ле Брен.

— О господи! — испугался казначей.

— Хватит. Итак, где взять воду? — спросил король.

— Но мы же брали с собой достаточно воды. Я видел эти сотни бочонков, которые грузили на корабли в Кальяри. Может, кто-то нарочно сеет панику, а сами спрятали воду? — спросил маршал де Ла-Шанель.

— Давайте проверим все корабли, — предложил коннетабль Ле Брен.

— Правильно, надо проверить, — поддержал маршал Жан де Сауси.

— Это можно сделать на кораблях короля, но к кораблям из других земель и стран нас и близко не допустят, — подал голос Флоран де Веренн, адмирал.

— Как это? — удивился Альфонс де Пуатье. — Это же армия нашего короля.

— Но корабли-то не королевские. Мы за них не платили, — ответил де Варенн.

— Мы и за свои-то заплатили только часть денег, — тихо произнес казначей Серазен.

— Черт, если вас не остановить, то вы будете спорить до конца света, — рассердился король. — Ле Брен, это ты предложил проверить — вот и проверь все корабли и всю воду забирайте и сложите в одном месте, лучше на каком-нибудь из моих кораблей. Поставьте стражу и выдавайте ежедневно по количеству воинов в отряде. Кроме, конечно, рыцарей. Они не должны быть ограничены. Это же дворяне! А что касается чужих кораблей — если их не позволят проверить, пусть прибывшие на них отряды остаются с водой, которая у них осталась, но из общей воды они не получают ни капли.

— Ваше величество, как бы это не привело к всеобщей драке или бунту, — сказал Филипп, сын короля.

— Филипп, я тебе слова не давал, — резко оборвал сына король Людовик. — Мне кажется, что ты все время проявляешь слабость, недостойную будущего короля.

Все удивленно посмотрели на Людовика, а потом на Филиппа. Усмехался один Жан-Тристан. Лицо Филиппа залила краска то ли стыда, то ли гнева. Он резко поднялся и, не прощаясь, вышел из шатра короля.

— Брат мой, ваше величество, наверное, не стоит так резко говорить со своим сыном, да еще и наследником, да при всех... — тихо сказал Альфонс де Пуатье.

— Да, ты прав, я, кажется, погорячился... Передайте Филиппу, чтобы вернулся.

Проверили все корабли. Воды оказалось немного, и отбирали ее с драками — сопротивлялись команды кораблей и слуги рыцарей. От злости даже бочонки разбивали, только бы не отдавать! На корабль нормандцев воинов короля отказался пустить капитан Шарль, заявивший, что это его судно, и когда солдаты попытались взойти на корабль, он приказал команде сбросить сходни, а его помощник, бело-волосый юноша, с легкостью выкинул с палубы трех успешных взобраться на судно воинов и обрубил топором канат якоря. Корабль отплыл от берега. Стоявшие на берегу матросы с других кораблей и слуги рыцарей, видя, как солдаты вылетели с корабля капитана Шарля и упали в воду, веселились.

— Ай да капитан Шарль! Молодец...

— Смотри, смотри, как летит — птица, да и только...

— Ай да Солей! Дай им, парень! Вот это силища!

— А у нас всю воду забрали. Теперь подохнем от жажды...

— А что делать-то?

— Что-что — надо ночью напасть на корабль, куда всю воду сгрузили, и утащить пару бочонков.

— А охрана?

— Подкупить.

— А если найдут?

— Так спрятать надо понадежней — или у нас на судне, или лучше в пустыне. Главное, место запомнить.

— Запомнишь, как же... вон какая ровная... как стол. У-у, как же она надоела.

— Главное, украсть...

Недалеко от толпы, закутавшись в плащ, будто ему было холодно, стоял принц Филипп и тоже удивлялся, с какой легкостью беловолосый юноша выкидывал за борт вооруженных людей и как одним ударом топора обрубил толстый канат якоря. Толпа на берегу смеялась и выла от радости. Филипп прошептал:

— Вот какой воин мне нужен.

Следующей ночью произошло нападение на корабль, где хранилась вся отобранная вода. Нападение отбили, с обеих сторон были убитые. Захваченных живыми объявили преступниками и, поставив в центре лагеря виселицы, в назидание остальным повесили. В лагере шептались: «Лучше бы на нее. Всё ж — славная смерть!» А еще через два дня, опять ночью, обрубив якоря, уплыли два корабля. Когда об этом сообщили королю, король испугался.

Первыми без воды стали умирать лошади. От жажды они пили морскую воду, их животы раздувались, и они в страшных муках умирали.

Воды не хватало; слуги рыцарей дрались между собой, хватаясь за ножи, чтобы заполучить кувшин воды для своего хозяина. Все пили еще больше вина и ели копченого мяса. И еще больше хотели пить! Нападения на корабль с водой происходили каждый день. Те, у кого были деньги, подкупали охрану корабля и ночью подплывали на лодках к корме, получая заветный бочонок с водой. Появились ловкачи, которые покупали воду, а потом ее перепродавали и невообразимо быстро наживали целые состояния. Армия разлагалась! Нехватка воды и соленая еда привели к болезням живота, и ранее не замечаемый, но бывший всегда в любом крестовом походе простой понос десятков солдат превратился в кровавый понос уже сотен людей. Армия умирала! А Карла Анжуйского, брата короля, все не было...

Людовик уже знал, что происходит в его армии. Знал и понимал: еще несколько недель — и армии не будет, она превратится в армию мародеров, которые в конце концов

захватят корабль с водой; тогда все друг друга начнут резать ножами, и уже никто не спасется!

Горизонт был пуст. А казалось бы, вот же она, Сицилия — рядом.

Проходили дни. Воды становилось все меньше, и король понял: такой нужный, такой необходимый ему крестовый поход прекратился, не начавшись. Исчез, как мираж, над этой ненавистной африканской пустыней, и слава святого короля растворилась в этом мареве, плывущем над горячим песком.

— Завтра начинаем штурм города! — приказал за ужином в своем шатре король Людовик. Присутствующие удивленно открыли рты.

— Но мы не готовы! — воскликнул принц Филипп.

— Ты перечишь мне, своему королю? Тогда ты и возглавишь штурм!

— Но...

— Я так сказал, твой король! И завтра Тунис должен быть взят. Все допивайте вино и уходите к армии. Вы меня расстроили. Уходите все, кроме Жана-Тристана. Любимый сын, ты всегда будешь со мной.

Вновь все удивились непонятному отношению короля к своему старшему сыну Филиппу и, пожимая плечами, стали выходить из шатра короля.

В жаркий июльский день, через три недели после прибытия на берег Туниса, под барабанный бой армия неохотно просыпалась. Все понимали, что надо вставать, строиться в батальи и идти на штурм, но никто не хотел этого делать. За дни безделья и пьянства все разленились, перестали ухаживать за оружием и лошадьми. Запели трубы, еще живым, с подкашивающимися ногами лошадям дали вымоченного в вине овса, затащили на худых телах подпруги, с легкостью вставили уздечки — зубов у коней уже не было, прицепили к рыцарским сапогам шпоры — только с нанесением ими изуверских кровавых ран бедных животных можно было сдвинуть с места, на выпирающие позвончики накинута попоны с крестами, которыми скрыли выпирающие ребра, посадили одетых в кольчуги рыцарей, и оруженосцы, взяв

лошадей под уздцы, повели их на штурм. Армия с трудом кое-как выстроилась в боевые порядки, пехотинцы взяли щиты, расшатанные лестницы, которые были коротки для городских стен, за ними шли арбалетчики и лучники, ехали на шатающихся лошадях рыцари... Впрочем, ехали не все — те, у кого кони пали из-за отсутствия воды, шли пешком. Впереди рыцарей вновь ехал знаменосец Ланселот де Сен-Марк с орифламмой в руках. Рыцари, видя знамя королевства, пришпоривали коней, и шпоры легко сдирали кожу с их худых боков, а рыцари вытягивались в седлах, желая показать своим видом, что они готовы умереть во славу Христа и святого короля, лишь бы не прослыть трусами. Такой позор не прощался! Однако все ждали, кто же первым повернет обратно, чтобы тоже развернуть коней и уехать в лагерь, где еще было много вина.

Было раннее утро, и жажда уже мучила всех.

Солей верил в обещание барона де Кантелу и, как при штурме башни бу-Саид, шел со своим луком вместе с арбалетчиками. Но чем ближе они подходили к стенам города, тем отчетливее он понимал, даже не будучи военным человеком, что взять такую крепость невозможно.

— Как же на такую стену залезть? — спросил он идущего рядом седого арбалетчика. — Лестницы-то коротки.

— Да лестницы — они так, больше для обмана, — спокойным голосом ответил тот. — Там, наверное, должны подкоп сделать, стена-то и рухнет. А мы так, чтобы мавры думали, что мы штурмуем город.

— А рыцари?

— А как стена рухнет, так сразу все — и солдаты, и оруженосцы, и рыцари — все валом в проем и бросятся. Вот тогда-то веселье и наступит. Так что стреляй, уж больно ловко у тебя это получается.

За пятьдесят шагов до стены воины с тараном бросились к воротам и были сразу же перебиты меткими выстрелами мусульманских лучников, а потом на солдат и рыцарей понеслись сотни, тысячи стрел — казалось, небо стало черным. Солдаты побежали назад, рыцари падали с лошадей. Началась свалка и паника.

— Беги, парень, — крикнул Солею раненный в живот седой арбалетчик. — Чего-то у них со стеной не получилось. Не дай-то бог сейчас из крепости мавры выскочат, тогда всех перебьют. Беги!

— Я тебя вытащу! — крикнул Солей.

— Брось! Конец уже мне, — арбалетчик схватился за стрелу, торчащую из живота, выпучив глаза, с криком выдернул стрелу, а с ней и зацепившиеся за наконечник кишки и, охнув, испустил дух.

Стрела попала в шею лошади рыцаря Ланселота де Сен-Марка. Она взвилась, захрипела, рыцарь упал с лошади и сломал руку. Никто не бросился к нему на помощь. Знамя королевства лежало на песке, и его топтали ноги бегущих солдат. Не понимая зачем, Солей бросился к знамени и поднял его над головой. Увидев, как красное знамя с золотым солнцем вновь взвилось над головами бегущих назад воинов, некоторые рыцари развернули коней и с боевым кличем бросились к крепости, а за ними побежали и их оруженосцы. Но этих, бросившихся в атаку рыцарей оказалось очень мало — всего несколько десятков человек. Когда открылись ворота крепости и выехали сотни мамлюков на красивых лошадях и, что-то визжа и размахивая кривыми мечами, поскакали на рыцарей, рыцари стали рвать губы своих лошадей, до костей разрывать шпорами их тела, нещадно бить бедных животных, только бы повернуть и успеть ускакать от этого надвигающегося на них ужаса смерти. Пехотинцы и арбалетчики закрывали головы руками, но эти руки отлетали под ударами сверкающих мечей, кровь лилась и сразу же впитывалась в горячий песок. Впереди мусульманских воинов на тонконогом черном коне скакал воин с белыми развевающимися волосами и молча рубил своим мечом крестоносцев. Все было кончено стремительно — сотни французских воинов лежали мертвыми на песке. Раненых добивали. Живых — десятка два — окружили и погнали к распахнутым воротам крепости. Среди пленных был и Солей, который успел сорвать с древка орифламму и спрятать под своей рубашкой. Сразу за воротами жители города стали бросать камни в

пленных, разбивая лица, головы, ломая ребра. Несколько пленников упали, и их забросали камнями насмерть. Их бы всех убили, но беловолосый командир мамлюков ударил плетью женщину, которая хотела бросить камень в рыцарей.

— Не трогай тех, кто с крестами! Кидай в солдат, — крикнул он.

От жуткой смерти пленников спасло то, что они успели добежать до башни, где находилась тюрьма. Упавших добивала камнями визжащая от радости толпа.

Беловолосый синеглазый всадник с нескрываемым удивлением смотрел на одного из пленников — он его уже видел, когда вырывался из башни бу-Саид, и, хотя лицо пленника было разбито и волосы слиплись от крови, всадник его сразу узнал. Он даже поморщился, представив, что это в него жители города бросали камни.

Пленник поддерживал рыцаря в плаще с крестом — если бы он ему не помог, того еще у ворот убили бы камнями, но юноша, как мог, прикрывал его от ударов и, сам весь израненный, довел его до спасительной двери, ведущей в подземелье башни.

— Отведите всех в темницу, — приказал беловолосый всадник.

— Но, — сказал один из рыцарей, страшно худой, — мы дворяне и не можем находиться вместе с простолюдинами.

— Не надо попадать в плен! А если эти простолюдины спасают вам жизнь, — всадник показал рукой на Солея, поддерживающего раненого рыцаря, — то они заслуживают уважения больше, чем ты.

XIII

Над лагерем крестоносцев стоял стон и плач. Раненые плакали и просили их перевязать, но больше всего они просили напиться воды. Их товарищи тащили к ним свои, еще не допитые, сохраненные бочонки с водой, но на них набрасывались другие солдаты, желая отобрать эти бочонки,

и уже не было дела до раненых — дрались за воду! Солдаты врывались на корабли и, угрожая матросам мечами, устремлялись в трюмы, где на дне всегда была вода — грязная, с плавающими крысами, и люди, как безумные, падали на колени и пили ее, захлебываясь от счастья.

А в своем шатре кричал король Людовик:

— Кто виновен в поражении? Ты, коннетабль Ле Брен, ты, маршал де Ла Шанель, ты, маршал де Сауси, и больше всех ты, Филипп! — король показал рукой на сына. — Это ты вел армию в бой! Я отстраняю тебя от командования армией и назначаю нового командующего — моего сына Жана-Тристана!

Филипп, не дослушав короля, резко выбежал из шатра. Он быстрым шагом шел к себе, где его ждала беременная жена Изабелла Арагонская, но около шатра вдруг остановился, склонил голову в задумчивости и, завернувшись в плащ, пошел в сторону, мимо рыцарей и солдат, охранявших лагерь короля. Он дошел до отряда бретонцев и стал спрашивать, где ему найти рыцаря Рауля де Лавалья, но никто не мог ему ответить — все были заняты: хоронили товарищей, пили вино, дрались из-за кружки воды. Филипп развернулся, чтобы уйти, когда крепкая рука легла ему на плечо и кто-то тихо спросил:

— Ваше высочество, вы меня искали?

— Да, де Лаваль, — неприятно вздрогнув от прикосновения, сказал Филипп. — Ты мне нужен. Пойдем куда-нибудь, где мы могли бы поговорить.

— Сегодня можно везде говорить, не таясь. Вы же видите, что происходит с армией. На месте сарацин я бы, не мешкая, напал на наш лагерь и всех перебил.

— Какую жуть ты рассказываешь! — вновь передернул плечами Филипп. — И все-таки — где?

— В пустыне, мой король.

— Какой там, к черту, король! — тихо прошептал Филипп. — Хорошо, пойдём...

А король Людовик, еще более разгневанный уходом сына Филиппа, продолжал ругаться. Его остановил канцлер де Коор.

— Ваше величество, может быть, не надо так... — сказал он. — Наказывайте нас, своих поданных, но Филипп — ваш сын и наследник на королевском троне.

— Он не справился, он меня опозорил. Я еще подумаю, стоит ли ему быть наследником. У меня для этого хватает сыновей. Тот же Жан-Тристан. Чем он хуже? — в шатре короля наступила тишина. — Вы, Ле Брен, лучше ответьте, что случилось со знаменем королевства? Святым знаменем! Где орифламма?

— Ваше величество, под Ланселотом де Сен-Марком убили лошадь. Он упал и сломал руку и погиб бы, но его спас барон де Кантелу — на своем коне вывез де Сен-Марка с поля боя. Барон успел отъехать на безопасное расстояние, прежде чем его лошадь упала мертвой, потому де Сен-Марк и остался жив. А знамя, видимо, досталось напавшим на наших рыцарей мамлюкам, — сказал коннетабль Ле Брен.

— А я видел, как его поднял тот беловолосый юноша из отряда барона де Кантелу. Помните, о нем еще рассказывали, что он великолепно стреляет из лука, — сказал маршал де Ла Шанель.

— Вот видите, вы, маршалы с легкостью проигрываете битвы, а простые рыцари и простые лучники совершают подвиги во имя короля и Франции. Где де Кантелу? Я хочу его видеть, — крикнул король. — И скажите, кто из рыцарей попал в плен?

— Говорят, что попали в плен пять рыцарей — в основном малоизвестные дворяне, но среди них Роберт Бетюнский, сын графа Фландрии Ги де Дампьера, — сказал маршал де Сауси.

— Не может быть! — вскрикнул король. — А где сам граф де Дампьер?

— Он ранен, но лекарь сказал, что рана не опасна. Граф не выходит из своего шатра, настолько переживает за сына.

— Надо что-то решать, чтобы спасти сына графа...

— Хорошо, ваше величество, — сказал канцлер де Коор. — Мы всё сделаем, чтобы спасти Роберта Бетюнского.

Пришел барон де Кантелу, и Людовик, подойдя к нему, обнял и сквозь слезы, произнес:

— Ах, де Кантелу, ты спас де Сен-Марка. Моего Ланселота! Я тебя благодарю! И что хочешь в награду?

— Ничего, ваше величество, кроме как спасти из плена юношу по имени Солей.

— Это кто?

— Тот молодой человек, который поднял орифламму, когда она выпала из рук раненого де Сен-Марка.

— А-а, это о нем мне сейчас рассказывали? Вот он, подвиг во имя Франции! Я незамедлительно пошлю переговорщиков к халифу. Говорят, в плен попали пять рыцарей. Попробуем их обменять на пленных, которых мы захватили при штурме башни бу-Саид. И конечно же, попросим и за этого юношу. Де Коор, не забудьте и про героя, поднявшего знамя королевства! Ах, какой подвиг!

— Я запомнил, ваше величество, — ответил де Коор.

— Ваше величество, могу ли я спросить вас? — обратился де Кантелу к королю.

— Говорите, де Кантелу, я внимательно слушаю.

Барон был выше короля почти на голову и, наклонившись к Людовику, тихо спросил:

— Остается ли в силе наша парижская договоренность о титуле виконта для меня и передаче моего баронского титула человеку, совершившему подвиг во славу вас, ваше величество?

— Конечно, конечно мой друг, — так же тихо ответил король. — Считайте, что вы уже виконт.

— Тогда, ваше величество, я хотел бы просить вас передать мой баронский титул Жаку Солею, совершившему подвиг во имя Франции.

— Это кто?

— Это тот юноша, который поднял орифламму и о котором мы с вами сейчас говорили, — удивленно сказал де Кантелу.

— Ах да! Безусловно, мой друг. Он герой! Правда, если он остался жив. Ты же знаешь, что делают с пленными мусульмане, — ответил Людовик.

— Знаю. Я участвовал в прошлом походе. Как и мой сын, — грустно произнес де Кантелу.

— Я помню, мой друг, и я все сделаю, чтобы этот юноша остался жив... — прошептал ему в ответ король.

XIV

— Мой повелитель, а что делать с пленными французами? Пятеро из них рыцари, — новый визирь Амаан Белоголовый стоял перед халифом Туниса Мухаммадом аль-Мунтасиром.

— Как что? Казнить!

— Мой повелитель, но в плену у неверных десятки твоих воинов. Мы могли бы их обменять на этих французов.

— Мусульманин, попавший в плен к христианам, предал не меня, он предал Аллаха! Ты же не попал в плен!

— Нет. Мне повезло — я успел выскочить из башни. А эти пять рыцарей — французские дворяне.

— Дворян, конечно, казнить не стоит. Сделаем так: если за них предложат выкуп или обмен, пусть отдадут нам тоже пять наших воинов.

— Но они же дворяне! Мы за них можем вернуть всех воинов, что попали в плен к христианам.

— Зачем? Я уже сказал, что предатели веры мне не нужны. Пусть их кормят и поят французы. И, кстати, спрости у этих рыцарей, как себя чувствует их армия, когда нет воды, — халиф громко рассмеялся.

— Я от своих лазутчиков и так знаю, что они убивают друг друга из-за глотка воды.

— Ты, Амаан, великий воин, но у тебя куриные мозги, и ты уж точно не Ахмад бен Сулеймен. Тот бы сразу сообразил, почему я об этом все время спрашиваю. Враг, побежденный в битве, — это победа силы, а когда он повержен без боя — это победа ума! Военная слава нужна тебе — ты мамлюк, а мне нужна другая победа. Тихая. Зачем мне слава Бейбарса? Великий Бейбарс должен быть один. Он как солнце — можно и обжечься. Надеюсь, со временем ты это

поймешь. Визирь прежде всего должен думать. Ты умеешь играть в шахматы?

— Нет. Только в кости.

— Когда французы сдохнут от жажды, я тебе их подарю.

— Спасибо, мой повелитель. А что делать с пленными солдатами?

— Амаан, я зря тебя похвалил. Ты повторяешься. Я же уже сказал: казнить! У жителей Туниса должны быть праздники. Соберите их на площади, и пусть христианам отрубят головы. Порадуй мой народ. Впрочем, ты визирь, не твое это дело. Казнь займутся другие. Ты должен защищать Тунис!

— Я понял, повелитель.

— Как ты думаешь, король Людовик будет еще раз штурмовать город?

— Я не уверен, мой повелитель. В его армии мародерства и убийства. Уже пять кораблей уплыли в море. Люди умирают от жажды и какой-то страшной болезни. Я не пускаю своих лазутчиков в город — они живут в пустыне, чтобы не занесли заразу в Тунис. Я думаю, без поддержки французский король побойтся еще раз пойти на штурм. Подкоп-то они сделать не сумели — мы перебили всех, как только они докопались до стены.

— Вот и прекрасно, мой верный Амаан! И за то, что не пускаешь заразу в город, хвала тебе. Беру обратно свои слова, что у тебя куриные мозги. Ты можешь стать великим визирем! И следи, чтобы никто не привез христианам воды из колодцев в пустыне. Поймаешь — казни здесь, на площади, прилюдно, чтобы все видели и знали, что будет с теми, кто осмеливается помогать врагу.

— Я так и делаю, мой повелитель.

— Наверное, уже пора тебе подарить шахматы. Впрочем, потерпи чуть-чуть, мой Амман...

Визирь Амаан вышел из дворца халифа и легко вскочил на своего коня. В этом прыжке были молодость, ловкость и сила. Халиф же вновь упал на подушки, лицо его было хмурым.

— Амаан, ты становишься героем мусульманского мира. Еще немного, и про тебя будут слагать песни. Все же

знают, что великий Бейбарс — мамлюк, — прошептал он и хлопнул в ладоши: — Я хочу веселиться. Приведите танцовщиц.

Всех пленных: рыцарей и простых солдат затолкали в одну темницу с низким сводчатым потолком и тусклым светом из небольшой круглой дыры. Вдоль стен лежала превратившаяся от времени в труху солома. Рыцари угрюмо сели на солому, а солдаты сразу же бросились к стенам и стали слизывать выступившую на камнях воду. Рыцари хотели поступить так же, но они были дворянами и сидели, мучаясь от жажды...

Томительно шло время. В дырке под потолком потемнело, потом показалась звезда, потом вновь появился свет — наступило утро. Трое из раненых солдат умерли, их отнесли в дальний угол, и к сырому воздуху подвала присоединился тяжелый трупный запах. Принесли два кувшина с водой — один забрали себе рыцари, второй достался простым воинам. Всю воду, до капли, выпили сразу. Прошел еще один день, и когда вновь в дырке появилось голубое небо, загремел замок и в темницу вошли сарацины с факелами и маленький человек в халате и чалме. Человек зажал нос и, показав на солдат, приказал:

— Идете за мной!

— Уберите мертвых и дайте нам воды, — закричал один из рыцарей! — Маленький человек не обратил на его крик никакого внимания.

Пленные солдаты стали выходить, и вдруг один из них, с белыми при свете факелов волосами, наклонился к художому, кашляющему рыцарю и тихо прошептал:

— Я тебя знаю, ты нормандец и плыл на нашем корабле. Там, в соломе, я спрятал королевское знамя. Когда тебя отпустят, передай его королю, — и вышел вслед за пленниками из темницы. Дверь закрылась, а худой рыцарь удивленно прошептал:

— Солей?! Вот тебе и судьба. Под топор палача сам угодил, и убивать не надо.

— Что ты говоришь, д'Аниш? Уже заговариваешься? Я не расслышал, что тебе сказал этот юноша, — спросил молодой рыцарь, которого Солей спас от камней горожан.

— Граф Роберт, это нормандец, как и я. Он меня узнал и попросил, чтобы я поставил свечу за упокой его души.

— Свечу? Да он уже сошел с ума! Впрочем, за наши души тоже скоро поставят свечи, — произнес граф Роберт, и равнодушно отвернулся от д'Аниша.

А солдатам связали за спиной руки и вывели на площадь, где уже собралась огромная толпа жителей. В центре площади стоял высокий, мускулистый палач с кривым мечом в руках. Пленников по одному подвели к палачу, ставили на колени, и палач под одобрительные крики толпы одним ударом меча отрубал им головы.

Визирь Амаан послал одного из мамлюков за старым аль-Дином, который знал много языков, и вместе с ним пошел к пленным рыцарям. Когда Амаан, освещенный огнем факелов, вошел в темное подземелье, никто из рыцарей не поднялся. Это разозлило визиря, и он крикнул:

— Христианские собаки, если бы не доброта великого халифа, вам сейчас так же, как вашим слугам, отрубили бы головы.

— Спасибо вашему халифу, — сказал, не вставая, один из рыцарей, — но мы не слуги и не солдаты, мы рыцари и французские дворяне и встаем только при появлении нашего короля.

— Я бы тебе сам отрубил голову, чтобы тебе больше не пришлось ни вставать, ни кланяться.

— Кто ты и чего ты хочешь?

— Я визирь великого халифа и хочу знать, сколько воинов приплыло на кораблях, болеет ли кто-нибудь и есть ли у вас в достатке вода?

Рыцарь ответил хриплым, полным достоинства и величия голосом:

— Нас очень много, но будет еще больше — вот-вот прибудет армия Карла Анжуйского, брата короля. Что же касается воды, то ее у нас достаточно, и надо бы тебе знать,

что мы пьем вино, а вина у нас больше, чем воды. А если не хватит, еще привезут.

— Ты смелый или глупый, чтобы так врать? — расхохотался Амаан. — Я знаю, что у вас уже дерутся и убивают друг друга из-за кружки воды, а из еды есть одно копченое мясо. А коли у вас так все хорошо, я сейчас же прикажу больше воды вам не давать!

Сидевшие до этого рыцари вскочили и закричали:

— Нет, нет! Не надо!

— А ты говоришь, что все хорошо, — посмотрев на единственного не пожелавшего встать рыцаря, — сказал визирь Амаан.

— Благодарим тебя, визирь, — опустив голову, произнес один из вставших рыцарей, худой и кашляющий.

— Меня? Благодарю благословенного халифа Туниса Мухаммада аль-Мунтасира, — визирь повернулся и сказал переводившему разговор старику: — Пойдем, учитель. Пусть они пьют нашу воду. Пока пьют...

— Почему пока? — крикнул худой рыцарь. — За нас вы можете получить хороший выкуп.

— Вода отрубанию головы не мешает, а ваши паршивые деньги нам не нужны.

— Почему не нужны? Как известно, двадцать лет назад вы освободили нашего короля за деньги.

— Ты тоже был в том походе?

— Нет, не был. Рассказывали те, кто был.

— Те, кто выжил, — визирь вышел, и за дверью раздался его громкий смех.

— Граф, зачем вы так неуважительно говорили с их визирем? Он же как канцлер у нашего короля, — кашляя, сказал худой рыцарь.

— Он должен знать, что мы не просто рыцари, мы французские дворяне, а я — Роберт Бетюнский, граф Фландрии, — гордо ответил молодой рыцарь, так и не вставший перед визирем.

— Ваша голова, граф, столь же легко может отлететь под мечом палача, как и у наших солдат. А может, даже легче.

— Мне показалось, но он же сказал, что нас освободят?

— Это Восток, граф! Здесь сказать и сделать — не одно и то же.

— Д'Аниш, ты хорошо знаешь повадки сарацин. Откуда?

— Я сражался с ними двадцать лет назад.

— Так чего же вы молчали? — уже уважительно произнес граф Роберт Бетюнский.

— Потому и молчал. За то, что я пришел на их землю уже второй раз, мне отрубят голову первому.

— Д'Аниш, что же все-таки нас ждет? — спросил граф Роберт.

— Думаю, вас, граф, отпустят, и, может быть, единственного. Мы-то, — д'Аниш показал на рыцарей, — для их халифа ничего собой не представляем. За нас золота никто не даст. Наша надежда одна — обмен. Но я не помню, чтобы мавры меняли пленников, они считают своих воинов, попавших в плен, изменниками веры.

— Тогда, при штурме башни, к нам в плен попали только простые солдаты, — сказал один из рыцарей.

— И даже не мусульмане, а мамлюки, — тихо произнес другой рыцарь.

— Вот вам и ответ, граф Роберт, — горько рассмеялся д'Аниш.

— Если они отпустят меня одного, я сделаю все, чтобы вы тоже стали свободны, — воскликнул граф Роберт Бетюнский.

— Спасибо, граф, — грустно ответил д'Аниш.

Когда во дворе тюрьмы Амаан опять легко и изящно запрыгнул на своего коня и хотел попрощаться с аль-Динамом, то увидел, как к палачу ведут связанного беловолового француза — того самого, которого он видел у башни бу-Саид. Юношу поставили на колени, и палач поднял кривой меч. Толпа приготовилась обрадованно кричать — пленник был необычным, таких волос в Тунисе еще не видели.

— Остановись! — крикнул визирь. Палач удивленно повернул голову и застыл с поднятым мечом.

— Учитель, — наклонился Амаан к аль-Дину, — это тот воин, о котором я тебе рассказывал.

— Я это понял, как только его увидел. Вы и правда очень похожи.

— Как ты можешь так говорить, учитель? Он — ненавистный враг мусульман.

Аль-Дин долгим взглядом посмотрел на Амаана и тихо произнес:

— Хочешь совет? Поговори с ним и поймешь, враг ли он тебе.

— Отведите этого пленника в мой дом, — сказал, показав на Солея, Амаан сопровождавшим его мамлюкам, и те мгновенно бросились исполнять приказ уже такого знаменитого и отважного нового визиря. А палач, взглянув в глаза пленнику, с ужасом прошептал: «Я чуть не отрубил голову самому визирю».

Когда Солея привели в светлую комнату небольшого дома и два молодых человека стали друг перед другом, то оказалось, что они одинакового роста, крепкие, у обоих синие глаза и белые волосы, только у пленника они слиплись от крови. Оба смотрели друг на друга с удивлением.

— Кто ты и как тебя зовут? — спросил Амаан. Аль-Дин переводил.

— Меня зовут Жак Солей, я из Ла-Рошели.

— Где это?

— На берегу Атлантического океана.

— Ты хороший воин.

— Я не воин.

— Как это?

— Я помощник капитана корабля, перевозившего рыцарей из Франции сюда, в Тунис.

— Ты лжешь! Я тебя видел с луком в руках, когда крестоносцы штурмовали башню бу-Саид. Да и сейчас ты штурмовал стены древнего Карфагена. Ты враг и должен быть казнен. Тебе отрубят голову.

— Тогда отведи меня обратно. Прошу об одном: дайте мне напиться воды.

— Смелый? А рыцари говорят, что у вас воды в достатке, — рассмеялся Амаан.

— Может быть, у рыцарей и есть вода, но их слуги врываются на корабли и пьют воду в трюмах, где плавают крысы.

— Не может быть!

— Но это правда.

— И что, вы не боитесь умереть от чумы?

— Когда нет воды, даже крыс убивают, чтобы они не пили воду. Но думаю, воду привезут другими кораблями. Во всяком случае, так говорил барон де Кантелу.

— Ты не ответил — зачем ты взялся за оружие?

— Барон де Кантелу пообещал, что если я буду сражаться против вас, то он мне скажет, кто убил моего друга.

— И ты в это поверил?

— Я не знаю, может быть. Но я еще вспомнил своего деда и отца. Им пришлось воевать.

— Они воевали против нас, мусульман?

— Нет, они воевали очень далеко отсюда, в северных странах.

— Как зовутся те страны?

— Швеция и Русь.

— Это не те, о которых ты мне говорил? — спросил Амаан учителя.

— Да, — тихо произнес аль-Дин.

— Расскажи мне об этих странах.

— Я там не был. Мой дед Харальд — викинг из Швеции, а отец воевал за русских. Это очень далеко. Отец рассказывал, что там суровая зима, реки замерзают, и вода превращается в лед, а снега по пояс, там огромные деревья, образующие непроходимые леса, в которых живут страшные звери.

— Какой ужас! Если бы мне об этом не рассказал мой учитель, я бы тебе не поверил. Скажи, почему ты не похож на приплывших французов?

— Я похож на своего отца, а он на своего отца, и они были викингками. На тебя посмотришь и тоже не скажешь,

что ты сарацин. Ты, как и я, похож на викинга... И не только...

Аль-Дин перевел все слово в слово.

— Ты хотел сказать, что мы с тобой похожи? И может, думаешь, что наши предки из одной земли? — спросил удивленно Амаана.

— Не знаю, но думаю да.

— Ты лжешь!

— Возможно, он прав, — тихо сказал аль-Дин.

— Почему, учитель?

— Потому что я не все тебе рассказал. Я знал, что твоя мать была русской. Ее продали в рабство монголам, а они ее продали мусульманам.

— Откуда ты знаешь?

— Не спрашивай. Но я никогда не сказал бы, если бы не этот юноша.

— Знал и не сказал? Как ты мог?

— Мамлюки не имеют родителей и родины. Они воины Аллаха!

— Что же мне делать, учитель?

— А, что делают, когда встречаются родные люди? Теперь ты уже знаешь, что ты не мусульманин, а возможно, даже русский. Я не говорю, что он твой брат, но увидев вас вместе, отрицать этого не стану.

— Брат?! — воскликнул Амаан. — Я матери не помню, а тут брат! Если я признаю это, то я должен его отпустить. Учитель, ты предлагаешь, чтобы я его отпустил?

— Мы же рыцарей отпускаем, а тут родной человек. Возьми с него обещание больше не воевать с нами и отпусти.

— Если я тебя отпущу, — обратился Амаан к Солею, — ты обещаешь, что больше не пойдешь воевать против моего народа?

— Это мне сделать легко. Я вернусь домой и буду ловить рыбу. Какое же это счастье!

— У тебя есть семья?

— Родители и сын.

— А жена?

— Умерла.

— Ты будешь свободен. Садись, поешь.

— Я не хочу есть, я хочу воды.

— Пей, пей... Если бы ты только знал, как я рад тебя увидеть и узнать, кто я.

— Если ты знаешь, кто ты, то уходи со мной.

— Он прав, Амаан, тебе надо уходить. Если халиф узнает, что ты своей волей отпустил пленника, он может тебя наказать. А ты знаешь, что это значит, — сказал учитель.

— Знаю, но не верю. Я же командую его мамлюками, я его визирь.

— Разве ты не знаешь, что халиф не казнил Ахмада бен Сулеймена? Такого, чтобы отстраненный визирь не был казнен, я не помню за всю свою долгую жизнь. И я слышал, что он сидит не в подземелье Башни смерти, а наверху, и его темница больше похожа на комнаты его дома. У него не только прекрасная еда, но к нему приводят наложниц. Понимаешь, что это значит? Он наказан временно и в любой момент может вновь стать визирем.

— Лично я не против, чтобы он вернулся. Я мамлюк, я воин.

— Запомни: мамлюк — это прежде всего раб!

— Раб, — как эхо, повторил Амаан. — И все равно я не предаю своего повелителя.

— Как мне жаль.

— Солей, отдыхай, ночью я выведу тебя за стены, — визирь пошел к дверям, повернулся и произнес: — Ты будешь свободен... брат.

Пятерых пленных рыцарей поменяли на пять защитников башни бу-Саид. Когда один из возвратившихся мамлюков спросил, почему только их пятерых обменяли, и эти слова донесли до халифа, тот сказал:

— Они мне не нужны. У меня достаточно воинов. Они пленники короля Людовика, вот пусть он их кормит... и не забывает поить... и не вином, которое истинные мусульмане не пьют, а свежей водой! — и халиф рассмеялся. Он много смеялся. Все думали, что он потихоньку сходит с ума. А он просто очень хорошо играл в шахматы!

Когда рыцарей вели через площадь к воротам крепости, визирь Амаан поправлял чалму на голове, и они увидели, что у него не бритая, как у всех мусульман, голова, а длинные волнистые белые волосы и синие глаза.

— Солей! — удивленно вскрикнул один из рыцарей.

— Что ты, д'Аниш, сказал? — спросил привязанный к нему веревкой другой рыцарь.

— Ничего, граф, кроме того, что их визирь похож на того пленного нормандца.

— А и правда. Он очень похож на того юношу, что спас меня. О боже, даже не верится. Не мираж ли это? А может, это он?

— Ну что вы, граф! — сказал д'Аниш, а сам трусливо подумал: «Не может этого быть. Голова Солея уже должна красоваться на стене. Это призрак. Просто похож — это же мамлюк».

А поменянных на рыцарей мамлюков по приказу халифа заковали в кандалы и отвели в подземелье — туда, где сидели пленные крестоносцы.

— Я еще не решил, что с ними делать, — сказал халиф. На самом деле он все давно решил — им на следующий день, согнав на городскую площадь жителей города, тот же палач, что казнил христиан, отрубил головы. В назидание остальным — не попадайте в плен к христианам!

Поздно ночью визирь Амаан с двумя мамлюками, освещавшими факелами путь, вывел Солея через маленькую потайную дверь за стену крепости. Глаза Солея были завязаны.

— Прощай, брат. Живи, — прошептал на ухо Солею Амаан, и все стихло. Солей сдернул повязку, шагнул в темноте и упал, поскользнувшись обо что-то мягкое и липкое. Он приподнялся и при свете факелов, горевших высоко на крепостной стене, увидел, что лежит среди растерзанных тел пленных французов, которым днем отрубили головы.

XV

Король собрал у себя в шатре весь двор! Все стояли, прижавшись — не хватало места! Лицо Людовика было

торжественным, на худых щеках играл румянец, глаза блестя. Перед ним стояли рыцари: граф Роберт Бетюнский и Симон д'Аниш. Чуть в сторонке плакал Ги де Дампьер, граф Фландрии. Д'Аниш стал на колени и протянул королю красное, с золотым солнцем знамя королевства. Все ахнули!

— Шевалье д'Аниш, как же тебе это удалось? — голос короля задрожал от волнения и подступивших слез.

— Когда рыцарь Ланселот упал с лошади и выронил знамя, я его поднял, но нас окружили сарацины. Мы бились насмерть, но силы были неравны, и я, чтобы знамя не досталось сарацинам, спрятал его у себя на груди.

— Смотрите все — вот герой, достойный кисти художника и стихов поэта. Шевалье д'Аниш, ты совершил подвиг, и я хочу достойно тебя отблагодарить.

— Я это сделал ради вас, мой король, и Франции!

— Вот ответ, достойный француза! Я дарю тебе титул барона! И с сегодняшнего дня ты командуешь отрядом нормандских рыцарей.

— Но, ваше величество, ими командует барон де Кантелу, — тихо произнес коннетабль Жиль Ле Брен.

— Де Кантелу слишком стар, и это он допустил, что его рыцарь попал в плен. Я лишая его своего доверия — он не может командовать моими рыцарями, как, кстати, и мой сын Филипп. Он виноват, что мы не смогли взять город. Приветствуйте нового героя Франции!

Сын короля Филипп и барон де Кантелу не слышали слов короля — один не пришел, другого не пригласили!

Все закричали здравицы, славя короля и нового героя Франции барона д'Аниша. А шепотом удивленно говорили друг другу:

— С Филиппом-то король не прав — Филипп, а не Жан-Тристан, наследник престола.

— Что он задумал? Поставить на престол Жана-Тристана? Но что тогда остается Филиппу — умереть на поле боя или просто умереть?

— Филипп — смелый, он просто так не отдаст свои права на престол.

— Вот-вот, как бы не ошибиться и вовремя понять, за кем сила.

— Боюсь, просто так это все не кончится.

— Не дай Бог! — скрытно крестились. — Не дай Бог!

— Ваше величество, можно мне сказать? — обратился к королю граф Роберт Бетюнский.

— Да-да, дорогой друг, говори. Я так рад, что ты жив. Я плачу от счастья вместе с твоим отцом.

— Там, в плену, остался молодой человек из отряда нормандцев. Он спас мне жизнь.

— Ах, граф, мне так жаль, но их всех казнили. Их обезглавленные тела лежат у стен города, а головы, наколотые на копья, смотрят в нашу сторону. Но мы за них отомстим. Я прикажу казнить пленных мавров! Это будет наш ответ... А сейчас все радуйтесь — орифламма опять с нами! Это знак свыше — Господь говорит нам: мы победим! Сейчас накроют столы, и мы будем праздновать! Граф Роберт и барон д'Аниш, вы мои гости!

— Так орифламму-то, выпавшую из рук де Сен-Марка, поднял другой юноша, о котором говорил барон де Кантелу. Может, напомнить королю? — тихо сказал маршал де Ла Шанель.

— Не надо маршал, — тихо ответил ему коннетабль Ле Брен. — Зачем портить праздник королю? Пусть будет так! Главное, чтобы был живой герой! Тем более тот юноша, как и все попавшие в плен солдаты, мертв.

Филиппа не было, но он знал: ему обязательно расскажут в подробностях, кто и что говорил. Он не был зол, он был напряжен, он уже принял решение и понимал, что необходимо сделать. Сын короля стоял на берегу моря и ждал. Когда сзади зашуршал песок, Филипп, не поворачиваясь, хрипло спросил:

— Это ты, де Лаваль?

— Я, — тихо донеслось из-за спины.

— Ты знаешь, для чего я тебя позвал?

— Да, знаю.

— Ты сделаешь?

— Да, мой король.

— Я не король.

— Вы — мой король.

— Как ты хочешь это сделать?

— Хотите знать?

— Да.

— Послезавтра скажитесь больным и не ходите на ужин к королю. А если все-таки будете, то не пейте вина.

— Но там же будут все — король и весь двор?

— Если заболит только ваш брат Жан-Тристан, то могут подумать об отравлении, а так... заболеют все, кто будет пить вино, и умрут все.

— Но тогда-то уж точно решат, что это отравление.

— Нет, мой король, никто не подумает. Знаете ли вы, что в армии нет воды, люди едят одну солонину и каждый день умирают десятки воинов от страшной непонятной болезни, а лекари говорят о чуме?

— Не может быть! — испуганно вскрикнул Филипп. — И мы тоже можем умереть?

— Все мы смертны. По-видимому, отраву привозят с водой мавры, которые тайно привозят воду из пустыни и торгуют в лагере.

— И их не хватают и не казнят?

— Что вы, их ждут, им радуются, им платят огромные деньги.

— Что же делать?

— Наверное, надо заканчивать войну, иначе вся армия останется в этих песках.

— Это не тебе решать!

— Да, ваше величество, не мне. Я всего лишь сын маршала Франции и говорю, что вино будет отравлено, а слуга, наливающий вино, будет заменен. Следов яда в вине не останется. И новый слуга умрет. Яд будет действовать медленно — от нескольких дней до нескольких недель. Будет кровавый понос, а потом смерть. И никто ничего не заподозрит. Сейчас у половины армии кровавый понос. Если вы хотите, чтобы кто-то остался жив, сделайте так, чтобы они послезавтра не присутствовали на ужине у короля. Все будет сделано за один раз, все оставшееся вино будет вылито

или отдано солдатам. Готовьтесь, ваше величество, взойти на престол... Я могу идти?

— Да, — тихо прошептал Филипп и, когда тень удалилась, начал мысленно молиться. Он всё не мог прочесть молитву, путался, начинал сначала и каждый раз вместо последнего «Аминь!» в голове его проносилось: «Неужели так скоро? Как же мне страшно...»

А барон де Кантелу не мог знать, что происходило у короля — он был простым солдатом великого короля! Для него не могло быть места за столом у Людовика. И слава Богу!

XVI

Солей, весь в чужой крови, дошел до башни бу-Саид, когда над головой просвистели несколько стрел; он стал кричать, что он француз и чтобы в него не стреляли. Сверху посветили факелом и крикнули:

— Ты знаешь, где ворота?

— Да.

— Тогда иди к ним, и мы тебя пропустим.

Когда Солей вошел в башню, к нему присмотрелись и отшатнулись.

— Парень, что с тобой? Ты бежал из плена? Тебя пытали? Как же ты живой-то?

— Это не моя кровь. Это кровь наших солдат, которым отрубили головы!

— О Господи! Это тех, которых сбросили со стены? А ты почему живой? Убежал?

— Нет... Не знаю.

— Днем туда пять сарацин провели, а потом из города пять рыцарей прошли в лагерь.

— Значит, поменяли.

— А чего же не всех?

— Так я же сказал: остальных убили.

— Ты у нас останешься или пойдешь в лагерь? У нас с водой туго, может, пойдешь?

— Я пойду.

— Дойдешь?

— Дойду.

Шатающийся от пережитого Солей дошел до лагеря, который никто не охранял. Вокруг были бесчисленные песчаные холмики свежевырытых могил — от предыдущих за несколько часов не оставалось и следа, ветер разносил сухой песок по пустыне, и все чаще крестоносцы, копая могилы и чуть-чуть углубившись, наталкивались на трупы и новых могил уже не рыли — кидали умершего сверху, присыпали землей, и всё. Песок ветром сдует — и уже торчат руки и ноги, а стервятники сидят на черепах, выклеывая глаза.

Солей прошел через тихий лагерь до берега и увидел корабль капитана Шарля. Обрадованный, он поднялся на палубу и столкнулся с капитаном, который стоял у грот-мачты, скрестив руки на груди, как будто его ждал.

— Мальчишка, я уже не надеялся тебя увидеть, — в глазах капитана стояли слезы, а голос дрожал. — Барон сказал, что ты попал в плен к маврам. Все же знают, выкупают только рыцарей. Ты еще не навоевался, Жак? Может, твоя судьба уже сказала: хватит?

— Капитан Шарль, у меня нет сил вам отвечать. Можно я посплю?

— Иди, ложись в моей каюте, там тебя никто не побеспокоит. А я тебя будить не буду, даже если армия вновь пойдет на штурм города.

— Вот на это я отвечаю, капитан Шарль: надо быть глупцом, чтобы вновь идти на штурм такой огромной крепости.

— Весь этот поход, похоже, сплошная глупость. Я готов в любой момент обрубить канаты и уплыть отсюда. Мне уже не надо никаких денег. Если бы ты видел, какой вернулась армия после штурма. Она прибежала! А воды нет, и что тут началось... Было страшно смотреть! Я приказал матросам веслами бить солдат по головам, когда они полезли на корабль в поисках воды.

Капитан еще что-то говорил, ругался, взмахивал руками, но юноша его уже не слышал — он спал. Прямо на палубе.

Спал Солей недолго — несмотря на протесты капитана, его растормошили два присланных за ним солдата и отвели к барону де Кантелу.

— И как ты вернулся, если тела плененных христиан на глазах всей армии клюют стервятники, а их головы, насаженные на копья, смотрят на нас со стен крепости? — спросил барон.

— Я, может, и не должен этого говорить, но меня отпустил их визирь.

— Как это — отпустил? Отпущены были только рыцари. Их обменяли на захваченных мамлюков.

— Я не знаю почему, но может быть, потому, что мы с визирем похожи, как братья.

— Как?!

— Он такой же, как я, беловолосый и синеглазый.

— Ну это-то понятно — он мамлюк!

— А что значит мамлюк?

— Воин, не мусульманин. Это же дети-рабы, воспитанные, как воины... О чем он тебя спрашивал?

— Да почти ни о чем. Они знают, что у нас нет воды и плохо с едой. И отпустил он меня после того, как я поклялся больше не воевать против мусульман.

— Как это — поклялся?

— А как клянутся? Сказал, что не буду, и этого хватило, чтобы он мне поверил.

— И ты не будешь воевать?

— Конечно. Я же помощник капитана, а не солдат.

— Тебе повезло, что ты говоришь мне об этом сейчас. Меня король отстранил от командования нормандцами. Я сейчас просто барон де Кантеллу, рыцарь.

— За что же вас-то? И кто командует нормандцами?

— Теперь их командир Симон д'Аниш. Он за совершенный подвиг стал бароном, и король назначил его командиром отряда нормандцев. Он и правда герой — спас знамя королевства.

— А-а, вот кто такой д'Аниш! Тот худой, кашляющий рыцарь? Значит, он передал знамя?

— Чего ты повторяешь за мной? Да, он вернул орифламму. Он заявил королю, что это именно он поднял знамя, когда рыцарь де Сен-Марк упал с лошади и спрятал его, когда попал в плен. И вот вернул королю! Хотя и я сам, и

многие видели, что знамя поднял ты, и говорил об этом королю, на что он обещал передать тебе мой титул барона. Да что толку! Он король!

— Да, это я поднял знамя, а затем спрятал у себя под рубашкой. И когда нас повели на казнь, перепрятал его в соломе и рассказал о знамени д'Анишу.

— Как?! И ты можешь поклясться, что ты спас знамя королевства?

— Поклясться-то я могу, а подтвердить — нет. Там были другие рыцари, но я им ничего не сказал. Если бы я знал, как поступит со знаменем д'Аниш, я бы лучше об этом рассказал другому рыцарю, которого они называли между собой графом.

— Это Роберт Бетюнский, сын Ги де Дампьера, графа Фландрии. Говорят, граф Роберт просил короля спасти тебя, но спасти-то было уже некого — вас казнили. Когда д'Аниш принес знамя, король тут же забыл о своем обещании, и меня больше не допускают к нему. Я думаю, ты пока никому не рассказывай, что это ты спас орифламму. Тебе вообще не стоит рассказывать кому-либо, что ты был в плену и вернулся живой, а тем более что тебя отпустил сам визирь халифа Туниса. Тебе не поверят, и ты запросто можешь лишиться головы за то, что обвиняешь во лжи французского дворянина. Давай подождем. А д'Аниш... Я потом тебе расскажу, кто он. Иди досыпай, а я поговорю с Ланселотом де Сен-Марком, чтобы он помог мне попасть к королю.

Ужин у короля был в самом разгаре, когда в шатер вошел рыцарь Ланселот де Сен-Марк с подвязанной рукой, стал на одно колено, склонил голову перед королем и сказал:

— Ваше величество, позвольте мне обратиться к вам с просьбой.

— Встань, мой мужественный Ланселот. Я так рад, что ты жив. Садись за стол, мы все рады видеть тебя. Знаешь, что мы празднуем? Орифламма с нами! Залечивай свою руку и вновь подними ее над рыцарями Франции!

— Спасибо, ваше величество, но я пришел сюда, чтобы восстановить доброе имя барона де Кантелу.

— Де Кантелу? — удивился король. — Я знаю, что он спас тебя, но знамя спас не он, а рыцарь Симон д'Аниш.

— Ваше величество, д'Аниш присвоил себе чужой подвиг.

— Как это? Как ты можешь такое говорить?

— Позовите к себе барона де Кантелу, и он вам расскажет об истинном герое, что спас орифламму. Я только могу подтвердить, что именно он поднял знамя, когда я упал с лошади и сломал руку.

По шатру пронесся гул удивления.

— Дорогой Ланселот, мы, конечно, слышали, что, когда ты упал, знамя поднял юноша из батальи барона де Кантелу. Но тот юноша попал в плен и погиб, а орифламму спас рыцарь д'Аниш. И если даже он немножко преувеличил свой подвиг, сказав, что это он поднял знамя, ничего в этом ужасного нет. И никто не станет отрицать, что именно он спрятал знамя у себя на груди и, перенеся жуткие испытания и издевательства в плену у этих изуверов-мусульман, вернулся и вернул нам знамя королевства. И это правда! Но если ты так хочешь, мой дорогой Ланселот, то ради тебя я завтра же поговорю с бароном... А сейчас садись и выпей с нами вина. Сегодня необыкновенное вино. Жаль, мой старый слуга умер.

— Как умер?

— Мне сказали, что с ним случился удар и он умер. Это такое горе. Но не будем об этом. Садись рядом со мной! Филипп опять не пришел. Эй, налейте вина славному Ланселоту де Сен-Марку, который скоро станет маршалом!

Маршалы де Ла Шанель и де Сауси удивленно переглянулись. Де Сауси так расстроился, что, не пригубив вина, отпросился у короля и ушел к себе.

Все последующие дни король никого не принимал — он занемог. Ничего удивительного — многие знали, что после плена в прошлом походе король страдал животом и у него часто возникал понос с кровью. Вот и сейчас появилась кровь... И Жан-Тристан занемог — у него тоже появился жидкий частый понос с кровью.

Первым умер королевский кравчий Альфонс де Бриенн, граф д'О. Когда он не появился за королевским столом, все начали смеяться, мол, перепил — служба такая! Но он не появился и на следующий день, и к гофмейстеру двора де Вернону прибежал слуга графа и, плача, сообщил, что его хозяин умирает. Напуганный гофмейстер пошел в шатер к графу д'О и обнаружил того уже отдавшим Богу душу. Граф был весь в кровавых зловонных испражнениях, и гофмейстер, зажав нос, выскочил из шатра и побежал к мэтру двора графу де Лонгвилю, где бессвязно залепетал о смерти графа д'О и о заразе, которая пришла из лагеря простых солдат.

— Как она могла попасть в королевский двор? — со страхом спросил мэтр.

— Я не знаю, ваше сиятельство.

— О господи! Я доложу канцлеру, а вы пока молчите об этом. Под страхом смерти молчите и прикажите графа быстро закопать за лагерем.

— Там уже и места нет — везде могилы.

— Неужели чума?! — воскликнул мэтр.

Канцлер де Коор встретил мэтра как-то рассеянно, выслушал и тоже приказал молчать, а как только мэтр ушел, закрылся в небольшом шкафу, заменявшем ему уборную, и в течение нескольких минут оттуда доносились только его стоны. Канцлер вышел из своей уборной бледный, с посиневшими, трясущимися губами. Слуги обмыли и обтерли его, но через несколько минут де Коор, согнувшись, схватился за живот, застонал и вновь бросился к шкафу, и оттуда раздалось жалобное: «Кровь! Опять кровь! Это конец!»

Мэтр де Лонгвиль послушался канцлера и пошел к королю Людовику, но не был принят — вся семья короля находилась у постели внезапно заболевшего и быстро умирающего сына короля Жана-Тристана, принца, графа Валуа и графа Невера. Никакие настои и порошки, данные лекарем, не помогли, и епископ Рудольф из Альбено уже приложил к синим губам юноши крест, шепча молитвы. Король

держал руку сына и молчал, а Жан-Тристан вдруг приподнялся, широко открыл глаза и явственно и громко произнес: «За что?» Упал на подушки и умер.

Окружавшие кровать дворяне зашептались, а потом, не спрашивая разрешения у короля, кинулись из шатра. Никто их не удерживал, стояла мертвая тишина. Остались король, брат короля Альфонс де Пуатье и сын Филипп. Король отпустил руку мертвого сына, встал и тихо произнес:

— Смерть пришла в наш дом, и это не последняя смерть — я знаю, я это чувствую. Следующим буду я! Господь, за что ты меня так наказываешь?

— Как вы можете так говорить, отец? — вскрикнул Филипп.

— Да, я следующий! У меня тоже все плохо с животом. Как тогда, в Египте. Даже намного хуже. Льется кровь! Мой лекарь дает мне лекарства, но ничего не помогает. Я умру, так и не увидев победы. Где же Карл?

По лагерю со скоростью стрелы, выпущенной из арбалета, понеслось: «Умер Жан-Тристан, сын короля! Чума добралась и до королевской семьи! Кто следующий?»

Людовик болел две недели. Его лечили, и казалось — болезнь отступала, но вновь начинались боли в животе и неудержимый кровавый понос. Король худел, стал вялым, никого не принимал и лежал в постели, глядя на всех отсутствующим взглядом.

За это время умерли канцлер Филипп де Коор, мэтр двора граф де Лонгвиль, коннетабль Жиль Ле Брен, маршал де Ла Шанель, знаменосец Ланселот де Сен-Марк, гофмейстер Жан де Вернон и многие другие дворяне из свиты короля. А за лагерем, уже не в отдельных могилах, а в огромных ямах, хоронили всех вместе — рыцарей, оруженосцев, арбалетчиков, лучников, солдат. Чума! В одной из могил лежал и мертвый рыцарь Рауль де Лаваль. Он умер не от чумы — его, спящего, ночью задушили. Никто ничего не заметил... Королевский двор перестал существовать! А брат короля герцог Карл Анжуйский все не появлялся. Горизонт был пуст. Капитаны рубили канаты

якорей и уплывали в море уже не ночью, а открыто, днем, и doplывали ли эти корабли домой, во Францию, уже никто не знал.

Перед умирающим королем стояли всего несколько человек: брат Альфонс де Пуатье с женой Жанной, сын Филипп с женой Изабеллой Арагонской, маршал Жан де Сауси, адмирал де Варенн и еще несколько рыцарей-дворян, среди них граф Фландрии Ги де Дампьер с сыном Робертом Бетюнским.

Король лежал на высоких подушках и хриплым голосом, останавливаясь от одышки, отдавал последние свои указания и просьбы. Он просил отвезти его во Францию и похоронить в монастыре Сен-Дени, где были похоронены многие короли Франции, а сына Жана-Тристана отвезти под Париж, в монастырь Мон-Руаяль аббатства Ройомон, где были похоронены ранее умершие дети короля Людовика.

Король шептал:

— Где мой верный Пьер, где мой де Вильбеон? Неужели и он умер? Все умирают, — король желтой худой рукой показал на Филиппа. — С этой минуты ты король. Пригласите папского легата, епископа Рудольфа из Альбено. Я хочу увидеть, как ты, Филипп, станешь королем. По праву, как старший сын... И как любимый сын.

Филипп упал на колени перед умирающим отцом.

— Отец, — сказал он тихо, — почему ты так со мной поступал?

— Не с тобой, мой сын, а против моего брата Карла. Это ему месть за Жана-Тристана. Он его ненавидел. Его и его жену Иоланду. Во всем виновата Маргарита.

— Но я-то, я почему?!

— Ты — нет! Всё Карл! — король потерял сознание.

Епископа Рудольфа из Альбено привели, поддерживая под руки. Он был плох, бледен, с синими губами, а его исхудавшие руки сжимали крест, как будто только в нем и держалась его душа. Епископу объяснили просьбу короля, он оторвал одну руку от креста, вознес ее над головой Филиппа и совсем не по-церковному произнес:

— Ты король! — пошатнулся, его опять подхватили под руки — от епископа шел стойкий неприятный запах — и вывели из шатра.

Через минуту вошел испуганный Жан Саразен, казначей, и сдавленно, со страхом произнес:

— Я сейчас видел, как епископ Рудольф умер, упав прямо у шатра. Господь, прими его душу. Но я шел сказать, что умер Пьер де Вильбеон. Я присутствовал при его кончине. Последнее, о чем он попросил, — это похоронить его в ногах короля. Он так и сказал: «Там, где я находился всю жизнь».

А все подумали: «Кто следующий? Неужели я?»

XVIII

В покоях своего дворца на застеленных пушистыми, такими мягкими, что не слышно шагов, коврами и подушками из пуха лебедей, веселился халиф Туниса Мухаммад аль-Мунтасир. Танцевали красивые девушки, слуги меняли блюда с едой и, несмотря на церковный запрет, разносили кувшины с вином. Впрочем, халиф праздновал свою победу над крестоносцами всего с одним человеком — визирем Ахмадом бен Сулейменом. Халиф, отправив его в тюрьму, ни на один день не забывал о своем умном визире. Это был единственный случай, когда визирю после отставки сохранили жизнь. Халиф хорошо играл в шахматы — он рассчитал, что визирь ему еще понадобится. Бен Сулеймену ни в чем не было отказа, кроме свободы. Сидя в Башне смерти, он знал все о происходящем в городе и лагере крестоносцев — халиф приказал ему обо всем доносить. Но визирь знал все — его шпионы под видом крещеных арабов по ночам доставляли в лагерь крестоносцев кувшины с отравленной водой — в воду добавляли испражнения умерших от болезней нищих горожан. Когда один из шпионов сообщил визирю, что какой-то рыцарь ищет яд, который вызывает смертельную болезнь, и чтобы этот яд действовал медленно, а отравление невозможно было бы заподозрить, визирь — он, как и халиф Туниса, тоже хорошо играл

в шахматы — понял, для чего нужен такой яд. Рыцарю тайно, ночью, передали изготовленный особый яд, не имевший запаха и легко растворявшийся в вине. Когда король, сын короля Жан-Тристан и свита короля один за другим умерли, визирь приказал найти рыцаря, заказавшего яд, но тот был уже убит и унес в могилу тайну о том, кто был истинным заказчиком яда. И когда стало ясно, что разложившаяся от страха армия крестоносцев, в которой каждый день умирали сотни солдат, больше не сможет штурмовать город, халиф принял решение вернуть из тюрьмы бен Сулеймена. Халифа пугала растущая слава Амаана, любовь и обожание к нему населения и особенно мамлюков. Халиф всегда помнил, что султан Бейбарс — мамлюк и захватил власть в Египте силой, убив халифа Египта. Аль-Мунтасир, переборов страх, ночью пошел к заточенному в Башне смерти визирю бен Сулеймену, чтобы лично вывести его из темницы.

— Спасибо, мой благословенный халиф! — с одышкой воскликнул, упав на колени перед халифом, бен Сулеймен. Упал тяжело — он растолстел от еды и безделья. — Я выйду с радостью и продолжу служить тебе, великий халиф Туниса.

И сейчас они сидели на мягких коврах, на высоких подушках и халиф сам наливал вино в чашу визиря.

— Я хочу сказать тебе, мой великий халиф, что сделал твоей мамлюк Амаан, — сказал нетрезвым голосом бен Сулеймен.

— Знаю — он победил крестоносцев! — засмеялся халиф.

— Нет, не он! Их армию победила отравы, которую им подослал я, и ты, мой повелитель, это знаешь. И еще яд, от которого умер король, его сын и весь его двор. А знает ли мой повелитель, что его любимчик Амаан тайно отпустил пленного крестоносца, которому ты приказал отрубить голову?

— Зачем?

— По-видимому, посчитал, что может не исполнять твои приказы.

— Ты так думаешь?

— Думаю? Я знаю, мой повелитель. Я историю восхождения мамлюков из рабов в султаны знаю хорошо.

— Тише ты! Везде есть уши.

— Мой повелитель, ты лучше меня знаешь, что надо делать.

— Но он же спас Тунис!

— Тунис спас всемилостивейший Аллах и ты, благословенный халиф, а этот мамлюк хочет присвоить себе твою победу. А неповиновение в малом может привести к большой беде.

— А если приплывет брат короля Людовика Карл Анжуйский? Кто его остановит? Ты?

— Если бы он желал этого, то давно бы уже был здесь. Я думаю, он и хотел, чтобы Людовик остался один на один с нами и произошло то, что произошло. И сейчас, после смерти Людовика, он стал сильнее, чем французский король. Может, он завтра заявит права на престол брата. Кто ему сейчас может помешать? Филипп? Вряд ли. Я думаю, никто! А Амаана ты должен убрать — он уже считает себя великим. И многие уже так считают. И ты знаешь, к чему это приведет. Он мамлюк. И я даже помню, откуда он.

— Неужели? Откуда?

— Он из очень далекой северной страны, где лежит снег, где огромные леса и реки, он русский.

— А я думал, что он, как все мамлюки, кипчак или грузин.

— Мой повелитель, посмотри на его волосы и глаза — какой он кипчак, а тем более грузин? Он русский. Он со своей матерью был куплен у монголов еще совсем ребенком. Я помню его мать. Да и как не помнить, если она была пять лет рабыней в моем доме — пока не умерла от горя. Она была очень красивой женщиной. Я даже помню, как ее звали. У нее было необычное имя — Василиса.

— Василиса? Почти как Василевск — император Византии. И какое же это горе — жить в твоём доме?

— Она умерла от того, что у нее забрали ребенка и она знала, кем он станет.

— Скажи-ка лучше, бен Сулеймен, как ты нашел нужного человека? Все-таки ты был в тюрьме.

— Мой повелитель, но я же визирь. Настоящий. Мой дед был визирем у твоего деда, мой отец — визирем у твоего отца, и я не мамлюк, а мусульманин со времен великого пророка Мухаммада. Мое имя от рождения Фетнатун, что означает качества пророков: ум и понятливость. В тюрьме я не думал о смерти — все мы смертны, я думал, как и чем помочь тебе, мой повелитель. И когда мои люди донесли, что кто-то из лагеря французского короля ищет особый яд, действие которого не отличалось бы от действия чумы, поразившей армию короля Людовика, я понял, что пришел мой черед помочь тебе. А дальше ты знаешь, что произошло.

— Нехорошо это — убивать королей! Мы пусть и разной веры, но властители на земле. Нам ниспослана власть богами: ему — их Христом, мне — великим Аллахом. Когда ты травил простых воинов и даже рыцарей, я считал это правильным, но поднять руку на короля уже не в твоей власти. Мы можем пленить друг друга, но никогда не убиваем. Мы избранные богами! А ты... — халиф покачнулся и упал на подушки, потом с трудом сел, — ты... Но кто попросил такой странный яд?

— Знаю только, что это был рыцарь из отряда бретонцев и что он уже мертв. Я хотел узнать, кто за ним стоит, но этот кто-то опередил меня. Но случилось то, что мы хотели.

— Не мы — ты! Я не хотел смерти короля и его сына. Это не славная смерть в битве. Это позорная смерть от поноса. Ты это понимаешь? Ничего ты не понимаешь. Может, тебе отрубить голову?

— Моя жизнь принадлежит тебе, мой повелитель. Но почему же ты не сделал этого раньше?

— Тогда бы не было этой победы... Что ты там предлагал сделать с Амааном?

— Мой повелитель, ты хочешь иметь головную боль?

— У меня голова все время болит.

— Амаан — это другая боль, избавиться от которой можно, только лишив его головы.

Халиф отшатнулся и опять упал на подушки. Сел. Потер рукой шею.

— Да-да, я это и имел в виду, — сказал визирь.

— А если все-таки Карл Анжуйский приплывет?

— Что-то этот Карл не спешит. От Сицилии всего-то четыре дня пути. А если даже и приплывет — что он увидит? Умершего короля, умершего принца, умерших дворян, умерших рыцарей и умершую армию. Мой повелитель, представь, что почувствуют воины Карла, если приплывут сюда? Они почувствуют страх! А когда в войне страх, какой он воин! Тебе решать, мой повелитель, но вспомни, что Амаан — мамлюк и султан Бейбарс — мамлюк.

— Если бы все решал я, то зачем мне такой советчик, как ты? Я тебя понял, Ахмад бен Сулеймен, — халиф называл полное имя визиря в крайних случаях — только когда восхищался. — Я сделаю так, как ты советуешь, но за будущее ответишь ты.

— Мой повелитель, будущего не знает никто! Только бойся его глаз — они очаровывают. И у француза, которого он отпустил, были такие же удивительные глаза и такие же белые волосы. Я его видел. Они были похожи, как братья. Представь, мой повелитель, какие мысли появились у Амаана, когда он увидел свое живое отражение! Да еще его учитель, этот старый аль-Дин, нашепчет ему многое, чего знать не положено, особенно детям рабов. Амаан тебя предаст, как только здесь появятся мамлюки султана Бейбарса. Ты же приказал написать ему письмо. Так что жди — скоро они прискачут. Для них пустыня — как ровная дорога.

— Хорошо, иди, тебя, наверное, заждалась твоя молодая жена... И незамедлительно сообщай обо всем, что происходит в лагере нового короля французов.

— Этого мальчишки Филиппа? Какой он король? То, что его благословил умерший епископ, еще не корона на голове. Пусть он попробует стать королем во Франции, в Париже. Пусть с этим согласятся англичане и богатые независимые герцоги. Меня вообще удивляет, что он остался жив. Впрочем, мне сказали, что у него с королем Людови-

ком были очень непростые отношения. Он же наследник, а Людовик неоднократно высказывался в пользу другого сына — Жана-Тристана.

— Того, что умер?

— Да.

— А этот жив? Может, в этом и есть разгадка тайны смерти короля?

— Мой повелитель, ты, как всегда, проницателен. Я об этом тоже думал. Только он же нам не скажет правды. Никому не скажет. На то он и король.

— Иди, — и когда визирь вышел, халиф тихо произнес: — Дурак, я давно уже обо всем догадался. Я всегда лучше тебя играл в шахматы. Амаан уже сидит в Башне смерти. Опоздал ты со своими советами.

Халиф хлопнул в ладоши и приказал появившемуся начальнику охраны:

— Возьми воинов, но не мамлюков, и пойдем в Башню смерти. Я хочу кое-кого в ней навестить.

В темнице, куда были брошены мамлюк Амаан и его учитель аль-Дин, было холодно, сыро и темно. Их арестовали ночью: быстро и скрытно. Амаан даже не успел вытащить меч, когда на него навалились десяток стражников и скрутили веревками.

Халиф, окруженный охраной, при свете многочисленных факелов вошел в темницу и удивился: лица Амаана и аль-Дина, учившего еще самого халифа премудростям мира, не выражали страха и покорности — они светились от улыбок. Халифа неприятно передернуло — все подумали, что от холода и сырости тюрьмы.

— Перед вами великий халиф Туниса — становитесь на колени! — закричал начальник охраны.

Узники улыбались. «Может, они сошли с ума? — подумал халиф и испугался. — Вдруг бросятся и укусят, и я умру», — и отошел подальше от узников. Те заметили и тихо засмеялись.

— Не бойтесь, мой повелитель, — весело сказал Амаан. — Мы не кусаемся. Хотя смотрите, — он резко дернул цепь, и одно из колец лопнуло — руки мамлюка стали сво-

бодными. Охрана закрыла своими телами халифа и выставила вперед мечи.

— Вот и вся разница, — повернувшись к аль-Дину, сказал мамлюк. — Ты оказался прав, учитель.

— В чем оказался прав аль-Дин? — спросил халиф.

— Я рассказывал Амаану о великих пророках и их способностях передавать предписания и запреты Всевышнего.

— Да, мой повелитель, — сказал спокойным голосом мамлюк, — учитель рассказал о пяти великих качествах пророков и о последнем пророке Мухаммаде, который имел еще пять других качеств. Я же этого не знал.

— Ты мамлюк, и твоя обязанность, Амаан, защищать меня, а не слушать сумасшедшего старика.

— А разве я этого не делал? И почему ты оскорбляешь аль-Дина, своего учителя?

— Потому что в жизни нужны совсем другие качества. И хорошо, что я вовремя это понял. Но оставим эти рассуждения, они мне неинтересны. Скажи, почему ты отпустил какого-то беловолосого француза? Он же не был рыцарем и должен был быть казнен. Я так приказал. А теперь ты сидишь на цепи и ждешь смерти.

— Как видишь, я уже не на цепи, а смерти я не боюсь. Я же мамлюк! И уж не из-за того француза ты хочешь меня казнить.

— И все-таки почему ты отпустил француза?

— Потому что он не воин.

— Как это?

— Он моряк с корабля.

— Да знаешь ли ты, что он спас королевский флаг! Так говорят в их лагере.

— Кто говорит?

— Мне об этом сказал визирь бен Сулеймен, а ему — его лазутчики из лагеря французского короля.

— Если это так, то он еще и герой. Но отпустил я его не за это — я этого не знал, а потому, что он мой брат.

— Какой брат?

— Мы дети из одной семьи.

— Ты мамлюк! У тебя нет семьи.

— Я тоже так считал. Я сын рабыни, превращенный в мамлюка. А узнал, что моя мать русская и у меня есть родина.

— Вот чему научил тебя аль-Дин? Ты знаешь, что с тобой дальше будет?

— Я готов.

— А ты, учитель?

— Я, мой повелитель, давно готов. Но ты совершаешь ошибку. Оставь жить Амаана — без него ты проиграешь предстоящую войну.

— Войну? Война окончена. Король французов мертв. Я победил.

— Война еще не начиналась.

— Чепуха! В этом ты ошибся. Наконец-то ошибся.

— Ошибся ты!

— Прощай... Зовите палача...

— Мне жаль тебя, мой повелитель.

— Убейте здесь. Не надо, чтобы горожане и мамлюки видели эту казнь. Головы выставите на стене — пусть их мертвые глаза видят умершую армию крестоносцев, — сказал халиф и вышел из темницы...

Палач поднял меч и крикнул:

— Прости меня, Амаан Белоголовый!

Грустно и одиноко сидел в своих покоях халиф Туниса. Он вспоминал слова учителя и терзался сомнениями: правильно ли он сделал? Тихо вошел и упал на колени перед халифом визирь Ахмад бен Сулеймен.

— Мой повелитель, в море огромный флот брата умершего короля.

— Чей флот? — не понял халиф.

— Карла Анжуйского, короля Сицилии и Неаполя.

— Он оказался прав! — закричал халиф. — Учитель опять прав! Где Амаан? Приведите его ко мне!

— Мой повелитель, его голова на стене, а глаза цвета весеннего неба смотрят в сторону лагеря французов, — грустно ответил вошедший начальник охраны.

— О, Аллах все милостивейший и всемогущий, что же я наделал! — халиф упал и стал кататься по коврам. По-

том поднялся — глаза его были налиты кровью. Халиф, задыхаясь от гнева, крикнул: — Палача! Палача сюда! — он показал на визиря. — Отрубите этому предателю голову, насадите ее на кол и поставьте там, где сейчас голова моего славного мамлюка Амаана. Пусть все видят, что он предал своего повелителя. И всю его семью казнить! А головы мамлюка Амаана и учителя аль-Дина похороните с великими почестями.

— Слушаюсь, мой повелитель! — радостно крикнул начальник охраны — мамлюк.

XIX

В королевском шатре, где после смерти короля Людовика жил новый король Филипп, больше не звучало возгласов радости, в каждом углу висела тягостная тишина скорби.

— Герцог, как же случилось, что ты прибыл так поздно? — зло спросил Карла Анжуйского сидевший на королевском троне Филипп.

— Ваше величество, вы сейчас по праву король французский, и я преклоняю перед вами голову и плачу вместе с вами в связи со смертью короля и моего брата. Но, дорогой племянник, разве есть моя вина в той страшной болезни, что победила нашего великого короля и твоего брата Жана-Тристана? Да, я задержался, но на то были причины — мои воины не хотели плыть в Тунис, они считали, что надо плыть в Палестину.

— Но предложение напасть на Тунис — это же было твое предложение, — закричал Филипп.

— А я и сейчас считаю, что прав. И говорю: волей Господа и судьбы ты сейчас король, и я подчиняюсь тебе, но как племяннику дам совет — первым приходит тот, кто не спешит, а опоздавший получает всё.

— Значит, ты намеренно опоздал и потому мой отец мертв?

— А разве ты этого не хотели?

— Я?! Как ты смеешь?!

— Я имел в виду — разве ты не хотели стать королем?

— Я король как старший из сыновей.

— А если бы ты погиб в схватке с маврами или умерл от болезни? Кто бы стал королем? Вот то-то! Ваше величество желает выслушать еще один совет?

— У тебя одни советы. Говори.

— Я скажу тебе как брат твоего отца, без всех этих дворцовых витиеватостей: Филипп, твое поле брани не здесь — оно во Франции! Неужели ты думаешь, что все вассалы короля Людовика будут рады твоему восхождению на престол? Пока моя армия не разложилась от увиденного здесь, объявляй на завтра штурм крепости и, чем бы ни кончилась битва, после быстро плыви во Францию, бери за шкирку лионского архиепископа, тащи его в Реймский собор и становись королем. Вот там, во Франции, будет нужна твоя смелость! А пока ты не король — ты тень короля! Тебе этот поход не нужен. Сейчас он нужен только мне!

— Я слушаю тебя, герцог и удивляюсь, почему тебя не было с нами. С тобой страшно.

— Со мной, ваше величество, спокойно. Так что, завтра штурм?

— Да.

— Я пошел отдавать приказ своей армии, пока она, увидев остатки от армии короля Людовика, не взбунтовалась от страха и не поплыла обратно.

Наутро завывли трубы, и новый рыцарь Антуан де Ангулем с орифламмой в руках выехал впереди армии короля. И банньеру — знамя короля — тоже нес другой рыцарь: Жервэ д'Эскренн стал маршалом вместо умершего маршала де Ла Шанеля. А в свите короля над всеми возвышался большой и высокий граф Жан д'Арк — новый кравчий.

Король Филипп сидел на коне в своем рыцарском облачении, готовый ехать к выстроившейся для штурма армии, когда, оттолкнув охрану, к нему подскочил рыцарь и, став на колени, крикнул:

— Ваше величество, прошу, выслушайте меня! — ветер разведал седые волосы на склоненной голове. Охрана короля бросились к старику.

— Не трогать! — приказал король. — Кто ты? — рыцарь поднял голову. — А-а, я тебя знаю. Ты — барон де Кантелу. Мой отец почему-то отстранил тебя от командования нормандцами. Ты хочешь что-то сказать в свою защиту? Только быстро — видишь, армия наконец-то идет на штурм.

— Ваше величество, я не мог объясниться перед вашим отцом, но дело не во мне... Знамя королевства спас не рыцарь Симон д'Аниш, а совсем другой человек.

— Как это не он и кто может это подтвердить?

— Это подтвердил бы рыцарь Ланселот де Сен-Марк, но он мертв. Это бы подтвердили и два рыцаря, что были в плену вместе с д'Анишем, но и они мертвы. Жив граф Фландрии Роберт Бетюнский. Может, он что-то знает? Но юноша, спасший знамя, не погиб в плену, он жив.

— Жив?! Как его зовут?

— Солей, ваше величество. Он помощник капитана корабля, на котором мы приплыли из Нормандии. Это он был в плену, и его отпустил сам визирь Амаан, которого, говорят, за это халиф лишил головы.

— Так, становится совсем интересно. Я даже не знаю, что лучший мамлюк халифа Туниса мертв! А ведь я что-то слышал о спасении орифламмы и что наградили другого. Меня не было, когда король награждал спасшихся рыцарей. Вот что, барон де Кантелу, я всегда знал, что мой отец тебя очень уважал и называл своим другом, но сейчас нет времени. Я жду тебя после сражения, и того юношу, спасшего знамя, приводи с собой. Я его, кажется, помню. Он невероятно силен? У него белые волосы? Это он?

— Да, это он.

— И прошу, барон, не дай себе погибнуть в этом сражении.

Огромная многотысячная объединенная армия пошла на штурм города и не встретила сопротивления перед стенами пригорода Туниса — древнего Карфагена. Сражение было скоротечным: неумелость нового командования халифа привела к гибели множества мусульманских воинов, и они в полном беспорядке отступили за крепостные ворота. Но рыцарей уже было не удержать — ворота были

сломаны, крестоносцы ворвались в Карфаген и с яростью и жестокостью стали уничтожать всех на своем пути. Тысячи мусульман были зверски убиты, и лишь немногим посчастливилось спастись за стенами крепости, окружавшей старый город Эль Медину. И уже с ее стен на армию крестоносцев посыпались сотни стрел, убивая рыцарей и пехотинцев. Началась паника, и крестоносцы, как и в предыдущих наступлениях, повернули коней и бросились к своему лагерю, но вдруг всё стихло. На крепостной стене Эль Медины завывали трубы, открылись ворота, из города выехал всадник в тюрбане, халате и без оружия и крикнул:

— Я переговорщик халифа Туниса к королю французскому Филиппу.

Король в Карфаген не входил — он находился на башне бу-Саид, где вместе с герцогом Карлом Анжуйским и принял посланника халифа.

Тот склонился перед королем Филиппом:

— Великий король французов, мой повелитель, халиф Туниса Мухаммад аль-Мунтасир предлагает тебе заключить достойный мир.

— Слава Господу, конец войне, — прошептал король.

— Передай халифу Туниса Мухаммаду аль-Мунтасиру, что мы подготовим свои требования и ждем его послов завтра в полдень здесь, в этой башне. Но если халиф обманет короля, мы никаких переговоров уже вести не будем, а разрушим Тунис, как когда-то римляне разрушили великий Карфаген! — торжественным голосом сказал Карл Анжуйский.

— Завтра в полдень здесь будет новый визирь, — ответил переговорщик и склонился в низком поклоне.

— А куда старый делся? — сделал удивленное лицо, спросил король.

— Амаан Белоголовый и Ахмад бен Сулеймен казнены.

— Амаан командовал вашим войском и, кажется, не проиграл нам ни одного сражения, не считая взятия вот этой башни. За что же его?

— Не знаю, но он был мамлюком. Такова его судьба.

— Ну что ж, пусть будет новый визирь. Мне все равно.

Когда переговорщик уехал, весть о мире с быстротой молнии разнеслась по армии. У крестоносцев, прибывших с королем Людовиком, и только приплывших из Сицилии, началось празднование с буйными песнями и плясками. Вино полилось рекой. Вина и воды было много — их привезла армия Карла Анжуйского. Пили, обнимались и ничего не боялись, хотя до этого приплывшие рыцари разбили отдельный лагерь и не разрешали воинам короля подходить близко — стреляли в них из арбалетов.

— Надо заключать мир на любых условиях, — сказал Карл Анжуйский. — Армии Людовика больше нет, а приплывшие со мной рыцари уже больше не пойдут ни на один штурм. Они скорее захватят корабли и уплывут обратно.

— Мой отец хотел, чтобы Тунис стал христианским, — произнес Филипп. — И ты, кстати, тоже.

— Да хотел. Но тогда, ваше величество, мы проиграем эту войну. Я нигде и никогда не видел, чтобы хоть один мусульманин отказался от своей веры. Если мы хотим закончить эту войну, надо завтра просить много, а получить достаточно, но так, чтобы халиф не посчитал себя побежденным. А это уже переговоры. Мы будем предлагать — халиф будет думать, халиф предлагать — мы думать. Но у нас мало времени. Я боюсь, как бы сюда из Египта не подошло войско самого султана Бейбарса. А у вас, ваше величество, времени нет совсем.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Филипп.

— Я уже говорил, что тебе надо как можно быстрее появиться во Франции. И причина одна — смерть короля и твоего брата. Победа и мир потом, главное — твое восшествие на престол. Поезжай и коронуйся. Запомни: здешняя коронация папским легатом Рудольфом из Альбено, который к тому же умер, может быть не признана церковью. Это, мой дорогой племянник, всего лишь знакомство с тем, что тебе в этой жизни предстоит.

— Но король и брат Жан-Тристан?

— Жана-Тристана вы, ваше величество, заберете с собой — его же Людовик приказал похоронить в Ройомоне, а король... отдайте мне моего брата, я похороню его на Си-

цилии, в соборе Рождества Пресвятой Богородицы, что в городе Монреале.

— Никогда! Король должен быть похоронен в Сен-Дени! Такова его последняя воля.

— Филипп, он мой брат. Отдай его мне, и я сделаю из него святого.

— Он уже святой! И должен быть похоронен в Париже, в сердце Франции! В усыпальнице королей — в Сен-Дени!

— Хорошо, пусть будет так. Тогда отдай мне хотя бы его сердце! Не забывай, племянник, я могу тебя об этом просить — это я сделал тебя великим королем, а ты мог бы стать самым несчастным из королей. Соглашайся.

— Хорошо, сердце тебе!

— Тогда бери самый быстрый корабль и плыви.

— Где его взять — быстрый? Все тихоходные и большие, а у половины и матросов нет — умерли...

— Когда мы подплывали к берегу, я видел один небольшой неф, он явно построен не генуэзцами, скорее всего в северных странах... Две мачты, а обводы и руль! Поверь, я разбираюсь в кораблях. Этот — лучший!

— А-а, — перебил Филипп, — я, кажется, знаю, о каком корабле ты говоришь! Это корабль, на котором приплыли нормандские рыцари.

— Может быть. Вот на него погрузим ночью тело короля и Жана-Тристана — и уплывай. Не надо, чтобы в наших армиях и в Тунисе знали, что ты уплыл. Возьми с собой кого хочешь. А я быстро доведу до конца эти переговоры — у меня нет ни малейшего желания задерживаться здесь хоть на один лишний день. Это проклятое место!

— Я заберу с собой еще одно тело — Пьера де Вильбеона. Он был любимчиком отца и умер в тот же миг, как умер король, попросив перед смертью похоронить его в ногах короля. Он сказал: «Похороните там, где я всегда был».

— Это какой де Вильбеон? Которого прозвали Пьер-камергер?

— Да.

— В одном этот Пьер прав — он всю жизнь просидел в ногах у короля.

— Что-то я должен был сделать, когда мы вспомнили о нормандцах... Только что? Вспомнил — я должен был поговорить с бароном де Кантелу. — Филипп крикнул: — Найдите барона де Кантелу, нормандца, и приведите ко мне.

Через час посланный за бароном рыцарь вернулся и сообщил, что барон погиб при штурме Карфагена.

— Позовите маршала де Сауси, — сказал король.

Маршал остался жив благодаря тому, что, сославшись на болезнь, ушел со смертельного ужина у короля, не попробовав вина.

— Скажите, маршал, — спросил Филипп, — что произошло с бароном де Кантелу? Как он погиб?

— Ваше величество, я в точности не знаю, но это какая-то странная смерть. Барон не был в первых рядах наступающих и погиб еще до того, как мы ворвались в Карфаген, от смертельного ранения... в спину.

— Как это — в спину?

— Мне сказали, что у него была рана копьем — наколечник попал в позвоночник и там застрял, а древко обломилось.

— Ты хочешь сказать, что барона убил кто-то из французов?

— По-видимому, да.

— Может, кто-то неудачно бросил копье?

— Неудачно? Зачем бросать копье, если нет противника? В стену крепости? Да и какой силы должен быть удар, чтобы пробить кольчугу!

— Найдите, маршал, мне этого подлого убийцу. Ищите того, кому он мешал. Вечером я должен знать имя убийцы.

— Но... ваше величество...

— Вечером, маршал, вечером. Позовите мне адмирала де Варенна.

Когда адмирал вошел, Филипп приказал:

— Адмирал, возьми начальника моей охраны графа де Маше, и поедем на берег. Ты знаешь, где стоит корабль, что привез нормандцев?

— Да, ваше величество.

— Вот к нему и поедем.

— Что-то случилось, ваше величество?

— Поедем, де Варенн, я все расскажу по дороге.

Двухмачтовый неф и правда выглядел маленькой игрушкой по сравнению с большими кораблями французов и сицилийцев, перевозивших в своих трюмах сотни людей. И обводы у корабля были необычными, и если бы не каюты с бортов, то корабль был бы похож на наконечник стрелы.

Король с адмиралом подъехали к кромке берега, на который были сброшены сходни. На грот-мачте мачте трепетал черный флаг.

— Что это, де Варенн?

— Кто-то на корабле умер, и не простой моряк.

— Чума?

— Может быть, ваше величество. Я после смерти вашего отца, короля Людовика, уже ничего не боюсь.

— А я боюсь. Узнайте, что там. И пусть придет капитан корабля.

Адмирал поднялся на борт. На палубе сидели несколько матросов и безмятежно пили вино.

— Где ваш капитан? — крикнул де Варенн.

— Эй, капитан, к тебе пришли! — задрал голову, крикнул один из матросов.

— Сейчас, — раздалось сверху, и через несколько мгновений с марсовой площадки грот-мачты на палубу по свисающему канату с ловкостью кошки спустился высокий, с необычными белыми волосами молодой человек.

— Я капитан, — сказал юноша, и на адмирала взглянули строгие синие глаза.

— А где капитан Шарль?

— Капитан умер.

— Чума?

— Не знаю, но он очень быстро умер. Я дал ему свое лекарство, но, по-видимому, было уже поздно.

— Что, хорошее лекарство?

— Мне его дала мать. Я, когда заболел и у меня был кровавый понос, принимал его и, как видите, жив.

— У тебя еще оно осталось?

— Совсем чуть-чуть.

— Отдашь его мне, а сейчас пойдём со мной — с тобой хочет говорить король.

Адмирал с капитаном спустились на берег, и молодой человек, увидев короля, низко поклонился.

— Ваше величество, капитан Шарль умер, вот новый капитан, — сказал де Варенн.

— Как тебя зовут? — спросил Филипп.

— Жак Солей, ваше величество.

— Солей... Солей... Что-то знакомое... Вспомнил. О тебе говорил барон де Кантелу. Ты знаешь, что он погиб?

— Да. Я был на его похоронах.

— И что ты думаешь о его смерти?

— Говорили, что его убили копьем в спину.

— Скажи, Солей, правда, что это ты спас знамя королевства?

— Ваше величество, просто, когда тот рыцарь со знаменем упал с лошади, я поднял знамя, а потом, когда попал в плен, его спрятал.

— Но знамя принес другой человек.

— Когда меня повели на казнь, я рассказал, где спрятал знамя, одному из пленных рыцарей. Он нормандец. Барон де Кантелу хотел поговорить с вашим отцом об этом, но, по-видимому, не успел. Да и не так важно, кто спас знамя королевства. Главное, что оно было спасено.

— Отлично сказано! Но я все же разберусь! — грозно сказал король. — И ты, Солей, будешь достойно награжден. Но сейчас ты мне нужен для очень важного дела. За сколько дней ты сможешь доплыть на своем корабле до Франции?

— Ваше величество, если вы имеете в виду Ла-Рошель, то я знаю, как доплыть, а если до Эг-Морте, то я никогда там не был, но у меня есть карта и компас, оставленные капитаном Шарлем. Он их передал мне, когда умирал, и в присутствии команды и священника передал мне свой корабль... И мой помощник Фабрис отлично знает Средиземное море, он плывал матросом вместе с капитаном Шарлем двадцать лет. Приказывайте, ваше величество, что надо сделать?

— Подготовь корабль к плаванию. Ты повезешь меня во Францию. А также гробы с покойным королем и моим братом, принцем Жаном-Тристаном. И еще один гроб... Но об этом никто не должен знать. Понятно тебе — никто! — Молодой человек, услышав эти слова, опустился на колени перед королем, чем приятно удивил Филиппа.

— Я все сделаю, ваше величество, — сказал Солей.

— Встань. Я надеюсь, хоть ты и молод, что ты опытный моряк.

— Можно сказать, я родился в море. Я рыбак из Ла-Рошели.

— А можешь стать дворянином. Готовься! Я пришлю к тебе моего кравчего графа д'Арка, и ты скажешь ему, что необходимо для того, чтобы двадцать человек и твоя команда не умерли от голода и жажды во время плавания. Что понадобится мне, он знает. Ночью привезут особый груз. Сразу спрячь его от всех, чтобы никто его не видел, но так, чтобы он не пострадал. После меня это будет самое ценное на твоём корабле... Поехали, адмирал де Варенн, у нас еще полно дел, — король повернулся к начальнику охраны Пьеру де Маше и строго сказал: — Приведи ко мне барона д'Аниша, командира отряда нормандцев.

Барон д'Аниш стоял перед королем и не мог удержать кашель, а потом оторвал платок ото рта — на несвежей ткани было пятно крови.

— Барон, — сказал король, — почему ты сказал, что спас знамя королевства? Знамя-то, оказывается, спас молодой человек по имени Солей.

— Ваше величество, кто мог сказать такое?

— Барон де Кантелу.

— Ваше величество, давайте его пригласим, и пусть он подтвердит эти слова.

— Он, к сожалению, этого никогда уже не подтвердит.

— Потому что это ложь! Ваше величество, вы же сами видели, что я принес вашему отцу орифламму и король даровал мне за этот подвиг титул барона. А что касается этого Солея, то он мертв. Я его видел в плену. Их всех казнили.

— Да? А я его видел час назад.

Лицо д'Аниша посинело, он резко и сильно закашлялся, а потом, задыхаясь, произнес:

— Как же он остался жив? Вас, ваше величество, это не удивляет? Нас, рыцарей, обменяли, а его почему-то отпустили? Нет ли здесь предательства? И неужели вы верите какому-то рыбаку из Ла-Рошели, а не дворянину короля?

— Он тебе знаком?

— Он — нет, но я знал его отца, а его дядя служил в Шербуре, где я был комендантом, и помог англичанам захватить крепость.

— Его казнили?

— Господь его наказал — он умер от ран.

— Почему же барон де Кантелу так хорошо относился к этому Солею?

— Я слышал сплетню, что Солей, тот, который помог англичанам захватить Шербур, вроде однажды спас жизнь барону. Так говорили в Шербуре, но я в это не верю. Я могу сказать большее: отец того Солея, который врет, что спас орифламму, сражался против рыцарей Ливонского ордена, когда наш христианский папа послал их воевать с русскими.

— Не может быть!

— Так яблоко от яблони недалеко падает. Их дед убил скандинавского дворянина и бежал из Швеции в Нормандию, где уже убил другого дворянина, а после убежал в Ла-Рошель. Так что это еще та семейка.

— Да-а?! Странно... А что ты так кашляешь? — король отстранился. — У тебя не чума?

— Нет, ваше величество! Это открылась рана в груди, полученная в сражениях во славу вашего отца в предыдущем крестовом походе. Мне так жаль, что я больше не увижу нашу прекрасную Францию и останусь в этих песках. Ваш отец хотел отправить меня домой.

— Барон, ты не останешься здесь. Завтра корабль, на котором ты приплыл сюда, отплывает во Францию, и ты поплывешь на нем.

— О, ваше величество, — барон упал на колени и хотел схватить руку короля, но тот быстро спрятал свою руку за

спину, — я благодарю вас. Я сейчас же пойду и скажу капитану Шарлю, что я плыву на его корабле.

— Я думаю, что ты не обрадуешься, — рассмеялся Филипп, — но кораблем командует капитан Солей. Капитан Шарль умер и подарил ему свой корабль. Но ты не переживай, я ничего не скажу Солею, а то, боюсь, он может выбросить тебя за борт. Знаешь же, на море командует капитан корабля, и даже король не может ему приказывать. Так что завтра будь на берегу и не опаздывай — ждать никто не будет. Узнай время отплытия у Пьера де Маше, начальника моей охраны. И никому не говори, что ты уплываешь. Понятно?

— Ваше величество! — барон на коленях продвинулся к королю, но тот отодвинулся и сурово сказал:

— Иди, барон. Тебе повезло, что я чту обещанное моим отцом и скоро ты увидишь Францию...

XX

Еще до восхода солнца, когда усталый от болезни и вина лагерь крестоносцев спал, на корабль привезли три завернутых в ткань ящика, которые капитан Солей приказал перенести с осторожностью в самый конец трюма и крепко закрепить. Потом на берег стали тихо подходить люди в плащах. Их было немного, человек пятнадцать: камергеры королевского двора, повар, постельничий, казначей, лекарь короля. Приехал барон д'Аниш — он хотел заехать на палубу на коне, но ему отказали. Он начал ругаться, тогда на палубе появился капитан Солей, который, увидев барона, очень удивился; лицо его застыло.

— Барон, это приказ, и мне дано право тех, кто мне не подчиняется, не брать на судно.

— Чей приказ... капитан? — крикнул д'Аниш.

— Ты не знаешь, чей приказ? Тогда я тебя не пущу на корабль, — и Солей приказал матросам: — Этого дворянина на судно не пускать!

— Да я тебя!.. — закричал д'Аниш.

Но Солей, не слушая его крики, повернулся и ушел на корму. Гофмейстера, обер-камергера, постельничего и нескольких дворян, которые ухаживали за королем, разместили в тесноте, по трое в каютах, остальных отправили в трюм, а матросы — им не привыкать — вернулись на палубу.

Когда солнце самым краешком появилось над морем, осветив безоблачное небо, прибыл король в сопровождении начальника своей охраны графа де Маше и нескольких рыцарей, среди которых были графы Жан д'Арк и Роберт Бетюнский. Капитан Солей встречал короля на палубе.

— Ваше величество, позвольте, я провожу вас в каюту капитана. Она маленькая, но, к сожалению, лучшей у меня нет. Если вы прикажете взять ваших лошадей, то придется их заводить в трюм, что займет значительное время, и я не уверен, что мы их довезем живыми — нам очень долго плыть и, возможно, по беспокойному морю... Все лошади, которых везли из Нормандии, погибли во время шторма. Да и они будут только мешать, ведь рыцарям придется очень долго жить в трюме.

— Тогда никаких лошадей, в том числе и моих. Отплываем, и как можно скорей. А насчет моих рыцарей не беспокойтесь, капитан, хоть они и изнеженные герцоги и графы, но они самые счастливые люди на земле — они поплывут из этого ада домой; для них сейчас охапка соломы мягче любой постели. Но лучше, если не будет никакого шторма, я не переносу качки, — король хотел пройти в каюту, когда граф Бетюнский что-то сказал Филиппу и показал на понуро стоявшего на берегу д'Аниша.

— Д'Аниш, ты не хочешь плыть с нами? Зачем же просился? — крикнул король.

— Меня не пустил этот... капитан.

— Как? — удивился король и повернулся к Солею.

— Этот дворянин пожелал въехать на судно на лошади.

— Тогда капитан правильно сделал. Д'Аниш, либо ты подчиняешься капитану, либо оставайся в Тунисе. Что ты решил?

Д'Аниш упал на колени.

— Ваше величество, простите меня! Я же не знал, что с лошадьми нельзя.

— Капитан Солей, возьми его на свой корабль, — сказал король, быстро прошел в каюту и закрылся в ней с Пьером де Маше. д'Аниш, взойдя на корабль, хотел, как в прошлый раз, потребовать себе отдельную каюту, но увидев, что в трюм спускаются графы Роберт Бетюнский и Жан д'Арк, поплелся вслед за ними.

Настроение у Филиппа было отвратительным: уплыть приходилось тайно, не беря с собой других членов королевской семьи. Больше всего его расстраивало то, что жена Изабелла Арагонская, с которой он был в браке уже девять лет и нажил троих детей, не захотела плыть с ним во Францию.

— Мой дорогой супруг, — сказала она, — я плохо себя чувствую... Я беременна, и позволь мне не спешить — я умру от этой многодневной качки, да и во Франции тебе будет не до меня. Я поплыву в Италию, все-таки она рядом, и там отдохну от этой ужасающей жары, от этого мерзкого Туниса. Позволь мне сделать так. Кстати, твой дядя Альфонс с женой Жанной тоже хочет плыть в Италию, так что я там буду не одна. Начитанная Жанна будет пересказывать нам романы, которые она успевала читать даже здесь. Оказывается, она привезла их с собой. Целых три книги!

— Дорогая, ты хочешь сказать, что у меня будет еще один сын, еще один принц?

— Может, дочь. Неужели тебе мало сыновей?

— Хорошо, Изабелла, пусть будет дочь. Мне очень жаль, что ты не хочешь плыть со мной, но, может быть, ты и права — плыть в Италию и ближе, и спокойнее. Но, поверь, я не могу ждать, я должен быть в Париже как можно быстрее. Ты же знаешь: далеко не все хотят, чтобы я был на французском троне. Тела моего отца и брата заставят всех недругов замолкнуть, а кое-кто, возможно, лишится и головы. Мне надо плыть. Я и дети будем с нетерпением ждать тебя во Франции.

Погода была прекрасной, какой бывает ранней осенью на Средиземном море. Корабль, как по невидимой

ниточке, протянутой между берегами огромного моря, с наполненными ветром парусами день за днем, плыл на северо-запад. Где-то очень далеко проплыла в морской дымке Сицилия. Король и сопровождавшая его маленькая свита радовались погоде, часами стояли и сидели на палубе, пили вино, смеялись, напевали песни и даже фехтовали на мечах... И все ждали, что вот-вот появится берег родной Франции.

Король Филипп появлялся из каюты каждый день, прохаживался по палубе под руку с начальником своей охраны Пьером де Маше, весело шутил, смеялся и бросал взгляды на своих камергеров, отмечая каждый раз одного из них — высокого черноволосого юношу. В конце концов король не выдержал и тихо спросил у де Маше:

— Кто этот камергер?

Понятливый де Маше так же тихо ответил:

— Камергер вашего двора Пьер де Ла Брос. Человек не очень знатный, но толковый...

— Хорошенький... — рассмеялся король. — А как тебе наш капитан?

— Викинг, — был ответ. — Я за ним наблюдаю — сила, сила какая в нем! Кажется, если начать тянуть канат, то он один перетянет всю команду корабля.

— Да, хорош... — опять весело рассмеялся Филипп.

В один из таких прекрасных дней капитан Солей подошел к королю и поклонившись, учтиво сказал:

— Ваше величество, нам надо отвернуть к Балеарским островам и укрыться в какой-нибудь бухте.

— Почему, капитан? — веселым голосом спросил король. — Что нам мешает плыть?

— Я боюсь, что будет шторм. Очень сильный шторм.

— Какой шторм, капитан? Посмотри на небо — ни одной тучки. И ты боишься?

— Ваше величество, шторм будет сегодня вечером или ночью, может быть, завтра утром.

— Солей, у меня нет времени слушать твои глупости. Либо мы плывем, либо на корабле будет другой капитан, — улыбка исчезла с лица короля.

— Ваше величество, мне очень жаль, но я вынужден послушаться.

— Как?! — лицо Филиппа стало покрываться красными пятнами.

— Пока я капитан на этом корабле, я отвечаю за вас и ваших людей... и за тот бесценный груз в трюме, — спокойным голосом сказал Солей.

— Я не переносу, когда со мной спорят. Я мог бы приказать выкинуть тебя за борт, но с этой минуты ты будешь простым матросом, а кораблем пусть командует твой помощник, — голос короля дрожал от гнева.

— Хорошо, ваше величество. Я сейчас пришлю нового капитана.

Прошло всего несколько мгновений, и к королю подошел одетый, как все матросы, в парусиновую рубаху и штаны босоногий человек и, нисколько не смущаясь, обратился к королю:

— Король, мне сказали, что я тобой назначен новым капитаном, но должен согласиться с капитаном Солеем — нам надо как можно быстрее уходить к Балеарским островам. Будет сильный шторм.

— И ты туда же! — разозлился король. — Ты хочешь, чтобы я тебя уж точно приказал выбросить в море?

— Нет.

— Тогда исполняй обязанности капитана и больше не досаждай мне. Я приказываю плыть!

— Слушаюсь, — грустно ответил назначенный капитан и, косолапя, отошел от короля. Он крикнул что-то непонятное, и матросы побежали к мачтам и вантам, шлепая босыми ногами по палубе. Среди них выделялся высокий беловолосый Солей, который добежал до грот-мачты и, как кошка, полез вверх по канату, вызывая восхищение своей ловкостью у короля и свиты.

— А я чуть не приказал выбросить эту кошку за борт, — весело сказал король Пьеру де Маше.

— Боюсь, ваше величество, если бы эта кошка начала царапаться, еще неизвестно, кто оказался бы в море.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что он бы поднял руку на своего короля?

— Нет, конечно. Просто думаю, что при его силе и ловкости мы бы его не поймали, а он с легкостью выкинул бы за борт моих людей.

— Знаешь, я это уже видел в Тунисе. Ох и лихо он там расправился с солдатами, желавшими завладеть водой на этом корабле, — у короля от воспоминаний явно улучшилось настроение.

— Говорят, что он великолепно стреляет из лука.

— И об этом я слышал. Ладно, пусть побегает простым матросом — уж слишком он упрям, а я этого не люблю. Приплывем домой, тогда пусть забирает свою посудину обратно. Еще и награжу. Пойдемте, мой друг, в каюту, что-то меня клонит ко сну и голова кружится.

Казалось, король был прав: паруса на мачтах вздувались от попутного ветра, и, разрезая носом небольшую волну, судно быстро плыло вперед, на красный закат. Так прошла ночь, потом день, и к вечеру следующего дня на палубу вышел король. Он был весел, любовался тем, как красное солнце тонуло в море, и о чем-то тихо беседовал с людьми из своей свиты, а увидев Солея, моющего шваброй палубу, засмеявшись, крикнул ему:

— Ну что, капитан, ты ошибся? Где шторм?

Лицо Солея было неприветливо и напряженно, и он, тяжело вздохнув, ответил:

— Будет шторм, ваше величество. Ночью. Ваше величество, может нам все-таки отвернуть к Балеарским островам? Если еще успеем.

— Я знаю, что на море капитан корабля — король, но не ты уже капитан. Приказываю: не сворачивая, плыть и плыть к Франции.

— Тогда я могу только попросить всех уйти с палубы, привязаться покрепче веревками и молить господу, чтобы он помог пережить то ужасное бедствие, которое всем нам предстоит испытать.

— Честное слово, Солей, ты меня начинаешь раздражать, и я уже начинаю жалеть, что поплыл на твоём корабле! — Король резко повернулся и ушел в каюту. А Солей подошел к своему помощнику и спросил:

— А что ты думаешь, Фабрис?

— А чего мне думать! Я двадцать лет плаваю по этому морю. Будет шторм!

— Тогда собери команду.

Когда у грот-мачты собрались моряки, Солей сказал:

— Друзья, я сейчас не капитан, но знаю, что Фабрис со мной согласен — нас ждет ужасный шторм. Пока есть время, крепите все, что можно закрепить. Проверьте весь такелаж и чтобы ничего не болталось на палубе. А после никуда не отлучайтесь, имейте при себе веревки, чтобы привязаться к мачтам, иначе вас смоеет волной, и будьте готовы в любой момент убирать паруса. А сейчас помолимся Господу и святому Николаю, чтобы они не обошли нас своей защитой.

Все опустили на колени и тихо стали шептать молитву.

— Фабрис, — тихо сказал Солей своему помощнику, — пойдем посмотрим, как закреплены три ящика в трюме.

— Я уже проверял, — столь же тихо ответил Фабрис.

— Проверим еще раз. После короля это наш самый ценный груз.

У борта корабля стоял седой, очень худой рыцарь в меховой накидке и, сам не замечая того, кашляя, шепотом повторял за моряками слова молитвы. Он испытал на себе силу шторма, когда плыл в Тунис, и теперь боялся и просил господа защитить его от неизбежного надвигающегося бедствия, холодеющим от страха сердцем понимая, что его жизнь зависит сейчас от этого ненавистного ему молодого человека. Солей ходил с Фабрисом в трюм, а затем постучался в каюты, нависающие с бортов над морем, и предложил камергерам перейти в трюм. Двое — постельничий Жан Бургинье и повар короля — отказались уходить, заявив, что король может потребовать их в любой момент. А Пьер де Ла Брос постучался в каюту капитана. Дверь открыл граф де Маше. Де Ла Брос о чем-то долго с ним шептался и, видимо, получив разрешение, вошел. Дверь распахнулась, и на мгновение стало видно лицо короля — оно было смертельно бледным... и дверь закрылась. Симон д'Аниш

пробежал по палубе к люку, ведущему в трюм. И все — и оставшиеся в каютах камергеры, и рыцари в трюме, и команда корабля на палубе — стали просить бога спасти их.

Ночь была необычайно ясной, звезды и полная луна светили с черного неба и отражались в таком же черном море. Ветер резко дунул, как выдохнул, и вдруг наступила звенящая, закладывающая уши тишина. Паруса повисли, на море не стало даже ряби, а потом раздался зловещий тонкий свист, который резал слух. На небе исчезли звезды и луна, оно стало непроницаемо черным, и море стало черным, и вокруг корабля до невидимого горизонта все стало черным. Раздался гул, который, казалось, доносился будто из недр моря, и через несколько мгновений страшный грохот разорвал тишину, сверкнули молнии, и сразу завыл ветер, рванул и, как пушинку, понес корабль куда-то в черную бездну...

Солей, расставив ноги, сжимая гладкое дерево руля, скомандовал убрать паруса на мачтах, но матросы, не ожидавшие столь стремительного наступления шторма, замешкались, и ветер с невероятной силой надул паруса. Парус на грот-мачте разорвался и повис лохмотьями, но парус на фок-мачте все-таки успели спустить. Корабль понесся по воле ветра в черном море, и только невероятная сила Солея, державшего руль, не давала кораблю развернуться бортом к волне и утонуть. Проходили часы такой борьбы. Корабль носом нырял в гигантские волны, которые пробегали по палубе, но, как поплавок, выныривал и, вознесясь на новую волну, вновь устремлялся вниз, падая в бездну, зарывался по мачты в пену... И так повторялось сотни и тысячи раз. Почти вся команда корабля давно уже бросила бороться с волнами, кого-то смыло с палубы в море, кто-то, крепко привязав себя к мачтам, смирился с судьбой, а кто-то, струсив, успел спрятаться в трюме и там молился вместе со всеми.

Шторм перешел в ураган и нес корабль... к берегам Франции!

Двое суток, час за часом, корабль падал в бездну и вновь выплывал к ревающим над морем черным небесам. И сто

раз он уже должен был утонуть, но почему-то держался и не тонул. Боковые каюты сломало волнами, и вместо них из бортов торчали обломки подпорок. Не выдержала грот-мачта и с грохотом, переломившись, повисла за бортом, готовая перевернуть корабль. Помощник капитана Фабрис с двумя матросами, не боясь быть сброшенными в бездну, прыгнули к упавшей мачте, быстро перерубили державшие обломок мачты ванты, и она, как тростинка, улетела в бушующее море. На третьи сутки ветер стал стихать, сплошные черные тучи разорвало, и в просветах появилось голубое небо. А еще через несколько часов, к полудню, засияло солнце, отражаясь в море, корабль перестал раскачиваться и только чуть-чуть покачивался на волнах. На палубу из каких-то немислимых щелей стали выползать матросы. Недосчитались трети команды — смыло в море. Из трюма стали выходить рыцари и прислуга короля, у которых тоже оказались травмы, но не смертельные — переломы, раны и ушибы. Вместе с каютами упали в море не пожелавшие перейти в трюм постельничий Жан Бургинье и повар короля.

Солей приказал на сохранившейся фок-мачте вновь поднять парус, и корабль, плавно переваливаясь, поплыл по залитому солнечным светом морю.

Когда вышел король, все, не скрываясь, со слезами и плачем, стали выражать радость. На лице короля виднелся синяк, а рука де Маше висела на платке. Король Филипп, узнав о гибели постельничего и повара, страшно опечалился:

— Бедный Бургинье, он, как и Пьер де Вильбеон, всегда был рядом с моим отцом. Думалось, Господь его хранил и он пережил своего короля, но оказалось, что это не так — Господь его забрал от нас. Сейчас он там, на небесах, вновь прислуживает своему королю. Как мне жаль, — король повернулся к идущему позади его Пьеру де Ла Бросу и сказал: — С сегодняшнего дня ты, мой друг, мой новый постельничий. Тебе, я надеюсь, уже не надо объяснять твои обязанности?

— Ваше величество, я не заслуживаю такой награды! — воскликнул де Ла Брос.

— Какой награды? За что? — фальшиво удивился король. — Это очень почетная должность, и я надеюсь, ты не подведешь своего короля.

Король прошел по палубе, осматривая повреждения, а когда увидел вместо грот-мачты торчащий обломок, повернулся к подбежавшему к нему Фабрису и удивленно спросил:

— Капитан, почему мы не утонули?

— Нам помог Господь! — ответил Фабрис.

— Да бросьте, на море один бог — капитан! Вы все время были на палубе?

— Да, мне было удобно — я привязался к грот-мачте, и она сломалась как раз на уровне моей головы, а то бы меня унесло с корабля, и я бы уже из воды наблюдал, как эта посудина идет ко дну.

— Что — два дня были привязаны?

— Мы привычные, ваше величество.

— Ну а где Солей?

— А он, ваше величество, и был тем богом, который всех нас спас!

— Не богохульствуй!

— Но это так и есть, ваше величество. Мы-то привязались или спрятались, а он эти два дня стоял у руля, и если бы его смыло или он ослабил свою хватку, корабль бы, как щепку, перевернуло. Два дня он один держал руль! Такого не может быть, но я это видел!

— Тогда скажи честно, кто же был капитаном все это время?

— Ваше величество, я ни одного мгновения не был капитаном корабля. Капитаном был Солей.

Король подошел к Солею.

— Так-так, все-таки ты спас меня. Иди-ка спать, молодой человек. А потом я с тобой поговорю.

— Будете наказывать, ваше величество? — весело произнес Солей.

— Он еще имеет силы веселиться? — удивленно произнес король. — Можешь вернуться в свою каюту.

— Что вы, ваше величество. При такой погоде моряки спят на палубе. Для меня здесь всегда найдется какое-нибудь укромное местечко.

— Скажи, Солей, пока ты не ушел спать, куда нас занесло?

— Ваше величество, удивительно, но нам невероятно повезло: нас все время несло на северо-запад, и мы оказались намного ближе к Франции, чем могли бы быть. Ураган почти принес нас домой.

— Но корабль разрушен, мачта одна...

— Лишь бы не сменился ветер. Мы с Фабрисом смотрели ночью на появившиеся звезды и на карты покойного капитана Шарля. Завтра, может, послезавтра должна появиться земля.

— Ты меня удивил, Солей.

— Ваше величество, может, вы разрешите мне заняться обязанностями капитана?

— Так ты же ими и занимался все это время!

— Но я нарушал ваш приказ.

— Ладно тебе, на корабле приказывает один человек — капитан.

— Тогда я пойду спасать корабль.

— Что-то плохо? — встревожился король.

— В трюме полно воды, и сейчас мы ее будем вычерпывать. Мне надо, чтобы все покинули трюм, а слуги помогали нам. У меня погибла треть команды.

— Как там... ну ты знаешь, о чем я...

— Все было надежно закреплено. Я осматривал, там все хорошо.

— Молодец, Солей, — Филипп повернулся к Пьеру де Маше, который отвечал не только за охрану короля, но после смерти графа де Лонгвиля исполнял должность мэтра королевского двора. — Граф, прикажите всем выйти из трюма. Обедать будем на палубе, и раз мой повар по своей же глупости утонул, пусть граф д'Арк постарается, не то я его выгоню с новой должности. Желающих стать управляющим королевским столом превеликое множество. Кстати, Солей, жду тебя на мой обед.

— Спасибо, ваше величество, но я простой рыбак, случайно ставший капитаном корабля...

— Королю не положено отказывать... — Филипп рассмеялся и сказал окружающим его дворянам: — Пойдемте, друзья. Ах, как прекрасна жизнь!

Полдня команда убирала обломки с палубы и вычерпывала воду из трюма. Король обедал на корме, Чтобы не мешать ему и его свите, румпель руля закрепили веревками в одном положении. Солея на обеде не было — он, завернувшись в обрывок паруса, спал в носу корабля.

На закате король подошел к проснувшемуся и вновь стоявшему у руля Солею и сказал:

— Солей, мне необходимо принять одно важное решение, и я хочу услышать от тебя честные ответы на вопросы, которые я тебе задам. Правда ли, что твой отец сражался против рыцарей Ливонского ордена, которых наша святая церковь направила сражаться против русских?

— Правда, ваше величество. Но правда и то, что моему отцу было всего шестнадцать лет, когда он уплыл из Ла-Рошели в Швецию, чтобы отомстить человеку, который убил его деда и бабу и из-за которого его отцу Харальду, совсем мальчишке, пришлось покинуть родину. Правда и то, что с отрядом короля шведов Биргера Ярла мой отец воевал против русских и был захвачен в плен. Он провел почти два года рабом у их знаменитого князя Александра, который и предложил моему отцу выбор: оставаться рабом либо обрести свободу, сражаясь против ливонских рыцарей. Правда и то, что мой отец бежал, когда его вновь сделали рабом, и добрался до Швеции, где Биргер Ярл предложил ему стать хэрсиром той земли, откуда весь наш род. Кстати, по праву, так как мать моего отца была дочерью погибшего хэрсира, а все остальные наследники были мертвы. Но отец отказался и уплыл во Францию.

— Хорошо, очень хорошо. А что ты знаешь о своем дяде, который служил у герцога Нормандии?

— Только то, что он был воином и во время похода на Англию спас жизнь барону де Кантелу, а потом, оставшись один, защищал крепость Шербур против англичан и погиб,

как великий воин. Мне об этом рассказал отец — он похоронил своего брата, и это подтвердил бы барон де Кантелу.

— Барона, к сожалению, больше нет, и он ничего не подтвердит. И последнее: что же все-таки произошло со знаменем королевства?

— Я уже рассказывал об этом барону де Кантелу. Когда знаменосец упал с лошади и выронил знамя, я знамя поднял, а когда меня захватили в плен, спрятал его у себя под рубашкой. Когда меня повели на казнь, я рассказал нормандскому рыцарю, который был с нами в плену, где в темнице спрятал знамя. Он, кстати, сейчас плывет на этом корабле. Спросите у него. Вот и все.

— Почему же ты остался жив, если всех казнили?

— Меня отпустил их визирь.

— Как так?

— Я не знаю, но, наверное, потому, что мы были с ним похожи, как братья, он был такой же беловолосый и синеглазый, как я. Мне потом сказали, что его казнили, а голову выставили на стене крепости.

— Я знаю, о ком ты говоришь. Это Амаан. Он был мамлюком, а мамлюки не мавры — они дети рабов. Я все понял, — король повернулся и ушел в каюту.

Шторм своей силой перенес корабль на огромное расстояние. С одной целой фок-мачтой корабль плыл по спокойному морю, и через день на горизонте появилась полоска земли. Закричали увидевшие ее матросы, и король со свитой побежали в нос корабля, и все стали радостно кричать и плакать. Король приказал накрыть праздничный стол и потребовал, чтобы Солей присутствовал на ужине.

— Я, Филипп, король французский, — король в красивом камзоле, с кубком вина в руках с трудом стоял на покачивающейся палубе, — хочу всех познакомить с новым дворянином моего королевства, капитаном этого корабля, человеком, спасшим нас всех, шевалье Жаком Солеем, — король показал на стоявшего с пунцовым от услышанных слов лицом Солея. — Дарственную грамоту о титуле шевалье ты получишь в Париже. А сейчас я хочу тебе подарить плащ рыцаря-крестоносца. Мой плащ. Де Ла Брос, подайте плащ.

Все присутствующие удивились, что ничем не примечательный, безызвестный, неродовитый камергер де Ла Брос вдруг получил такое повышение — стал постельничим короля! Кто-то шепнул: «Новый Пьер де Вильбеон», но его услышали и посмотрели на него так строго, что сказавший сразу низко опустил голову. Новый король был новым королем — неизвестно, что он еще скажет...

— Но... ваше величество... — сказал Солей.

— Шевалье Солей, по прибытии в порт Эг-Морте ты поедешь со мной в Париж, а оттуда в аббатство Ройомон. Ты будешь участвовать в похоронах моего брата Жана-Тристана, — за столом пронесся гул недоумения. — Так я приказываю, ваш король.

— Слушаюсь, ваше величество, — тихо ответил Солей.

XXI

Увидев плывающий в бухту разбитый корабль и услышав, как на сторожевой башне завывала труба, все жители маленького городка Эг-Морте побежали в порт. Пронесшийся три дня назад ураган потопил корабли не только в море, но и в бухте, и сейчас только их мачты торчали из воды. Несколько судов выбросило на берег, и они тушами огромных мертвых рыбин лежали на песке. А для жителей маленького, единственного принадлежавшего французской короне порта на Средиземном море появившийся на горизонте корабль показался призраком, приплывшим сюда из преисподней. Люди стояли у самой кромки воды и усиленно крестились.

Судно, лавируя среди торчащих мачт, доплыло до берега, и с него стали сходить рыцари в белых плащах с крестами. Люди на берегу, увидев крестоносцев, зашептались — они вспомнили, что всего несколько месяцев назад такие же воины с крестами, только тысячи и на десятках кораблей, отплывали из их порта. А когда из трюма корабля на берег перенесли два завернутых в дорожную ткань ящика и сошедшие на берег рыцари опустились на колени, вдруг опять заиграла труба, и тогда все жители маленького

городка в каком-то непонятном для них порыве тоже упали на колени. Никто не знал, что произошло, но все тихо шептали молитвы. Вдруг над толпой пронеслось: «Король! Король Людовик! Святой!» Первым с колен встал красивый молодой человек, а уже за ним поднялись все остальные прибывшие рыцари. И опять над толпой, как ветер, как шелест листьев пронеслось: «Король! Новый король! Король Филипп!» Откуда стало известно имя нового короля и что король Людовик мертв и лежит в одном из гробов, было тайной, но все почему-то об этом знали и все усердно молились перед телом покойного короля.

На берег привели лошадей и повозки, гробы с останками короля и его сына погрузили на них, еще на одну положили третий гроб — из простых досок, покрытый куском парусины. Король Филипп и его свита сели на лошадей и собрались уже уезжать, когда к королю подошел высокий беловолосый молодой человек и, поклонившись, сказал:

— Ваше величество, позвольте мне задержаться. Мне надо отдать распоряжения по ремонту корабля.

— Хорошо, Солей, я даю тебе два дня. Мы все равно будем двигаться медленно и останавливаться на траурные мессы в городах. Наш путь: Ним — Клермон — Орлеан — Париж. Успей нагнать меня в Клермоне, потому что дальше ты поедешь в Невер. И уже оттуда через Орлеан в Париж, а там, как я уже сказал, не в Сен-Дени, где похоронят короля, а в аббатство Ройомон. Гонцы уже уехали в Париж, чтобы подготовить двор к похоронам короля. Два дня, Солей, не больше. Ты обязательно должен догнать нас в Клермоне. Не забывай: твой титул шевалье не здесь, а в Париже. Здесь только мое слово, а там грамота. А грамоту я подпишу, когда стану королем.

— Я буду стараться, чтобы сделать здесь все как можно быстрее.

— Не надо быстрее, надо вовремя!

Траурная процессия двинулась из маленького городка-крепости по дороге, ведущей в далекий Париж. И все в свите короля тихо радовались, что под ногами твердая дорога, вдоль которой лежали тысячи упавших перезревших

яблок, а воздух наполнен запахом молодого виноградного вина.

Им вслед смотрели матросы с приплывшего разбитого корабля и ругались.

— Не к добру это — покойник на корабле, а когда целых три...

— А как же никто не знал, что на судне гробы?

— Так их же тайно, ночью, доставили и сразу в трюм — поди разберись, что за ящики! А в трюме одни рыцариплыли, и только капитан и Фабрис спускались.

— Потому и в шторм попали.

— Знал бы — выбросил бы их в море!

— Тебя бы самого выбросили, только бы ты к ним приблизился!

— Как же мы не утонули? Непонятно. Неужели Господь смилостивился?

— Какой Господь — спасибо скажи капитану Солею. Не он бы — давно бы рыб кормили.

— Да-а, этот куда лучше покойного Шарля. Всё умеет, и без крика и ругани.

— А что с кораблем-то будет? Потонет же посудина здесь, в этой дыре.

— Иди и спроси.

— Сам иди.

— А с деньгами что?

— Иди и спроси.

— Чего ты заладил «иди, спроси»? И пойду, и спрошу. Видишь, капитан с помощником разговаривает, как договарят, так и пойду.

На корме стояли Солей и Фабрис.

— И как мы будем ремонтировать судно, если у меня нет денег? — удрученно говорил Солей своему помощнику.

— А что, капитан не сказал, где спрятаны деньги? Странно...

— Что значит — спрятаны?

— Так у каждого капитана всегда деньги и карты спрятаны в тайнике. А уж у Шарля деньги были — я-то знаю, столько лет плывал с ним. Надо искать в каюте.

— Тогда, Фабрис, помоги их найти. Надо же и с командой расплатиться, они честно заработали свои деньги.

— А новый король за то, что перевезли его и тело старого короля через бушующее море, ничего не дал?

— Нет.

— Жмот!

— Как ты можешь так говорить, Фабрис? Он же король!

— А моряки, которые утонули во время шторма, спасая его жизнь, тоже имели семьи, и теперь эти семьи нищие. Я их всех знал много лет. С ними-то как расплачиваться будем?

— Не знаю. Пойдем искать.

Искали долго — все подняли, перерыли и ничего не нашли. Стали простукивать стены и в одном месте нашли фальшивую доску — она легко отодвинулась, — там оказался тайник, а в нем свернутые карты морей.

— Боже, посмотри, капитан, какие карты! Вот Бискайский залив. Смотри, — Фабрис ткнул пальцем в плотную бумагу, — вот твоя Ла-Рошель. А это Ла-Манш, а это Северное море. Какое богатство! За такие карты любой капитан или купец золотом заплатит. Но деньги надо искать. За все годы, что я с Шарлем плавал, не было случая, чтобы он с командой не расплатился или не было денег на еду или таке-лаж. Нет, тут что-то не то. Он же деньги от графа Нормандского получил. Пусть не все, но получил. Я знаю, он мне сам говорил. Может, он тебе что-нибудь напоследок сказал, а ты забыл?

— Да не успел он — так быстро умер. Я ему дал свой эликсир, который спас меня, но было уже поздно. Подожди, я же у него ключ с шеи снял — он сам на него показал перед смертью.

— Где он?

— Где? Да я же его в ящик стола положил, — Солей прошел к столу и достал ключ.

— Ну, раз есть ключ, значит, должен быть замок, — рассмеялся Фабрис.

Тайник нашелся. На стене висела небольшая икона Святого Николая, ее сняли, и за ней в стене оказалась про-

резь — как раз для ключа. В тайнике оказались несколько завязанных тонкими шнурами кожаных мешочков. Фабрис потряс один — зазвенели деньги. Высыпали на стол и ахнули: горкой легли введенные всего пять лет назад покойным королем Людовиком золотые денье — все новенькие, с красивым щитом на одной из сторон и крестом из лилий на другой, — а также турецкие и парижские ливры и соли.

— Господи! — удивленно вскрикнул Фабрис. — Я знал, что покойный Шарль был скряга, но что у него такое богатство... И посмотри, капитан, это же золотые денье!

— Я золотые денье всего два раза в жизни видел, и то издалека, — тихо, осипшим голосом произнес Солей. — А почему их называют экю?

— Видишь щит на монете? Щит — экю. Этих денег на новый корабль, может, и не хватит, но на любой ремонт с лихвой.

— А команде заплатить?

Фабрис стал рыться в найденных бумагах.

— Я же видел расписки, сколько кому обещано... Черт, где? А, вот они... Прикажи — и выплатим. Да и половины команды уже нет.

— Фабрис, а что делать с судном? Я даже не знаю, можно ли здесь произвести ремонт.

— Я в этом порту был два раза. Вокруг одни болота. Суда здесь не ремонтируют. Надо переплыть в Марсель... Хочешь совет, капитан?

— Говори.

— Нужно тебе это разбитое корыто? Может, ну его? Расплатись с командой, и всё. С такими-то деньгами зачем по морю плавать?

Солей вздохнул:

— Я, Фабрис, без моря себя представить не могу. Если бы не ехать в Париж, я бы отремонтировал корабль и уплыл на нем в Ла-Рошель.

— А я почему-то решил, что твоя жизнь уже там, в Париже. Ты же сейчас дворянин — тебе король титул дал. Зачем тебе море? Сделай всё, как просит молодой король, и получи земли и крестьян. А корабль... Корабль хорошо

иметь для торговли, но тогда, конечно, надо его отремонтировать, взять груз в Марселе и плыть в другие страны. Тебе решать, капитан. Но я бы, ей-богу, его продал. Но и продать его можно только в Марселе.

— Ах, Фабрис, у меня нет времени плыть в Марсель. Мне надо ехать за королем, а для этого мне нужны деньги, чтобы купить какую-нибудь одежду и лошадей. Смешно, но я даже не умею ездить на лошади.

— Капитан, если ты мне доверяешь, то давай сделаем так: выдадим матросам четверть обещанных денег, а остальные пообещаем отдать в Марселе.

— Почему четверть, Фабрис?

— Да если мы отдадим все обещанные им деньги, они тут же разбегутся, а так попьанствуют день, ну от силы два в этой занюханной деревне, где, как мне помнится, есть всего один мерзостный кабачок, набьют друг другу морды, попристают к местным девкам, за что получают по своим рожам еще и от местных рыбаков — те ребята крепкие, — Фабрис потер челюсть, — парочку наших матросов изувечат, может, прибьют — и что дальше? Остальные сами очень быстро прибегут обратно на корабль. Я доплыву до Марселя, расплачусь с командой и продам корабль. Это еще отличная посуда, лучшая из всех, какие были у покойного Шарля, и за нее можно получить хорошие деньги. Ну а прикажешь отремонтировать — значит, отремонтируем. Тебе решать, капитан.

— Фабрис, ты меня совсем запутал: то продадим, то отремонтируем...

— Так сам скажи!

— А что бы ты сделал?

— Продал. С деньгами-то всегда лучше. Что еще вам предстоит, один господь знает. Правда ремонт все-равно надо делать. Хотя бы грот-мачту установить, дыры в бортах заделать. Ну что бы в Марселе, в порту, не утонул, — засмеялся Фабрис.

— Договорились, ремонтируй и продавай.

Они посчитали лежавшие на столе деньги, и Солей, взяв себе небольшую часть, остальные подвинул Фабрису.

— Они тебе важней. А мне немного надо: одежда, обувь, лошадь, еда.

— Ты неправ, капитан. Ты едешь в Париж. Я там не был, но Париж, — Фабрис поднял кверху палец, — это Париж! Так что половина твоя, и не спорь. Скажи, капитан, а как же мы потом увидимся, когда я продам корабль?

— Это же быстро — в Париж и обратно. Пока ты ремонтируешь и продаешь корабль, я и вернусь. А если что, найдешь меня в Ла-Рошели.

— А почему не в Париже?

— Что бы со мной ни произошло, я все равно вернусь в Ла-Рошель. Там у меня родители и сын.

— А дворянство?

— Ты же знаешь, я к нему не стремлюсь. Дадут — хорошо, не дадут — плакать не буду.

— А может, ну его, этот ремонт? Доплыву до Марселя и продам корабль, какой есть. И тогда забирай сейчас все деньги, а я продам корабль и рассчитаюсь с командой. Еще и останется. Много останется! Соглашайтесь, капитан Солей!

— Ты хорошо умеешь считать, Фабрис. Тебе бы кассиром работать.

— Так возьми меня с собой.

— Куда, Фабрис? В Париж? Да ты и дня без моря не сможешь прожить. И зачем нам спешить? Корабль же после ремонта в разы дороже будет.

— Это верно, капитан, — рассмеялся Фабрис. — А еще меня кассиром назвал! Тогда еще один совет, капитан. Не покупайте здесь ничего. Наймите повозку и поезжайте в Ним, это десять лье отсюда, и уже там купите одежду и лошадь

— Спасибо, Фабрис. Что бы я без тебя делал?

— Это тебе спасибо, капитан Солей. Ты настоящий моряк, и жаль, что ты станешь сухопутным человеком. Море очень много потеряет.

— Не знаю, смогу ли я без моря. Скорей всего, нет, но меня почему-то тянет туда, в путь, на север, как будто надо мной в черном небе горит путеводная звезда.

— Значит, это судьба.

— Судьба, — вздохнул молодой человек.

— Когда отремонтирую и продам судно, как мне передать тебе деньги, капитан?

— А что ты сам собираешься дальше делать?

— Не знаю. Наймусь на какой-нибудь корабль.

— Ты сможешь отправить деньги в Ла-Рошель?

— Да. Но кому?

— Все просто — семье Солей. Моего отца зовут Франсуа Солей, мать Саннива, и у меня там маленький сын Мишель.

— Я все сделаю, капитан Солей.

— Пойдем, я хочу поблагодарить команду.

На палубе собралась команда корабля — те, кто остался жив.

— Скажу честно: я бы лучше остался с вами и продолжил плавать по морям, но у меня есть приказ нашего короля и я уезжаю в Париж, — голос Солея дрожал. — Не переживайте, мы с Франсуа договорились, и вы получите все обещанные вам покойным капитаном Шарлем деньги в Марселе, куда надо переплыть на корабле. Там вы получите полный расчет.

— А почему не здесь? — крикнул один из матросов.

— Неужели не догадываетесь? — засмеялся Фабрис. — Ты-то, Жюль, уж должен знать почему. Не здесь ли тебе выбили все зубы?

Команда весело загоготала.

— Капитан, а что будет с кораблем?

— Я хотел его отремонтировать и уплыть на нем в Ла-Рошель, а Фабрис предлагает продать. Он прав — я не знаю, что будет дальше со мной. Вы в Марселе сможете наняться на другие корабли или остаться на этом и помогать в ремонте. Но что бы вы ни решили, я счастлив, что плавал по морям вместе с вами. Вы многому меня научили. Прощайте, друзья. Я всегда буду вспоминать вас.

— Прощайте... прощайте, капитан, — пронеслось в воздухе, и на глазах суровых мужчин появились слезы. — Мы всегда будем помнить тебя, Солей... Ты удивительный мореход, и зря ты уходишь... Может, все-таки мы поможем

отремонтировать корабль, а ты возвращайся, и мы вместе вновь поплывем в море?

— Не знаю. Пусть Фабрис решит в Марселе. Прощайте! — Солей пожал каждому матросу руку, обнялся с Фабрисом и спустился на берег.

— Прощайте, капитан! — неслось с корабля.

— Я все сделаю, как договорились, капитан Солей, — кричал Фабрис.

XXII

Солей был молод, он знал всё о море и ничего не знал о жизни на земле. Он знал, как жить в Ла-Рошели, а как жить в других городах — не знал. Он лошадь видел, но никогда не сидел на ней верхом и ничего в них не понимал. Он ничего не понимал и в красивой, особенно в дорогой, одежде, его ноги не были привычны к обуви — как все рыбаки и матросы, он не пользовался в море обувью. Он, как ему посоветовал Фабрис, нанял конную повозку и, проехав десять лье, попал в городок Ним, чем-то похожий на Ла-Рошель, но немного больше и без гавани, а значит, для юноши непривычный. При себе у него были очень большие, как ему казалось, деньги, но он растерялся и не знал, как выбрать и купить нужные ему вещи и лошадь. Он стоял на центральной площади и удивленно смотрел на обилие торговых лавок, не понимая, с чего начать. К нему подошел невысокий, не старый, седоватый, горбоносый, с живыми карими глазами мужчина и уважительно спросил:

— Молодой человек что-то хочет купить, но не знает как?

Солей сразу вспомнил наставления Фабриса о толпах мошенников и воров в городах Франции. Он строго посмотрел и ответил:

— Мне ничего не надо.

— Не смешите меня, молодой человек. Вы похожи на моряка, которого выбросило на берег и он не знает, как же тут живут люди.

— Это почему ты так решил?

— По вашим глазам и по вашей одежде.

Солей внимательно посмотрел на мужчину. Его вид Солею понравился, да и не было времени разбираться в том, чего он не знал.

— Ты прав, и я не возражаю, чтобы ты мне помог.

— У тебя встреча с девушкой?

— Меня ждет король Филипп!

— О-о! Ты шутишь? К королю спешат только дворяне. Я видел нового короля, он два дня назад проехал через наш город, и с ним был гроб с телом великого короля Людовика Святого. Сбежался весь город. Это же земли Альфонса де Пуатье, графа Тулузского, брата покойного короля. Но ни его, ни его жены Жанны с новым королем не было. Я-то их знаю.

— А я — капитан корабля, на котором приплыл король, — гордо заявил Солей.

— Вот это да! Такой молодой — и уже капитан!

— Хватит болтать. Как тебя зовут?

— Северин.

— Северин, мне нужна лошадь, но такая, чтобы на ней мог ехать такой человек, как я.

— Моряк, — хохотнул Северин.

— Да, моряк. И мне нужна добротная одежда, удобная, но в которой не стыдно было бы показаться в Париже.

— Для Парижа самая лучшая одежда — одежда нищего! А тебе надо иметь два платья: для дороги и для появления во дворце короля. Ну и конечно, нужна хорошая лошадь — до Парижа больше ста лье пути. У тебя есть такие деньги?

— А сколько это стоит? — осторожно спросил Солей. — У меня их немного.

— Я так и понял. Ладно, я тебе помогу. Не бесплатно, конечно.

— Если недорого, то согласен.

— Пойдем, капитан...

— Солей.

— Пойдем, капитан Солей.

Северин, видимо, хорошо разбирался и в лошадях, и в одежде. Он долго, до хрипоты, торговался, отходил и

ходил вдоль загонов для лошадей, как бы невзначай возвращался и опять отходил... И выторговал высокую, спокойную кобылу-трехлетку. Это была та лошадь, про которую можно сказать: она никуда и никогда не торопится и поэтому не опаздывает. С одеждой было тяжелей — был выбор простой городской одежды, но совсем не было одежды для богатых людей, а какой должна быть одежда для дворян, никто даже не представлял. Но все же Северин постарался: он предложил купить кожаные штаны и плотную куртку, сказав, что такая одежда удобна для езды на лошади, а для «встречи с королем» купили только что появившуюся в стране и необычайно модную бархатную куртку и такие же штаны да еще пару белых рубашек. Купили и две пары крепких туфель, — на одних даже были серебряные пряжки, что должно было подчеркивать знатность их хозяина.

— Мне нравится лошадь и особенно одежда. Откуда ты все это знаешь? — спросил Солей у Северина.

— Так я же был слугой у графа Роберта д'Оверина.

— Это кто?

— По дороге в Париж ты никак не сможешь проехать мимо города Клермон, а рядом с ним есть городок Монферран — это и есть земли графа Роберта д'Оверина. Графы д'Оверины уже много лет желают присоединить себе земли Клермона, но тамошняя церковь упорно сопротивляется, и король ее поддерживает — их земли входят в домен короля Франции. В общем, черт ногу сломит.

— Если ты слуга, пусть и бывший, то может, послужишь и мне?

— А в чем нужна моя помощь капитану Солею?

— Ты знаешь дорогу на Клермон?

— Конечно, раз я был слугой графа д'Оверина.

— Мне надо срочно попасть в Клермон.

— Срочно не получится. Это далеко — дней пять-шесть пути. Ты хочешь догнать свиту нового короля?

— Да.

— Но у меня нет лошади.

— Выбери себе лошадь, а я заплачу.

Через час два всадника двинулись по дороге, идущей между горами и потухшими вулканами. Через пять дней они въехали в ворота города Клермон и, услышав звон колоколов, поехали на их звук.

— Это собор Нотр-Дам. Наверное, король там, — сказал Северин.

— Боже, неужели эта тряска закончится? — жалобно произнес Солей.

— Вряд ли, господин Солей, раз ты должен ехать в Париж, — Северин быстро сообразил, что молодой человек мало что понимает в жизни, но у него есть деньги, и поэтому перешел на привычное *господин*.

Путники проехали к площади, где возвышался строящийся собор, стены которого были выложены из вулканического черного камня. Солей с трудом слез с лошади — тело болело и отказывалось повиноваться — и, хромя на обе ноги, пошел к собору. Северин остался у лошадей — он, как только въехали в город, старался прикрывать свое лицо. Солей, легко оттесняя простых граждан, плотной стеной стоявших в церкви, продвинулся к алтарю, где шла служба и стояли два гроба. Под сводами храма звучали слова молитвы, и обыватели крестились, Юноша тоже перекрестился и прошептал слова молитвы, но запутался — он плохо знал молитвы, он, как все рыбаки, обращался за помощью только к Святому Николаю, единственному, кого почитал. Молодой король стоял со скорбным лицом у закрытых гробов, и было видно, что он очень устал, что ему душно — пот бежал по его красному лицу. Его раздраженный взгляд блуждал по присутствующим местным дворянам, никого не замечая, но когда он увидел Солея — голова юноши с белой копной волос возвышалась над всеми, — король кивнул, лицо его стало доброжелательным, и, показав стоявшему рядом Пьеру де Маше на Солея, он что-то тихо сказал. Де Маше учтиво поклонился и, неслышно, на цыпочках, подойдя к Солею, прошептал:

— Пойдем со мной, — они вышли из собора и де Маше продолжил: — С сегодняшнего дня ты подчиняешься графу Роберту Бетюнскому. Ты состоишь в его отряде, и тебе не-

обходимо незамедлительно ехать в Невер для сопровождения в Париж жены принца Жана-Тристана. На чем ты сюда приехал?

— У меня есть лошадь и даже появился слуга.

— Отлично. Садись на свою лошадь и поезжай к северным воротам. Знаешь, где это?

— Я думаю, мой слуга знает, он служил у графа д'Оверина.

— У графа д'Оверина? Граф здесь, в церкви. Советую тебе, Солей, присмотреться к своему слуге, граф д'Оверин редко отпускает на свободу своих слуг. Может, он беглый?

— Хорошо, господин де Маше, я узнаю.

— У северных ворот дождешься барона д'Аниша и уже с ним поедешь в Невер. Граф Бетюнский тебя найдет, не разминетесь... А я тебя вспомнил, — де Маше улыбнулся. — Ты капитан корабля, на котором мы приплыли. Я тебя в такой одежде сразу и не признал. Только по волосам.

— Да, я капитан корабля.

— Поезжай, капитан. По-моему, такое обращение тебе привычнее и больше нравится. Но это со временем пройдет. Поверь, у тебя большое будущее, капитан Солей.

Солей с трудом нашел среди огромной толпы на площади своего слугу и спросил:

— Северин, ты знаешь, где северные ворота?

— Конечно, господин, — ответил Северин и грустно добавил: — Куда ты едешь сейчас? В Париж?

— А ты не хотел бы поехать со мной?

— Я?! — обрадовался Северин. — С превеликим удовольствием. Что-то мне здесь не очень нравится.

— Я надеюсь, ты мне потом расскажешь почему... Ты знаешь место под названием Невер?

— Мы едем к ведьме?!

— Как к ведьме?

— Потому что там живет жена покойного принца Жана-Тристана, а она ведьма.

— Ты не ответил, почему она ведьма?

— Все так говорят. Я боюсь туда ехать. Мой бывший господин часто туда ездил, а приезжал какой-то дикий и

сразу, как сорвавшись с цепи, начинал бить свою жену и слуг. Нет, я не поеду.

— Знаешь, мне приказал сам король, так что, если не хочешь ехать со мной, слезай с лошади и уходи отсюда. Ищи себе другого хозяина.

— Король?! Ладно, не мне же с ней видеться, а значит, мне нечего и бояться. Но на твоём месте я бы все-таки боялся.

— Поехали. Я моряк и, кроме морского дьявола, никого не боюсь. Около ворот мы встретимся с бароном д'Анишем. Я его знаю, он плыл на нашем корабле из Нормандии, а потом из Туниса во Францию. И уже с ним поедem в Невер.

Барон д'Аниш из-за своей худобы выглядел отвратительно. Взгляд его маленьких жестких глаз остановился на Солее. Было видно, что он удивлен, но, сдержавшись, он произнес:

— Мы едем в Невер, но я не знаю туда дорогу.

— Северин, мой слуга, знает дорогу в Невер.

— У тебя уже есть слуга? Интересно, на какие деньги ты его содержишь? — язвительно спросил д'Аниш.

— Я же капитан корабля, барон.

— Черт возьми, как хорошо, оказывается, быть капитаном корабля! Мы там, в Тунисе, умирали, а некоторые получили за это деньги.

— Насколько мне помнится, вы и я сидели в одной тюрьме у сарацин и, как мне сказали, за спасение знамени королевства, вы получили титул барона, — съязвил Солей.

— А разве это не так? — нагло вoтo удивился д'Аниш.

— Вот и король удивился, когда спросил, как это произошло.

— Король спросил у тебя? — воскликнул барон.

— Да, спросил.

— И что ты ему сказал?

— Правду.

— Какую правду?

— Которую знали только вы и я... Барон, поедemте исполнять приказ короля. Северин, показывай, куда ехать.

— Мой господин, сейчас мы поедем по дороге на Париж, но, не доезжая до Буржа, свернем направо и поедем в Невер. Отсюда до Буржа около тридцати лье и до Невера еще десять. Где-то пять-шесть дней пути. Я хорошо знаю эту дорогу.

— Поехали, — сказал д'Аниш и зло стегнул своего коня плетью; тот заржал и поскакал по каменистой дороге.

— Господин, только не бейте лошадь. Здешние дороги — не песок и не трава, а камень, и лошадь быстро собьет ноги. Надо дать ей возможность самой выбирать путь.

— Спасибо, Северин. Что бы я без тебя делал?

— Я это запомнил, мой господин, — хохотнул в ответ слуга. — Еще бы к этому приложить немножко денег!

Через два лье они догнали д'Аниша — конь барона прихрамывал на переднюю правую ногу.

— Господин барон, остановитесь и позвольте мне осмотреть вашу лошадь, — сказал Северин.

Барон слез с лошади, и Северин, осмотрев копыто коня, произнес:

— Нет подковы. Если продолжать на ней ехать, то вы разобьете ей копыто и тогда она погибнет.

— Что же делать? — зло спросил д'Аниш.

— Садитесь на мою лошадь, а я поведу вашу. Но только не гоните. Через пол-лье будет постоянный двор, и там мы сможем ее подковать.

Так и сделали: д'Аниш сел на лошадь Северина и опять поехал вперед, а Солей и шедший пешком Северин не спеша продолжили путь.

— Как бы барон не угробил и мою лошадь, — грустно произнес Северин.

Вскоре показалась придорожная таверна, и путники, достигнув ее, остановились.

— С такой службой я скоро останусь без башмаков, — ворчал Северин.

Лошадь подковали, путники поели и двинулись дальше. Барон вновь уехал вперед.

— Барон-то явно не хочет с тобой разговаривать, — сказал Северин.

— Я даже не знаю почему. Он плыл в Тунис на том же корабле, что и я, и мы с ним были в одном плену у сарацин. Он доставил королю знамя королевства, которое спас я, и за этот подвиг стал бароном. Но я же не настаиваю, чтобы меня тоже наградили. Пусть будет он.

— Но он-то знает, что не заслужил титула, и поэтому тебя ненавидит. Я много лет служил у графа д'Оверина и знаю, что среди дворян нет дружбы и они готовы друг другу горло перегрызть, только бы захватить принадлежащие другому земли, замки, крестьян и женщин.

— Да что мне до дворянства! Я моряк! Ну не даст мне король титул — и что случится? Да ничего!

— Как это не даст? Ты же сказал, что он уже даровал тебе титул шевалье.

— А грамоту пообещал дать в Париже.

— Ну, это ерунда — доедешь до Парижа и получишь. А насчет дворянства— так это ты теперь так говоришь, а в Париже увидишь настоящий королевский двор и уже никогда не захочешь его покидать. Ты необычный, сразу бросаешься в глаза, и такие, как ты, очень нравятся женщинам. У тебя будут непростые отношения с другими дворянами. Ты для них соперник! Уж поверь, я это знаю. У вас в Ла-Рошели все такие?

— Какие?

— Беловолосые и с синими глазами.

— Если честно, других, кроме нашей семьи, нет.

— Тогда почему вы такие?

— Наши предки — викинги.

— Все понятно. Может, он тебя не любит как викинга? Может, его предки пострадали от викингов?

— Прекрати-ка молоть чепуху. Лучше скажи, почему жену принца Жана-Тристана ты называешь ведьмой.

— Не я называю — все ее так называют. Я ее ни разу не видел, но говорят, что она очень красива. А все же знают, что красота женщинам дана дьяволом. В Тулузе, откуда я родом, красивых женщин сжигали на кострах. Ее бы тоже сожгли, но она графиня Невера и жена сына короля... — Северин перекрестился. — Покойного короля... Наше-

го святого короля. Мой бывший господин, граф Роберт д'Оверин, по-видимому, тоже попал под чары этой ведьмы и часто, даже когда она уже вышла замуж за сына короля, ездил в Невер. Приезжал оттуда, как дурмана напившись: жену бил, детей бил, а уж нам, слугам, доставалось... Хорошо, если только палкой. Я, дурак, один раз взял да и сказал, что пора бы нашему господину успокоиться — седой уж весь, да и замуж ведьма вышла, ну и добавил еще кое-что. Графу мои слова донесли, и меня так отхлестали вожжами на конюшне, что я думал, что уже умер. А когда чуть-чуть оклемался, меня выгнали. Вот и вся моя история.

— А семья?

— У меня нет семьи, — произнес Северин. Глаза его блеснули.

— Я надеюсь, ты не будешь меня обсуждать, как своего графа д'Оверина? — спросил Солей.

— Нет, что ты! А платить ты мне будешь?

— Да, но немного.

— Я так и знал, — грустно произнес Северин.

— Но если ты согласен, то, после того как выполним приказ короля, поедem в Ла-Рошель. К тому времени мой помощник Фабрис продаст мой корабль, я куплю другой, поменьше, и снова поплыву в море, буду ловить рыбу, много рыбы, а ты будешь заправлять всеми торговыми делами на берегу. Я же вижу, что ты ловкий малый в этих делах.

— О боже, неужели сбудутся мои мечты и я стану торговцем! И на старости лет буду сидеть в своем маленьком домике с садом и греть свои кости у камина. Мой господин, когда это случится? Но в море я не поплыву! Ни за какие деньги!

— Как же ты не прав! Нет ничего прекраснее, чем ранним утром, когда краешек солнца только-только появится над океаном, поднять на лодке парус и поплыть вдаль к горизонту. Боже, как это чудесно!

— Бр-р, какая глупость. А нельзя мне сейчас получить от вас, — Северин признал в Солее своего господина, — немножко денег без всяких лодок и морей?

— Получишь. Потом. Поехали.

Они еще не доехали до Буржа, когда их нагнал маленький отряд из семи всадников во главе с графом Робертом Бетюнским.

— У Сент-Аман-Мон поворачивайте направо, к Неверу. А там проедете к графскому дому и ждите приказаний, — крикнул граф и со спутниками, прищпорив коней, вскоре скрылись из виду.

— Вот видишь, Северин, мы все ближе к Парижу, — весело сказал Солей.

— Ага, мы все ближе к дому ведьмы, — тихо произнес Северин.

— Что ты все бубнишь? Я же сказал: выполним поручение короля и вернемся в Ла-Рошель, к морю.

— Ах, ваши бы слова, да Богу в уши, — потухшим голосом произнес Северин.

XXIII

Иоланда Бургундская была старшей дочерью одного из богатейших людей Франции — графа Эда Бургундского, которому принадлежали земли Невер, Тоннер и Осер. От своих сестер Маргариты и Алисы она отличалась необыкновенной красотой: русые волосы обрамляли ровное, с матовым оттенком лицо, алые губы были чуть выпуклы и дышали страстью, но всех, кто ее видел, сразу, мгновенно поражали большие, бирюзового цвета глаза, красоту которых подчеркивали тонкие брови и длинные черные ресницы. Иоланда считалась не только очень богатой наследницей, но и первой красавицей Франции. После смерти отца, погибшего в битве при Акре в далеком Иерусалимском королевстве, она стала управлять всеми тремя графствами, не желая, как говорили, передавать два из них своим младшим сестрам.

Хотела ли она быть женой принца Жана-Тристана? У нее не было выбора. Ко времени крестового похода в Тунис они прожили с Жаном-Тристаном пять лет, но у них так и не было детей. И в этом королева Маргарита Прованская обвиняла Иоланду. Иоланда плакала по ночам в подушку, а

муж отдыхал с другими женщинами и, как она неоднократно слышала, не только с женщинами. Жан-Тристан ее не любил — он ее боялся. К своим двадцати двум годам Иоланда была несчастной женщиной, и всему виной, как она сама считала, была ее красота. Она ждала мужа из крестового похода с каким-то непонятным страхом и с надеждой — может быть, он изменился, может, в нем проснулось чувство любви к ней. И плакала, вспоминая, как они расстались. А сама почему-то задавала себе вопрос: а любит ли она мужа? И не могла на него ответить. Она не могла ответить и на вопрос, что же такое любовь. И все больше становилась грустной, плакала по ночам, утверждаясь в мысли, что она сама виновата в том, что так несчастна, и тихо завидовала даже своим служанкам, которые тайком убегали ночью на свидания с парнями в окружавшие графский дом цветущие сады.

Легенду о любви Тристана и Изольды она много раз слышала в детстве, а став взрослой, прочитала ее и, как все, прочитавшие эту книгу, завидовала такой неземной и такой несчастной любви двух молодых людей. Когда ее помолвили с сыном короля, у которого было такое необычное имя, она уже тогда, еще молоденькой девчушкой, подумала, что это ее судьба, а потом, повзрослев, беспрекословно вышла за Жана-Тристана замуж и думала, что в отличие от прочитанной книги в их браке будет счастливое начало и счастливый конец. Но от вымышленного Тристана ей досталось только имя, и она горько плакала от одиночества в своей спальне, когда муж не приходил к ней. А когда приходил, то сразу засыпал, отвернувшись от нее, и она тихо прижимала горящее от стыда лицо к подушке, проклиная свое богатство и свою красоту.

Дворяне при дворе короля в Париже и из окружающих Невер земель наперебой предлагали ей свою любовь, нисколько не стесняясь того, что она жена сына короля — таковы были нравы того времени. И даже удивлялись, что она отвергает их чувства и всякий раз стремится уехать из столицы, от этого праздника и веселья в глушь, в свой Невер. Отказывая, она порождала сплетни о том, что она

неверна Жану-Тристану, что ее любовником был тот-то граф или тот-то герцог, и сами герцоги и графы, которым приписывали эти любовные отношения, нисколько не стеснялись и согласно кивали головами, будучи абсолютно уверенными, что их не обвинят во лжи, не казнят и даже не вызовут на дуэль.

Да еще младшие сестры с их требованием отдать им Тоннер и Осер! Иоланда не цеплялась за свое право как старшей иметь эти графства, она бы не задумываясь передала их сестрам из любви к ним и в память о родителях, но она слышала от сестер только оскорбления и ужасные сплетни, и это не только злило, но и ужасало ее. Она впадала в состояние какого-то бессилия, падала без чувств и потом опять долго и очень горько плакала. Особенно старалась Маргарита, ставшая за два года до крестового похода женой вдовствующего брата короля Людовика — Карла Анжуйского, короля Сицилии и Неаполя. Не проходило и дня, чтобы она не напоминала своему мужу о принадлежащем ей, как она считала, графстве Тоннер. Анжуйский кивал головой, но побаивался открыто требовать Тоннер. Требовать-то надо было у сына короля Франции Жана-Тристана. Не будешь же ругаться из-за этого с королем — сразу же напомнят, кто помог ему завоевать Сицилию и часть Италии. Анжуйский скрывал, что ему самому очень нравилась Иоланда. Он бы лучше с ней договаривался и считал, что договорился бы. Она нравилась всем, и все ее желали... Маргарита знала о тайной страсти мужа к ее сестре, это ее бесило, и она распространяла слухи о Иоланде один ужаснее другого, а отвергнутые со своими признаниями любви графы с удовольствием поддерживали эти мерзкие слухи.

Маргарита шептала ночью мужу в огромном, многобашенном, с полосатыми от разного камня стенами замке в Анже:

— Ты кого взял в жены — графиню Тоннера без Тоннера? Тебе самому себя не жалко? Над тобой все смеются!

— Надо мной? Маргарита, дорогая, неужели тебе не хватает того, что ты жена брата короля Франции и я король Сицилии и Неаполя?

— Зачем мне твой каменный остров, похожий на тюрму? И ты не король Франции и никогда им не будешь, и наши дети не будут королями Франции.

Карл замолчал — их ребенок, девочка, умерла совсем недавно, прожив несколько месяцев.

— А сейчас ты собираешься в крестовый поход, — продолжала Маргарита. — Зачем тебе нужен этот далекий, пустынный Иерусалим? Он же хуже твоей Сицилии. Ну Людовик ладно — он свихнулся на своем желании стать святым еще при жизни, а тебе-то зачем?

— Я надеюсь, дорогая, ты умеешь держать язык за зубами? — озираясь, спросил Карл Анжуйский.

— О чем ты? Я всегда нема как рыба, — заинтересованно ответила Маргарита.

— Что-то за два года совместной жизни я этого не замечал.

— Я эти два года занималась нашим ребенком.

— Извини... Я думаю, мы не поплывем в Иерусалим.

— Хочешь сказать, что похода не будет?

— Почему? Будет... но в Тунис.

— Куда?

— В Тунис. Совсем рядом, напротив Сицилии, ближе, чем Египет. Самый быстрый и самый выгодный поход для меня. И главное, ненадолго. Скажу тебе по секрету: Людовик мне пообещал по окончании похода отдать тебе Тоннер, а Осер — твоей сестре Алисе.

— Слава богу, наконец-то... *мой господин*.

— Но прошу тебя, только никому ни слова. Об этом походе знает только король и я... и теперь ты.

— Я буду нема как рыба.

— Рыба... — засмеялся Карл.

Когда Карл Анжуйский уплыл на Сицилию, первое, что сделала Маргарита, — позвала к себе в Анже сестру Алису. Алиса была младшей из сестер, ей было шестнадцать лет, и она всего полгода как вышла замуж за Жана де Шалона, сеньора де Рошфора. Мужу она преподнесла титул графа Осера, и он мог его носить, но самого Осера вместе с землей, домом, слугами и крестьянами не было.

И в этой семье уже муж требовал от жены решить вопрос с наследством.

Алиса приехала к сестре — сеньор де Рошфор был в отъезде, — и Маргарита выложила сестре всё о крестовом походе и об обещании короля Людовика отдать им Тоннер и Осер.

— Только прошу тебя, Алиса, не говори об этом своему мужу.

— Что ты... конечно, ни слова. А знаешь, что посоветовал сделать мой муж де Рошфор? Он сказал, что нам надо обратиться с жалобой в Парижский парламент, который может принять решение в нашу пользу и без согласования с королем.

— А что, давай! Пора начинать настоящую войну с этой шлюхой.

— Зачем ты так говоришь? Она же жена сына короля. А король-то, говорят, совсем плох?

— В последний раз, когда я его видела, он выглядел неважно. Но я и не помню, чтобы король Людовик когда-нибудь выглядел хорошо. Он же святой, — сестры весело рассмеялись. — А о том, что она шлюха, говорит весь двор, и все живущие вокруг Невера графы это подтверждают. Все об этом знают, кроме Жана-Тристана, — сказала Маргарита.

— Так Жану-Тристану наплевать. И об этом знаю даже я. Но мне кажется, обвинять Иоланду в измене нехорошо, все-таки она наша сестра. Да, она очень красивая, зато она несчастная жена.

— Вот-вот, ты ее еще пожалей! Ну тогда и оставайся без Осера. Посмотрю, долго ли с этим будет мириться твой муж. Получается, что ты бесприданница... как, впрочем, и я. А правду говорят или лгут о ее изменах, то на это наплевать — пусть отдаст то, что нам принадлежит, и хоть со всем королевским двором после этого спит. Она, сучка, ведет себя как королева. Почему? Потому что красивая?

— Тебе-то чего завидовать — ты сама королева, и твой муж — брат короля Франции.

— Королева Сицилии. Тоже мне королевство!

— А королевство Неаполя, а графства Анжу и Мэн, а графства Прованс и Форкалькье? Неужели мало?

— Я смотрю, ты хорошо знаешь титулы моего мужа. Так на то он и брат короля Франции. А тебе, сестрица, тем более надо поддерживать меня, а не Иоланду. Ей-то зачем все титулы и земли, если она жена принца, у которого своих титулов и земель не сосчитать. Вон, новые земли Людовик дал, сейчас он еще и граф Валуа.

— Хорошо, хорошо, Маргарита. Зови своего стряпчего, и пусть он составит жалобу в Парижский парламент.

— Вот и отлично. Только у меня куча стряпчих, каждый по разным делам.

Сестры еще немного поболтали, а когда пришел нужный стряпчий, перебивая друг дружку, продиктовали ему жалобу в Парижский парламент. Стряпчий был старым, умным и опытным, он очень внимательно, не перебивая, выслушал крики сестер, а когда они выдохлись, быстро составил нужную бумагу и прочитал. Сестры удивленно притихли — в жалобе не было ни одного сказанного ими грубого слова, текст лился, как ручеек, не запинаясь, и даже человек несведущий, понял бы из него, как обижены две сиротки своей старшей сестрой, незаконно захватившей земли покойных родителей.

Выслушав стряпчего, сестры пригрозили ему всеми карами, включая небесные, если он разгласит хоть словечко из им же написанной жалобы. Маргарита забрала бумагу себе, пообещав передать ее в парламент по приезде в Париж.

— Маргарита, покажи гобелен. Весь Париж знает о нем, а мне, своей сестре, ты ни разу его не показала, — попросила Алиса.

— Пойдем, — снисходительно сказала Маргарита, и сестры пошли в отдельно построенный огромный зал, где на стене висел гобелен с сюжетами из Апокалипсиса — огромный, длиной в сто двадцать шагов и высотой в три человеческих роста! Его ткали из чистой шерсти семь лет по рисункам известнейшего художника Яна из Брюге. Маргарита вела сестру вдоль полотна и рассказывала о каждом

вытканном разноцветными нитями сюжете. Алиса ничего не понимала, но от восхищения и страха перед грандиозным гобеленом шла, открыв рот. Когда осмотр закончился и они вышли на верхнюю площадку замка, откуда открывался изумительный вид на окружающие земли и реку Мен и еще дальше, аж до впадения Мена в полноводную Луару, Алиса произнесла:

— И зачем тебе какой-то Тоннер, если у тебя есть этот замок и этот гобелен?

— Чтобы было! — ответила Маргарита.

Иоланда была несчастной женщиной. Все ею восхищались, и все ее ненавидели.

XXIV

Когда во двор графского дома в маленьком городке Невер, что находился восточнее Бурже, на берегу самой большой и самой красивой реки Франции Луары, въехали всадники, Иоланда подбежала к окну, решив, что это приехал ее муж Жан-Тристан, однако узнала только одного из всадников — графа Жана д'Арка. Сердце молодой женщины испуганно забилося: графа она знала как одного из поклонников, страстно желавших заполучить ее благосклонность. Она помнила, что граф уплыл вместе с королем Людовиком в крестовый поход. Что ж теперь вдруг так неожиданно, с неизвестными людьми, он появился под окнами ее дома? Что-то в груди Иоланды оборвалось, она зашаталась и, если бы не стоявшая рядом служанка Анет, упала бы на пол. Иоланда вдруг поняла всё, и слезы сами собой побежали из ее прекрасных глаз.

Вместе с графом д'Арком вошел молодой дворянин. Она видела его мельком в церкви Сен-Шапель, когда король отправлялся в поход. Дворянин учтиво поклонился и произнес:

— Я — Роберт Бетюнский де Дампьер, граф Фландрии, и я принес вам, графиня, печальную весть: в крестовом походе погибли наш великий король Людовик и его сын, принц и ваш муж Жан-Тристан.

«Де Дампьер, — почему-то подумала Иоланда. — Моя мама — Матильда де Бурбон де Дампьер. Родственник?»

Роберт Бетюнский продолжал говорить и удивлялся тому спокойствию, с которым Иоланда слушала весть о гибели мужа. «Какое спокойствие. Неужели и правда ведьма? — подумал он. — Граф д'Арк был прав. Ведьма. Но насколько же красива! А глаза... Боже!»

— Как он погиб? — только и спросила Иоланда.

— Король Людовик и принц Жан-Тристан погибли от болезни, которая уничтожила почти всю армию, — ответил граф.

— Он сильно страдал?

— Нет, графиня, он умер с улыбкой на устах, — соврал Роберт Бетюнский.

— А почему же вы, граф, остались живы?

Роберт Бетюнский никак не ожидал такого вопроса, смутился и невнятно пробормотал:

— Не знаю. На все воля Господа.

Иоланда услышала и, язвительно усмехнувшись, сказала:

— Вы хотите сказать, граф, что Господь не любил нашего святого короля?

— Ну что вы, графиня... — совсем смутился Бетюнский. — Я совсем не это имел в виду.

— Ладно, граф, ничего уже не изменить. Что дальше?

— Госпожа графиня, мы приехали по приказу короля Филиппа, чтобы сопровождать вас в Париж. Король Людовик будет похоронен в церкви Сен-Дени, а ваш муж, согласно завещанию короля, в усыпальнице аббатства Ройомон. Сколько вам, графиня, необходимо времени, чтобы собраться?

— Немного. Полдня.

— Тогда, госпожа графиня, прошу вас, прикажите своим людям, чтобы накормили сопровождающих нас с графом д'Арком людей и помогли бедным лошадям, которые сбили все свои ноги об эти каменные дороги. И пусть выберут самую крепкую из ваших карет.

— Я сейчас же отдам приказания, граф Роберт, — и Иоланда сказала стоявшей в сторонке служанке: — Анет,

найди гофмейстера, и пусть он срочно явится сюда. А вас, граф, прошу присесть, сейчас накроют на стол, а вы пока расскажите подробнее, что же произошло в Тунисе. И вы, граф д'Арк, садитесь. В ногах правды нет. Вы-то что молчите? На вас это не похоже.

— Ах, графиня, мне так жаль, что я все время плачу.

— Ну поплачьте, граф. Может, и я вместе с вами порыдаю.

В Невере Солей блаженствовал. Его непривычное к езде на лошади тело болело каждой косточкой, и никакие ухищрения, никакие дополнительные войлочные подкладки на седло не помогали. Он первое время даже пробовал ехать, стоя на стременах, чем вызывал нескрываемый смех у Северина. Но к приезду в Невер уже довольно сносно сидел в седле и даже иногда понукал свою необычайно спокойную лошадь.

Решено было остаться в Невере на ночь и поехать утром. С первыми лучами солнца от дома, мало похожего на дворец и уж совсем не имеющего ничего общего с замками, отъехала запряженная четверкой лошадей карета, в которой сидели две женщины в черных платьях и черных платках. Перед каретой скакали два всадника, разгоняя зазевавшихся на дороге крестьян, далее ехал небольшой отряд во главе с графом Бетюнским, рядом с которым, стараясь не отстать, семеня на своей лошади большой и толстый граф д'Арк.

Д'Аниш с несколькими рыцарями ехал позади и всё старался обогнать карету и подскочить поближе к графам, но, видимо, побаивался и осаживал свою лошадь, у которой, бедной, из-за постоянного дергания выступила кровь на губах.

— Ей-богу, он загонит свою лошадь, — бурчал Северин.

— Чего ты переживаешь? — засмеялся Солей. — Если что, лошадь ему предоставит граф Бетюнский. Они вместе были в плену у сарацин. Смотри лучше, какая необыкновенная красота вокруг.

И правда, после Невера ехать стало намного легче — изменилась дорога. Они ехали не обратно в Бурже, а вдоль спокойной и широкой Луары, по необыкновенно живописной и красивой местности с пьянящим запахом садов и цветов, с дубравами, пронизанными солнечным светом, с пшеничными полями, небольшими замками, спокойными и сытыми коровами и такими же сытыми крестьянами. В придорожных гостиницах и на постоялых дворах подавали великолепное мясо с яблочным вином или сливянкой, прекрасный белый хлеб и пироги. Всем этим после месяцев скитаний Солей открыто восхищался, чем радовал хозяев. Впрочем, они особенно радовались тому, что этот высокий, стройный, беловолосый молодой человек не жадничал, когда приходило время расплачиваться. Наоборот, прихватывал с собой кувшинчик доброго вина и хлеба. С таким же удовольствием ел и его слуга, который разительно отличался от других слуг тем, что своими повадками и речью даже больше походил на дворянина, чем его хозяин. А какая после каменистых дорог Прованса была дорога вдоль Луары — пух! Казалось, даже лошади радовались, весело помахивая хвостами.

Так они доехали до Орлеана, но короля там не застали. Король Филипп устал, ему опротивело слушать церковное нытье, надоело смотреть на одинаковые скорбные рожи местных дворян, пришедших проститься с умершим королем, а потом бросавшихся к новому королю в ноги с желанием засвидетельствовать свою скорбь и вернуть какую-нибудь просьбу — пожаловаться на соседа или пристроить куда-нибудь своих чад. Поэтому остановок больше не делалось — король стремился в Париж.

Граф Роберт Бетюнский расстроился, что не застал короля в Орлеане, и предложил не останавливаться, но граф д'Арк воспротивился:

— Куда вы так спешите, граф? Вы хотите прискакать на взмыленных лошадях в Париж? Так нам туда не надо — мы едем в аббатство Ройомон. Вы хотите приехать туда раньше гроба? Можно подумать, лежащие в нем останки убегут. Посмотрите на наших лошадей! Бедные животные

проделали такой путь! Они скоро упадут на дороге, и мы пойдем пешком. И в конце концов, надо же когда-нибудь поесть! Я от этой придорожной еды скоро умру с голоду! Нет, мой юный друг — уж позвольте вас так назвать, — лично я остаюсь в Орлеане на день!

— Вы своим красноречием убедили меня, граф д'Арк, но тогда одна просьба...

— Я весь внимание.

— Вы же знаток, вы новый кравчий короля — закажите стол по вашему вкусу.

— Вот это другое дело! Я здесь знаю отличную гостиницу с прекрасной кухней.

— А что на это скажет графиня?

— Как видите, она молчит.

— Она все время молчит. Граф, вы знаете ее — расскажите о ней.

Д'Арк внимательно посмотрел на графа Бетюнского, отчего тот покраснел.

— Не смущайтесь, мой юный друг! Она всем нравится, если не сказать больше: все от нее без ума.

— И вы? — удивился Бетюнский.

— И я, — простодушно ответил д'Арк.

— Но почему ее называют ведьмой?

— Потихе, граф, — д'Арк оглянулся на едущую позади карету. — Зачем обижать вдову? И не просто вдову — вдову принца. Как еще к этому отнесется новый король? Правда, — д'Арк понизил голос до шепота, — я слышал, что Филипп сам бы не прочь поразвлечься с женой брата.

— Но ведь она действительно хороша. Эти глаза...

— Попался! Еще один попался, — хохотнул д'Арк. — Нас, таких влюбленных, целая очередь. Так что вы, граф, последний.

«А я бы хотел и стану первым!» — подумал Роберт Бетюнский, и от этой мысли краска выступила на его лице.

— Захотели всех растолкать и стать первым? — засмеялся д'Арк. — Не вы один, все этого хотят, да не у всех получается. Скажу вам по секрету, мой юный друг, она недотрога. Да-да, не смотрите на меня такими глазами, все это

вранье, в том числе и мое, что графиня невероятно любвеобильна. Она несчастная женщина.

— Почему?

— Потому что не знает, что такое любовь!

— А принц?

— Жан-Тристан? Да он ее никогда не любил. Он любил других женщин, доступных... и не только женщин. Приедете в Париж — познакомьтесь с виконтом д'Эрбе. Да что далеко ходить — как невероятно вырос простой, но смазливый камергер Пьер де Ла Брос. После плавания без него не решается ни один вопрос. А почему?

— Почему?

— Ну, этого-то, граф я вам не скажу. И не надейтесь, что я попадусь на такую удочку. Просто он стал новым постельничим у короля. А это графская должность.

— Но вы говорите о Филиппе...

— Так весь парижский двор такой. И Жан-Тристан не был исключением.

— Я не это хотел узнать.

— А что?

— Вы сказали, что графиня несчастная женщина, но, как всякая женщина, она должна желать любви.

— Ну так вперед! Помните только, что вы не один такой. Да и не сбрасывайте со счетов саму графиню.

— Что вы имеете в виду?

— Она сама может выбрать или полюбить, и тогда любовью может оказаться первым. Скажем, надоевший своим кашлем барон или тот, похожий на викинга капитан корабля, ставший по воле Филиппа дворянином,

— Ну этого-то и представить невозможно. Графиня и моряк? Чуть!

— Вы слишком молоды и не знаете, что такое любовь!.. Любовь — потемки... Впрочем... Вон тот дом — гостиница, о которой я вам говорил. Ох и поедим мы наконец-то!

Не Париж — Орлеан, сердце Франции! Отсюда бегут сухопутные и речные дороги во все концы страны. Отсюда можно доплыть или доехать до любого моря, до любого уголка страны. Почти все дороги пересекаются в Орлеане!

Здесь, на берегу Луары, на переправе, Солей впервые увидел Иоланду — мельком, когда она выглянула из кареты и о чем-то спросила графа д'Арка. Она была в черном платье, голову покрывал черный платок, но все равно обладающий прекрасным зрением моряка Солей увидел профиль молодой женщины, разглядел длинные ресницы, матовость кожи и мелькнувшие светлые голубовато-зеленые глаза. В его сердце что-то перевернулось сразу — оно как будто стукнуло один раз и остановилось, а потом забилось часто-часто, и он застыл как вкопанный, пока Северин довольно грубо не толкнул его в бок и не спросил:

— Хозяин, ты научился спать стоя или в тебя ударила молния? Ты знаешь, бывают такие сухие грозы, когда нет дождя, но от них всегда возникает пожар. Что такое ты мог увидеть? Короля? Так ты его, наверное, узнаешь даже ночью, — Северин внимательно посмотрел на молодого человека, которого он в последние дни стал уважительно называть хозяином, вдруг лицо его исказила гримаса ужаса, и он прошептал: — Неужели ведьма?

Глаза Северина округлились, он что-то еще хотел сказать, но побоялся и подумал: «Но как он ее мог увидеть? За все дни я ее ни разу не видел, она, как в клетке, сидит в своей карете. Только служанка выходит. Нет, наверное, мой сухопутный моряк устал с непривычки... А служанка-то какая прехорошенькая. Надо бы с ней как-то поближе познакомиться...»

Двадцать пять лье от Орлеана до Парижа отдохнувшие лошади трусцой легко пробежали за три дня, да и сопровождавшим графиню дворянам после сна и хорошей еды в Орлеане было значительно легче и веселей. Больше всех радовался граф д'Арк.

— Боже, что человеку надо — всего лишь хороший кусок мяса и добрый кувшин вина. И всё! — весело говорил граф.

— Как, оказывается, вам мало надо, граф д'Арк, — засмеялся Роберт Бетюнский. — А хорошая постель, а прекрасная девушка в этой постели?

— Ну, это-то само собой разумеется. Но посмотрел бы я на вас, если вы пожелаете заняться любовными утехами на голодный желудок!

— Мне кажется, только злее будешь.

— Ха-ха, — рассмеялся д'Арк — А откуда силы-то возьмутся? Да и зачем в любви злость? Тут нужна ласка. Вы, граф, можете представить ласковым злого человека?

— Вас, граф, не переспорить, пусть будет по-вашему.

— Мой юный друг, я старше вас раза в два и, думаю, настолько же опытнее, так что слушайте меня, особенно когда я сыт, как сегодня... — граф д'Арк сыто икнул. — Видите, даже живот согласен со мной.

Прежде чем въехать в Париж, отряд остановился у церкви святой Женеьевы, чтобы поклониться перед ракой с мощами святой защитницы Парижа. Так делали все с незапамятных времен, и нарушать великую традицию никто не хотел. Кстати, узнали, что король проехал в Париж два дня назад.

Париж поразил своей шумностью, большим количеством грязных, невымытых, плохо одетых людей, которые что-то кричали, менялись, ругались, дрались, гадили тут же за выступающими домами, что не вызывало никакого удивления у прохожих. Левый берег Сены был пустынен, только стояли корпуса недавно открытого университета и попрошайничали студенты с сероватыми от вчерашней попойки лицами. Деревянный мост, переброшенный через спокойную реку, привел путников на остров Сите, где стояли ряды домов, а улицы были столь узки, что тяжело было разехать даже двум всадникам. Вымощенные булыжниками улицы были скользкими и грязными от конского навоза, который счищали лопатами в боковые канавки. По тем же канавкам текло и содержимое ночных горшков, выливаемое на улицы прямо из окон домов, эти ручейки сливались в ручьи, и вся эта зловонная река сбегала в Сену. Чтобы лошади и жители не ломали ноги, на улицы бросали солому, что превращало их в настоящее болото. Да еще вдоль берега острова Сите шли длинные корпуса сиротского дома, построенные много веков назад, еще с

первыми домами на острове. Они никогда не ремонтировались и тянулись вдоль всего берега, поражая своей страшной убожеством. Только недавно, всего несколько десятилетий назад, благодаря настояниям парижского епископа Мориса де Сюлли их стали перестраивать в первую французскую больницу — Парижский божий дом. Все убогие и больные города и окрестностей считали за великое счастье попасть в этот дом и как можно дольше полежать на кроватях, тем более что король Людовик приказал класть в больницы на одну кровать не пять, а всего лишь трех страждущих!

Париж был столицей нищих и больных!

Из Сите ехали уже через другой мост — широкий, с домами по краям, в которых на первых этажах были лавки, а на вторых жили сами торговцы. На самом мосту, вдоль лавок, было столько народу, что граф д'Арк приказал стегать плетками этих людей, чтобы они разошлись и пропустили карету графини. Это вызвало недовольство, и в карету полетели комья навоза. С большим трудом отряд переехал мост и въехал за высокие стены Луврского донжона. Королевский дворец представлял собой замок, крепость и постоялый двор одновременно — с множеством залов и комнат, по которым свободно, путаясь, ходили какие-то люди. У многих на лицах было непонимание — для чего они здесь находятся?

Французские короли и знать давно уже присматривались, куда бы переехать из Парижа, и понимали, что лучшего места для жизни королевского двора, чем берега Луары, нет. И когда по дворцу пронесся слух, что приехала Иоланда Бургундская, теперь уже вдова, многие дворяне захотели увидеть ее, выразить ей свое почтение и слова скорби, желая получить благосклонность — вдова имела огромные земли как раз в тех прекрасных местах срединной Франции, на берегах Луары, куда все стремились. Иоланда сразу же отправилась в отведенные ей покои и не появлялась и никого не принимала. Только ее смазливая служанка Анет выходила, чтобы сообщить гофмейстеру двора, что необходимо ее госпоже.

К удивлению многих, на похоронах короля Людовика в церкви Сен-Дени Иоланды не было. Там были только Филипп и двор. Гроб с телом Жана-Тристана новый король приказал сразу же после прощания с сыном королевы-матери Маргариты Прованской везти в монастырь Мон-Руаяль в аббатстве Роймон, как завещал покойный король Людовик. Прощание с Жаном-Тристаном проходило не в соборе Сент-Шапель, как все думали. Король Филипп заявил: «Сент-Шапель — собор короля Людовика, а следовательно, и мой. Мне в нем молиться, и я не хочу молиться на гробах». Отпевание Жана-Тристана епископ Парижский провел в еще недостроенном соборе Нотр-Дам, обещавшем в скором времени стать центром духовной жизни французской столицы. На прощании были Иоланда Бургундская и немногочисленные дворяне из тех, кто не участвовал в крестовом походе и пришли в собор больше поглазеть и развеять скуку. И все перешептывались, а эхо разносило, что они рады тому, как им повезло, что они не принимали участия в крестовом походе. У всех было множество родных и знакомых, ушедших в крестовый поход, которых — уже все понимали — они никогда больше не увидят. На вопрос, будет ли король Филипп на панихиде в соборе, тот раздраженно ответил: «Я столько месяцев провел с Жаном-Тристаном в Тунисе и столько дней проехал рядом с его гробом, что я от него устал». Из этих слов двор понял, что не обязательно ходить в Нотр-Дам. Всех, впервые стоявших в огромном соборе людей поражали его величина, необыкновенной красоты северный витраж и гулкое, но на удивление не давящее звучание молитв, уходящих куда-то к невидимому из-за своей высоты узкому своду собора. А на площади на горах строительного мусора толпились нищие и больные, пришедшие из стоящих рядом барачков Парижской больницы — ждали милостыни. Но ничего не произошло, все было как-то обыденно, как будто хоронили не сына великого короля, а какого-то низкосортного вельможу. Гроб вынесли из собора и, погрузив в крытую повозку, повезли за Сену, опять через мост, и вновь графу д'Арку пришлось командовать, чтобы разогнали спящих перед

мордами лошадей нищих и зевак. Граф Роберт Бетюнский остался в Париже, об этом позаботился его отец Ги де Дампьер, сообразивший, что сыну лучше остаться рядом с новым королем.

За мостом процессия выехала на северную дорогу и почти рысью поехала в аббатство Ройомон, где покойный король построил усыпальницу для ранее умерших своих детей. За повозкой с гробом Жана-Тристана ехали карета и небольшой отряд всадников, возглавляемый графом Жаном д'Арком.

Повезло только одному умершему — худородному дворянину, хранителю секретов и любимчику короля Людовика Пьеру де Вильбеону: его похоронили, как он и просил, в соборе Сен-Дени, в ногах у короля. Там, где он был всю жизнь!

XXV

Иоланда стояла на коленях перед гробом своего мужа и слушала пение монахов, а сердце почему-то часто билось совсем от другого. Она увидела молодого человека с волнистыми белыми, отливающими в свете свечей медью волосами, и что-то вдруг заныло в ее груди, а когда он взглянул на нее своими синими глазами, она в то же мгновение поняла, что полюбила. И эта мысль оторвала ее от происходящего вокруг, а потом испугала, и не тем, что она так подумала, а тем, что ее мысли вдруг уже стали известны другим людям. Она опустила глаза и стала шептать молитву, а лицо ее горело огнем, и видевшие это окружающие думали, что она так переживает по своему умершему мужу. Она даже не догадывалась, что этот молодой человек сам уже не первый день влюблен в нее.

— Вам плохо, моя госпожа? — тихо спросила служанка Анет.

— Да, мне очень плохо. Здесь так душно.

— Да вы вся горите! Уж не захворали ли? Такая-то дорога!

— Помолчи, на нас уже смотрят. Читай молитву.

Иоланда, склонив голову, шептала, шептала и вдруг, не выдержав, шепотом спросила у служанки:

— Анет, кто этот молодой человек?

— Который?

— Да тише ты! Тот, высокий, с необычными белыми волосами.

— Вы тоже его заметили? Моя госпожа, все девушки только и шепчутся о нем. Кто да откуда? Правда, необыкновенный? Ах, какие волосы, ах, какие синие глаза. Говорят, что это капитан корабля, который привез гробы с нашим великим королем Людовиком и вашим мужем. Говорят, что он всех спас. Страшная буря утопила все корабли, и только его корабль доплыл до Франции. Я слышала, что только благодаря этому капитану корабль не утонул. Он один спас всех, и за это король Филипп решил сделать его дворянином, шевалье. Вот почему он здесь... Нет, какой необычный. Ой, он на вас смотрит, моя госпожа.

— Прекрати молоть чепуху! — тихо произнесла Иоланда, а сама подняла взгляд на юношу и опять увидела его синие глаза. Ее сердце вновь часто и сильно-сильно застучало в груди.

— Моя госпожа, вам плохо? — опять испуганно произнесла служанка.

— Да тише ты! Ты не знаешь, когда закончится отпевание?

— Не знаю, но я один раз была в церкви по такому же торжественному случаю — умер мой отец, так мы стояли несколько часов.

— О господи! Какое же это торжество?

— А как же... Все было так красиво!

Иоланда опять склонила голову и зашептала молитву, а сама вспомнила свою последнюю встречу с Филиппом, теперь уже королем Филиппом.

— Графиня, мне очень жаль, что король Людовик и Жан-Тристан погибли в Тунисе, — сказал ей тогда Филипп. — Но я теперь французский король, и ты должна подчиняться мне. Или я не прав?

— Да, ваше величество, вы правы, — ответила молодая женщина, не очень понимая, в чем она должна подчиняться новому королю.

— Тогда после похорон Жана-Тристана ты должна вернуться в Париж и поселиться в моем дворце.

— Зачем, ваше величество? Я не хочу жить в Париже, я поеду домой, в Невер.

— Не строй из себя недотрогу, графиня. Всем же известно о твоём непостоянстве.

Лицо Иоланды вспыхнуло, губы от удивления приоткрылись, показав ровные белые зубы, и она вскрикнула:

— Ваше величество, вы меня оскорбляете! Я всегда была верна своему мужу Жану-Тристану, хотя я бы не сказала такого о нём.

— Не смей так говорить о моем покойном брате!

— Я говорю не о вашем брате, а о моем покойном муже, и то, что я сейчас сказала, ни для кого не секрет. Он сам открыто бахвалился этим. Думаю, и вы это знаете.

— Ладно, Иоланда, забудем, — вдруг примирительно произнес Филипп. — Давай говорить открыто: я хочу, чтобы ты стала моей любовницей.

— Ваше величество, я не желаю быть ничьей любовницей. А уж вам-то должно быть стыдно — вы же женаты и, насколько я знаю, ваша жена ждет ребенка.

— А если я тебе прикажу?

— Прикажете? Что? Любить нелюбимого? Да в своем ли вы уме? Вам надо было привезти с собой жену, может быть, вас тогда не посещали бы ненужные мысли. А уж если вам нужна любовница, то вокруг вас полно женщин, готовых таковыми стать — только поманите пальцем.

— А я хочу тебя! — крикнул король.

— А я не хочу вас. Я только что потеряла мужа, у меня нет детей, я не знаю, что меня ждет в дальнейшей жизни, но я знаю одно: я отдам себя только человеку, которого сама люблю.

— Глупость, глупость, глупость! Я тебе сказал, что ты должна сделать, а мужа я тебе найду сам. У меня сейчас

нет времени спорить с тобой, у меня куча государственных дел, но я обязательно найду время для тебя.

— Ваше величество, потратьте его на Францию.

— Называй меня Филипп.

— Не могу — вы для меня король Франции.

— Я сказал! Иди. И помни: если ты будешь сопротивляться, я тебя уничтожу.

— Убьете? — воскликнула Иоланда, и слезы полились из ее глаз.

— Опять глупость... Успокойся, я сказал, не подумав. Я просто хочу тебе напомнить, что у меня на столе в кабинете лежат жалобы от твоих сестер. Более того, есть жалоба в Парижский парламент с просьбой отобрать у тебя Тоннер и Осер.

— Ваше величество, примите решение, и я отдам без всяких судов эти два графства. Мне хватит и одного Невера.

— Не смей меня! Я не верю, чтобы кто-нибудь сам отдал дворянский титул и свои земли. И ты не отдашь. Ты же захочешь выйти еще раз замуж и быть графиней не только Невера, но и Тоннера и Осера. Чувствуешь разницу?

— Я не собираюсь вновь выходить замуж.

— Ты вдова принца Франции, и за твою судьбу отвечает наша семья. В вопросе женитьбы решение буду принимать я как король французский. Поезжай, хорони моего брата и не забудь, что я тебя жду здесь, во дворце.

— Я в Париж не приеду.

— Только попробуй. Ты разговариваешь с королем.

— Я это помню, но прошу вас, ваше величество, не забывать, что я жена вашего брата, который тоже мог бы стать королем.

— Никогда!

— Почему? Насколько я поняла из того, что мне рассказали, там умереть мог любой, — Иоланда поклонилась королю и вышла.

— Ха, любой? — криво улыбнулся Филипп. — Никуда ты, милая, не денешься — будешь моей. Ведьма! Но до чего же хороша. Какие глаза, какие волосы, какая фигура! Ей-богу, ведьма!

Жан-Тристан не был первым похороненным в аббатстве Ройомон, здесь уже покоились брат короля Людовика и трое его детей.

Монахи читали молитвы, стоявшие кучкой несколько дворян, которых отправил на похороны молодой король, открыто зевали. Отвечавший за похороны граф Жан д'Арк серел лицом — ему было плохо после веселой попойки в Париже, где праздновали восхождение на престол Филиппа, который в течение нескольких дней после приезда заставил некоторых решивших не подчиниться ему герцогов признать себя их сеньором и, добившись признания своей власти у архиепископа Лионского, готовился в торжественной обстановке в Реймском соборе стать королем Франции. А то, что начали праздновать заблаговременно, так это дань традиции!

Всем отправленным на похороны в Райомон дворянам хотелось, чтобы как можно быстрее закончилось это нудное пение монахов, чтобы гроб опустили в могилу, они сели бы на лошадей и галопом поскакали в Париж, успев окунуться в нескончаемый праздник.

Граф д'Арк подозвал барона д'Аниша и прошептал ему на ухо:

— Барон, ты будешь сопровождать графиню обратно в Париж.

— А вы, граф?

— Я поеду, я устал от всех этих похорон и песнопений. Меня от ладана и свечей уже тошнит.

— Кого мне брать с собой?

— Всех, кто был.

— Может, этого Солея не брать? Пусть катится к своему кораблю.

— Не забывайся, барон, его ждет король, чтобы вручить грамоту на титул шеваляе.

— Какого-то безграмотного рыбака сделать дворянином?!

— Это не твое дело, барон. Насколько я помню, ты тоже совсем недавно стал бароном.

— Но я-то, граф, и до этого был потомственным дворянином, — обиделся д'Аниш.

— Не будем ссориться д'Аниш. Всем нам титулы не Господь даровал. Чем он тебе не нравится? Очень приятный молодой человек. Да и не забывай: он спас жизнь не только королю, но и нам. Мы вроде как перед ним должники.

— Никогда я не буду должником какого-то рыбака из Ла Рашели.

— Надоело тебя слушать. Барон, считай, что это приказ короля. Твои возражения могут сыграть с тобой злую шутку! Ты этого хочешь? Молчишь! Вот лучше помолчи... Разговорился. Донесу королю — вмиг отправишься в свою Нормандию.

И граф д'Арк, не дожидаясь окончания похорон, уехал, чем вызвал нескрываемую зависть у оставшихся дворян. Но удивительно: после отъезда графа монахи как будто проснулись — они быстро договорили свои молитвы, гроб опустили в яму и закрыли гранитной плитой, и все, кто был силой отправлен сюда, с радостью поехали обратно в Париж.

Иоланда боялась — она не знала, как ей избежать притязаний Филиппа, была задумчива, но иногда украдкой смотрела в окно кареты, чтобы увидеть молодого человека, едущего на лошади позади. Каждый раз, как она видела его, сердце ее странно ныло, она пряталась вглубь кареты, опускала голову и старалась думать о покойном муже, но ничего не получалось: перед ее взором все время возникал красивый молодой человек. Она ругала себя, гнала от себя эти, как ей казалось, страшные, богохульные мысли и, задумавшись, чуть не выпала из кареты, когда та подпрыгнула на дорожном камне — у нее соскочило колесо, и карета стала заваливаться набок. Дверца открылась, а сидящая рядом служанка Анет навалилась на Иоланду. Иоланда закричала и выпала бы в открытую дверь, но карета неожиданно выпрямилась — молодой человек, о котором она только что думала, ловко соскочил со своего коня и успел схватиться за падающую карету. Все ахнули — юноша держал карету, не давая ей упасть и двигаться! И Иоланда увидела его вблизи, рядом — только протяни руку. Ее глаза встретились с его синими глазами, в которых, как и в лице

и во всем теле юноши читалось напряжение, но вдруг он улыбнулся, как будто и не держал огромную тяжесть, и необычайно спокойным голосом произнес:

— Извините, сударыня.

И она пролепетала:

— Спасибо, сударь.

Солей держал карету, пока из нее не вышли Иоланда со служанкой, не подскочили слуги рыцарей, сопровождавших графиню, и впятером не схватились за угол кареты. Все ахали, радуясь, что все благополучно закончилось, кроме одного человека — барона д'Аниша, и если бы Солей в этот момент посмотрел на него, то увидел бы, какой ненавистью сверкали глаза барона. Однако юноша видел перед собой только образ молодой женщины, ее испуганные большие зелено-голубые глаза, бледность кожи лица и полуоткрытый от страха рот.

Колесо установили на место и продолжили путь в Париж.

В Париже продолжался праздник. Когда Иоланда прибыла в королевский дворец, ее, по просьбе короля, встретил веселый и пьяненький граф д'Арк и проводил в отведенные для нее покои, шепнув по пути, что король уже неоднократно спрашивал о ней. Это была одна из спален короля, и когда она увидела широкую кровать, из ее глаз побежали слезы.

В спальню вошел веселый от выпитого вина король Филипп и, не здороваясь, с кривой улыбкой на красном от вина лице обхватил ее руками и, целуя, потащил к кровати и повалил на нее. Она попробовала сопротивляться, но была слаба и боялась кричать, а Филипп, распалившись от этого, пусть слабого, но сопротивления, продолжая слюняво ее целовать, стал задирать на ней юбки. Иоланда уже начала терять сознание, понимая, что сопротивление бесполезно, как вдруг в спальню без стука вбежал Пьер де Маше. Король поднял голову и зло закричал:

— Что ты себе позволяешь? Я прикажу тебя казнить!

— Ваше величество, беда! Прибыл гонец из Италии. Случилось что-то ужасное с вашей женой.

— Что? — отпрянул от Иоланды король. — Что случилось?

— Я боюсь говорить, ваше величество. Гонец ждет вас здесь, за дверью.

Филипп спрыгнул с кровати и, поддернув панталоны, выбежал из спальни.

Приехавший из Италии гонец, опустившись перед королем на колени, заикаясь, тихо произнес:

— Ваше величество, ваша жена Изабелла Арагонская упала с лошади...

— Что с ней? Что с ребенком? — закричал король.

— Началось кровотечение, и она умерла... Ребенок не родился.

— О-о-о! — схватился за голову Филипп. — Это невозможно!

— И это еще не все, ваше величество.

— Что еще может быть хуже, чем то, что ты сейчас сказал?

— На обратном плавании из Туниса корабли попали в шторм и утонули более четырех тысяч рыцарей и солдат.

— Боже!

Стоявший на коленях гонец, опустив голову, продолжал:

— Ваш дядя Альфонс де Пуатье, граф Тулузский, с женой Жанной умерли на корабле от той же непонятной болезни, что и ваш отец, король Людовик, и ваш брат. Их тела сейчас везут во Францию.

— Как такое могло случиться? За что бог так покарал меня? — кричал плачущий король.

В дверях спальни стояла Иоланда.

— Я плачу вместе с вами, ваше величество, — тихо сказала она.

— Убирайся! — закричал Филипп. Глаза его сверкали. — Это ты виновата во всех моих бедах! Ведьма! Убирайся с моих глаз! Но из дворца не уезжать!

— Как вы можете?! В чем я виновата? В гибели вашей жены? — Иоланда закрыла ладонями лицо и, рыдая, выбежала из спальни.

— О боже! За что мне такие муки? — выл король. — Почему она не поехала со мной?

Весть о гибели жены короля Изабеллы Арагонской, брата покойного короля Людовика Альфонса де Пуатье с женой и тысяч крестоносцев с быстротой молнии разнеслась по дворцу. Все притихли и попрятались по комнатам и темным углам многочисленных залов — ждали, что дальше будет. А весть уже перенеслась через высокие стены Луврского донжона в город, и уже Париж притих, пораженный, что тысячи французов вот так просто, не в бою, погибли в море. В городе прекратилась торговля, и даже пьяницы, грабители и нищие исчезли с улиц; проститутки тоже не работали — никому не нужны были их услуги, настолько эта весть о гибели тысяч воинов поразила столицу Франции.

Через два дня король вызвал графа д'Арка и приказал:

— Граф, я решил графиню Иоланду Бургундскую отправить обратно домой, в Невер. Пусть живет там, пока я не приму решение о ее судьбе. Граф, я бы хотел, чтобы вы сопровождали ее в Невер.

— Но, ваше величество, я так устал. Я уже далеко не молод, и у меня нет больше сил. Тунис, плавания, штормы, дорога до Парижа и в аббатство Ройомон, смерть короля, вашего брата, а теперь вашей жены и вашего дяди лишили меня последних сил. Я прошу вас, ваше величество, освободить меня от этой, пусть и почетной, обязанности. Я бы хотел поехать к себе домой и немного отдохнуть.

— Хорошо, граф, я вас понимаю, но кто сможет исполнить мой приказ? Вы же понимаете, что это не простое сопровождение графини до Невера. Мне необходимо знать, как она себя поведет, с кем и о чем будет говорить, не появится ли у нее... любовник. Столь красивая женщина не может жить монашкой. Я в это не верю.

— Я тоже, ваше величество, не верю. Я бы и сам не против... но она принадлежит вашей семье.

— Она принадлежит мне, и никому более, — строго сказал король.

— Ваше величество, я это и имел в виду.

— Итак — кто?

— Может, барон Симон д'Аниш?

— Этот инвалид?

— Этот инвалид будет служить вам, как цепной пес, лишь бы получить какой-нибудь клочок земли в центральной Франции.

— А что, граф, думаете о капитане корабля, который нас всех спас, об этом... Солее? Я ему пообещал титул ше-валье. Он его заслужил. Но у меня нет сейчас времени заниматься им. Потом, потом. Может отправить его?

— Этот молодой человек оказался невероятно силен: он один удержал карету графини, когда по дороге из аббатства Ройомон у той сломалось колесо и она неминуемо должна была опрокинуться. Еще неизвестно, осталась ли бы графиня живой.

— Я об этом уже слышал. Может, было бы лучше, если бы он не удержал карету? Тогда моя жена осталась бы жива.

— Ваше величество, вряд ли графиня Иоланда обладает другими чарами, кроме чар для обольщения мужчин.

— Вы так думаете, д'Арк?

— Я в этом уверен. Да и она все-таки жена вашего покойного брата. И ее выбрали для него ваши святые родители.

— Может быть, вы и правы. Ну так что вы думаете о Солее? Как раз проявит себя и, вернувшись, получит обещанное дворянство.

— Я не против, но, ваше величество, мне тут рассказали, как он смотрел на графиню... а она на него.

— Смотрел?! Смотрела?!

— Да... и она на него. Об этом мне рассказал барон д'Аниш.

— Графиня смотрела на моряка? Да такого не может быть! Впрочем, это же Иоланда, о ней ходит много разных разговоров. Вот что, граф, поезжайте домой, отдохните, а потом приезжайте сюда, в Париж — вы мне нужны, мне сейчас очень нужны понимающие меня дворяне. Куда вы едете?

— В Шампань.

— Хорошо, граф, я вас жду. Я даже могу сказать, как я вас хочу наградить.

— Что вы, ваше величество, какая награда — я и так ваш кравчий.

— Я хочу, чтобы вы стали мэтром королевского дома вместо покойного де Лонгвиля.

— Но я, ваше величество, ничего не понимаю в управлении двором. Да и поговаривают, что это место займет де Маше.

— Из Шампани, знаток вина, кравчий — и ничего не понимает? Смешно граф. А де Маше, возможно, станет гофмейстером двора вместо де Вернона.

— Ваше величество, я недостоин такой чести.

— Достоин или не достоин, решать только мне. Я вас жду. Постарайтесь долго не задерживаться.

— Вы позволите мне уехать на месяц?

— Две недели, и ни дня больше.

— Но дорога?

— Две недели, граф. Иначе мне придется найти другого человека.

— Я понял, ваше величество.

Когда граф д'Арк вышел, король прошел несколько шагов по кабинету и задумчиво произнес:

— Ай да капитан, ай да моряк! Впрочем, перед такой красавицей никто не устоит... — Филипп поднял голову, посмотрел на окно и вдруг весело произнес: — А мне же это и надо! Прекрасно, прекрасно, я тебя, графиня, измажу всю в грязи сплетен, и ты передо мной на коленях будешь ползать, умоляя защитить! И тогда уже будешь моей по своей воле!

Филипп радовался, забывшись, сунул в рот палец, прикусил больно и, как будто очнувшись, сказал:

— Шампань, Шампань... Шомон? Что-то с ним связано... А-а, вспомнил. Виконт д'Эрбе! Он, кажется, из Шомона. Любимчик Жана-Тристана и ненавистник его жены — вот кто мне нужен, чтобы следить за Иоландой.

Король позвонил в маленький колокольчик и приказал вошедшему камердинеру срочно разыскать и привести к нему виконта д'Эрбе.

А граф д'Арк, проходя по дворцу, оглянулся и, свернув в один из переходов, постучал в двери покоев, отведенных графине Иоланде. Услышав разрешение войти и еще раз оглянувшись, открыл дверь. Графиня с красными от слез глазами сидела в небольшом кресле у окна.

— Что вам, граф?

— Я зашел попрощаться с вами, графиня. Я уезжаю к себе в Шампань. Ненадолго, но все-таки отдых.

— Спасибо вам, граф, за оказанные мне услуги. Вы были единственным, кто так доброжелательно отнесся ко мне во время несчастья, постигшего мою семью... и не только.

— Спасибо, за добрые слова, графиня Иоланда, но я хотел бы первым сообщить вам, что король отпускает вас домой.

— Слава господу! — прекрасные глаза Иоланды вспыхнули, слезы высохли. — Ах, какая хорошая новость! Спасибо, граф!

— Но я хотел бы вас, графиня, предупредить, что король будет внимательно наблюдать за вами: с кем вы общаетесь, о чем вы говорите, кто... ваш любовник...

— Как такое возможно? Я же не собственность короля!

— Я лишь предупредил вас, графиня.

— Еще раз спасибо, граф. И кого король отправляет следить за мной?

— Предлагал мне, но я отказался. А так, может, барон д'Аниш...

— Тот худой, кашляющий, с неприятным взглядом?

— О, как вы его метко описали.

— Кто еще?

— Капитан корабля Солей, — граф внимательно посмотрел на Иоланду.

— Какой Солей? — спросила Иоланда, но дрогнувший голос и вспыхнувшее лицо выдали графиню.

— Белокурый, похожий на викинга, тот, который, говорят, один удержал вашу карету, когда отвалилось колесо.

— А-а... спасибо ему, а то я бы разбилась. И что, он тоже будет за мной шпионить?

— Не знаю. Хотя король пообещал ему титул шевалье, а вы знаете не хуже меня, на что готов человек ради получения дворянства.

— Спасибо, граф, что предупредили, — хрипло произнесла Иоланда.

— Вот вроде бы и все. Прощайте, графиня.

— Прощайте, граф, — тихо ответила Иоланда. — Я всегда буду рада видеть вас у себя в Невере, — и когда граф д'Арк вышел, заплакала и сквозь слезы произнесла: — Тюрьма! И он тоже тюремщик! Ну почему, почему я так несчастна? За что? — и, дав волю слезам, упала на постель, уткнувшись лицом в подушку, и зарыдала.

— Не люблю, не хочу никого любить! — шептала она. — Пусть одна. Навсегда. Пусть, пусть! За что, Господь, ты меня так наказываешь? В чем я виновата? Разве я не достойна любви? Простой, обыкновенной, человеческой... Видимо, нет. А может, ее нет вообще? Но как же нет? Я же чувствую, сердцем своим чувствую, сейчас, в эту минуту чувствую, что она есть. Но где она?

А граф д'Арк, выйдя из покоев Иоланды, криво ухмыльнулся и прошептал:

— Попалась птичка! Чем хуже для тебя, тем ближе ты ко мне. И для тебя теперь единственный друг — это я, а скоро буду не только другом... Скоро и ты, и Невер будут моими.

Перед королем стоял виконт д'Эрбе — известный парижский дуэлянт и бабник... и не только бабник. Все при дворе знали склонность виконта к мальчикам, кто-то даже презирал его за это, хотя это считалось обыденным явлением при королевском дворе и некоторые, наоборот, хвастались такими успехами, сравнивая наступившие времена с временами римских цезарей. Высказывать неуважение виконту побаивались — он мог, не задумываясь над тем, кто перед ним, вызвать обидчика на поединок и никогда не проигрывал. И его за это не наказывали — у него были поклонники в королевской семье. По углам шептались, что таковым был принц Жан-Тристан. Виконт д'Эрбе, зная, что

Жан-Тристан равнодушен к своей красавице жене, не раз, не стесняясь и не боясь, предлагал Иоланде свою любовь, и каждый раз натыкался с ее стороны на стену холода и презрения. Д'Эрбе это бесило, но он побаивался Иоланды — все-таки жена принца... и друга. И виконт, как многие, разносил по королевскому дворцу сплетни о ее любовных похождениях, а когда его спрашивали, откуда он об этом знает, закатывал глаза и томно вздыхал, и спрашивающие причисляли его к любовникам бесчестной графини.

Король, как кот, тихо обошел вокруг настороженно стоявшего виконта, потом хлопнул себя по бедрам и захохотал:

— И что в тебе, виконт, находят женщины? Маленький, кривоногий, широкоплечий, как крестьянин, и руки у тебя лопатой, а борода? Сбрей немедленно эти водоросли! Может, про тебя всё врут? Сознайся, д'Эрбе, — врут? Может, тебе просто бояться сказать правду? Драчун ты славный, что есть, то есть, но внешность — увидишь и умрешь от смеха.

— Ваше величество, — заикаясь, проговорил виконт. Он испугался, что новый король, зная о распускаемых им сплетнях об Иоланде, отомстит за покойного брата, — все это наговоры. Я верен своей жене.

— Не смейся, — король еще громче засмеялся и стал утирать выступившие слезы. — Верен! Что же ты ее оставил в этом, как его... Шомоне. Что она там стережет? Свой дом, свою верность? Ты же, д'Эрбе, виконт-то по жене? А?

— Но... ваше величество, я сам из древнего дворянского рода, мой отец барон де... де...

— Да ладно, не утруждайся, д'Эрбе, я верю, верю, что твой отец барон. Правда, не знаю какой. И почему же такой славный рыцарь — и не участвовал с нами в походе?

— Я, ваше величество, заболел, — лицо виконта стало пунцовым.

— Жаль, что тебя там не было. Там очень не хватало таких смелых рыцарей, как ты, д'Эрбе... из Шомона. Но я вызвал тебя не для того, чтобы копаться в твоей родословной и в твоих болезнях. Ты мне нужен для выполнения одного деликатного дельца.

— Ваше величество, я весь внимание! — воскликнул д'Эрбе, быстро сообразив, что угроза королевского гнева, кажется, его миновала.

— Ты знаешь графиню Иоланду Бургундскую? — король внимательно посмотрел в глаза виконту. Д'Эрбе хоть и был довольно молодым человеком — ему было около тридцати лет, — но имел большой опыт царедворца. Он сделал глупое лицо и спросил:

— А кто же при дворе не знает жену вашего брата Жана-Тристана?

— Ты, виконт, не ответил.

— Знаю... как все.

— Думаю, что это правда, — засмеялся король. — И поэтому я выбрал тебя, виконт, для сопровождения графини в Невер. Знаешь, где это?

— Кто же не знает, где находится Невер? — опять вопросом ответил д'Эрбе.

— Вот, к примеру, я не знаю.

— Ну и я так, не очень... Бывал там пару раз. Меня брал с собой ваш брат, принц Жан-Тристан.

— Значит, дорогу знаешь. Возьмешь с собой барона д'Аниша, капитана корабля Солея и солдат — тех, кто сопровождал графиню сюда в Париж. Других дворян и рыцарей не будет. Тристан уже в могиле и она лишь жена покойного принца.

— И всего-то? — не скрывая радости, сказал виконт. — А зачем какой-то капитан корабля?

— У тебя странная привычка отвечать вопросом на вопрос, но я отвечу. Этот капитан спас мне жизнь, и за этот подвиг я обещал сделать его дворянином — даровать титул шевалье. Но он, поговаривают, стал оказывать графине непозволительные знаки внимания, и, что еще более удивительно, она их не отвергает...

— От простого моряка? — удивился д'Эрбе. — Не может быть! Она же такая недотрога.

— Никогда не перебивай своего короля. Я этого не люблю! — зло сказал Филипп.

— Простите, ваше величество...

— Недотрога, говоришь? Мне помнится, что ты один из тех, кто очень много рассказывал разных сплетен о графине... Молчишь? Лучше помолчи, целее будешь. Впрочем, когда ты увидишь этого капитана, то, я думаю, изменишь свое мнение. Это викинг! Как в скандинавских сагах, как в романах. Белокурый, синеглазый и необыкновенно сильный. Он совершил в Тунисе подвиг и должен был стать бароном — мой покойный отец обещал барону де Кантелу передать его титул этому юноше, но бароном стал другой крестоносец, присвоивший себе этот подвиг. И этот крестоносец тоже поедет с тобой, потому что он, как никто другой, ненавидит этого капитана Солея. Его зовут барон Симон д'Аниш. Но меня интересуют только сведения о поведении графини. И запомни — честные сведения.

— А когда мы доедем до Невера, что дальше делать?

— Побудь недельку в Невере и, если не подтвердится, что между графиней и капитаном есть какие-то серьезные отношения, возвращайся. Но если что-то заметишь, сразу сообщи мне и жди моего приказа.

— Я понял, но тогда мне понадобится больше людей, чтобы быстро доставлять известия вам.

— Возьми, сколько потребуется.

— Ваше величество, можно мне сказать?

— Я слушаю, — удивился король.

— Я не думаю, что графиня хорошо ко мне относится... Может, пусть отряд возглавляет этот барон, а я переоденусь простым солдатом или буржуа и буду ехать позади и всё узнавать от барона? А то вдруг я ее... это... спугну.

— А вот сейчас, виконт, ты сказал правду, а то я все думаю, когда же ты станешь честным? Согласен, пусть твоя рожа перед ней не появляется, а то и правда насторожится. Впрочем, меня интересует результат, и ты знаешь какой.

— Я все понял, ваше величество. Но... ваше величество... мне бы денег.

— Деньги, деньги, всем нужны деньги, — Филипп прошел к секретеру из красного дерева, достал и протянул маленький кожаный мешочек. — Золотые денье, виконт! Разоряю тощую казну королевства! Это на всех! И не вздумай

воровать: узнаю — казню! Иди, виконт, и помни: твоему королю нужны верные люди!

По лицу д'Эрбе пробежала нескрываемая волна радости...

XXVI

Иоланда видела Солея только мельком, во время остановок в небольших городках по пути в Невер. Сопровождающих на обратном пути было совсем немного: барон Симон д'Аниш со слугой, которым он обзавелся в Париже, Солей с Северином и еще четверо солдат. А больше и не требовалось — ехали по самым спокойным землям Франции.

Иоланда старалась как можно реже выходить из кареты. Она была возмущена, узнав, что за каждым ее шагом следят, и особенно ей было обидно, что в этом участвует Солей. «А впрочем, — думала она, — чему я удивляюсь, он такой же, как все. Почему он должен быть другим? Только из-за того, что необычный, что красивый, что сильный, что спас меня? Ему король дворянство дает — за это будешь следить хоть за своими родителями. Гадко-то как!» Она смахивала набежавшую слезу и утыкалась в книжку о любви Тристана и Изольды, которую перечитывала уже множество раз и, как всякая девушка, прочитавшая эту книгу, грезила такой же любовью. А жизнь оказалась намного проще и обыденнее: красота, богатство и властный, но не любящий ее муж... И как она сейчас понимала, и нелюбимый ею муж. Вдова. Вокруг сплетни, которые бесили и унижали. И это вспыхнувшее, ранее неизвестное ей чувство к молодому человеку, которого она, сама не понимая почему, про себя назвала *Тристаном*. И вот этот Тристан оказался таким же жадным до титулов человеком, как все окружавшие ее всю жизнь мужчины. «Ну почему? Ну почему я так несчастна?» — вздыхала она и твердо решила, что доедет до Невера, закроется в своем доме и будет жить тихой, спокойной жизнью затворницы. От этих мыслей ей стало немного легче; она даже попросила остановиться у

придорожной таверны и съела небольшой кусочек курицы и выпила вина. Анет, видя все эти дни и недели, как мучается ее госпожа, переживала, плакала вместе с ней, а когда Иоланда рассказала, кто все эти люди, сопровождающие их в Невер, не выдержав, спросила графиню:

— И он?

— Кто?

— Капитан Солей?

— Да, — тихо ответила Иоланда.

— О господи! Я всегда говорила, что они все такие.

— Ты-то откуда знаешь?

— Все так говорят, — смешалась Анет.

— Вот именно — говорят. Доедем до Невера, и они уедут обратно. Не будут же они за мной следить в моем же доме!

— Прекрасно, моя госпожа. Да ну их всех, мужчин! Мне вот тоже один понравился.

— Кто? — удивилась Иоланда. У нее даже скребнуло в душе: «Солей?»

— Северин.

— Это кто?

— Слуга капитана Солея.

— И чем же он тебе понравился?

— Он такой галантный, вежливый и... умный.

— С чего это ты решила, что он умный?

— А я с ним разговаривала.

— И когда ты успела с ним поговорить? И о чем?

— Так он сам ко мне подошел, когда мы еще в Париж ехали.

— Надо же? А я и не знала. И что?

— Моя госпожа, я не хотела говорить, но он все спрашивал о вас.

— Что? Слуга — обо мне?

— Вот и я вначале решила, что он хам, а оказалось, что это он спрашивает для своего хозяина, капитана Солея. Его, кстати, зовут Жак.

— Да какое мне дело, как зовут слугу?

— Да не слугу, капитана Солея зовут Жак.

— Жак, — тихо произнесла Иоланда и совсем не к месту прошептала: — Жак Тристан. Викинг.

— Что вы сказали, моя госпожа?

— Ничего. Ну и что спрашивал этот...

— Северин.

— Да, Северин.

— Кто вы, есть ли у вас дети, почему вы всегда такая грустная...

— Скажи еще, что спрашивал, богата я или нет...

— Нет, не спрашивал.

— Удивительно, всех интересуется только мое богатство.

— Он такой симпатичный, — не слушая Иоланду, протянула, закрыв глаза Анет.

— Кто?

— Как кто? Северин.

— Ой, ты и дура. Ты еще влюбись!

— А что такое любовь, моя госпожа?

— Я и сама не знаю, — вздохнула Иоланда.

Иоланда хотела, чтобы кони бежали, чтобы придорожные городки и поселки проносились за окном кареты, только бы как можно быстрее попасть домой, в Невер. Но ехали не спеша, ползли, лошади с удовольствием сходили с дороги и принимались щипать осеннюю траву. Барон д'Аниш останавливался у каждой придорожной гостиницы, чтобы поесть и промочить горло кувшинчиком молодого вина, а то и заночевать.

Такой приказ он получил от виконта д'Эрбе, когда они впервые встретились.

— Барон, я слышал, что ты хотел бы получить земли где-нибудь поближе к Анже? — спросил д'Эрбе.

— Виконт, я никогда такого не говорил, но не скрою от вас, что хотел бы остаток жизни провести в своем домике, и конечно, лучше бы на берегу такой реки, как Луара.

— Тогда коротко: ты, д'Аниш, и все твои люди подчиняются мне, и твоя задача не охранять, как ты думаешь, а следить за графиней. Да-да, следить за каждым ее шагом и

слышать каждое сказанное ею слово и обо всем доклады-
вать мне. А что для этого требуется?

— М-м... — замычал барон.

— Не мычи. Требуется время. Поэтому в Невер ты едешь как можно медленнее, даже если графиня будет на тебя орать, приказывать и бросать поднятыми с дороги булыжниками. Понятно?

— Понятно, кроме одного — зачем?

— Ты знаешь капитана Солея?

— Еще бы! Я знаю не только его, но его отца.

— Вот как? — удивился виконт.

Д'Аниш внимательно посмотрел на виконта и понял, какого ответа от него ждут.

— Я бы с удовольствием задушил его своими руками.

— Вот даже как! И чего же не сделал этого раньше?

— Честно? Я этого не смогу сделать. Мешают мои бо-
лезни.

— Взял бы да и зарезал его ночью ножом.

— Это приказ?

— Пока нет. Докладывай мне обо всем, что происходит между этим капитаном и графиней.

— А-а, вот вы о чем. Тогда я понял. Я все сделаю, как вы требуете.

— Не я, — виконт показал пальцем вверх. — Он!

Барон д'Аниш, и так бледный, посинел и тяжело зады-
шал, по его лицу побежал пот.

— Я все понял, — тихо произнес он, — только... мне бы денег.

— Денег, денег, — проворчал виконт и достал кожаный мешок. Звякнули деньги. — Золотые экю, — сказал виконт, отсчитывая несколько желтых кружков со щитом. — И обо мне должен знать только ты, — добавил д'Эрбе.

— Это я понял, — ответил д'Аниш.

Потому-то, отъехав от Парижа всего на пять лье, лоша-
ди пошли пешком, потащилась по дорожной пыли карета
с графиней, и как она ни ругалась, плакала, грозила, го-
това была сама сесть на козлы, чтобы управлять каретой,
скорость движения не увеличивалась. И все-таки через не-

сколько дней под колесами кареты застучали доски моста через Луару и отряд въехал в ворота города Орлеан, в котором и застрял на три дня. Графиня заплакала. Если бы она только знала, что ее слезы ничего не значили! Не было главного, ради чего все затевалось: не было никаких даже намеков на отношения между Иоландой и Жаком Солеем. Не было! Д'Аниш переживал и пил вино, отчего становился совсем больным, виконт д'Эрбе, ехавший позади, при встречах ругался и обещал барону все возможные кары, король в Париже ежедневно, оторвавшись от дел, спрашивал, нет ли гонца от виконта д'Эрбе, и, услышав отрицательный ответ, мрачнел.

После трех дней сидения в Орлеане барон д'Аниш решил двинуться дальше, но никак не мог решить: ехать к Неверу вдоль Луары или через Бурж и уже от него повернуть к Неверу. Задержались еще на один день, пока барон не сходил в гостиницу на краю города, где от безделья изнывал виконт д'Эрбе.

— Ты, барон, еще скажи, что у тебя кончились деньги, — рассвирепел виконт. — Только и знаешь, что просить денег.

— Виконт д'Эрбе, я давно бы уже был в Невере. И почему я здесь, в Орлеане, вы-то знаете не хуже меня. Мне надо кормить моих солдат. Это Солей со своим слугой не просят денег, и я не знаю почему. Может, он корабль продал, может, кого-нибудь убил или ограбил? Но если вы не дадите денег и не скажете, каким путем нам ехать, мои солдаты взбунтуются и тогда это уже не солдаты. Жаль, что вас не было в Тунисе, вы бы быстро поняли, что такое голодный солдат.

— Ты меня будешь учить, барон? — закричал д'Эрбе, и лицо его стало пунцовым. — Если бы не приказ, я бы вызвал тебя на дуэль, несмотря на твой возраст и твои болезни, и поверь, ты прожил бы всего несколько мгновений. Но... я дам тебе денег, и поезжай через Бурж. Если уж честно, мне самому надоело плестись неизвестно зачем. Я в Париже прекрасно жил, а это захолустье меня угнетает.

Через день маленький отряд двинулся в сторону Буржа, хотя Иоланда умоляла сразу поехать вдоль берега Луары в Невер.

— Так быстрее и никуда не надо заезжать и сворачивать. Невер находится на берегу Луары.

Ее мнение не волновало д'Аниша, и карета вновь покатила по пыльной дороге. Еще через три дня отряд прибыл в маленький городок Бурж, где остановился в небольшой гостинице на берегу реки Йевре. Иоланда закрылась в своей комнате и дала волю слезам. Это была последняя остановка. До Невера оставался один день пути.

Была душная ночь, где-то далеко громыхал гром, но дождь все никак не мог пролиться на землю. Иоланде не спалось, она была в нетерпении от скорого приезда в Невер, и все ее мысли были уже там, в родном доме. В легком платье, накинув плащ, она решила пойти прогуляться по саду до протекающей недалеко от гостиницы реки.

— Куда вы, моя госпожа? — взметнулась с лавки служанка Анет. — Подождите меня, я сейчас быстро оденусь.

— Спи. Я хочу прогуляться по саду. Мне хочется побыть одной. Завтра наконец-то Невер, а я все не могу понять, почему мы так медленно едем. Что происходит?

— Но, моя госпожа, — запротестовала служанка, — как вы одна?..

— Я сказала: не ходи за мной!

Иоланда тихо открыла дверь и стала спускаться по лестнице на первый этаж, где мерцал свет горящей свечи. Сверху она увидела сидящего за большим длинным столом человека. Вначале она подумала, что тот спит. «Плохо же ты сторожишь свою пленницу», — зло подумала Иоланда и стала спускаться, решив тихо пройти мимо спящего человека, но в самом конце лестницы половица предательски закрипела. Человек поднял голову и, увидев ее, вскочил.

— Извините, сударыня, что я вас сразу не заметил.

Это был тот, кем она грезила все эти дни. Она бы узнала его сразу, но было полутемно. Иоланда шагнула к нему, посмотрела на его лицо и вдруг какая-то злость подкатила к горлу. Она язвительно сказала:

— Охрана спит? — и вдруг ее взгляд упал на стол и она увидела открытую книгу в кожаном переплете. Иоланда от служанки Анет уже слышала, что капитан умеет читать, но увиденное все равно ее так удивило, что она дрогнувшим голосом произнесла:

— Капитан умеет читать книги или любит рассматривать картинки?

— Сударыня, это дневники капитана Шарля, которые он вел много лет. Для любого моряка они бесценны. Это карты и описания морей, по которым он плавал, — сказал молодой человек, и даже при свете свечи было видно, как покраснело от волнения его лицо.

— Ты умеешь читать? — все так же удивленно сказала Иоланда. — Простой моряк умеет читать? Да все мои знакомые графы толком не умеют даже расписываться. По старинке — либо палец, либо перстень прикладывают.

Она стояла перед юношей, который был намного выше ее, и ей приходилось поднимать голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Она сама не понимала, зачем говорит эти обидные слова, а потом, совсем растерявшись, а может быть, тайно надеясь на желанный для нее ответ, спросила:

— И ты сидишь здесь, чтобы читать эти дневники?

— Да, сударыня, — ответил молодой человек, и вновь краска залила его лицо.

— И ты не сторожишь меня? — тихо, со щемящей надеждой спросила Иоланда.

— Сударыня, вы второй раз называете меня сторожем, и я никак не могу понять, почему я должен вас сторожить?

— Ты хочешь сказать, что ты не из этих... — Иоланда остановилась, так как не могла подобрать нужное слово. Ей вдруг больше не захотелось говорить этому юноше обидных слов.

— Я не знаю, кого вы, сударыня, имеете в виду, но я говорю вам, что я никого не сторожу и читаю записки покойного капитана Шарля — поверьте, они намного интереснее любой книги.

— Но как ты, моряк, и читаешь? Это же невозможно.

— Как видите, капитан Шарль даже вел дневники. А в нашей семье читают все. Это идет еще с нашего деда, Харальда Солнечного, который заставил быть грамотным моего отца, а уже тот меня. Да, этим мы отличаемся от многих других людей, но теперь я капитан корабля и обязан уметь читать и писать. Иначе какой же я капитан?

Иоланде вдруг стало так приятно разговаривать с ним, но она не знала о чем и поэтому спросила:

— Как тебя зовут?

— Солей. Жак Солей, — ответил юноша, и Иоланде показалось, что его голос похож на мелодию. Она почему-то вдруг подумала: «Если бы он назвал себя Тристан, это ему подошло бы больше, чем моему покойному мужу. Он так похож на сказочного Тристана».

И Иоланда сама не понимала, почему она, графиня, жена принца, вдова, сказала то, что ей очень хотелось сказать с момента, как она увидела этого красивого юношу:

— Ну раз ты не сторож, то, может быть, ты сможешь меня немного поохранять? Ты же спас мне жизнь. Я хочу прогуляться по саду до реки. Сопровождай меня.

— Слушаюсь, сударыня, — тихо ответил Солей, и голос его дрогнул. Он закрыл дневник и положил его в кожаную сумку, которую повесил через плечо. Он чем-то стал похож на студента университета, что только-только открылся в пустынном Латинском квартале Парижа на левом берегу Сены.

— Я готов, сударыня! — произнес он.

— А где мы возьмем факел? — спросила Иоланда.

— Факел? — удивился юноша. — Зачем нам факел? Я же хорошо вижу ночью.

— Почему? — удивилась Иоланда.

— Так я же моряк.

— Да-да, — вдруг весело воскликнула Иоланда. — Я совсем забыла. А про себя подумала: «Не забыла, а потеряла голову», но от этой мысли ей почему-то стало не страшно, а, наоборот, весело.

— Тогда, капитан Солей, открывайте дверь и пошли, а то от наших разговоров скоро проснется весь дом и вся,

уже настоящая стража, — сказала Иоланда. Ей хотелось сказать это строго, а прозвучало как-то тихо и мягко.

Иоланда была недалеко от истины: не спалось не только ей. Мучали кошмары и нестерпимо болела грудь еще у одного человека — Симона д'Аниша. Он сидел за столом и думал, что он устал от жизни, что ему нестерпимо хочется отдохнуть, уйти со службы навсегда. Он даже положил лист бумаги на стол и вывел первые строки письма, которое даже не знал, кому направит — герцогу Нормандскому, а может... королю?

«Ваше величество», — написал он корявыми буквами. Потом зачеркнул и написал: «Ваша светлость...» — и положил перо. Нужных слов не было.

Д'Аниш подумал: «Кому нужно мое письмо? Когда решат, что со мной делать дальше, мне скажут через того же д'Эрбе. Наглый сопляк! Ишь ты, предложил мне дуэль! Сволочь!.. Когда же это кончится? Ничего же между графиней и Солеем нет, да и быть не может! Какой же я дурак, что рассказал графу д'Арку о карете. Понятно же, что с этого все и началось. Сейчас бы уже все закончилось, и пусть не здесь, пусть в Нормандии, но я бы уже спокойно сидел у камина в своем домике. Черт, надо завтра сказать д'Эрбе, что ничего нет и быть не может, и тогда доедем до Невера и все — домой! Боже, как я хочу домой! — а потом, как молния, в голове пронеслось: — Но Солей-то жив! Как же я уеду, а он останется живой?!»

На улице было свежо, дул небольшой ветерок со стороны реки, и на черном небе светила большая, круглая, серебряная луна.

— Может, все-таки взять факел или фонарь? — спросила Иоланда.

— Конечно, можно, сударыня, но вот дорожка, и она ведет прямо к реке и дальше вдоль берега.

— Ты так хорошо видишь? Как кошка!

— Нет, сударыня, я просто уже по ней ходил, — засмеялся Солей. Иоланда посмотрела на него, а потом прыснула от смеха — до того ей самой стало весело. Она не могла вспомнить, когда еще она смеялась так легко — разве что в

детстве, когда еще была жива ее мать Матильда де Бурбон, которую она уже плохо помнила — та умерла, когда Иоланда была еще маленькой девочкой.

Между деревьями была видна река, серебристая от света луны. И тропинка, ведущая через сад к реке, тоже была хорошо видна.

— Раз ты не следишь за мной, то почему не спишь, как все? — спросила Иоланда.

— Мне, сударыня, не до сна — слишком взволновало меня известие, которое я сегодня узнал.

— А что произошло, Солей?

— Я сегодня встретил моряка, который рассказал, что корабль, на котором я приплыл во Францию, по пути в Марсель попал в шторм и то ли затонул, то ли его выбросило на скалы. Спаслись несколько человек. Большого я не знаю.

— Мне очень жаль. Это корабль капитана, бумаги которого ты читал?

— Да, это его корабль. Он мне подарил его перед смертью. Так что я, по-видимому, больше уже не капитан.

— И чем ты будешь заниматься, если твой корабль действительно утонул?

— Когда доедем до Невера, сразу поеду в Марсель, чтобы узнать что с кораблем и моряками. Если корабля больше нет, то могу вернуться в Париж — король Филипп обещал мне дворянский титул, а могу сразу поехать в Ла-Рошель.

— Ты из Ла-Рошели?

— Да.

— Чем ты там занимался?

— Я простой рыбак.

— Рыбак? Ты не похож на рыбака. Впрочем, я знаю рыбаков, которые ловят рыбу в Луаре, а Ла-Рошель — это ведь море?

— Океан.

— Океан, — тихо повторила Иоланда. — Как необыкновенно красиво звучит: океан... Я хочу погулять вдоль реки. Проводи меня.

— Но... удобно ли это, сударыня?

— Мы недолго, да и ночь. Солей, стань на время моим охранником. Ты же должен меня охранять, это же твоя обязанность? Да и как я без твоих глаз? — засмеялась Иоланда.

— Да, сударыня, я совсем забыл, что обязан вас охранять. Пойдемте...

Они тихо пошли в тени деревьев к плавно текущей Йевре. Лунная дорожка бежала по ряби реки, пели сверчки, а в чистом небе мерцали яркие звезды. От воды веяло прохладой, и воздух был напоен запахом яблок, винограда и пьянящего молодого вина.

— Наверное, надо было все-таки взять факел или фонарь, — тихо сказал Солей.

— Ты же сказал, что видишь в темноте, как кошка?

— «Как кошка» я не говорил. Я-то вижу, сударыня, а вот вы нет, и вдруг вы запнетесь?

— Тогда ты вновь спасешь меня, — рассмеялась Иоланда, и ее смех был подобен звуку колокольчика. — Впрочем, можно я возьму тебя под руку?

— Но... сударыня... как это... Я всего лишь сопровождаю вас...

— Ты хотел сказать охраняю. Вот и охраняй, а то я и правда могу упасть, — и молодая женщина взяла Солея под руку. От ее прикосновения его бросило в жар и закружилась голова. — Что же ты остановился, капитан Солей? Веди меня.

Сказать, что Солей шел, было нельзя — он брел, и ему казалось, что ноги его заплетаются.

— Солей, что с тобой? Мне кажется, что это я тебя веду, — весело удивилась Иоланда.

— Я очень... стесняюсь, — тихо проговорил Солей.

— Кого? Меня?

— Да.

— А-а, понимаю: графиня Невера идет под руку с молодым моряком. Но ты же не просто моряк, а капитан, и ты дворянин. Раз тебе король пообещал дворянский титул — значит, исполнит. А правда, что ты спас ему жизнь?

— Так я и свою жизнь спасал.

— Расскажи мне о Тунисе. Что все-таки там произошло? Ты участвовал в сражениях?

— Да.

— Расскажи, прошу тебя, Солей. Я же ничего не знаю, — жалобно произнесла Иоланда.

Солею не хотелось рассказывать об ужасах, испытанных армией крестоносцев в Тунисе. Он произнес несколько нечленораздельных слов, как вдруг Иоланда ойкнула и, крепко схватившись за руку Солея, жалобно произнесла:

— Я, кажется, подвернула ногу. Пойдем домой, — она, вцепившись в руку юноши, сделала шаг, вновь ойкнула и, еще сильнее прижавшись к его руке, жалобно произнесла: — Больно. Не могу.

— Что же делать? — прошептал Солей. — Надо звать людей.

— Ты же сильный — отнеси меня к гостинице.

— Но...

— Что же ты такой стеснительный? Неси.

Солей, как пушинку, поднял Иоланду на руки, и она почувствовала силу рук молодого человека и тепло, идущее от его лица и тела.

— Боже, — прошептала Иоланда, — последний раз меня носили на руках в детстве, и это были руки моей кормилицы. Я не помню, чтобы отец хоть раз взял меня на руки.

— Но...

Иоланда по-своему поняла молодого человека и ответила:

— Какие сильные руки. Я не помню даже, чтобы отец меня хотя бы раз поцеловал.

Она крепко обхватила Солея за шею и, прижав голову к его груди, тихо заплакала. Молодой человек нес Иоланду и молчал; он чувствовал, как сотрясается от рыданий тело молодой женщины, и ему было очень жаль ее. Он не знал, что она плачет от самого простого и великого чувства — чувства любви. Уже подходя к гостинице, они увидели огни факелов и Иоланда прошептала:

— Жак, опусти меня на землю. Не надо, чтобы нас вот так видели.

Солей опустил девушку на землю — и вовремя, потому что подбежали с факелами в руках слуги и Анет, служанка графини, которая, увидев, что ее госпожа стоит, подогнув ногу, и опирается на руку Солея, запричитала:

— Что с вами, моя госпожа? Вы поранили ногу? Ах, зачем вы ушли? И одна... — запнулась, посмотрела на Солея и опять продолжила: — Ах, моя госпожа, ну зачем вы пошли одна...

— Помолчи! — остановила ее Иоланда. — От твоих завываний голова лопнет. Потому и ушла, чтобы не слышать твою болтовню. Ну что они все стоят, открыв рот. Пусть принесут диван или кресло и отнесут меня в гостиницу.

— Что вам приказала моя госпожа? Бегите и исполняйте, — крикнула столпившимся людям Анет, а сама подскочила к Иоланде и жалобно произнесла: — Обопритесь на меня, моя госпожа.

Иоланда тихо произнесла: «Спасибо» — и, обняв служанку за шею, отпустила руку Солея. Слуги оказались проворными и через несколько минут уже принесли короткую лавку, на которую усадили Иоланду и осторожно понесли в гостиницу, у входа в которую стоял барон д'Аниш и удивленно смотрел на Иоланду.

— Что с вами случилось, графиня? — спросил он.

— С графиней случилось то, что случается с любым человеком — она подвернула ногу, — ответила Иоланда. — Лучше придержите дверь, барон.

— Да-да, — словно очнувшись, произнес д'Аниш. — Как же мы дальше поедем?

— Как ехали, так и продолжим ехать. Только не сегодня — завтра. И найдите лекаря. Должен же быть в Бурже какой-нибудь лекарь. Но смотрите, только коновала не пригласите, — строго сказала Иоланда барону.

— Да-да, — опять произнес барон и крикнул остановившимся слугам: — Ну чего остановились, несите госпожу на второй этаж.

Иоланду отнесли в ее комнату, хозяин гостиницы убежал и привел лекаря. Тот пробыл у графини недолго и, выйдя, улыбнувшись, сказал:

— Ничего страшного. Госпоже графине повезло — она только ушибла ногу. Я сделал повязку и думаю, что уже завтра вы можете ехать в Невер.

Все вздохнули с облегчением. Всем надоели недели тряски на лошадях, жизнь в придорожных гостиницах, а иногда и просто в хлеву. Все радовались, и только один человек, опустив голову, молчал — это был барон д'Аниш, который, может быть, больше всех устал от этой много-недельной поездки с берега Средиземного моря до Парижа и теперь обратно до Невера и тоже хотел отдыха. Его единственное живое легкое хрипело и булькало, сердце колотилось и готово было выскочить из груди, на губах иногда выступала кровавая пена, и во всем этом он винил одного человека — этого юношу с необычными для француза белыми волнистыми волосами. От самого Парижа он внимательно следил за графиней Иоландой Бургундской и обо всем, что происходило за день, доносил следующему инкогнито за ними виконту д'Эрбе. И сейчас он понял, что произошло то событие, которое все это время ждал виконт, а может, и не только виконт... Сердце д'Аниша учащенно и вразной забилось, а потом ему показалось, что остановилось, и барон почувствовал, что он сейчас умрет. Но сердце снова заработало и застучало ровно, и д'Аниш тихо засмеялся: он понял, что наконец-то его страдания закончились и за те сведения, которые он сейчас сообщит, он обязательно получит награду. Какую — не знает, но получит, и ему, возможно, даже не понадобится возвращаться в Нормандию.

Он поднялся к себе в комнату и сжег недописанное письмо, а после, сев на лошадь, уехал. Через полчаса он стоял в комнате одной из гостиниц Буржа и очень подробно рассказывал о ночном происшествии виконту д'Эрбе. Особенно красочно он рассказывал о роли Солея. Д'Эрбе даже удивился и спросил:

— Ты ничего не путаешь? Неужели этот капитан Солей нес графиню на руках?

— Да, — твердо ответил барон. Он не врал, он ночью стоял у окна своей комнаты и видел, как молодые люди

ушли из гостиницы и пошли к реке. Он даже открыл окно, чтобы услышать, о чем они говорят, но слышал только ее смех, а потом увидел, как они возвращаются и Солей несет графиню на руках. Он сам не мог в это поверить — чтобы графиня, жена покойного принца позволила себя нести какому-то безродному рыбаку?

— Она же графиня? — удивлялся услышанному виконт д'Эрбе. — Как она могла? Но ты сказал, что она повредила ногу?

— Я не знаю, повредила она ее или нет. Это сказал вызванный лекарь, я только сказал, что Солей нес ее на руках и она обнимала его.

— Да-а, барон, твои сведения очень интересны, и я сейчас же передам их... куда следует, а ты продолжай следить... за этой парочкой. Ой, как все стало интересно и важно. Что же будет дальше?

— Но мы же завтра отправляемся в Невер, и все — мое сопровождение графини на этом закончится, — сказал д'Аниш. — О каком «дальше» вы говорите, виконт?

— Не закончится, — д'Эрбе достал свернутую в трубочку бумагу. — Это письмо короля, назначающее тебя командиром отряда по охране графини Иоланды Бургундской в Невере. Тебе придаются еще десять солдат кроме солдат твоего отряда.

— Короля?! А графиня о письме знает?

— Ты вручишь его ей по прибытии в Невер.

— А что с Солеем?

— О нем у меня нет указаний. Он же не военный, а капитан торгового корабля.

— А если он захочет уехать или, наоборот, остаться в Невере?

— Мы не можем ему препятствовать, но если он останется... Если она захочет, чтобы он остался, то пусть останется, но не спускай с него глаз и обо всем продолжай докладывать мне. Я тебя сам найду в Невере. Все понятно?

— Всё, кроме одного.

— Что еще, барон?

— Деньги.

— А-а, совсем забыл, — виконт достал из большой сумки кожаный мешочек, раскрыл, и, отсчитав деньги, протянул.

— Это тебе лично за сведения, которые ты сейчас сообщил. Сержанта с десятью солдатами, что придут в Невер, зовут Дивьон, он привезет деньги для всех. Я почему-то уверен, что мы с тобой скоро выполним приказ... — д'Эрбе поднял кверху палец. — Причем самым для нас благоприятным образом и получим очень хорошее вознаграждение. Я даже думаю, что твоя будущая земля находится здесь, недалеко, на берегу Луары. Честно, я тебе завидую д'Аниш. Любой дворянин Франции хотел бы иметь кусочек земли, омываемый этой рекой. Старайся, барон, и может быть, ты станешь еще и виконтом, — д'Эрбе врал, но ему самому хотелось верить, что за услуги, оказываемые сейчас королю, которые он приравнивал к подвигу, он получит хорошую должность при дворе короля Филиппа и, возможно, станет графом.

— Я все сделаю, как того желаете вы, виконт и... — д'Аниш хотел сказать «король», но промолчал.

— А кто же в этом сомневается? До свидания, барон. Мы увидимся в Невере.

— Благодарю вас и до свидания, виконт д'Эрбе, — ответил д'Аниш, подумав: «Себя-то ты, д'Эрбе, не забудешь, а мне ты врешь. Но чем черт не шутит — может, и правда все так прекрасно закончится».

Через час сведения, сообщенные бароном, написанные на бумаге, уже лежали в сумках сытых коней, которые резво поскакали в Париж, но были остановлены в Орлеане отпавленным вслед за виконтом графом д'Арком.

Граф д'Арк не догулял испрошенный у короля отпуск и был вызван в Париж. Когда он, недовольный, вошел к королю, тот закричал:

— Опаздываете, граф! Дни считать не умеете? Семь дней, целых семь дней гуляете! А мы на сколько договаривались?

— На две недели, ваше величество.

— Разве? На две недели? — искренне удивился король. — Ну-ну, граф, не хмурьтесь. Надо еще немножко послужить своему королю. Вы меня простите, но доведем до конца это дело, и я обещаю: будете отдыхать, сколько посчитаете нужным. Итак, поезжайте, мой друг, в Орлеан и догоните виконта д'Эрбе — он сопровождает графиню Иоланду и всеми правдами и неправдами старается задержать ее приезд в Невер. Скажите, граф, может, вам показалось с этим капитаном корабля? Может, ничего такого и не было и капитана пора возвращать в Париж и, как я ему обещал, даровать дворянство?

— Ваше величество, вы хотите сказать, что я мог вам, моему королю, соврать? Я же сам не видел, как Солей спас графиню Иоланду, а рассказал об этом со слов барона д'Аниша.

— Не обижайтесь, граф. Поезжайте и сделайте так, чтобы эти отношения появились. Понятно?

— Я понимаю, ваше величество, но мне непонятна во всей этой истории моя роль? Следить и докладывать, как вы сами понимаете, это не для меня. Я исполнил ваш приказ и довез графиню Иоланду из Невера до Парижа, и я знал, зачем я это делал. Я только доехал до дома, и вы возвращаете меня обратно. И там, как вы сказали, есть виконт д'Эрбе. Он молод, горяч, он все сделает так, как вы хотите. Он был знаком с принцем... и с Иоландой. Всем известно, что она его недолюбливает, и есть за что...

— А за что? Я вот не знаю.

— За то, что он открыто и нагло предлагал ей свои услуги!

— Я не знал, — тихо и удивленно произнес Филипп. — Я знал об их... дружеских отношениях с Жаном... но об Иоланде я не знал... Возможно, я поспешил и ошибся с этим д'Эрбе? Ах, граф, мне как раз и нужен такой спокойный, рассудительный, умеющий думать и молчать человек. Мой человек. Что я хочу? Ладно, скажу: я хочу, чтобы она стала моей.

— Так она должна принимать это за великое счастье.

— И я так думаю, а вот она нет. Сопротивляется.

— Ну вы же, ваше величество, знаете: это делают все женщины.

— Это необычная женщина. Она жена моего брата... Покойного. И она... ведьма.

— Зачем же вам ведьма?

— Не смешите, граф, насколько мне известно, вы сами очень даже добивались ее благосклонности. Или у меня ложные сведения?

— Ах, ваше величество, если бы я был помоложе...

— То что?

— Я бы ее добился.

— И не побоялись моего брата?

— Хотите услышать правду?

— Говорите, граф.

— Ваш брат не любил свою жену, он больше любил других... того же виконта д'Эрбе.

— Я, конечно, слышал об этом... но не до такой же степени.

— Вы, ваше величество, спросили, я ответил.

— Хотите сказать, что все, что говорят об Иоланде, — сплетни?

— Я думаю, что во многом да. Распускают их такие же неудачники, как я. Только я молчу.

— Тогда тем более я хочу, чтобы она стала моей любовницей.

— Боюсь, что она скорее станет затворницей. Если, конечно...

— Договаривайте, граф.

— Если сама не полюбит.

— А-а? — удивился король. — Полюбит? Вы так считаете, граф?

— Я слишком опытен и стар, чтобы так не считать.

— А что вы думаете об этом молодом Солее?

— Я уже говорил вам, ваше величество, что он необыкновенно силен и спас графиню, когда сломалось колесо ее кареты. И он же спас нас во время плавания.

— Графиня может его полюбить?

— Кого? Солея? Нет, конечно... Впрочем, мне кажется, в этого юношу все женщины влюбляются. Он необычен. Он не француз. Он викинг из скандинавских саг. Он похож на... Тристана из романа «Тристан и Изольда».

— Стоп. Остановитесь граф. Какой Тристан? Какая Изольда?

— Ну этот роман о двух влюбленных.

— Да я его читал, но это сказка, а в жизни был один Тристан — мой брат, и никаких других Тристанов в моем государстве не было и не должно быть.

— Так это же образно...

— И никаких образно. Поезжайте, граф, и сделайте все, чтобы эта недотрога стала моей и ничьей более.

— А что делать, если она и правда влюбится в этого юношу?

— Я не верю в такую любовь. Это невозможно. Она может вскружить ему голову. В это я верю. Она же ведьма. Напомните ему, кто он и что я еще не подписал его грамоту о дворянстве. И она тоже должна понимать, что она не какая-то девка с улицы.

— Если я правильно понял, вы даете мне право не следить, а разговаривать от вашего имени с графиней?

— Вы правильно меня поняли, граф. Следить будут виконт д'Эрбе и этот барон... д'Аниш. Как бы он не умер на такой службе, — король засмеялся. — Познакомьтесь с ним поближе, д'Арк. Он ужасен, и он ненавидит Солея.

— За что?

— Спросите сами.

— Хорошо. Но все же, что делать, если Солей захочет остаться?

— Тогда пусть остается, — с угрозой произнес король, — и вместо дворянства он получит веревку на шею. Обо всем докладывайте мне! Поезжайте.

— Спасибо за доверие, ваше величество.

— Граф, я разрешаю вам с сегодняшнего дня называть меня этим уродливым словом «сир». Только вам. Вы первый, кому я оказываю такое доверие.

— Ах, ваше величество, — граф д'Арк поклонился.

— Идите, граф, и считайте, что место мэтра королевского двора уже ваше.

— Я преклоняюсь перед вами, сир. Я уже уехал, сир.

Король засмеялся. А когда граф вышел, прошептал:

— Вот, оказывается, ты какая? Тристан? Ты сама себе ловушку и построила. Куда ты от такого позора денешься? Надо же такое выдумать: Тристан и Изольда.

Письмо д'Эрбе, отправленное королю, не имело печатей, потому-то граф д'Арк его прочитал. «Слишком много для этого д'Эрбе. Пусть эти сведения поступят к королю от меня», — решил граф и приказал переписать каракули виконта с грязно-серой бумаги красивым почерком на белую и запечатал их сургучом со своей печатью. И уже эти новые бумаги отправились в путь, в Париж, к королю. Лошади падали замертво от скачки, но бумаги за подписью графа через три дня лежали на столе у короля Филиппа.

И когда король их прочитал, то от удивления и бешенства забегал из конца в конец своего огромного кабинета, крича:

— Ведьма! Ведьма! Ведьма! И этого одурманила своими чарами, и этого подвела на плаху! Ведьма, — и вдруг, остановившись, рассмеялся: — Недотрога, шлюха, проститутка... А этот-то... не устоял. А я еще хотел дать ему дворянский титул. Этому... рыбаку! Нет, нет и нет! Его голова должна отлететь под топором палача!

Король подбежал к столу, схватил колокольчик и уже хотел позвонить, но замер с колокольчиком в руке и произнес:

— А зачем же так, сразу? Подождем, посмотрим, чем это все закончится: Пока же ничего толком-то и не произошло. Ну отнес ее на руках, так граф пишет, что она поранила ногу; любой бы за счастье посчитал поносить ее на руках. Тем более она его околдовала Она же ведьма. Нет, подождем, — король положил колокольчик на стол. — Подождем...

Невер — маленький тихий городок в самой благодатной земле Франции. Любой француз хочет здесь жить, любой дворянин стремится иметь здесь пусть небольшой, но свой клочок земли, любой крестьянин хочет выращивать здесь хлеб, а любой рыбак — ловить рыбу в Луаре.

Из Буржа через день после того, как Иоланда подвернула свою маленькую ножку, выехала карета в сопровождении небольшого отряда всадников.

— Неужели и в Невере они останутся? — всхлипнула Иоланда. — Тогда это будет настоящая тюрьма. Господи, неужели мой дом превратится в тюрьму?

— Что вы, моя госпожа. Мы вот-вот будем дома, и я вас отмою от всей этой пыли, накрою стол, принесу из подвалов наше прекрасное бургундское вино, мясо, фрукты... Ах, ах... ах, — лепетала, светившаяся от счастья Анет.

— Поскорей бы.

— Моя госпожа, можно вас спросить?

— Спрашивай.

— Зачем вы пошли гулять ночью? Одна. Ужас.

— Ты же знаешь, что я была не одна. Зачем же спрашиваешь?

— А правда, что он нес вас на руках?

— А что он должен был делать, если я поранила ногу? Да, нес, — голос Иоланды вдруг осел, и она прошептала: — И как же хорошо было на его руках. Я почувствовала себя совсем маленькой девочкой. Господи, какой он сильный.

— Как вы можете так говорить, моя госпожа? Ужас! Страсти-то какие! Он же чужой мужчина.

— Жалко, что чужой. Ты не знаешь, он женат?

— Откуда я могу знать? — служанка перешла на шепот. — Но я слышала, что у него есть маленький сын, а жена умерла во время родов. Такой необычный, а холостой.

— Ты слишком много болтаешь.

Прошло несколько минут молчания, и графиня, покраснев, опять спросила:

— А что, он правда необычен?

— Да-да, — затараторила Анет, — посмотрите вокруг, разве из тех, кто едет с нами, есть хоть один такой необычный мужчина? Все же на одно лицо: маленькие, злые, а их командир, этот барон, вообще похож на смерть, он задыхается, кашляет и на губах у него выступает пена. О, господи! А тут такие волосы, такие глаза, — служанка закатила глаза, — а какая сила. Где такие юноши живут?

— В Ла-Рошели, — сорвалось с губ Иоланды.

— В Ла-Рошели? А откуда вы знаете, моя госпожа?

— Знаю, — смутилась Иоланда, и краска выступила на ее щеках.

— А... да-да... — сказала Анет, опустив взгляд.

Обе замолчали. Ненадолго.

— Выгляни в окно — он едет? — спросила Иоланда.

— А почему он не должен ехать, моя госпожа?

— Потому что он свободный человек и может в любой момент уехать. И он хочет после Невера уехать дальше в Марсель. Ему сообщили, что его корабль утонул.

— О господи! — служанка перекрестилась. — Вы и это знаете?

— Помолчи и делай то, что я тебе приказала.

Девушка выглянула в окно кареты, потом выглянула в окно с другой стороны.

— Едет, — зашептала она. — И с ним его слуга. Ах, какой красивый!

— Кто?

— Северин, конечно. Он тоже уедет с ним?

— Ой, Анет, что с твоей головой?

— То же, что и с вашей, моя госпожа. Влюбилась.

— Влюбилась? Я? Ты в своем уме?

— А для этого голова не нужна, для этого, моя госпожа, нужны всего лишь глаза, — от этих слов лицо Иоланды стало пунцовым. — На вас посмотришь и понимаешь, что не нужна голова.

— Прекрати, но когда приедем домой, сходи к его слуге и узнай, что его хозяин собирается дальше делать.

— Хорошо, моя госпожа, — обрадовалась служанка.

Дорога была сырой от прошедшего ночью дождя, и ехать было легко — пыли не было, а воздух был чист. Ехали полный день и уже в темноте подъехали к дому, из которого, услышав скрип колес, выбежали с масляными фонарями слуги и, не обращая никакого внимания на всадников, бросились к карете и подхватив под руки свою госпожу провели ее в дом, после чего наступила тишина. И только через час к спешившимся всадникам вышел гофмейстер графини и сказал:

— Графиня Иоланда Бургундская рада принять вас в своем доме. Будьте гостями! Рыцарей прошу пройти в дом, где для них приготовлены комнаты для отдыха и сна, а через час в большом зале будет дан ужин. К сожалению, графиня не сможет присутствовать — она захворала. Ваши слуги будут жить в доме для слуг, а кони будут накормлены, для них отведены места в конюшне...

Радость от прибытия домой, в Невер, была у всех: и у приехавших солдат, и у встретивших свою хозяйку слуг. Одни радовались, что наконец-то их хозяйка и госпожа вернулась домой, другие — что этот длинный путь из сотен лье закончился и теперь можно слезть с лошадей и просто полежать на траве, подышать необыкновенным, напоенным ароматами садов воздухом и послушать пение птиц.

Графский дом не был замком, ни дворцом — это был добротный, большой двухэтажный каменный дом на берегу Луары. Не было ни крепостных стен, ни рва, а был большой, окружающий дом сад. Прихрамывающую Иоланду отвели в ее покои, где для нее наполнили теплой водой с пахучими лепестками роз большую деревянную купель. Служанка Анет так радовалась приезду домой, что с нескрываемым удовольствием кричала на прислугу:

— Разленились, разоспались... бегом... Я вас заставляю двигаться... Чего застыла? Бегом... Куда бежать? Дура, носи простыни... А ты чего стоишь, открыв рот? Добавь горячей воды, да не ошпарь мою госпожу. Бедная, как же она намыкалась в этих дорогах и паршивых постоянных дворах, как же она устала! О, господи! Отойди, я сама помою мою птичку. Нет, пора наводить порядок. Никуда

больше не поеду. Даже если прикажете, моя госпожа, все равно не поеду.

— А если Северин куда-нибудь поедет? — шепнула Иоланда и, рассмеявшись, плеснула на Анет водой, а потом строго спросила: — Ты узнала?

— Нет еще.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Но моя госпожа... А вы, моя госпожа?

— Бегом. Я тебя подожду. Пусть мне добавят еще горячей воды. Как же хорошо быть дома.

Анет так быстро вернулась к Иоланде, задремавшей в теплой воде, что казалось, она никуда и не уходила.

— Ты все еще здесь? — удивилась Иоланда.

— Как это? Я уже вернулась, моя госпожа.

— Да? И...

— Они хотят немного отдохнуть и после уезжают.

— Как! — Иоланда вскочила, и стала видна ее великолепная точеная, достойная кисти художника и руки скульптора фигура.

— Подайте мне простыни, я устала, — потухшим голосом произнесла Иоланда и, когда ее завернули в простыни, оттолкнула всех и пробежала в свою спальню, где упала на кровать и разрыдалась.

Анет тихонечко подошла к кровати, присела и вдруг стала гладить Иоланду по мокрым волосам и приговаривать:

— Ну что делать? Ему не прикажешь. И сердцу своему не прикажешь.

— Почему, почему он уезжает? Зачем?

— Северин сказал, что они едут в Марсель, чтобы узнать, что случилось с кораблем.

— А потом? Что потом? — прошептала с надеждой Иоланда.

— Северин сказал, что если корабль действительно утонул, то его господин хочет вернуться домой, в Ла-Рошель.

— Как в Ла-Рошель? Ему же король пообещал титул шеваля!

— Не знаю. Северин ничего другого не говорил.

— Боже, он меня не любит. Ах, какая я несчастная! —
И графиня вновь зарыдала, уткнувшись в подушку.

— Может, как-то попросить его не уезжать?

— Как попросить? — прервала рыдания графиня.

— Ну записку написать. Правда, я не знаю, умеет ли он читать...

— Умеет. Я видела, как он читал книгу.

— Книгу? У-у! Он такой грамотный?

— Так он же капитан корабля.

— А и правда, он же капитан корабля. Напишите, моя госпожа, а я передам.

— Неси быстро бумагу и чернила.

— Бегу, моя госпожа.

Иоланда нервно чиркнула всего одну строчку: «*Не уезжай!*», сложила бумагу вчетверо и протянула служанке.

— Отдашь только ему.

— Я поняла, моя госпожа, — ответила Анет. — Что-нибудь передать на словах?

— Не надо... Впрочем...

Служанка выбежала из спальни, а Иоланда, закрыв пылающее лицо руками, прошептала:

— Не уезжай, прошу тебя, не уезжай. Только не уезжай.

Солей собирался недолго, да и было бы что собирать. Он был озабочен и грустен. Та ночь в Бурже не прошла даром. Если раньше он знал, что влюблен в эту молодую женщину, но понимал, как он далек от нее, от графини, пусть и вдовы, но брата короля Франции, и что никакой титул дворянина, который ему пообещал король Филипп, не приблизит его к этой необыкновенно красивой женщине, то после встречи, после того ночного разговора, после того, как он нес сотрясающуюся от рыданий женщину на руках, он растерялся и ему хотелось одного — вновь увидеть ее глаза, ее лицо. Он понимал, что это невозможно, что происшедшее — случайность, подарок Господа, что этот многодневный путь закончился здесь, в Невере, около этого каменного дома, куда ушла, прихрамывая, эта чудная женщина и теперь ему надо было решить, что дальше делать — ехать в Париж к королю и ожидать его милости

или уехать в Марсель. Все теперь зависело от того, цел ли его корабль. А если корабль затонул, он мог бы наняться на любой корабль моряком и уплыть в Аквитанию, в Бордо или в Ла-Рошель, где родной дом, родители и маленький сын Мишель. В Париж он решил не ехать — он не верил, что король даст ему титул шеваляе.

Он уже собрался, когда к нему подошел барон д'Аниш с прибывшим всадником. Солею показалось, что он уже видел его во время поездки сюда, в Невер.

— Меня зовут виконт д'Эрбе. Я хотел бы знать, что ты собираешься сейчас делать? — сказал всадник.

— Зачем вам это, господин виконт?

— Я направлен сюда, чтобы организовать охрану графини Иоланды Бергунской.

— Охрану? Здесь, в Невере?

— Да. Именно здесь, в Невере.

— Я вообще-то собираюсь уезжать. У меня дела в Марселе.

— Ну что же, ты свободен в своем выборе. Но все же подумай. Если примешь решение остаться, скажи об этом барону д'Анишу.

— Хорошо, господин виконт, я скажу.

Когда Солей рассказал о своем разговоре Северину, тот грустно заметил:

— А о деньгах виконт ничего не сказал?

— Нет, к сожалению.

— Как только ты перестанешь мне платить, я сбегу. А я уже чувствую, что твой кошелек значительно опустел.

— Когда деньги закончатся, ты узнаешь первым. А ты считаешь, что надо ехать в Марсель?

— Конечно. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Так и синицы нет. Корабль-то утонул.

— Но это же только со слов какого-то бродяги. Он же не мог описать корабль, который утонул. Он только слышал, что какой-то корабль утонул. Если корабля действительно нет, то хотя бы все будет понятно, а так одни ваши обещания. Черт знает, может, я зря поругался с графом д'Оверином.

— Ты же говорил, что граф тебя выгнал? — удивился Солей. — Хорошо, согласен с тобой — едем.

— Да, я забыл сказать, — меня спрашивала служанка графини Иоланды, что мы собираемся дальше делать.

— Спросила, что мы собираемся делать? Зачем ей это? Ты до такой степени вскружил ей голову, что она без тебя уже не может дышать?

— Ей приказала об этом спросить графиня.

— Графиня? И что ты ответил?

— Сказал, что мы уезжаем в Марсель.

— Правильно, — вздохнул Солей.

Северин посмотрел на быстро приближающуюся к ним девушку и удивленно произнес:

— Кажется, она идет уже не ко мне, а к вам.

— Кто?

— Да вот же она, Анет, идет.

Подошла служанка графини и, оглянувшись, протянула Солею сложенную записку.

— Это вам, господин, — прошептала служанка и, повернувшись, быстро ушла.

Солей развернул и прочел записку. Лицо его стало красным.

— Что с вами, господин? — спросил Северин.

— Ничего, кроме того, что мы не уезжаем.

— Как не уезжаем?

— Не знаю. Я ничего не знаю.

— Тогда, наверное, знаю я, — тихо произнес Северин.

Вечером, когда уже стемнело, к Солею тихо подошел куда-то уходивший Северин. Лицо его светилось от удовольствия, он прошептал:

— Хозяин, мне надо с вами поговорить.

— Ты куда пропал? — недовольно спросил Солей.

— Это потом, а сейчас я должен вам сказать, что графиня хочет вас видеть.

— Когда? Где?

— В полночь вам надо подойти к дому со стороны реки, и там вас встретит Анет... Дальше я не знаю. Только просили идти очень осторожно. Оказывается, вокруг дома уже расставлены солдаты.

— Ты встречался с Анет?
— Ах, как хорошо, что мы не уехали.
— А-ах ты, собака! Вскружил бедной девушке голову.
— Согласен, господин. То же самое мне сказал, прощаясь, мой бывший хозяин, граф д'Оверин, — засмеялся Северин. — Так что, пойдете?
— Пойду, — покраснел Солей.
— Так-то лучше.
— Не наглей, иначе я тебя накажу.
— Лучше бы наградили... Мне так нужны деньги.
— Зачем тебе деньги, ты живешь на всем готовом.
— А любовь? Она стоит больших денег!
— Разве любовь стоит денег? — удивился Солей.
— Еще каких! — загадочным голосом произнес слуга...

XXVIII

— Ты можешь меня презирать, можешь считать падшей женщиной, можешь, как многие, считать меня ведьмой и что я тебя околдовала, но я, Иоланда Бургундская, одна из самых богатых и титулованных женщин Франции, которой принадлежат графства Невер, Тоннер и Осер, вдова сына короля Людовика, прошу тебя не уезжать и признаюсь в любви, которую я испытываю к тебе с первого мгновения, как я тебя увидела, в любви, которой я никогда не знала в своей жизни.

Солей упал на колени перед Иоландой.

— Я недостойн вас, моя госпожа. Это я, как увидел вас, понял, что я вас люблю. Я люблю вас всем сердцем. Я, простой человек, недостойн даже так говорить, но пусть меня за это казнят, пусть накажет Господь, но я повторяю и повторяю: я люблю вас.

— О, господи, какое это счастье — быть любимой. Возьми меня на руки, как тогда в Бурже, возьми и унеси меня туда...

Она вновь и вновь умирала в его объятиях, лицо и тело ее горели, она целовала его лицо и волосы, прижималась к

нему и безумно шептала какие-то слова, а потом начинала плакать и вновь шептать:

— Я никогда не знала любви. Никогда! Ты мне ее подарил. Я готова сейчас умереть, потому что знаю, что такое любовь и счастье. И все это дал мне ты. Это ты и есть настоящий и сказочный Тристан. Ах, Жак, как же я тебя люблю, — потом плакала, плакала и опять признавалась в любви и опять спрашивала: — А ты меня любишь?

И слыша в ответ слова любви, вновь, как будто ничего до этого не слышала, спрашивала:

— Ты меня любишь?

Они любили друг друга и не замечали, что ночь прошла. Им казалось, что весь мир принадлежит только им двоим, а сведения об их встрече, ранним утром барон д'Аниш уже рассказывал виконту д'Эрбе. У виконта от услышанного чуть не остановилось сердце. Он сам коряво написал донесение графу д'Арку, и через день взмыленные, падающие от усталости лошади принесли письмо в Орлеан. Граф, чертыхаясь, долго разбирал корявые строчки, а когда понял, о чем сообщает виконт, закричал, чтобы готовили лошадей, он срочно едет в Париж! Граф был умным человеком и на этот раз не стал переписывать письмо — неизвестно, как воспримет это известие король. Он хотел первым узнать решение короля и, если удастся, получить желаемое место мэтра двора... и желанную женщину. Он сел в седло и пришпорил лошадь, которая поскакала так быстро, что граф пожалел, что не воспользовался каретой: он был уже не в том возрасте и не столь строен, чтобы скакать на лошади. Но граф выдержал и доехал до Парижа, где, хлеща плетью горожан, проскочив через мосты и остров Сите, въехал в королевский дворец. Там его, полумертвого, с трудом разжав сжимавшие поводья пальцы, сняли с лошади, которая, захрипев, упала мертвой на камни площади.

— К королю! Срочно! — прохрипел смертельно уставший граф, и его, поддерживая, повели по темным и длинным коридорам к покоям короля. А впереди уже бежали к королю камердинеры и несли весть, что приехал граф д'Арк, требующий срочной встречи.

Король лежал в кровати с одной из фрейлин покойной жены и, когда услышал, что граф д'Арк привез ему срочное известие, вскочил голый с кровати и, не стесняясь своего вида, приказал, чтобы графа срочно провели к нему.

— Ваше величество, — опустив голову, прошептал покрасневший камердинер, — но... позвольте подать вам халат.

— Ах да! — удивился король. — Где он?

Через несколько мгновений перед королем стоял шатающийся, с серым от усталости лицом граф д'Арк. Граф уже ничего не хотел, кроме как напиться воды и упасть в постель. Он протянул сложенные вдвое листы с донесением виконта.

— Что это? — удивился король, брезгливо разглядывая серо-грязные мятые листы с какими-то непонятными корявыми строчками.

— Ваше величество, это донесение из Невера.

— И вы, граф, лично его доставили?

— Оно того требует.

— Но я ничего не могу понять в этих каракулях! Мне что, приглашать писаря, чтобы переписали?

— Я с трудом, но разобрал.

— Так говорите скорей, не тяните!

— Виконт д'Эрбе сообщает, что графиня Иоланда занимается любовными утехами с этим капитаном... Солеем, — граф непроизвольно посмотрел на кровать, где, открыв рот от услышанного, из-под одеяла выглядывало смазливое молоденькое женское личико. Король повернулся к кровати и хрипло произнес:

— Ты, дорогая, пока мне не нужна. Я тебя позову. И не вздумай, сказать хоть кому-нибудь о том, что ты сейчас услышала. Иначе тебя ждет меч палача.

— Да-да, — воскликнула девушка и, отбросив одеяло, вскочила с постели, схватила лежащее на полу платье и убежала из спальни через потайную дверь.

— Хорошенькая, — хрипло произнес д'Арк.

— Что вы сказали?! — удивился король. — Вы о чем, граф? Ах, об этой... Так что там произошло? Кто там кого любит?

— Ваше величество, я уже сказал, что графиня Иоланда принимает в своей постели капитана корабля Солея.

По-видимому, до короля наконец дошли сказанные графом слова.

— Ведьма! — вдруг закричал король. — Ведьма! Не прощу! Как — мне, королю Франции, отказать и отдаться какому-то моряку? Что такое в нем может быть, чтобы графиня, чей предок — сам король Срединного королевства Лотарь Первый, отдалась первому попавшемуся моряку? Непостижимо! Надо унижить ее, чтобы она поняла, что превратилась в шлюху из портового кабака. Я не желаю ее больше видеть! Она с сегодняшнего дня вне королевского дома. Мразь! Я ее растопчу! Я сделаю ее нищей. Я ее лишу всего. Я выдам ее замуж за какого-нибудь горбатого нищего уроды! Я сошлю ее в монастырь! — король продолжал кричать, ругаться, потом, устав и задохнувшись от крика, сел на кровать, уставился на графа д'Арка, как будто впервые его увидел, и удивленно спросил:

— Граф, а вы-то что здесь делаете?

— Си-ир?! — протянул граф и, взглянув в глаза короля, даже испугался. — Это... я, простите, уже давно здесь... стою. Это же я, к сожалению, принес вам эту весть.

— Вы?! Ах да, вспомнил, — глаза короля увлажнились, и он часто-часто заморгал. — Скажите, граф, а что вы-то думаете об этом?

— О чем?

— Как о чем? О блюде графини Иоланды.

— М-м, я не знаю, ваше величество. Конечно, такая связь недостойна такой особы, как графиня Бургундская, но она же женщина... Не устояла перед соблазном, да и вы, сир, сами же видели этого молодого человека. Викинг, настоящий викинг.

— Ты так думаешь или выгораживаешь графиню? А я вот, наоборот, думаю, что она околдовала бедного юношу. Она это умеет: посмотрит своими змеиными глазами и околдует.

— Вы в это верите?

— А вы, граф, как будто нет? Не врите, я прекрасно знаю, что и вас она околдовала. Вы же сами ею восхищались!

— Но, ваше величество, я просто говорил, что она красивая женщина, и не более.

— Женская красота — это от дьявола.

— А разве я говорил что-то другое? Я полностью с вами согласен.

— Уходите, граф, я хочу отдохнуть и подумать, — устало произнес король.

Д'Арк, продолжая удивляться, поклонился и вышел.

Король думал долго. В него как будто вселился бес: то он тащил в свою спальню очередную фаворитку, а потом ее выгонял, то впадал в меланхолию, отказываясь есть и подписывать бумаги, и все боялись, что это не пройдет и король потерял разум навсегда. И все уже знали из-за чего — фаворитка, выскочив из спальни, успев всего лишь наполовину надеть платье, тут же рассказала о причине такого поведения короля. Теперь все ждали, что же предпримет король против надменной красавицы из Невера. Но проходили дни, а ничего не менялось. Наконец король позвонил в колокольчик и призвал графа д'Арка. Все вздохнули с облегчением — кажется, король ожил!

— Граф, я вам многим обязан и считаю, что вы заслужили должность мэтра моего двора. Но у меня к вам одна просьба: поезжайте в Невер и сделайте все, чтобы эта связь, эти отношения графини и капитана прекратились. Все это бросает тень не столько на графиню, сколько на нашу семью. Как вы это сделаете, я не знаю. С вами поедет Роберт Бетюнский, вы его должны знать. Он не просто граф Фландрии, но он по отцу де Дампьер. А матерью графини Иоланды Бургундской была Матильда де Бурбон де Дампьер. Так что, я надеюсь, родственные чувства помогут образумить графиню. И когда все будет кончено, скажите ей, что ее при дворе больше не ждут. Никогда! И что у нее останутся только Невер. Тоннер и Осер отходят к ее сестрам.

— А что делать с этим... моряком?

— И я еще хотел дать ему дворянский титул! Впрочем, давайте сделаем так: поговорите с ним, все-таки я помню,

что он спас мне жизнь, да и не д'Аниш, а именно он спас знамя королевства там, в Тунисе. И если бы мой отец был жив, он бы уже носил титул барона, как просил у короля де Кантелу. Не забывайте, я сам его произвел в рыцари и подарил свой плащ. Я думаю, он особо-то и не виноват. Он молод, красив, простолюдин, а тут графиня... Это она его околдовала. Скажите ему: либо он отказывается от любовных связей с этой шлюхой, либо его ждет смерть. Если он сделает так, как я хочу, а вы это подтвердите, то я его прощу и он получит обещанный титул шевалье. Все-таки я должен быть выше всего этого — ведь я король!

— А если он откажется?

— Как это откажется? Вы о чем говорите, граф? Это же ему говорит его король!

— А если все же не согласится?

— Тогда... тогда пусть едет в свою Ла-Рошель.

— Как, сир? Это невозможно. А если он заговорит?

— Ну что ж, тогда вы знаете, что делать.

— Прилюдно?

— Нет, но чтобы она узнала обязательно!

— Я понял, ваше величество. Что сказать виконту и этому... барону?

— Пусть возвращаются, они выполнили мой приказ и заслуживают награды. Виконту я подарю вашу нынешнюю должность кравчего королевского двора. Если, конечно, он что-нибудь понимает в еде и вине. Ну а барон... он получит землю на берегу Луары. Впрочем, подождите. Для них пока найдется дело, — король подошел к столу и быстро написал несколько слов на бумаге, свернул, хотел запечатать, но брезгливо отдернул руку от красной сургучной палочки и протянул письмо графу. — Не королевское это дело — лично ставить печати. Вот в старину хорошо было — воск перстнем прижал, и все. А сейчас капают этим вонючим сургучом. Отдайте письмо виконту, но только в случае, если Солей все же откажется. Надеюсь на вашу честность, граф, потому письмо не запечатываю. Оно не для вас, и лучше вам не знать, что в нем написано. Но на словах: если моряк все же не согласится, они должны будут исполнить

то, о чем мы с вами сейчас говорили. Впрочем, насколько я помню, барон-то с удовольствием убьет капитана и без наград. Поезжайте.

— Я уже уехал, сир.

— Не забудьте про Роберта Бетюнского. Он вам поможет... Все-таки как приятно и необычно звучит это обращение «сир».

— А Бетюнскому что-нибудь говорить?

— Зачем. Он всего лишь родственник...

XXIX

— Ты все еще хочешь уехать в Марсель? — спрашивала Иоланда.

— Да, любимая, мне надо уехать.

— Я боюсь, что ты уедешь и забудешь меня, — Иоланда еще крепче прижалась к Солею.

— Как я могу так поступить с женщиной, которую люблю? Нет, моя госпожа, это ты должна меня прогнать. Ты же знаешь, что у нас нет будущего. Ты не должна со мной встречаться. Что будет с тобой, когда узнают, что ты встречаешься с простым моряком? Ах, если бы король мне даровал титул.

— Если король узнает, что я люблю тебя, боюсь, он не только откажет тебе в дворянском титуле, но и прикажет тебя казнить.

— Почему?

— Да хотя бы потому, что я жена его брата. Как бы мне ни было тяжело, но тебе надо уезжать, пока и правда не раскрылась тайна наших отношений.

— Если только в этом твой страх, то я никуда не уеду. Что для меня жизнь без тебя? А эти титулы — они не стоят и мгновения того счастья, которое я чувствую, находясь рядом с тобой.

— Ах, Жак, как я тебя люблю!.. — Иоланда стала его целовать. Потом заплакала и тихо произнесла: — Поезжай.

Наутро Солей уехал. Один. Северин сказался больным, и служанка графини Иоланды Анет упростила Солея его

оставить, пообещав вылечить к возвращению «господина капитана».

Марсель — красивый город на берегу Средиземного моря, пахнущий цветами, рыбой, вином и теплым солнцем.

В портовом кабаке Солей увидел двух пьяных, оборванных матросов со своего корабля, и те, рыдая, рассказали, как погиб его корабль.

— Если ты помнишь, капитан, у нас оставалась целой одна фок-мачта, но и на одном парусе мы бы доплыли из Эг-Морте до Марселя. Всего-то двадцать лье. Мы заделали почти все пробоины и пустились в путь, стараясь не отходить далеко от берега. Но вода стала вновь поступать в трюм, и капитан Фабрис — прости, капитан Солей, что мы назвали его капитаном, — не стал поворачивать обратно, а приказал вычерпывать поступающую воду и плыть вперед. Мы не отходили далеко от берега, и в этом, наверное, была наша беда — все время приходилось отворачивать от выступающих подводных скал, что делать было очень тяжело. И это при одном-то парусе. Но мы плыли, и ничто не предвещало беды, когда совершенно неожиданно, при ясном небе, пронесся смерч и наш корабль бросило на острые камни. Я думаю, что если бы мы были дальше в море, то, может, и не разбились бы. Во всем виноват этот Фабрис. Если бы там был ты, капитан, то ничего бы не случилось. Ты не просто отличный капитан, но и везунчик. Тебя море любит.

— А что с Фабрисом?

— Я видел, когда корабль уже било о скалы, он побежал в каюту, вынес какой-то ящик и с ним прыгнул в море.

— И сколько человек спаслось?

— Ах, — зарыдал рассказчик, размазывая слезы по опухшему грязному лицу, — если бы нам целую мачту и парус, а так корабль развернуло к волне и сломало руль, и все мы стали обреченными. Судно разбило в щепки о камни, и спаслись только мы двое. Я и Жюль уцепились за обломок мачты, и Святой Николай смилостивился над нами — нас

пронесло в щель между выступающими из воды скалами и выбросило на берег. Все остальные погибли. Мы это знаем точно. Мы искали их два дня. А потом стало выбрасывать трупы — все они были раздувшиеся и обезображенные. Мы с трудом узнали в одном из них Фабриса. Капитан Солей, больше твоего корабля нет... Не заплатишь ли ты за какую-нибудь еду для нас, а то у нас нет ни одного су.

— Спасибо, мои товарищи. Я рад, что хотя бы вы спаслись.

Солей заказал еды и вина. Они помянули погибших, и Солей, отдав почти все имевшиеся у него деньги этим двум бедолагам, уехал из Марселя.

Он вернулся в Невер, и первое, что он услышал, был плач Анет.

— Что случилось? — спросил ее Солей.

— Ах, господин, я не знаю, как вам об этом сказать, но Северина больше нет, его убили.

— Как убили? — вскрикнул Солей.

— По-видимому, ножом. Он прогуливался вечером в саду, и его ударили в спину, а кто — мы не знаем. Мы уже его похоронили.

— Бедный Северин!

— Ах, это я виновата! Лучше бы он поехал с вами.

— Что ты себя винишь? Он был болен, потому и остался.

— Ах, он хотел жениться на мне и все говорил, что вы станете дворянином и богатым, и мы тоже станем богатыми и уедем отсюда куда-то к морю. И все было не так — он не болел, а хотел остаться со мной... вот и остался, — девушка разрыдалась.

— Мне очень жаль, что не сбылись его мечты. Он был хороший человек. А как твоя госпожа?

— Она все дни, как вы уехали, плачет, да еще это убийство.

— Может, ты видела каких-нибудь незнакомых людей?

— Нет, только приехавшие с нами барон д'Аниш и солдаты. Правда, я видела, как барон тайком разговаривал с каким-то человеком. Тот приезжал на красивом коне и был

хорошо одет и что-то, не слезая с лошади, говорил барону, а тот униженно кивал ему головой. О чем они говорили, я не слышала, но Северин все время говорил, что не доверяет барону, и ждал вас, чтобы что-то рассказать. Он даже всем говорил, что вы уехали насовсем к морю и он сам, как выздоровеет, тоже уедет за вами. Он явно чего-то боялся.

— А где сейчас барон д'Аниш и солдаты?

— Они вчера все уехали. Ах да, я вспомнила: приезжали еще граф д'Арк и граф Бетюнский, те что сопровождали нас в Париж. Но они поговорили о чем-то с моей госпожой и быстро уехали. Мне даже показалось, что они о чем-то спорили. Пойдемте, я провожу вас к моей госпоже. Она так ждет вас, что вся высохла, бедняжка.

В день, когда Солей уехал в Марсель, в Невер приехали граф д'Арк с графом Робертом Бетюнским. Они не спешили, по дороге из Парижа останавливались в придорожных тавернах и гостиницах, и граф д'Арк показывал настоящее искусство поглощения еды и особо вина, в котором он определенно знал толк. Д'Арк пьянел и много рассказывал о французском дворе, о короле Людовике, о нравах и отношениях между дворянами.

— А зачем мы все-таки опять едем в Невер? — сделал глупое лицо, спросил пьяного графа д'Арка граф Роберт Бетюнский.

— А-а, мой юный друг, там разгорелись такие страсти. У-у-у... Любовные страсти...

— Что? Любовные страсти? Между кем и кем?

— Неужели не догадываешься, граф? Между графиней Иоландой и... этим... моряком.

— Каким моряком?

— Ну этим капитаном корабля, который нас привез во Францию.

— Солей?! — воскликнул Роберт Бетюнский.

— Да... Солей. Вот такие дела, граф.

— И что мы там будем делать?

— Мы? — д'Арк выпил вина. — Знаю, что буду делать я, а вы, граф... не знаю, зачем вы едете. Но король сказал,

что надеется, что вы повлияете на графиню как родственник.

— Как кто?

— Странно, но ведь вы же, граф, по отцу де Дампьер?

— Да, мой отец Ги де Дампьер, граф Фландрии.

— А мать Иоланды Бургундской Матильда де Бурбон, тоже де Дампьер. Вам везет, что у вас такая родословная. А у меня что — граф Жан д'Арк? Я умру, и никто никогда не вспомнит, что была такая фамилия.

— Кто знает, может быть, вы или ваши потомки ее еще так прославят! Вы же сейчас мэтр двора короля.

— Почти мэтр. Давайте выпьем, мой друг.

— Так что же нам делать в Невере?

— А я не сказал? Хорошо. Король попросил объяснить графине, что ее поведение недостойно ее титула и бросает тень на всю королевскую семью. Все-таки она пусть и вдова, но была женой брата короля.

— Неужели это правда, что графиня имеет любовную связь с каким-то матросом? — сказал брезгливо Бетюнский.

— Вот король и попросил, чтобы эти отношения прекратились.

— Приказал.

— Нет, попросил. Он же король! И мы должны уговорить графиню и... капитана...

— И капитана? Да его надо казнить.

— Король хочет, чтобы он расстался с графиней и приехал в Париж. Король помнит, чем он ему обязан. Как, впрочем, и мы с вами, граф.

— Я ничего ему не должен.

— Жизнью обязаны, граф. Жизнью!

— А если он не согласится?

— Тогда... Это уже не к вам, — д'Арк одним махом допил кувшин вина и крикнул: — Эй, хозяин, неси еще кувшин.

— Так что делать, если не согласиться? — спросил Роберт Бетюнский.

— Тогда... — д'Арк постучал по камзолу, — здесь письмо виконту д'Эрбе и барону д'Анишу, они всё должны сделать.

— Значит, если моряк не согласится, то его... того...

— Того... — проговорил д'Арк и уронил голову на стол.

Утром граф д'Арк спросил у Роберта Бетюнского:

— Я что-то очень плохо помню вчерашний разговор. Я не наговорил ничего лишнего, мой друг?

— Что вы, граф, все было пристойно. Вы даже мне рассказали о моем родстве с графиней Иоландой.

— Правда? — искренне удивился д'Арк. — Прошу, мой друг, не принимайте близко к сердцу и не верьте, если я что-нибудь лишнее наболтал.

— Все прекрасно, граф. Но, наверное, пора ехать.

— Да, вы правы, пора... Только один кувшинчик вина. Поверьте, граф Роберт, здесь очень даже неплохое вино. Всего один кувшин — и поедем...

Когда всадники прибыли в Невер, то были неприятно удивлены: вокруг дома стояли солдаты, а на дворе горели костры и готовилась еда.

— Где барон д'Аниш? — закричал д'Арк. Он был пьян и, когда кашляющий барон, прихрамывая, подошел к нему, заорал: — Ты, д'Аниш, что здесь устроил? Тюрьму?

— Но, граф, таков был приказ.

— Чей?

— Виконта д'Эрбе.

— И где этот... любитель?

— Я здесь, граф!

Д'Арк оглянулся — к нему подходил виконт.

— Ты, сукин сын, любитель мальчиков и шлюх, что ты здесь устроил? Кто тебе позволил так обращаться с графиней Бургундской, женой брата короля?

— Не орите, граф! На это у меня был приказ короля! А за оскорбления, которые вы мне нанесли, я могу вас вызвать на дуэль.

— Ты, сопляк, вызываешь меня на дуэль? Да я буду только рад проткнуть тебя своим мечом. Но прежде я исполню приказ короля. Барон д'Аниш, ты убираешься отсюда вместе с солдатами. Твоя служба здесь закончилась. Король ждет тебя, чтобы наградить, хотя я бы наказал. Виконт, это

и тебя касается. Но ты далеко не уезжай — я сейчас поговорю с графиней, и мы с тобой встретимся.

— Может, не стоит, граф? Какой поединок? Я слышал, что виконт не проиграл ни одного поединка, — сказал Роберт Бетюнский.

— Никогда! Это оскорбление не для меня, это оскорбление для графини Иоланды, — закричал граф д'Арк.

«Ах, вот оно что, — подумал Роберт Бетюнский. — Еще один влюбленный. Ну и ведьма!»

Графиня была в простом платье и без головного убора. Лицо было печально, но это была не печаль по умершему мужу. И так красавица, она необыкновенно похорошела за те недели, что граф д'Арк ее не видел. Глаза ее светились счастьем и от этого были похожи на блестящие светло-зеленые камни. И д'Арк, и граф Роберт Бетюнский удивленно покраснели, увидев эту необыкновенно красивую женщину.

— Я рада вновь видеть вас, граф д'Арк, и вас, граф Роберт. Как я в прошлый раз поняла, мы с вами родственники, пусть и очень дальние.

— Да, графиня, — пролепетал граф Бетюнский. В его сердце в это мгновение вспыхнуло чувство любви к этой женщине... Любви и... ревности! «Она будет моей, и ничьей более! — подумал граф Роберт и улыбнулся от мысли, которая только что пришла ему в голову: — И, кажется, на одного соперника будет скоро меньше. А король, как сказал вчера этот пьяница, от графини отвернулся. Тем лучше».

— Я бы хотел поговорить с вами, графиня, по просьбе короля, — начал д'Арк и многозначительно посмотрел на Роберта Бетюнского. Граф Роберт покраснел, его лицо перекосила маска гнева, но он быстро овладел собой и, поклонившись Иоланде, пошел к двери. Уже взявшись за ручку, повернулся и произнес:

— Граф, не забывайте, вас там ждут, — и в этом голосе было столько злобы, что графиня Иоланда удивленно посмотрела на Бетюнского. Но граф д'Арк даже не обратил внимания на сказанные им слова. Он думал, как бы по-добре по отношению к этой женщине, в которую он был

искренне влюблен, передать слова короля. Когда они остались одни, граф д'Арк сказал:

— Графиня, вы знаете, что я ваш друг. Но то, что я должен вам сказать, мне говорить неприятно.

— Я слушаю вас, граф, — лицо Иоланды напряглось.

— Король узнал о... вашей связи с моряком Солеем, — граф опустил глаза, лицо покраснело.

— Он не моряк, а капитан корабля. Собственного корабля. И по воле нашего короля — рыцарь и дворянин, — ответила спокойным голосом Иоланда.

— Вы ошибаетесь, графиня Иоланда, он еще не дворянин и уже не капитан.

— Как? — удивилась Иоланда.

— Когда я ехал к вам, то случайно узнал, что его корабль затонул недалеко от Марсея. А дворянином он может стать, лишь получив грамоту о титуле, подписанную королем... И вам, графиня, запрещено появляться при дворе.

— Слава богу! — воскликнула Иоланда.

— У вас, графиня Иоланда, остается один Невер. Тоннер и Осер передаются вашим сестрам, — продолжил д'Арк.

— Ну это-то как раз совпадает с моим желанием. Я давно предлагала это сделать. Граф, если я свободна, то я свободна и в любви. Так?

— Нет, графиня, не так. Если бы вашим любовником стал равный вам...

— Скажем, вы, — засмеялась Иоланда.

— Скажем, я, — повторил за ней граф, — или кто-то другой, равный мне, то, я думаю, король, возможно, и согласился бы, но моряк?..

— Это буду решать я... и он.

— Нет, графиня. Скажу вам честно: у меня есть письмо... которое... смертный приговор Жаку Солею. Я правильно его назвал?

Лицо Иоланды стало смертельно бледным.

— Не может быть... — прошептала она.

— Почему, графиня Иоланда? Вы же не равная ему девушка, а богатейшая из женщин королевства. Да, вдова, и чья? Брата короля!

— Как бы я хотела стать этой девкой и быть свободной в своих чувствах.

— Этого вам не дано, графиня.

— Что же делать?

— Вы должны прекратить всяческие отношения с ним.

— И ему ничего не будет грозить?

— Ничего. Более того, король помнит о его заслугах перед Францией и перед ним лично...

— Я слышала — он спас вас всех, будучи капитаном корабля.

— Это он вам сказал?

— Нет, другие люди.

— Тогда я вам скажу, что там, в Тунисе, он совершил подвиг — спас знамя королевства.

— О! — воскликнула Иоланда. — Это о нем? Это правда?

— Да, графиня. И король хочет даровать ему обещанное дворянство. Если он прекратит связь с вами... Так что, сами понимаете, выбор у него между жизнью и смертью.

— Я сделаю все, что от меня зависит, — сказала Иоланда.

— И правильно, графиня. Ну, раз вы меня отринули...

— Граф, вы для меня друг.

— Ну что ж, как друг я могу сказать от себя: если он станет дворянином, то я не уверен, что ему кто-то сможет запретить встречаться с вами. Даже король. И вы, возможно, сможете пожениться. Я даже думаю, что, может быть, это и имел в виду король Филипп. Не держите на короля зла. Ему сейчас нелегко, но он сильный и не по годам мудрый.

— Передайте королю, что я всегда буду помнить его доброту.

— Я пойду, графиня. Кстати, забыл: я приказал убрать солдат.

— Слава богу, тюрьма закончилась!

— Вот и живите счастливо, графиня Иоланда. Меня ждут... Впрочем, если бы вы угостили меня вашим прекрасным вином, то я был бы счастлив.

— Так оставайтесь, я сейчас же прикажу накрыть для нас стол.

— К сожалению, графиня, у меня нет времени. Граф Бетюнский был прав — меня ждут.

— Тогда подождите чуть-чуть, и я сама принесу вам вина.

— Ах, графиня Иоланда, из ваших рук — хоть яд! — воскликнул граф д'Арк. От вина он никогда не отказывался.

В то время как граф д'Арк разговаривал с Иоландой Бургундской, граф Роберт Бетюнский, выйдя из дома, позвал к себе виконта д'Эрбе.

— Что же вы наделали, виконт? Вызвать графа д'Арка на поединок! Понятно же, что вы его убьете, но король вас за это казнит.

— Пусть! Я защищаю свою честь. Граф, вы же можете подтвердить, что он меня смертельно оскорбил?

— Возможно. Но я хочу поговорить с вами о другом. Виконт, его величество помнит вас и считает, что вы отлично справились с возложенным на вас делом. Король ждет вас в Париже.

— Господи, наконец-то все закончилось и я опять вернусь в Париж. Если бы вы, граф, только знали, как мне надоела эта глухомань, эти речки и леса с поющими птичками. Подрасться — и то не с кем. Местные дворяне такие медлительные, ленивые и ээ... добрые. К нему с ножом к горлу, оскорбляешь его, а он трусливо улыбается. Черт! Когда можно уехать в Париж?

— У вас же, виконт, поединок, после которого вы вряд ли поедете в Париж. Кстати, а где этот моряк... как его?

— Вы, граф, имеете в виду капитана Солея?

— Да. Где этот... Солей?

— А он уехал.

— Куда?

— Говорят в Марсель. Там ремонтируется его корабль.

— Надолго он уехал?

— Д'Аниш мне говорил, что он уехал насовсем. Об этом он узнал от слуги капитана.

— Странно, а слуга почему здесь?

— Он заболел, но сказал, что как выздоровеет, тоже уедет в Марсель.

— Вы, виконт, в это верите?

— А мне-то что? Чем быстрее я смогу уехать в Париж, тем лучше для меня. А уж после того что вы мне сообщили, я готов сейчас же сесть на коня и уехать.

— Вы, д'Эрбе, опять забыли о поединке. И вот что я вам скажу: никакого корабля у этого Солея больше нет. Он простой, нищий моряк. Но не это главное. Главное, что этот моряк спит с графиней.

— Вы, граф, и это знаете?

— А думаете, для чего я здесь?

— И... что же делать?

— Послужите королю, виконт, — граф достал свернутый лист бумаги. — Вот письмо короля для вас и... барона д'Аниша. Читайте.

— Я не умею читать, — смутился виконт.

— Не беда, я его прочту, — граф развернул листок и тихо прочел: «Виконт д'Эрбе, вы все исполнили, как я и просил. Вас ждет Париж и заслуженная награда, которую я вам обещал. Окажите мне еще одну услугу. Раз граф передал письмо, то, к сожалению, согласия он не получил. Граф скажет, что необходимо сделать. Филипп».

— Что я должен сделать для короля?

— Король приказал убить человека, опозорившего его семью, — тихо произнес Роберт Бетюнский.

— Капитана Солея? — воскликнул виконт.

— Тише вы, — граф оглянулся. — Да, убить. И возьмите себе в помощники барона д'Аниша. Он будет этому только рад. А я со своей стороны обещаю, что подтвержу перед королем, что вам ничего не оставалось, кроме как принять вызов от оскорбившего вас графа д'Арка. Да-да, что именно граф вызвал вас на дуэль, и вы отказывались, а он прилюдно оскорблял вас как дворянина.

— Я понял. Но поединок?

— Виконт, ну кто сомневается, что вы через мгновение не проткнете своим мечом эту, наполненную вином, тушу.

— Что делать со слугой Солея?

— Ну, этому-то не мне вас учить... Только, виконт, дерись с графом подальше от дома, иначе вам может помешать графиня.

— Вы не будете присутствовать, граф?

— Да в своем ли вы уме, д'Эрбе? Что я скажу королю? Что я допустил дуэль?

— А куда потом... деть графа?

— Ну не повезем же мы его в Париж, а оттуда домой, в Шампань. Он же не король, а безвестный граф Жан д'Арк. Сделайте так — разденьте догола и сбросьте в реку. Думаю, даже если он всплывет, то никто не узнает, кто это. А одежду сожгите. Обязательно сожгите. И проследите за всем сами. Концы в воду! А гибель графа на дуэли я подтверждаю королю.

Когда граф д'Арк вышел — он был пьян, — его уже ждал виконт д'Эрбе.

— Граф д'Арк, я жду вас! Или вы отказываетесь драться? — виконт засмеялся.

— Я? Да за кого ты меня принимаешь? Чтобы я, граф д'Арк, и испугался какого-то подлеца, — граф начал вытаскивать свой меч. — Ну что, начнем?

— Ну что вы, граф! Зачем же в присутствии слуг и солдат? Или вы хотите умереть на глазах прекрасной графини? Зачем рвать ее слабое сердце?

— Надо же, ты вспомнил о графине. Тюремщик!.. Пойдем.

Граф и виконт ушли в сад. Вскоре оттуда донеслись несколько ударов металла о металл, вскрик, и все стихло. Из сада вышел виконт д'Эрбе. Он обтирал лезвие меча травой, и лицо его было спокойным, только на губах играла злобная улыбка. Виконт махнул, подзывая, рукой, и к нему подбежали два солдата. Он что-то им сказал, показывая рукой в сад, а потом бросил одному из них кошелек. Солдаты поклонились и скрылись за деревьями. Виконт же прошел к навесу, где, свернувшись и накрывшись плащом, спал на сене барон д'Аниш.

— Хватит спать, барон. Нас ждут в Париже. Нас ждет король.

Барон подскочил, как будто и не спал.

— Господи, ты услышал мои молитвы! — воскликнул он.

— Услышал, услышал, барон. Только сообщил мне об этом не какой-нибудь ангел, а человек из плоти и крови.

— Кто?

— А вот это тебе знать не обязательно. Тебе, д'Аниш, достаточно того, что об этом сказал я. Главное, король считает, что мы прекрасно справились с его приказом, и готов наградить нас.

— А-а, я, кажется, понял: это сказал граф д'Арк. Я видел, как он приехал с этим... графом Бетюнским.

— Этот, как ты его назвал, Бетюнский — граф Фландрии!

— Ого! А где они? У графини?

— Уже уехали. Меньше надо спать, барон. Но письмо короля для нас, д'Аниш, я видел.

— Как понять — видел? Вы же сказали, что оно для нас. Почему же оно не у вас?

— Черт, забыл. Может, ты и прав. Но в нем написано, что король ждет нас в Париже и мы получим обещанные нам награды, но прежде мы должны... убить Солея.

— Солея! — вскрикнул д'Аниш. — Наконец-то!

— Да, Солея. И не кричите барон? — виконт оглянулся. — Да, мы должны его убить, за то что он оскорбил короля.

— Я понял! Я готов!

— А я в тебе и не сомневался.

— Но он же уехал, и говорят, уже не вернется. Вот и его слуга собирается.

— Никуда его слуга не должен уехать! Понятно, барон?

— Да... Понятно. С ним-то понятно, но как с Солеем?

— Солей вернется. Кораблик-то его тю-тю, утонул.

— Как?

— А как тонут? Сказали, что наскочил на скалы и затонул.

— Господь видит все!

— Опять Господь. Впрочем, верь, если тебе так удобнее, только чтобы эта вера делу не мешала. А раз он сейчас

капитан без корабля, то куда он прибежит? Правильно — сюда! К графине.

— А может, он сразу поедет в Париж, к королю?

— Ты совсем из ума выжил от безделья? Я о чем битый час тебе толкую: король нам приказал его убрать, а ты — он прибежит к королю!

— Да-а, я это сказал, не подумав.

— Солдат сейчас же отправишь обратно в Париж под командой сержанта Дивьона. Пусть графиня увидит и считает, что она свободна. Кто знает, может, у нее с Солеем есть какие-нибудь тайные знаки.

— Вот это я сделаю с удовольствием. Я на солдат за тридцать лет насмотрелся предостаточно. Давно уже тошнит от них. Неужели всё, конец службе?

— Ну а как появится Солей, что делать — знаешь...

— Я?

— А кто — я?

— Но мне с ним не справиться. Может, парочку надежных солдат оставить для подмоги... денег пообещать, и пусть сделают.

— А потом их куда — в речку головой? Так что ты, барон, больше некому. Я же не предлагаю тебе биться с ним на мечях — он тебя поперек разрубит. Даже я бы побаивался, это же не граф... — виконт замолчал.

— Какой граф? — удивленно спросил д'Аниш.

— Так, вспомнил один поединок в Париже.

— А-а, — недоверчиво произнес барон.

— Да ты не бойся, ты его ножом, барон, ножом. Неужели не умеешь пользоваться? Ты же сам этого хочешь.

— Я этого хочу, это правда. И я это сделаю. Я отомщу за все свои раны, все унижения, которые я испытал от их подлой семейки. Пусть только появится. Я все сделаю, виконт. Мне даже награды за это не надо. Жаль, конечно, что нет письма короля — я бы его хранил до конца своих дней.

— Хорошо, я его заберу. Приедем в Париж — и заберу... А сейчас, барон, разыщи сержанта Дивьона, и пусть он у всех на виду уводит солдат. А дальше за тобой слуга и будем ждать Солея...

— Ах, любимый, я так ждала тебя. Я думала, ты не вернешься. Да еще это ужасное убийство твоего слуги. Мне стало страшно. Расскажи, что с твоим кораблем?

— То, что он разбился и затонул, оказалось правдой. Я нашел в Марселе двух матросов с моего корабля — они единственные, кто спасся, и все мне рассказали. Я больше не капитан корабля.

— Что ты хочешь делать дальше?

— Небольшой у меня выбор: либо уехать в Ла-Рошель, либо поехать в Париж к королю.

— Ах, если бы король сделал тебя дворянином...

— То что бы изменилось?

— Мы бы могли встречаться, не скрываясь.

— Тогда я поеду к королю.

— А хочешь, я дам тебе денег и ты купишь себе корабль?

— Ни за что! Такие подарки не делаются. Я не хочу быть твоим любовником, я хочу быть твоим любимым.

— Боже, а как я сама этого хочу. Хорошо, ты съездишь к королю, получишь дворянство, и если захочешь плавать по морю, то плавай.

— Как это?

— Я куплю корабль, а ты на нем будешь капитаном.

— Почему ты это делаешь?

— Потому что я тебя люблю. Я никого и никогда не любила, пока не встретила тебя, и это всего лишь небольшой подарок тебе, моя любовь.

— Может быть, это и хорошо, но меня не покидает чувство, что ты меня покупаешь.

— Почему ты хочешь меня оскорбить? Ты не веришь, что я тебя люблю? Ты думаешь, графиня Бургундская не может полюбить?

— Иоланда, ты знаешь, я тебя люблю, я готов ради тебя на все. Давай сделаем так: я поеду в Париж к королю, и как он там решит, так и будет. А буду я дворянином или нет, не повлияет на мою любовь к тебе. Я же пошел в крестовый поход, чтобы стать дворянином — так мне обещал барон де

Кантелу. Он погиб, но мне повезло, и сам король Филипп пообещал дать мне титул дворянина. Почему же мне не появиться перед королем? Я ничего не буду просить, просто надеюсь, что он вспомнит свое обещание. А если нет, ну что же, значит, не судьба, и тогда я вернусь в Ла-Рошель либо приму твое предложение и стану капитаном твоего корабля.

— Я так счастлива. Ах, Жак, как я счастлива, что ты согласился. Обними меня... унеси... туда, в нашу постель... Боже, какая я счастливая!..

Они прощались, когда Солей вдруг очень грустно произнес:

— У меня ничего нет, и я хочу оставить тебе на память плащ крестоносца, который мне подарил сам король.

— Почему, почему ты так говоришь, как будто прощаешься со мной навсегда?

— Просто мне вдруг что-то почудилось. Я увидел своего деда Харальда, и он призывно махал мне рукой.

Солей обнял Иоланду, крепко поцеловал и посмотрел на нее синими глазами — в них стояли слезы. И вышел. А Иоланда стояла и не могла двинуться, а потом разрыдалась и так, рыдая, подошла к окну, чтобы еще раз увидеть своего единственного любимого мужчину.

Солей сел на лошадь, повернулся и, увидев ее в окне, помахал прощально рукой, а потом поехал через сад в сторону моста через реку. Еще раз мелькнула его белая голова, и он скрылся между деревьями.

А женщина у окна вдруг охнула и зашаталась, а потом крикнула:

— Не уезжай! Зачем? Не уезжай! — и бросилась к двери.

Он проехал несколько десятков метров, когда на дорожку вышел человек. Солей удивился — это был барон д'Аниш.

— Что случилось, господин барон? Мне сказали, что все уже уехали.

— Слезай, Солей, мне надо с тобой поговорить.

Ничего не подозревающий юноша слез с лошади. Он был выше барона на голову и немного склонил ее, когда

длинный тонкий нож уперся в его шею и из раны потекла струйка крови.

— Ну вот и смерть твоя пришла, Солей. Ты так и не узнал, кто я. А я тот, кто в Нормандии убил брата твоего отца. Я тот, которого за это хотел убить твой отец и, по видимому, считал, что убил стрелой там, в Шербуре, но я выжил. И в Ла-Рошели я его видел, но ему все время везло, он был не один, а потом куда-то уехал, а так бы он сейчас был мертв! Это я убил Якоба! Он узнал меня, и я зарезал его вот этим ножом, которым я сейчас с радостью убью тебя. Я бы и тебя еще раньше убил, да все не удавалось, все мешали. Я хотел убить тебя в Тунисе, но мне мешал барон де Кантелу, будь он проклят! Это я принес королю орифламму и сказал, что я ее спас во время штурма и спрятал, когда попал в плен. Я был уверен, что тебе отрубили голову, но ты оказался жив. Тебе помог этот мамлюк, который был похож на тебя, как две капли воды? Его казнили — я видел его отрубленную голову. И я вместо тебя стал бароном. Де Кантелу хотел рассказать о тебе королю, но господь всегда на моей стороне: старик плохо кончил — я вонзил в его спину копьё. Я хотел убить тебя на корабле, когда мы плыли из Туниса, но боялся за свою жизнь и мешал король. Ты хороший моряк, вот бы и плавал. Я бы тебя убил в любой день, когда мы ехали в Париж, но тебе все время везло. Это я убил твоего слугу Северина — он не сделал ничего плохого мне, но он был твоим слугой и должен был умереть. Да и не только я желаю твоей смерти. Ты умрешь за то, что оскорбил короля! Ты со своей шлюхой оскорбили моего короля! Ты умрешь! Слава богу, этот момент наступил.

Д'Аниш задохнулся от длинной речи и закашлялся, и этого хватило, чтобы ловкий Солей перехватил его руку и сжал ее с такой силой, что затрещали ломающиеся кости. Барон дико заорал, но этот крик был его последним криком: юноша нанес ему удар кулаком в грудь, ребра сломались и воткнулись в единственное легкое, изо рта барона хлынула кровь, глаза выкатились, а потом потускнели. Барон упал мертвый.

— Как же я не догадался о тебе раньше? Как поздно я тебя убил. Мразь, скотина, — Солей плюнул на лежащий у его ног труп и, повернувшись, подошел к лошади. По его шее текла кровь. Он взялся за повод, когда сзади мелькнула тень и длинный трехгранный кинжал вошел в его спину. Солей зашатался, но повернулся и увидел виконта д'Эрбе — тот держал окровавленный нож, и в глазах его был страх.

— За что? — прохрипел Солей и упал на колени.

— За короля! — крикнул виконт и, обхватив рукоять ножа двумя руками, что есть силы вновь ударил Солея. Сталь клинка вошла по рукоятку в грудь выше ключицы и пронзила сердце.

А от дома уже бежали люди, и все ближе и ближе были слышны их крики. Виконт вырвал из тела нож и побежал, а Солей упал на спину и захрипел.

Подбежали люди и, увидев окровавленное тело, в ужасе отшатнулись. По дорожке, путаясь в платье, бежала графиня Иоланда. Она подбежала, дико вскрикнула и, упав на колени, обхватила руками голову умирающего Солея. Прижавшись к его лицу, она зашептала:

— Не умирай. Не умирай, моя любовь. Прошу тебя, не умирай...

Солей открыл глаза. Они были такими, какими она их знала и любила. Он улыбнулся и прохрипел:

— Прости меня... Прощай... любим... — голова его запрокинулась, и синие, но уже мертвые глаза не мигая смотрели в небо.

Иоланда зарыдала на его груди, и ее с трудом оторвали от убитого. Она поднялась и ясным голосом сказала:

— Принесите лопаты. А ты, Анет, принеси ножницы.

Солея похоронили здесь же, в саду, под яблонями.

Через день в Невер приехал граф Роберт Бетюнский.

— Ах, графиня, я был недалеко, в Бурже, и услышал об ужасных событиях, происшедших у вас. Я сразу же приехал к вам. Правда, что у вас убили барона д'Аниша и этого... капитана Солея, что сопровождали вас вместе со мной в Париж?

— Да, правда, граф. Они оба убиты. Говорят, что произошла какая-то ссора и они убили друг друга. Жалко.

— Говорят, этому юноше король даровал титул дворянина за то, что он спас ему жизнь. Ах, как жаль, такой интересный, — граф внимательно посмотрел на Иоланду. — Викинг, настоящий викинг. Скажите, графиня, мне что-нибудь об этом говорить королю?

— А что вы хотите ему рассказать, граф? То, что двое мужчин убили друг друга? Если это интересно королю, то расскажите, но я думаю, у короля полно других забот.

— Да, вы правы, графиня. Я хочу вам сказать, графиня, что я всегда ваш... я, наверное, единственный ваш... друг.

— Единственный? У меня уже есть хороший друг — граф д'Арк. Граф Роберт, прошу вас, покиньте меня, у меня так болит голова.

— Да-да, конечно, графиня Иоланда, я понимаю, я не вовремя, но все-таки позвольте вас навещать здесь и при дворе.

— Здесь — да, а в Париж я больше не поеду никогда.

— Почему, графиня?

— Для этого есть причины. До свидания, граф Роберт.

— До свидания, графиня... Иоланда.

Граф Бетюнский шел к своей лошади и радостно думал: «Ах, как же удачно все сложилось, что я вовремя забрал письмо у д'Арка. И как это прекрасно, что все считают, что они убили друг друга. А виконт будет молчать. Понимает же, что если я расскажу королю, что это он убил графа д'Арка, то король прикажет отрубить ему голову! Черт, а почему его не должны казнить? Письмо-то у меня. Графа он убил, и я это подтверждаю, и почему я должен его защищать? Да-да, это он подло убил графа! Вот оно! А для Иоланды я теперь стану другом... единственным... и не только. Ничего, немного осталось, и ты будешь моей. Можно попросить об этом короля. Все-таки я граф Фландрии».

Узнав о странных и ужасных событиях, происшедших в Невере, король Филипп вновь послал графа Бетюнского в Невер со словами сожаления и предложением графине Иоланде приехать в Париж, но графиня наотрез отказалась

исполнять волю короля и не поехала. Разозленный король приказал графства Тоннер и Осер отдать сестрам Иоланды, оставив ей только Невер, заявив, что она, возможно, лишится и Невера. Ответа от графини не последовало. Виконту д'Эрбе за убийство графа д'Арка отрубили на Гревской площади голову. С показаниями против него выступил граф Роберт Бетюнский, слова которого подтвердили два солдата, сказавшие, что д'Эрбэ подло убил графа и приказал им выбросить мертвое тело в Луару.

* * *

Через год Иоланда Бургундская вышла замуж за Роберта Бетюнского, сына Ги де Дампьера, графа Фландрии, принеся мужу в приданое графство Невер. Когда граф-отец обратился к королю с просьбой о женитьбе сына на вдове принца Жана-Тристана, Филипп, хотел отказать, но графы Фландрии были настолько сильны и самостоятельны, что с ними приходилось считаться. Да и Ги де Дампьер участвовал в седьмом и восьмом крестовых походах и его уважал отец Филиппа король Людовик IX. Филипп, скрепя сердце, согласился, и пригрозил графине Иоланде Бургундской, если она не пойдет за графа Роберта, он сделает все, чтобы лишить ее Невера.

Вскоре Иоланда родила сына, которого нарекли Людовиком и которому по наследству перешел Невер. У мальчика были синие, как море, глаза.

Иоланда еще долго одна тайком ходила в только ей известное место в саду, стояла, плакала и беззвучно молилась.

Через восемь лет Иоланда Бургундская в возрасте всего лишь тридцати лет умерла, и в ее медальоне, что она, не снимая, носила до самой смерти, нашли прядь необычного цвета волос: белых с рыжими кончиками. Удивились и, не зная, кому они принадлежат и что с ними делать, выбросили. А еще на дне одного из сундуков нашли плащ с вышитыми на спине и груди крестами — плащ крестоносца...

Книга вторая

Часть первая

Гвардеец кардинала

Прошло слишком много лет, чтобы вспоминать о какой-то клятве, данной предками, и никто давно уже не требовал, чтобы первые сыновья из семьи Солей, живущей в Ла-Рошели — городе на берегу Атлантического океана, — покидали родной дом и уходили служить в далекую Нормандию. Иногда кто-то из сыновей вдруг решался пойти на военную службу к герцогам Нормандии, но это было их личное решение, и совсем не для исполнения какой-то клятвы, а чтобы добиться в жизни славы и денег. Солеи не были тихими людьми, в их жилах текла бурная кровь, которая таким образом иногда выплескивалась в каком-нибудь из сыновей, и тот, попрощавшись с родителями, разбитыми дорогами добирался до Нормандии, где представлял перед очередным герцогом. Тот, вспоминая о достойных предках стоявшего перед ним молодого человека, славно защищавших красное с двумя золотыми львами знамя герцогов Нормандских, принимал его на службу, где его учили воевать, и очередной Солей с честью защищал семью и земли герцогов, проявляя чудеса храбрости и смелости, отличаясь от большинства солдат умом, честью, невероятной силой и удивительной мужской красотой — все Солеи всегда были рослые, синеглазые и с необычными, белыми с медными кончиками волосами. Но за столетия ни один из них не стал дворянином, хотя все необычайно храбро сражались, но все... гибли в сражениях. Правда, были и десятилетия, когда и служить-то не надо было, — времена, когда Нормандия была английской. Участвовали ли в это время Солеи в войне на стороне французов, неизвестно. Может быть, даже бросались на стены крепости Орлеан вместе с войском, возглавляемом великой Жанной д'Арк.

К сожалению, в семье Солей, что жила в Ла-Рошели таких сведений не сохранилось.

I

Март 1628 года в Париже выдался необычайно теплый. Яркое весеннее солнце растопило остатки снега, а дождь смыл с узких, кривых улиц грязь и конский навоз, и горожане перестали падать, ломая руки и ноги. На пустырях вылезла яркая зеленая трава, и звон колоколов многочисленных церквей и соборов — Париж был самым христианским городом Европы, — казалось, еще мелодичнее разносился далеко в голубом весеннем воздухе. Парижане с радостью и облегчением сняли тяжелую зимнюю одежду и с удовольствием подставляли побелевшие за зиму лица ласковым лучам небесного светила.

И лишь один человек в большом городе не чувствовал этого весеннего тепла. В его огромном кабинете беспрестанно горел камин, а окна были закрыты наглухо. У входящих в этот кабинет от жаркого воздуха выступала испарина на лбу, а худоба лица с черными немигающими глазами и тщедушность тела хозяина кабинета вызывали дрожь и дурноту. Посетителей неоднократно выносили в обморочном состоянии на свежий воздух, где они приходили в себя. Потом, шатаясь от страха, они шли домой и, закрыв все двери и окна, напивались и рассказывали шепотом, что побывали в преисподней у черта в человеческом облике, и даже описывали, какие рога торчали из-под красной шапочки у этого человека, забыв, что именно он был не кем иным, как представителем Господа, а не Дьявола на земле. И уже кругами разносилась по городу и стране молва, приписывающая этому необычному человеку необыкновенные способности, сравнимые с колдовством.

Этим человеком был всемогущий Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, кардинал, а последние три года еще и первый министр двора французского короля Людовика XIII.

— Де Мезьер, есть ли среди моих гвардейцев человек, знающий море и способный провести лодку из Бордо в Ла-

Рошель? — кардинал внимательно и пронзительно посмотрел своими необыкновенно умными глазами на капитана своих гвардейцев, графа де Мезьера. — Конечно, я мог бы поступить просто: взять опытного рыбака, но то, что предлагается этому человеку сделать, обычному рыбаку не доверишь... Ну, что скажете, де Мезьер?

— Пошлите меня, ваше преосвященство. Правда, я не умею плавать и слабо представляю, где находятся Бордо и Ла-Рошель, но зато я умею хранить тайны.

— Где находится Ла-Рошель, вы, де Мезьер, узнаете намного раньше, чем думаете, потому что там идет война и вы туда, как и я, вскоре поедете, но вы меня не поняли. Мне нужен человек, служащий мне, но неизвестный, знающий, как попасть по морю из Бордо в Ла-Рошель, и появление которого в этом осажденном нами городе не вызвало бы лишних разговоров. Пусть это будет даже гугенот, но это должен быть мой гугенот.

— Ваше преосвященство, кажется, есть у меня такой гвардеец. Его зовут Поль Солей. Он очень хороший солдат — исполнительный, смелый и необычайно сильный — подкову с легкостью может сломать. А посмотришь на него и не скажешь: ну выше ростом, шире в плечах, чем остальные гвардейцы, но не гигант — обычный красивый юноша. Правда, есть отличие: необычного цвета волосы — белые. У него очень хорошие отношения со своими товарищами и почему-то отвратительные с сержантом Моро. Даже не знаю, за что его недолюбливает Моро. Может, за то, что тот не дворянин? Так у нас тридцать гвардейцев не дворяне. А может, боится, что тот займет его место? Солей участвовал в нескольких стычках, и даже с мушкетерами короля, и каждый раз выходил победителем. С ним драться побаиваются все — слишком силен и при этом очень ловок и необычайно спокоен. Этот Солей из Ла-Рошели, а там, как известно, все рыбаки.

— К сожалению, де Мезьер, там далеко не все рыбаки. Он протестант?

— Не знаю, не замечал, чтобы он когда-нибудь говорил, что он гугенот. Знаю одно: он хороший солдат.

— Хороший солдат — это и слишком много, и слишком мало. А драться с мушкетерами короля непозволительно. Это личная охрана его величества, и их всего-то сто пятьдесят человек, да еще мои гвардейцы будут их убивать и ранить на дуэлях! Прекратите, де Мезьер. Я вам приказываю! И так при дворе все время сравнивают — кто кого? И мушкетеры, и гвардейцы существуют только для одного — охранять его величество и меня. Сто пятьдесят мушкетеров и сто тридцать гвардейцев ссорятся друг с другом? И из-за чего? Кто лучше? Не забывайте, что сотня моих гвардейцев — это те же мушкетеры, подаренные мне королем для охраны. Граф, вы, наверное, забыли, что не так давно сами были лейтенантом мушкетеров? Все это глупость. Не дай-то Бог, чтобы когда-нибудь появился писатель, который насочиняет разных небылиц о нашем времени и о том, как постоянно дрались и убивали друг друга мушкетеры короля и мои гвардейцы, и в эти сказки все поверят, потому что это будет написано необыкновенно талантливым человеком. Неужели вы хотите, де Мезьер, чтобы про вас сказали, что вы были злобным и страшным капитаном гвардейцев и всячески притесняли безвинных, как овечки, мушкетеров короля? Я надеюсь, нет... Этот Солей, как я понимаю, не дворянин. Как он стал моим гвардейцем?

— Он из тех тридцати солдат, которых отобрали по всей стране и подарили вам герцоги французских земель. Его вам подарил герцог Нормандский. Да, Солей не дворянин, а так бы я давно рекомендовал присвоить ему звание сержанта, настолько он хорош для военной службы.

— Хорошо, сделаем так: приведите его ко мне в полночь, в угловой кабинет, но чтобы об этом знали только я и вы. Я хочу с ним поговорить, а там решим, подходит ли он для выполнения моего очень ответственного поручения.

Когда граф де Мезьер вышел, кардинал задумчиво склонил свою тонкую голову и стал ходить по кабинету, время от времени бросая взгляд на стол, заваленный чертежами каких-то мостов и картами Ла-Рошели. Уже который месяц кардинал вел осаду этого мятежного города, этого оплота протестантов, поддерживаемых Англией, приславшей к

Ла-Рошели почти весь свой флот — 80 кораблей — и высадившей десант из 6 тысяч солдат на остров Ре, помогая осажденным горожанам продовольствием, вооружением и не давая войскам французского короля взять город приступом. Кардинал Ришелье понимал, что только уход англичан заставит сдаться защитников Ла-Рошели, а этот уход зависел лишь от одного человека — Джорджа Виллерса, герцога Бекингемского, первого после короля человека в Англии, не знающего ни в чем отказов властолюбца и любителя женщин. В него, говорили, была влюблена французская королева Анна Австрийская, отвергнутая из-за двух своих фаворитов мужем Людовиком XIII и не замечавшая призывов к приятным отношениям со стороны самых богатых и знаменитых дворян Европы. Правда, говорить-то говорили, но никто никогда не видел и не слышал, чтобы красавица королева хоть словом, хоть каким-нибудь действием или намеком подтвердила, что она имеет какие-то отношения с известным англичанином, а тем более вздыхает по нему. Все близкие к ней люди, наоборот, утверждали, что королева любит лишь одного человека на земле — своего мужа, короля Франции Людовика XIII, по прозвищу Справедливый. И они были правы! У королевы была судьба любой красивой женщины — все неудачники, желавшие обладать ею, шептали, что она их любовница либо любовница другого человека. Хорошо бы, чтобы тот был врагом Франции, а еще лучше — англичанином. Звучало имя герцога Бекингема, а он и не возражал. Как же, такая слава!

Ришелье ненавидел Бекингема, и это была страшная ненависть, которая ослепляет разум и дает волю чувствам. Умный министр за маской безразличия старательно скрывал свою страсть к этой женщине, но делал все, чтобы Бекингом проиграл в борьбе за обладание самой известной во всей Европе красавицей.

Удивительно, но как глава католической церкви Франции он спокойно относился к вере жителей Ла-Рошели. Он был противником религиозных войн и не считал, как считали при королевском дворе, их вероотступниками — они были для него такими же французами, как все. Но он пони-

мал, что ни одна из земель Франции не может иметь таких привилегий, как не платить налоги в государственную казну, иметь армию, считать свою территорию свободной от общих законов, которые он, Ришелье — первый министр, проводил в стране. Он, может быть, и договорился бы с горожанами, но заступничество англичан, этого ненавистного Бекингема, требовало не мирного решения, а военного, чтобы показать всем, и особенно королеве Анне, кто истинный властитель во Франции. Ришелье знал, что Бекингема, презиравшего всех, готового ради своей прихоти на любую войну, заставить отступить невозможно — можно только уничтожить. Голову великого человека занимал один вопрос — как?

Кардинал тонким пальцем водил невидимые линии на карте по проливу Антиош, поглядывая на листок, где были выписаны расстояния между материком и островами Ре и Олерон, и шептал:

— Так-так, все ждут, когда я начну приступ Ла-Рашели и французы начнут убивать друг друга? И этот дурак герцог Орлеанский больше всех этого хочет. А мы поступим, как никто не ждет. Вот здесь я построю дамбу, как когда-то Александр Македонский построил для взятия Тира, — Ришелье провел тонким пальцем линию на карте между материком и островом Ре, — выкину англичан с острова и закрою для них вход в пролив. И Ла-Рошель сама, без боя, когда наступит голод, сдастся. Мне! Не горожане и не герцог де Роген, а Бекингом и его флот — вот кто виноват в этой войне! Бекингема не должно быть! Или Бекингом, или я!..

Ришелье держал в голове весь задуманный план взятия Ла-Рошели; ни одна бумажка, ни одно лишнее слово, произнесенное в присутствии кого бы то ни было, не должны были выдать этот план, в который он старался никого не посвящать. «Всякий, кто узнает мои мысли, должен умереть», — говорил он, и окружающие знали, что это не простая угроза. Он искал для исполнения каждой части своего плана нужных, но неизвестных людей. Он знал, что даже в его дворце нельзя сохранить тайну —

всюду подслушивали и друзья, и враги, и если бы он доверил свой план человеку хоть сколько-нибудь известному, то об этом плане сразу узнали бы многие, а значит, и его враги в Англии. А врагов у этого достойнейшего сына Франции было очень много: его недолюбливал король Людовик XIII и особенно брат короля Гастон Орлеанский; не переносила мать короля Мария Медичи, которая сама же когда-то выдвинула молодого священника Армана дю Плесси в свои помощники и потом отдала ему церковную, а затем и государственную власть в стране, сделав его кардиналом, а следом и первым министром двора; его не любила французская знать, ненавидели протестанты, прозванные гугенотами, из-за его желания лишить их привилегий, обложить налогами и объединить под началом единой страны; его ненавидели и боялись за пределами Франции, особенно в Англии и в остатках Священной Римской империи, за растущее при его правлении могущество и величие Франции. Но этот человек был умен, хитер и бесстрашен. Под его тщедушным, болезненным телом скрывалась неудержимая жажда власти и такая же неудержимая любовь к своей стране.

Ровно в двенадцать ночи, с боем часов, тихо открылась дверь в кабинет кардинала, вошел капитан гвардейцев де Мезьер и доложил:

— Ваше преосвященство, он здесь.

— Хорошо, де Мезьер. Пусть он войдет, а вы подождите в приемной.

Капитан вышел, и почти сразу же в кабинет вошел молодой человек в красном плаще гвардейца.

Кардинал посмотрел на вошедшего юношу. Первое впечатление обманчиво, и умный Ришелье никогда не доверял этому впечатлению — у него был слишком большой опыт личного обмана, но увидев гвардейца, он усмехнулся и подумал: «Викинг. А как фамилия подходит. И этот красный плащ к этим волосам...»

Перед ним стоял высокий, стройный молодой человек с необычными для француза белыми с красноваты-

ми кончиками, длинными, ниспадавшими на плечи, чуть волнистыми волосами. Огонь камина играл на кончиках этих волос. На Ришелье смотрели синие глаза, в которых было любопытство и не было страха. Лицо юноши было гладким, каким бывает у совсем юных молодых людей, а на щеках играл здоровый румянец. И это лицо не было ни угловатым, ни скуластым, ни круглым — оно было ровным, с ямочками на щеках и подбородке. Красивое мужское лицо.

— Как тебя зовут? — начал издали кардинал.

— Поль Солей, ваше преосвященство, — в голосе молодого человека не было подобострастия, и это очень понравилось Ришелье. И понравился акцент — не крикливый, какой бывает у гасконцев, а протяжный, неторопливый и мягкий, в котором Ришелье почему-то почудился шелест набегающей на берег волны. Кардинал знал этот акцент — у него у самого в детстве и ранней юности был такой. И от этого воспоминания что-то приятное шевельнулось в душе Ришелье.

— Откуда ты родом?

— Из Ла-Рошели.

— Знаю твой город, я же в молодости был епископом Люсонским. А это всего-то десять лье от Ла-Рошели. Прекрасные места, а воздух... Мне сказали, что раньше ты был рыбаком?

— Да, ваше преосвященство.

— Расскажи мне немного о себе и твоих родителях. Почему ты в моей гвардии? Почему ты военный, а не рыбак? Ты же не нормандец, почему же ты служил у герцога Нормандского?

— В нашей семье из поколения в поколение пересказывается легенда, как наш далекий предок, викинг Харальд по прозвищу Солнечный, совсем мальчишкой вместе со своей любимой девушкой переплыл на простой парусной лодке из Швеции в Нормандию, а потом еще из Нормандии доплыл до Ла-Рошели.

— Такое невозможно. И когда же это было?

— Если верить — четыреста лет назад.

— И твоя семья все эти столетия ловит рыбу в Ла-Роше-ли? А откуда тогда военная служба?

— Рыбу ловят все сыновья с рождения. Служит только старший. Так заведено еще с Харальда, который пообещал герцогу Нормандскому, за то что тот его спас, что старшие сыновья в нашей семье будут служить у герцогов. Говорят, мои предки участвовали в крестовых походах и в нападениях на Англию и даже воевали вместе с Орлеанской девой. А младший сын всегда остается при родителях, и ему передается семейная реликвия — золотой медальон. Он хранится в семье еще с Харальда Солнечного... Все остальные сыновья свободны в выборе своей жизни. Есть и стряпчие, и священники, и чиновники, но большинство остаются рыбаками в Ла-Рошели. Море — оно один раз заволаживает человека, и уже на всю жизнь. А уж наш океан... Простите, ваше преосвященство. Вспомнилось...

— Нет, ничего. А про море сказано хорошо. В тебе, юноша, бесспорно, есть искорка литературного таланта. Это я тебе говорю, Ришелье — человек, понимающий кое-что в литературе. Но почему же, служа столетия, вы все еще простые солдаты?

— Никто не успевал получить военных званий, а тем более дворянство. Погибали в боях. Какой-то рок... Меня предложил в вашу гвардию лично герцог Нормандский.

— Я знаю. Но все-таки почему же вы служите, если считаете, что над вашей семьей висит страшный рок?

— Так завещано нашими предками, и не нам это изменять.

— Bravo! Похвальное уважение к семейным традициям. Этого-то нам, французам, не хватает, особенно в нынешние времена. А о каком медальоне ты говоришь?

— Ваше преосвященство, я уже сказал, что в нашей семье со времен Харальда Солнечного хранится золотой медальон и передается как семейная реликвия младшему или единственному сыну.

— А если не будет сыновей?

— Тогда наш род прервется. У нас, конечно, рождаются девочки, но всегда есть хоть один мальчик.

— И что, если это не секрет, изображено на том медальоне? Интересно же узнать, что изображали на медальонах четыреста лет назад.

— Там в центре выпуклый круг, а вокруг него семь маленьких, разного размера кружков.

Ришелье удивленно посмотрел на молодого человека, прошел к шкафам, открыл один из них, достал свернутый плотный лист бумаги и развернул на столе.

— Подойди, — сказал кардинал. — Такой рисунок на вашем медальоне?

Юноша подошел, посмотрел и ответил:

— Да, ваше преосвященство. Только вот здесь еще один кружок, но побольше.

— Ты хочешь сказать, — засмеялся Ришелье, — что на медальоне, которому не менее четырехсот лет, изображена Солнечная система? Еще и семь планет? Да увидев твой медальон, знаменитый еретик Галилей умер бы от счастья. Он шестую-то планету, Сатурн, открыл всего десять лет назад! Я уж не говорю о Николе Копернике. Сама теория Солнечной системы создана меньше ста лет назад. Того, что ты говоришь, не может быть!

— Ваше преосвященство, но я же не говорил о какой-то системе. Я даже ничего не понял, хотя солнце, луну и звезды я знаю — я же рыбак, — в голосе юноши не было страха — одно любопытство.

— Да, правда, ты этого не говорил. Это я сказал. У меня есть телескоп Галилея, и я обязательно ночью посмотрю в него на небо, нет ли и правда там, за Сатурном, еще одной планеты. Когда я буду в Ла-Рошели, а я там буду в этом году обязательно, ты мне покажешь этот медальон?

— Конечно, ваше преосвященство. Вся наша семья будет этому только рада.

— Я не уверен, что жители Ла-Рошели будут рады моему появлению, — вновь засмеялся Ришелье. — Но к делу. Ты хорошо знаешь Ла-Рошель, я имею в виду воды омывающего его Бискайского залива, ну и город, конечно?

— Я проплыву мимо всех островов, подводных камней и отмелей, которые не видны во время прилива, даже если

мне завяжут глаза. А в городе я знаю каждый дом, каждую улочку.

— А крепость?

— Хуже. Я же рыбак. Но в город я проникну, даже если на побережье поставят солдат через каждые десять шагов.

— Неплохо, хотя и хвастливо. Но спишем это на твою молодость. Впрочем, я думаю, что такие знания города нам не понадобятся. А в Бордо ты бывал? Ты сможешь провести лодку из Бордо до Ла-Рошели так, чтобы об этом никто не знал?

— Ваше преосвященство, скажите только, когда и как быстро...

— Хотелось бы сказать — вчера, но... — кардинал очень внимательно посмотрел в глаза юноше. Многие не выдерживали этого взгляда, но молодой человек свой взгляд не отвел, чем опять приятно удивил Ришелье. — Скажи, твои родители гугеноты, а ты сам гугенот?

— Мои родители прежде всего рыбаки. Хороший рыбак верит в Бога, но больше он верит в себя, в свою лодку и в удачу. И для рыбаков главный святой — Святой Николай. Да, мои родители гугеноты, и я не скрываю этого, но и про них, и про себя я могу сказать, что мы просто христиане, любящие свою страну.

Ришелье с еще большим любопытством посмотрел на юношу и подумал: «Опять хорошо сказано. Для такого возраста и простого рыбака даже слишком хорошо».

— А чего ты хочешь добиться в жизни?

— Стать сержантом, после чего жениться и завести трех сыновей.

— Почему трех?

— Тогда я первым нарушил бы клятву Харальда Солнечного и отправил в армию сразу двух сыновей, чтобы хоть один из них стал лейтенантом.

— Отлично! — сорвалось у Ришелье. — Значит, твоя мечта — стать сержантом? Ну что ж, она не такая уж и несбыточная. Я лично назначу тебя сержантом моей гвардии, если ты сделаешь то, о чем я тебя сейчас попрошу. Именно попрошу, а не прикажу.

Гвардеец вытянулся перед кардиналом. Ришелье подошел к столу и свернул расстеленные карты — он знал каждый дюйм начерченных на них берегов.

— Ты доедешь до Бордо и купишь там лодку, — юноша кивнул головой. — Ты знаешь, где в Бордо находятся развалины Колизея?

— Да.

— Там ты встретишься с человеком, который назовет пароль: «Король», и доплывешь с ним до Монтандра... Знаешь, где это?

— По правому берегу Гаронны, не доплывая до эстуарии Жиронда.

— Знаешь ли тамошний монастырь?

— Знаю. Рыбаки иногда, прежде чем выйти в море, там останавливаются, чтобы поставить свечку Святому Николаю.

— А железный крест рядом с монастырем?

— Это тот, что на высоком камне, справа от входа?

— Ты и правда неплохо знаешь те места. Там к тебе подойдет другой человек. Он... — кардинал запнулся, — назовет тот же пароль «Король», и уже с обоими ты поплывешь в Ла-Рошель. Ты должен сделать все, чтобы никто тебе не помешал. Если заметишь какую-нибудь слежку или, не дай бог, погоню, умри, но чтобы твои спутники остались живы. Ты сможешь доплыть из Бордо до Ла-Рошели?

— Конечно. Я проплыву Гаронну, Жиронду, и морем до острова Олерон и между ним и материком проплыву в пролив Антиош, а там мимо острова д'Экс до Ла-Рошели рукой подать.

— Если бы это было так просто, то ты мне не был бы нужен. Там, в проливе Антиош у Ла-Рошели, стоит почти весь английский флот, и в между островом Олерон и материком ты вряд ли проплывешь.

— Ну что же, тогда я обогну Олерон и попробую войти в пролив Антиош с моря.

— Боюсь, что и это невозможно. На острове Ре шесть тысяч английских солдат и орудия, а в проливе, как я уже сказал, английский флот.

— Тогда, — упорствовал юноша, — я обогну остров Ре и по проливу Бретон между островом и материком проплыву к Ла-Рошели.

— Но там тоже англичане.

— Ваше преосвященство, вряд ли там есть английские корабли. Там ширина пролива меньше половины лье и слишком много мелей и подводных камней, да еще сильное течение. Любого, не знающего тех вод, выбросит на камни или на мель. А я знаю там всё и проплыву даже ночью.

— Ты же не гасконец, чтобы быть таким хвастливым! Но думаю, ты тот, кто мне нужен. Есть ли у тебя вопросы ко мне?

— Мне будет нужна хорошая лодка с парусом, а для этого нужны деньги. И как обращаться к моим спутникам?

— Никак. Они сами, если пожелают, назовут себя. Ты должен исполнять их приказы. Деньги у тебя будут.

— Они умеют управлять лодкой в море?

— Думаю, что нет, — на лице Ришелье появилась тонкая улыбка. — Что они умеют, тебе знать не обязательно. Я ведь понял, что ты хотел сказать: на море один капитан.

— Да.

— В этом они тебе мешать не будут.

— У меня будет оружие?

— Ты же будешь рыбаком. А какое может быть оружие у рыбака?

— Нож. И в моей семье в лодке всегда был лук.

— Лук? Хорошо стреляешь?

— За сто шагов попаду в яблоко.

— Врешь, конечно, но ничего не остается, как поверить. Впрочем, ты же из викингов. Почему все-таки лук?

— Бесшумен, и не нужен порох, который может отсыреть. Можно привязать горящую тряпку и, стреляя, подавать сигнал. Это иногда необходимо ночью или когда очень низкие облака или туман.

— Правда? Век живи — век учись! Еще одно: надо что-то сделать с твоей шевелюрой — больно уж она приметная... Постричь тебя наголо? Рыбаки бреют голову?

— Нет.

— Тогда мы покрасим твои волосы. Я пришлю тебе краску. И последнее: никто не должен знать об этом поручении, кроме меня, капитана де Мезьера и тех людей, с которыми ты поплывешь в Ла-Рошель. Никто! И все надо сделать очень быстро.

— Я буду стараться ваше преосвященство... Но могу ли я вас спросить?

— Я тебя слушаю.

— Ваше преосвященство, вы говорите, чтобы я доставил этих людей, не вызывая подозрений, но если я буду перекрашен и меня узнают, то это-то и вызовет подозрение и в Бордо, и в Ла-Рошели. Подумают: а зачем это Солей покрасил свои волосы? Чтобы не узнали? Все же знают нас по этому цвету волос.

— Да? А что, такие волосы не только у тебя?

— Всегда у всех мальчиков в нашем роду.

— А у девочек?

— Никогда.

— Удивительно. Но тогда тебя могут узнать как солдата моей гвардии.

— Вряд ли. Я в гвардии всего полгода. Меня быстрее вспомнят как сына рыбака Жана Солея. Да и я буду в привычной для всех рыбацкой одежде и шляпе.

— Хорошо, пусть будет так. Запомни: твое звание сержанта моей гвардии зависит сейчас только от тебя, а я свое слово держать умею. Иди, скажи капитану де Мезьеру, чтобы вошел, а сам подожди за дверью. Желаю тебе удачи, и пусть все-таки Христос тебе помогает... или кто у вас, рыбаков — Святой Николай.

Когда капитан де Мезьер ушел к кардиналу, юноша остался один в приемной и если бы кто-нибудь в этот момент стоял рядом с ним, то увидел бы, каким бледным от волнения было лицо молодого человека.

II

Уже неисчислимое количество воды утекло в Атлантический океан по прекраснейшей реке Франции Луаре,

уже давно забылись предания, и никто не собирался через столетия исполнять клятву викинга Харальда по прозвищу Солнечный, которую он, а потом и его сын давали герцогам Нормандским о службе старших сыновей их рода в войске герцога. И почти столетие шла война с Англией и Нормандия не была французской, а служить у англичан никто из Солеев не хотел. Но войны прошли, и Нормандия вновь стала принадлежать французским королям. Никто не требовал выполнять какое-то обещание, и только иногда кто-нибудь из рода Солей, кому почему-то не желанна была жизнь рыбака, пусть и в таком прекрасном месте, как Ла-Рошель, вдруг вспоминал, что есть и другой путь в этой жизни, который может привести к богатству. И тогда он отправлялся в Нормандию служить у герцога, и почти никогда не возвращался, а если и возвращался, то израненным калекой и совсем не богатым; женился и зарекался отныне посылать своих сыновей служить нормандским герцогам.

Но проходили годы, и появлялись мальчики, которые вырастали и, наплевав на все запреты, вдруг вспоминали своих славных предков и уходили служить в далекую Нормандию. И так из века в век!

Прошло уже два года с тех пор, как восемнадцатилетний Поль Солей по своей воле ушел из родного дома и стал служить простым солдатом у герцога Нормандского, старательно выполняя все приказы своего начальства, получая небольшое жалование и не раз кляня своего предка Харальда, придумавшего такое страшное наказание старшим сыновьям в их роду. Конечно, к нему относились лучше, чем ко всем остальным солдатам — все-таки столетия служения герцогам Нормандским заслуживало такого обращения, но все равно это была нищая служба с перспективой стать капралом или сержантом лишь в случае войны, и то если останешься на ней живым. И не раз юноша думал, что он сглупил, что лучше бы он, как отец, ловил рыбу, женился, нарожал детей и... ни за что не отправил бы ни одного из них служить. Но Поль, как все Солеи, был упрям в достижении цели. Конечно, если бы стать сержантом, то

тогда, казалось, прощай бедность, можно снять комнатку, а не ютиться в казарме, и уже спокойно служить до пенсии. И юноше несказанно повезло — его, не дворянина, как и тридцать таких же солдат отобрали по всей стране в гвардейцы самого кардинала Ришелье. Солея предложил сам герцог Нормандский, сказав:

— Это тебе, Солей, награда за многолетнее служение твоего рода нам, герцогам Нормандии. Служба у кардинала почетна и выгодна для любого французского дворянина, а уж простому смертному попасть в гвардейцы, и не лакеем или слугой, а равным с ними — это невозможно даже представить! Служи и постарайся стать сержантом, а там и дворянство можно получить. Тебе предстоит охранять самого кардинала Ришелье!

Выгоду от службы гвардейцем Солей почувствовал сразу: кардинал Ришелье платил жалование солдатам своей охраны из своего кошелька и в карманах гвардейцев, в отличие от мушкетеров короля, которые должны были содержать себя сами, всегда звенели серебряные монеты, а иногда и золотые экю. Поль Солей не был скрягой, но и не разбрасывался полученными деньгами. Он, к удивлению многих, почти не пил вина, что было редкостью среди гвардейцев и мушкетеров, и когда товарищи по службе обращались к нему с просьбой ссудить немного денег, он не отказывал — давал и не тряс кулаками, когда подходил срок расплаты, требуя вернуть долг, чем вызывал еще большее к себе уважение. Но Солей не был дворянином, и надеяться на получение доходов со своих земель, как большинству гвардейцев, ему не приходилось. Его заветной мечтой было звание сержанта гвардии — это уже привилегии и деньги и возможность, если проявить себя, получить дворянский титул шевалье. «А чем черт не шутит?! — думал юноша. — Убьют сержанта, вот и место освободилось». Тем более началась война с англичанами, и где — в его родной Ла-Рошели. Юноша с рождения был протестантом, но равнодушно относился ко всяким церковным условностям, так как знал, что у него как у старшего сына в семье есть и другой путь в жизни — военная служба, где принадлежность

к церкви была условна — все были христианами. И теперь он говорил сам себе: «Чего надо этим гугенотам? Все равно же город будет за Францией». Даже он, простой гвардеец, понимал, что ни король, ни кардинал не позволят Ла-Рошели отделиться от остальной страны и уж тем более быть под властью Англии.

Солей стоял перед дверью в кабинет кардинала и невольно прислушивался, стараясь услышать, о чем там идет разговор. Он даже хотел приложить ухо к замочной скважине, но постеснялся — а вдруг кто-нибудь увидит? Отбросив все эти, как ему казалось, глупые мысли о церкви, он мысленно представил кардинала и капитана де Мезьера там, за дверью, и у него от волнения мурашки пробежали по спине. «Нет, это просто счастье, что кардинал выбрал именно меня, — думал он. — И всего дел-то — купить хорошую лодку и перевезти двух людей из Бордо в Ла-Рошель. Плевое дело. Тайно? Ну и что? Ерунда. Если бы до Сен-Назера тогда да — было бы трудней, да и то только потому, что надо одному управлять лодкой... Почему же выбрали меня? Потому что я сын рыбака, сам рыбак и знаю тамошнее море, как свои пять пальцев? Боже, услышь меня! Мне так нужна твоя помощь! Я в лепешку расшибусь, лишь бы его преосвященство приказал это сделать мне». И молодой человек, сам не замечая того, краснел от этих мыслей, от возбуждения, от радости, что вот он, простой гвардеец, рыбак Поль Солей разговаривал с самым всеильным кардиналом Ришелье, и не просто разговаривал, а был в его кабинете, и кардинал был к нему необычайно добр и задавал такие простые и хорошие вопросы о его семье, о его мечтах и желаниях! «Скажи об этом кому-нибудь — не поверят, — опять думал молодой человек. — Черт, молчи, молчи! Спугнешь удачу! Кардинал же сказал: никому. А почему он хотел меня переукрасить? Все-таки что-то необычное во всем этом есть... Да не наше это дело. Это дворяне пусть между собой дерутся и плетут интриги, а мы — солдаты, и наше дело исполнять, что прикажут, и ждать, когда убьют сержанта, чтобы, если повет, занять его место. Вот мне представился такой слу-

чай — то-то вытянется рожа у сержанта Моро. На дуэль он меня не вызовет — знает, что я его могу шпагой, как мечом, разрубить пополам. Спасибо предкам! А если он меня продырявит насквозь? Он же лучший дуэлянт среди гвардейцев. Нет, с ним драться не стоит. Пусть его убьет кто-нибудь другой. Мне нужна война. Там можно отличиться, и тебя заметит кардинал, и станешь не только сержантом, но и... лейтенантом? — юноша даже испугался и посмотрел вокруг — не слышит ли кто-нибудь его мыслей? Никого не было, и он продолжал мечтать. — Боже, как же все, оказывается, в жизни бывает просто: понадобился кардиналу такой человек, как я, и всё — колесо фортуны повернулось в мою сторону. Ах, ваше преосвященство, господин кардинал, выберите меня, не приглашайте больше никого! Я лучший рыбак, и я ваш солдат, гвардеец. Я готов за вас отдать жизнь. Может быть, так и надо было сказать кардиналу, а я... Эх, упустил единственный шанс. Если не выберет — брошу всю эту чертову службу и уеду домой. Если отец не примет — все-таки убежал из дома, то куплю лодку и сам буду ловить рыбу. На лодку у меня деньги есть. А держать меня здесь никто не будет — я свободный человек, не крестьянин... да и такая служба. Черт, о чем я думаю? Какая лодка, куда уйду? Зачем? Нет, нет и нет! Сейчас все решится! Выйдет капитан де Мезьер и все скажет, — и опять в голове сомнения: — А вдруг я не подойду? Не понравился же его преосвященству цвет моих волос. Ох уж эти волосы — всем нравятся, все восхищаются, а вот кардиналу не понравились. Черт, черт, черт — неужели выберут не меня? И всё — буду продолжать тянуть лямку солдата, пусть даже и гвардейца? Ну где же капитан? Уж поскорее бы все кончилось. А может, все-таки кардинал выберет меня? Вот и капитан вышел. Почему он такой суровый? Все так плохо?»

— Солей, пойдем со мной. Тебе предстоят суровые испытания, — сказал де Мезьер.

«Значит, все-таки меня! Есть Бог на свете! А католический или протестантский — мне все равно!» — обрадовался юноша.

У графа де Мезьера, капитана гвардейцев кардинала, был свой кабинет во дворце Ришелье, куда он и пошел, а молодой человек проследовал за ним. Когда они вошли, капитан проверил, плотно ли закрылась дверь и нет ли щели в раме окна.

— Солей, — начал строгим голосом капитан и перешел на шепот, — кардинал выбрал тебя для исполнения его поручения. Это высокая честь, и я за тебя поручился перед его преосвященством. Не подведи меня, — де Мезьер положил на стол, глухо звякнувший, мешочек. — Здесь двести экю. Кардинал считает, что ты не должен скупиться — этого хватит и на дорогу, и на хорошую лодку. А что серебром, так какие золотые экю у рыбаков?

«Еще какие золотые бывают! И не только экю!» — хвастливо подумал Солей.

— Сейчас ты переоденешься в одежду торговца, во дворе тебя ждет лошадь, и поезжай. С этого момента ты не гвардеец, а простой, очень скромный буржуа. И веди себя, как буржуа: не хами, не ругайся, не дерись, не сори деньгами, не пей много, не заигрывай с женщинами. Твой путь в Бордо.

— Тогда, наверное, господин капитан, я не должен скакать на лошади?

— Правильно. Где это видано, чтобы буржуа скакал на лошади? Пусть даже и молодой буржуа... Чему ты радуешься? Я господину кардиналу сказал, что ты не умеешь быстро ездить на лошади, а я умею. Но он все-таки выбрал тебя. Лучше бы он выбрал меня. Я умею и ездить, и драться.

— Зато, господин капитан, вы не умеете управлять лодкой.

— От радости ты решил хамить своему капитану?

— Что вы, господин капитан! Я и в мыслях не могу позволить себе такое. Я просто счастлив.

— А вот сейчас льстишь. Ах, Солей, оказывается, я тебя плохо знаю. Далеко пойдешь. А если уж честно, то я бы с удовольствием поехал вместо тебя. Чует мое сердце: это

будет не увеселительная прогулка с милыми дамочками, а хорошее приключение. Но запомни — в драки не вступать. Знаю я твои кулаки. Ты должен ехать тихо, как мышь! Понятно?

— Понятно.

— В Бордо ты должен купить лодку и взять попутчика у развалин какого-то Колизея. Я знаю, что Бордо где-то у моря, очень далеко. Ты отобьешь всю свою задницу, пока доедешь, но тебе, парень, несказанно повезло. Господи, до чего же ты счастливый, Солей! Ну почему не меня? Вот бы я свои косточки размял и наделал во врагах кардинала дырок своей шпагой.

— Так вы же сказали, чтобы я в драки не ввязывался.

— То ты, а то я! Ты и шпагу-то держишь, как палку. Твое оружие — булыжник. И не дай бог получить этим булыжником в лоб — сразу на небеса и отпавишься!

— А как же моя служба, господин капитан? Сержант Моро же не знает, что я уехал по приказу его преосвященства.

— А он и не должен знать. И ты попридержи язык! Моро я скажу, что ты у меня отпросился и срочно уехал к своей больной матери.

— Но он же знает, что я из Ла-Рошели, а Ла-Рошель в осаде.

— А я скажу, что ты уехал в Бордо, где сейчас живут твои родители. И вообще не его это дело... Вот одежда, переодевайся... да не стесняйся, как девица, и пойдем, я тебя провожу...

— Господин капитан, а как мне лучше себя называть по дороге?

— Не возомни себя большим чиновником или знатным дворянином. Ты — Поль Солей, торговец или хозяин небольшой гостиницы. Сам выберешь. Время не ждет, надо ехать!

— Слушаюсь, господин капитан. Будьте уверены, я вас не подведу.

— Надеюсь. Иначе не попадаться мне на глаза!

В королевском ли Тюильри, во дворце ли кардинала сохранить тайну невозможно. Когда днем Ришелье находился в своем дворце, десятки глаз врагов и друзей внимательно следили, кто и когда к нему пришел. И если к королю приходили люди, желавшие что-нибудь получить от его величества — денег, земель, должностей или титулов, а по ночам — фавориты и фаворитки, то у кардинала Ришелье не было времени на чужие любовные интрижки, а сам он дамским угодником никогда не был и любил лишь одну женщину — королеву. Его умная голова каждую секунду думала о проблемах государства. В его дворец, похожий на большой дом приходили сотни людей и когда ночью в кабинет прошел капитан де Мезьер с одним из гвардейцев никто на них не обратил внимания. Ну пришли и пришли, такая служба у гвардии — быть всегда рядом с кардиналом. Когда же де Мезьер с этим гвардейцем, но одетым в одежду буржуа, вышел из дворца во внутренний двор, там никого не было. Из стоящего напротив королевского Тюильри доносились взрывы хохота и веселья, а в черное ночное небо взлетали ракеты — король Людовик XIII праздновал очередной день своего царствования. Молодой человек сел на лошадь, и капитан де Мезьер, пожав ему руку, тихо сказал:

— Солей, прошу тебя, умри, но исполни поручение кардинала.

— Не беспокойтесь, господин капитан, я сделаю все и с огромной радостью.

— Как все-таки жаль, что не я исполняю это поручение.

— Господин капитан, я постараюсь все сделать не хуже вас.

— Смотри, если что, моя шпага достанет тебя везде.

— Только бы ваша шпага не мешала мне исполнить поручение его преосвященства. Прощайте, капитан де Мезьер, — и лошадь зацокала подковами по булыжникам.

— Ах, черт, почему все-таки не я? — глядя вслед удаляющемуся всаднику, грустно сказал де Мезьер. Он еще раз, глубоко вздохнув, огляделся вокруг — не слышал ли кто их разговор — и ушел во дворец.

III

Эти несколько слов, сказанные капитаном и гвардейцем, слышал дежуривший в эту ночь во дворце гвардеец Жак Смело. Ему не хотелось идти по нужде в общую уборную и он зашел в темноту, за выступ дома — все так делали. А когда услышал разговор, осторожно выглянул и увидел де Мезьера и гвардейца Солея в одежде мелкого буржуа. Смело испугался и прижался к стене, а когда все стихло, отошел от стены и стал ругаться — штаны были сырými.

Смело, как и сержант Моро, был из сотни мушкетеров короля, подаренных год назад кардиналу для его охраны. Оба были нищими мушкетерами, и к ним редко обращались с подобающим их дворянскому происхождению титулом «шевалье». Просто говорили: Моро и Смело. Но передача мушкетеров кардиналу показалась обоим оскорбительным жестом со стороны короля, хотя все знали, что король передал кардиналу самых бедных из своих мушкетеров, которые не могли себя содержать, а уж иметь слуг и хороший стол и подавно. Моро, правда, из простого мушкетера стал сержантом гвардейцев, и Смело ему страшно завидовал, потому что к Моро стали обращаться с уважением, подобающим шевалье. Но больше всего возмущало бывших мушкетеров то, что наравне с ними стали служить тридцать гвардейцев, которые не были дворянами. «Скот!» — назвал их Моро, с первого дня возненавидевший всех этих безродных солдат, подаренных кардиналу, только уже не королем, а герцогами различных земель Франции. Уравнивание с какими-то простолюдинами жгло душу сержанта Моро, и даже хороший доход от новой службы и другое отношение к нему со стороны подчиненных гвардейцев не могли заглушить это оскорбление. А постоянные насмешки от бывших товарищей-мушкетеров еще больше выводили сержанта из себя. Мушкетеров он теперь тоже ненавидел, но сам мечтал вернуться в их ряды, правда, в звании сержанта.

Утром сержант Моро произвел перекличку гвардейцев и оказалось, что отсутствует Поль Солей, самый ненавис-

тний для него гвардеец. Солея сержант ненавидел за все: за плебейское происхождение, за мужскую красоту, за необычный цвет волос, за необыкновенную физическую силу, за простоту в отношениях с товарищами и даже за исполнительность. Моро всячески старался унижить гвардейца, но все его придирки и ругательства, как волны, разбивались о спокойствие этого юноши, что еще больше выводило Моро из себя. Свою ненависть к Солею он неоднократно высказывал капитану де Мазьеру, но все было напрасно — капитан отмахивался от него, как от назойливой мухи, и наконец пригрозил, что если Моро продолжит придираться к гвардейцам, он может его и заменить. Моро понял это по-своему — вместо него хотят поставить Солея — и стал ждать чтобы гвардеец в чем-нибудь провинился: тогда он напишет рапорт и того с треском выкинут со службы. Узнав, что Солей отсутствует и никто не знает, где он, обрадованный сержант побежал к де Мезьеру докладывать о проступке ненавистного гвардейца. Каково же было его изумление, когда капитан, выслушав его, зевнул и сказал:

— Солей отсутствует с моего разрешения. У него тяжело заболела мать, и он уехал домой.

— Но, господин капитан, он обязан был отпроситься прежде всего у меня, своего командира, а уже я доложил бы вам.

— Таковы, по-видимому, были обстоятельства, что он обратился непосредственно ко мне. Тебя же, Моро, нет ночью в казарме. Так что считай, что это мой приказ.

— Надолго ли он уехал, господин капитан?

— Я разрешил на две недели. Пока он доберется домой.

— Как домой? Он же из Ла-Рошели!

— Похвально, сержант Моро, что ты так хорошо знаешь своих подчиненных, но он отпросился у меня в Бордо, где, как он сказал, в настоящее время живет его семья. Всё, сержант. Какие еще у тебя ко мне вопросы? Нет? Тогда пошли дополнительно во дворец десять гвардейцев. Они слишком долго и много спят.

Моро открыл было рот и уже хотел высказать капитану все, что он думает, но вовремя остановился: скажешь — и

можешь попрощаться с гвардией. И куда пойдешь? К себе, в маленький городок Рубе, что недалеко от Лилля?

Жак Смело, придя с ночного дежурства во дворце кардинала, пошел к своему дружку по бедному мушкетерскому прошлому сержанту Моро — предложить пройтись в знакомый ресторанчик и выпить кувшин доброго вина, благо теперь они могли это себе позволить. Иногда в этот ресторанчик заглядывали и мушкетеры короля, и гвардейцы, на зависть им, могли позволить себе и хорошее вино, и хорошую закуску. У Моро после разговора с капитаном де Мезьером настроение было отвратительным, и он охотно согласился пойти в кабачок.

В полуподвальном помещении было прохладно — весна грела камень улиц, и в городе становилось жарко. Гвардейцы заняли столик в углу, заказали вино и мясо кролика, что считалось роскошеством. Смело что-то беспрестанно болтал, но Моро его не слушал — у него из головы не выходил странный отъезд Солея. Иногда в ресторан забегали мушкетеры короля и, увидев знакомых гвардейцев, язвительно кричали приветствия, но, заметив горячую закуску и вино, замолкали, сглатывали голодную слюну и, выпив дешевого кислого перебродившего вина, которое никак нельзя было назвать вином, быстро уходили.

— Посмотри как нам завидуют, — увидев мушкетеров, радовался Смело.

— Чем здесь воняет? — спросил, поморщившись, Моро и стал принюхиваться. — От тебя что ли?

— А так? — хохотнул Смело и вылил на свои штаны вина.

— Так лучше, — грустно хмыкнул Моро.

— А ты сам-то чего такой кислый? Из сержантов пообещали выгнать? Вот было бы хорошо.

— Это почему?

— А чем ты лучше меня? Ничем!

— Так походи к капитану де Мезьеру и скажи, чтобы он меня заменил на тебя... Я все думаю: вот бы с нашими нынешними деньгами — и обратно в мушкетеры.

— А вот это было бы прекрасно! У кардинала, конечно, неплохо служить, если бы не эти крестьяне. Из-за них над нами все смеются.

— Это-то меня больше всего и бесит. Сегодня на разводе не оказалось белобрысого Солея. Я уж подумал, что слава богу, наконец-то его выкинут из гвардейцев, а капитан де Мезьер мне сказал, что это он отпустил его в отпуск. Мол, у того больна мать. А ведь Солей из Ла-Рошели. Я об этом сказал капитану, а он ответил, что тот поехал в Бордо. Я спросил, почему же отпустили без моего согласия, а капитан ответил, как плюнул — не твое, мол, дело! Не верю я в такие отпуска, да еще с разрешения самого капитана. По-моему, он врет!

— Выпей, Моро. Я тебе сейчас кое-что расскажу. Можешь мне не верить, но этот Солей отправился, может быть, и в Бордо, но не к умирающей матери, а по приказу самого кардинала.

Сержант Моро поперхнулся и закашлялся, из глаз побежали слезы. Смело ударил сержанта по спине.

— Ты что, с ума сошел? — прошипел Моро.

— Да нет, я сам видел, как его провожал капитан де Мезьер и просил выполнить какой-то приказ кардинала.

— Я говорю, зачем так стучишь?

— А-а-а! Я думал, что тебе это будет интересно.

Моро еще покашлял, а потом сказал:

— Мне это необычайно интересно. Я даже не поверил бы в то, что ты сейчас сказал, если бы про Бордо сам не слышал от капитана де Мезьера. Что же такое мог приказывать простому гвардейцу сам кардинал? Какому-то рыбаку! Ладно, это не наше дело. Кто знает, завтра вызовут тебя или меня и тоже прикажут — и побежим исполнять. Давай выпьем.

— Давай, да я пойду в казарму. Я же с дежурства — ночь не спал... Кстати, Солей был одет как торговец.

— Как торговец? Зачем?

— А я почему знаю...

Бывшие мушкетеры выпили еще кувшин хорошего вина, поели мяса, и Смело пошел в казарму, а сержант

Моро направился в другой кабачок — «У Евстафия», расположенный недалеко от церкви Сент-Эташ, которая и была возведена в честь этого святого. На богохульное название кабачка почему-то никто не обратил внимание. К тому же это было место сбора и пьянства мушкетеров короля. Церковь строили почти сто лет и всё не могли достроить. Строительных лесов почти не было — они сгнили за десятки лет, и любой взобравшийся на них мог в любой момент сверзиться на каменные ступени, не надеясь, что его причислят за такое падение к лику святых. К внутренним работам приступили, но остановились — опять не было денег. Люди с удовольствием несли деньги в расплодившиеся в огромном количестве таверны, кабачки и рестораны и жалели даже су на помощь церкви — всё из-за прокатившихся по стране религиозных войн. Здесь, у церкви Сент-Эташ, на небольшой площадке, убранной от мусора и с вытоптанной травой, было хорошо драться!

В кабачке собирались и пьянствовали только мушкетеры короля — гвардейцам кардинала вход сюда был закрыт. Мушкетеры здесь пропивали остатки своих денег, а потом шпаги, коней и слуг. Здесь же, зайдя за угол церкви и крикнув здравицу святому Евстахию — чтобы помог победить, — дрались, но редко до смерти. Убийство мушкетера мушкетером наказывалось изгнанием из роты мушкетеров короля, а это являлось наивысшим позором для дворянина. Некоторые после такого изгнания кончали жизнь самоубийством — падением в воду с построенного всего два десятка лет назад через Сену Нового моста. Этот мост сразу же стал одной из главных достопримечательностей Парижа именно из-за того, что с него прыгали в воду неудачники, разорившиеся буржуа, обманутые мужья и влюбленные — иногда парочками. На мосту уже с утра собирались зеваки, чтобы увидеть очередное восхождение на парапет какого-нибудь несчастного и его падение в воду. Никто никого не спасал — все радовались. Расположенная неподалеку Гревская площадь с ее воскресными казнями имела меньший успех у горожан.

На подходе к церкви идущие навстречу гвардейцу мушкетеры стали как бы невзначай толкать сержанта Моро, пока тот не сообразил, что на нем красный плащ гвардейца кардинала. Сняв его, он сразу почувствовал, что косых взглядов стало меньше, а некоторые из мушкетеров, узнавая Моро, добродушно хлопали его по плечу и язвительно спрашивали, не ошибся ли Моро дорогой, не заблудился ли и не боится ли получить шпагой в грудь, хотя знали, что гвардеец был одним из лучших фехтовальщиков, что не раз доказывал на дуэлях.

Моро спустился по шаткой лестнице в полумрак подвала, где располагался ресторанчик, и как будто задышал родным воздухом. У него запершило в горле.

— Смотрите, господа, — раздалось из полумрака, — кто к нам пожаловал — сам славный сержант гвардейцев кардинала Моро. Моро, ты пришел сюда подраться? Выбери любого — каждый будет рад скрестить с тобой шпагу, и не только с тобой, но и с любым из вас, перебежавших из-за денег на службу к Ришелье! — крикнувший резко вскочил, грубый стул, на котором он сидел, с грохотом упал, и стал виден безобразный рубец на перекосившемся от злобы лице. Он показал пальцем на свою щеку и продолжил: — Ты помнишь меня, Моро? А я тебя буду помнить всю жизнь. Как ты посмел прийти сюда? Пошли к Сент-Энташу, где я проткну твои вонючие кишки, и твое дерьмо разольется по улицам Парижа.

— Заткнись, Помере. Я пришел сюда не драться и не выяснять отношения, тем более с тобой. Тогда мы оба были мушкетерами и я не имел права убивать тебя, хотя и желал. Теперь я это могу. Меня, конечно, за это кардинал не похвалит, но и не накажет. Но ты мне не нужен... по крайней мере сейчас. Ты не хуже меня знаешь, что я, как и сотня мушкетеров, не по своей воле стали гвардейцами кардинала. Нас подарили, как будто мы не дворяне, а какие-то крестьяне. Ты же тоже в этом списке был, да тебе повезло — ты в это время подыхал, продырявленный моей шпагой. Мне нужен сержант д'Армантьер. Кто скажет, где его можно найти? Я же помню: это его любимый ресторан.

— А этот Моро — смелый, — крикнули из угла.

— А ты попробуй с ним сразиться! Не успеешь свою шпагу вытащить, как кончик его шпаги будет в твоей груди на пять дюймов, как раз в сердце. Хочешь попробовать?

— Не хочу, — был ответ, — но кружкой в его голову за-
пушу с удовольствием.

И ресторан пьяно загудел.

— Так мне кто-нибудь скажет, где найти д'Армантьера? — произнес, оглядывая всех, Моро. В его голосе не было страха.

— Он сейчас придет, — зло сказал Помере. — И как только ты с ним поговоришь, мы с тобой прогуляемся к Сент-Энташу. Ты не забыл, где это?

— Я-то помню, Помере, только не забудь об этом ты. А всех господ мушкетеров я прошу быть свидетелями, что не я вызвал этого хвастуна на дуэль и я старался всячески ее предотвратить.

По залу разнеслось:

— Идет!.. Согласны... Отлично, давно у нас не было нормальных драк... Эй, сбегайте кто-нибудь, пригласите сержанта д'Армантьера, а то пока он придет, мы напьемся и заснем или забудем, о чем здесь договаривались эти два хвастуна...

— Я сейчас сбегаяю, — крикнул кто-то и, бухая сапогами по лестнице, выбежал на улицу.

Моро, злой, простоял полчаса, пока не пришел сержант д'Армантьер.

Жизнь сержанта д'Армантьера была написана на его лице — похоть и вино. Д'Армантьер был бароном и принадлежал к одному из самых древних и знаменитых дворянских родов Франции, но его отец — мот и бабник, спустил все состояние, и сыну пришлось идти на службу к королю. Однако баронский титул и знакомство и даже, говорят, дружба в детстве с братом короля Гастоном Анжуйским, ставшим впоследствии еще и герцогом Орлеанским, сыграли свою роль — его сразу произвели в лейтенанты мушкетеров короля, что было величайшей несправедливостью по отношению к другим мушкетерам. Ему бы радоваться, а он столь по-скотски относился к службе — пьянствовал,

дебоширил, прогуливал службу, — что его разжаловали в сержанты и предупредили, что выгонят, если он не прекратит позорить голубой плащ королевского мушкетера. Он не переносил службу и мечтал только о деньгах, выпивке и падших женщинах, которые в большом количестве стояли вечерами на кривых и грязных от нечистот улицах Парижа. Двери хороших домов перед д'Армантьером быстро закрылись — считалось дурным тоном приглашать его на обеды, где он напивался до умопомрачения и начинал крушить мебель и бить посуду. Шевалье Моро был вассалом у барона д'Армантьера, но когда тот спустил остатки своего состояния и заложил единственное оставшееся у него имение, то по сути сравнялся с Моро и даже стал зависим от него. Моро иногда дрался на дуэлях, защищая его честь, а когда перешел в гвардейцы, оплачивал при встречах выпивку, давал деньги в долг, который д'Армантьер признавал, но никогда не возвращал. Моро молчал, подсчитывая растущий долг, он хотел купить по дешевке поместье д'Армантьера. Моро не знал только, что это д'Армантьер поспособствовал, чтобы его передали кардиналу.

— Моро! Как я рад видеть тебя, дружище! — радостно закричал спустившийся в подвал запыхавшийся, тучный мушкетер с красным лицом и носом, в несвежей, помятой одежде. Синий плащ мушкетера с греческим крестом был весь в пятнах и сидел на нем, как тряпка на бочке, уж никак не походя на плащ бравого мушкетера короля. — Ты мне так нужен. Я совсем на мели, а говорят, гвардейцы его преосвященства довольно богатые люди? — По хриплому голосу д'Армантьера чувствовалось, что его мучает жажда.

— Не жалуясь, д'Армантьер, и поэтому предлагаю выпить за мой счет, как в старые добрые времена. Согласен?

— Что за вопрос, мой друг Моро! Эй, хозяин, а ну-ка освободи нам вон тот столик в углу и неси сразу побольше вина и мне большой кусок жареной баранины. Как давно я не ел хорошей баранины!

— Господин д'Армантьер, а кто будет все это оплачивать? — со страхом спросил стоявший за стойкой хозяин заведения.

— Я, — громко сказал Моро.

— Я вас помню, господин Моро, когда вы были мушкетером, но не помню, чтобы у вас были деньги.

— Теперь они у меня есть, и ты, Жюль, пошевеливайся, если не хочешь, чтобы мы ушли в другой ресторан.

— Я бегу, бегу... Все, что угодно господам мушкетерам и гвард...

— А вот это уже лишнее, — прервал радостные возгласы хозяина д'Армантьер.

Моро и д'Армантьер уселись за освобожденный для них стол, хозяин быстро, с радостными возгласами, больше похожими на визг свиньи, принес вино, закуски и пообещал как можно быстрее приготовить самый хороший и жирный кусок мяса. Он понял, что в лице бывшего мушкетера Моро он сможет заработать неплохие деньги, и не серебряные, а, может быть, настоящий золотой экю зазвенит в его кошельке. Все же знают — гвардейцы кардинала сказочно богаты.

— Как поживаешь, д'Армантьер? Давненько мы не сидели за бутылкой хорошего вина.

— Да, друг мой Моро, давно. Считаю, месяца два. Правда, ты никогда не приходил сюда, после того как перешел на службу к кардиналу.

— Я не перешел — меня передали кардиналу Ришелье, как вещь. Меня, дворянина.

— А правда, что вместе с вами служат крестьяне? И не вашими слугами, а гвардейцами? — хохотнул д'Армантьер.

— Правда, горькая правда.

— Знаешь, Моро, да и черт с ними, с этими плебеями, зато ты получаешь хорошие деньги и всегда вовремя.

— И это правда.

— Может, мне перейти к вам? Наверное, пойду к Ришелье и попрошу, чтобы он взял меня лейтенантом его гвардии. Надоела нищета. Ты знаешь, я заложил свое имение.

— Знаю. Что, так плохо?

— Очень, — грустно, со слезой в голосе сказал д'Армантьер и одним махом осушил глиняную кружку с

вином. Потом вдруг посмотрел подозрительно на Моро и спросил: — А откуда ты это знаешь? Что, прицениваешься, как бы купить по дешевке? Конечно, у тебя же есть деньги. У тебя, моего вассала! Я помню... я имею большой долг перед тобой... Выкладывай, чего ты хочешь? Не затем же ты пришел сюда, чтобы увидеть меня или чтобы из тебя здесь мои товарищи сделали решето?

— Я уже этот вопрос разрешил. Этот дурак Помере со своей дуэлью меня спасет. А пришел я, ты прав, по делу.

— Если это не государственное преступление и не помощь твоему кардиналу, да еще, может, требование вернуть долг, то я тебя слушаю.

— А если это государственное преступление?

— То твоя жизнь не стоит и ломаного гроша. Тебя мои мушкетеры с огромным удовольствием поднимут на свои шпаги.

— Ой, испугал. Ладно... мне нужна твоя помощь. Я помню, что у тебя всегда были неплохие отношения с братом короля герцогом Гастоном Орлеанским.

— Нашел что вспоминать! Пока наша семья была богата и знаменита, я с ним был не то что знаком — мы были друзьями. А теперь, женившись на этой богачке Марии де Монпансье и став еще и герцогом Орлеанским, он забыл всех своих друзей.

— У нас поговаривают, что он будет командовать осадой Ла-Рошели...

— Это так и есть. Даже мы, мушкетеры, скоро отправляемся на войну.

— Мы тоже.

— Интересно, кто ее выиграет: брат короля или кардинал Ришелье?

— Я надеюсь, они там, в Ла-Рошели, ради личной победы не натравят нас друг на друга.

— Избави бог. Давай, выкладывай. Не тяни. Подожди... Эй, Жюль, принеси еще вина!

— Ты можешь провести меня к герцогу?

— Ты рехнулся?

— А сам встретиться с ним можешь?

— Зачем мне это? Показать свою нынешнюю нищету? Ты думаешь, он мне даст маленький кусочек от щедрот своей жены? Ха-ха-ха!

— Как ты думаешь, — лицо и голос Моро были спокойными, — он настолько сильно ненавидит Ришелье, как об этом говорят?

— И даже больше. Не проходит и дня, чтобы он не укорял свою мать, Марию Медичи, в ее бывшем потакании этому святоше. Ты же знаешь, что это она помогла неизвестному епископу из Пуату стать кардиналом Ришелье, а потом отдала ему и управление страной. А сейчас, говорят, сама кусает локти, да его преосвященство не так-то прост, чтобы отдать обратно власть.

— Это я знаю. Но я знаю и то, что тот, кто одержит победу над мятежной Ла-Рошелью, станет править Францией. И думаю, что герцог Орлеанский все бы сделал и дал бы любые деньги, чтобы выиграть эту битву у Ришелье.

— Бесспорно... Ты что-то хочешь мне предложить?

— Ты прав: меня герцог к себе не допустит. Был бы мушкетером — может быть, а так нет. А тебя выслушает — ты же друг и известнейший дворянин. Но дай мне слово, что то, о чем я тебе скажу, будем знать только я, ты и герцог.

— А что я буду с этого иметь?

— Думаю, что больше, чем хочешь.

— А ты?

— Я хочу вернуться в мушкетеры в звании лейтенанта.

— Ого! Твои сведения так ценны?

— Они ценны только для герцога Орлеанского в его борьбе с кардиналом.

— Выкладывай... Подожди, давай закажем еще вина...

Вина принесли и, отхлебнув большой глоток, как будто он только что пробежал пару лье, д'Армантьер с одышкой просипел:

— Выкладывай.

— Вчера Ришелье отправил в Бордо одного из своих гвардейцев.

— И что? Это всё? — удивленно вскрикнул барон.

— Да тише ты, — Моро оглянулся. Зал гудел разноглаго-
сыцей, и никто не обращал на них внимания. — А то, что
этот гвардеец — из тех тридцати простых солдат, подарен-
ных кардиналу для его гвардии. Он простой рыбак из Ла-
Рошели.

— И что?

— Да-а... ты и правда стал тугодумом...

— Не забывайся, Моро! Ты мой вассал.

— Извините, барон, я забыл. Позвольте откланяться?

— Ладно, не обижайся. Что говорить герцогу?

— То, что этот гвардеец отправлен самим кардиналом
для выполнения какого-то ответственного приказа, а зна-
чит, кардинал задумал какой-то хитрый план. Его преосвя-
щенство большой мастер на всякие выдумки. Он же не по-
слал меня или капитана де Мезьера — он послал простого
рыбака, и явно не для того, чтобы наловить свежей рыбки
для своего стола. Тут речь идет совсем о другой рыбке, и
я думаю, он очень надеется, что этот рыбак выполнит его
тайный приказ. Его надо остановить и узнать, что задумал
кардинал.

— И как зовут твоего гвардейца?

— Поль Солей.

— А как его узнать, если он едет под другим именем?

— У него необычная шевелюра — как солнце утром.

— Под стать фамилии, что ли?

— Может быть. Ну что, расскажешь герцогу?

— Попробую, но не обещаю.

— И не забудь сказать обо мне.

— О чем ты говоришь? Давай выпьем — опять в горле
пересохло.

— Ты бы пил поменьше.

— Не твое это дело, Моро. А я, если все удачно полу-
чится, попрошу у герцога денег, плюну на службу, выкуплю
имение и стану жить в свое удовольствие.

— Каждому свое, — сказал Моро и подумал: «Как же,
выкупишь! Все пропьешь. Его выкуплю я, будущий лейте-
нант мушкетеров короля!»

Мушкетеры продолжали шуметь, бахвалиться друг перед другом дуэлями и победами над женщинами, которых не было и в помине, пить вино, бить посуду, забыв, что еще несколько минут назад готовы были проткнуть своими шпагами пришедшего к ним гвардейца. Только один не забыл — Помере. Он пил вино, наливался злобой и старательно прислушивался к разговору двоих за столом в углу. Сержант Моро говорил тихо и почти не пил, а д'Армантьер наливал и наливал себе в кружку вина и все громче и громче кричал. Помере, как ни старался, слышал не все, многое ему было непонятно, но отдельные слова и фразы его насторожили. Когда д'Армантьер тяжело поднялся из-за стола и направился к выходу, Помере вскочил и крикнул расплатившемуся за еду и выпивку Моро:

— Эй, храбрый гвардеец, ты не забыл про наш уговор?

В зале наступила тишина. Мушкетеры внимательно смотрели на противников.

— Еще раз говорю, что не я затеял эту дуэль, — громко сказал Моро. — Пошли.

И сразу все мушкетеры подскочили со своих мест и, толкая друг друга, ринулись к выходу. Каждый стремился занять самое удобное место у церкви Сент-Эташ, чтобы увидеть развязку разворачивающейся на их глазах дуэли.

— Куда же вы? — закричал им в спины хозяин кабачка Жюль. — А кто расплачиваться будет?

Но его никто не слушал. Впрочем, Жюль кричал по привычке — он всегда был в прибыли: когда у мушкетеров появлялись деньги, они шли именно к нему и просаживали всё до последнего су. Да и знал, что после дуэли мушкетеры вернутся сюда, к нему, и продолжат пить с еще большим желанием, у них будет новый повод осушить лишний кувшинчик вина. Он, наверное, в этот момент был единственным, кто желал победы гвардейцу Моро — тот расплатился с ним золотым экю.

Площадка за церковью была ровной и пыльной — ее не только убрали от мусора, но и вытаптывали желающие помахать шпагами мушкетеры, а некоторые могли двигаться

по ней не запинаясь, даже если бы им завязали глаза. К таким относился и Помере.

Мушкетеры образовали широкий круг, молодежь, зная, что их все равно вытолкнут из первых рядов, забралась на скрипящие и готовые обрушиться строительные леса и стала громко подбадривать и делать ставки на победу Помере. Леса угрожающе зашатались. Те, кто постарше и знали Моро еще мушкетером, ставили на гвардейца. Ставкой была, как всегда, выпивка.

Моро снял шляпу и отбросил ее в сторону, поклонился противнику, после чего обвел твердым взглядом мушкетеров и сказал:

— Господа, вы знаете, что я всего лишь отвечаю на вызов. Я прошу дать мне слово, что если я раню или убью Помере, то вы не наброситесь на меня со своими шпагами, а дадите мне возможность спокойно уйти.

— Вначале ты убей Помере, — крикнули ему. — А наше слово — это слово дворян. Никто тебя не тронет, и мы даже подтвердим, что не ты явился зачинщиком этой дуэли. Давайте, господа, начинайте. Публика заждалась, — и все весело засмеялись. Строительные леса закрипели.

Схватка была скоротечной. То ли Помере был слишком зол и себя не контролировал, то ли выпил слишком много вина, но через десяток выпадов шпага Моро пробила его правое плечо и Помере выронил свою шпагу.

— Bravo! — закричали мушкетеры, которые ставили на Моро. — Моро, ты все такой же мастер шпаги.

— Как? — кричали с лесов. — Чему вы радуетесь? Гвардеец победил мушкетера! Завтра об этом будет знать весь Париж. Нет, пусть он ответит и сражается еще с одним противником. Кто готов сразиться?

— Я готов! — крикнул кто-то.

— Господа, где же ваше дворянское слово? — обратился к мушкетерам Моро и подал руку раненому Помере. — Тебя, Помере, я мог бы убить, но только ранил. И все потому, что в душе, господа, я мушкетер.

— Bravo! — закричали уже все мушкетеры. — Пойдем с нами, Моро, отметим твою победу.

— В следующий раз, господа. Мне, к сожалению, надо идти. И я надеюсь, что в следующий раз мы хорошо посидим и без драк.

— Мы будем рады видеть тебя, Моро. Давайте перевяжем Помере и пойдем быстрее обмоем эту драку. Старина Жюль нас заждался.

В этот момент строительные леса все-таки рухнули. Все закричали, но никто сильно не пострадал — так, ушиблись и поцарапали руки-ноги. Перекрестились — святой Евстахий подал знак! А потом рассмеялись и, подхватив Помере, побежали обратно в любимый подвал, хозяин которого хорошо знал, что так и случится. Он даже не убирал кружек и тарелок со столов.

Рана у Помере оказалась не опасной: шпага не задела сосуда и кость. Его перевязали и, налив большую кружку вина, дружески похлопывая по здоровому плечу, заставили ее выпить, после чего раненый, опьянев, стал рассказывать заплетающимся языком небылицы, как он дрался с нападшими на него несколькими гвардейцами кардинала и двух то ли убил, то ли ранил, а остальные разбежались. Всем стало весело, и стены подвала затряслись от хохота...

IV

Брат короля Людовика XIII Гастон Жан-Батист Французский, герцог Анжуйский, герцог Орлеанский, ненавидел всех: мать за то, что родила его вторым и он стал лишь наследником на престол; брата за то, что тот был старшим и уже ребенком, в восемь лет, стал королем и его величеством, а Гастону пришлось носить какой-то странный жалкий титул «Монсеньор»; жену короля Анну Австрийскую за то, что любила короля, который ее не любил, деля свою постель с двумя своими фаворитами, тогда как он, Орлеанский, ее тайно, но безответно любил, а королева, по сплетням, увлеченная герцогом Бекингом, не обращала на него никакого внимания; кардинала Ришелье, который, по его мнению, захватил всю власть в стране и не считался с мнением самого короля, а уж тем более с мнением герцога;

свою жену герцогиню де Монпансье — за огромное богатство и отсутствие всякой красоты... Но жену он терпел, потому что та была на сносях, а зная, что у Людовика с Анной с детьми как-то не получалось — а как могло получиться, если спали порознь, — Орлеанский надеялся на рождение мальчика и переход королевской короны в руки своих детей. Он мечтал выиграть сражение за Ла-Рошель, выпросив у короля право возглавить королевские войска, и, захватив город, стать героем Франции, после чего отобрать у ненавистного Ришелье должность первого министра и уже самому управлять страной. Исполнению этого плана мешали только две причины: упорство защитников Ла-Рошели, поддерживаемых англичанами, и кардинал Ришелье, который тоже хотел победы над гугенотами, но своей победы, и тоже руководил войсками, но уже как первый министр Франции. И герцог Гастон Орлеанский, и кардинал Арман де Ришелье искали любую возможность, чтобы помешать другому получить эту победу.

Когда Орлеанскому доложили, что к нему просится на прием барон д'Армантьер, герцог скривился от неудовольствия — он знал, что его бывший друг почти разорен и склонен к пьянству. «Наверное, будет просить денег. А чего еще?» — подумал Орлеанский, но все-таки согласился — отказать другу детства было не совсем этично. Ему хотелось, чтобы его, как короля Людовика XIII, тоже называли Справедливым.

— Хорошо, пусть войдет, — сказал он.

Когда вошел д'Армантьер, герцог Орлеанский поразился. Он не видел барона довольно давно и был неприятно удивлен его внешним видом: тот сильно располнел, был неряшливо и бедно одет, а красное лицо и нос выдавали в нем большого почитателя бога плодородия и вина Бахуса. Чтобы как можно быстрее прекратить встречу, герцог не стал здороваться и быстро произнес:

— К сожалению, я очень спешу. Барон, говорите, что вы хотите, и я обещаю подумать. Вы должны понимать: я команду войсками под Ла-Рошелью и у меня нет ни минуты свободного времени на разговоры. Кстати, скоро

король поедет туда, и мы с вами как мушкетером, — лицо Орлеанского искажилось нескрываемым презрением, — обязательно там встретимся, — и Орлеанский, не прощаясь, стал отворачиваться от д'Армантьера, показывая, что встреча окончена. Барон хрипло произнес:

— Монсеньор, я пришел не просить вас о чем-то, я пришел вас предупредить.

— Меня? Предупредить? — повернулся к нему Орлеанский. — О чем предупредить? Что может сказать простой мушкетер мне, брату короля? Вы забываетесь!

— Ничуть. Я как раз и хотел обратиться к вам, — д'Армантьер чуть не сказал по привычке «тебе», — зная, что кардинал Ришелье тоже считает себя командующим армией и тоже хочет взять Ла-Рошель.

— Д'Армантьер, вы отдаете себе отчет, с кем разговариваете?

— Монсеньор, я пришел вам сказать, что кардинал что-то задумал, чтобы оказаться первым в битве с гугенотами.

— Так... — глаза герцога недобро блеснули. — Выкладывайте, барон, что вам известно.

— А что я с этого буду иметь?

— Как вам не стыдно, д'Армантьер! Перед вами брат короля.

— А перед вами разорившийся барон д'Армантьер.

— Насколько я знаю, в этом моей вины нет. Что вы хотите? Снова стать лейтенантом мушкетеров?

— Денег.

— Зачем вам деньги? Вы же их пропьете.

— Нет, я выкуплю свое имение и буду в нем жить.

— А служба мушкетером короля?

— Скоро в мушкетеры, как и в гвардейцы кардинала, будут набирать различный деревенский скот.

— О, как сильно сказано! Насчет гвардейцев кардинала слышан, но мушкетеры... Говорите барон, я вас внимательно слушаю.

— Мне стало известно, что кардинал тайно, ночью, встречался с одним из своих гвардейцев и отправил его в Бордо...

— И что? — перебил с нескрываемым раздражением Гастон Орлеанский. — Что вы хотите этим сказать?

— Вы зря меня перебиваете, монсеньор. Этот гвардеец не дворянин, а простой рыбак из Ла-Рошели.

— Откуда?

— Из Ла-Рошели, и кардинал дал ему какой-то тайный приказ, направив его в Бордо. А всем этим занимался капитан гвардейцев де Мезьер. И де Мезьер, провожая этого рыбака, сказал, чтобы тот не подвел его и сделал все, чтобы выполнить приказ кардинала.

— В Бордо... А что еще известно?

— Пока только это.

— А кто вам это сказал? Может, это какая-нибудь ловушка?

— Об этом мне рассказал сержант гвардейцев кардинала Моро.

— А-а-а! Значит, все-таки ловушка.

— Месье, этот сержант был мушкетером, пока король не подарил его и еще сотню таких, как он, кардиналу Ришелье. И он хочет вернуться обратно, но уже лейтенантом мушкетеров.

— Вы хотите денег, он хочет получить патент лейтенанта мушкетеров — и всё за никчемные сведения о каком-то рыбаке? Не многовато ли?

— Как бы не оказалось мало, монсеньор. Все же понимают, что победитель при Ла-Рошели станет национальным героем! И я хочу, чтобы им стали вы.

— Похвально, д'Армантьер. Давайте договоримся — я не забуду ваше усердие, но только после взятия Ла-Рошели. Если все так, как вы говорите, и вы мне поможете победить кардинала, то обещаю помочь выкупить у кредиторов ваше родовое имение, которое, кстати, я хорошо помню, а этого сержанта сделать лейтенантом мушкетеров. Но для этого надо сделать еще кое-что — узнать как можно больше о приказе кардинала. Пусть подслушивают, подглядывают, принимают, но узнают, что приказал кардинал этому рыбаку. Кстати, как его зовут?

— Поль Солей.

— Вообще-то солнечным бывает только король. Есть ли у него особые приметы?

— Двадцать лет, высок, необычайно силен, имеет странный цвет волос — белые с медью. Отсюда, наверное, такая фамилия. Одет как буржуа. Без оружия.

— Что еще о нем известно? Как он попал в гвардейцы, если не дворянин?

— Моро сказал, что его подарил кардиналу герцог Нормандский.

— Хорошо. В Бордо, говорите, поехал? Сам из Ла-Рошели? Спасибо, д'Армантьер. Мы, как и раньше, друзья, — и Орлеанский протянул руку на прощание. — Я жду от вас сведений. Только не тяните, барон. Полнота вашего кошелька зависит только от вас. Прощайте.

«Сволочь! — подумал, выходя от герцога, д'Армантьер. — Не видать мне своего имени. Ну а ты никогда не станешь королем!»

Кардинал Ришелье получил странное письмо. Оно было написано таким корявым почерком, что слова тяжело было разобрать — по-видимому, писавший, чтобы изменить почерк, писал левой рукой. Кардинал хотел выбросить письмо, но одно слово, которое он разобрал, его удивило и взволновало, и он, сев к камину, с трудом, но прочитал всё:

Ваше преосвященство, господин кардинал, два дня назад в ресторан «У Евстахия», что у церкви Сент-Эташ, приходил бывший мушкетер, а ныне сержант вашей гвардии Моро. Он встречался с мушкетером бароном д'Армантьером, и они вели тайную беседу. Они говорили о каком-то вашем приказе, данном гвардейцу по имени Солей, звучали названия городов Бордо и Ла-Рошель, и Моро просил, чтобы об этом узнал брат короля герцог Орлеанский. Д'Армантьер пообещал Моро, что передаст эти сведения герцогу. Моро просил за эту услугу содействие в возвращении его в роту мушкетеров в звании лейтенанта. К сожалению, более ничего услышать не удалось. Ваш верный слуга.

На лбу кардинала выступила испарина, а худое лицо заострилось от напряжения и гнева. Он еще раз перечитал письмо и бросил его в огонь, потом прошел к столу и позвонил в колокольчик. В стене открылась потайная дверь, и вошел высокий, плотный мужчина в неприметной темной одежде.

— Де Труа, — произнес Ришелье, — установите наблюдение за сержантом моей гвардии Моро: когда и куда ходит, с кем встречается, и если он встречался с мушкетером короля д'Армантьером, то узнайте, о чем они говорили. И еще через своих людей узнайте, встречался ли в последние два дня этот д'Армантьер с герцогом Орлеанским и о чем шел между ними разговор. Кому из своих людей и что приказал Орлеанский после посещения д'Армантьера? Де Труа, это надо сделать незамедлительно.

— Я понял, ваше преосвященство, — сказал де Труа и столь же тихо и незаметно, через потайную дверь, покинул кабинет, а кардинал вызвал к себе капитана де Мезьера.

— Де Мезьер, — сказал Ришелье, — я не знал, что у вас длинный язык!

— О чем вы, ваше преосвященство?! Я умею хранить тайны, — лицо капитана покрылось красными пятнами. — Чтобы я, граф, и позволил себе такое...

— По-видимому, не всегда! Кто видел вас, когда вы провозжали Солея? О чем вы могли ему говорить?

— Никто и ничего.

— Кто-то видел и слышал всё! — резко произнес Ришелье. — О Солее уже знают, и знает герцог Орлеанский, а он как никто другой хочет, чтобы я проиграл битву за Ла-Рошель.

— Но, ваше преосвященство, я не мог ничего говорить, потому что я ничего не знаю.

— Ах, капитан, умному или завистливому человеку хватит двух-трех слов, чтобы сделать соответствующие выводы.

— Вы хотите сказать, что эти несколько ничего не значащих слов слышал кто-то тогда, ночью, во дворце и этот кто-то, возможно, гвардеец?

— К сожалению, это так.

— Не может быть!

— Может, де Мезьер, может. Выясните, кто из гвардейцев дежурил в тот вечер. Вспомните свой путь: как вы провозжали Солея, где могли сказать какие-то слова, которые могли быть услышаны, и найдите того гвардейца, который мог их услышать. Только так, чтобы никто об этом пока не знал. И еще: вы говорили, что к этому Солею плохо относятся сержант Моро. Постарайтесь, если он будет отпрашиваться у вас даже на собственные похороны, не отпускать его из Парижа. Ссылайтесь на подготовку к войне с Англией.

— Неужели Моро? Но его не было в тот день во дворце.

— Зато другие были. Де Мезьер, я пока прошу сделать только это. Нельзя спугнуть наших врагов и дать им понять, что нам что-то известно об их планах. Хотя, к сожалению, нам ничего о них и не известно! И еще, граф, может быть, вам скоро придется самому поехать с гвардейцами под Ла-Рошель. Готовьтесь.

После ухода д'Армантьера герцог Гастон Орлеанский сел в кресло и задумался, потом вскочил и приказал, чтобы к нему пригласили герцога Нормандского, находящегося в этот момент во дворце. Когда герцог вошел в кабинет, Орлеанский сразу же спросил:

— Герцог, скажите мне, что за человека по имени Солей вы подарили кардиналу для его гвардии?

— О-о! Монсеньор, чем вас мог заинтересовать какой-то рыбак?

— Ну не совсем же рыбак, раз вы его подарили кардиналу в гвардейцы, где служат одни дворяне?

— Не все. Тридцать — подарки от таких, как я. А что касается Солея, то их семья посылает к нам на службу старшего из сыновей уже триста лет.

— Сколько лет?

— Они служат нашей семье триста лет! Не служили только, когда Нормандия была английской, и то, я слышал, что они сражались под Орлеаном под знаменем самой Святой Жанны.

— Что же они до сих пор не дворяне?

— Почти все, кто служили нам, погибли.

— Похвальная преданность. Расскажите мне о нем.

— Умный, смелый, необыкновенно сильный — это у них у всех в роду. Подкову может с легкостью разогнуть. И у всех один и тот же цвет волос — белые с рыжими кончиками. Отсюда, наверное, и такая фамилия. Они из викингов. Всегда очень хорошо владели оружием, особенно луком, а раньше, мне рассказывал мой дед, и мечом. Причем двуручным — крутили им над головой, как соломинкой. Этот Поль может шпагой разрубить человека.

— Не может быть!

— Может, монсеньор.

— Он из Ла-Рошели? Рыбак?

— Да. Все Солеи — рыбаки.

— То есть он должен хорошо плавать на лодке по морю?

— Конечно.

— А смог бы он проплыть из Бордо до Ла-Рошели?

— Думаю, что да. Только зачем? Ла-Рошель-то в осаде.

— Это я так, к слову.

— Что могло случиться, чтобы вы, монсеньор, заинтересовались каким-то гвардейцем кардинала?

— Он мне не нужен, мне нужен кардинал. Спасибо, герцог.

Герцог Нормандский вышел, покачал головой и весело подумал: «Ай да Солей, далеко пошел, коли сам брат короля тобой заинтересовался. Не зря, видимо, я подарил тебя Ришелье. Молодец. Кардиналу, что ли, об этом рассказать?»

А Гастон Орлеанский вызвал командира своей тайной полиции, барона Броше.

— Броше, возьмите двух надежных солдат и, не теряя времени, поезжайте в сторону Бордо. Необходимо догнать человека по имени Поль Солей. Особые приметы: молод — двадцать лет, едет под видом мелкого буржуа, белые волосы, необычайно силен. Необходимо захватить его и все бумаги, которые, возможно, будут при нем. Выяснить, с каким заданием его послал в Бордо кардинал Ришелье. При сопротивлении — убить. Все ясно?

— Ясно. Давно ли он выехал в Бордо?

— Два дня назад.

— Если он хорошо ездит на лошади, то мы можем не успеть.

— Вряд ли, он рыбак.

— Тогда попробуем догнать, монсеньор.

— Не попробуем, а догоните!

V

По дороге из Парижа в Бордо ехал одинокий всадник. На нем была одежда мелкого буржуа: кожаный костюм, крепкие ботинки и высокие шерстяные чулки. На голове путника была шляпа с небольшими полями. Он был молод, но не спешил, не гнал свою лошадь и поэтому останавливался на постоянных дворах только для того, чтобы поесть — ел мало, не пил вина и, расплачиваясь, спорил из-за каждого су.

Не спеша — быстрее! Это как раз подходило для молодого человека — он ехал весь день и, казалось, не знал усталости. И своей тихой ездой не вызывал никаких подозрений у едущих ему навстречу всадников и экипажей и не запоминался на постоянных дворах — едет скромный, явно небогатый буржуа, каких по этой дороге ехали сотни. Он с легкостью останавливался ночевать в поле или в лесу, нисколько не боясь, что на него нападут разбойники и ограбят. Пустив лошадь отдыхать, разводил небольшой костер, доставал кусок хлеба с сыром и с удовольствием его ел, запивая родниковой водой, смотрел на звезды и мечтал. Мечты его были просты и незатейливы: исполнить поручение кардинала Ришелье и получить звание сержанта. Еще, глядя на звезды, он радовался, что увидит своих родителей и младшего брата, и особенно радовался, что увидит океан. К его костру пару раз подходили лихие люди, но он, не говоря ни слова, доставал из дорожной сумки толстый кованный гвоздь и без видимого усилия, пальцами сворачивал его в кольцо, а потом столь же легко разворачивал, чем вызывал удивление и страх; люди, только что желавшие

его ограбить, цокали языками и быстро уходили. И опять наступала благодатная ночная тишина. Иногда на привалах он доставал лук и с удовольствием вспоминал навыки стрельбы. Это был английский лук — необычайно длинный и тонкий, с такими же длинными стрелами. Юноша его увидел на одном из постоянных дворов около Орлеана — тот лежал в углу, и на вопрос: «Не могу ли я взять этот лук себе» — хозяин постоянного двора, махнув рукой, ответил:

— Я мушкетом обзавелся, так что забирай. Он в нашей семье хранится еще с прадеда — говорят, рыцарем был, вместе с Орлеанской Девой англичан убивал. Там где-то и стрелы валяются. Я одно время за ним ухаживал, смазывал гусиным жиром. Не помню, правда, чтобы кто-нибудь из него стрелял — ни дед, ни отец, а я уж тем более. Просто хранили как память. Думаю, тетиву натянуть не удастся — сломается. Всё руки не доходят, чтобы его выбросить. Сейчас такое оружие уже никому не нужно.

Лук был необычный: черный от времени, сделанный из тиса — лучшего дерева для такого лука — и очень длинный — с рост человека. Тетива была спущена, поэтому, наверное, он и сохранился. Солей попробовал согнуть дугу лука и надеть тетиву и почувствовал, как дерево зазвенело, показывая свою силу и вызывая восхищение. И стрелы были под стать луку — длинные, тонкие, с вытянутыми наконечниками. В том, что это был английский лук, Солей не сомневался — дома был такой же.

Он до того хорошо играл роль беззаботного буржуа, что, доехав до Орлеана, как все никуда не спешащие путники, посмотрел на знаменитый маленький двухэтажный домик, в котором, по преданию, останавливалась сама Жанна д'Арк, и даже поставил свечу в величественном соборе Сент-Круа.

Если бы он скакал, загоня лошадей, он бы не смог достичь Бордо за короткий срок, а он доехал и даже, казалось, не сильно устал — во всяком случае, лицо его было свежо, а выбившиеся из-под шляпы белые волосы волнами падали на плечи. Путник легко ориентировался в лабиринте узких улиц и, доехав до центра города, остановился у од-

ной из гостиниц. Там он продал лошадь, выпросив за нее хорошую цену, и, взяв завернутый в мешковину лук, ушел к мосту через Гаронну, где с незапамятных времен был рыбный рынок.

Юноша не знал, что той же дорогой из Парижа в погоне за ним скакали во весь опор, загоня лошадей, три всадника — скакали и никак не могли его догнать, потому что теряли время, когда на их вопросы на постоянных дворах не могли вспомнить юношу с белыми волосами, одетого под буржуа. Они, думая, что его обогнали, останавливались и ждали, а потом опять бросались в погоню. Эти трое никак не могли подумать, что юноша, за которым они гнались, загоня бедных лошадей, останавливался редко и только чтобы поесть или купить еды, а ночевал в поле или в лесу. И преследователи въехали в городские ворота Бордо в тот момент, когда юноша, за которым они гнались, уже стоял у моста через Гаронну.

— Мы егопустили? — спросил один из всадников.

— Хотя не возвращайся, — сказал второй и обратился к третьему: — Господин Броше, что дальше делать?

— Все плохо, все очень плохо, но давайте подумаем, куда в этом маленьком городке может пойти человек, направленный сюда кардиналом только потому, что он рыбак?

— Туда, где продают рыбу?

— И что, надо проскакать, загоня лошадей, от Парижа до Бордо, чтобы сходить на рынок? Рассмешил... А впрочем, ты, Клод, наверное, прав: он пошел на рынок, но не за рыбой — он ищет лодку!

— Поехали, господин Броше?

— Пошли. Что делать на этих падающих от усталости клячах на таких узких улицах? Я всегда думал, что самые узкие улицы в Париже, но здесь... Вон какая-то гостиница. Оставим там лошадей и пойдем. Заодно расспросим, куда идти.

— Господин Броше, может, в гостинице перекусим?

— Тебе, Никола, только бы набить свое брюхо.

— Я что? Я ничего. Как скажете, господин Броше.

Всадники подъехали к домику с нарисованными на доске бутылкой и окороком. Увидев путников на лошадях, из гостиницы вышел сам хозяин и стал подобострастно кланяться.

— Проходите, проходите, господа. Это самая лучшая гостиница в Бордо. Пока вы будете искать вторую такую, ваши лошади упадут, а здесь накормят и вас, и этих несчастных животных.

— Скажи-ка, хозяин, а много ли гостиниц в вашем славном городке? — спросил Броше.

— Немало, десятка два. Вы не верите, что у меня самая лучшая?

— Нет, верим и оставляем у тебя этих трех несчастных животных, чтобы ты их хорошо покормил.

— А вы?

— Скажи-ка лучше, где у вас можно купить хорошую лодку?

— А какая лодка вам нужна? Мой свояк делает хорошие лодки, я сейчас прикажу провести вас к нему.

— Ты нас неправильно понял. Нам нужен рынок, где эти лодки продают.

— А-а-а, понятно. Тогда вам надо идти к мосту через Гаронну — там рыбный рынок, и там продают лодки.

— Куда нам идти?

— Вот по этой улочке пройдете до конца и выйдете на берег Гаронны, справа увидите мост — там и рынок. Но лодку лучше, чем у моего свояка, вы не найдете.

— К твоему свояку мы еще сходим, а пока ты накорми лошадей.

— Хорошо, хорошо, господа, я все сделаю. И жду вас с хорошим обедом. Что господа желают из мяса? У меня самое лучшее мясо в городе! Про вино я и не говорю — все знают, что у нас в Бордо лучшее вино во Франции.

— Я бы съел целого барана, — жалостно вздохнув, произнес Николая.

— Ты, Николая, опять за свое? Ты сам жирный, как баран!

— Точно, господин Броше, — засмеялся третий путник.

— Зато ты, Клод, тощий, как глиста! — воскликнул Николя.

— Хватит вам! От вашей постоянной грызни у меня голова скоро развалится. Пошли! — крикнул Броше.

Трое, больше не обращая внимания на призывы хозяина гостиницы, пошли по улочке, такой узкой, что им пришлось идти друг за другом.

Поль Солей на рынке увидел седого старика в рыбацкой одежде и, подойдя со спины, приобнял его и тихо сказал:

— Жак, ты меня узнаешь?

— О, Солей! — обрадованно вскрикнул, повернувшись к нему рыбак. — Поль, тебя так давно не было видно. Куда ты пропал? Или вы, гугеноты, спрятавшись в Ла-Рошели, думаете там отсидеться с помощью проклятых англичан? Сидите, сидите — чем дольше вы будете сидеть в своем паршивом городке, тем лучше у нас здесь будет процветать торговля. Где ваша знаменитая рыбка, где ваши устрицы, где ваши креветки? На дне, в море, а вы все, гугеноты, попадете в ад.

— Хорошо, дядюшка Жак, попадем, но я к тебе совсем по другому делу. Мне нужна твоя помощь.

— Как же я могу отказать сыну Жана Солея, моего старинного друга, — перешел на радостный тон седой рыбак. — Может, пойдем пропустим по кувшинчику?

— Пойдем, но прежде помоги мне купить хорошую лодку.

— Насколько хорошая тебе нужна лодка? Купи мою. Вот она.

— Извини, дядюшка Жак, но эта посудина была у тебя, когда я впервые с отцом приплыл сюда очень много лет назад. Ты, наверное, на ней и в море-то не выходишь, а если и выходишь, то так, чтобы берег был виден?

— А мне и не надо. Я свое отплавал. Нам со старухой хватает, а сын утонул, ты же знаешь.

— Да, знаю. Мне очень горько это слышать, он же был моим ровесником. Мне нужна лодка, чтобы выйти в море.

— Хочешь доплыть до дома? — усмехнулся старик.

— Может быть.

— Тогда это не здесь. Надо на другой берег к мастеру Филиппу. Я уже свой улов продал и, если ты пообещаешь угостить меня хорошей порцией вина и добрым куском мяса, готов тебя к нему отвести.

— Поплыли.

Люди на рынке занимались своими делами, торговались, спорили, били по рукам и расплачивались либо ругались, обзывая друг друга, а потом, как ни в чем не бывало, мило беседовали и, договорившись о цене, радовались и уже довольные шли в небольшую таверну в одном из домов на набережной, рядом с рынком, обмывать сделку. Только одна женщина в кожаном фартуке спросила:

— Жак, знакомого встретил? Мне кажется, я его знаю...

— Так это же сын Жана Солея.

— Что, из Ла-Рошели? Совсем глаза старыми стали — сразу и не узнала. Но на отца-то как похож. Куда вы собрались? Если выпить, то вон туда, — показала на таверну.

— Нет, мы к Филиппу сплавает.

— Да-а-а, надо навестить старика... Совсем его все забыли...

Жак был из тех рыбаков, которые с пеленок знают, что такое море, шторма и отражающееся от волны солнце. Его лицо было покрыто глубокими бороздами морщин, а глаза из-за попадания соленой воды рано стали старыми, и он, глядя на собеседника, постоянно прищуривался. Старик сел на корме за руль, а Поль взялся за весла, и чувствовалось, как у него от удовольствия напряглись мышцы под курткой, а на лице заиграла счастливая улыбка.

— Ты, Поль, похож на лавочника или торговца, но только не на нашего брата рыбака. Где ты сейчас живешь? Не в Ла-Рошели же.

— Не в Ла-Рошели, это точно. У меня есть небольшая гостиница в Лиможе.

— А-а, а то тут прошел слух, что ты служишь у герцога Нормандского. Да и твой отец вроде говорил, что ты служишь у него... Он приплывал сюда год назад. Он тог-

да наловил много рыбы, но попал в шторм, и его унесло в нашу сторону, но он успел повернуть в Жиронду. Я ему тогда помог продать улов. Эх, как же хорошо мы тогда выпили! Кстати, и Филипп с нами гулял. Сейчас уж никто из Ла-Рошели не приплывает — боятся, а может, англичане не пускают.

— А они где? Я только знаю, что в город по суше не проехать — везде дежурят королевские войска.

— Ты что, ничего не знаешь? Англичане высадились на острове Ре и перекрыли с моря город, а стены вокруг города, сам знаешь, неприступные, да еще английские пушки. Но все равно вас, гугенотов, перебьют и правильно сделают, — ворчал старик, ловко управляя рулем.

— И никто не может попасть с моря в Ла-Рошель и из Ла-Рошели сюда?

— Из Бордо — никто. Так все говорят. И я давно не видел ни одного рыбака из Ла-Рошели. А ты хочешь попасть в Ла-Рошель?

— Не знаю. Думаю.

— А зачем тебе тогда лодка?

— А может, мы зря к Филиппу плывем? Мне же нужна лодка готовая, спущенная на воду.

— Филипп — лучший мастер на всем побережье. Пока не было войны, у него лодки заказывали даже ваши, с Ла-Рошели. Лучше лодки, чтобы плыть по морю, ты ни у кого не найдешь. Филиппу сейчас туго — покупателей нет, так что ты торгуйся.

— А может, его нет дома, может, уплыл?

— Он такой же старый, как и я, и давно не плавает в море. Дома он, дома... Вон туда гребни, видишь мостки и лодки — это дом Филиппа. Да ты весла не сломай! Все вы, Солеи, силой не обижены. Быстрее, чем под парусом, плывем. Ух ты, аж ветер в ушах засвистел!

Трое мужчин, запыхавшись и вытирая пот, пришли на рынок и стали оглядываться.

— Господин Броше, кажется, его здесь нет...

— Да-а... — сказал Броше. — Неужели я ошибся?

— Господа хотят купить рыбы? У меня еще осталась. Хотите посмотреть? — к мужчинам подошла женщина в старой заношенной одежде и в надетом поверх нее тяжелом кожаном фартуке. Руки женщины были большими и красными, какими бывают от тяжелого труда и холодной воды.

— Скажи-ка лучше, тетка, не появлялся ли здесь молодой человек лет двадцати, с белыми волосами?

— Он хотел купить рыбу? — спросила женщина.

— Вряд ли.

— Тогда не видела, — сказала женщина и отвернулась.

— А я знаю, кого вы ищете, — к Броше подошел бедно одетый мужчина с худым синим лицом и трясущейся головой.

— Ты чего суешься, старый пьяница? — повернулась женщина. — Не слушайте его. Он вам такого наплетет, только бы вы ему кружечку поднесли. Иди, иди отсюда.

— А ну постой! — сказал Броше и схватил мужчину за рукав рваной куртки. — Кого ты видел?

— Никого, — испуганно залепетал пьяница и стал вырывать руку. — Никого не видел, господин... Я попутал.

— Либо ты сейчас скажешь правду, либо, — Броше стал вытаскивать шпагу, — я в тебе наделаю дырок. Ну что, скажешь правду?

— А заплатите? — набрался храбрости пьяница.

— Видишь, — Броше вытащил серебряный экю. — Он твой, если скажешь.

— Он уплыл со стариком Жаком.

— Куда?

— Не знаю.

— Плакали твои денежки, — Броше сжал экю в кулаке. На глазах пьяницы выступили слезы. Он дернулся и, оглянувшись, прошептал:

— Они уплыли к лодочнику Филиппу.

— Где это?

— На том берегу. Вон там, — пьяница показал рукой на другой берег.

— Ты что-нибудь еще слышал? — Броше приоткрыл ладонь — блеснула монета.

— Они говорили о лодке, на которой можно плыть по морю.

— Молодец! — сказал Броше, сжал монету в кулаке и приказал: — Клод, Николя, пошли. Жаль, лошадей не взяли.

— А деньги? — удивленно сказал пьяница, и по грязным щекам побежали слезы.

— Какие деньги? — грозно произнес Броше. — Ты хочешь сказать, что я, барон Антуан Броше, должен тебе деньги? Да я тебя сейчас разрублю на куски! Пошел вон! Эй, кто-нибудь может нас перевезти на тот берег?

Женщины и мужчины на рынке стали быстро отходить от троицы, а рыбацка, сложив на груди красные руки, сказала:

— Ну что, Пьер, выпил? Уходи отсюда. А вам я вот что скажу: никто вас не повезет. Виданное ли дело, чтобы рыбацка предал рыбака. Уходите. А лучше возьмите, отберите у рыбаков лодку, беритесь за весла и плывите на тот берег... если доплывете. Это же не ваша вонючая Сена, это Гаронна.

— Ты, тетка, в своем ли уме, чтоб так говорить?

— А ты проткни меня своей железкой...

— Господин Броше, я не полезу в лодку, я боюсь воды, — сказал толстый Николя.

— И я не полезу. Я утону от страха. Посмотрите, какое течение! Да мы сразу перевернемся! Господин Броше, давайте лучше пойдем пешком. Ну куда он от нас сейчас денется? — пискляво произнес тощий Клод.

— Тьфу ты! — воскликнул Броше и пошел к мосту; двое его спутников поспешили за ним. Идти им пришлось долго — это только кажется, что Гаронна не широкая. Она очень широкая река.

— Ну что, Пьер, предал рыбаков? — крикнула женщина, и все вокруг закричали:

— Предатель! Предатель!

— Садись в лодку, плыви на тот берег и предупреди Жака и Филиппку, если не хочешь, чтобы тебя выгнали с рынка навсегда, — крикнула женщина.

Пьер согнулся, как от удара, и полез в маленькую лодку, борт которой, когда он сел в нее, возвышался над водой не больше чем на ладонь.

— Ты куда полез в это корыто для стирки белья? — засмеялись на берегу, но Пьер уже оттолкнулся веслом и стал выгребать на течение реки.

— Куда ты? — закричала женщина. — Вернись! Возьми другую лодку. Утонешь!

Но Пьер греб веслами и никого не слышал. Ближе к середине реки в маленькую лодочку ударила волна, весло выскочило у Пьера из рук и упало в воду. Он наклонился, чтобы схватить его, лодочка накренилась, зачерпнула воду, и Пьер, замахав руками, упал в реку.

— Ах! Ах! — раздались голоса на берегу.

— Да спасайте же его! — крикнула женщина в кожаном фартуке и бросилась к лодкам. Она оттолкнула одну от берега и, схватившись за весла, стала грести к тонущему Пьеру, но было поздно — Пьер ухватился за борт своей лодочки, она накренилась, черпнула еще воды и пошла ко дну. Пьер что-то прокричал, помахал руками над головой и скрылся под водой.

Гаронна — река не только широкая, но и стремительная.

VI

— Ваше преосвященство, вот что удалось узнать, — перед кардиналом Ришелье стоял его тайный помощник де Труа. — Точно известно, что герцог Орлеанский встречался с сержантом мушкетеров бароном д'Армантьером. Они знакомы с детства. Д'Армантьер был лейтенантом мушкетеров...

— А-а, — перебил Ришелье, — то-то, когда в прошлый раз прозвучала эта фамилия и что это всего лишь сержант, я еще удивился. Так вот это кто! Дальше, де Труа.

— Д'Армантьер — пьяница, спустил все свое состояние, был разжалован до сержантов. Его родовое поместье зало-

жено. А сержант гвардии... вашей... Моро — родом из Рубе и вассал д'Армантьера.

— Целый змеиный клубок, — прошептал Ришелье.

— Известно, что после встречи с д'Армантьером герцог Орлеанский отправил в сторону Бордо трех людей во главе с бароном Броше.

— Так что же, де Труа, с этого-то не начинаете? — с неудовольствием сказал Ришелье. — Срочно отправьте пять человек в Бордо. Пусть они скачут день и ночь, меняют лошадей, сами падают от усталости, но доедут до Бордо. Пусть выяснят, приезжал ли в город молодой человек лет двадцати, беловолосый, синеглазый, с местным акцентом в голосе. Не спрашивал ли кто-либо о нем, не пытался ли захватить или убить? Не произошли ли в городе необычные события — странные убийства, кражи, нападения? Особенно не было ли нападения на кого-нибудь в районе развалин Колизея? По дороге в Бордо на постоялых дворах, в гостиницах тоже узнавать, проезжал или нет такой молодой человек или не спрашивал ли кто о нем? Вот деньги, — кардинал протянул кожаный мешок. — Де Труа, вы еще здесь?

— Ваше преосвященство, может, мне самому поехать? — спросил де Труа.

— Вы мне нужны здесь. Я должен знать все, что знает герцог Орлеанский, и даже то, чего он не знает. Скажу вам больше: от этого зависит моя победа в Ла-Рошели. Я думаю, вы хотите, чтобы в Ла-Рошели победа была моей?

— Ваше преосвященство, да как можно сомневаться?

— В вас, граф, я уверен, но стал сомневаться во многих окружающих меня. Идите, де Труа, и приходите ко мне в любое время. Запомните: кто знает первым, тот выигрывает!

Лодка старика Жака толкнулась в берег у небольшого деревянного причала, к которому были привязаны разные лодки: от маленьких весельных до больших парусных лодок, способных выдерживать морской шторм. Поль Солей, залюбовавшись, произнес:

— Хороши. Особенно вон та, с красной мачтой. Лишь бы была не продана и не слишком дорогая.

— Разбираешься! Впрочем, о чем я говорю — ты же Солей. Пойдем, дымок из трубы идет, значит, Филипп дома. Он уже пять лет как вдовец. Однолюб и новую хозяйку в дом не привел. Я вот, если моя раньше меня умрет, не смогу один жить — кто будет стирать, убирать, готовить? Не-е, я сразу приведу, и чтобы помоложе... — старик простуженно засмеялся и закашлял. — Только что я с ней, молодухой-то, делать буду? Свечку держать? А вон и Филипп вышел нас встречать.

Около небольшого домика стоял крепкий седой старик. Лицо его, как и у рыбака Жака, было покрыто глубокими морщинами, а вены на руках были с палец толщиной. Все в нем говорило, что он стар, кроме глаз — карих, умных и веселых.

— Жак, ты ли это? Да еще и не один. Проходи, старина, у меня готов обед и где-то затерялся кувшинчик вина. Правда, скисло, наверное... Эх, прошли хорошие времена, когда здесь было полно народу. Веселые были времена. А, Жак?

— Были-были, Филипп. А это Поль Солей, сын Жана Солея из Ла-Рошели.

— То-то я вижу — знакомое лицо, а уж глаза и волосы ни с кем не спутаешь, такие волосы единственные во всей Аквитании. Я твоего отца хорошо знал. Он лодки у меня заказывал. Да теперь война, какие лодки. А силен ты так же, как твой отец?

— Филипп, ты бы видел, как он гребет. Я думал — весла ломает.

— Значит, точно Солей. Ну и что надо младшему Солею от старика Филиппа? Не просто же так вы приплыли?

— Ему нужна лодка, — сказал Жак.

— Лодка? Смотря для чего. Ты, Солей, разбираешься в лодках?

— Мне нужна вон та лодка с красной мачтой.

— Ты решил доплыть до Бреста? Это же лучшая моя лодка!

— А я что тебе, Филипп, говорил? Он же Солей, — засмеялся Жак.

— Солей-то Солей, да знает ли он, сколько она стоит?

— Сколько? — спросил Поль.

— Сто экю. Золотом.

— У меня нет таких денег. Я готов отдать за нее пятьдесят экю.

— Жак, ты зачем его привел? Убирайтесь отсюда оба!

— Хорошо, мы пойдем, — сказал Солей. — Не один же ты, Филипп, здесь строишь лодки. Можно купить и у рыбаков. Еще лучше — уже испытанная морем.

— Да как ты смеешь, сопляк, говорить мне такие слова? Да лучше моих лодок нет во всей Аквитании! Семьдесят экю, и ни су меньше!

— Пятьдесят и двадцать пять потом — либо я, либо отец отдаст. Слово Солея.

— Нет, Жак, ты слышишь, он клянется словом Солея? Если бы это сказал твой отец, то, возможно, я бы и согласился. Но где он, твой отец? В Ла-Рошели? Как в тюрьме!

— Может случиться так, что я тебе лодку верну и денег обратно не потребую.

— Как это?

— Сам же говоришь — другие времена.

— Жак, ты будешь свидетелем, что пообещал молодой Солей. Если что, спросим с его отца. Пусть только попробует опозорить такую славную на всем побережье Аквитании фамилию. А лодка хорошая. Набавь пару экю, чтобы обмыть твою покупку.

— Хорошо. Но, к сожалению, я не могу сейчас участвовать в обмывании покупки. Потом... Где парус?

— Ах тебе еще и парус?

— А зачем она мне без паруса?

— Да как ты хочешь один с ней управиться? Тебе нужен помощник.

— Это уже мое дело. Давайте парус и весла.

— Нет, ты слышишь, Жак, как раскомандовался этот Солей? Весь в своего отца! Возьми все вон там, под навесом. Да мы тебе поможем. Видно, ты очень торопишься.

Втроем они легко укрепили на мачте парус.

Солей вытащил кошелек и отсчитал пятьдесят экую, а потом добавил еще три.

— В расчете?

— Добавил бы еще. Все-таки серебро, — жалобно сказал Филипп, сгребая жилистой рукой деньги со стола.

— Добавил бы, но лишних нет.

— Ладно, плыви. Подожди, я тебе плащ от дождя дам, — Филипп сходил под навес и принес рыбацкий кожаный плащ и шляпу. — Я так думаю, ты не на прогулку по Гаронне собрался. К родителям? Так там война!

— Ты сейчас куда? — спросил Солей старик Жак.

— На ту сторону, где Колизей.

— Так это недалеко от меня. Может, мне с тобой поехать, а завтра прийти за своей лодкой?

— Ты, Жак, за кого меня принимаешь? Я что, должен твою старую развалину стеречь, чтобы она, не дай бог, не затонула? Оставайся, выпьем, поговорим, а завтра поплывешь домой. Дай своей старухе хоть денек отдохнуть от тебя, — воскликнул Филипп.

— Она и так всю жизнь от меня отдыхает.

— Это нам только так кажется, — вздохнул Филипп. — Плыви, Солей.

— Там на берегу, как раз где развалины, есть небольшая лавка. В ней все продается для рыбаков: одежда, рыболовные снасти, сети, вяленая рыба и мясо, хлеб, вино, соль, огниво. Чует мое сердце, все это тебе понадобится... и не одному тебе. Такая-то большая лодка. Подожди, — старик Жак сходил к своей лодке и принес мешок. — Тут немного рыбы. Свежая, но я ее уже почистил и посолил. Пригодится. Прощай. И передай от нас привет своему отцу. Передашь?

— Если увижу, обязательно передам. Прощайте и спасибо вам.

— Плыви!

Два седых старика стояли на берегу и смотрели, как на мачте надулся парус и лодка поплыла, все убыстряя ход.

— А хорошо парусом управляет, — сказал Жак.

— Лодка хорошая, — ответил Филипп. — Пойдем обмоем. Эх ты, Жак, — лучшую лодку за бесценок продал!

— Так Солей же!

— Вот именно, потому что Солей.

— Нет, он точно в Ла-Рошель поплыл. Смелый.

— Так сам же сказал: Солей.

Они сидели за столом. Ярко горел огонь в очаге, вино было хорошим, какое и должно быть в Аквитании, а закуской была речная рыба из Гаронны. И старики радовались вину, теплу огня, хорошей еде и, конечно, хорошему разговору.

— Как ты думаешь, Жак, зачем младшему Солею такая лодка? Куда он собрался доплыть?

— Я думаю, Филипп, он хочет попасть в Ла-Рошель.

— Весь в свой род. Погода-то — весна, штормит. Да и англичане. И зачем ему такая большая лодка? Он точно не один поплывет.

— Так он же на это и намекнул. Или мне показалось? А может, контрабанда?

— Не-е, за Солеями такое никогда не водилось. Может, он просто хочет попасть домой? Он что, не в Ла-Рошели живет?

— Я его спрашивал об этом. Говорит, что имеет гостиницу в Лиможе. А я слышал от его отца, что он служит у герцога Нормандского. Ты же должен помнить заклетье их рода: старший сын обязательно служит. Только вот никак не могут дослужиться до какого-нибудь звания.

— Зачем же идут?

— А пойми их, Солеев. Что волосы, что характер. Это же их предок, говорят, на лодке доплыл в одиночку из Швеции до Ла-Рошели.

— Это где викинги? Не может быть такого!

— А вот, видимо, может. Сейчас туда многие плотники уплыли на заработки. Там ихний король какой-то особый корабль строит.

— Я тоже слышал. Чего же меня не позвали — я бы пошел.

— Ага, тебя только там не хватает. Это же не лодка — корабль.

— Ты еще меня будешь учить, как топор держать!

— Да не спорю я. Давай еще по глотку, да я поплыву.

— Куда ты поплывешь — темнеет уже. Оставайся у меня, а завтра с утра и поплывешь.

— Нет, старая ругаться будет. Это тебе, Филипп, хорошо — тебя никто не пилит.

— Ничего хорошего в этом нет. Лучше бы день и ночь ругалась.

— А с кораблем-то этим, шведским, я вспомнил, — Жак стукнул себя по лбу, — беда приключилась. Построили, спустили на воду, а он раз — и перевернулся вместе с матросами и мастеровыми людьми.

— О господи! То-то наши плотники не возвратились.

— Может, они на нем и остались. Давай, Филипп, помянем!

Открылась дверь, и в низенький проем, нагнувшись, вошли трое в плащах и со шпагами.

— Кто из вас рыбак Жак? — спросил зло и громко один из них.

— Я, милостивый господин. Не знаю, как к вам обращаться...

— Ты сюда на своей лодке привез человека по имени Солей? Отвечай!

— А зачем вам, милостивый господин, это надо?

— Я задал вопрос и жду ответа.

— Что такого незаконного сделал мой друг? — спросил Филипп.

— Ты, как я понимаю, лодочник Филипп, и к тебе у нас еще будут вопросы. Я жду ответ, старик, но терпение мое сейчас лопнет.

— Да, я перевез на этот берег молодого человека. А как его зовут, я не знаю.

— И где он сейчас?

— Не знаю. Он на этом берегу расплатился и ушел.

— Врешь и не краснеешь. С тобой ясно. А теперь, Филипп, вопрос к тебе: какую лодку ты ему продал?

— Я не понимаю, милостивый государь, о чем вы меня спрашиваете. Сидят два старика, выпивают, закусывают — неужели это запрещено?

— Я задал тебе вопрос. Вы, оба, не выводите меня из себя. Я проскакал больше сотни лье от Парижа до Бордо не для того, чтобы два старых хрыча мне ввали.

— Милостивый государь, может, вы ошиблись? Может, вам надо к кому-нибудь другому? — сказал Филипп.

— Ну всё! А ну вяжите их! Сейчас они всё нам расскажут.

Чего-чего, а в любом рыбацком доме веревок предостаточно. Двое сбили ударами кулаков стариков на пол и связали им руки.

— Господин Броше, что дальше-то делать?

— А ты, Николя, не знаешь? Сунь кочергу в огонь.

— В огонь? Зачем, господин Броше? — с ужасом сказал Николя.

— Может, не надо, господин Броше? — сказал второй, поняв, что хочет сделать Броше.

— И ты, Клод, туда же? Вот же взял на свою голову помощников... Слунтяи, тряпки! Может, я, дворянин, должен сам пытаться этих молчащих стариков, чтобы получить нужные сведения? — Броше повернулся к, лежащим на полу связанным старикам. — Я надеюсь, что ваши уши еще слышат и вы понимаете, что с вами будет, если сейчас же не расскажете, какую лодку купил Солей...

Старики заплакали. Николя и Клод стали отводить в сторону глаза.

— Ну всё! — Броше выхватил кочергу из огня и сунул раскаленным концом в грудь рыбаку Жаку. Запахло горелым мясом.

— А-а-а! — заорал Жак и вдруг смолк. Он был мертв.

— Господин Броше, он, кажется, умер... — в ужасе произнес Николя.

— Слабенький оказался, — произнес Броше и обратился к Филиппу: — Ну что, дед, тоже молчать будешь?

— Мы же не слуги, мы свободные люди, как вы можете так обращаться с нами? — закричал Филипп.

— Скажи — и я тебя развяжу.

— Я ничего не знаю!

— Ты сам напросился! — Броше сунул кочергу Филиппу в живот. Лодочник закричал, а Броше продолжил: — Ну зачем ты, старик, упираешься? Я всего лишь хочу узнать, какую лодку ты продал Солею. Скажи, и я обещаю, что отпущу тебя. Еще и денег дам. Или ты хочешь умереть, как твой друг?

— Он купил лучшую лодку.

— На ней можно выйти в море?

— Да.

— Как ее узнать? — спросил Броше, но старик закрыл глаза и замолчал.

— Ну зачем же так? — Броше вновь ткнул кочергой старику в живот.

— А-а-а! О-о-о! — закричал старик. — У нее красная мачта.

— Сколько человек можно перевезти на такой лодке? Куда он поплыл?

— Не меньше четырех. Это очень хорошая лодка. Самая лучшая моя лодка. Он поплыл на тот берег.

— Куда на тот берег? Ну! — Броше поднес кочергу к лицу старика.

— Он что-то говорил о Колизее.

— Вот видишь, я был прав — ты все сказал, — Броше пошел к выходу. — А вы чего встали? Знаете, что делать?

— Но...

— Заткнись, Николая. Чтобы свидетелей не было.

— Так нас же запомнили на рынке...

— Ты совсем дурак! Какое нам дело, кто нас вспомнит, когда нас в этом городе не будет! Пошли в гостиницу. Возьмем лошадей и поедем к Колизею. Еще надо узнать, где он находится, и успеть захватить этого проклятого Солея. Как я устал за ним гоняться! Да, и не забудьте забрать у этого старика деньги — он же сказал, что продал лучшую лодку.

VII

Когда-то в древности римские цезари, убивая всех на своем пути, захватили земли племени галлов, дошли до Атлантического океана и назвали эту землю Аквитанией. Римляне принесли с собой не только жестокость и рабство, но и непонятную культуру — бои гладиаторов. В городке Бордо, они построили огромное здание Колизея, развалины которого и через полторы тысячи лет поражали воображение, видевших их людей. Конечно, за столетия стены рухнули, множество камней растащили жители на постройку своих домов, но все равно толстые, многометровые остатки стен возвышались над городскими домами, а арка главного входа прекрасно сохранилась.

Поль Солей в наступающих сумерках подошел к Колизею и стал оглядываться. От стены одного из домов вдруг отделился человек в шляпе и плаще и, подойдя к Солею, тихо произнес:

— Король.

— Король, — почему-то ответил Солей.

— Лодка готова?

— Да.

— Тогда пошли.

В этот момент показались три всадника. Один из них крикнул:

— Вот он! Да их двое! Николая, Клод хватайте его!

Всадники соскочили с лошадей и вытащили шпаги.

— У тебя есть оружие? — спросил Солея человек в плаще.

— Нет. Только нож.

— Тогда беги к лодке, а я их задержу и приду позже. Если я не приду, выполняй то, что приказал тебе кардинал.

— Вы о втором человеке, что должен с нами плыть?

— Да. Беги! — и человек отбросил шляпу. Заколыхались русые волнистые волосы, в руке молниеносно появилась шпага. — Ну, господа, я к вашим услугам, — в голосе слышался акцент.

— Кто это такой наглец, чтобы сразится с тремя французами?

— А ты кто, чтобы я тебе представлялся?

— Барон Антуан Броше.

— Александр Трубецкой, русский князь.

— Вы нам не нужны, князь. Нам нужен вон тот парень с белыми волосами.

— Так у меня тоже не черные! — и Трубецкой потрянул копной русых волос.

— Берегитесь, князь... А вы чего стоите? Хватайте Солея.

— Вначале вам придется убить меня. Юноша, беги. Я тебе приказываю, — крикнул Трубецкой.

Броше сделал выпад шпагой. Трубецкой с легкостью отбил его и сам сделал молниеносный выпад — клинок вонзился в левое плечо Броше.

— А-а! — закричал Броше и схватился за плечо. Между пальцами потекла кровь. — Николая, Клод, помогите мне, нападайте на него.

На Трубецкого уставились две шпаги.

— Бросайте шпагу, сударь, и я обещаю сохранить вам жизнь, — крикнул Броше. — Вы дворянин, и если вы сдадитесь, мы не станем вас убивать.

— Виданное ли дело, чтобы русский князь сдался какому-то сброду! — весело крикнул Трубецкой. Он сделал выпад... и его шпага сломалась, ударившись о гарду шпаги Николая.

— Ну вот и всё, князь! — засмеялся Броше.

— Что же ты наделал? Ты не выполнил приказ кардинала, — повернувшись к Солею, громко произнес Трубецкой.

— И не выполнит! Мы его уьем! — крикнул услышавший слова Трубецкого Броше.

— А кто сказал, что меня можно просто так убить? — необычайно спокойным голосом произнес Солей. — Я-то не дворянин, и эти двое, кажется, тоже не дворяне. А у простых людей и оружие другое, — и молодой человек, наклонившись, схватил осколок кирпича и бросил в Николая. Камень попал тому в лоб; удар был настолько сильным, что

расколовшаяся голова взбухла и толстый Николя упал за-
мертво. Все застыли, пораженные увиденным, но тут вто-
рой камень попал худому Клоду в грудь и сломал грудину.
Тот, даже не вскрикнув, упал мертвым.

— Сударь, я свою задачу выполнил? Или мне прибить
и этого хвастуна? — спокойным голосом произнес Солей.

— Бросайте шпагу, барон Броше. Скажите, зачем вы
здесь, и можете уходить, — крикнул Трубецкой.

— Сударь, у каждого из нас свой приказ, — Броше сде-
лал выпад шпагой, и если бы Трубецкой не успел отскочить
назад, шпага прошла бы его насквозь, а так она застряла в
груди.

— Сволочь! — крикнул Трубецкой, и обломок его шпаги
вошел в сердце Броше, а Трубецкой упал на колени и вос-
кликнул: — Плохо, Солей, очень плохо. Помогите мне дойти
вон до того дома — там гостиница, в которой я живу. Даже
выйти последние дни не могу — сижу у окна и жду тебя.
Как девица красная. Ничего себе служба у русского князя!

Солей легко поднял Трубецкого на руки и отнес его в
гостиницу, где на втором этаже была комната князя. Хозя-
ин гостиницы, увидев раненным своего самого дорогого
постояльца, послал слугу за лекарем. Тот остановил кровь
из раны и, перевязав, сказал князю:

— Не умрете, но вы потеряли много крови. Лучшее ле-
карство — наше красное вино, — и повернувшись к хозяи-
ну гостиницы, строго произнес: — Лучшее вино — в лавке
моего свояка. Знаешь где?

— Конечно! Я все сделаю. Я уже побежал.

Князь Трубецкой от потери крови был бледен, но после
перевязки потребовал, чтобы все ушли, и сказал Солею:

— Юноша, я тебя жду уже три дня. А ты, видимо, не
очень-то и спешил. Мне очень жаль, но теперь я только обу-
за для тебя. Тебе придется плыть одному. Времени очень
мало. Плыви, как и оговорено, до Монтандра, там около
монастыря заберешь... спутника. Он... тебе скажет, что де-
лать дальше. Проклятье, весь план полетел к черту! Все же
должен был сделать я. Не знаю, сможет ли... он справиться...
один. Помогите ему, Солей. Скажи, что я об этом поп-

росил. Плыви. Я отлежусь и обо всем расскажу кардиналу. Я твой большой должник, Солей. А князья Трубецкие, как все русские, не любят быть должниками.

— Князь, можно один вопрос?

— Конечно, говори.

— Я первый раз в жизни вижу русского. В России все такие храбрые?

— Не все. Такие храбрецы, как ты, встречаются редко. Ты почему не убежал? Я же приказывал.

— Так мне господин кардинал сказал, что я должен вам помогать. Даже ценой своей жизни. И за это пообещал мне звание сержанта. А теперь вряд ли это исполнится.

— Будешь ты сержантом, Солей, будешь. О твоём подвиге я сам кардиналу доложу. Всё, я очень устал. Поезжай. Как у нас, у русских говорят: ни пуха, ни пера.

— И надо на это что-то отвечать?

— Посылать к черту.

— О ужас!

— Лучше пошли, а то обижусь, — закашлялся Трубецкой.

— К черту, господин князь.

— Лучше на французский манер — ваше сиятельство. Спешите, Солей. Мы и так потеряли очень много времени.

— Почему потеряли?

— Это неизвестно ни мне, ни тебе. Но есть дата, к которой мы всё должны успеть сделать.

— Что сделать?

— Это не твоего ума дело, Солей. И даже не моего. Ты же знаешь, что тебе приказано. Иди и исполни.

В полной темноте лодка отплыла от берега. Ветер дул в сторону моря, светили звезды и луна, и темные берега Гаронны с трудом, но просматривались. Когда солнце появилось из-за горизонта, лодка ткнулась носом в ил правого берега реки у маленькой деревушки Монтандр. В ста шагах от берега возвышались стены старинного монастыря. Солей прошел к нему. Через неплотно прикрытую дверь часовни мелькал свет свечей, а недалеко от входа, справа, возвышался на каменном постаменте крест. Солей подо-

шел к кресту и подумал: «И сколько я буду здесь ждать? Лучше бы договорились встретиться в часовне, не так холодно». Но ждать пришлось недолго — из часовни вышел невысокий человек в плаще с капюшоном и пошел в его сторону. Подойдя, человек произнес красивым, мелодичным, с акцентом голосом:

— Король.

— Да... Король, — Поль вдруг с удивлением понял, что перед ним женщина... — Сударыня?!

— А где Александр Трубецкой? — женщина откинула капюшон плаща и появилась хорошенькая русоволосая головка. На Солея смотрели большие серые глаза с длинными ресницами. «Как похожа на князя», — подумал Солей и ответил:

— К сожалению, сударыня, он ранен и остался в Бордо. Он просил вас довериться мне, а мне велел исполнять все ваши приказания.

— Плохо, все очень плохо. Ты хороший моряк?

— Все зависит от лодки, погоды и, конечно, от того, куда плыть.

— В Ла-Рошель.

— Не скажу, что это будет легко. У меня лодка хорошая, но ею сложно управлять одному. Но я справлюсь.

— Тогда поплыли. Как тебя зовут?

— Солей... Поль Солей. А как к вам обращаться, сударыня?

— Называй меня Наташа, Натали.

— Пойдемте, сударыня Натали.

Девушка коротко рассмеялась. Они пошли к берегу. Когда подошли к лодке, девушка сказала:

— А как же я в нее заберусь?

Солей вежливо предложил:

— Вы позволите, Натали, я вам помогу?

— Помогите.

Покраснев до корней волос, Солей, как пушинку, поднял Натали на руки и перенес в лодку.

— Судя по тому, как ты меня перенес, либо ты настолько силен, либо я ничего не вешу...

— Конечно, второе, сударыня Натали.

Девушка опять рассмеялась:

— Либо Натали, либо сударыня.

— Хорошо... сударыня.

Лодка легко отошла от берега. Солей отдал Натали подаренный ему лодочником Филиппом рыбацкий плащ, который она накинула на свою одежду, и сел в корму за руль. Девушка села на среднюю лавку и стала с любопытством смотреть на воду и проплывающие берега. Берега всё удалялись, и пространство вокруг всё больше и больше заполнялось водой. Подул сырой ветер — лодка шла к морю. Волны ударялись о борт лодки, и брызги стали накрывать и девушку, и самого Солея. Одежда быстро намокала.

— Так не пойдет, — сказал Солей и повернул лодку к берегу, где виднелись несколько маленьких рыбацких домиков, больше похожих на шалаши, а рядом с ними на шестах были развешены для просушки рыболовные сети.

Когда лодка прошуршала днищем по прибрежному песку, Поль сказал:

— Сударыня, вы, пожалуйста, подождите меня. Я должен найти нам одежду.

— Я боюсь оставаться одна, Солей, я пойду с тобой.

— Хорошо, пойдемте, сударыня, — и он, опять краснея, перенес девушку на берег.

Из рыбацких домиков вышли несколько человек, и Солей стал с ними разговаривать на каком-то странном, непонятном языке, перемешанном с активной жестикуляцией. После разговора, больше похожего на ссору, все пожали друг другу руки и Солею вынесли и отдали кожаные плащи, сапоги, широкие шляпы и тяжелые, плотные, вязаные свитера и носки, а также небольшую корзинку. Солей отдал рыбакам деньги, которым они явно обрадовались, и, вскинув тук с покупками на плечо, пошел к лодке. За ним быстро засеменила ножками в маленьких туфельках девушка. Он вновь перенес девушку в лодку и протянул ей одежду и сапоги.

— Пожалуйста, сударыня, переоденьтесь. Я отвернусь. Конечно, эта одежда не для вас, но мы с вами в море будем

не один день, и без такой одежды вы никуда не доплывете. Да и я тоже.

— Что, здесь, при этих людях? — девушка показала на домики. Людей видно не было.

— Ах да, — Солей быстро оттолкнул лодку и, проплыв не больше половины лье, опять причалил к берегу.

— Одевайтесь, сударыня, — сказал он и отвернулся, но через несколько минут усиленного сопения услышал мягкий голос:

— Пожалуйста, Поль, помоги мне.

Он повернулся. Девушка растерянно стояла над кучей одежды и явно не знала, как и что надевать.

— Сударыня, вам надо надеть вот эти штаны и завязать их, чтобы они не свалились.

— Я в них утону.

— Потом надеть носки и сапоги, потом свитер, куртку, плащ и шляпу.

— А платье? Мне надо сохранить платье, оно мне понадобится в Ла-Рошели.

— Тогда вам придется его снять.

— Ты мне поможешь, Поль?

— Как? Я? Это невозможно.

— Поль, тебе приказали подчиняться мне?

— Да, — тихо ответил Солей, и краска стыда стала заливать его лицо.

— Скажи, у вас что, когда женщины одеваются, вы отворачиваетесь?

— Сударыня, но мы же простые люди, и женщины у нас другие.

— А здесь, в лодке, нет дворян, и других женщин нет. Это будет потом, когда ты довезешь меня до Ла-Рошели, а сейчас помогай. Я тебе приказываю, — и девушка стала снимать с себя платье. Поль, почти закрыв глаза, с красным лицом, трясущимися руками стал помогать ей снять платье. Показалась белая рубашка, затем красивые руки, плечи, шея и волна прекрасных русых волос. А тонкий запах мыла и цветочной воды был столь необыкновенен, что у юноши затряслись ноги.

— Да помогай же — я замерзну! — крикнула она.

Солей схватил большой свитер и помог девушке его надеть.

— А сейчас помоги мне надеть эти страшные штаны, — продолжала командовать девушка.

И опять Солей помогал ей и от увиденных стройных, ровных девичьих ножек краснел от стыда и тяжело дышал. Когда штаны были надеты и завязаны поверх свитера, Солей глубоко выдохнул, чем, по-видимому, рассмешил девушку. Она, как мешок, осела на скамью и рассмеялась:

— Ну теперь-то я и пошевелиться не могу. Помоги мне снять туфли и надеть эти сапоги.

Это сделать Солею было значительно легче. Он встал на колени и, расшнуровав туфли, снял их. Показались тоненькие ступни в чулках. Поль надел на эти прекрасные ножки носки, которые доставали до колен. А в сапогах эти ножки просто утонули. Девушка сняла, со склоненного перед ней Солея, шляпу и восхищенно воскликнула:

— Никогда не видела таких красивых волос!

Он поднял голову, и на нее посмотрели большие синие глаза. Теперь пришла очередь покраснеть девушке.

— Как жарко, — сказала она, — почему-то спать захотелось... А что мы будем есть?

— Копченую рыбу, мясо и хлеб.

— А пить?

— В лодке есть бочонок с водой и кувшин вина.

— Давай выпьем вина.

— Позвольте мне переодеться.

— Ах, я совсем забыла. Переодевайся, я отвернусь, — и девушка повернула прекрасную голову в сторону моря.

Столь быстро и неряшливо Солей еще никогда не одевался. Хорошо что эта одежда для него была привычнее, чем одежда гвардейца.

— Всё! — услышала девушка и, повернувшись, улыбнулась и спросила:

— Солей, а где вино?

— Сейчас, сударыня.

Солей поднял кормовую лавку, под которой оказался тайник, достал кожаный мешок и вытащил кувшин, чашки

с отбитыми ручками, хлеб и кусок мяса. Он отрезал ножом кусок мяса, положил на хлеб и, налив из кувшина немного вина в глиняную чашку, протянул все девушке.

— А ты?

— Я? Мне нельзя.

— Почему?

— Ну я же...

— Не дворянин? Так и не слуга. Да и я в такой одежде не княжна.

— Княжна? — в голосе Солея прозвучал испуг.

— Да. Я — княжна Трубецкая. А Александр Трубецкой — мой брат. Выпей-выпей, Поль, и скажем друг другу: «Ни пуха, ни пера».

— Ваш брат так же сказал, только прощаясь.

— А ответ он сказал?

— Да.

— Тогда наливай себе, выпьем и пошлем всё к черту! И прошу тебя, называй меня Наташа, Натали.

— Наташа, — тихо произнес юноша. Когда они выпили, Солей сказал: — А теперь, сударыня, приказывайте, что надо делать.

— Я план знаю только в общих чертах. Всё знал брат. Ты должен доплыть с нами... со мной до Ла-Рошели, но так, чтобы нас не обнаружили англичане. Когда мы туда приплывем, я скажу, что дальше делать. Там есть остров... как его?..

— Остров Олерон.

— Да, остров Олерон и еще какой-то...

— Ре?

— Вот-вот, Ре. И на Э-э...

— Остров д'Экс?

— Да-да, так. Они заняты англичанами, и в море их флот. Я не знаю, как проскочить мимо англичан, но нам сказали, что пришлют лучшего, кто это сумеет. Так что сейчас все зависит от тебя, Солей.

— А зачем вам делать такой крюк по морю, да ранней весной? Зачем так рисковать? Неужели нельзя как-то по-другому в город попасть?

— Нельзя. Везде глаза и уши, но никто не подумает о таком сложном пути. Таков план кардинала. И с чего ты решил, что нам нужно в сам город?

— А куда? — удивился Солей.

— Нам надо появиться перед английской эскадрой со стороны города, но не из города. Так можно сделать?

— Э-э... Понятно. Я вначале думал проскочить в пролив Антиош, между материком и Олероном, но господин кардинал сказал мне, что в проливе флот. Мы обогнем остров Ре и проплывем к Ла-Рошели по проливу Бретон. Там пролив узкий и много мелей. Большие корабли стоять в нем не могут, а я там проплыву по нему даже ночью... — юноша покраснел, вспомнив встречу с кардиналом Ришелье, осекся, понимая, что его слова могут восприниматься девушкой как хвастовство. — Это, конечно, очень большой крюк... Отдыхайте, сударыня, и дай бог, чтобы не было шторма.

— А если шторм? — в голосе девушки послышался страх.

— Если бы я был один, то, может быть, и остался в море, но мне кардинал Ришелье сказал, что я отвечаю за вашу жизнь, и поэтому мы будем приставать к берегу.

— А если бы не приказал?

— Тем более пристал бы, — тихо произнес, опустив голову, Солей.

Море было тихим, и зеленоватая морская вода играла в солнечных лучах. Солей все больше и больше хмурился и вдруг произнес:

— Надо быстро плыть к берегу.

— Почему? — спросила девушка.

— Будет шторм. Очень сильный шторм.

— Как шторм? Посмотри, какая чудная погода.

Солей ее не слушал и развернул лодку носом к невидимому берегу.

— Надо успеть проскочить мели! — крикнул он, и в этот момент в природе что-то произошло: небо стало темнеть, на море напал серый, рваный туман, подул резкий ветер

и волны стали стучаться в борт лодки, обдавая сидевших в ней людей холодной водой.

— Мне страшно! — крикнула девушка.

— Держитесь за мачту!

Ветер рвал парус, волна била то в борт, то в нос лодки, заливая ее водой, лодка то поднималась на волну, то неслась вниз, вглубь, и казалось, вот-вот другая волна накроет ее и она утонет, но Солей был хорошим моряком и лодка выскакивала из водяной ямы. И всё повторялось вновь. Парус то готов был разорваться от ветра, то падал тряпкой, но лодка упорно продолжала двигаться в сторону берега.

— Что это? О боже! — закричала девушка. Из ключев тумана на лодку наплывала громада корабля. Это был огромный корабль с разорванными и болтающимися на мачтах парусами. Когда столкновение казалось уже неминуемым, корабль готов был раздавить лодку, а девушка в ужасе закричала «А-аа!» — и, обхватив руками мачту, склонилась и почти лишилась чувств, Солей резко повернул руль, который затрещал от усилия. Лицо юноши напряглось, лодка развернулась и прошла совсем рядом с несущимся по воле ветра и волн кораблем. Можно было вытянуть руку, чтобы достать до обросшего водорослями и устрицами деревянного борта, а палубные пушки, в три ряда торчащие из незакрытых люков, пронесли над лодкой так низко, что чуть не сломали мачту. Но корабль и лодка не столкнулись — волна от корабля оттолкнула лодку от борта. Над лодкой пронеслась, нависая, огромная корма корабля с красивыми, вырезанными из дерева раскрашенными фигурами, а в окнах были видны мечущиеся тени. Вдруг с кормы в море прыгнул человек. Он в несколько гребков догнал лодку и ухватился за ее борт. Лицо его было страшным — череп обтянут желто-серой кожей с клочками бороды, глаза мутны и неподвижны. Человек открыл беззубый рот и прохрипел:

— Спасите меня!

— А-а-а! Он же мертвец! — закричала девушка и упала без чувств на дно лодки.

— Да! Я уже мертвец! — крикнул вцепившийся костлявыми руками в борт человек, хрипло засмеялся и стал забираться в лодку.

Солей отпустил руль и, схватив весло, ударил им по голове заплывающего в лодку человека. Голова развалилась на части, а руки всё продолжали цепляться за борт. Солей ударил по костлявым рукам — они разжались, и мертвое тело скрылось в воде. Солей снова схватился за руль, и во время — лодка накренилась и зачерпнула воды.

Натали, держась за мачту, поднялась, помотала головой и непонимающе, с ужасом в голосе спросила:

— Что это?

— По-видимому, это английский корабль.

— Как же он оказался здесь?

— Наверное, ветром сорвало с якорей.

— Да... — тихо сказала девушка. — Как страшно. А что с ним будет?

— Выбросит на мели и, если шторм не утихнет, разобьет в щепки.

Прошел еще час борьбы со стихией, ветер немного стих, лодку стало меньше раскачивать, а потом она прошуршала днищем по песку берега.

— Уф! Кажется, пронесло!.. — крикнул оглушенный ветром и морем Солей. — Как вы, сударыня?

И только тогда девушка очнулась от страшного видения и поняла, что ее больше не заливают водой, а ветер не рвет ее плащ и шляпу. Были видны бледность ее щек и расширенные от ужаса глаза.

— Все хорошо, сударыня, — сказал Солей и поднялся. Девушка тоже хотела подняться, но покачнулась и упала бы, если бы Солей не подскочил и не поддержал ее.

— Не надо так резко вставать. Вас укачало.

— Я хочу спать, — ответила девушка.

Солей выпрыгнул из лодки и, схватившись за кольцо в носу, вытащил половину лодки на берег.

— Какая силища! — воскликнула Натали.

Вода сбежала в корму. Солей снял с себя плащ и положил его в нос лодки, а потом поднял схватившую его за

шею девушку и перенес на растеленный плащ. Как только девушка легла, она тут же заснула, а Солей стал вычерпывать воду из лодки.

Шторм продолжался еще несколько часов и стих так же резко, как стремительно и внезапно начался. Туман растаял, выглянуло солнце, и море опять засверкало под его лучами. Девушка проснулась, поднялась и удивленно посмотрела на голубое небо и на сидевшего у небольшого костра Солея. На песке лежали плащ, свитер, сапоги и шляпа — сохли.

— Проснулись, сударыня? — увидев, как она поднялась, сказал Солей. — Вот и хорошо, идите поешьте. Вам надо поесть.

— Поль, помоги мне, иначе мне не выбраться в этой одежде.

Солей подошел и, легко подняв девушку, поставил ее на песок.

— Мог бы и до костра донести, — вдруг капризно произнесла Натали, а Солей от ее голоса опять покраснел. — И помоги мне снять эту одежду.

И Солей опять, затаив дыхание, ей помогал. Когда он снял с нее плащ и сапоги, девушка встряхнула спутанными волосами и, рассмеявшись, спросила:

— Поль, а вино у нас еще осталось? — И это «Поль» было сказано таким нежным голосом, что у юноши в груди что-то запело. Он глухо произнес в ответ:

— Да-да, сударыня, я сейчас все сделаю.

— Не сударыня, а Натали, Наташа. И помоги мне снять этот тяжелый свитер.

Девушка попробовала снять свитер сама и запуталась, и Поль вновь ей помогал, и вновь, смущаясь и краснея, видел, как появляется белая рубашка, под которой проглядывает упругая грудь, и он забылся, пока она не крикнула глухо из закрывшего голову свитера:

— Да помогай же — я сейчас задохнусь! — И Поль, очнувшись, помог стащить свитер.

— Уф! — сказала Натали. — Я чуть не умерла, — и засмеялась. И этот смех совсем смутил юношу. Он стоял и

смотрел на смеющуюся девушку, не понимая, что же ему дальше делать.

— Поль! Очнись. Я хочу есть и хочу вина.

— Ах да, простите меня, сударыня... Наташа.

Мешок и корзинка были здесь, на песке, и Поль, налив вина в чашку, протянул девушке, а потом разгреб угли костра и положил на глиняную тарелку кусок рыбы.

— Боже, откуда такая прекрасная еда?

— Так мы же в море.

— Ее что, во время этого ужасного шторма к нам в лодку забросило? — весело спросила девушка и с видимым удовольствием отхлебнула вина. — А есть придется руками?

— К сожалению, да, сударыня, — ответил Поль.

— Ну и прекрасно. Только я не знаю, как снять с нее шкуру.

— А-а, ну это просто, — Солей молниеносно очистил рыбу от шкуры и костей, и на тарелке осталось одно белое, нежное, пахнущее морем и костром мясо. Чувствовалось, что девушка очень проголодалась; она быстро съела рыбу и удивленно спросила:

— Это всё? А я и не заметила.

Солей опять разворошил костер и достал новую рыбищу. Столь же ловко почистил и подал девушке. Сейчас она ела медленнее — наслаждалась, но съела всю и стала облизывать кончики пальцев.

— Такой вкусной еды я не ела со времен, как мы с братом уехали из России во Францию. Спасибо, Поль.

Девушку от вина и еды разморило, голос стал заплетаться, глаза смотрели осоловело, а потом стали закрываться.

— Можно, я еще поплюю? — сказала она сонным голосом. — Но здесь, на солнышке. Чуть-чуть, — и легла, положив ладошку под щеку, на прогретый песок и, уже закрыв глаза, пробормотала: — Что это было, Поль? Что это такое ужасное было?

— Это был корабль. Такое бывает на море, особенно во время шторма.

— Как же мы с ним не столкнулись?

— Наверное, повезло.

— А что это за мертвец ухватился за нашу лодку?

— Не знаю, но он держался за борт... пока я его не ударил веслом.

— О господи, какой ужас!

— Отдыхайте... Наташа...

— Да-а, Поль, ты необыкновенный человек... — проговорила, засыпая, девушка.

Они плыли, и дни были такими чудными, теплое солнце грело их лица и тела. Они скинули тяжелую морскую одежду и сапоги и сидели в рубашках и босиком. И если девушка почти не стеснялась, то лицо Поля нет-нет да и покрывалось краской стеснения. Под ветром рубашка обтягивала тело девушки, и были видны выпирающие соски ее груди, ее талия и стройные ноги. И у Поля возникало доселе неизвестное и непонятное ему чувство, голова кружилась, и только когда парус начинал хлопать, а волны ударялись в борт и обдавали его кучей сверкающих, пахнущих морем брызг, он как будто просыпался от грез и старательно выправлял лодку на курс. И вновь смотрел на девушку. А она, не умолкая, болтала, и ему казалось, что это был не голос, а пение красивых птиц. Чайки кричали, пролетая над лодкой, и девушка кричала им что-то радостное и махала руками. «Вот так бы плыть и плыть», — радостно думал Солей, а потом понимал, что скоро этому счастью наступит конец. И становился грустным, и она тревожно спрашивала, что с ним и не будет ли опять шторма. А он в ответ качал головой, боясь своим голосом выдать себя, свои нарастающие к ней чувства. Может, она это понимала и старалась не показывать своих чувств к нему. Между ними стояло непреодолимое осознание разности их происхождения. Солей это понимал отчетливо, а она, будучи женщиной, понимала меньше. В ее девичьей душе, где-то у сердца, возникло какое-то непонятное ей чувство к этому юноше, и все в нем вдруг стало ей нравиться — и его необычная природная красота, и необыкновенная сила, которую она чувствовала, когда он брал ее на руки и выносил на берег, и его удивительное спокойствие... И еще было в

нем что-то такое, чего она не могла себе объяснить, но почему-то нравилось и восхищало ее. Когда он рассказал, что произошло с ее братом в Бордо, то она, не замечая, приоткрыв от удивления рот, слушала, как ее брат дрался против трех вооруженных людей и как его шпага сломалась, а он продолжал хладнокровно отбиваться и требовал, чтобы Солей убежал.

— И что произошло дальше? — вскрикнула девушка.

— Мне пришлось убить, а может, ранить двух нападавших на него людей, а он убил главного из них великолепным ударом обломка шпаги.

— Ты убил? Как? — воскликнула девушка.

— Камнями, — вздохнул юноша.

— Камнями?! Как это?

— Бросил одному в лоб, а другому в грудь, и они оба упали замертво... Кажется, замертво.

— А если бы ты не бросил эти камни, то они убили бы моего брата? Так?

— Ну что вы, сударыня, ваш брат, если бы его шпага не сломалась, их бы всех заколол.

— Поль, ты спас моего брата!

— Не говорите так, сударыня, я сейчас сгорю от стыда, что я вам это рассказал. Может, и не так все было, может, я ошибся и наврал про себя? Не верьте мне. Вам брат потом расскажет всю правду.

— Ах, как мне не хватает Александра. Я боюсь предстоящего! У меня сердце от страха бьется.

— Что же вам предстоит, что вы так боитесь?

— Это не моя тайна, Поль. Прошу, давай больше не будем об этом говорить.

— Хорошо, сударыня.

— Поль, я просила называть меня Наташа или Натали.

— Хорошо, Наташа, — тихо сказал Поль, и от этого «Наташа» у него стало необыкновенно тепло на душе. «Какое необыкновенно красивое имя. Как оно ей идет», — подумал он.

Так они плыли, болтали ни о чем, смеялись, и погода была прекрасная: светило солнце, было необыкновенно

тепло, ветер дул не сильный и даже радовал, срывая с больших волн брызги и бросая им в лицо. На ночь они приставали к безлюдному берегу и, разведя костер, ужинали. Они были счастливы. Оба.

Когда появился уходящий в море берег острова Олерон, а в проливе стали видны мачты и силуэты кораблей, Солей сказал:

— Я так и знал. Надо уходить в море. Одевайтесь, Наташа...

И лодка поплыла вдоль острова в океан. Они плыли, и сразу почувствовалась сила океана: началась качка, волны ударили в нос лодки, подбрасывая ее, а потом она срывалась с волны вниз, и девушке казалось, что сердце у нее вот-вот выпрыгнет из груди от страха.

— Поль, можно я сяду к тебе? Я боюсь.

— Да, конечно, садитесь, — сказал Поль, в душе обрадовавшись этим словам. Она, шатаясь от волны, подошла и, приподняв его плащ, прижалась к нему, спрятав свою голову у него на груди. И ей сразу стало так спокойно от идущего от него тепла и силы, что она непроизвольно обняла его и заснула. А он старался как можно аккуратней вести лодку, чтобы ее меньше болтало на волнах и заливало водой. Так они плыли много часов, и все это время девушка безмятежно спала, прижавшись к его сильному телу. На самой оконечности острова, где дальше был виден только океан, девушка подняла голову, посмотрела на темнеющий горизонт и тихо сказала:

— Поль, давай здесь заночуем.

— Хорошо, Наташа.

Он развел костер, опять приготовил на углях пойманную рыбу и они ели ее и пили вино.

— Вот и вино закончилось, — сказал Поль.

— Скоро все закончится, — грустно произнесла Наташа и, придвинувшись к Полю, тихо прошептала: — Поль, иди ко мне. Обними меня Поль... — и сама потянулась к нему, и их губы встретились... И любовь — великое, данное Богом чувство, вспыхнула и время для них остановилось...

VIII

— Остров Ре, — услышала сквозь сон его голос Наташа. Она уже привыкла спать, прижавшись к его груди, и недовольно встрепенулась и, отодвинувшись, стала смотреть туда, куда смотрел Солей. Вдали в вечерних сумерках виднелся черный берег, обрамленный белой полосой прибоя, и множество мачт и огней стоявших в проливе кораблей.

— Сейчас мы обогнем остров и по проливу Бретон проплывем к Ла-Рошели. Здесь много мелей и подводных камней, но мы проскочим у самого берега, — сказал Солей.

— Но сейчас уже вечер, а скоро ночь, как мы там проплывем? — спросила она.

— Наташа, я хорошо знаю эти воды. Доверьтесь мне.

— Хорошо, Поль. Тогда я еще посплю, — и девушка вновь положила свою голову на грудь к юноше. — Как же хорошо...

В вечерней темноте лодка тихо прошмыгнула между островом Ре и берегом материка, оставляя справа несколько небольших кораблей, по-видимому, охранявших пролив.

— Мы приплыли, Наташа, — тихо произнес Солей.

— Как бы я хотела не просыпаться, — грустно сказала девушка. — Поль, мне нужна твоя помощь.

— Приказывайте, сударыня.

— Поль, я просила называть меня Наташей.

— Мне неудобно.

— Скоро эти неудобства закончатся. Помогите мне надеть платье.

Поль, опять краснея, помог ей одеться.

— Как я выгляжу? — стала поворачиваться туда-сюда, как перед зеркалом, девушка.

— Очень хорошо, — сказал Поль, и по его сердцу пробежал холодок еще неизвестного ему чувства ревности.

Они оказались в проливе Антиош среди кораблей английской эскадры. Вдали тихо шумел прибой и виднелись прибрежная белая полоска пены, а огромные башни Святого Николая и Цепи, охранявшие вход в порт, были озарены факелами, мерцающие огни которых отражались в темной воде.

— Как думаешь, Поль, который из этих кораблей адмиральский?

— Наверное, вон тот, самый большой.

— Поплыли к нему. Мне надо на него попасть.

— Наташа, почему вы так спешите? Мы могли бы доплыть до берега, и вы бы отдохнули у моих родителей.

— Боюсь, что я уже опоздала, — вдруг изменившимся строгим голосом сказала девушка, — и герцог уже здесь, а может быть, уплыл обратно в Англию. Ах, как мне не хватает сейчас брата... Подплыви к кораблю и попроси подойти вахтенного офицера. Скажи, что у тебя в лодке гостя к адмиралу Кейгу.

Солей, легко управляя веслами, подплыл к борту огромного корабля.

С палубы закричали:

— Кто такой? Стрелять начнем!

В ответ он крикнул:

— Позови вахтенного офицера.

— Зачем?

— Здесь гостя к адмиралу Кейгу.

— Ждите! — матрос скрылся, и вскоре над бортом склонилась голова в офицерской шляпе.

— Кто здесь? Кому нужен адмирал Кейг?

— Мне, — раздался приятный женский голос. — Я хочу увидеть адмирала Кейга.

— Кто вы?

— Княжна Наталья Трубецкая.

— Подождите, сударыня, — голова скрылась, и через несколько томительных минут в темном борту на уровне нижней пушечной палубы открылся квадратный, почти в рост человека люк и опять появился офицер. Лицо его освещал фонарь, и в его мерцающем свете оно казалось каким-то острым и злым. Офицер сбросил лестницу и громко сказал:

— Поднимайтесь, сударыня. Адмирал Кейг вас ждет, — и в этом голосе, в этом «ждет» не было ни доброты, ни уважения.

— Ну вот, Поль, ты поручение кардинала выполнил, — тихо сказала Наташа. — Я так рада, что узнала такого не-

обыкновенного человека, как ты. За все, что ты сделал для нас с братом и для Франции, я думаю, кардинал тебя заслуженно наградит. Ришелье — человек слова. Прощай, Поль, — в голосе девушки послышались слезы. — Плыви, Поль, быстрее, а то я сейчас разревусь, как простая русская баба...

— Но куда вы дальше, Наташа? Может, мне вас подождать?

— Нет, Поль. Может быть, я уплыву на этом корабле в Англию. Это будет ясно, когда я встречу с адмиралом Кейгом. Не жди, плыви к своим родителям... Прощай, Поль, — девушка вдруг обхватила голову Солея руками и крепко-крепко поцеловала его в губы. Потом, ухватившись за лестницу, быстро стала подниматься вверх, к горящему в черноте проема фонарю.

В глазах юноши стояли слезы. Еще никогда никто так страстно его не целовал, еще никогда он не чувствовал в себе такого непонятного чувства — и радости, и горя одновременно. Ему хотелось броситься к лестнице, подняться и, если потребуется, защищать ушедшую в этот страшный черный проем девушку. Потом возникло доселе неизвестное ему чувство ревности — не к ней, а к этому неизвестному английскому адмиралу и какому-то герцогу. Он даже представил, как этот старик — почему старик, он не знал — пожирает глазами красоту Наташи, галантно предлагает ей сесть и подносит вино в хрустальном фужере. Он отплыл от корабля и вдруг остановился — что-то тревожное сжало его грудь, и его сердце сильно-сильно забилось. Не понимая почему, он остановил лодку и стал смотреть на корабль. Он чего-то ждал, сам не зная чего.

Вдруг по палубе адмиральского корабля побежали люди с фонарями, пробежали на корму солдаты с ружьями и барабанщики. Все выстроились в один ряд. Барабанщики стали выбивать дробь. И то, что дальше увидел Солей, его ужаснуло так, что мороз пробежал по коже: на корму вели Наташу. Руки ее были связаны спереди, голова опущена, и волосы закрывали лицо. Всё в ее фигуре говорило о неожиданности и безысходности. Девушку провели на

край кормы, и выстроившиеся солдаты подняли ружья, а барабанщики продолжали отбивать дробь. Офицер, что встречал Наташу, вытащил шпагу, чтобы взмахнуть ею и скомандовать команду к расстрелу, но всё оглядывался — чего-то ждал? И вся эта зловещая картина колебалась в огнях больших фонарей. Но все стихло, и по палубе к Наташе прошел высокий худой человек в черном, застегнутом до шеи морском мундире и офицерской шляпе. А сзади шел... сержант Моро!

— Сударыня, — донесся до Солея голос человека в черном мундире, и этот голос эхом отражался от воды и попал прямо в остановившееся от страха за девушку сердце юноши, — на флоте казнят просто: веревка — и на рею, но вы все-таки русская княжна, и я выбрал для вас достойную смерть. Мне очень жаль, что так получилось, но интересы Англии и жизнь герцога Бекингема мне дороже. Хотите что-то сказать — скажите, облегчите душу... Священника я не приглашаю, вы не нашей веры... Не хотите? Тогда прощайте... Офицер, приводите приказ в исполнение.

Вновь забили барабаны, офицер поднял шпагу, и тут произошло неожиданное для всех находящихся на палубе корабля: раздался резкий свист и длинная стрела пробила шею адмирала. Адмирал упал. Офицер что-то крикнул, но следующая стрела пробила его грудь. Все остолбенели, и только Моро вдруг заорал: «Солей!» Никто этого крика не понял, а Моро, наклонившись и прикрыв руками голову, побежал от освещенного места, но прилетевшая из темноты моря стрела настигла его и вонзилась в спину, и он, дико закричав, упал. И в наступившем полном смятении уже никто не знал, что же делать. Кто-то бросился к мертвым адмиралу и офицеру, другие, бросив ружья, побежали с кормы, а барабанщики, открыв от изумления рты, так и стояли с поднятыми палочками.

С моря донесся крик:

— Прыгайте, Наташа! Быстрее прыгайте в воду!

Когда девушка поняла, что этот крик, этот призыв относится к ней, она очнулась от цепенеющего страха смерти и, сделав два шага, прыгнула за борт. И в тот же момент с

лодки в воду прыгнул Солей. Девушка уже пошла ко дну, когда он ее нащупал в темноте воды, на глубине, и, схватив за талию, всплыл с ней на поверхность моря. Девушка глубоко и хрипло вздохнула и потеряла сознание. Солей был прекрасным пловцом, к тому же необыкновенно сильным — он в несколько гребков доплыл до лодки и, подняв на руках девушку, опустил ее в лодку, а затем с необычайной проворностью залез в лодку сам.

Когда на корабле сообразили, что приговоренная к казни жертва жива и что ее спасли, то начали беспорядочно стрелять из мушкетов, заряженных для расстрела, но свет фонарей не достигал лодки и проглядывался только ее силуэт. Солей мощно греб веслами. Одна из пуль попала в весло и расщепила его. До берега было саженой сто, когда на корабле открылись орудийные порты и полыхнул огонь. Ядро упало рядом с лодкой и обдало волной Солея, второе весло сломалось от удара волны. Юноша схватил бесчувственную девушку и прыгнул за борт, и вовремя — следующее ядро попало в лодку, и она щепками взлетела над водой. На корабле раздался рев радости, и все стихло. В полной темноте Солей плыл к еле видимой полоске прибоя — одной рукой греб, а второй крепко держал девушку за талию. Она по-прежнему была без сознания, но он слышал, что она дышала.

Доплыв, он взял ее на руки и унес на песчаный берег. Нож висел на его поясе; Солей легко разрезал веревки и, наклонившись над лицом девушки, прислушался. Она вдруг закашлялась, изо рта побежала вода, и она открыла глаза.

— Что это, Поль? Что случилось? Я уже в раю? Почему мне так больно?

— Все хорошо, Наташа. Я отнесу вас в дом моих родителей, где вы будете в безопасности.

Юноша поднял девушку на руки, и она, закрыв глаза, обхватила его шею руками и прижалась к нему, понимая, что опять этот сильный, красивый юноша спас ей жизнь. Это теплое, сильное тело под мокрой, прилипшей к груди рубашкой, эти сильные руки были ее единственной надеж-

дой выжить, и она еще сильнее прижалась к нему и прошептала: «Спаси меня! Спаси меня, любимый!»

Дом рыбака Жана Солея был недалеко от моря. За столетия, что семья жила в Ла-Рошели, дом был неоднократно перестроен, но так и стоял на одном месте — небольшой, в два этажа. Внизу была кухня и горел очаг, а наверху находились две комнаты. Дом с небольшим садом из плодовых деревьев был обнесен невысокой каменной стеной. В углу сада был навес, под которым сушились сети. Поль, даже если бы ему завязали глаза, мог бы пройти к этому дому, не задевая стен узеньких улиц... Он нес на руках самое драгоценное в его жизни — девушку, которую он любил.

Война и осада города сделали свое дело — никто не гулял по улицам Ла-Рошели, никто в этом уютном приморском городе не пел песен и не радовался, на улицах не стояли столы, и жители по вечерам больше не сидели за ними и не пили вино со своими друзьями и соседями — все, закрыв плотно двери и ставни на окнах, сидели в своих домах или дежурили на крепостных стенах, защищая свой город.

На стук дверь дома открыл отец Поля Жан Солей и удивленно посторонился, увидев своего старшего сына с девушкой на руках.

— Поль?! — воскликнул он.

— Закрой двери, отец, — ответил сын и прошел в дом.

— Кто это? — увидев сына с девушкой на руках, всплеснула руками мать Поля Лина Солей.

— Не до рассказов, мама. Ей надо помочь.

— Неси ее наверх. А ты, отец, набери из котла горячей воды и принеси в комнату. Да быстрее же! Чего рот-то разинул?

Поль поднялся на второй этаж, в комнату родителей, и положил девушку на кровать. Она застонала. Поднявшаяся за ним мать посмотрела на сына и, ничего не спрашивая, сказала:

— А сейчас можешь уходить, я все сделаю. Если даже я немножко порву ее платье, я думаю, она не сильно будет на меня обижаться. Жан, — обратилась Лина к мужу, при-

несшему кувшин с горячей водой и медный таз, — ты еще здесь? Что ты стоишь? Принеси вина. О господи, какой ты бестолковый, а еще Солей. Пошевеливайся!

Жан Солей, несмотря на свой преклонный возраст, кубарем сбежал вниз по лестнице исполнять то, что потребовала жена...

Поль с отцом сидели за столом. Лица их были напряжены, они даже не пили стоящее на столе вино и не притронулись к еде — они ждали.

— Все хорошо. Я ее передела, дала отвар трав и немного вина, и сейчас она спит. Поль, что у нее с руками? Там такие синяки, как от веревок... Она была связана? Такая красивая, в таком красивом платье — и связана? Кто она, сынок? — задавала вопросы спустившаяся вниз мать Поля.

— Да скажи же наконец, кто она? — повторил за матерью отец. — И почему ты здесь? Король с кардиналом уже взяли штурмом наш город? Что происходит? Тебе и ей грозит опасность?

— Как много вопросов, и ни на один я не могу ответить. Да, ей грозит опасность. За ней гонятся англичане...

— Англичане? — в один голос воскликнули родители. — Ах ты, господи!

— Но вы же ее не выдадите?

— О чем ты говоришь, Поль? Как можно подозревать своих родителей в такой подлости! Никто не узнает, что она... да и ты здесь. А Андре тоже не скажет никому, — сказал Жан Солей, и его синие глаза заблестели.

— А где он?

— На стенах. Защищает город.

— Неужели вы думаете, что сможете удержать город? Против вас вся Франция.

— Но нам помогают англичане.

— Когда англичане уплывут на своих кораблях, что вы будете делать?

— По-видимому, умирать, — ответил отец.

— Лучше бы вы спокойно продолжали ловить рыбу.

— Ты не ответил, кто она? — спросила мать.

— Это очень хорошая девушка. Ее зовут Наташа.

— Наташа? Что это за имя?

— Она русская.

— О-о! Ты что, уже побывал в России? Там все такие красивые? — спросил отец.

— Вот старый... — рассерженно сказала Лина.

— Не знаю. Она первая русская, которую я увидел, и она самая красивая девушка на свете.

Мать внимательно посмотрела на сына и вдруг властно прервала разговор:

— Ну и хорошо, ну и будет болтать, давай я тебя покормлю, сынок. Я тебя не видела два года. Ты возмужал. Ты стал совсем взрослым.

— Где ты сейчас служишь? В Нормандии? С этой чертовой войной мы ничего о тебе не знаем, — спросил отец.

— Я служу гвардейцем у кардинала Ришелье.

— О-о! — опять вместе воскликнули родители.

— Но всем же известно, что там служат только дворяне... — сказал отец.

— Да, сто гвардейцев — это мушкетеры, которых подарил кардиналу король, а тридцать таких, как я, подарили кардиналу герцоги и графы.

— Вам хорошо платят?

— Не жалуюсь, кардинал щедр к нам.

— Ты его видел, сынок? — спросила шепотом мать.

— Как вас и даже с ним разговаривал.

— Какой он, сынок?

— Очень умный, и у него такой взгляд — мурашки по коже. Он расспрашивал меня о вас, давно ли мы во Франции и хорошо ли я знаю Бордо и море.

— Бордо? А при чем здесь Бордо? — удивился отец.

— Так я приплыл из Бордо.

— На чем?

— На лодке.

— С кем?

— С Наташей.

— Ты один доплыл на лодке из Бордо? — удивился отец.

— Да.

— Молодец.

— Кстати, тебе просили передать привет рыбаку Жак и лодочник Филипп.

— Боже! Ах, как давно я их не видел. Если бы не эта война и эта осада, да и эти чертовы англичане!..

— А я что говорю? Вы боретесь за какие-то особые права, а потеряете всё.

— Мы люди разной веры.

— В этом, отец, ты неправ — мы все христиане.

— Да будет вам, — сказала мать. — Давайте есть. А то еще придет Андре, и тогда от этих споров пыль поднимется столбом. И все-таки кто она? Такая красивая...

— Я не хотел вам говорить, но она русская княжна, это как графиня, а может, даже герцогиня. Ее зовут Наташа Трубецкая.

— Ой! — всплеснула руками Лина. — Княжна, графиня — и в нашем доме? Ты с ума сошел!

— И ты ее вез на простой лодке из Бордо? Ужасно, — сказал отец.

— Ничего ужасного, кроме небольшого шторма.

Поесть не успели — пришел Андре, точная копия бело-волосого старшего брата.

— Здравствуй, Поль. Ты вернулся, чтобы защищать свой родной город? Ты правильно сделал. Все жители сейчас на стенах в ожидании атаки королевских войск. Говорят, что к ним скоро прибудет их безумный кардинал, — сказал Андре..

— Андре, почему ты называешь кардинала Ришелье безумным? Он как раз очень умный и рассудительный человек.

— Поль, о чем ты говоришь? — закричал юноша и вдруг подозрительно прищурился и спросил: — Ты приехал сюда не по своей воле? Как ты попал в город? Как ты проник через стены? Ты шпион кардинала?

— Да, я служу кардиналу, я в его гвардии.

— Как ты мог так поступить? Ты же житель Ла-Рошели!

— Подожди, Андре. Если бы не я, а ты был старшим из нас, то мог бы пойти служить к герцогу Нормандскому, а я

бы с удовольствием плавал по морю и ловил рыбу. Разве не так, отец? Скажи ему.

— Это правда. Служит старший. Так завещали Харальд и его дети.

— Что вы всё со своим Харальдом! Трясете пылью времен! Харальд велел, Харальд сказал!.. Служить и воевать надо за веру, а не потому, что какой-то предок так завещал. Чушь! Глупость! Невежество! Я бы не пошел! И тебе, брат, советую: брось свою службу и присоединяйся к нам, протестантам.

— А чем вы лучше?

— У нас истинная вера.

— Господи, как я устал два года слышать эту чушь. Даже кардинал Ришелье не верит в это и называет нас всех французами.

— Прекратите ругаться и кричать, вы разбудите ее! — остановила братьев мать.

— Кого — ее? — удивился Андре.

— Наташу, русскую девушку, графиню, — сказал отец.

— Княжну, — поправила мать.

— Русскую? Княжну? А что она здесь делает?

— Скрывается от англичан, — сказал Поль. — Может быть, пойдешь и сообщишь о ней и обо мне англичанам?

— Англичанам? Никогда!

— А кому скажешь?

— Я бы никому не стал говорить, но лучше, если вы уйдете из этого дома.

— Это мой дом! — сказал отец.

— И мой! — сказала Лина.

— И мой! — сказал Поль.

— Раз так, то я уйду из этого дома! — Юноша вскочил и, не обращая внимания на призывы остаться и образумится, хлопнул дверью и ушел.

— Он не расскажет обо мне и Наташе защитникам города? — тихо спросил Поль.

— Что ты! Он, как вся наша молодежь, помешан на борьбе против войск короля и, как все, обожает нашего мэра Жана Гитона, который вместе с жителями города сто-

ит на крепостных стенах, готовый защитить Ла-Рошель. И почему король и кардинал не хотят оставить нам наши вольности и права?

— Отец, почему ты спрашиваешь об этом меня, простого гвардейца? Я не знаю... Мы проведем здесь два-три дня и, как только Наташе станет получше, уплывем. У тебя есть лодка на берегу?

— Есть, но надо сходить ее посмотреть — я давно не выходил в море. Я завтра с утра обязательно пойду и посмотрю. Мы почти не выходим в море — англичане запрещают, а если выходим, то тайно и ночью, плывем проливом между берегом и островом Ре.

— Я по нему и проплыл в город, а по-другому не попасть.

— Конечно, ты же знаешь, как проплыть.

Так они сидели и тихо, чтобы не разбудить спящую наверху девушку, разговаривали...

— Я пойду взгляну, как там Наташа, — сказал Поль и, поднявшись из-за стола, пошел по лестнице на второй этаж. Когда он вошел, девушка открыла глаза. При свете свечи в них был виден страх.

— Как вы, Наташа? — тихо спросил Поль.

— Я в твоём доме, Поль?

— Да.

— Ты меня опять спас, Поль?

— Я сделал то, что приказало мне мое сердце.

— А откуда эти стрелы?

— Я убил их из лука. Он лежал в лодке, под средней лавкой.

— Ты так хорошо умеешь стрелять? Почему ты не уплыл?

— Не знаю. Я чувствовал, что я тебе нужен.

— Боже, Поль, как мне страшно, — заплакала девушка.

— Все хорошо, Наташа. Ты отдохнешь, и мы уплывем.

— У тебя такая хорошая мама. А какое у нее доброе имя. Лина.

— Да, у меня хорошие родители. Их очень уважают в городе...

— Поль, иди ко мне. Не оставляй меня, Поль...

Они лежали, и девушка крепко обнимала юношу, а он гладил ее по волосам на голове и тихо говорил:

— Я люблю тебя, Наташа.

— И я тебя, Поль. У нас впереди такая хорошая жизнь. У нас будет куча детей, и все будут с такими же необыкновенными волосами и глазами, как у тебя.

— Такие волосы и такие глаза у всех мальчиков нашего рода начиная с нашего предка Харальда Солнечного.

— Вот наши дети и будут солнечными.

— У нас впереди не может быть ничего. Ты забыла, что я простой гвардеец.

— Поль, я уверена, что кардинал за все твои заслуги перед Францией добьется, чтобы король даровал тебе дворянский титул и подобающее этому титулу звание в армии. А мы с братом тебе поможем. И когда ты станешь дворянином, я легко смогу выйти за тебя замуж. Если, правда, против этого не будет церковь — я ведь православная. Но я думаю, кардинал решит и эту проблему. Если ты, конечно, к тому времени не разлюбишь меня, — и она засмеялась, а он еще крепче ее обнял и начал целовать...

— Скажи, Наташа, а почему вы с братом во Франции?

— У нас в России после смерти царя Ивана, прозванного Грозным, было время смуты, и поляки захватили столицу нашего государства Москву. Затем мы, русские, объединились и разбили поляков. Руководителем казачьего войска был наш дед, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, и когда победили поляков и выбирали нового царя, то должны были избрать нашего деда, но испугались и выбрали неизвестного Михаила Романова. Наш род попал в немилость — деда отправили наместником в Сибирь, а у нас отправить в Сибирь означает сослать в ссылку, и дед сказал нашему отцу, чтобы он отправил меня с братом за границу. У нас ведь на Руси как — чуть что не так, сразу опала и возможная казнь или ссылка в Сибирь. Так мы с братом и оказались во Франции.

— Как у вас страшно, Наташа.

— Страшно, очень страшно. У нас страшная страна, и я туда не вернусь...

Ночь закончилась, и рассвет красноватой полоской еще невидимого солнца осветил небо. Отец с Полем собирались идти на берег к лодке, когда в дом вбежал Андре и закричал:

— Англичане ходят по домам и ищут тебя, Поль, и эту девушку. Они у всех спрашивают, где дом рыбака Солея. Но никто им не говорит. Вам надо уходить.

— И никто не скажет об этом англичанам, — с гордостью сказал отец. — Но Андре прав, Поль, вам надо уходить... Лина, ты спрячься у соседей. Англичане же тебя в лицо не знают. А вас я проведу на берег к лодке. Черт, надо было вчера ее приготовить! Вы уплывете, а я вернусь в город и уйду к Андре на крепостные стены — там они не смогут меня захватить. До дома они доберутся, обыщут, ну поломают мебель, но не сожгут — за это их растерзают жители города. И англичане это знают. Поль, буди девушку.

— Я все слышала, — раздалось сверху. В длинной рубашке на ступеньках лестницы стояла Наташа. Лицо ее было бледным, а на щеках выступил болезненный румянец. И это лицо было настолько красивым, что все замороженно смотрели на нее.

— Поль, помоги мне, пожалуйста, — сказала она. — Вы правы: надо уходить. А то, не дай Бог, вы можете из-за меня пострадать. Спасибо вам всем. Где мое платье?

— Как вы, княжна, можете так говорить? — сказал Жан Солей. — Мы счастливы помочь вам, русской княжне, — и отец и мать поклонились.

— А платье — вот оно, сохнет, но оно еще сырое, — с сожалением в голосе сказала Лина. — Может, госпожа княжна, вы не побрезгуете, если я дам вам свою юбку и рубашку? Поверьте, они чистые. Они, конечно, не для таких девушек, как вы...

— Хорошо. Очень хорошо, сударыня.

— Я пошел, — сказал Андре. — Я счастлив был с вами познакомиться, госпожа княжна. Мне жаль, что я так мало

вас видел. Я очень хотел бы увидеть вас вновь, — Андре поклонился и многозначительно посмотрел на старшего брата, а потом вдруг засмеялся:

— Иногда, оказывается, хорошо служить в армии... Но вы все-таки поспешите.

— Спасибо, — сказала Наташа.

Юноша ушел, а Поль, взяв у матери белую рубашку и широкую коричневую юбку, ушел с Наташей в комнату.

— Поль, помоги мне одеться, — сказала она.

— Наша одежда проще — вначале наденьте рубашку, а потом юбку.

Они так и сделали. И в этой одежде — в белой рубашке, которая была велика, и юбке, которая тащилась по полу, — Наташа показалась Полю еще ближе и родней, и он даже заулыбался, любуясь ею.

— Чему ты улыбаешься? — девушка попробовала покрутиться вокруг себя и упала бы, запутавшись в юбке, если бы Поль не подхватил ее. Она прижалась к нему, и долгий, страстный поцелуй объединил их. Они даже забыли, что им надо бежать.

— Поль, — крикнул снизу отец, — я побегу на берег, столкну лодку. Она около черного камня. Ты помнишь, где это?

— Да, — крикнул в ответ Поль. — Мы сейчас идем, — и вновь стал целовать девушку. Она чуть отстранилась и сказала:

— Пошли, пошли, Поль! Чем быстрее мы уплывем, тем ближе будем к нашему счастью.

Когда Наташа, путаясь в юбке, поддерживаемая Полем, спустилась вниз, их встретила Лина.

— Госпожа княжна, вы очень хорошо выглядите в нашей одежде. Лучше всех наших девушек.

— Правда?! — обрадовалась Наташа. — Спасибо вам. Лина, можно мне вас поцеловать?

— Что вы, госпожа княжна? Да как такое возможно? — сказала Лина, и ее лицо залила краска смущения и нескрываемого удовольствия.

Наташа поцеловала женщину.

— Я уверена, что мы с вами, Лина, еще встретимся. Правда, Поль?

— Да-да, но поспешим, Наташа. Отец там уже заждался. Прощай, мама.

— До свидания, Лина, — произнесла по-русски Наташа. Но все поняли, что она сказала.

Поль и Наташа вышли и стали спускаться к морю по очень узенькой улочке, сбегаящей вниз. Где-то на соседних улицах слышались крики англичан. Наташа все время путалась в юбке и старалась не упасть.

— Подожди, — сказал Поль и, уже не спрашивая, взял девушку на руки и понес к морю.

— Вот так бы и сидела у тебя на руках всю жизнь, — сказала Наташа, уже как-то привычно обхватила Поля за шею и прижалась к его груди. — Как же мне хорошо с тобой, Поль. Как же я тебя люблю!

Лодка наполовину застряла в песке, Жан Солей раскачивал ее за нос, стараясь столкнуть.

— Отец, давай я тебе помогу, — сказал Поль, опуская Наташу на дно лодки. И они, как два титана, стали раскачивать лодку и толкать ее в воду. Было видно, как напряглись их тела, а лица покраснели от напряжения. Лодка сдвинулась и медленно, кормой, пошла в море. И в этот миг раздались крики и на берег со стороны домов стали выбегать люди с факелами.

— Вот они! — закричал кто-то по-французски, и ему ответили крики англичан...

IX

— Моро, тебе надо бежать, и я даже не знаю, где ты сможешь спрятаться. Кардинал найдет тебя в любом уголке Франции.

— Смело, ты о чем? Почему я должен бежать?

— Ты что, не знаешь? Капитан де Мезьер вызывает к себе всех, кто был во дворце в ту ночь, когда к кардиналу приходил Солей. Выясняют, кто и где был во время службы,

если отлучался с поста, то зачем, и даже сколько времени отсутствовал.

— А я-то здесь при чем? Я в тот день не был во дворце.

— Так я был. И всех спрашивают о личных отношениях с Солеем. И почти все говорят, что тот хороший товарищ, а ты, Моро, его ненавидишь.

— И что? Это все знают. Можно подумать, что ты любишь эту скотину.

— Ты меня не впутывай. Я не знаю, но всюду звучит твое имя. И зачем я тебе рассказал о Солее? Теперь и меня закуют в кандалы и будут пытаться.

— Так ты и беги.

— Куда я убегу?

— Не знаю, отстань от меня.

— Я тебе сказал и предупредил. Если меня будут спрашивать, то я все расскажу, что произошло между нами.

— Ладно-ладно, зачем нам с тобой ссориться? Пойдем-ка лучше, пропустим по кувшинчику вина.

— Ох, Моро, совсем ты меня опутал. Как сетью. И не вырвешься.

Моро обнял товарища за плечи и повел в любимый ресторанчик...

На следующий день Жак Смело, никогда не жаловавшийся на свое здоровье, не смог подняться с постели — сознание его затуманилось и он что-то бессвязно бормотал. Вызванный лекарь пустил ему кровь и хотел влить в рот какой-то настой, но больной так крепко сжал зубы, что жидкость пролилась по подбородку. Лекарь развел руками и сказал:

— Я здесь бессилён. Вызывайте священника.

Священник не успел — Смело умер без покаяния.

Когда весть о смерти Смело дошла до капитана де Мезьера, тот приказал найти и арестовать сержанта Моро и привести к нему. Моро жил недалеко от дворца кардинала Ришелье, снимая комнатку на втором этаже торгового дома. Когда к нему ворвались гвардейцы, он успел выхватить шпагу, заколол двух гвардейцев и в одной рубашке, выпрыгнув из окна на улицу, убежал.

Королевский дворец был рядом, и, добежав до его ворот, Моро стал умолять дежуривших мушкетеров пропустить его к сержанту д'Армантьеру. Мушкетеры, не сразу узнавшие в стоявшем перед ними в одной длинной ночной рубашке и босом человеке своего бывшего товарища, стали весело смеяться и спрашивать у Моро, от какой женщины он убежал и чем ее муж его так напугал.

— Может, Помере пригласить? — смеялись они. — Он очень на тебя зол... Ладно, сейчас пригласим сержанта.

Через несколько минут пришел д'Армантьер, который, как и мушкетеры, вначале стал смеяться, но когда Моро прошептал ему: «За мной гонится сам кардинал, и всё из-за того разговора в кабачке у церкви Сент-Эсташ» — на лице д'Армантьера появился испуг и он хрипло сказал:

— Черт попутал меня связаться с тобой. Я тогда был у герцога Орлеанского, и что? Он выслушал меня, и не более. Ни денег, ни званий. Что ты от меня хочешь, Моро?

— Спрячь меня.

— Где я тебя спрячу? Хочешь, чтобы за тобой и меня потащили на эшафот? Иди отсюда!

— Если ты мне не поможешь, я пойду к кардиналу, повинюсь и расскажу ему, что это ты меня заставил подслушивать и подглядывать за кардиналом. Тогда и тебе не добровольно. Мы вместе пойдем под топор.

— Сволочь! Не забывай, я барон!

— От сволочи и слышу! А то, что барон, так не такие головы слетали с плеч на Гревской площади. Иди и скажи герцогу Орлеанскому, что я знаю, зачем кардинал отправил Солея в Бордо.

— Знаешь? Тогда говори.

— Я тебе не верю, друг мой. Я вообще не верю, что ты в прошлый раз упомянул герцогу мое имя, а уж мою просьбу вернуться в мушкетеры — тем более.

— Как ты можешь такое говорить мне, барону д'Армантьеру?

— Почти бывшему барону. От баронства у тебя осталась только приставка «де» к твоему имени. И не забывай, я тоже дворянин. Может, хочешь вызвать меня на дуэль?

Так мне в моем положении можно драться хоть с самим дьяволом. Делай, что я тебе говорю. Нам обоим грозит смертельная опасность.

— Хорошо. Сделаем так: я проведу тебя в дежурную комнату, а сам попробую встретиться с герцогом — он сейчас во дворце — и расскажу ему о тебе. Может быть, он сможет тебе помочь. Если нет — я тебя выгоню обратно за ворота!..

Д'Армантьер провел сержанта в дежурную комнату мушкетеров и ушел. Его не было не менее часа, но он вернулся, неся сапоги, штаны и куртку.

— Пошли. Герцог хочет с тобой поговорить. И запомни: только он сможет тебе помочь. Ты как можно больше восхищайся Орлеанским — он это любит. И не забудь про мою помощь. Она стоит денег.

— Обещаю...

Герцог Гастон Орлеанский раздраженно ходил по кабинету. Не было сведений о поимке гвардейца кардинала Солея. Люди герцога, брошенные за гвардейцем в погоню, куда-то пропали. Успокаивало только то, что вся эта тайная возня вокруг Солея была лишь отвлекающей игрой кардинала и Солей был не опасен и даже не нужен. Герцог узнал, что Ришелье месяц назад встречался с братом и сестрой Трубецкими, русскими дворянами, жившими в Париже уже несколько лет. Ничего удивительного в такой встрече не было — кардинал был первым министром двора и занимался не только внутренней, но и внешней политикой страны. Официально считалось, что кардинал встречался с Трубецкими, чтобы узнать их мнение о событиях, происходящих в далекой северной стране России, которая всего-то пятнадцать лет назад изгнала поляков и обрела нового царя Михаила Романова. Трубецкие жили в Париже свободно, имели дом и прислугу, и все знали, что они очень богаты. И только сейчас, когда герцог стал выяснять, для чего же кардинал отправил какого-то простого гвардейца в Бордо, оказалось, что Трубецкие тоже замешаны в этой, пока непонятной герцогу игре кардинала. Трубецкие оказались тайными агентами кардинала Ришелье! Русские

князя! И при встрече с ними у кардинала обговаривался план убийства английского адмирала Кейга! Все эти сведения герцог получил от своих шпионов, служивших во дворце Ришелье. Убийство врага Франции должно было только обрадовать брата короля, но это убийство могло привести к победе Ришелье в войне с Англией и поражению гугенотов в Ла-Рошели. Герцог Орлеанский понимал, что этого допустить нельзя и лучшее, что можно сделать в пику кардиналу, это предупредить адмирала Кейга о покушении на него. А вот как сделать так, чтобы не бросить тень предательства на себя, герцог не знал, но обдумывал. Время уходило, и он все больше и больше злился.

Когда к нему в одном из залов королевского дворца подошел мушкетер д'Армантьер, Орлеанский сразу же хотел отогнать его от себя, но увидел в глазах бывшего друга что-то необычное и, удивившись, что тот трезв, решил его выслушать. Д'Армантьер рассказал о прибежавшем ко дворцу голом сержанте Моро. Герцог весело засмеялся, но когда прозвучали имена Солея и кардинала Ришелье, оглянулся и прервал болтовню сержанта:

— Приведи этого Моро ко мне в кабинет. Но только не голым, одень во что-нибудь. И побыстрее. Мне через час надо к королю.

Войдя в кабинет герцога, сержант Моро закричал:

— Ваше высочество, я всегда знал, что только вы представляете настоящую Францию. Я всю жизнь мечтал служить вам, но судьба распорядилась, чтобы я служил кардиналу, чего я, дворянин, никогда не хотел и не хочу делать.

— Не судьба Моро, а король. И не забывайте: мушкетеров подарили, чтобы они охраняли достояние государства — первого министра Франции. Это не менее почетно, чем охранять короля.

— Да, конечно, ваше высочество, но я-то хотел служить вам.

— Почему же ты обратился ко мне только тогда, когда твоя жизнь ничего не стала стоить?

— А что я мог? Я бедный дворянин.

— Судя по тому, что о тебе рассказал д'Армантьер, твое дворянство вряд ли тебя защитит. Я хочу услышать, что ты знаешь о плане Ришелье.

— Ничего нового.

— Плохо, Моро, очень плохо. И ты хочешь, чтобы я тебя спасал?

— Да, ваше высочество. Только вы можете меня спасти.

— Да? И ты готов исполнить все, что я тебе прикажу?

— А что я получу взамен?

— Да ты, Моро, наглец! Впрочем, я помню — патент лейтенанта мушкетеров короля. Ты еще собираешься поймать этого... Солея?

— Вы хотите послать меня поймать Солея? Я это сделаю и без вознаграждения.

— Почему?

— Все мои нынешние несчастья связаны с этим именем.

— Чепуха. Солей — это так, ложный ход, чтобы все подумали, что он выполняет какое-то важное поручение кардинала и отвлеклись на него и Бордо.

— Как это? — удивился Моро.

— А так, — герцог задумался, говорить ли то, что он знает, стоящему перед ним сержанту, который уже предал своего хозяина — кардинала и, конечно, с легкостью предаст и его. Но не было времени. Орлеанский обернулся по сторонам, будто боясь, что их подслушивают, и сказал тихо-тихо, так что мог услышать только Моро: — Кардинал решил убить английского адмирала Кейга и, когда наступит суматоха и неразбериха, штурмом овладеть Ла-Рошелью.

— Каким образом убить, ваше высочество? — удивился Моро.

— Я не знаю. Знаю только кто, и ты об этом расскажешь адмиралу Кейгу.

— Как — адмиралу Кейгу? Это же враг Франции!

— Сейчас для тебя, Моро, все враги... кроме меня. Ты же сам только что сказал, что хотел служить мне — так послужи.

— Но меня за такое предательство четвертуют!

— Ничего подобного. Об этом будем знать только я и ты. И когда я, а не кардинал, возьму штурмом Ла-Рошель, то я скажу, что ты и есть тот человек, который помог мне и Франции сокрушить ненавистных гугенотов. Ты же ненавидишь гугенотов, Моро?

— Конечно, ваше высочество, я ненавижу гугенотов. Этих отступников веры надо всех уничтожить.

— Вот и правильно! А для уничтожения вероотступников все средства хороши. Так учит нас святая церковь. Впрочем, у тебя нет выбора. Мне пора идти к королю. Сделаем так: тебя сейчас твой дружок д'Армантьер отвезет в один загородный дом. Не старайся убежать — ты погибнешь. Жди меня там.

Герцог ушел и через минуту вошел д'Армантьер и удивленно спросил:

— Что это ты такое наговорил герцогу, что он вышел такой довольный и приказал тебя отвезти в его нынешний дом, что подарила ему в подарок на свадьбу герцогиня де Монпансье? Вот же везет ему: женился — и сразу к титулу герцога Анжуйского и герцога Орлеанского прибавил еще и титул графа Блуа. Может, он тебе денег пообещал? Так не забудь, что часть их принадлежит мне... Поехали, карета ждет.

На следующий день в дом, где спрятали Моро, приехал герцог Орлеанский.

— Да-а, наделал ты делов, бывший мушкетер и бывший сержант гвардии кардинала Ришелье. Тебя, Моро, ищут по всему Парижу.

Моро, вздохнув, опустил голову.

— Ваше высочество, приказывайте, что делать...

— Вот так-то лучше. Сейчас переоденешься, получишь документы на новое имя и поедешь... нет, поскачешь во весь опор в лагерь королевских войск под Ла-Рошелью. Бери лучших лошадей и не останавливайся. В моем полку найдешь капитана Жевроне и скажешь ему одно слово: «Орлеан». Отдашь ему письмо. Дальше он все сделает сам. Тебе надо попасть в Ла-Рошель, нанять лодку и доплыть до

адмиральского корабля «Виктория». Скажешь адмиралу Кейгу, что кардинал Ришелье задумал его убить. Ты не знаешь, каким способом, но это сделают агенты кардинала — брат и сестра Трубецкие. Князья из России. Князья и тайные шпионы кардинала — возможно ли такое? Впрочем, это русские князья, а там, в России, наверное, даже медведи — графы! — Орлеанский засмеялся. — Скажешь, что кардинал Ришелье сразу после убийства адмирала хочет начать штурм Ла-Рошели. Сведения ты подслушал в доме кардинала. Ты же сержант его гвардии. Не скрывай этого. А почему явился к врагу — так за дуэль тебя должны расстрелять, вот и бежал из лагеря под Ла-Рошелью. Кейг даже может проверить — сведения будут точными, капитан Жевроне объявит о твоём мнимом побеге. Выполнишь — и считай, что уже никто тебя не тронет.

— А Солей?

— А что Солей? Выбрось его из головы. Да я думаю, его давно уже нет в живых. Я послал за ним своих людей.

— А мне что дальше делать?

— Расскажешь все адмиралу и возвращайся к капитану Жевроне. Будешь у него в роте, а я скоро прибуду под Ла-Рошель. Для тебя найдется серьезное дело — надо же из тебя сделать героя Франции и лейтенанта мушкетеров.

Моро был храбрый и умный солдат — он понял, что его жизнь сейчас полностью зависит от этого прыщавого, худосочного, длинноносого человека.

— Ваше высочество, но мне нужны деньги.

— Ох уж эти деньги... всем нужны только деньги. Ну хоть раз кто-нибудь помог Франции, не требуя за это денег? Что грустит, Моро? Будут тебе деньги, будут. Советую: не забудь за свои сведения деньги и с адмирала Кейга содрать. Правда, все англичане страшные жмоты — за гиену удавятся!

Все произошло так, как и говорил герцог. Загоня лошадей, падая от усталости, Моро добрался до Ла-Рошели и, узнав, где находится капитан Жевроне, явился к нему в палатку.

— Орлеан, — только и смог выговорить Моро и, протянув письмо, не спрашивая разрешения, рухнул на складной стул. Капитан сломал сургучные печати и внимательно прочитал письмо. Брови его поднялись от удивления, он внимательно посмотрел на смертельно уставшего Моро, закрывшего глаза, и произнес:

— Сейчас тебя проводят в палатку. Отдохни, сержант Ленту, а ночью я переправлю тебя в город.

Моро, проваливаясь в сон, подумал: «Почему это я Ленту, а не Моро? Впрочем, герцог же сказал, что у меня будет другое имя. Пусть будет Ленту».

В крепостной стене, опоясывающей город, в одном месте, у самого основания, давно обвалилась каменная кладка и появился небольшой ход, в который с трудом мог протиснуться человек. Ход со временем зарос крапивой и шиповником, и никто не думал ползти в кусты и проверять, цела ли в этом месте стена. Вот через эту дыру Моро ночью и попал в город. Спустившись к берегу, он столкнул в воду лодку и стал неумело выгребать веслами к стоящим в проливе английским кораблям. У первого же корабля его окликнули, спрашивая, что он здесь делает. Он крикнул, что ему нужен адмирал Кейг. Матрос понял только слова «адмирал Кейг» и вызвал офицера. Офицер сносно говорил по-французски и, поняв, что у этого человека в лодке есть какие-то важные сведения для адмирала Кейга, взяв фонарь, спустился в лодку и стал показывать, где находится корабль адмирала.

Моро поднялся на борт «Виктории», его обыскали, но не нашли ничего, кроме кошелька с деньгами, который матросы захотели отобрать. Однако Моро так вцепился в него и стал так ругаться, что вахтенный офицер окриком остановил матросов и отвел Моро в каюту адмирала.

Кейг был старым, прославленным своими победами на море против французов, испанцев и голландцев адмиралом. Седой, худой, с застегнутым на все крючки и пуговицы черном мундире, как будто ему было холодно, он сидел за столом и пил холодный кофе. На столе блестел тонкий, с резной рукояткой нож.

— Господин адмирал, я могу поговорить с вами с глазу на глаз, без свидетелей? — спросил Моро.

Лицо и глаза адмирала выразили недоумение.

— Это касается вашей жизни, адмирал, — воскликнул Моро.

Лицо адмирала еще больше вытянулось, но он не был трусом, а уж тем более не хотел им показаться перед каким-то французом. Поэтому он сказал вахтенному офицеру:

— Оставьте нас, — и, когда офицер вышел, не предложив Моро сесть и даже не пододвинув к себе для безопасности лежащий на столе нож, сказал: — Я слушаю.

— Господин адмирал, мои сведения стоят денег.

— Они могут стоить и веревки на твоей шее, — ответил адмирал. — Ты заставляешь меня ждать.

Моро понял, что вряд ли он получит от этого англичанина хоть один су и что будет большой удачей уйти отсюда живым. «Черт! Вот попал я с этим Солеем. Жил бы себе да жил», — подумал Моро.

— Я Ленту, сержант гвардии кардинала Ришелье. Я скажу вам то, что я слышал своими ушами, и ни слова больше, а ваше право, адмирал, верить мне или нет.

— Я слушаю.

— Вас хотят убить, адмирал!

— И всего-то! Кто хочет меня убить?

— Ришелье.

— Дальше, — на лице адмирала не дрогнул ни один мускул.

— Кардинал направил сюда двух своих агентов — брата и сестру Трубецких, — фамилию Моро выговорил с трудом и с ошибками. — Они русские князья.

— Князья? И как они должны меня убить?

— Я этого не знаю.

— Конечно, хорошо, что ты меня предупредил, но этого мало. Это не стоит и пенса. И почему я должен тебе верить? Может, ты-то как раз и являешься шпионом кардинала! А-а? И что ты делаешь в лагере вашего короля, если кардинал в Париже?

— Меня и часть гвардейцев уже отправили сюда. Я в роте капитана Жевроне.

— А почему ты предал своего господина и прибежал ко мне?

— Я его не предавал. Я на дуэли убил мушкетера, и мне грозит смерть.

— Здесь тебе тоже кофе не подадут! Откуда ты знаешь о покушении?

— Я об этом слышал своими ушами во дворце кардинала.

— Я все проверю. Может, ты и правда шпион кардинала.

— Конечно, можно так думать. Но зачем мне это вам говорить? Ну убьют вас и убьют — вы же англичанин, мне-то что? Я же вам говорю не о том, что я хочу вас убить, а что кардинал посылает к вам убийц.

— В этом что-то есть. Что ты хочешь взамен? Хочешь, чтобы я отправил тебя в Англию?

— Нет и нет. Мне нужны только деньги, и чем больше, тем лучше. А вопрос своей жизни я решу сам.

— И ты думаешь, что я дам тебе денег и отпущу?

— А-а, понял! Вы, адмирал, решили, что я мошенник? Не слишком ли смелый мошенник, чтобы самому сунуть голову в петлю?

— И когда должны появиться убийцы?

— Не знаю, но, видимо, на днях. Они уже где-то здесь, в городе. Кардинал, чтобы никто не догадался о его настоящем плане, направил всех по ложному пути в Бордо.

— Ладно, давай сделаем так: поживешь у меня на корабле, а я проверю твои сведения. Если убийцы появятся в течение двух дней, я дам тебе денег — скажем, триста экю...

— Пятьсот и золотом, — перебил адмирала Моро.

— А если они не появятся, я просто выброшу тебя за борт, чему ты должен радоваться — все-таки не веревка. Через два дня я отплываю домой, в Англию.

— Мне ничего не остается, как подчиниться. Можно высказать одну просьбу, адмирал?

— Слушаю.

— Пусть мне дают вино, а не пиво.

— Это просто. Быть в Ла-Рошели и не пить здешних французских вин — это, я считаю кощунство. Здесь его пьют даже мои старые английские морские волки...

Ближе к ночи второго дня, когда адмирал Кейг уже отдал приказ утром поднять паруса и отплывать в любимую Англию, в каюту вошел вахтенный офицер и доложил, что к адмиралу просится какая-то княжна Натали Трубецкая. (Офицер исковеркал фамилию.) Адмирал приказал привести к нему французского сержанта Ленту, а уж потом Трубецкую...

— Удивительно, — сказал пришедшему сержанту адмирал Кейг, — но ты оказался прав. Женщина по имени Натали Трубецкая прибыла на корабль.

— Адмирал, вы обещали мне пятьсот экю золотом.

Адмирал хрипло засмеялся:

— Триста и серебром, и ни одного су больше. Иначе пойдете кормить рыб. Садись, давай посмотрим, с чем прибыла к нам эта княжна.

Когда Трубецкая вошла, адмирал и Моро поразились ее красоте.

— Кто вы? — спросил адмирал и облизнул пересохшие от увиденной красоты губы.

— Наталья Трубецкая, русская княжна.

И тут все испортил Моро — по-видимому, дни напряжения, физическая усталость, боязнь смерти сыграли над ним злую шутку; он нервно засмеялся и, не обращая внимания на протестующие жесты адмирала, крикнул:

— Ах, как давно мы вас ждем, сударыня! А где же ваш братец и где яд? Под вашим платьем? Вот она, ваша убийца, господин адмирал!

— Адмирал, о чем говорит этот человек? О каком брате? Почему он оскорбляет меня, русскую княжну? — удивилась Трубецкая.

— Он дурак. Французский дурак. Но, сударыня, я знаю, зачем вы здесь. Я даже поверю, что вы русская княжна. Эта фамилия известна у нас в Англии, но у меня нет времени вас пытаться, да и незачем. План кардинала Ришелье давно

нам известен, но герцог Бекингемский, которого вы должны были влюбить в себя, а затем убить, не прибудет в Ла-Рошель. И вам не надо для этого плыть со мной в Англию. Мы не знали только, кто будет убийцей. И уж тем более не могли подумать, что это будет такая красивая женщина, да еще и русская княжна. Ай да кардинал! Умница Ришелье! Bravo!.. Я через несколько часов отправляюсь в мою родную Англию, и у меня есть приказ Бекингема убийцу в Лондон не доставлять. Я не буду вас вешать на рее, я вас расстреляю.

Адмирал Кейг проверил, на все ли пуговицы застегнут его мундир, и крикнул:

— Вахтенный офицер, войдите, — и, когда офицер вошел в каюту, приказал: — Эту женщину арестовать и вывести на палубу. Выстройте расстрельную команду. Я сейчас подойду.

— Расстреливать будем, как всегда, на корме? — спокойным голосом спросил офицер.

— Да. И не забудьте связать ей руки, а то, не дай бог, она вас околдует своей красотой.

Когда Трубецкую увели, адмирал прошел к резному, из красного дерева секретеру и, достав замшевый мешок, бросил его на стол. Звякнули деньги.

— Они твои, французский сержант, — брезгливо произнес адмирал. — Бери и уходи. Я сейчас прикажу, чтобы тебя доставили на берег. Прощай. Мне очень жаль, но именно ты погубил столь прекрасное создание, как эта девушка. Я бы с удовольствием вместо нее расстрелял тебя!

— Меня, спасшего вашу жизнь?

— Ты ничего не понял, сержант. Кардиналу нужна не моя жизнь, а милорда Бекингема! Но мы-то всё уже знали.

— Тогда позвольте мне присутствовать при казни.

— Тебе-то это зачем? — удивился Кейг.

— Своими глазами хочу увидеть, за что я получил деньги. А то вдруг вы передумаете, а я этого не узнаю.

— А ты еще и подлец! Потом увиденное продашь какому-нибудь французскому писаке, и тот распишет в своем романе, как жестокие и бессердечные англичане убивали

прекрасных русских женщин? О французах он, конечно, такого никогда не напишет. О-о, эти проклятые деньги...

— Поверьте, адмирал, я в этом не виноват. Обстоятельства.

— Ты дворянин?

— Да, адмирал.

— Тогда ты дважды подлец! И я тебе желаю как можно быстрее умереть.

— Спасибо, адмирал, но я хочу еще пожить.

— Что жизнь по сравнению с женской красотой?

Вошел офицер.

— Все готово, господин адмирал.

— Пошли, — грустно и с состраданием сказал адмирал Кейг и тяжело поднялся из-за стола... — Господь, зачем ты не остановишь меня? — и тихо-тихо добавил, как будто к кому-то обращался: — Если бы не предстоящая почетная отставка и пенсия... Ах, милорд Бекингом, во что вы меня втянули? Я до смерти буду жалеть об этом...

Когда адмирал подошел к двери, Моро подскочил к столу и, схватив со стола нож, спрятал его под курткой.

Х

Поль крикнул:

— Отец, быстрее залезай в лодку и разворачивай парус, а я ее столкну.

— Может быть, я? — ответил отец. — Ты же поплывешь, а не я.

— Нет, я ее столкну один. Залезай быстрее, нет времени. Если останешься, тебя поймают. Когда уплывем подальше, за Ре, я тебя высажу на берег.

В серости утра на берегу метались огни факелов, потом раздался крик:

— Да вон они, вон! Быстрее! Хватайте их!

Жан Солей залез в лодку и стал распускать парус.

— Некогда отец, гребь веслами! — крикнул Поль и стал, раскачивая нос, сталкивать лодку в море. Медленно, но лодка двигалась, а Поль все толкал и толкал ее, и она

уже была в воде, и он собирался, уцепившись за кольцо в носу лодки, залезть в нее, но тут раздался выстрел. Пуля попала ему в спину, он сорвался в воду, но даже не охнул, и стал толкать лодку в море.

— Стреляйте! — кричали на берегу, и Полю показалось, что он слышит голос сержанта Моро. Он еще подумал: «Неужели жив? Как жаль...» Он был уже по пояс в воде, когда еще две пули попали в его спину. Белая рубашка стала красной от крови. Он еще раз толкнул лодку и хрипло крикнул:

— Отец, спаси ее! — и, подняв голову, тихо прошептал с ужасом смотревшей на него Наташе: — Прощай, Наташа... я тебя люблю...

Его голова опустилась на воду, а потом все тело стало медленно погружаться и исчезло в темной воде.

— Поль! Поль! — кричала девушка, но перед ее глазами мелькнули только окровавленная белая рубашка и белые волосы.

— Поль! — еще раз крикнула девушка и, упав на колени, зарыдала. — Поль, любимый. Поль... — шептали ее губы.

— Я тебя спасу. Так просил мой сын, — глухо произнес Жан Солей. Берег с факелами все отдалялся, и уже никто не стрелял. Жан Солей поднял парус и направил лодку на север к проливу Бретон...

Сержант Моро шел по городу к известному ему месту, где он ползком мог пролезть за крепостную стену. Шел и радовался, что выполнил приказ герцога, а лежавший под рубашкой мешок с деньгами приятно охлаждал грудь. Еще он радовался тому, что убил Солея — человека, виновного во всех его бедах. Было ранее утро, но он отлично видел, как выпущенная им из мушкета пуля попала Солею в спину. От этого воспоминания у него заболела рана в спине — там, куда попала стрела. И вдруг он увидел... Солея. Сержант остановился и изумленно смотрел на человека с факелом, идущего в его сторону. Но юноша, так похожий на погибшего врага, прошел мимо, и только тогда Моро, как очнувшись, хрипло крикнул юноше в спину:

— Солей?!

Юноша остановился и повернулся лицом к Моро.

— Вы меня знаете? — спросил юноша, и в отблеске факела стали видны его синие глаза.

— А ты Солей?

— Да, я Солей. Андре Солей. Я тебя не знаю. Кто ты?

— У тебя есть брат?

— Да, но он мне больше не брат. Он предал нашу веру и борется с нами.

— А где он сейчас?

— Не знаю. Я не видел его уже два года, — в голосе юноши послышалась неуверенность. — А зачем ты спрашиваешь об этом? И кто ты? Ты не шпион кардинала? — Андре Солей повернул голову в сторону мелькавших невдалеке факелов и закричал: — Эй, друзья, здесь какой-то неизвестный человек! Быстрее сюда!

— И не узнаешь, кто я! — крикнул Моро и ударил юношу в грудь выхваченным из-под куртки ножом. Стальное узкое жало, пробив золотой медальон, вошло в грудь юноши. — Вот и конец всем вам, Солеям.

— За что? — тихо прошептал юноша. Кровь хлестала у него изо рта.

— За то что я, французский дворянин, должен бегать и скрываться из-за таких, как вы, рыбаков.

Юноша упал мертвый. Моро попытался выдернуть нож, но тот крепко застрял в медальоне, а к месту убийства уже бежали люди с факелами. Моро прыгнул в кусты и, низко наклонившись, быстро побежал в сторону городской стены, а потом упал на землю и пополз...

Через час, в грязной и оборванной одежде, он стоял перед капитаном Жевроне. Моро чуть не убили, когда он полз от крепостной стены к палаткам войск короля. Он полз и чувствовал, какой ненавистью пропитана эта земля, разделявшая оборонявшихся гугенотов и наступающих католиков, — земля, разделявшая французов. Он полз и кричал пароль, который ему сообщил капитан, когда он уходил в город, и это его спасло. И теперь он стоял перед капитаном и радовался, что его мучения наконец-то закончились,

сейчас он умоется, выпьет вина и завалится спать и будет спать долго-долго.

— Господин капитан, вы не знаете, когда прибудет в лагерь герцог Орлеанский?

— У меня таких сведений нет. Я знаю, что на днях должен прибыть кардинал Ришелье. Об этом ходят упорные слухи.

— Ришелье?! — воскликнул Моро.

— Тебя что-то в этом смущает, сержант Ленту?

— Нет, все хорошо. Куда я могу пройти отдохнуть?

— Сейчас ты отдохнешь... Эй, стража, арестовать этого сержанта, — и когда подскочившие солдаты схватили Моро за руки, капитан приказал: — Свяжите ему руки и отведите ко рву, где мы расстреливаем лазутчиков и дезертиров.

— Как вы смеете, капитан?! Я выполнял приказ его высочества герцога Орлеанского! Я же вам привез его письмо! Прочитайте еще раз!

— Правильно, Ленту, у меня есть приказ герцога Орлеанского, который ты мне привез, и в нем написано, что, когда ты вернешься из Ла-Рошели, я должен расстрелять тебя как лазутчика гугенотов.

Сержанта Моро, завязав ему глаза, расстреляли на краю рва. Когда он упал и командовавший расстрелом капитан ушел докладывать капитану Жевроне, что приказ выполнен, два солдата спустились в яму, нащупали в темноте среди множества уже холодных тел еще теплое тело убитого сержанта и обыскали. Кошелек с эсю был тяжелым, что очень обрадовало солдат, и один из них тихо и радостно произнес:

— Вот бы, Бернар, каждый день таких богачей расстреливать! Не война, а радость. А я-то подумывал уже сбежать домой.

— Я тоже, — ответил тот, которого назвали Бернаром.

Деньги поделили честно, пополам.

На следующий день Бернар был арестован и расстрелян у той же ямы как желавший убежать из армии. Другим на зидание! Денег у убитого не было ни одного су.

Когда старик Солей через три дня тихо ночью вошел в свой дом, он застал сидящую неподвижно у потухшего очага жену Лину. Ее черные волосы были седыми. И когда он ее растормошил, она тихо прошептала:

— Больше нет нашего младшенького. Моего Андре, — и протянула золотой медальон с неровным отверстием в центре. — Вот все, что осталось от нашего сына.

— О боже! — закричал старик. — За что нам такая кара? Лина, ты еще не все знаешь...

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать. Я почувствовала это своим сердцем еще тогда, когда ты с Полем ушел тем ранним утром и не вернулся домой. И Андре убили ножом в то же утро. Нет больше у нас сыновей.

— Нет, — тихо произнес старик и заплакал.

— Ты спас девушку?

— Да. Нас обстреляли с английских кораблей в проливе Бретон, но я, прижавшись к самому берегу, доплыл до войск этих проклятых католиков и передал ее их офицеру, — ответил Солей, а потом крикнул: — Это она виновата в смерти нашего сына!

— Она виновата только в том, что Поль ее полюбил, — промолвила Лина.

— Как это?

— Ты слепец, Жан. У тебя нет сердца, потому ты ничего и не почувствовал. Ты исполнил зловещее завещание своего предка, а теперь у нас нет сыновей. У нас нет ничего!

XI

Король Франции Людовик XIII, спустив панталоны, сидел на стуле с высокой спинкой и дыркой в сиденье. Под стулом стоял большой, красивый фарфоровый горшок. Король справлял утреннюю нужду и, как положено королю, выслушивал доклады своих подданных. Вокруг стояли герцоги и графы. Подобострастно улыбались будущие заговорщики: попечитель Большой конюшни маркиз де Сен-Мар, ответственный за апартаменты короля, младший сын

Генриха де Гиза Клод де Шеврез, обер-церемониймейстер, он же первый кравчий короля Клод По де Род, первый ви-ночерпий короля Жан дю Бюэй граф де Марли. Они, сами не замечая того, жались полукругом около брата короля Гастона Орлеанского. А рядом с королем стоял человек в красной сутане и маленькой красной шапочке на затылке — человек, построивший уникальную дамбу с берега до острова Ре и заставивший уйти английский флот, человек, жесткой рукой осады и голода заставивший сдаться защитников Ла-Рошели и, как поговаривали, приложивший руку к непонятной смерти герцога Бекингема, — его пре-освященство кардинал Арман де Ришелье. Кардинал был в хорошем расположении духа и вместо очередного нуд-ного доклада рассказывал королю удивительную, полную приключений историю, которую Людовик слушал, открыв рот, забыв, для чего сидит на этом особом стуле. Кардинал рассказывал о красивом, похожем на викинга юноше, ко-торый пустился в опасное путешествие в Бордо, а оттуда в Ла-Рошель, чтобы помочь войскам короля взять непри-ступный город. Юноша по пути спас жизнь русскому князю Трубецкому, убив двух вооруженных разбойников, а потом на лодке доплыл через бушующее море до Ла-Рошели и убил из лука адмирала Кейга.

— Bravo! — закричал король. — Так вот кто убил этого английского адмирала!

— Он еще и спас княжну Трубецкую, которую Кейг при-казал расстрелять.

— Трубецкую... э-ээ, Ришелье, вы только что сказали, что он спас князя Трубецкого... Вы не перепутали?

— Все правильно, ваше величество! Трубецкие — это брат и сестра, и они помогли вашему величеству побе-дить англичан, исполняя особые поручения. Обращаю ваше внимание — бескорыстно!

— Ваши поручения, Ришелье.

— Ваше величество, наши с вами поручения. Они дей-ствовали на благо Франции.

— Прекрасно! Нам помогли в войне с англичанами рус-ские!

— А англичанам, ваше величество, помогал какой-то француз, — при этих словах лицо герцога Орлеанского стало белым.

— Вам плохо, мой дорогой единственный брат? Отчего? — обеспокоенно спросил, увидев это, король. — От рассказа кардинала или от... но я ничего особого не ел, чтобы сегодня отличиться, — король вновь повернулся к кардиналу. — Ну что же вы замолчали, Ришелье? Что дальше? И кто этот предатель?

— К сожалению, не удалось выяснить, — кардинал многозначительно посмотрел на герцога Орлеанского. Тот, не скрывая радости, громко выдохнул.

— Жаль. Очень жаль! — сказал Людовик. — И где же этот юноша? Этот герой! Я хочу его видеть.

— К сожалению, он погиб от английских пуль, спасая княжну Трубецкую.

— Боже, как жаль. Вы его наградили, Ришелье?

— Я хотел присвоить ему звание лейтенанта моих гвардейцев и наградить почетной шпагой за его подвиг во славу Франции.

— И в чем же дело?

— Не могу. Он не дворянин.

— И всего-то? — король встал со стула, слуги подбежали и, обтерев пахнувшими духами полотенцами, подняли на нем панталоны. — Не зря же меня зовут Справедливым, — король поднял кверху палец и, не обращая внимания на слуг, сказал: — Повелеваю даровать ему и его потомкам титул шевалье.

— Но, ваше величество, как я шевалье присвою звание лейтенанта? — сказал кардинал.

— Вы, Ришелье, может быть, и правы, но не титул же барона мне ему давать?

— Ваше величество, тут есть одно обстоятельство... — Ришелье подошел вплотную к королю и стал что-то шептать ему на ухо. По мере того как он говорил, брови Людовика удивленно поднимались вверх, а рот открывался.

— Вот так, ваше величество, — закончил Ришелье.

— Да, вы правы Ришелье. Пусть он станет бароном. Титул барона и шпага — прекрасно. Да-а, — король замотал головой, — вот это история. Вы правы, Ришелье, он этого заслуживает. Э-ээ... русская княжна? А-а, каков молодец! Француз, истинный француз. Как, говорите, его фамилия?

— Солей, ваше величество.

— Ну, Солнечным может быть только король. Раз это произошло в Ла-Рошели, пусть это будет барон... де Рошель... нет... пусть будет просто барон Роше. Как красиво звучит! И никаких «де». Ах, какой славный юноша! Герой, герой... И какой удивительный конец этой истории! Вы, Ришелье, ее не придумали? Все же знают ваш непревзойденный писательский талант. Хорошо-хорошо, не обижайтесь. Ах, как удивительно, как прекрасно, — и король весело произнес: — Господа, пойдемте завтракать! От вашей, Ришелье, удивительной истории я необычайно проголодался. Дю Бюэй, — обратился Людовик к своему виночерпию, — вы говорили, что поступило новое вино из моих виноградников. Несите... Ах, какой прекрасный сегодня день!..

Кардинал не поведал королю всей правды о случившемся в Бордо, которую узнал от князя Трубецкого. Люди графа де Труа привезли из Бордо раненого князя, и тот рассказал кардиналу о трех людях герцога Орлеанского и о подвиге Солея, спасшего его жизнь. Но самым захватывающим был рассказ приехавшей в Париж Натали Трубецкой. Она рассказала о штормах в море, о несущемся по воле волн и ветра корабле, похожем на призрак, о ее поимке и приказе адмирала Кейга ее расстрелять и о чудесном спасении, об убийстве адмирала из лука и каком-то французе, помогавшем англичанам.

Когда кардинал выслушал все эти рассказы и остался один у жарко пылающего камина, его худое лицо исказилось подобием улыбки, и он прошептал:

— Вот вы все и попались на мою хитрость — и англичане, и Орлеанский, и все его и мои шпионы. Бекингему конец! Я победил! Я единственный победил! Мне и надо было, чтобы милорд никуда из Лондона не уехал, а все

остальное сделал Фельтон... А юношу, как его... Солей... жаль. Он сделал всё за всех. Он и этот обманутый мною фанатик Фельтон... Трубецкие просят наградить Солея, ну что же, это будет справедливо. Хорошо, если на этом юноше прервется проклятие их рода. Они это заслужили! Жаль, медальон не посмотрел...

Кардинал прошел к столу и взглянул на карту Ла-Рошели.

— Конец! — сказал Ришелье.

* * *

Жан Солей и его жена Лина остались живыми в братоубийственной войне французов против французов. Они не погибли, как те 15 тысяч жителей города, умершие от голода в осажденной Ла-Рошели, они не уплыли с англичанами через океан на новый материк, который назывался Новым Светом, и даже их дом и лодка остались целы. Но лодка рассыхалась на берегу, а в доме стояла гробовая тишина — семья умерла. Они были живы, но их уже не существовало на этом свете. После гибели сыновей им стало незачем жить — они знали, что на них, уже стариках, их древний род и закончится. Они уже не плакали — слез не было, они тихо доживали, почти не разговаривая друг с другом.

Прошло больше года после гибели детей и захвата Ла-Рошели кардиналом Ришелье. В один из теплых летних дней 1629 года, когда от жары спасает только прохлада океана, к дому Жана Солея подъехала крепкая черная карета, запряженная парой сильных коней. За каретой на лошадях следовали двое военных в красных плащах с крестами. Из кареты вышел поджарый высокий мужчина в офицерском плаще и шляпе с пером. Сопровождавшие его всадники спешили и достали из кареты большую красивую корзинку, накрытую тонкой белой тканью и два ящика из красного дерева, покрытые лаком. И все вошли в дом.

Старики Солей равнодушно посмотрели на вошедших военных и даже не встали со своих стульев, не поздоровались и не предложили важному господину сесть. Но тот, по-

видимому, не обиделся. Он достал свернутые в рулон бумаги со свисающими красными шнурами и печатями.

— Я — граф де Мезьер, капитан гвардейцев его преосвященства кардинала Ришелье, — начал торжественным голосом офицер. — Мне поручено передать вам высочайшее повеление короля Франции Людовика о даровании вашему сыну Полю Солею и его потомкам дворянского титула «барон Роше», — граф протянул бумагу с печатями Жану Солею, но тот продолжал безучастно сидеть, и де Мезьер аккуратно, чтобы не сломались печати, положил бумагу на стол. Потом взял у одного из сопровождавших его гвардейцев маленький квадратный ящик и, открыв его, показал лежащую на голубом атласе небольшую золотую корону, украшенную белыми жемчужинами.

— Это корона баронов Роше, — сказал де Мезьер.

Но и это не произвело никакого впечатления на скорбно и безучастно сидевших стариков. Ящик с короной капитан тоже положил на стол и развернул вторую бумагу.

— Вот патент лейтенанта гвардии, дарованный барону Роше его преосвященством кардиналом Ришелье. А также кардинал Ришелье в знак признания заслуг вашего сына посылает вам эту шпагу, — стоявший позади капитана гвардеец передал ему красивый длинный ящик из полированного красного дерева, и де Мезьер его торжественно открыл. На пурпурном бархате лежала великолепной работы шпага с золотыми завитушками на гарде. На лезвии была выгравирована надпись «*Лейтенанту Полю Роше за заслуги перед Францией*». Глаза старика Солея гордо сверкнули и снова потухли.

— Зачем нам все это, если нет больше наших сыновей? — тихо сказал Жан Солей.

— Я всего лишь исполнил приказы его величества короля Людовика и его преосвященства кардинала Ришелье. Но кардинал надеется, что вы найдете в этой корзинке то, что вас обрадует и будет утешением до самых последних ваших дней. Прощайте, — граф де Мезьер поклонился старикам, один из сопровождавших графа гвардейцев поставил корзинку на стол, и все вышли из дома. На улице капитан

прошептал: «Хотел бы я так умереть, чтобы мне отдали почести сам король и кардинал! Впрочем, лучше быть капитаном и живым».

До стариков донесся цокот копыт и хруст мелкого камня под колесами удаляющегося экипажа, а они всё сидели неподвижно, и только из их глаз бежали слезы.

И вдруг из корзинки донесся писк, а потом плач ребенка. Старики недоуменно посмотрели на корзинку, а потом боязливо подошли и подняли красивую белую ткань, прикрывавшую ее. В корзинке лежал младенец, и не было никаких сомнений, что это был ребенок из рода Солей: у ребенка были необыкновенные волосы — белые с рыжими кончиками — и большие синие глаза. Ребенок лежал и старательно, с явным удовольствием грыз свой кулачок. В корзинке лежала перевязанная голубой лентой бумага. Жан Солей развернул ее.

Это сын Поля, — было написано красивым почерком на очень дорогой бумаге. — Я хотела его крестить в православии и дать ему русское имя, но передумала — ему жить во Франции. Имя ему, вашему внуку, вы дадите сами, тем более по вашей вере у вас двойные имена и, значит, он будет носить имя и своего прекрасного отца. Я была счастлива с вашим сыном, и не только оттого, что он неоднократно спасал мою жизнь, но и оттого, что он умел любить, как никто другой. Живите долго и счастливо. Ваша Наталья Трубецкая.

В корзинке лежал еще кожаный мешок с большим количеством золотых экю, но посмотрев в него, старики равнодушно положили его на стол, где лежали ящички и бумаги.

Жан Солей поднял ребенка на руки и, плача, радостно закричал:

— Смотри, Лина, наши дети к нам вернулись! Спасибо тебе, Господи! Теперь мы не умрем, пока наш внук не подарит нам правнуков, и уже никто из них не пойдет служить в армию. Харальд Солнечный, остановись! Это не завещание — это проклятие на наш род, — старик передал ребенка жене. — Кажется, он хочет есть. Утри, жена, слезы — к нам вернулась жизнь!

— Ах! — заплакала женщина. — Господь к нам смилостивился. Спасибо тебе, Господи!

— Хватит причитать, — прикрикнул на женщину старик. — Корми внука. Видишь же, он хочет есть. Сходи к соседям, попроси молока. А я пойду посмотрю, как там моя лодка. Нам нужна свежая рыба. Нам и нашему внуку. Я поплыву в море и поймаю много хорошей рыбы. Не знаю, как бароны Роше, а рыбаки Солеи всегда любили море.

— Послушай, когда мы его будем крестить, давай назовем его Дезире.

— Почему Дезире?

— Я как-то спрашивала в молитве у Господа, как назвать внука, и он сказал — Дезире, что значит Желанный.

— Спасибо тебе, Господи, за Дезире-Поля, — воскликнул Жан Солей.

— Правильно — Дезире-Поль! — обрадованно согласилась Линда.

Часть вторая

Солдат Великой армии

В городе Ла-Рошель с незапамятных времен жили рыбаки по фамилии Солей. И так бы они и оставались простыми рыбаками, если бы почти двести лет назад Поль Солей, служивший рядовым гвардейцем у кардинала Ришелье, не получил за какой-то подвиг звание лейтенанта и титул барона Роше. Правда, посмертно. У Поля Солея остался сын Дезире Солей, который и стал первым бароном Роше. В семье говорили, что в жилах Дезире течет знаменитая аристократическая кровь русских князей Трубецких. И даже хранилось письмо его матери Натали Трубецкой. С обретением баронского титула Солеи навсегда перестали быть простолюдинами и больше не посылали старших сыновей служить герцогам Нормандии, как было завещано их предком, викингом Харальдом Солнечным. И у них у единственных в безлюдном, разоренном войной и осадой городе тогда же, когда им привезли внука, появились очень большие деньги — подарок Натали Трубецкой, матери Дезире. Дед Дезире оказался человеком практичным, вложил эти деньги в то, что он знал лучше всего — лов рыбы, и очень быстро на этом разбогател. Умирая, он передал накопленные богатства и большие парусные лодки единственному внуку Дезире Солею, барону Роше, который построил уже большие корабли, и те стали плавать все дальше к берегам Африки и через Гибралтар проплыли в Средиземное море. Солеи открыли новый торговый дом в Марселе и сами рыбу больше не ловили — так, для удовольствия, плавали по Бискайскому заливу, что величиной больше любого моря, и, будучи с рождения прекрасными мореходами, могли уплыть и в Средиземное море или на запад и, обогнув Францию, пристать в каком-нибудь порту Англии. Шли годы и десятилетия, корабли Солеев все дальше уплывали

в океан, обогнули Африку, устремляясь к Индии, а на западе начали плавать через Атлантический океан во Французскую Америку. Бароны Роше стали известны как одни из самых богатых людей южного и западного побережья Франции. Еще большему богатству мешала только начавшаяся война с Англией. Английский флот — лучший флот в мире — блокировал порты Франции, рыбаки и торговцы несли убытки, а кто послабее — разорялись. Торговый дом Солеев тоже нес потери из-за войны, но не настолько, чтобы разориться.

Став баронами, Солеи больше не служили никому. Они были неизвестны при королевском дворе и в светском обществе, куда почему-то не стремились, зато их знали как знаменитых рыбаков и торговцев и очень богатых людей. Они не лезли в политику, и когда наступили годы революционного террора, голова барона Роше не упала под лезвием самого прогрессивного революционного изобретения — гильотины. Никто не вспомнил, что Солеи — бароны, все знали, что они мореходы и буржуа. Они даже в письмах и деловых бумагах почти никогда не указывали титул баронов Роше! Солей и Солей!..

I

Прошло почти двести лет, прежде чем Андре, единственный сын известного и очень богатого торговца Клода Солея, захотел идти служить в армию, о чем он и сообщил своим родителям. Клод Солей рассвирепел, и даже не из-за того, что единственный сын идет в армию, а из-за того, что это была армия человека, чья политика, как считал Солей-отец и как считали почти все, живущие на берегах Бискайского залива, привела к обнищанию, а то и к полному разорению рыбаков и торговцев Аквитании.

— Как ты можешь идти защищать интересы этого выскочки, который при живом короле полгода назад сам себя объявил императором Франции, а эту свою Жозефину объявил императрицей — матерью всех французов?! — кричал Клод Солей.

— Но, отец, мы тоже не всегда были баронами.

— Но мы никогда и не хвастались своим титулом баронов. Мы своим трудом добились уважения у окружающих нас людей.

— А Наполеон своими победами снискал огромное уважение среди всех граждан страны.

— Не всех. И он погубит Францию!

— Он ее сделает великой, как никто!

— Если ты пойдешь служить к нему, я лишу тебя наследства и прокляну!

— Слава богу, баронского титула ты меня лишить не можешь, поэтому меня сразу произведут в офицеры. Ты еще будешь мною гордиться, отец.

— Тебе бы надо помнить, что даже в те далекие времена, когда мы были простыми рыбаками, а не баронами, в армию, а точнее к герцогам Нормандским, исполняя волю Харальда Солнечного, служить шел только старший сын, но никогда — единственный. Если тебя не станет, наш род прервется и всё, что создавалось твоими дедами и мной, пропадет и будет растащено по кусочкам... Неужели ты этого не понимаешь? Поверь мне — твоя судьба в море.

— Да, в море, но морским офицером.

— Ты останешься дома. Я так хочу!

— Нет!

— Это твое последнее слово?

— Да!

— Уходи и не возвращайся! У меня нет больше сына!

Изабель Солей старалась слезами уговорить Андре не идти в армию. Как всякая мать, она боялась потерять своего единственного сына. Но Андре был непреклонен — он был порождением того великого времени и, как все юноши страны, боготворил Наполеона. Вся молодежь Франции — и из дворян, и из простолюдинов — шла в армию великого полководца. Все желали денег, должностей и славы! Андре Солей желал одного — славы! Отец, не уговорив сына, как и обещал, отказал ему в деньгах при отъезде и в праве на наследство. А наследство было большим: один

из самых красивых и больших домов в Ла-Рошели, с садом и видом на океан, торговые дома в Ла-Рошели и Марселе, суда для ловли рыбы и устриц, большие многомачтовые корабли для перевозки торговых грузов по морям и океанам и, конечно, деньги — все это теперь Андре Солею больше не принадлежало. Он стал нищим бароном, что во Франции не было редкостью. Отец провожать сына не вышел — закрылся в кабинете, а мать расплакалась и повесила на шею сыну самую дорогую реликвию их рода — золотой медальон с неровным отверстием в центре. Этот медальон хранился в их семье еще с Харальда Солнечного и передавался младшему или единственному сыну.

— Он тебя защитит. Так гласит легенда, — тихо сказала мать и заплакала .

— Мама, но он же должен храниться в семье.

— А зачем он семье, если единственный сын уходит на войну.

— А что скажет отец?

— Он ничего не скажет — он убит горем!

— Мама, я обязательно вернусь офицером и виконтом, — сказал Андре, чье пылкое юношеское сердце было уже далеко от родного дома — там, в громе пушек и пороховом дыму великих битв и великих побед.

Солеи были людьми для своего времени очень образованными, о чем говорила большая библиотека, занимавшая почти этаж в их доме. В библиотеке же хранились и реликвии семьи: золотой медальон Харальда Солнечного, баронская корона, шпага с надписью на клинке «Лейтенанту Полю Роше за заслуги перед Францией» и бумаги, подтверждающие баронский титул и звание лейтенанта — потемневшие от времени, с высохшими чернилами и осыпавшимися печатями. Что сделал для Франции их предок Поль, никто в семье не знал, но, видимо, что-то геройское, раз ему, простому рыбаку, французский король Людовик XIII даровал дворянский титул, а великий кардинал Ришелье — патент лейтенанта его гвардии. Было известно только, что знаменитый предок Поль погиб еще до получения баронства и звания.

Андре Солею только-только исполнилось восемнадцать лет, и произошло это событие летом 1805 года. В молодом человеке было все от их рода: мужская красота, необыкновенная физическая сила и необычные, странного цвета волосы — белые с красными, как медь, кончиками.

Молодой человек хорошо читал и писал, знал математику, умел командовать людьми и, как все Солеи, любил плавать по морю. Он ничего, кроме моря и портовых городов, в своей жизни и не видел, и уж тем более не был светским человеком. Любил подраться со своими сверстниками, но вполсилы, так как знал, что может, ударив посильней, человека искалечить, а то и убить. Еще юноша, как все в его возрасте в это великое время, всем сердцем любил своего императора и свою страну. И эти сила, знания и любовь в это великое время смешались в нем и требовали выхода, а выходом была война! Его синие глаза смотрели на мир весело и без страха.

Императору Наполеону, задумавшему покорить извечного врага французов — Англию, не хватало грамотных морских офицеров, и он, узнав, что к нему на службу записался молодой барон Роше, умеющий управлять кораблем, приказал присвоить молодому человеку звание лейтенанта и направить служить на корабль. И в это время произошло то событие, которое переворачивает судьбы как отдельных людей, так стран и народов, а то и всего мира.

Оставались считанные дни — мешало только беспокойное море — до момента, когда император под грохот пушек и бой барабанов, во главе своей непобедимой армии, переброшенной на кораблях через воды Па-де-Кале, должен был войти в Лондон. И тут ему доставили срочное письмо, в котором сообщалось, что русский царь Александр направил свою армию на помощь австрийскому императору, с которым Наполеон был в состоянии войны.

Нападение на Англию сразу же отошло на второй план — ну куда уплывет этот остров? И французская армия развернулась и зашагала под барабанный бой к границе с Баварией.

— Ваше величество, а что мне делать с таким количеством матросов и морских офицеров? — спросил Наполеона командующий французским флотом адмирал Вильнев.

— Тех, кто сейчас не нужен на кораблях, отправьте служить в береговые крепости, кто пожелает служить в армии — пусть идут служить в армию. Мне очень нужны офицеры. Это война, а на войне убивают. Вряд ли они умеют скакать на лошадях, а тем более рубить саблей, поэтому пусть идут служить в пехоту.

— Некоторые говорят, что умеют ездить на лошадях.

— Интересно, кто?

— Барон Андре Роше.

— Да? Это тот, которому я приказал сразу присвоить звание лейтенанта флота? И который, говорят, сказочно богат? Ну, раз умеет, пусть служит в кавалерии у Мюрата. А если он соврал, то быстро пожалеет об этом — его за три дня научат скакать, но вся его задница будет в кровавых синяках.

— Так он не лейтенант. По-видимому, ваш приказ до меня не дошел.

— Странно. А ты сам, адмирал, не догадался присвоить? Все ждут бумажку. Все, кроме Мюрата!

— А может, он не хочет служить на флоте, поэтому и просится в армию? А правда, что отец лишил его наследства?

— Тем злее будет драться! Нищие дерутся лучше всех! К Мюрату его! Лейтенантом.

— А других куда? — спросил Вильнев.

— Адмирал, не оголяйте флот моей страны. Вот же, через пролив, англичане, и мой спор с ними не окончен — я только временно опять становлюсь сухопутным генералом. Так что десяток-другой офицеров, которым не терпится прославить себя, отправьте в армию и не более. Всем же известно, что у вас на кораблях быстрее погибнешь, чем прославишься или получишь чин, а про деньги в карманах морских офицеров я просто промолчу. Там корабельные крысы с голода давно проели большие дыры.

— К сожалению, ваше величество, что касается денег, то это на всех флотах. А крысы у нас все жирные, как свиньи.

— А у русских?

— Хуже всех!

— У них всё хуже. И я сейчас проверю, каков у них солдат...

Наполеон собрал генералов и произнес:

— Если мне помешали через пятнадцать дней быть в Лондоне, то никто не сможет мне помешать через две недели быть в Вене! Слышите — никто! — Император умел и любил высказываться красиво. Знал — каждое его слово останется в истории!

Десятки тысяч ног стали выбивать ровный шаг, тысячи лошадей поднимали пыль до небес — все хотели денег, славы и титулов. Каждый солдат и каждый офицер Великой армии!

II

Иоахим Мюрат был высок, красив, необычайно силен, до умопомешательства храбр в бою, и благодаря этим качествам быстро стал маршалом. Из простых-то солдат! Задурил глупенькую головку восемнадцатилетней Каролине — сестре императора всех французов, стал родственником Наполеона и уже надеялся стать герцогом, а то и каким-нибудь маленьким, но королем. Кто может помешать лучшему?! А еще Мюрат был страшный хвастун. Везде, где только мог, он хвастался своей силой: останавливал лошадей на ходу, поднимал пушки, вытаскивал из грязи повозки и с огромной скоростью вращал палашом над головой.

Мюрат стоял с маршалом Бернадотом в своей палатке и о чем-то с ним спорил, показывая на карты, расстеленные на столе. Увидев юношу, прибывшего в его армию с флота, он вначале рассердился, а потом стал смеяться:

— И что этот моряк будет делать в моей славной кавалерии? Я бы еще понял, если бы он до этого годами сидел верхом на своих пушках — хоть бы ноги правильной кривизны были, а так всякий знает, как ходят моряки. Я один

раз в жизни поплыл по морю, так все время падал, а потом не мог отползти от ведра — меня вывернуло до жо... Ты, синеглазый оболтус с необыкновенными волосами, кто?

— Андре Солей, барон Роше.

— А-а, аж барон! А я вот до маршала дорос из солдата, потому что был сыном трактирщика. Моя мать нарожала так много детей, что когда в сорок пять родила меня, то не могла сосчитать, который я по счету, потому что была неграмотной. А ты у нас сразу захотел стать лейтенантом, потому что барон? Вот спроси у Бернадота, — Мюрат показал на стоявшего рядом высокого, стройного, черноволосого, кареглазого маршала, — сколько лет он тянул лямку простого солдата?

— Восемь лет до сержанта и еще два до младшего лейтенанта.

— Вот видишь, мальчик: десять лет, чтобы стать младшим лейтенантом! А ты сразу захотел в лейтенанты, да еще где — в моей славной кавалерии!

— Прошу вас, маршал, меня не оскорблять! — вдруг спокойным голосом произнес юноша, стоявший перед Мюратом.

— Ой! А что будет? Вызовешь меня на дуэль? Я не против, но император за это может меня наказать и даже расстрелять, потому что война, — он внимательно посмотрел на юношу. — Ты, видно, парень крепкий — хочешь, потягаемся на руках?

— Не возражаю.

— О-о! А ну-ка, — Мюрат смахнул со стола бумаги и карты. — Давай.

В палатке Мюрата сразу же стало тесно — кавалеристы сбегались посмотреть и потешиться, как их славный командующий «завалит» очередного неудачника.

То, что произошло, всех удивило. Молодой человек без видимого усилия прижал руку Мюрата к столу.

— Не может такого быть! — закричал маршал. — А ну еще раз!

И все опять повторилось. Юноша с необычными волосами вновь легко припечатал руку маршала к столу...

— Это что? Это как? Этого просто не может быть! Как зовут тебя, малыш?

— Андре Солей. И прошу никогда не называть меня малышом.

Стены палатки затряслись от хохота. Громче всех смеялся маршал Бернадот.

— Иди, Солей, и учись сидеть в седле, — зло сказал Мюрат. — Это тебе не флот! А я буду внимательно наблюдать, чтобы не пропустить момент, когда тебя убьют. Куда его определили?

— Посмотрите на него, господин маршал, он же вылитый кирасир, — ответили маршалу.

— Что? В кирасиры? В гусары его! Нет, в егеря! И не лейтенантом, а марешаль-де-ложи! И ни одного егеря под его команду — пусть заслужит.

— Но... господин маршал, он же лейтенант.

— Это на флоте он лейтенант, а у меня сержант, и пусть еще радуется, что не рядовой. И пусть сразу едет в разведку. Убьют — туда ему и дорога. Ну что, барон, может, откажешься у меня служить?

— Я служу не вам. Я служу императору.

В палатке раздался одобрителный гул.

— Ну-ну, иди, барон, и не перепутай лошадь с коровой, — произнес Мюрат.

Андре Солей вышел из палатки с мыслью: «И это армия императора всех французов? А Мюрат-то большой дурак. Неужели отец был прав?»

— Юноша, — окликнули Солея. Он обернулся, перед ним стоял маршал Бернадот. — Послушай, как тебя... Солей, зачем тебе кавалерия? Мюрат тебя не забудет и никогда не даст возможности продвинуться по службе, а уж о славе можешь сразу позабыть. Я — маршал Жан-Батист Бернадот, командующий Первым корпусом. Я предлагаю тебе служить у меня. Ты сразу станешь лейтенантом и командиром эскадрона уланов. В моем корпусе прекрасная кавалерия, не то что у Мюрата. Там больше таких же хвастунов, как их командующий.

— Спасибо, господин маршал, но меня к Мюрату отправил служить сам император, и не мне решать, где завоевывать славу. Я ее все равно завоюю и стану офицером.

— Похвально, юноша. Но если все-таки передумаете, не стесняйтесь, приходите ко мне.

— Я непременно этим воспользуюсь, господин маршал, если что...

Бернадот засмеялся:

— Я тебя запомнил, мальчишка, похожий на викинга... А Мюрату ты нос утер! Молодец!

Известие о проигрыше Мюрата молоденькому новобранцу стремительно разнеслось среди кавалеристов, и хотя маршала любили, Солея приняли в егерском полку на удивление хорошо. Командир полка предложил ему в качестве то ли денщика, то ли слуги старого солдата Мишеля.

Мишель был родом из Эперне, но служил так давно, что уже и не помнил своего дома, носил за военные заслуги медвежьёю шапку и был из-за большого количества ран и старости списан из армии. Теперь он находился в растерянности, не зная, что ему делать, если он станет мирным человеком. Он собирался пойти к императору, который, как он считал, знает в лицо всех старослужащих солдат, и просить оставить его хотя бы на одну военную кампанию — авось убьют! Когда Мишелю предложили стать денщиком у барона, он обрадовался — у барона же! Но увидев Солея, загрустил — барон был слишком молод и явно беден. Правда, десятилетия солдатской жизни научили Мишеля мыслить практически: уж лучше слугой у бедного барона, чем нищим на паперти. И Мишель согласился. Он долго и старательно отбирал Солею лошадь и особенно седло. Юноше дали саблю и попросили перерубить ветку на дереве, а тот от неумения перерубил ствол и сломал саблю, чем вызвал хохот и восхищение у видевших его «махание» егерей; порадовавшись от души, они собрали денег и отправили Мишеля к кирасирам, чтобы купил для своего хозяина палаш. «Вот твое оружие! — сказали егеря Солею, вручая тяжелый длинный клинок. — Тебе бы меч — и точно бы викинг из сказки...»

— Говорят, что вы, барон, очень богатый? — спросил Солей Мишель и заглянул высокому Андре в глаза. Тот был ростом даже выше, чем Мишель в своей медвежьей шапке.

— Ты прав, Мишель, я и барон, и очень богат. Только отец, за то что я в армию пошел, в наследстве мне отказал.

— Так это же не на всю жизнь? — обрадовался Мишель.

— Конечно. Либо отец отменит свое решение, либо... но этого я не хочу.

— Отменит, отменит — как узнает, что вы герой, так и отменит.

— А как же я стану героем?

— А лезьте в каждую драку: чем больше убьете врагов, тем быстрее станете героем, и тогда вас переведут в кирасиры. Что вам при такой силе и таком росте в егерях-то делать? Вам даже лошадь не подберешь, — и, посмотрев на Андре снизу вверх, Мишель спросил: — А когда вас, ваша милость, переведут в кирасиры, вы меня с собой возьмете?

— Почему ты спрашиваешь? Конечно!

— Тогда я пойду достану вам каши, а может, где и вина раздобуду, раз мне все потом зачтется.

Егеря и гусары — самые легкие на подъем и самые быстрые войска. Через неделю непрерывной скачки Солей довольно сносно держался в седле, а на мягком месте вначале образовалась кровавая, а потом твердая, как панцирь у черепахи, мозоль. Он уже мог скакать не уставая — уставала лошадь. Егеря учили сержанта премудростям сабельного боя, хитростям уклонов, выпадов, рубки... Саблей Солей вертел над головой, как тростинкой, страшно было смотреть; палаш был привязан к седлу.

Скорость, скорость, скорость... Егеря даже не в авангарде — в непрерывной разведке. Так, пересекая под дождем равнины, Альпы, реки Рейн и Дунай, они первыми вышли к Ульму и столкнулись с гусарами австрийского генерала Мака.

Когда, вытянув сабли вперед, всадники поскакали друг на друга, Солей, весь трепеща от нетерпения, вытащил палаш и на своей рослой лошади первым выскочил на авс-

трийцев. Пули австрияков пролетели мимо, а сабельный бой был скоротечен — австрияки, потеряв десяток гусар, бросились назад, под защиту стен крепости Ульм. Егеря восхищенно смотрели на Солея.

— Да-а, сержант, наделали вы дел... — то ли удивленно, то ли подозрительно произнес лейтенант, командир эскадрона. А простые егеря пригарцовывали на взмыленных лошадях вокруг Андре и, радостно похлопывая по плечам, восторженно кричали:

— Такого мы еще не видели... Даже Мюрат в Египте не смог такого сотворить... Ай да Солей! Будет что рассказать товарищам и отписать домой! Ты сможешь написать письмо, Солей?

Оказалось, Солей зарубил четырех австрийских гусар и... двух лошадей. Сам Андре ничего не помнил, для него все было как в тумане — он не радовался, а в окровавленной одежде и с окровавленным палашом в руках тупо сидел на лошади, у которой от усталости подкашивались ноги. Пленные австрияки жались кучкой при виде беловолосого всадника и с расширенными от ужаса глазами шептали: «Белая смерть! Это Белая смерть...» И тихонько спрашивали друг друга:

— Может, это наемник? Может, какой-нибудь оживший рыцарь?

Мюрат загнал Мака в крепость Ульм, а Наполеон ему уже кричал:

— Мюрат, какого черта ты застрял у крепости? Здесь маршалов хватает. Ней и Мармон справятся и без тебя. Оставь для них эту славу. Скачи — эрцгерцог Фердинанд увел из Ульма двадцать пять тысяч солдат. Это ты их упустил! Они идут на соединение с русскими. Догони и заставь вернуться. Я не люблю, когда за столом не все гости! Вперед, Мюрат!

Кто самый легкий? Кто самый быстрый? Гусары и егеря. Пересев на сытых, не уставших австрийских лошадей, они бросились в погоню в сторону Богемии. И догнали! Две тысячи всадников врубались в отступающих австрийцев, не дав им развернуть против себя пушки. Лошади по

брюхо вязли в непролазной грязи, так что всадники бес-толково махали саблями, стараясь достать противника, а потом скатывались с лошадей и начинали дубасить друг друга кулаками. Солей, с завязанными по моде в две косички волосами, вращал над головой своим палашом, наводя ужас; рубил, что под руку попадет — всадника или лошадь. А когда свалился с коня, тогда досталось тем, кто попал под его кулаки. Выскочив из грязи, вытащил за повод свою, застрявшую по брюхо лошадь, и погнался за скачущим на красивом коне австрийским офицером. Тот, видя погоню, выстрелил в Солея, но промахнулся, а Андре, догнав, ударил офицера плашмя палашом и тот упал с лошади. Офицер оказался генералом австрийской армии. Солей, соскочив с коня, вежливо помог оглушенному генералу подняться.

— Спасибо, — сказал генерал. — Спасибо, что не убили. Кому обязан своим пленением?

— Андре Солей, барон Роше.

— Спасибо, барон. Только не пойму, почему вы в звании сержанта?

— По-видимому, офицерского звания не заслужил.

— Я пожалуюсь маршалу Мюрату. Он же возглавляет кавалерию вашего императора.

— Не думаю, что это мне поможет.

— Тогда я пожалуюсь самому императору Наполеону. Он-то настоящий солдат и любит храбрых людей.

— Пойдемте, генерал, а то вы совсем мокрый — еще простудитесь.

— Да-да, мой друг, пойдемте. Забыл представиться: граф фон Эрлих.

— Пойдемте, ваше сиятельство, дождь как из ведра...

III

— Мюрат, скажи-ка мне, что у тебя за марешаль-де-логи, о подвигах которого рассказывают по всей армии? На тебя пожаловался австрийский генерал граф фон Эрлих. Про кого идет речь? Что это за храбрец? Почему я о нем узнаю от солдат на привалах и от пленного генерала?

— Это некий Андре Солей. Прибился к нам с флота. Доброволец. Сержант.

— Стоп, Мюрат. Это какой Солей? Барон Роше, моряк? Почему же он сержант, если на флоте был лейтенантом? Я сам ему это звание присвоил. И почему «прибился», если я его направил к тебе?

— Ваше величество, флот не кавалерия. Как я ему доверю эскадрон, если он на лошади не сидел ни разу в жизни?

— Если он за месяц выучился так скакать и так драться, то он талант! А ты, Мюрат, не имеешь права умалять достоинства французского дворянина! Это тебе не Директорию разгонять! Как только мы войдем в Вену, сразу же пришли его ко мне. И не вздумай ослушаться. Я тебя предупреждаю, Мюрат.

В Венском дворце, из которого только что убежал австрийский император Франц, перед Наполеоном стоял высокий стройный юноша с необычными волосами, заплетенными в две косички; косички эти были бело-красными, а зеленая одежда егеря была мятой и в пятнах от грязи. На императора смотрели большие синие глаза. «Если такого увидит Жозефина — не устоит, — прокатилась ревность в душе императора. — Слаба... не устоит!»

Император любил играть с людьми: зная о них почти всё, в разговоре заходил издалека.

— Как тебя зовут, юноша, и откуда ты родом?

— Андре Солей, ваше величество. Из Ла-Рошели.

«Протестант», — подумал Наполеон.

— Солеи, которые бароны и торговцы — твои родственники?

— Барон Клод Роше — мой отец.

— Известный богач. Почему же ты в армии?

— Хочу служить вам, ваше величество, и моей стране. И я беден — отец, за то что я пошел в армию, лишил меня наследства. Я нищ и ем солдатскую еду.

«Не Францию — меня, Наполеона, назвал первым, кому готов служить. Либо льстец, либо... А может, и правда верит в меня больше, чем в страну? А хорош-то! Раз-

ряженный, как попугай, Мюрат не идет с этим скромным юношей ни в какое сравнение. Надо его взять к себе в адъютанты... С ума сошел? Если его увидит Жозефина...» — подумал Наполеон и спросил:

— Где ты научился так хорошо драться, да еще палашом?

— Егеря научили.

— Егеря — палашом? И на лошади ездить тоже они научили?

— Да, ваше величество.

— Почему же ты при таких-то данных не кирасир? И почему сержант?

— Значит, не всё зависит от здоровья и дворянского титула.

Император посмотрел на стоявшего среди генералов Мюрата.

— Мюрат, это тот юноша, который легко положил твою руку на стол? — Мюрат покраснел. Все заулыбались. Бернадот хохотнул. Император тоже засмеялся и вдруг, став серьезным, жестко сказал: — Я никогда не думал, что ты, Иоахим, злопамятен. Надо радоваться, что у нас есть такие сильные и смелые юноши... Солей, ты занимался гимнастикой?

— Нет, ваше величество. Эта сила у нас в роду, с далекого предка викинга Харальда Солнечного.

— Фамилия Солей тоже с того времени?

— Да.

— И цвет волос? Неужели не менялся?

— У мальчиков — никогда.

— Интересно. Солей, я рад, что в моей Великой армии есть такие солдаты. Я возвращаю тебе то, что некоторые, — Наполеон посмотрел на Мюрата, — хотели у тебя незаслуженно отнять: с сегодняшнего дня ты лейтенант кирасиров. Ах да... — император прошел к походному секретеру и, достав красный атласный мешочек, протянул Солею. — Это от графа Эрлиха... и от меня — тебе, чтобы ты напоил своих боевых товарищей! Я уверен, что твой отец одумается, когда узнает, как воюет его сын, правнук

викингов. Юноша, я хочу как можно скорее увидеть тебя капитаном!

Когда Солей вышел, Наполеон повернулся к Мюрату и зло произнес:

— Говорю при всех. Если ты, маршал, будешь так относиться к моим солдатам, я с тебя все твои красивые бантики сорву и ты станешь вновь солдатом, несмотря на то что ты мой родственник! Ты и так как глухой — не слышишь моих приказов и, вместо того чтобы сразиться с русскими, идешь без моего приказа на Вену. А русские между тем от нас ускользнули! И нам теперь предстоит очень быстро бежать, чтобы догнать их и не позволить соединиться с австрийской армией. И в этом виноват ты, Мюрат! Вот что происходит, господа, когда думают не головой, а... Ты еще здесь, Мюрат? Если ты позволишь русским уничтожить единственный оставшийся целым мост через Дунай, а не отобьешь его, они с песнями и под их непонятный инструмент дикарей ба... ла... лайку — черт, как это выговорить! — не торопясь, уйдут от нас. Скачи и не возвращайся, не взяв этот чертов мост! Кстати, господа, моряку Солею несказанно повезло, что попал в кавалерию: только что пришло сообщение, что Нельсон потопил весь наш флот около мыса Трафальгар. У Франции нет больше флота! Адмирал Вильнев постарался. Бездарность! Заменял бы, да некем. Храбрецы Солеи еще не доросли до адмиралов. Одна отрада — Нельсон погиб!

Андре Солей раздал долги, оставил бутылками столы для своих, теперь уже бывших товарищей-егерей, купил новую крепкую лошадь себе, отдав старую Мишелю — тот с трудом взбирался на такого высокого коня — и прибыл в кирасирский полк, командир которого полковник Антуан де Робер с удовольствием принял молодого человека.

— Наслышан, наслышан о твоих подвигах, Солей. Принимай эскадрон, у меня как раз под Ульмом погиб их командир — славный рубака... А правда, что ты, Солей, моряк?

— Да, господин полковник. Я из Ла-Рошели, и в нашем роду всегда и все моряки.

— Почему же ты не на флоте?

— Наверное, временно, пока разобьем австрияков.
А потом вернусь.

— Нам еще предстоит разбить русских.

— Русских?

— Тебя, лейтенант, что-то удивляет?

— В нашей семье известно, что в нас течет и русская кровь.

— Во французах намешано столько разной крови, что от галлов вряд ли что-нибудь осталось... Не стесняйся, Солей, обращаться ко мне с любой просьбой. Буду рад тебе помочь. И все-таки я впервые вижу перед собой моряка, скачущего на лошади. Я даже не представляю, какое оно, море. Страшное?

— Восхитительное, господин полковник.

— Ты знаешь, как в армии называют кирасиров?

— Скажите, господин полковник.

— Здоровые братья. Так что ты, Солей, нам подходишь.

— Я буду стараться, господин полковник, чтобы не подвести вас.

— Да уж, постарайся!..

В эскадроне Солея приняли спокойно и уважительно — слухи о нем докатились и сюда. Особое уважение вызвал Мишель в своей медвежьей шапке — в армии каждый знал, что обозначает этот признак высшей солдатской доблести. Солей надел синюю с белой отделкой форму, она необычайно сочеталась с его синими глазами и длинными белыми волосами, которые не скрывала металлическая каска — егерский кивер Андре спрятал на память, а блестящая, не крашенная, как в других армиях, кираса только подчеркивала грозность всадника. Денег хватило и на отличную лошадь, и на седельные чемоданы из великолепно выделанной свиной кожи, на которых ушлый Мишель, сбегав к какому-то мастеру, вытравил номер полка. Ошибиться было трудно даже неграмотному солдату — в армии императора было всего четыре полка кирасиров. Для счета хватало пальцев одной руки!

IV

Аустерлиц — поле великой воинской славы и страшного военного позора.

Полк кирасиров стоял на левом фланге. Тяжелые кони переминались с ноги на ногу, кирасы и каски сверкали в лучах восходящего солнца, тяжелые палаши были положены на плечо, а перед полком находились наступающие ряды русских гренадеров. Высокие, широкоплечие, они с легкостью раскидали и перебили французский пехотный полк и с грозным криком «Ура!» и ликованием, выставив штыки, шли по полю к высокому могильному холму, по которому ходил вперед-назад французский император. Наполеон остановился, посмотрел на идущие ряды русских гренадеров, как будто давно их ждал и даже, казалось, заждался, усмехнулся и что-то сказал подскочившему адъютанту. Тот поспешил к полку де Робера, и наконец-то прозвучало: «Вперед!» Эскадроны, вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее, понеслись на русских гренадеров. И штык в лошадиную грудь! И пуля в металл кирасы! И всадник летит с лошади, ломая позвоночник. И голова гренадера раскалывается пополам от удара тяжелого палаша! Смешались лошади, солдаты, всадники — крики, вой, удары металла о металл и в мякоть тела до кости, и смерть, смерть, смерть!

Эскадрон Солея был в самой гуще сражения. Лейтенант, как обезумевший, вертелся на своей лошади и рубил своим палашом — и по головам, и через плечо, и через всю грудь жестокий металл рассекал тело противника! Русские необыкновенные — умирают, но не отступают. Насмерть стоят, оцетинившись штыками. Так все и полегли — пленных не было.

А австрийцы бегут в мерзлую топь, и по ним из пушек картечью и ядрами... Лед раскололся, и австрийцы тонут в болоте...

От эскадрона осталась половина, и вновь приказ: «В центр! Там русская гвардия! Вперед!»

Русские исполины-гвардейцы на таких же исполинских конях, как траву, косят французскую пехоту — роту за ро-

той. Спасаются только те, кто упал на землю, но и их огромные лошади давят своими копытами.

На русских всадников скачут лучшие французские всадники — кирасиры и страшно визжащие, размахивающие кривыми саблями египетские мамлюки. И началась свалка, — рубят друг друга, падают, встают, а головы нет. Отлетают руки, лица — саблей наискосок, тела — поперек от страшных ударов палашами, головы лошадей отдельно от туловищ, кровь рекой! И французские кирасиры, видя, как юноша с белыми волосами дерется своим палашом с русскими гвардейцами, как боевой клич кричат: «Солей!» И его палаш ударяется, выбивая искры о такой же палаш, и острый вражеский металл скользит по броне на его груди, но беловолосый юноша все не падает — рубит, без усталости рубит палашом, убивая и калеча русских всадников.

«Белая смерть!» — несется над полем.

И не выдержав, русская армия побежала. Австрийцы убежали раньше; захвачены пушки, знамена, генералы. Русский и австрийский императоры, не оглядываясь, позорно бегут с поля боя, вначале вместе, а потом порознь. А поле устлано десятками тысяч мертвых тел. И солнце только-только полуденную макушку прошло, а уже все закончилось: всего четыре часа — и ни русской, ни австрийской армий больше нет! Битва трех императоров закончилась!

По полю едет на белой лошади, в своей знаменитой серой шинели и не менее знаменитой треуголке, император французов Наполеон. А навстречу идет пешком всадник — весь в крови, кираса разбита, вся во вмятинах и рваных дырах, каски нет, развеваются белые волосы, лицо залито кровью. У всадника в одной руке повод спотыкающегося от усталости коня, а в другой — русское знамя.

Император подъехал, взгляделся и, улыбнувшись, показал рукой на всадника.

— Вот настоящий герой этой битвы! Я видел в подзорную трубу, как ты, Солей, дрался! Тебе не хватало только рыцарского двуручного меча.

— Ваше величество, мои предки такими мечами и дрались!

— Ты знаешь, как тебя называют русские?

— Я ничего не слышал, я дрался!

— Белая смерть!

— Плохо и страшно.

— Хорошо и заслуженно. За заслуги перед Францией с сегодняшнего дня ты Кавалер моего ордена Почетного легиона и капитан кирасиров. Помнишь, я тебе говорил, что скоро увижу тебя капитаном. Ты так быстро скачешь по жизни, что скоро обгонишь всех моих генералов. Ты, Солей, становишься гордостью моей армии. За тобой слава не успевает! Молодец! И все твои товарищи — молодцы и герои!

— Жалко только, — произнес юноша, — что я, наверное, один из всего эскадрона увидел эту победу!

— Этой победе там, на небесах, радуются и твои павшие товарищи. Иди отдыхай. Ты это заслужил, — и, повернувшись к Мюрату, Наполеон весело спросил: — Иоахим, и ты хотел этого юношу оставить в неизвестности? Судьба, Мюрат, очертила нашу дорогу в этой жизни, и никто не может ей помешать... Давайте хоронить наших павших героев и чувствовать живых!

И поздно вечером великий полководец, одержавший одну из самых великих своих побед, написал:

Солдаты!

Я вами доволен. Вы в день Аустерлица оправдали мои ожидания, проявив отвагу и неустрашимость; вы покрыли свои увенчанные орлами знамена бессмертной славой; сто тысячная армия под командованием двух императоров — России и Австрии — была вами расчленена и рассеяна менее чем за четыре часа. Сорок вражеских знамен, штандарты императорской австрийской армии и гвардии русской, сто двадцать пушек, двадцать генералов, более тридцати тысяч взятых в плен — вот результаты этого знаменитого, незабываемого дня!.. Солдаты, как только все необходимое для достижения счастья и процветания нашего народа будет обеспечено, я верну вас во Францию. Там вы станете

предметом моей особой заботы и попечительства. Мой народ с радостью встретит вас, и вам для такой всеобщей радости достаточно будет лишь сказать: «Я участвовал в битве при Аустерлице!» — и вы тут же услышите в ответ: «Какой молодец!»

Император откинулся на раскладном стуле, потом написал письмо Жозефине, единственной женщине, которую любил, и вдруг вспомнил идущего по покрытому мертвыми телами полю юношу со знаменем. Он вновь взял в руку перо, подовинул к себе чистый лист бумаги с императорским гербом и, немного задумавшись, быстро написал:

Друг мой, Клод Солей, барон Роше!

Я хочу Вам сообщить, что за все годы войны я не видел столь храброго солдата, как Ваш сын. Он настоящий француз! Гордитесь им, а я буду гордиться Вами как отцом достойного сына нашего отечества.

Сообщаю вам, что он с сегодняшнего дня Кавалер ордена Почетного легиона и капитан кирасиров.

Надеюсь, что война окончена и скоро вы увидите и обнимете своего сына.

Наполеон.

Аустерлиц. 2 декабря 1805 г.

Домой Андре Солей не попал. Все — солдаты, генералы, маршалы Великой армии — хотели домой. Все понимали, Аустерлиц — это конец войне!

Австрия запросила мира и в объятиях Наполеона его получила. Избитая Россия ушла к себе за Неман — зализывать ужасающие раны и позор поражения.

И тут вдруг сошел с ума король Пруссии Фридрих Вильгельм. Год назад, пообещав помочь созданной против Наполеона коалиции России с Австрией, он ничего не сделал, чтобы эту помощь оказать, а тут решил сразиться с лучшей армией мира в одиночку! Разве нормальный человек может такое даже подумать?! Орала патриотические песни и воинственные лозунги прусские бароны и графы. Генералы кричали «Вперед!» — и громче всех кричал никому не известный генерал-лейтенант Гебхард Блюхер.

Это была самая блестящая военная кампания полководца Наполеона, после которой он стал великим Наполеоном для всех, даже для побежденных им народов. Города и крепости с многотысячными гарнизонами, пушками, лошадьми, фуражом сдавались одиночно подъехавшим эскадронам Мюрата и ротам (не полкам!) Нея и Даву. За месяц Пруссия перестала существовать. Жалкий король с королевой Луизой спрятался на самой оконечности своей земли, в Мемеле, где он уже был никому не нужен.

И от Вюрцбурга до Эйлау, через Веймар, Йену и Берлин, проскакал эскадрон кирасиров капитана Андре Солея, участвуя в сражениях, покрывая бессмертной славой французские знамена и французское оружие.

В сражении под Йеной и Ауэрштедтом произошло странное событие. Когда эскадрон кирасиров гнался за бегущими солдатами прусского генерал-лейтенанта Гебхарда Блюхера, то недалеко от Любека встретили несколько сотен не бегущих, как все, солдат. Они не были похожи на пруссаков — все были высокие, серо-голубоглазые, с желто-белыми волосами. Солдаты выстроились в каре и оцетинились штыками.

— Господин капитан, они какие-то странные и говорят не по-немецки, — сказал подъехавший к Солею лейтенант. — Извините, но они похожи на вас... капитан Солей!

Солей прислушался к крикам солдат и засмеялся:

— Это шведы! Что они здесь делают? — и поехал к угрожающе оцетинившемуся штыками шведскому каре.

Подъехав, Солей снял каску, и сразу стало видно разительное сходство его со шведами, среди которых пронеслись удивленные возгласы.

— Друзья! — сказал Солей, бесстрашно подъехав вплотную к штыкам, так что его конь испуганно остановился, боясь пораниться об острые жала. — Видите, я такой же, как и вы. Мои предки — шведы и викинги, и, значит, мы с вами земляки и родня. Вы можете меня убить — стоит только нажать на курок любому из вас, но я хочу вам сказать: моя смерть ничего не даст. Вы пригнали, потому что ваш генерал Блюхер бросил вас и позорно убежал к Любе-

ку. Заметьте, без вас, но с пруссаками. Зачем вам умирать? Сдайтесь в плен, и вы останетесь живы, и я даже уверен, что скоро вернетесь домой — Франция не воюет со Швецией. Так что у вас простой выбор — либо выстрелить в меня, либо положить ружья на землю.

— Нам правда сохранят жизнь? — из строя шведов вышел полковник, настолько похожий на Солея, что и сидевшие на конях с вынутыми палашами французы, и шведы с ружьями вдруг начали хохотать, показывая на двух офицеров, столь похожих, что можно было подумать, что это два родных брата.

— Я это гарантирую. И свои слова я подтвержу любому маршалу и генералу, которых мы встретим, а если понадобится, то скажу об этом императору Наполеону, — произнес Солей, а сам подумал: «А если этим маршалом будет Мюрат, то неизвестно, что он сделает мне в отместку».

— Я полковник шведской армии граф Густав Меркер. Скажите, как вас зовут, чтобы мы могли сослаться на вас, если нам придется кому-нибудь доказывать, что мы сдались добровольно и нам гарантировали жизнь.

— Капитан кирасиров Андре Солей, барон Роше.

— Опустить ружья! — приказал полковник. — Ведите нас, капитан Солей.

Маршалу Бернадоту доложили одвигающейся ему навстречу колонне пруссаков, и он приказал выкатить им навстречу все свои 34 пушки, когда к нему подъехал на взмыленной лошади капитан кирасиров и на удивление спокойным голосом сказал:

— Господин маршал, не стреляйте — это пленные шведы.

— Шведы? — удивился Бернадот. — Откуда здесь шведы?

— Я не знаю, господин маршал, но они сдались только после того, как я им пообещал, что им будет сохранена жизнь.

— Капитан, ты еще не генерал и не маршал, чтобы давать такие обещания.

— Я не только пообещал, что им сохранят жизнь, но и что скоро отпустят домой!

— Нет, вы посмотрите на этого капитана! Да ты кем себя возомнил?

— Французом, маршал Бернадот. Французом.

— А ну-каними каску, капитан, что-то больно знакомо мне твое лицо?

Солей снял каску, и по плечам рассыпались волнистые белые волосы — мода на косички уже прошла.

— Ба! Да ты же тот мальчишка, что уложил руку самого Мюрата! Я помню, как тебя хвалил император. Впрочем, заслуженно. Шведы, говоришь? Сдались? Пообещал жизнь и свободу? — Бернадот засмеялся. — А чего удивляться, если им это предложил викинг! Хорошо, капитан... как тебя... Солей, мы со Швецией не воюем. Обещаю, что ни один волос не упадет с их головы, тем более что император уже назначил меня будущим наместником в Северной Германии и Дании, а это почти что Швеция. Ай да молодец, Солей, своего добился... И все-таки зря ты, тогда не согласился служить у меня. Уверен — был бы уже полковником!

— Я им еще буду, маршал Бернадот! — крикнул Солей и, развернув коня, поскакал к пленным шведам.

— Полковник Меркер, идите вперед! Я доложил о вас маршалу Бернадоту, и он сказал, что с головы шведов не упадет ни один волос. А ему можно верить — он Бернадот! Думаю, в Швеции вскоре о нем узнают.

— Барон, когда вы приедете в Швецию, я буду рад увидеть вас.

— И я... И мы... и мы... — пронеслось над шведскими солдатами.

— Благодарю вас, земляки, и я был рад встрече с вами. Прощайте! Нам пора догонять бросившего вас Блюхера и задать ему хорошую трепку! Вперед!

В битве под Эйлау эскадрон вновь столкнулся с храбростью русских, да еще столь неудобных русских всадников — казаков с их древним оружием — пиками. Попробуй перерубить эту длинную палку с железным наконечником на конце и добраться палашом до бородатого казака в синем кафтане! Он тебя либо копьём пробьет — настолько сильным был удар, либо саблей, которой он невероятно

ловко владеет, разрубит голову страшным ударом! Солей скакал впереди своего эскадрона и рубил по скользящим по кирасе пикам, а потом по головам казаков. И вновь с одной стороны сражающихся кричали: «Солей!» — а с другой неслось: «Белая смерть! Руби его, ребята!» Кони были по колено в красной от крови грязи. Повалил густой снег, стало ничего не видно, и всадники уже начали разъезжаться, когда какой-то казак выскочил из снежной пелены и ударил копьем в кирасу Солея. Копье скользнуло по броне, и наконечник вонзился в левое плечо. Казак только и успел прокричать: «Это тебе, Белая смерть...» — Солей страшным ударом разрубил казака и сам упал без сознания на шею коня. Конь его и спас — вынес с поля боя. В плече застрял обломок казачьей пики. Обломок достали, но началась лихорадка, переходящая в смертельную агонию. Лекарь предложил сразу руку отнять, а спас Мишель, заявив:

— Уходите все. Его буду лечить я!

— Ты кто? — спросил врач.

— Внук колдуньи.

— Ну и лечи! Так и скажу императору, а то он мне голову обещал открутить за этого капитана. Был бы хоть полковник или генерал, понятно бы было за что.

Сняв мохнатую шапку, вытащив из мешка какие-то мази и травы, собранные еще в родной Франции, Мишель стал обрабатывать этими мазями рану и отпаивать отварами мечущегося в смертельной лихорадке Андре. Один раз приходил к умирающему капитану император, посмотрел, покачал грустно головой и тихо произнес:

— А я его отцу пообещал, что он скоро вернется домой. Жалко — ошибся.

— Не спешите, император, — сказал старый солдат.

— Вся надежда на тебя, Мишель, — император помнил всех своих старых солдат в лицо и по имени.

А Мюрат не пришел!

Молодость, необыкновенное здоровье, мази и травы Мишеля оставили Солея на этом свете. Через месяц иссушавший до такой степени, что казалось, будто кости стучат о кирасу, юноша, придерживаемый Мишелем и двумя

кирасирами, сел на лошадь. И успел к окончанию войны с русскими, — скакал впереди своего эскадрона в битве под Фридландом. И получил новое ранение: пуля пробила кирасу и, сломав ребро, застряла в груди, слева, где сердце. Хирург пулю достал и подарил. Мишель сделал дырку в сплющенной пуле, протянул шнурок, и на шее у двадцатилетнего капитана появился рядом с золотым медальоном предков амулет из куска русского металла.

И только доскакав до Немана, за который ушла русская армия, эскадрон остановился.

Император вызвал к себе храброго капитана и, обняв, положил перед ним красивую, со шнурами и красными печатями грамоту о даровании барону Роше титула виконта.

— С завтрашнего дня вы, виконт Роше, служите в моей гвардии, — сказал император. — И особое спасибо за шведов. Я их отпустил домой, и теперь Швеция — друг Франции. А шведский король Карл — мой личный друг, — Наполеон рассмеялся: — Правда, говорят, что он бездетный и... слабоумный. А так, виконт Роше, побольше бы таких побед. Сколько семей французов плакали бы от радости, а не от горя.

Выйдя от Наполеона, Андре Солей увидел перед собой широкую реку Неман, а за ней, в дымке, простиралась огромная, неизвестная, завораживающая, притягивающая к себе страна — Россия.

V

Тильзитский мир двух императоров, посчитавших, что каждый от него не выиграл, но и не проиграл, был подписан, и императоры, весело болтая, благо Александр, как все русские дворяне, прекрасно говорил по-французски, объехали строй русских и французских гвардейцев и поехали на лошадях кататься по аллеям городского парка. Каждый взял в сопровождение по одному офицеру.

Русский император Александр, белокурый и голубоглазый красавец, был любимцем и любителем женщин до такой степени, что его фаворитка княгиня Мария Нарыш-

кина имела свои покои в Зимнем дворце, дабы император мог легко из своего кабинета, минуя спальню жены, пройти к любимой женщине. Как все глуховатые люди, Александр говорил громко, и Наполеону приходилось говорить так же громко, чтобы Александр его услышал. Сопровождавшие императоров офицеры старались ехать от них на расстоянии, чтобы не слышать разговора своих монархов.

— Ваш капитан явно не француз! Викинг! Какие роскошные волосы! — громко сказал Александр ехавшему рядом Наполеону, кивая головой на сопровождавших их двух офицеров.

— Он француз, но предки его викинги. Так у нас целая земля называется Нормандией.

— Это не тот, который проявил себя при Аустерлице? Мои гвардейцы прозвали его Белая смерть.

— Белая смерть? Я не знал, — схитрил Наполеон. — Да, он проявил себя под Аустерлицем, и под Эйлау, и при Фридланде. Это капитан моей гвардии виконт Андре Роше. А кто ваш красавец?

Ехавший рядом с Солеем русский офицер был поменьше ростом и поуже в плечах, сероглазый, с волнистыми русыми волосами, ниспадающими, как и у Солея, до плеч. Казалось, что они были даже чем-то похожи.

— Тоже гвардеец и тоже капитан, князь Сергей Трубецкой, — ответил громко Александр.

— Такой же храбрец?

— Лучший из моих офицеров.

— Жаль, мой друг, что прошли времена рыцарских турниров.

— Жаль. Неужели ваш капитан так же силен, как красив? — Александр с нескрываемым удовольствием посмотрел на Солея.

— Поверьте, его предки могли мечом перерубить лошадь.

— Так мне рассказывали, что этот юноша то же самое делал под Аустерлицем.

— Это он так, баловался.

— И много у вас любителей так баловаться? — спросил Александр.

— Хотелось бы соврать, мой друг, но признаюсь — этот уникален. Он с легкостью уложил руку самого Мюрата, а тот, как всем известно, не относится к слабакам.

— И столь же храбр?

— И при этом необычайно спокоен!

— Этот юноша далеко пойдет.

— Я думаю, лет через пять он будет полковником, а может быть, и генералом.

— Без войны — генералом? — Александр внимательно посмотрел на Наполеона.

— А Англия?

— Ах, Англия... — грустно повторил за императором французов русский царь.

Сопровождавшие императоров молодые офицеры вначале настороженно и недоверчиво смотрели друг на друга, но потом молодость взяла свое. Они потихонечку начали задавать друг другу вопросы и разговорились.

— Значит, это тебя называют Белая смерть? — спросил Трубецкой.

— Я не знаю. Впервые слышу.

— И правда, ты похож на викинга.

— Так мой предок, Харальд Солнечный — викинг.

— Лучше бы твой предок переплыл не Северное море, а Балтийское. Сейчас ты бы был русским, — рассмеялся Трубецкой.

— Так если на тебя посмотреть, то можно подумать, что и твои предки были викингами.

— У нас их называли варягами. И они были первыми русскими князьями на Руси.

— Я знаю, что у вас есть Москва и Петербург.

— Не слишком большие познания о России! Как тебя зовут и откуда ты?

— Андре Солей. Я из Ла-Рошели.

— Ла-Рошель — это город на берегу Атлантического океана? Там протестанты, или, как их называли при вашем кардинале Ришелье, гугеноты.

— Вот это да! Спросите у всех французов — и только ларошельцы об этом смогут сказать, другие не знают. А кто ты?

— Князь Сергей Трубецкой.

— Трубецкой?

— Тебя что-то удивляет?

— А много в России князей Трубецких?

— Нет. Один род.

— А я имею отношение к русским Трубецким...

— Да? И какое? — удивился уже Трубецкой.

— Во Франции, почти двести лет назад, во времена кардинала Ришелье жила Трубецкая... Натали...

— А, я слышал эту историю. Брат и сестра Александр и Наталья Трубецкие, внуки нашего знаменитого предка Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, который за свои подвиги похоронен в самом святом месте русской земли — Троице-Сергиевой лавре, жили одно время во Франции. Александр Трубецкой — мой предок.

— Тогда, по-видимому, мы с тобой родственники.

— Как это?

— Натали Трубецкая — мать моего прапрадеда Дезире-Поля Солея.

— То, что Наталья Трубецкая родила во Франции ребенка, в нашей семье известно, но что стало с ребенком, никто не знал. Считалось, что он умер. Она не говорила, а по возвращении в Россию вскоре умерла. Получается, ты мой брат? — Трубецкой внимательно посмотрел на Солея и подозрительно спросил: — А откуда тебе известно о Наталье Трубецкой?

— Так у нас хранится ее письмо, которое было приложено к ребенку. У нас в семье бытует легенда, что Поль Солей и Натали Трубецкая любили друг друга и он спас ее от смерти.

— Я такого не слышал, но все равно, признаюсь, я рад такой встрече.

— Приезжай в Ла-Рошель, и я покажу ее письмо.

— Обязательно.

Молодые люди были ровесниками — двадцатилетними юношами. Они так разговорились, что не заметили,

как их императоры свернули на боковую аллею, остановились и стали внимательно смотреть на оживленно разговаривающих, едущих в другую сторону своих офицеров.

— Мой друг, вот так нас с вами охраняют, — рассмеялся Наполеон... — Солей, ты где? — император весело помахал рукой.

— Простите, ваше величество! — смутился Солей. — Мы с князем заболтались.

— Оно и видно! По-видимому, есть о чем поговорить. Поедьте, мой друг, дальше. Итак, об Англии... — Наполеон взял в руку повод коня Александра и поехал вперед. Лошадь Александра покорно пошла, а русский император удрученно склонил голову. Ох уж эта Англия...

Вечером молодые люди сидели в съемной комнате князя Трубецкого и Иван — слуга князя с Мишелем подавали закуски, наливали вино и наперебой спрашивали своих господ, что еще им подать, смешивая правильные обращения с какими-то для Солея совсем непонятными.

— Барин, а как малосольные огурчики?.. А как капуста?.. А зайца-то, зайца извольте приказать подавать?.. — говорил, кланяясь, Иван.

— Ваша милость, он отравить вас хочет — набрал грибов в лесу, и ни одного шампиньона... Ужас! — удивлялся Мишель. По такому случаю он снял свою знаменитую шапку и расчесал седые волосы.

— Барин, этот бусурманин ничего в еде не понимает: мясо не дожарил, всё какими-то травами посыпает... Тьфу ты... — продолжал Иван.

— Ваша милость, виданное ли дело — он даже не знает, что такое картошка! Сырую ест и плюется. Ужас! Эти русские — такие варвары...

— Мишель, ты бы поосторожней болтал: у них не только господа, но и слуги прекрасно разговаривают по-французски, — посмеиваясь, предупредил Солей.

— Что-то, ваша милость, я не заметил, чтобы этот Иван хоть одно слово понял, но я постараюсь... А можно мне его на дуэль вызвать?

Молодые люди дружно рассмеялись, и Трубецкой сказал:

— Не советую, Мишель! Он умеет драться только дубиной, как всякий русский медведь...

— Вот видите, ваша милость, я был прав — у русских и медведи дерутся!

— Мишель, отстань от Ивана, — потребовал Солей. Он знал, что Мишель был счастлив от того, что его господин стал капитаном кирасиров и виконтом. Знаменитым становился Солей — известным становился и его денщик. «Господи! Как же я успел карту-то счастливую вытащить? На старости лет так повезло. А так бы на паперти помер... О господи!» — думал, радуясь, Мишель.

— Ванька, еще раз сунешься под руку — зубы выбью или плеткой отхожу. Пошел прочь, — ругнулся Трубецкой.

— За что, ваше сиятельство?

Молодые офицеры, махнув рукой, перестали обращать внимание на своих слуг.

— Удивляюсь я тебе, Андре: посмотришь — и не скажешь, что Мишель твой слуга. Ведет себя не как холоп.

— А он не слуга. Он солдат и свободный человек.

— Солдат не может быть свободным человеком.

— Как это не может? У нас все граждане равны между собой.

— Какая глупость! У вас же империя. Каша какая-то. И кто для тебя Мишель?

— Он для меня товарищ.

— Простолюдин — товарищ виконту? Это уже слишком. В России такого никогда не будет! Мы, дворяне, этого не позволим.

— Так мое дворянство очень короткое — меньше двухсот лет, и начинается оно с Дезире Солея, сына Поля и Натали. Поль за какой-то подвиг стал лейтенантом гвардии кардинала Ришелье, а король даровал ему титул барона. А до этого мы были простыми рыбаками.

— Рыбаками?

— Да.

— Ты хочешь сказать, что Наталья была... близко знакома... с рыбаком?!

— Не совсем так. Поль был военным — гвардейцем.

— Простым гвардейцем?

— Да...

— Если у вас все такие дворяне, то ничего удивительного в вашем отношении к солдатам как к товарищам. Они скот! Вот у меня один из самых древних княжеских родов в России. Мы ведем родословную еще с литовских и русских князей Гедиминовичей, с двенадцатого века!

— А ваш царь Александр?

— Романовы? Наш род намного древнее. После смерти царя Ивана Васильевича на Руси наступила смута, царя не было, были самозванцы вроде вашего... не важно... Поляки захватили Москву, но наш прадед князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой ее освободил. Стали выбирать нового царя, и должны были избрать князя Дмитрия Трубецкого, а избрали никому не известного боярина Мишку Романова, и уже Романовы прославили Минина с Пожарским, которые, по их мнению, освободили Москву. Представляешь, Козьма-то Минин был торговцем мясом и татарин! То же, что у вас во Франции с вашей революцией и равенством! Так что царями Романовы стали случайно и царствуют всего-то двести лет, — с чувством превосходства в голосе сказал Трубецкой.

— Как это сложно. Послушай, Сергей, война закончилась. Давай поедem во Францию, в Париж, а потом в Ла-Рошель. Возьмем яхту и поплывем по океану. Ты видел когда-нибудь океан? Не это Балтийское море, похожее на лужу. Океан! Мы обогнем с тобой Испанию и поплывем по Средиземному морю в Грецию, в Италию, в Египет, в Палестину. А захочешь — обогнем Африку и доплывем до Индии или переплывем через весь Атлантический океан во Французскую Америку. И это все океан! Мир без дорог! Ах, как же я хочу домой! Я два года не был дома. Слава богу, что отец меня простил и ждет.

— Простил?

— Да. Я его единственный сын, и он не хотел, чтобы я шел воевать. Он даже лишил меня наследства. Мы ведь

очень богаты. Солеи — одни из самых богатых людей во Франции.

— Ты хочешь сказать, что вы эти... буржуа?

— Я же сказал, что мы рыбаки и к баронскому титулу Роше относимся спокойно. Есть — ну и ладно. И в армию я пошел первым за последние двести лет.

— А мы во все времена служили в армии. Все Трубецкие! В России все дворяне служат. У нас даже император носит погоны полковника гвардии.

— А у нас императора называют Маленький капрал.

— Все у вас, французов, как-то чуждаково. Блажь какая-то. А ехать надо не в Париж, а в Москву. Ближе. Сейчас разгар лета, цветут яблони, липы, луга... Ах, какой воздух в Москве! Да и познакомишься со своими родственниками. Поехали, Андре?

— Поехали! А правда, что русские женщины очень красивые?

— Они самые красивые женщины в мире.

— Лучше, чем полячки? Я видел, как к императору приезжала графиня Валевска. Она необыкновенно красива.

— Полячки хороши, но русские женщины... Они прекрасны.

— Сергей, а у тебя есть невеста?

— Есть, но моя невеста еще маленькая девочка. Через четыре года ей будет восемнадцать лет, и я попрошу ее руки. Да ты ее увидишь в Москве. Поехали.

— Так она же еще совсем ребенок. А вдруг, когда она вырастет, она кого-то полюбит?

— Такого не может быть! Она же моя невеста и может любить только меня. Ну что, поедем?

— Пойдем быстрее к моему императору и сообщим, что мы едем в Москву.

— И сообщим об этом императору Александру. Думаю, он будет доволен.

Молодые люди вскочили и, казалось, если бы перед ними стояли лошади, они бы на них сразу же поскакали туда, за Неман, в древнюю русскую столицу. И в этот радостный момент в палатку осторожно заглянул Мишель.

— Ваша милость, письмо принесли.

— Так давай!

Возбужденный Солей вскрыл сложенную вдвое бумагу и, улыбаясь, стал читать.

— Из дома, — сказал он радостно. — Сообщают... — улыбка сползла с его лица. — Отец при смерти... Ждут... Срочно... Вот и съездили, Сергей... Мне надо ехать домой. Я пойду к императору...

— Я с тобой, Андре.

Наполеон внимательно выслушал Солея, и было видно по его глазам, что он переживает.

— Ваше величество, я надеюсь на Бога, может, все обойдется, но если случится непоправимое, я как его единственный сын буду вынужден просить вас об отставке...

— Солей, не будем сейчас думать о плохом. Я уверен, твой отец выздоровеет. Так и скажи ему, что император просит его поправиться, так как императору очень нужен его сын. Езжай! Я дам тебе сопроводительное письмо, чтобы тебе, не задерживая, меняли лошадей.

Взяв письмо императора — лучше любой подорожной, — Андре Солей попрощался с Сергеем Трубецким:

— Вот, князь Сергей, и не удалось съездить в Россию, в Москву.

— Мне очень жаль. Передай поклон своему отцу. Пусть он выздоравливает. Боюсь, Андре, что скорее мы встретимся не в Москве, а в Париже.

— Почему в Париже?

— Андре, — тихо произнес Трубецкой, — неужели ты веришь в этот подписанный на середине реки мир? У нас, у русских, есть поговорка: «Два медведя в одной берлоге никогда не уживутся».

— Жаль. У вас, у русских, на всё свои поговорки. Но как француз я все же хотел бы встретиться в Москве.

— Ты веришь, что Наполеон дойдет до Москвы?

— Вы, русские, не знаете нашего императора. Он дойдет, как Александр Македонский, как Цезарь, до края мира. Прощай, Сергей!

— У нас говорят: до свидания. До свидания, Андре. И ни пуха тебе, ни пера.

— Как это? И что надо отвечать?

— Послать к черту!

— О ужас! Какие вы, русские, все-таки загадочные люди!

— Так ты тоже русский. Немного, но русский.

— Я? Может быть. Идите, князь, к черту!

Молодые люди обнялись и расцеловались. Трубецкой показал, как надо целоваться по-русски — троекратно, третий поцелуй в губы.

На следующий день во время совместной прогулки Наполеона сопровождал другой офицер, и император Александр удивленно спросил:

— А где ваш викинг?

— Он срочно уехал домой. У него смертельно болен отец. Дай бог, чтобы успел. Все-таки ехать через всю завоеванную мной Европу.

— Не всю! — поправил гордо Александр. — Где он живет?

— В Ла-Рошели. А вы, мой друг, знаете, что в нем течет русская кровь?

— Да вы что?

— Не буду раскрывать чья, вы спросите у Трубецкого. Я думаю, он многое узнал вчера вечером.

— А мы сейчас и спросим... — Александр повернулся к Трубецкому. — Князь, вам что-нибудь известно о родословной виконта Роше?

— Я думаю, ваше величество, почти все.

— Вот как? И что?

— Он мой дальний родственник.

— Что вы хотите этим сказать, князь?

— Если верить тому, что я узнал, в нем течет кровь Трубецких.

— А я что вам, мой друг, говорил? — засмеялся Наполеон.

— Вы это знали и молчали? — удивленно сказал Александр, и лицо его стало как у обиженного ребенка, а глаза заблестели.

— Не обижайтесь, друг мой. Мне рассказали об этом чуть раньше. В королевских архивах имеются родословные всех дворянских родов Франции, — сказал Наполеон.

— Отдайте этого Роше мне.

— Мой друг, он с сегодняшнего дня уже не принадлежит и мне. Он — единственный сын одного из богатейших людей Франции. И если его отец умрет, то на его плечи ляжет куда бóльшая, чем война, ответственность — богатство.

— Тем более он мне нужен. Мне нужны богатые люди.

— Мне тоже. Но давайте вернемся к Англии...

— Ах, Англия, — глаза русского императора вновь стали грустными...

VI

Если бы не причина поездки, было бы так радостно и счастливо ехать через Францию. Люди выходили к дороге и приветливо махали руками. «Слава победителям!» — кричали они. А девушки останавливали лошадей и начинали целовать красавца офицера и солдата в самом знаменитом, узнаваемом и уважаемом военном головном уборе Франции. Хозяева постоялых дворов, таверен кормили, подавали свое лучшее вино и отказывались брать деньги, а лошадей меняли незамедлительно на самых лучших. А если возникала какая-нибудь заминка, Солей доставал письмо императора, увидев которое, люди впадали в состояние полного отупения, и уже приходилось их тормошить, чтобы добиться смены лошадей.

Когда проезжали Эперне, на одной из маленьких, узеньких, грязных улиц Мишель снял свою шапку и показал на покосившийся дом с заколоченными окнами.

— Мой дом, — произнес он глухо, и по щекам старого солдата побежали слезы.

— Может, остановимся? — спросил Солей.

— Нет. А то найду кого-нибудь из родственников и останусь. Вы же меня не бросите, ваша милость?

— Если захочешь, я тебя вообще у отца оставляю. Управляющим. Там дел больше, чем на войне.

— Не может такого быть! За что мне такое счастье?

— Значит, может...

— Поехали быстрее, ваша милость. Что здесь смотреть? Одна нищета.

Париж светился иллюминацией, летели в небо фейерверки, люди танцевали и целовались на площадях, вино лилось рекой — все праздновали победу и заключенный мир. Солей в Париже не останавливался, на сердце было беспокойно — почти месяц в дороге! Он спешил домой. А после Парижа, словно под горку, поехали быстрее, за Орлеаном вообще показалось, что морем пахло. И чем ближе к морю, тем вокруг становилось сытнее, воздух теплее и люди добрее, как будто и никакой войны на свете не было. В некоторых деревнях даже не знали, что их страна воюет, и удивлялись вопросу, воюет ли кто-либо из их детей. И от этого незнания почему-то на душе было радостно...

Отца Андре застал живым. Он болел уже год, и когда врачи поставили ему диагноз «рак», вначале никто не поверил. Его сильный организм боролся с болезнью, но победить не смог, и он, понимая, что его дни сочтены, написал сыну письмо с просьбой вернуться. Он хотел его увидеть и проститься.

Когда Клод Солей получил письмо Наполеона, он заплакал от счастья. И написал сыну, что простил его. Вообще-то он простил его сразу, еще тогда, когда Андре уехал. В этом поступке сына он видел и свой характер, и характер всех своих предков — таких же неумных, ищущих приключений, опасности и славы. Он боялся только одного — что может потерять единственного сына и все труды его будут напрасны, некому будет передать все созданное и преумноженное, а родственники всё раздерут, растащат, уничтожат. Он болел и умирал, но ждал сына. Он сказал себе, что не умрет, пока не увидит его. Он знал из газет, из правительственных вестников, что его сын удостоен титула виконта и должности капитана кирасиров императорской кавалерии. Он был необычайно горд за своего единственного сына Андре.

Необыкновенное здоровье и желание увидеть сына сделали свое — Клод Солей дождался возвращения Андре. Он уже не мог подняться и лежал в постели, худой и бледный; только синие глаза говорили, что их хозяин еще жив. Андре упал на колени перед отцом и прижался головой к тонкой желтоватой руке.

— Прости меня, отец.

— Что ты, Андре, — Клод Солей погладил сына по волосам. — Я так счастлив, что увидел тебя, и горд, что ты завоевал для нашего рода такую славу. Может, больше, чем Поль Солей. Но я хочу тебя попросить...

— Я сделаю все, что ты попросишь, отец.

— Пока ты единственный в роду, не уезжай на войну. Я знаю, что ты рожден для войны. Женись, заведи сына и тогда можешь вновь идти к своему императору. Наш род не должен прерваться! Пообещай.

— Обещаю, отец.

— Ну вот, теперь я могу спокойно умереть. Прошу, похорони меня так, как хоронят всех Солеев — в море. С морем мы сюда пришли, в море и уходим. Так ведется с Харальда Солнечного. Расскажи мне об императоре.

— Я счастлив, что живу в это время. Это великий человек!

— Хорошо сказано.

— Он просил тебя не умирать. Я ему нужен.

— К сожалению, это от меня уже не зависит.

— Отец, ты знаешь, с кем я встретился на войне? С русским князем Сергеем Трубецким. Он капитан в армии русского императора Александра.

— Трубецкой? Он имеет отношение к матери Дезире-Поля Натали Трубецкой?

— Прямое. Его предок — брат Натали Александр Трубецкой. А Натали, оказывается, уехала в Россию и там вскоре умерла.

— Как тесен мир, — тихо проговорил Клод Солей. — Пригласи его в наш дом. Только жаль, что я его не увижу.

— Я пригласил. А он пригласил меня в Москву.

— Поедешь?

— Я бы очень хотел... А что говорят врачи?

Отец вяло махнул рукой.

— Отец, я привез с собой Мишеля. Он старый солдат Великой армии. Он не раз спасал меня от смерти своими мазями и ужасно горькими настоями. Он и тебя подымет на ноги.

— Меня не могут спасти лучшие врачи Аквитании, — грустно ответил отец.

— Он внук колдуньи!

— А наш предок — викинг. Дай мне отдохнуть пару часов и прикажи перенести меня в кабинет, я должен рассказать тебе о делах...

Мишель, сняв свою медвежью шапку, с которой, казалось, не расставался даже во время сна, и переодевшись в добротную одежду, которую ему принесли — рубашку, штаны, крепкие ботинки на деревянной подошве, — не вынимая трубки изо рта, быстро вошел в роль командира над слугами. Все забегали, девушки и женщины заулыбались, и больше всех ему радовалась мать Андре Изабель. Она, как все Солеи, не была неженкой и происходила из простой рыбацкой семьи, но удивленно смотрела на верткого, громкоголосого, строгого помощника в домашнем хозяйстве, заменившего старого управляющего домом, который работал еще при отце Клода Солея, был стар и обрадовался, что ему наконец-то разрешили уйти на покой. Но главной заботой старого солдата стал умирающий хозяин дома. Мишель готовил какие-то одному ему известные настои и отвары и заставлял Клода Солея пить, как тот выражался, «эту отраву».

— Боже, — жаловался он жене, — почему я еще не умер? Он меня травит всеми ядами, какие есть на земле. Как я, такой вонючий, предстану перед нашим Господом? — и продолжал морщиться, ругаться, но старательно пил лекарства, и всем показалось, что он пошел на поправку. Он даже попросил вынести его из дома и с удовольствием вдыхал божественную смесь морского воздуха и цветущего сада.

— Мишель, друг мой, — говорил Клод Солей, — позволь мне тебя так называть, прошу тебя, не покидай моего сына.

— Ваша милость, как такое возможно? Я солдат, а ваш сын — мой командир.

— Ты хочешь сказать, что мой сын снова пойдет на войну?

— А как же! — добродушно произнес Мишель. — Как же без войны?

— Но он не пойдет больше на войну. Он единственный сын. Да и император разбил всех врагов.

— Ваша милость, у Франции всегда есть и будут враги. Уж я-то знаю. Я сорок лет служил в армии. Я начал служить еще при Людовике Возлюбленном, а Людовику Капету я лично подал на копье фригийский красный колпак. И, о Господи, он его надел!

— Ой! — смеялся старший Солей. — Как такое возможно? Ты совсем заврался, Мишель. Ну, насмешил...

Прошел месяц с возвращения Андре. Клод Солей попросил отнести его к морю, и Мишель на руках вынес его из дома, посадил в повозку и сам отвез на берег океана. Солей полулежал, вдыхал морской воздух, и по щекам его текли слезы. Он и умер на вдохе и застыл, удивленно глядя своими синими глазами на зеленый океан, а ветер трепал его поседевшие, но всё еще необыкновенно красивые волосы.

Андре исполнил обещание: взяв с собой мать и Мишеля, уплыл на яхте в океан — берегов не было видно — и опустил в воду тело своего отца. Океан бесшумно расступился, принимая своего верного друга.

Андре Солей решил строить новый дом. Раньше в его планах была постройка дома поближе к новому порту Рошфор, что был построен в месте впадения реки Шаранты в пролив Антиош, но непрерывные атаки англичан на этот порт и продолжение строительства гигантского форта Боярд, что был заложен еще Людовиком XVI недалеко от острова д'Экс, заставили его отказаться от этого намерения, и Солей, купив большой участок земли на западе от Ла-Рошели, начал строить большой дом на берегу Атлантического океана. У Мишеля как управляющего было полно забот, и он с такой радостью хватался за любую новую работу, что

постройку нового дома взвалил на себя, успевая исполнять все свои старые обязанности. «Двужильный», — говорили про него.

Первой из семьи в новый дом вошла мать Андре Изабель. Дом был большой, но как-то растворялся в красивом большом саду, посаженном лично Андре и Мишелем.

Андре иногда по делам бывал в Париже, но никогда не обращался ни с просьбами, ни с желанием просто встретиться к императору — боялся, что не выдержит, останется и не исполнит обещания, данного умершему отцу. А при виде едущих по улицам столицы кавалеристов и особенно кирасиров ему становилось настолько тоскливо на душе, что он уезжал к себе в Ла-Рошель, даже не закончив дела. И удивлял всех тем, что требовал перечислять полностью и в срок налоги в государственную казну. «Я отдаю долг великому императору», — говорил он, когда его казначей старался доказать, что никто в стране так не делает.

Иногда он доставал палаш, уходил на берег моря и начинал вращать им над головой, а потом с горечью бросал на песок. Мишель подбирал палаш и уносил в дом. И очень много плавал по морю — как на своих торговых судах, так и на построенной великолепной морской яхте, на которой легко переплывал от торгового дома в Ла-Рошели до торгового дома в Марселе. Мишель старался где-нибудь спрятаться или найти неотложные дела, только бы не плыть с хозяином — он очень боялся моря.

VII

Летом 1810 года Солей получил письмо от Наполеон. Император всегда умел выражать свои мысли кратко!

Солей, ты мне необходим, и срочно. Не для войны — для мира! Нужна твоя известность не во Франции — в Швеции и, конечно, твое родство с древними викингами. Расскажу при встрече. Наполеон.

Солей ничего не понял, но сказал матери, что срочно уезжает в Париж, к императору. На его лице светилась радость.

Мишель, узнав, взмолился:

— Ваша милость, а как же я?

— Так, Мишель, император зовет меня не на войну.

— Император и война неразлучны! Возьмите меня, иначе я умру здесь среди гражданских лиц.

— Ну что с тобой делать, Мишель! Поехали...

В Париже его принял Наполеон и, обняв, сказал:

— Мой друг, я смотрю на тебя и понимаю, что не ошибся, назвав тебя викингом. Мне нужна твоя известность в Швеции.

— Но, ваше величество, какое отношение я имею к Швеции кроме того, что мои предки и правда были викингами?

— Вот тут-то ты, Солей, не прав. Ты помнишь взятых тобой в плен шведов в сражении при Ауэрштадте?

— Да, конечно, ваше величество. Я еще, набравшись наглости, пообещал им сохранить жизнь и даже соврал, что их вскоре освободят. Меня тогда маршал Бернадот ругал за самоуверенность. Вы же их отпустили домой.

— У тебя прекрасная память, Солей. Так вот, Бернадот настолько понравился шведам, что они решили возвести его на свой престол! Чему ты удивляешься? Маршал империи, женат на почти моей родственнице — его жена, Дезире Клари, была моей невестой, когда я был еще лейтенантом в Марселе. Было в моей жизни и такое. Кстати, открою тебе секрет: мой брат Жозеф Бонапарт женат на сестре Дезире, Жюли Клари. Признаюсь, это я постарался для того и другого брака. Чувствуешь, как я забочусь о своих бывших возлюбленных? Ты еще не женился? Хочешь, я подыщу тебе невесту? Ладно, шутки в сторону. Бернадот согласился, и я уже уволил его из армии. Сейчас он едет в Швецию для утверждения его кронпринцем Швеции, потом его должен усыновить король, и он станет регентом, а фактически — королем Швеции. И понятно, почему — я тебе уже говорил раньше, что у короля Карла не все в порядке с головой и у него нет детей. Вот куда взлетел пятый ребенок бедного беарнского адвоката! Но шведы попросили, чтобы с Бернадотом в Швецию приехал ты... Удивляешься? Я тоже, услышав, удивился. Только они понизили

тебя, назвав бароном. Письмо подписано председателем собрания государственных чинов Швеции графом Густавом Меркером. Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Меркер? Меркер... Вспомнил. Это, ваше величество, командир плененных шведов, полковник Меркер.

— Тогда все ясно! Завтра ты выезжаешь в Гавр, а оттуда на корабле в Стокгольм. Бернадот уже на корабле и рвет и мечет, так ему хочется побыстрее стать королем Швеции. Я даже этого боюсь. А больше всего я боюсь, что все испортит его глупая жена, — Наполеон посмотрел внимательно на Солея и грустно произнес: — Эта дура умудрилась влюбиться. Да еще в кого — в герцога Ришелье, врага моей империи. Да еще ее любовь к праздникам, балам, платьям, драгоценностям... Слава богу, что я тогда на ней не женился! Впрочем, я думаю, шведы не очень расстроятся, а Бернадот тем более, если она не поедет в Стокгольм. Бернадот, этот смазливый гасконец, ни одной юбки не пропустит. Так что шведы сделали правильный выбор — больше без наследников они не останутся. Поезжай, Солей, но, прошу, возвратись. А то твоя кровь взыграет, и ты чего доброго, надумаешь остаться в Швеции. Хватит одного Бернадота. Да и бог с ним — маршалов мне хватает. Мне не хватает храбрецов, за которыми идут солдаты. Ты мне нужен, Солей. Не все войны еще закончились!

— Ваше величество, можно вас спросить?

— Я тебя слушаю.

— За мной увязался Мишель. Он сейчас мой управляющий.

— А чего ему не сидится? Это надо же: старина Мишель — управляющий в одном из самых богатых и известных домов Франции!

— А он решил, что я еду на войну, и я никак не мог его переубедить.

— Вот что значит моя старая гвардия. А шапку он не забыл?

— Он одет по всей форме.

— Пусть едет. Шведы наконец-то увидят мою великую старую гвардию.

Через два дня Солей в Гавре ступил на палубу корабля. Его встретил недовольный Бернадот и сразу раскричался:

— Почему я должен тебя, виконт, ждать? Я вообще не понимаю, почему шведы потребовали, чтобы ты прибыл в Стокгольм со мной! Можно подумать, что это тебя они хотят видеть королем.

— Вы предлагаете мне вернуться в Париж, господин будущий король Швеции? Как мне к вам сейчас обращаться? Как уже к кронпринцу Швеции или как к князю Понтекорво? Вы же, как мне сказал император, уже не в армии.

— Не задавайся, Солей! Пока считай, что я для тебя князь.

— Прекрасно, ваше сиятельство. Хочу только напомнить, что не я пожелал поехать с вами в Швецию, а меня пригласили приехать с вами. Хотя Швеция — родина моих предков, могу и сам поехать.

— Это-то и непонятно, почему председатель государственных чинов Густав Меркер попросил, чтобы ты приехал?

— Ваше сиятельство, вы помните тех сдавшихся в плен шведов?

— Как это я — и не помню? Да из-за того, что я к ним тогда по-доброму отнесся, думаю, меня и пригласили в Стокгольм.

— Тогда вы должны помнить полковника, командира шведских солдат. Им был граф Густав Меркер.

— А-а, вот за это, Солей, спасибо. Наконец-то я понял, в чем дело. Поплыли, виконт. Наши каюты рядом.

— Извините, князь, но я пойду к капитану и попрошусь на время плавания стать у него простым матросом. Хочу побегать по вантам.

— Вспомнил, ты же, виконт, моряк.

— Да, князь, я моряк, иногда ступающий на сушу. По просьбе моего императора.

— Иди, Солей, иди. Встретимся в Стокгольме. А гвардеец Мишель тоже будет матросом?

— Что вы, князь, он боится моря и, думаю, будет лежать до конца плавания в обнимку с ведром.

«Кажется, и мне это же предстоит, — подумал со страхом бесстрашный маршал. — Как они это выдерживают?»

Это было двухмачтовое торговое судно под шведским флагом, и вся команда состояла из шведов. Корабль не останавливали стоявшие в узеньком Па-де-Кале английские корабли, и он вырвался на простор Северного моря. Штормило. Бернадот блевал в своей каюте и проклинал тот миг, когда он согласился с предложением шведов плыть кораблем, а не поехал знакомым ему маршрутом через Германию и Данию. Шведы очень торопились — король мог и не усыновить француза, он многого уже не мог сделать. И еще Бернадот проклинал Солея за опоздание, которого не было, а шведов — за их непонятное для него упорство в отношении Солея: должен присутствовать!

— Ничего! — ругался Бернадот. — Подождите, стану регентом, я вам всем устрою... Ох!.. Вы у меня перестанете своевольничать... Ох!.. Я вас... выстрою по струнке! А эта сука Дезире ... Что она себе позволяет? Как воспримут мои подданные отсутствие жены? Это все Наполеон с его воспоминаниями о бывшей... Ох!.. Любительница балов и бриллиантов... Откуда это? Из-за прошлой бедности? Но ведь во мне этого нет, хотя я пятый ребенок в бедной семье. И эти разговоры о ее любовнике... И кто — герцог Ришелье, роялист, враг государства! Ах ты, сука! — Бернадот обнял ведро.

А Солей легко договорился с капитаном Эйриком, который вытаращил глаза, когда французский дворянин попросился послужить у него матросом, да еще и пообещал заплатить за свою работу!

— Вы, господин, знаете, что такое корабль? — спросил капитан судна.

— Я, капитан, имею свой торговый флот из пяти больших кораблей и десятка малых, таких как ваш, два торговых дома, и у меня есть своя морская яхта. Если бы мне сказали, что надо плыть в Швецию, я бы не пришел к вам, капитан Эйрик, а поплыл бы туда на своей яхте.

— Кто же вы? — удивился капитан.

— Андре Солей из Ла-Рошели.

— А-а! — протянул капитан. — Тогда другое дело. Но почему матросом?

— Потому что на корабле может быть только один капитан.

— Но как то неудобно...

— Да бросьте, капитан. Солеи же из простых моряков, а мой предок Харальд Солнечный, говорят, переплыл на простой лодке из Швеции до Ла-Рошели.

— Не может быть такого!

— Вот все так говорят, но это правда! И я хочу проплыть хотя бы часть того пути, который он проплыл шестьсот лет назад. На корабле и простым матросом.

— Шестьсот лет?! О боже! Господин Солей, прошу в мою каюту, вам сейчас принесут одежду.

— Капитан Эйрик, все должно быть как в жизни. Я ваш новый матрос, а не гость, пожелавший подурачиться. И ваши матросы должны так же думать. Даже если я с ними подерусь — не вмешивайтесь.

— И-и?! О господи!

— Договорились, капитан? Сумму за причиненные вам неудобства назовете сами. Не стесняйтесь.

— Хорошо... А этот... ваш слуга... в шапке? Его тоже матросом?

— Избави бог, капитан Эйрик. Выделите ему самую лучшую каюту. Пусть плывет с удобствами, — Солей засмеялся. — И не забудьте дать ему ведро!

Море штормило, Бернадот из каюты не выходил, Мишель лежал в обнимку с ведром, не замечая красоты своей каюты, капитан со страхом смотрел, как его новый матрос, словно обезьяна, забирался по вантам к марсу, драил палубу и отвечал на зуботычины — у двух матросов были выбиты зубы. Помощник капитана не мог им нахвалиться.

— Капитан, в каком кабаке Гавра вы его откопали? Это же прирожденный моряк. Надо его в Стокгольме приковать цепью в трюме, чтобы не сбежал.

— Ага, посмотри на него — он твои цепи с легкостью разорвет.

— Ну тогда пообещайте ему денег.

— Денег? А это мысль... Может, лучше попросить... Побольше, — капитан Эйрик засмеялся, а потом опять с тревогой посмотрел на нового матроса, который по канату стремглав спустился на палубу.

Когда море успокоилось, вышел из каюты серый от морской болезни Бернадот, и на его вопрос, где Солей, капитан Эйрик показал на грот-мачту.

— Там! — только и сказал капитан.

— Ну, на виконта Роше это похоже, — засмеялся Бернадот.

— Какого виконта? — дрогнул голос у капитана.

— Как какого? Солей что, вам не сказал, что он виконт Роше?

— О боже, что же я наделал? — воскликнул капитан. — Я виконта загнал на мачту.

— Да не переживайте вы так, капитан. Если он даже сыграет с нее головой на палубу, вам ничего не будет, а вот если я поскользнусь и подверну ногу, то у вас будут большие проблемы.

— Почему?

— Потому что перед вами будущий король Швеции!

— О господи! Да что происходит? Виконт матросом по вантам бегаёт, король на палубе стоит... Пошел я к рулю — там мое место, — и капитан вразвалочку пошел на корму.

Когда обогнули Данию и пошли по проливу Каттегат вдоль берегов Швеции, вдруг у самой южной оконечности, при входе в Балтийское море, на стоящем с большим шведским флагом на корме военном корабле выстрелила пушка и с корабля просигналили, чтобы плывущий корабль остановился. От военного корабля отплыла шлюпка с флагом короля Швеции на корме.

Шлюпка подошла к борту, и на палубу поднялся поджарый беловолосый мужчина в черной одежде с кипенно-белым воротником.

— Граф Густав Меркер, — сказал мужчина. — Могу я видеть князя Бернадота?

— Я Бернадот, — подошел с важным лицом бывший маршал. — Вы за мной? Но это, кажется, еще не Стокгольм?

— Господин Бернадот, извините, князь, но я остановил ваш корабль, чтобы увидеть барона Роше.

— Как Роше? Почему?

— Я хочу показать ему место, откуда родом его предки. Здесь, в конце фьорда, находится рыбацкий поселок Бальгедер. Вот туда я хочу его отвезти.

— Но, граф, в Швецию-то плыву я, Бернадот, а не виконт Роше. Вы меня спросили, хочу ли я этого?

— Роше уже виконт? Князь, я возглавляю собрание государственных чинов, и именно от нашего решения зависит, станете ли вы в будущем королем Швеции.

— Простите, граф, но я же не знал...

— Обещаю вам, князь, что это не займет много времени. Поймите, Андре Солей не просто французский дворянин, виконт Роше, как вы меня поправили, но и шведский дворянин. Мы подняли все архивы и выяснили, что его предки — хэрсиры земли, где находится Бальгедер.

— Хорошо, граф, я не возражаю.

— А где же виконт Роше?

— Там, — Бернадот показал на паруса.

— Где? — удивленно посмотрел в небо граф.

— Он, граф, служит матросом на этом корабле. Не верите — спросите у капитана, — и Бернадот обратился к стоящему в сторонке капитану корабля: — Капитан Эйрик, позовите вашего матроса Солея. Его здесь ждут.

И, повернувшись к графу Мекеру, сказал:

— Я вам больше не нужен, граф? Я жду вас здесь и прошу, пожалуйста, не задерживайтесь — нас с вами ждут в Стокгольме.

— Я, князь, это прекрасно помню, — учтиво ответил граф Меркер.

А капитан корабля, задрав голову, уже кричал:

— Эй, Солей! Солей! Слезай, тебя здесь ждут.

Когда перед графом Меркером предстал беловолосый молодой человек с сияющими синими глазами, Меркер почтительно поклонился и сказал:

— Виконт, я граф Густав Меркер, и я хочу вас сопроводить на берег.

— А я вас узнал, полковник. Но почему мы здесь должны сойти на берег? Как я знаю из карт, нам еще плыть и плыть до Стокгольма.

— Виконт, на этом берегу ваша родина. Здесь рыбацкий поселок Бальгедер, откуда и уплыл во Францию ваш предок Харальд Солнечный со своей девушкой Ингрид. А она была дочерью здешнего хэрсира.

— О, какая радость сейчас в моей груди! — воскликнул Солей. — Граф, я быстро, только переоденусь.

— Я вас жду, виконт Роше.

— Лучше называйте меня капитан Анре Солей. Мне так удобнее.

— Хорошо, капитан Солей. Полковник Меркер ждет вас, — засмеялся граф.

Когда Меркер и Солей подошли к борту, чтобы спуститься по лестнице в шлюпку, подошел солдат в форме и высокой шапке и спросил:

— А про меня-то вы забыли, ваша милость?

— Граф, это Мишель, знаменитый гвардеец нашего императора, а в мирное время управляющий моим домом в Ла-Рошели. Если вы не возражаете, давайте возьмем его с собой.

— Как скажете, капитан.

Шестивесельная шлюпка с крепкими гребцами рывками плыла по фьорду, а Солей, встав на носу, восхищенно смотрел на уходящие в небо скалы. Он так и стоял, замороженный, пока лодка не ткнулась в гальку берега. Солей легко выпрыгнул из шлюпки и, дождавшись, когда матросы перенесут на берег графа Меркера, а Мишель самостоятельно, шатаясь, выползет из шлюпки, пошел к ухоженным маленьким домам рыбацкого поселка. Встречающиеся по пути жители улыбались и приветливо кивали головами. Стояла умиротворяющая тишина, а осенний воздух был холодным и свежим.

— Даже не верится, граф, что можно было уплыть из этой красоты. И не на время — навсегда. Как же вы узнали, что мои предки отсюда?

— Пришлось перерыть сохранившиеся в королевских архивах документы времен правления великого Биргера

Ярла. Там и обнаружилась запись о Франсуа Солее, сыне Харальда Солнечного, который приплыл из Франции и убил хэрсира Хоккона из Бальгедера, а потом участвовал в походе Биргера Ярла в Россию, где попал в плен и вернулся в Швецию только через полтора года. Этот Франсуа Солей имел право стать хэрсиром земли Бальгедер, но отказался в пользу рыцаря Мули и его сына. Кстати, графы Мули по сей день правят этими землями. Вы, капитан Солей, если захотите, увидите графа Мули в Стокгольме. Он, когда узнал историю вашего рода и что вы приезжаете в Швецию, хотел плыть со мной и встретиться с вами здесь, но я попросил его остаться. Мы члены собрания государственных чинов и будем принимать решение о согласии на усыновление Бернадота королем Карлом. Я нарочно не вручил Бернадоту грамоту шведского риксдага о провозглашении его кронпринцем. Он мог бы в этом случае отказаться останавливаться здесь и не позволить нам плыть в Бальгедер. Мы вернемся на корабль, и тогда я вручу ему грамоту. Где похоронены ваши предки, виконт, неизвестно, но, как правило, викингов сжигали, а пепел бросали в море. Так что они где-то здесь. Что вам еще показать? К сожалению, мы не можем куда-то поехать — нас уже ждут в Стокгольме.

— Спасибо, граф, — Солей стоял, и глаза его были полны слез. — Вы сделали для меня так много, что я не знаю, как вас благодарить.

— Не надо благодарностей, виконт — это мой долг перед капитаном кирасиров Андре Солеем, за то что он несколько лет назад своей храбростью спас жизни сотен шведов, в том числе и мою.

— Я бы хотел попросить вас, граф, побывать во Франции и обязательно приехать ко мне в Ла-Рошель. Я покажу вам, как живут потомки Харальда Солнечного сейчас. Я думаю, что тогда, сотни лет назад, Харальдом руководила рука судьбы.

— Судя по дошедшим до нас сведениям, им руководила не только судьба, но и любовь к дочери хэрсира из Бальгедера.

— Вы правы, граф... Скажите, как долго я должен пробыть в Швеции?

— Да вы, виконт, свободны в своих решениях. Это же я пригласил вас. Вы можете даже не плыть в Стокгольм и остаться здесь, но, — граф засмеялся, — боюсь, тогда вам придется повторить необыкновенный путь вашего предка Харальда — доплыть отсюда на лодке до Франции. То, что вы здесь, в Швеции, не имеет никакого отношения к Бернадоту, и у вас нет никаких обязательств перед ним, эта поездка — мой подарок вам. Я надеюсь, что вы не обиделись. Я предлагаю вам плыть дальше в Стокгольм на моем корабле и познакомиться с нашей столицей, а потом я вас отправлю обратно во Францию. Согласны? Я уже понял, что Бернадот очень ревностно к вам относится. А когда я передам ему решение риксдага о титуле кронпинца, вам, думаю, будет неуютно в его обществе, — Меркер вновь засмеялся. — И по вантам капитан корабля вряд ли разрешит вам ползать.

— Спасибо, граф. Только по вантам бегают.

— Тогда поплыли, капитан Солей?

— Да, полковник Меркер, только я возьму на память о родине своих предков камень, — Солей поднял вымытый тысячелетиями гладкий плоский камень. — Кто знает, может быть, его держали в руках еще родители Харальда Солнечного.

Мишель все это время молчаливо стоял.

— Мишель, скажи хоть слово, — сказал Солей.

— У меня нет слов, ваша милость. Зачем ваш предок уехал из такого прекрасного места?

— Вот видите, капитан Солей, я был прав. Оставайтесь, — сказал граф Меркер.

— Не могу, граф. Там, во Франции, есть великий человек, которому я нужен, — Наполеон.

Когда граф Меркер один вернулся на корабль с Бернадотом, его встретил на палубе недовольный маршал.

— Граф, — сказал Бернадот, — вы обещали не задерживаться, а сами пробыли почти полдня на берегу.

— Ваше высочество, чтобы доплыть до нужного нам места, пришлось плыть несколько часов по фьорду. Прошу

простить меня, если я доставил вам неудобство, ваше высочество, — Меркер поклонился.

— Граф, почему вы называете меня высочеством? Я пока еще князь Понтекорво.

Меркер потянул Бернадоту бумагу со свисающими шнурами.

— Я, ваше высочество, приплыл сюда, чтобы встретить вас на границе Швеции и вручить решение риксдага, объявляющее вас кронпринцем Швеции.

Бернадот безмолвно стоял, открыв рот, а потом сдавленно произнес:

— Значит, я уже король?

— Нет, ваше высочество... Пока нет, — отчетливо сказал Меркер. — Сперва по прибытии в Стокгольм вам надо согласиться принять лютеранство, после чего вы будете представлены собранию государственных чинов Швеции, председателем которого является ваш покорный слуга, и мы дадим согласие на ваше усыновление, после чего король вас усыновит.

— И как долго будут проводиться все эти... согласия?

— Две недели, ваше высочество.

— Так чего же мы стоим? Поплыли, граф! — весело воскликнул Бернадот.

— Слушаюсь, ваше высочество.

— Только один вопрос, граф: а какую роль во всем этом играет Солей?

— До того как вы стали кронпринцем, он был для нас единственным известным во Франции шведом. И его, как и вас, ваше высочество, уважают в нашей стране... за то пленение шведов. Я могу даже открыть вам тайну: если бы он согласился остаться в Швеции, он бы сразу стал графом.

— А он? — спросил Бернадот.

— Спросите его сами, ваше высочество.

— И не собираюсь. В Швеции будет достаточно одного француза — кронпринца и будущего короля Карла... какого по счету, граф?

— Вы будете четырнадцатым.

— Вот... Карла четырнадцатого.

— Как скажете, ваше высочество. Позвольте, я вас покину и перейду на свой корабль. Он военный и будет сопровождать и охранять вас.

— А Солей? Где он?

— Он пожелал плыть со мной.

— Еще лучше, граф. В путь!..

Осенний Стокгольм был прекрасен. Солей остановился в доме графа Меркера и подолгу гулял по необыкновенному городу, любясь его домами, небольшими площадями, чистотой и множеством кораблей у набережных. Меркер сводил его в риксдаг и городскую ратушу, где показал могилу самого известного шведа Биргера Ярла. Познакомил с графом Мули, который, смеясь, предложил Солею сразиться с ним на рыцарских мечах.

— У нас в семье бытует легенда, что твой предок спас нашего предка, рыцаря Мули, сражаясь его мечом.

— Мне граф Меркер об этом рассказал.

— Ах, виконт, оставайтесь, мы поедем в мой замок в Роннебю. Какая там охота! И вообще оставайтесь в Швеции. Я слышал, что вам сразу дадут титул графа.

— Да, со мной уже об этом говорили. Спасибо, граф Мули, но я больше француз, чем швед. Швеция — необыкновенно красивая и прекрасная страна, но во Франции есть человек, перед которым я преклоняюсь и считаю, что многим ему обязан.

— Отец?

— Мой отец умер, а этот человек — наш великий император Наполеон.

— Но ваш Наполеон — это война!

— Что же, и я человек военный. Я же капитан кирасиров императора и, как только он меня позовет, я, не задумываясь, пойду с ним хоть на край света.

— А мы, шведы, после нашего великого короля Карла XII и нашего поражения России как-то больше не хотим воевать.

— Наш император тоже считает, что со Швецией надо дружить. Видите, и маршал Бернадот у вас кронпринц, а в будущем и король Швеции. Наполеон этому рад.

— Ваш император рано радуется. Я послушал Бернадота и думаю, если что-то произойдет, то он Наполеону не поможет.

— Не может такого быть! Он всем обязан императору.

— Сейчас Бернадот от Наполеона уже не зависит. Он будет править Швецией и думать, как ему выстраивать отношения со своими соседями, и прежде всего с Россией. Может, в Швеции останется твой солдат Мишель? Он произвел на шведов незабываемое впечатление. Говорят, жители города, завидев его на улице, останавливаются с открытыми от восхищения ртами. А когда узнают, что он гвардеец Наполеона, хлопают в ладоши, а дети стараются дотронуться до него — живой ли он или им мерещится.

— Я слышан об этом.

— Он может стать у меня управляющим в замке и больше никогда не надевать своей медвежьей шапки.

— Что вы, граф! Мишель сорок лет служил в армии. Он прошел с Наполеоном все его походы и сражения. Он только и ждет, когда заиграет труба и он снова пойдет с Наполеоном в бой. А что касается управляющего в вашем замке, то он управляющий в моем доме. Пока в Европе мир...

Вернувшись в Париж, Солей императора не застал и уехал с Мишелем к себе домой, в Ла-Рошель, откуда через день уплыл на своей яхте в Марсель. Ему хотелось побыть одному и подумать, правильно ли он сделал, что не остался в Швеции.

Ему еще долго снилась эта загадочная и такая теперь близкая и родная северная страна.

VIII

Мать Солея Изабель настаивала — женись!

— Андре, отец дождался тебя, но не дождался внуков. Я скоро уйду к мужу, но так и не увижу их, не возьму на руки, не прогуляюсь с ним у моря. Почему ты не женишься?

— Я не нашел той единственной, с которой я хочу связать свою жизнь.

— Как же ты ее найдешь, если ты либо на работе, либо в море. Ты не видишь ничего вокруг.

— Как не вижу? Я вижу море. И ничего прекраснее его на свете нет.

— Перестань плавать на своей яхте и сразу увидишь ту, которая дана тебе Богом. У тебя сразу будет полно дел здесь, на берегу, в доме.

— Но тогда мы пойдем по миру с протянутой рукой! Мы зависим от моря.

— Ты все время уходишь от моего вопроса. Когда ты женишься?

— Если честно, мама, я вначале хотел бы съездить в Россию, к князю Сергею Трубецкому, и поискать там невесту.

— Даже я, ничего не понимающая в политике женщина, знаю, что этого не будет.

— Интересно почему?

— Потому что Франция воюет с Англией, а Россия с Англией дружит.

— Мама, ты по ночам не играешь в шахматы?

— И я знаю — ты все время стремишься к своему императору, на войну!

— Здесь ты права, мама, я хочу на войну.

— Мне тебя не удержать. И тебя никто не удержит. Подари мне внука и иди.

— Спасибо, мама. Я подумаю.

— Опять, подумаю. Значит, не дождусь... — стареющая женщина заплакала.

Проходили дни, недели, месяцы — все оставалось прежнему.

Изабель решила действовать через Мишеля.

— Ваша милость, — заводил песню старый солдат. — Пора бы вам жениться. Детей пора заводить. А то мало ли что может случиться...

— Что такое может случиться, Мишель?

— Ну... скажем, война!

— С кем война? — встрепенулся Андре и стал похож на увидившую дичь собаку.

— Ваша милость, вокруг нашего императора одни враги! Вот в Испании война.

— Тогда пойдём на войну.

— А дети, а ваша клятва отцу? Вы же сами говорили.

— Да, я обещал отцу, — тихо сказал Андре в ответ. — Поплывёшь со мной, Мишель?

— Куда? — ужаснулся солдат.

— Невесту выбирать.

— Э-э... Вы уж, хозяин, лучше без меня.

— Вот так всегда: как женить — так все, как невесту выбирать — так никого.

— Вам — выбирать?! Да вы о чем говорите, ваша милость? Изабель каждый день вам невест предлагает, а вы... — Мишель махнул рукой.

— Так, понятно — это тебя ко мне мать отправила?

— Да вы что, ваша милость?

— А почему ты, Мишель, не женишься? Хочешь, я тебе завтра невесту приведу?

— Да что вы, ваша милость? Какой из меня жених. Я уже того, старик.

— Значит, не поплывёшь?

— Нет. Признаюсь — боюсь!

— Тогда больше с вопросом о женитьбе не приставай. Пока не согласишься плыть со мной, я не женюсь.

— Понятно. Не женитесь никогда.

Но поплыли оба — в Стокгольм!

Когда Андре с Мишелем вернулись из Швеции, гвардеец тихо сказал:

— Я ваша милость, просьбу вашу исполнил.

— Какую просьбу? — удивился Андре.

— Проплыл на корабле.

— Ах ты! — закричал Андре. — Так ты меня обманул?

— Ничего подобного. Вы, ваша милость, сказали, а я исполнил.

— То есть ты хочешь сказать, что я должен жениться?

— Должен, — бесхитростно и прямо сказал Мишель.

— А Изабель об этом знала?

— Правду? Знала, ваша милость. Это ее план, а не мой.

— Ну вы и два стратега! Обложили, как волка. Обвели вокруг пальца. Вам бы в армии генералами! Хорошо, поплыву искать себе невесту.

А как была рада Изабель!

Андре уплыл на своей яхте в Марсель.

— Зачем в Марсель? — говорила мать. — Всего-то надо посмотреть вокруг себя! Да ладно, пусть будет из Марселя, пусть хоть из Африки, лишь бы жена и внук.

— Правильно, хозяйка. Только побыстрей надо, — ввернул Мишель. Он стал после Швеции самым уважаемым в доме человеком.

— Почему, Мишель?

— Так ведь война скоро.

— Какая война? — ужаснулась Изабель.

— Обыкновенная, с пушками.

Андре Солей был завидным женихом. Об этом знали и в Аквитании, и в Провансе, да и в светских кругах Парижа знали, но там больше как очень богатого человека. Многие даже думали, что Солей — это какой-то старик на сундуках с золотом, и когда узнавали, что ему нет и двадцати пяти, не верили. Когда он появлялся по торговым делам в Париже, некоторые обремененные детьми и безденежьем бароны и графы старательно зазывали его в свои дома, но — удивительно! — этот с необычной внешностью молодой человек был похож на скалу. Пробовали рассказывать, что у него не то... с женщинами... Но все женщины, которых у Андре было предостаточно — он не скрывал этих связей, — в один голос восхваляли Солея как необыкновенно сильно-го в любви мужчину...

Марсельским домом управлял талантливый в торговых делах и, что удивительно, честный человек Амеди Ру. Он был из семьи марсельских рыбаков, живших на берегу Средиземного моря с незапамятных времен. И как его предки, стал бы рыбаком, но родился с уродством — одна нога была короче другой. Его должны были бы выбросить в воду, но родители воспротивились и отказались убивать ребенка, хотя понимали, что это навлечет на их семью неудовольствие церкви. Это и произошло — его отказались крестить.

Но шли годы, семья Ру всегда были лучшими прихожанами в церкви Марселя, а мальчик рос, поражая всех своими способностями — самостоятельно выучился читать, писать и считать. И в десять лет его крестили в церкви, дав по просьбе родителей имя Амеди — Любящий Бога. И если в детстве он слышал только прозвище «Амеди Хромой», то юношей его уже стали звать Амеди Умный. Мальчика Амеди Ру приняли в торговый дом еще при Клоде Солее, и он к сорока годам стал управляющим марсельским торговым домом.

Женился Амеди поздно — ну кто за уroda пойдет замуж? Но когда он заимел дом и положение в обществе, от невест не стало отбоя. А он женился на простой девушке из рыбацкой семьи — по любви. И сразу двух детей — девочек — завели, и был Амеди Ру счастлив. Старшая дочь вышла замуж и уехала из дома, а младшая, Анни, жила с родителями, принося им радость. После смерти Клода Солея Амеди Ру остался управляющим торгового дома — его Андре Солей очень просил остаться, уж больно грамотным и уважаемым тот был.

Андре Солей впервые увидел Анни, когда плывал в Марсель со своим отцом. Сам он тогда был подростком, а ей было лет десять. А вновь встретился с ней уже после смерти Клода Солея, когда приехал знакомиться с делами в марсельском торговом доме. Анни Ру, увидев его, в ту же минуту в него влюбилась. Женихов у семнадцатилетней Анни было множество — и богатых, и не очень, но девушка всем отказывала, чем удивляла своих родителей. Отец, добрый к своим дочерям человек, ворчал, что он не вечен и ему хочется увидеть счастливые семьи своих дочерей. Анни упиралась, а потом рассказала матери, а та мужу, что любит Андре Солея. На что Амеди замахал руками — выбрось это из головы!

Девушка была влюблена и, каждый раз, как видела Андре, покрывалась краской девичьего стыда и быстро уходила. А Солей видел, как она хорошеет день ото дня, и старался с ней заговорить. В конце концов, не выдержав, он спросил у Амеди, что в нем, Солее, такого, что Анни не хо-

чет с ним разговаривать. Амеди отмахивался, что-то мямлил — что на на него было вообще непохоже, — уходил от вопроса, но однажды не выдержал и все рассказал.

— И всего-то? — засмеялся Солей. — Так я как раз собираюсь жениться и прошу руки вашей дочери!

Втайне от Изабель молодые венчались в Марселе, в полуразрушенной церкви древнейшего аббатства Сен-Виктор, где когда-то служил будущий кардинал Мазарини, и уже с женой Солей приплыл домой на своей яхте.

Изабель плакала от счастья. Потом отвела девушку в свои комнаты и долго о чем-то с ней говорила.

— Мама, что ты ей наговорила? — спросил Андре, когда Анни вышла от матери с грустными глазами.

— Я ей рассказала историю нашей семьи и какие Солеи в жизни.

— И какие?

— Неуправляемые.

— И я?

— А ты больше всех.

— Спасибо, мама.

— Ага. Ты еще скажи, что я неправа?

— Конечно, права, — засмеялся Андре и, поцеловав мать, ушел... в порт на свою яхту.

Анни была счастлива, что стала женой любимого человека. Она никогда не устраивала скандалов, не показывала неудовольствия тем, что ее муж больше времени проводит на работе и в море, чем с ней. Она занималась домом — Изабель со страстью учила Анни управлению большим хозяйством. Мать признала и приняла Анни и не скрывала своей радости. Светился и Мишель, видя новую хозяйку. Даже как-то сказал Андре:

— Ваша милость, я вот подумал, может... это... мне тоже жениться? Это же такое счастье, когда тебя любят.

— Мишель, мне первому покажи твою избранницу, и я сам пойду к ней и сделаю все, чтобы она стала твоей женой. Я вам дом подарю.

— Дом! — обрадовался Мишель. — Тогда надо жениться.

— Так, может, вначале дом, а потом и жену приведешь? Быстрее дело-то пойдет, — сказал Солей. — Вот посмотри на меня. Я даже перестал хвататься за свой палаш!

— Хотите сказать, что я выброшу свою шапку?

— Зачем выбрасывать? Отдай ее в наш семейный музей. Будет еще одна реликвия. Во всяком случае, я собираюсь туда отнести палаш.

— А не рано, хозяин?

— Лишь бы не поздно. Поплывешь со мной в море?

— Нет, нет и нет! Хватит с меня и одной поездки. А куда же вы? Роды же скоро.

— Ну не скоро. Говорят, еще месяц. И я всего на несколько дней, а потом уже останусь дома, чтобы увидеть, как родится мой сын.

— Да, ваша милость, все говорят, что будет сын.

— Сын, Мишель, сын! Ах, какое счастье! Я счастливый человек, я самый счастливый человек на свете!

Солей ушел, а старый солдат стал креститься и шептать:

— Ой, рано! Ой, не надо! Господь, не оставь его в своей защите! — Мишель молитв не знал.

И с женой Андре прощался как-то весело. Все посмеивался, целуя.

— Ты только не вздумай рожать без меня. Анни, прошу, всего несколько дней. Мне очень надо решить один вопрос.

— А без тебя не могут решить?

— К сожалению, только я. Я быстро! Кстати, я увижу твоих родителей и сообщу им, что мы ждем рождения сына.

— Андре, я очень хочу родить тебе сына, но я боюсь. Я не знаю почему, но боюсь!

— Прекрати, Анни, все будет хорошо. Вот и мать тоже твердит — не уезжай. Еще целый месяц до родов. Ты же сама так сказала. Больше гуляй в саду и по берегу моря. Дыши воздухом, ешь фрукты. Так говорят врачи. Через месяц у нас родится сын, и мы станем самой счастливой семьей на свете.

— А разве ты не счастлив со мной?

— Конечно, счастлив. Но сын нужен.

— Я знаю, для чего тебе нужен сын, а не дочь. Ты хочешь уйти на войну.

— Прекрати, Анни.

Ранним утром Андре, целуя, прощался с женой, а та плакала на его груди.

— Я люблю тебя, Андре. Я очень люблю тебя. И я очень боюсь.

— И я тебя люблю. И прекрати бояться! Я буду рядом с тобой, когда ты будешь рожать.

— Я буду тебя ждать, Андре.

Она старалась делать всё, как ей советовали врачи. Но однажды, когда она гуляла по берегу моря, резкая боль разорвала низ живота и она, охнув, упала на песок. А по ногам ее полилась кровь.

Роды были до срока, стремительные, ребенок, опутанный за шею пуповиной, родился мертвым, а начавшееся кровотечение не смогли остановить. Анни, белая и потная, посиневшими губами, прошептала Изабель:

— Скажите Андре, пусть меня простит... Я его так люблю...

На следующий день приплыл Андре. Счастливый, приехал из гавани домой и не узнал встретившую его мать — она состарилась и волосы ее были седыми. Анни одели в свадебное белое платье, Андре уплыл на яхте в океан и похоронил в его водах жену и мертворожденного сына, а вернувшись, закрылся в своем кабинете и не выходил три дня. Он не пил вина, он просто сидел в комнате, смотрел в окно на океан и молчал. Потом тихо прошептал:

— Зачем ты забрал мою любовь? Ты забрал всё!

И послал императору Наполеону письмо.

Мой Император!

Я всегда Ваш. Я всегда готов. Позовите.

Андре Солей.

Наполеон не ответил. Значит, не требовался?!

IX

Война шла рядом с Ла-Рошелью, в Испании — только перемахнуть через Пиренеи. Наполеон пытался завоевать Испанию и не мог покорить этот гордый народ. Испания не

сдавалась! Мюрат расстреливал тысячи испанцев, а испанцы умирали, но не сдавались!

Император хотел блокировать Англию, а Англия, потопив французский флот, сама блокировала французские порты.

Англии было тяжело, но у нее был флот, и она хозяйничала на море. У Франции не было флота — флот лежал на морском дне у мыса Трафальгар, и приходилось тратить колоссальные деньги, чтобы защитить свои порты, строя вдоль всего побережья, в море, крепости. Франция сама себя запирает в блокаде!

Россия торговала с Англией. «Дорогой друг» русский император Александр плевать хотел на обещания, данные в Тильзите!

«Во всем виновата Россия!» — решил Наполеон.

По Франции покатился рекрутский набор — как метлой выметали молодых парней. Ревели молодые девки, понимая, что так и останутся в девках. Ревели матери и жены, понимая, что навсегда расстаются с сыновьями и мужьями.

Франция опустела и замолчала.

Пришел Мишель в походной форме, держа свою медвежью шапку в руках.

— Ваша милость, я солдат, и я больше не могу. Прощайте! — и ушел.

А через два дня в дом на имя Андре Солея пришло письмо.

Начинается мой самый великий поход. Нас ждут самые великие битвы! Великая армия идет на Москву! Нужны все! Наполеон.

Андре давно был готов — со дня смерти жены и ребенка. Он поцеловал мать, отдал распоряжения по дому и торговым делам на время, пока он будет отсутствовать — не сказав, на какое время, оделся по-походному, сел на коня и поехал к Великой армии. Мать, как и в прошлый раз, надела ему на шею золотой медальон с теми же словами, что и в 1805 году:

— Он тебя защитит! — и добавила: — Больше надевать некому! — и заплакала.

Мишеля он догнал через день. Тот сидел у обочины дороги и курил свою трубку. Шапка была надвинута на брови. Лошадь бродила по полю и щипала сочную траву.

— Старина Мишель, почему ты здесь сидишь?

— Я жду.

— Кого?

— Вас, мой капитан.

— Ну тогда садись на свою лошадь и поехали, а то мы опоздаем и не получим причитающихся нам наград.

— Да, ваша милость! — выпустив синий клуб дыма, радостно закричал старый солдат.

Великую армию Солей догнал, когда та уже шагала по Пруссии.

— Солей, — сказал, увидев его, император Наполеон, — я не звал тебя раньше — все ждал, когда ты обзаведешься сыном. Я знаю все, что с тобой произошло. Я понимаю тебя. Мое письмо — это моя помощь тебе. Сейчас мне, как никогда нужны храбрецы — старые и новые. Иди, твой эскадрон ждет тебя. Надеюсь, за эти годы ты не разучился держаться в седле и махать палашом? Твоя слава и награды вон там, за Неманом. Пора тебе становиться полковником и графом. Да и, в конце-то концов, ты давненько не виделся с Сержем Трубецким. Раз он не приехал к нам во Францию, мы его побеспокоим в Москве. А, Солей?

— Согласен с вами, ваше величество!

— У тебя какая-то необычная кираса и очень длинный палаш — как меч...

— Я, ваше величество, плавал для этого в Дамаск. Кираса сделана из специальной, известной только арабам брони, а палаш длиннее на четыре дюйма, шире и тяжелее, и ручка удлиненная, чтобы за нее можно было ухватиться двумя руками.

— Тогда это уже двуручный меч!

— Вроде того. У него какая-то особая закалка — им можно перерубить железный прут. Я же знал, что рано или поздно вы меня позовете, вот и готовился.

— А Мишель где?

— Здесь, со мной.

— Тогда Великая армия вся в сборе. Вперед! Кстати, Бернадот отказался мне помогать.

— Как?!

— Он заключил мирный союз с Россией.

— Граф Мули оказался прав, — тихо произнес Солей.

— Я что-то стал глуховат. Ты что-то сказал, Солей?

— Это я так, про себя... о Швеции.

Огромная, нигде ни в какие времена не виданная четырехсоттысячная армия Наполеона перешла Неман. Казалось, впереди горели на солнце купола московских церквей — то на многие версты горела подожженная русскими степь.

Когда армия без боя вошла в Вильно, к Наполеону от имени русского императора прибыл генерал Балашов с небольшой свитой. Наполеон обрадовался — русские уже хотят мира — и повел очередного «дорогого друга» генерала для переговоров в свой дом. Императору был нужен Балашов и не нужна его свита. Он оглядел русских офицеров и, узнав одного из них, прежде чем закрыться в кабинете с посланником русского царя, приказал:

— Разыщите капитана кирасиров Солея — пусть он как можно быстрее явится сюда, здесь для него приятный гость.

«Гостем» был Сергей Трубецкой — уже подполковник русской гвардии.

Пришедший Солей в блестящей кирасе и со своим огромным палашом, который он придерживал, чтобы тот не волочился по земле, сразу и не понял, зачем его вызвали — император был занят. Ему показали на сидевших у стены на диване двух русских офицеров. Один из них встал и распростер руки — Солей его узнал и тоже развел руки.

— Трубецкой! Сергей! Как я рад тебя видеть!

— Андре, сколько же мы не виделись? Лет пять?

— Ты отлично умеешь считать, — засмеялся Солей.

И два офицера на глазах у изумленных французов штаба императора стали хлопать друг друга по плечам, обниматься и целоваться как-то странно — три раза, да еще и в губы. Ужас!

Один из штабных офицеров вмешался:

— Господин капитан, император сказал, что русские офицеры в вашем распоряжении на целый день.

— Bravo, прекрасно. Пойдемте, князь. Да, и познакомьте меня с вашим товарищем.

— Капитан, граф Алексей Тарутин, — представился стройный, невысокий кареглазый юноша. — Я не участвовал в битве при Аустерлице, но о вас, виконт, наслышан от участвовавших в ней офицеров. Да и князь неоднократно о вас рассказывал.

— Пойдемте, пойдемте, господа! Особых разносолов не обещаю, но Мишель где-то раздобыл и приготовил гуся. А пара бутылок хорошего вина из моих погребов в Ла-Рошели всегда найдется. Ах, как я рад тебя видеть, Сергей!

Литовцы — хозяева маленького дома с большим, черным от копоти очагом сжались от страха, увидев своего постояльца с двумя красавцами офицерами, а поняв, что это русские офицеры, совсем перепугались, и Мишелю пришлось надавать им тумачков, чтобы они очнулись и стали разжигать огонь в очаге. В маленькой комнате Солей был накрыт стол, поставлены свечи — иначе даже днем в ней было полутемно, расставлена хорошая, серебряная с золотом посуда и кубки — Солей к походу готовился серьезно. Мишель Трубецкого узнал и применил, картавя и перевирая, запомнившееся с Тильзита русское обращение:

— Здравствуй, барин! — чем вызвал у русских веселый хохот.

Когда вино было налито, Андре Солей громко произнес:

— Мы давно с тобой не виделись, Сергей — целых пять лет, и я рад, что эти годы пошли тебе на пользу: ты возмужал, похорошел и стал подполковником. Я хочу, господа, чтобы эта война как можно скорее закончилась, чтобы мы немножко подрались, но остались живы и я уже как друг смог бы побывать в Москве.

— Ты хорошо сказал, Андре, но боюсь, что ты, как и ваш император, очень спешите. Драка будет, но когда мы, русские, этого захотим. А когда — мне неизвестно.

— Как? А для чего приехал ваш генерал?

— Только не для того, чтобы показать на карте место поля сражения.

— О господи! Как же долго нам идти по этому пути к Москве?

— Этот путь еще не начинался, Андре. Генерал Балашов приехал, чтобы предложить вашему императору одуматься и, развернувшись, уйти обратно за Неман.

Солей от души засмеялся:

— Самая сильная армия в мире с самым великим полководцем всех времен должна без боя убежать? Да в уме ли ваш император Александр?

— Наш император Александр, как всегда, слишком добр, — засмеялся в ответ Трубецкой, но смех его был жесткий.

— Никчемный разговор. Мы только рассоримся. Мне стало грустно. Давайте, господа, выпьем, — постарался превести разговор Солей.

— Андре, главное, чтобы не стало страшно. Почему ты, Андре, все еще капитан?

— Так с того дня, как мы тогда расстались, я в армии не служил. Занимался домом и большим хозяйством, что оставил мне отец.

— А теперь, вырастив сыновей, решил вновь повоевать?

— К сожалению, у меня нет семьи. Была надежда, но жена умерла во время родов и... сын.

— Прости, Андре, я не знал.

— Почему ты ко мне не приехал, Сергей? Или все воевал? Женат? Дети?

— Служил, воевал. Не женат, — как-то односложно ответил Трубецкой.

— Почему? Ты же, мне помнится, говорил, что, как только твоя невеста подрастет, ты попросишь ее руки. Тогда ей было пятнадцать?

— Четырнадцать. Я и хотел попросить ее руки в этом сентябре, но война... Чем быстрее вы уйдете или мы вас разобьем, тем быстрее я женюсь.

— Мне кажется, что это зависит только от вас, русских, а вы всё убегаете и убегаете.

- Мы не убегаем — мы отходим.
- Отходите? Да мы на лошадях вашу пехоту догнать не можем.
- Ну вот дойдем до Москвы и дадим вам сражение.
- До Москвы? Зачем? Давайте подеремся здесь и поедем в Москву выбирать мне невесту. Честно, женюсь на первой русской девушке, которую встречу.
- А как же любовь, Андре?
- О какой любви ты говоришь, Сергей? — грустно ответил Солей.
- Я говорю о человеческой любви, Андре. Такой, когда жена за тобой в огонь и воду...
- А такая любовь существует?
- Значит, ты ее еще не встретил.
- А ты, Сергей, встретил?
- Мне кажется, да.
- Она красивая?
- Очень.
- Счастливый. Пригласишь на свадьбу?
- Конечно. Она сестра Алексея.
- Простите граф, что мы болтаем, а вы слушаете эту нашу болтовню.
- Я, господин капитан, с удовольствием слушаю.
- Мы с Алексеем знакомы с рождения, — сказал Трубецкой. — Наши дома в Москве и Петербурге рядом. И наши родители большие друзья. Он, как и мы с тобой, не женат. Впрочем, ему всего-то двадцать лет.
- Да-а, слишком еще молод, — засмеялся Солей.
- А вам-то, господа, много ли? — спросил Тарутин.
- А сколько нам, Андре? — засмеялся Трубецкой.
- Сейчас посчитаю, — Солей стал, смеясь, загибать пальцы. — Один, два... пять... двадцать... пять. Неужели уже двадцать пять? Сергей, мы с тобой старики! И не женатые! У тебя хоть невеста есть, а я... Давайте выпьем за любовь...
- Виконт, — обратился к Солею Алексей Тарутин, — можно посмотреть ваш палаш? Я такого еще не видел.
- Конечно, ваше сиятельство.

Тарутин взял палаш и поднял его одной рукой, а потом, чтобы не уронить, перехватил второй.

— Господи, — воскликнул он, — до чего же тяжелый! Это же меч! Не дай бог встретиться с вами в бою, виконт. А что это за разводы на клинке? Князь говорил, что вас называли Белая смерть, — сейчас я в это поверил.

— Императоры называли его викингом, — добавил Трубецкой.

— Так мои предки и были викингами. Кстати, два года назад я побывал в Швеции и мне показали маленький рыбацкий поселок, откуда родом мои предки. Признаюсь, там необыкновенно красиво. А воздух!

— Так и остался бы и сейчас не воевал с нами, — сказал Трубецкой.

— Мне предлагали, но я... принадлежу Франции и моему великому императору. А палаш... мне просто удобен такой палаш. И он, и кираса сделаны арабами в Дамаске, это особая сталь — таким палашом можно перерубить гвоздь, а кираса легко выдерживает пулю. — Солей взял палаш и легко начал вращать его над головой. Воздух наполнился свистом, а Трубецкой с Тарутиным непроизвольно прижали головы.

— Прекрати! Сейчас дом рухнет — ты его перерубишь, — крикнул Трубецкой.

— Такое оружие надо запретить, — серьезно заявил Тарутин.

— Почему, граф? — спросил Солей. — Это же палаш. Ну, чуть длиннее, чуть тяжелее.

— Это варварское оружие в наш просвещенный век.

— Не смешите, граф. А пушки?

— Пушки — это оружие прогресса, — строго произнес Тарутин.

— Заумно-то как... Друзья, как только закончится эта кампания, я вас приглашаю к себе в гости, в Ла-Рошель. И давайте выпьем, чтобы она как можно быстрее закончилась.

— Андре, пойми, она не закончится быстро. Вы, французы, так и не поняли, что перед вами не Европа, перед вами великая Россия, — произнес Трубецкой.

— И все равно, князь, я чертовски рад вас видеть. И вас, граф. Давайте выпьем. Как вам мое вино?.. Мишель, носи свое обещанное мясо!

Когда поздно вечером Солей провожал Трубецкого и Тарутина до постов охраны, князь негромко сказал:

— Зря ваш император не согласился уйти из России. Вас ждет здесь гибель.

— Князь Сергей, вы же знаете, что для мужчины нет ничего прекраснее, чем умереть на поле битвы!

— С этим я согласен! Прощай, Андре.

— До свидания, Сергей. До свидания, Алексей.

— Прощайте, виконт...

И началась та дорога, которая привела Великую армию к гибели. Лошади падали, солдаты дрались из-за еды и тысячами, дезертировав, плелись в конце армии, становясь мародерами по отношению к русским деревням и селам и своим французским товарищам. Степи, подожженные русскими, добавляли к летнему зною жар и гарь. За воду отдавали всё: фамильные драгоценности, деньги, одежду; пили собственную мочу, а потом блевали и корчились от нестерпимых мук в кустах. А русские всё отступали. Солей отпросился у императора обратно в полк кирасиров, хотя гвардия несла лишения меньше всех, и, получив свой эскадрон, бросался в погоню за русскими. Если настигал — дрался, теряя людей и лошадей. Сам был ранен, но легко — особая броня кирасы спасла. Вращал над головой и рубил русских своим палахом, за что был прозван Викингом. В сражении за Смоленск его эскадрон потерял половину кирасиров от огня русской артиллерии и сабель драгунов. Броня кирасы Солея покрывалась бесчисленными вмятинами от пуль, ударов пик и сабель. Он сменил три каски, пока Мишель не нашел каску старого, еще до битвы при Аустерлице, образца. Командир полка Антуан де Робер там же, в Смоленске, пал смертью героя, и император, вызвав к себе Солея, похлопал его по плечу и торжественно произнес:

— Скоро от полка ничего не останется. Отныне, Солей, ты полковник и его командир. Прошу, сохрани его для ре-

шающей битвы. Только, черт, когда же она наступит? Как долго русские будут бежать от меня? Неужели они и Москву вот так, без решающей битвы сдадут? Что же это за война? У меня скоро все станут мародерами. Армия тает на глазах! Битва, битва, нужна единственная, решающая битва!..

Потом русской армией стал командовать Кутузов... и она продолжила отступать. Кутузов, может быть, и ушел бы за Москву, но ни император Александр, ни армия, ни русский народ этого уже не хотели! В России переживать такой позор уже никто не мог.

Когда обе армии остановились у деревеньки Бородино и русские два дня не отходили, а наоборот, стали возводить укрепления, Наполеон обрадовался — наконец-то «встанет солнце Аустерлица!» Он знал, что победит. Его солдаты знали, что победят. Только они не знали, что русские решили умереть непобежденными!

— Ай да Солей! — кричал Наполеон, видя в подозрную трубу, как раз за разом конница со скачущим впереди всадником в блестящих доспехах и с развевающимися белыми волосами врзается в таких же всадников противника и страшный палаш, больше похожий на меч рыцарей-крестоносцев, разит русских, отрубая руки, головы, рассекая тела людей и лошадей. Русские отходили и вновь бросались в атаку.

— Берите с него пример! — кричал, показывая на Солея, своим генералам Наполеон. — Вот она, отвага! Мало, что он изображен на барельефе Вандомской колонны, — надо заказать Давиду картину с этим беловолосым викингем на этом поле сражения под Москвой! Величайшего сражения всех времен и народов! Браво, Солей!

От полка кирасиров не осталось и трех эскадронов, когда они пошли в атаку на так же закованных в панцири русских всадников. Все решили умереть, но не сдаться, и было непонятно, кто громче выл — умирающие лошади или умирающие люди. Солей вертелся волчком на втором за день коне и рубил, рубил, рубил. Кираса его была измята и в нескольких местах пробита, каски не было, он был с головы до ног в крови — своей и чужой. И все-таки русские не

выдержали и с криком: «Белая смерть!» — повернули коней. Остатки эскадронов Солея в пыли схватки поскакали за ними, но вдруг русские всадники разъехали в стороны, и французы на хрипящих от скачки и усталости конях выскочили прямо на русские пушки. Картечь в упор сделала свое дело — падали, хрипя, кони, кирасиры летели через их головы, ломая руки, ноги, шеи, или уже мертвые, изрешеченные картечью падали на землю. Всего двух залпов десятка пушек хватило, чтобы две сотни всадников вместе с лошадьми пали замертво на поле битвы. Только слабое ржание умирающих лошадей проносилось над землей. И вдруг из этой кровавой кучи людей и лошадей поднялся один — в окровавленной одежде и разбитых доспехах, без каски, с мокрыми белыми волосами и палашом в руке.

— Белая смерть! — закричали от орудий, и стоявшие рядом гренадеры бросились на поле. — Хватай его, ребята! За такую птицу не то что водки — денег дадут!

Выставив вперед ружья со штыками, солдаты подбежали к Солею и закричали:

— Сдавайся, такую мать! Сдавайся, а то всего исколем!

И тут произошло неожиданное: беловолосый воин стал двумя руками вращать свой палаш; полетели отрубленные пальцы и руки, перерубались штыки и стволы ружей.

— Братцы! Пали в него, пали! — закричали русские и стали стрелять. Пули рикошетили по броне, пробивали ее, впивались в незащищенные ноги и руки... Беловолосый воин упал на колени и продолжал в каком-то исступлении махать палашом, не давая ударить штыком, чтобы сразу — насмерть.

— Заговоренный он, что ли? Пали, братцы! У-уу... сука!

Еще раз выстрелили, и француз упал на спину.

— Добивай его! Сколько же он наших-то поубивал?! Не счесть! Бей!.. — и занесли над распростертым на земле телом с зажатым в руке палашом штыки. — На, получай!

А на холме, видя все в окуляр подзорной трубы, кричал император французов:

— Да помогите же ему! Мюрат, чего ты стоишь? Пошли гусар, егерей, кто самый быстрый — спаси его.

— У меня нет этих «самых быстрых», — спокойно ответил маршал и уже король Неаполитанского королевства. — Я не буду бросать своих кавалеристов на русские пушки из-за одного солдата!

— Он не солдат — он полковник. А с этой минуты еще и граф. Де Сегюр, запишите, что я сейчас сказал. А то, как всегда, забудете. Я дарю Солею титул графа! — Наполеон опять посмотрел в трубу. — Только боюсь, что поздно, русские его убили! Де Сегюр, проследите, чтобы после боя нашли и принесли его к моей палатке — я хочу похоронить его со всеми почестями, достойными его подвига. Он это заслужил!

Х

— Не сметь! — раздался голос над головами гренадеров, занесших штыки. — Не сметь!

Подскакавший всадник в окровавленной белой форме русского подполковника соскочил с коня и, расталкивая солдат, подбежал к лежавшему Солею. Опустился перед ним на колени и приподнял голову француза.

— Андре, друг мой, не умирай.

Солей открыл глаза и, узнав, хрипло зашептал:

— Сергей, князь, вот и встретились.

Он водил руками по форме подполковника, стараясь уцепиться, и от его пальцев на этой красивой форме оставались кровавые полосы. Подскакали несколько всадников, и подполковник приказал:

— Отвезите его в мою палатку и приведите лучшего хирурга. Только доведите.

— Слушаюсь, князь! — ответил один из всадников, и они стали слезать с лошадей.

— Да как же так, господин подполковник, да посмотрите, сколько он наших солдатских душ-то погубил, скольких калеками-то сделал? Он же душегуб! Да ему его же саблей надо здесь же голову отрубить, — крикнул один из солдат.

Трубецкой презрительно посмотрел на сказавшего эти слова солдата и приказал громким голосом:

— Почему здесь столпились? А ну к пушкам! — и опять обратился к всадникам: — Везите, и очень осторожно.

— Да кто же он, ваше сиятельство, чтобы о нем так заботиться?

— Белая смерть! Пойдите, — Трубецкой, подняв с земли палаш, протянул всаднику: — Тоже отвезите в мою палатку.

— Что же это за сабля такая необычная? А тяжелая-то...

— Меч викинга! Везите...

Когда князь и всадники с безжизненным телом француза уехали, солдаты стали ругаться:

— Да что же это творится, братцы? Мы умираем, а графы да князя душегубов французских спасают и лечат?

— Мы мочу пьем, а этого сейчас вином отпаивать будут?

— За что же это мы свою жизнь-то ложим? Господи, как же это так?

— Как же, жди, услышит тебя господь! Князюшко-то со своим бусурманином к Боженке никак поближе, чем мы.

— За что страдаем? Так бы взял сейчас да пальнул бы по ихнему сиятельству... Видел, какой он чистенький да холеный? Как умирать, так нам, мужикам!

— Так вестимо кому — нам!

От пушек истошно закричали:

— Хранцуды! Бегите, братцы, скорей сюды!

И солдаты побежали под защиту полыхнувших огнем пушек.

— Ваше величество, тут к вам старый гвардеец просится, — сказал Наполеону его адъютант граф де Сегюр. — Говорит, что денщик погибшего полковника Солея.

— Пропустите его, граф. Это Мишель, я его знаю.

Вошел Мишель в медвежьей шапке и стал навтыяжку перед императором.

— Что, Мишель, случилось? Нашел своего хозяина? Искали же тщательно — нет нигде.

— Ваше величество, раз нет, то, может, в плен попал?

— Может. Если в плен, то, возможно, жив.

— Ваше величество, разрешите, я к русским пойду. Буду искать.

— Как это — пойду? Да они тебя сразу и расстреляют как шпиона.

— А я одного важного русского барина знаю. Князь Трубецкой... Серг... Серж.

— Точно! Они же с Солеем хорошо знакомы. Почти родственники. Ладно, иди... Я тебе письмо напишу — показывай русским офицерам, они все французский язык прекрасно знают, лучше, чем свой. Наполеон подошел к столу и написал:

Господа!

Сей славный солдат моей гвардии ищет своего хозяина, полковника Андре Солея, графа Роше, возможно, попавшего к вам в плен во время великой битвы под Москвой. Прошу вас, окажите ему помощь и направьте его к князю Сергею Трубецкому, подполковнику гвардии.

Наполеон.

Император протянул письмо гвардейцу:

— Я думаю, с таким письмом тебе помогут. Это же послание от самого императора Франции! Оружие оставь, а вот шапку не забудь. Они по ней узнают моих старых гвардейцев и, говорят, очень уважают. Мишель, все знают, что ты знахарь отменный. Я же помню, как ты Солея в седьмом году от неминуемой смерти спас.

— Это у меня от бабки-колдуньи. Ее сожгли на костре.

— Значит, хорошая колдунья была, коли сожгли. Если Солей жив, то должен быть при смерти, я видел, как его русские увечили. Правда, я бы на их месте так же сделал. Уж больно много он русских солдат убил. Найдешь — помоги как знатный колдун. Да скажи ему, что я удостоил его титула графа, так что «их сиятельство» обязан выжить. Я тебе и грамоту о даровании ему графского титула с собой дам, найдешь — передашь. Не потеряй только. Она же именная, без копий. Для него, я думаю, лучше всяких твоих бальзамов будет. И еще скажи, что я его жду... Возвращайтесь... вместе, — Наполеон крикнул за дверь: — Де Сегюр, помогите Мишелю пройти через наши посты к рус-

ским, скажите, что он несет очень важное письмо. И дайте ему хорошую лошадь.

— Не надо лошадь, ваше величество. Я своими ножками все ваши кампании начиная с Итальянской прошел да до вас двадцать лет королям Людовикам служил. Куда я на лошади среди русских? Пристрелят за лошадь!

— Ну иди, солдат! — и когда Мишель вышел, император задумчиво произнес ему вслед: — Вот на таких Мишелях Франция стоит.

Наполеон прошел к столу, заваленному картами, и тут же забыл и о Солее, и о славном гвардейце. Он думал, как выиграть еще одно, последнее сражение. Потери за один день битвы были гигантскими, какая там славная победа — половина армии лежала мертвой на поле под малюсенькой русской деревенькой с таким странным и непонятным названием Бородино.

Солея принесли в палатку князя Трубецкого. Пришел рассерженный и злой хирург в кожаном фартуке и кожаных нарукавниках. Кровь стекала с фартука, а руки были красно-коричневыми от запекшейся крови.

— Ну и зачем меня сюда притащили? — кричал хирург. — У меня там три стола и десятки солдат, которым надо ампутировать руки и ноги, иначе они погибнут. Я только что удалил раздробленные осколки костей в ноге у князя Петра Ивановича Багратиона, а вы еще меня сюда вызываете? Кто у вас? Почему не сразу на стол доставлен?

— Господин доктор, это француз. Офицер. Его приказал доставить сюда прямо с поля боя князь Трубецкой.

— Француз? Князь Трубецкой? Ничего не понимаю... Ладно, давайте быстро, — хирург вошел в палатку. На земле без движения лежал окровавленный человек в разбитой, продырявленной кирасе. Вся одежда была настолько пропитана кровью, что та стекала на землю и человек лежал в луже крови.

Хирург закричал:

— И зачем меня притащили? Что я, мертвых не видел? Скажите князю, если, конечно, он сам в этой мясорубке

выживет, что он зря притащил к себе мертвеца, — хирург повернулся, чтобы уйти, и в этот момент человек на земле застонал. Хирург удивленно обернулся.

— Неужели живой? Ладно, посмотрим. Помогите мне снять это железо. Где моя сумка? Санитар, такую мать! Где ты, сволочь...

С раненого срезали ремни и сняли броневые пластины, разрезали одежду и рубашку на теле. На шее у француза висели золотой медальон с неровным отверстием в центре и смятая пуля на шнуре. И вся грудь была в круглых и рваных ранах.

— Вот это да! — сказал хирург. — Как из пушки картечью в упор! В чем же душа-то у него держится? Не жилец. Ладно, давайте удалим, что можно.

Хирург взял из своей сумки кривой зажим и стал ковыряться в теле лежащего на земле человека, вытаскивая и бросая в сторону смятые пули, обломки штыков, пушечную шрапнель. Сколько мог, вытаскивал, обтер вспотевший лоб тыльной стороной ладони — чужая кровь капала с его руки на землю — и устало произнес:

— Черт, все это бессмысленная трата времени. Меня русские люди ждут! Так и скажите князю, если он раньше ко мне на стол не ляжет. Накройте этого какой-нибудь тряпкой, какая почище. Можете и лицо. Мертвяк. Санитар, такую мать, заснул, сволочь... бери инструменты и пошли.

Хирург вышел, а санитар, подскочив к лежащему на земле человеку, схватил золотой медальон и потянул, чтобы сорвать цепь. Та оказалась на удивление крепкой и никак не рвалась, только впиалась в шею лежащего мертвого человека в чужой офицерской форме. И вдруг этот мертвый офицер резко схватил руку санитара и сдавил. Дикий вопль раздался в палатке. Санитар выдернул руку — пальцы были сломаны. Он с остервенением и бранью несколько раз пнул тяжелым сапогом лежащего на земле человека и с воем выскочил из палатки.

Битва шла целый день и остановилась только из-за наступившей темноты. Никто не считал ее закончившейся —

французы полагали, что они победили, а русские — что не проиграли. На поле у деревенок Бородино и Семеновское внавалку, друг на друге, лежали десятки тысяч убитых людей. И тысячи лошадей мертвыми глазами смотрели на за-
тухающее ночное небо.

Половины русской армии не было! Но русские не хотели отходить и с утра были готовы вновь драться столь же мужественно и остервенело. Раненых, кто мог подать голос да двигаться чуть-чуть, вытащили с поля сражения, а кто не мог и только глазами хлопал или был ранен в живот, оставляли умирать. Около палаток полевых лазаретов огромными кровавыми кучами лежали отрезанные руки и ноги. Но когда Кутузов принял решение отступить, всех раненых, оставшихся без ног и рук, бросили возле уже пустых палаток хирургов. Уходили только те, кто мог идти, и только раненых офицеров повезли на телегах — побоялись дворян бросить, а так бы и их бросили. Князя Трубецкого фельдмаршал Кутузов послал к Мюрату, и князь договорился, что русским войскам дадут возможность уйти за Москву. И колонны уставших, безмолвных солдат и телеги с окровавленными телами потекли угрюмыми, молчаливыми потоками через старую русскую столицу.

— Кстати, маршал, — напоследок сказал Мюрату князь Трубецкой, — мы пленили вашего полковника Андре Солея. Он в нашем лагере. Мы можем его передать вам. Я распоряджусь.

— Зачем? Солей для всех мертв! Так будет лучше для всех. Идите, князь, иначе, я расстроюсь и откажу в своей любезности. И передайте Кутузову, чтобы приготовил ключи от Москвы. Император любит, когда жители приносят ему ключи от покоренных столиц.

— Это уже не ко мне. Спасибо и на том, маршал.

А Солей не умирал — хрипло дышал в беспомощности, булькал кровью, а не умирал! Князь Трубецкой приказал положить его на телегу рядом со смертельно раненым Алексеем Тарутиным. Тому тот же хирург, что осматривал Солея, отрезал обе ноги выше колен, и теперь Тарутин ок-

ровавленным обрубком лежал рядом с человеком, который несколько недель назад дружески пил с Алексеем вино, а теперь, как все считали, был виновным в его смертельных ранах. Так тихо говорили слуги князя и окружающие солдаты. Все жалели умирающего графа Тарутина. «Совсем еще не пожил, — говорили, качая головами. — Молоденький-то... О-о-о, господи!» И еще больше ненавидели лежащего рядом окровавленного француза, как будто это он один был виноват в гибели русской армии, в ее позорном отступлении от границы, а теперь и за Москву. Ненавидели и, если бы не боялись князя Трубецкого, с огромной радостью выкинули бы его из телеги за дорогу на съедение волкам и собакам. А теперь приходилось этих двух офицеров, дворян, прикрытых, чтобы не замерзли от осеннего ночного холода, солдатскими шинелями, на простой крестьянской телеге везти к Москве. А Сергей Трубецкой, отстегав плеткой слуг, приказал им ехать в Москву и срочно гнать навстречу две коляски для Тарутина и Солея.

— Не приведете коляски и не довезете обоих домой — заporю до смерти! Скачите, сучьи дети! — и еще раз больно хлестнул плеткой по сгорбленным спинам. — Еще здесь?! Вон!

В Москве, в рядом стоящих домах Трубецких и Тарутиных, узнав, что требуются коляски для раненых, завывали и никак не могли понять, для кого нужны коляски — для обоих или для одного? Крестились и молили Бога: помоги, спаси! Приехавших слуг отхлестали по спинам и щекам за беспамятство и дурные вести и послали других, приказав скакать во весь опор. А как тут поскачешь, если всю дорогу, от края до края, заняли уходящие через Москву русские войска. Но то ли от страха, что накажут, то ли и правда проворней эти слуги были, но они, где по обочине, где по тропиночке, доехали до телеги и с осторожностью переложили неподвижные тела смертельно раненных офицеров в коляски с подушками и одеялами и уже со всей массой отступающих войск медленно поехали к Москве.

И в Москве не задерживались — приказано было оставить старую русскую столицу, и под вой Тарутиных, увидев-

ших изувеченного единственного сына, побросав в телеги, как всегда бывает, самое ненужное — хрусталь, картины, ковры, — две семьи поехали за Москву в имение Тарутиных под Тверью, боясь, что придется бежать дальше, в Петербург. А больше всего боялись за Алексея Тарутина и не понимали, зачем Сергей Трубецкой потребовал везти с собой и какого-то умирающего француза.

Этот француз, как и все французы, сейчас для семей Трубецких и Тарутиных, как для всех русских людей, был врагом, который не просто напал на их отечество, принес горе и разорение, но и олицетворял собой того человека, который смертельно ранил единственного сына графов Тарутиных. И от подкатывающей к горлу ненависти к этому французу никуда бы его не повезли — оставили бы умирать в Москве, если бы Трубецкие не получили письмо от сына Сергея, в котором он писал, что раненый француз — Андре Солей, виконт, полковник и... их дальний родственник, о котором он рассказывал им в теперь уже таком далеком 1807 году. Не письмо бы... бросили с радостью!

Армия за Москвой остановилась, и ехать стало легче: все едущие по дороге на Петербург семьи русских дворян были знакомы по балам, торжествам и своей принадлежности к высшему светскому обществу России. И у каждой семьи были отдельные коляски с ранеными в битве при Бородине офицерами — родными и близкими. Когда же узнавали, что в одной из колясок лежит умирающий французский офицер, плевались и переставали разговаривать, и это еще больше угнетало Тарутиных в их безутешном горе. Старый князь Петр Трубецкой тоже чувствовал эту немоту по отношению к нему едущих рядом дворян, но он был князь Трубецкой и ему было наплевать на них — он считал себя выше их по своему происхождению — эти графы вели свою дворянскую родословную всего лишь со времен царя Петра Великого или уж совсем недавно — с царствования государыни Екатерины II. Не ровня они были князю! Правда, Трубецкой и сам выкинул бы из коляски этого «низкородного родственника», если бы не письмо

сына. Князь Петр знал, что у Сергея характер был в него — жестокий, и ссориться из-за какого-то француза не хотел. Тем более сын ранее рассказывал, что к этому французу очень хорошо относился в 1807 году сам император Александр. Посчитал про себя князь Петр: выживет — может, и пригодится.

В Тверской области, в имении Тарутиных, раненых положили в разные половины дома: Алексея — в половине Тарутиных, где за ним ухаживали слуги, родители и сестра Анастасия, а Солея — в половине Трубецких, в угловой комнате, поближе к черному входу, чтобы никому не мешал и не беспокоил. Недалеко от имения жил местный фельдшер, за ним послали слугу. Старенький, лысый, немного пьяный, с дрожащими руками фельдшер первым осмотрел сына хозяев имения, Алексея. Он поднял одеяло, и на него пахло вонью гниющего мяса. Повязки на культиях были засохшими, но фельдшер оказался знающим свое дело и неробким человеком. Он потребовал принести побольше теплой воды, отмочил и аккуратно снял все повязки; обмыл раны и наложил чистую льняную ткань, а на вопрос родителей: «Как там, Трофимыч?» — честно ответил, что надо уповать на Бога, а он, что от него требуется, будет делать. И ушел к Трубецким.

И опять, не брезгуя, взяв помощниками пару слуг, раздел Солея, приказав всю окровавленную одежду выбросить, и ахнул: раны, из которых достали пули, нагноились, а еще из десятка ран торчали сплюснутые пули и осколки картечи.

— Кто ж его так? — удивился фельдшер.

— Говорят, наши, русские, — радостно ответили слуги.

— Он что, не наш?

— Бусурманин. Хранцуз.

— Ого! Как его хорошо-то наши отделали. А чего он здесь?

— Так князь Сергей приказал. Он вроде как его знает.

— Не жилец он, конечно, но все ж человек, раб божий, пусть и ихнего бога. Бросать человека без помощи нельзя! Не по-христиански это.

Фельдшер открыл свою сумку и достал завернутые в чистую белую материю инструменты, бутылочку с надписью «Яд», отхлебнул из нее, с удовольствием крикнул и, произнеся: «С Богом!» — начал старательно вытаскивать застрявшие в теле пули и осколки. Потом обмыл тело раненого теплой водой, жалостливо посмотрел на посудину с ядом, обтер жидкостью из нее раны. Раненый от этого застонал, а Трофимыч сказал: «Надо же, живой!» — и наложил повязки из отданного ему Трубецкими большого куска льняной ткани.

И когда его стал спрашивать князь Трубецкой о состоянии француза, ответил, как и Тарутиным, что все в руках божьих, но добавил:

— Ну и здоров же этот француз! Я таких еще не видел. Целый десяток простых-то людишек давно от таких ран померли бы, а он, смотри-ка, дышит... Но не жилец, не жилец. Однако, если есть такая возможность и желание, посадите рядом с ним какую-нибудь умеющую ухаживать за детьми бабу. Всё бывает! Вдруг очнется. Пить захочет, да и перестелить. А я завтра заеду.

Князь и граф чуть ли не с поклоном проводили Трофимыча до дверей. От предложенных денег тот наотрез отказался и только попросил:

— Нельзя ли, ваши сиятельства, получить натурой — бутылку какого-нибудь вина. Я-то его не потребляю, душа не принимает, мне бы, как русскому человеку, что покрепче, а вот жене и дочкам на какой праздник — всё не церковный кагор.

Трофимыч был одарен двумя бутылками вина, чему он был рад настолько, что готов был тут же остаться. Но потом все-таки уехал домой, попросив назавтра непременно, отправить за ним коляску. Что и было ему обещано плачущим графом Петром Тарутиным.

Как горела Москва, было видно и отсюда, за десятки верст от русской столицы. Дым и гарь, если ветер был в сторону Твери, доносило до имения, и в эти дни плотно закрывали окна, на которые для пущей защиты навешивали сырую ткань.

Алексей Тарутин прожил неделю; иногда ненадолго приходил в сознание, радуясь, что видит родителей и сестру, потом опять впадал в забытие. Тело его горело, сохло, черты лица все более и более заострялись, запах гнилости уже не мог перебить такой же резкий запах карболки. В конце концов смертельные раны взяли свое и он умер. На деревенский погост его не понесли, а похоронили тут же в имении, в саду, под молодым дубком, как будто хотели передать неистраченные силы юного графа такому же молодому дереву, чтобы оно впитало его соки и росло долго-долго.

Графы Тарутины, похоронив единственного сына, будто впали в спячку: ходили сгорбившись, иногда выходили из дома, о чем-то говорили слугам, но так невнятно и тихо, что те не понимали, чего же от них хотят, но низко кланялись и бежали якобы исполнять приказания, а сами, отойдя за угол, плакали по страданиям своих хозяев. Анастасия, закрывшись в своей комнате, много, но тихо плакала и стала сильно кашлять. Всем хозяйством руководил управляющий Порфирий, уже старый и больной человек. Тарутины с Трубецкими встречались, но как-то отстраненно, и у Трубецких появилось большое желание ехать дальше, к себе домой в Петербург. И уехали бы, но удерживал раненый француз — он никак не хотел умирать, а везти умирающего только для того, чтобы он умер по дороге, страшило их как православных людей, они боялись возникновения плохой молвы — мол, заморили, и это пугало их даже больше.

Фельдшер Трофимыч временами приезжал, вроде старался, но как-то необязательно; у Трубецких своего вина не было, просить у Тарутиных было неловко, а денег Трофимыч не брал. Как будто чувствуя какую-то вину перед семьей Тарутиных, он быстро осматривал умирающего француза, советовал давать побольше пить ягодных морсов и уезжал. Все ждали смерти француза и уже отдали распоряжение слугам, чтобы похоронили его не на кладбище, а просто в поле, и чтобы никакого могильного холмика — никакой памяти. Слуги были этому приказанию рады.

И тут произошло необычайное. Приехал из армии адъютант Сергея Трубецкого и привез с собой французского солдата в высокой медвежьей шапке и письмо от Сергея. Сын писал, что этот солдат по имени Мишель — слуга Андре Солея, что он пришел к нему из французской армии с письмом от самого императора Наполеона с просьбой помочь этому солдату найти его хозяина графа Андре Роше. О поступке этого солдата знает даже государь, и он, как и все офицеры русской армии, восхитился этим французским солдатом настолько, что отправил письмо императору Наполеону, в котором хвалил верность этого солдата и обещал все сделать, чтобы французский солдат исполнил свой долг. Сергей просил родителей помочь этому верному солдату — он умеет лечить всякими мазями, травами и настойками.

Тарутины отнеслись к появлению в их доме еще одного француза безразлично и холодно, и даже переданная им просьба русского царя не произвела на них впечатление. «Что нам сейчас?» — ответили они на рассказ о солдате и ушли в свою половину. Анастасия не вышла — она все сильнее и сильнее кашляла, худела, слабела, болезненный румянец играл на ее бледном лице, ей становилось все хуже и хуже. Ее, по просьбе родителей, осмотрел Трофимыч и, послушав своей деревянной трубочкой, сказал испуганно: «У графини хрипов много, — застой в груди. Надо бы больше ходить по воздуху, попить чая с малиной, а лучше попариться хорошенько в бане». Тарутины понимали, что Трофимыч прав, но почему-то остались равнодушны к его советам, а Анастасия продолжала сидеть в своей комнате, все сильнее и сильнее кашляя.

Мишель же без всякого разрешения построил слуг Трубецких на улице, на холоде и через одного из них, неплохо знающего французский язык, стал отдавать строгие и жесткие, какие бывают у военных, команды, предупредив, что они должны беспрекословно слушаться его, исполнять «бегом» его приказания, а тот, кто будет лениться или неправильно их исполнять, будет наказан, как наказывают в армии во время войны. Как — он не уточнил, зато всё им

сказанное слуги поняли и, упав на колени перед Трубецким, стали умолять избавить их от «этого бусурманина», на что старый князь Петр Сергеевич ответил, что он еще добавит плетью, если они будут лениться, и что помощь Мишелью не освобождает их от обязанностей по дому.

Мишель, выпросив у Трубецких побольше чистой льняной ткани, увидев которую, восхищенно зацокал языком, заставил нагреть как можно больше воды, закрылся в комнате, где лежал не приходящий в сознание Андре Солей, всплакнул, увидев, как его хозяин стал худ и бледен и сколько на его теле страшных ран, которые гноились и воняли, вымыл его всего с какими-то травами, а потом наложил повязки с приготовленными мазями из порошков, которые были у него в ранце, и влил ему в рот какой-то настойки. Солей, до этого бредивший от постоянного жара своего тела, заснул, и дыхание его стало ровным.

Фельдшер Трофимыч, узнав, что раненого француза лечит прибывший простой солдат — «тоже бусурманин», плюнул то ли на радостях, то ли от злости и запил, благо ни Тарутины, ни Трубецкие его больше не приглашали.

Мишель с утра уходил в лес и собирал уже желтые травы и ягоды. Потом, взяв с собой одну из хозяйских женщин — сам указал на русоволосую, сероглазую тридцатилетнюю вдовую Дуню, — ходил уже с ней несколько дней в лес, собирать «русские ягоды». Вначале Дуня приходила из леса испуганная и подавленная, потом на ее лице появился румянец и заиграла странная, блуждающая улыбка, глаза заблестели каким-то таинственным светом, и если они не шли с «Михаилом Ивановичем», как она стала называть Мишеля за его медвежью шапку, в лес, то она грустила и все валялось из ее рук.

А Солей в одну из ночей проснулся и тихо спросил:

— Где я?

Подскочивший с расстеленного на лавке тюфячка Мишель подошел тихо и сказал:

— Слава тебе, Господи! Ожил! Спите, ваше сиятельство. Вам надо спать. Все утром расскажу.

И Солей, глубоко вздохнув, снова заснул...

XI

Мишель все прислушивался к кашлю, доносившемуся из второй половины дома, потом что-то выспрашивал, больше жестами, у Дуни и, приготовив какой-то настой из трав и порошков, не спрашивая ни у кого разрешения, расправив свои большие гвардейские усы и подчесав бакенбарды наперед, прошел в половину Тарутиных, где с порога громким голосом отрапортовал сидевшему за столом графу Тарутину:

— Ваше сиятельство! Дозвольте поговорить с вашей дочерью?

— Ты кто? — удивился Петр Иванович.

— Солдат гвардии великого императора Наполеона.

— Наглец! — крикнула графиня Тарутина. — Петр Иванович, выгони его вон!

— Подожди, Наталья, — сказал граф. — Столь смелых солдат надо уважать. Что тебе надо от нашей дочери?

— Я, ваше сиятельство, слышу, как ваша дочь кашляет, и приготовил для нее лечебный отвар. Честно скажу: у нее очень нехороший кашель. Такой кашель бывает при чахотке.

— Господи! Да что позволяет себе этот мужик? — закричала графиня. — Да что же это такое происходит?

— Ты что, умеешь лечить? — не обращая внимания на причитания жены, удивленно спросил граф Тарутин. — Я уже слышан, что ты поднял на ноги своего хозяина. Лучше бы ты его не спасал.

— Да, умею, ваше сиятельство. Это от бабки у меня. Она колдуньей была.

— О ужас! — вскрикнула графиня Наталья.

— Где ж ты, колдун, раньше был, когда у нас сын от вашего ядра мучительную смерть принял?

— Ваше сиятельство, смерть на поле боя и за свое отечество не может быть мучительной. Это для нас, французов, смерть мучительная — мы в России, а для вас, русских, она славная.

— Хорошо сказано, — тихо произнес граф. — Иди... Эй, проводите солдата к графине Анастасии.

— Как ты можешь, Петр? — произнесла сквозь слезы графиня Тарутина.

— Наталья, ты хочешь потерять еще и дочь? Ты же видишь, что она чахнет. И не от любви. Может, и правда колдун поможет?

Мишель пробыл у графини около часа. О чем он с ней говорил, никто не знал, но вышел довольный, и посудины с «колдовским напитком» при нем не было.

— Ну что, солдат? — спросил поджидающий его граф.

— Если графиня не станет принимать мое лекарство, то может случиться непоправимое. Прошу, ваше сиятельство, повлияйте на графиню как родитель, — и, вытянувшись перед графом, поднес руку к виску, отдавая честь, а затем четко повернулся и вышел.

— Ты... ты что себе позволяешь? Как смеешь говорить такое... — задохнувшись от услышанного, произнес, заикаясь, граф и заплакал.

Дуня на «Михаила Ивановича» не смотрела и зло кусала платок, а по красивому лицу бегали красные пятна. Ревновала к барыне?!

Что произошло, как колдовской напиток повлиял на молодую графиню, неизвестно, но на следующий день она вышла из своей комнаты и, держась за стеночку, прошла в столовую, где сидели грустные граф и графиня, и попросила чаю. Родители зарыдали, слуги забегали, усаживая Анастасию за стол; девушка съела чуть-чуть пирожка и выпила полчашки чая с малиной. От чая раскраснелась и, сославшись на духоту в доме, попросила отвести ее в сад, но была настолько слаба, что две служанки подхватили ее под локотки и провели в садовую беседку. Была та пора золотой осени, когда лист, уже желтый, еще держится на деревьях, а холодный воздух изумительно чист и всё в природе говорит, что вот-вот упадет первый снег.

И Солей стал потихоньку поправляться. Раны его после мазей покрылись коростами, которые вскоре отпали, и уже чистые стали затягиваться молодыми розовыми рубцами.

Мишель приказал принести самое большое, какое нашлось в доме, корыто, выдраил его с песком, налил горячей

воды, набросал туда собранные в лесу травы и корни и в этот настой перенес исхудавшего Солея. С осторожностью, но очень тщательно вымыл его, затем насухо обтер и смазал заживающие раны какой-то приятно пахнущей мазью, уложил в постель и напоил чаем с малиной по способу, которому его научила Дуня. Накрыв его затем одеялом и несколькими бараньими шубами, которые отобрал у слуг князя Трубецкого, сказал:

— Спице, ваше сиятельство.

— Что это? — спросил Солей, отпивая из чашки пахнущий горячий напиток.

— Русский чай... Спице, ваше сиятельство. Сейчас уже всё позади, сейчас уже пойдете на поправку.

— Почему, Мишель, ты так старательно называешь меня сиятельством? Раньше за тобой этого не наблюдалось. Я же виконт, и, значит, обращение ко мне, как и ранее, — ваша милость.

— Так вы же сейчас граф!

— Ты своих корней объелся?

Мишель взял свой походный ранец и достал свернутый пергамент со свисающими на шнурах печатями.

— Вот, полюбуйтесь, ваше сиятельство! Мне эту бумагу о вашем графском звании сам наш великий император дал, чтобы, когда я вас найду, вам передал. Вот, по-видимому, время наступило, — и Мишель протянул свернутый в рулон указ Наполеона.

Андре Солей развернул документ, прочитал, и на глазах у него появились слезы.

— Я всем обязан этому великому человеку, — прошептал он. — Мишель у тебя нет вина?

— Сейчас, ваше сиятельство! — Мишель выскочил из комнаты и через несколько минут пришел с красивой сероглазой женщиной с толстой русой косой, уложенной вокруг головы. Та несла на деревянной широкой доске глиняный кувшин, чашки и глубокие глиняные тарелки, полные различных солений: грибов, моченых ягод и яблок, капусты. Еще на доске были куски холодного мяса и черный хлеб. Женщина поставила доску на стол, налила

из кувшина в чашку вина и сказала приятным грудным голосом:

— Кушайте, барин. Выздоровливайте, — улыбнулась, показав ровные крепкие белые зубы, и, поклонившись, вышла.

— Кто это, Мишель? Красивая-то какая!

— Это Дуня. Девка, как все тут говорят. Вы выпейте, ваше сиятельство, это ихнее вино из лесных ягод. Я вам скажу, хорошее вино.

Андре выпил странного на вкус. крепкого вина, и ему вдруг так захотелось есть, что он с удовольствием поел мяса и солений, а когда попробовал хлеб, то восхищенно произнес:

— Мишель, где была эта еда, когда мы шли на Москву? Лучшее, что у нас было, — это консервы в стеклянных банках.

— Это у вас, офицеров, консервы, а солдат и куску конины был рад. А теперь, я думаю, и конины нет.

— Армия в Москве?

— Да.

— Так почему же нет еды?

— А Москвы нет.

— Как?

— Русские ее сожгли.

— О-о! Как это похоже на русских. Бедная армия. Бедный император! Что же сейчас будет?

— Не знаю, — грустно ответил Мишель.

— Налей мне еще этого необычного вина, — выпив, Солей повернулся к стене и замолчал.

— Спице, ваше сиятельство. Вам пора выздороветь, — сказал Мишель.

— Зачем? — глухо и тихо произнес Солей. Слышно было, что его голос дрожит от еле сдерживаемых слез.

— Наверное, чтобы жить. Я тоже хотел умереть, а сейчас не хочу.

— Почему?

— Не знаю...

— Знаешь, Мишель, знаешь. Это всё красивая русская женщина... Дуня.

— Может быть, ваше сиятельство...

Солей не ответил — он спал.

Когда Андре проснулся, на него смотрели необыкновенные, карие с каким-то вишневым отливом, грустные глаза.

— Кто вы? — тихо спросил удивленный Солей, разглядывая русоволосую, чуть-чуть курносую девушку, на бледном лице которой играл болезненный румянец. Девушка кашлянула в платок, ее лицо покраснело, но не от кашля, а от стеснения, и она тихо произнесла:

— Меня зовут Анастасия. Я дочь графа Тарутина, в чьем имени вы находитесь.

— Тарутин? — произнес раненый, как будто что-то вспоминая. — Я знаю одного русского офицера, капитана — графа Алексея Тарутина. Он друг Сергея Трубецкого.

— Это мой брат.

— А я считал, что нахожусь в семье Трубецких...

— А разве Мишель не говорил, что вы в нашем имении?

— Нет. Точнее, я не спрашивал. Как ваш брат?

— Он погиб от раны ядром, полученной в сражении под Москвой.

— Как мне жаль. Поверьте, я не виноват в его гибели. Я не стреляю из пушек.

— Я знаю. Мне показали вашу ужасную саблю.

— Ваше сиятельство, Анастасия, я — солдат. И как солдат я воюю, но воюю честно.

— Вы всю жизнь только воюете?

— Вы можете мне не верить, но большую часть жизни я провел дома и плавал по морю на кораблях. Мои предки — все рыбаки.

— Как это, если вы граф?

— Я даже не знал, что я граф. Этот титул мне дал мой император после битвы около этой деревеньки... как ее?

— Бородино.

— Точно, Бородино. Об этом мне рассказал Мишель.

— Вас, раненного там, в сражении при Бородине, подобрал Сергей Трубецкой и отправил сюда, за Москву, со

своими и моими родителями и моим раненым братом. Мы соседи в Москве.

— А ваши дома в Москве? Что с ними?

— Наверное, сгорели. Французы Москву сожгли.

— А Мишель сказал, что русские.

— Я не знаю точно.

— Великий император победил, — гордо произнес Солей.

— Нет. Вы не победили. Вы будете побеждены, — столь же гордо сказала девушка, и румянец заиграл на ее щеках.

— Почему вы так говорите, графиня Анастасия?

— Я знаю, и это знают все русские.

— А разве не заключен мир с вашим императором Александром?

— Наш государь никогда не пойдет на заключение мира с вашим императором. Мы — русские, и мы вас победим.

— Но вы же проиграли — Москва наша.

— Москва — еще не вся Россия!

— О господи! — воскликнул Солей.

— Ах, о чем это я? Простите, граф, вам нельзя волноваться.

— Прошу вас, Анастасия, называйте меня Андре.

— Хорошо, Андре. Отдыхайте, я пойду прилягу. Я боле-
ла, а ваш Мишель стал меня лечить, и мне стало лучше.

— Мишель может всё — он не просто солдат, он внук колдуньи.

— Да?!

— Вы еще придете ко мне, сударыня?

— Я не знаю... Если вы не возражаете. И если это удобно.

— Что вы, я буду счастлив! — и лицо Солея залилось краской стеснения, такой же как кончики его волос. А Анастасия вдруг тихо засмеялась и сказала:

— Какие у вас странные волосы... и глаза... Я пойду, — и ушла, а Андре с бьющимся сердцем приподнялся на подушках и крикнул:

— Мишель! Мишель!

Когда Мишель вошел, Солей потребовал рассказать ему все, что произошло, и тот, спросив у графа разрешения

сесть на лавку, стал подробно рассказывать всё, что он знал, о битве под Москвой, о пленении Солея, о письме императора и даровании Солею графского титула, о поисках в русском лагере «барина» Трубецкого, о своем появлении уже здесь, в имении Тарутиных, и о смерти их сына Алексея.

— Письмо императора я вам уже показывал. Вот оно, на столе лежит.

— А как ко мне пришла графиня Анастасия?

— Это я ее попросил.

— Ты? Как это?

— Она меня спросила, чем она может меня отблагодарить за ее спасение. Это она так сказала, а не я. Я всего лишь приготовил нужный отвар из трав. Она очень болела — застудила грудь, и у нее развилась бы чахотка, но я думаю, что теперь, когда она стала ходить, все будет хорошо. А еще лучше, если она поедет к теплому морю, такому, как в Ла-Рошели.

— К морю... — задумчиво произнес Солей, и глаза у него увлажнились. — К морю... Продолжай.

— Я и попросил ее навестить вас. Вот и всё.

— Вот и всё... — опять задумчиво произнес Солей и перед его глазами появился образ красивой девушки, с необыкновенными, но очень печальными глазами.

— Ваше сиятельство, я сделал что-то не так?

— Ты спас мне жизнь, и поэтому ты мне больше не слуга. Ты для меня старший товарищ.

За окном стало вдруг светло — на землю падал первый снег.

Несмотря на протесты родителей, Анастасия стала навещать Андре, и они подолгу беседовали в комнате, где лежал Солей. Говорили ни о чем и о многом, и Андре все больше и больше узнавал и о девушке, и о России. Когда же она узнала историю семьи Солей и что Трубецкие — дальние-дальние его родственники, когда он рассказал легенду о любви Поля Солея и Натали Трубецкой, девушке стало как-то необычайно легко на душе. Как всякая русская девушка, она мечтала о любви, читала романы, и расска-

занная история удивила и впечатлила ее. Анастасия была очень впечатлительной девушкой, да и рассказчик необычный, с такими удивительными волосами и большими синими глазами, в которых — ей так казалось, — как в море, о котором Андре рассказывал с такой страстью, она тонула. Хотела выплыть и уже не могла.

В один из дней Андре встал. Он так хотел встать и выйти в этот светлый, белый от снега мир, что поднялся, шатаясь, и, поддерживаемый Мишелем, в деревенском тулупе, вышел на улицу. От снега, от холодного воздуха он задохнулся и закашлялся, у него закружилась голова, и он бы упал, если бы не верный Мишель — тот тихонечко довел Солея до садовой беседки и посадил на скамейку. Андре сидел, вдыхал холодный воздух и смотрел на высокие зеленые ели, которые, как и такую зиму, он видел впервые. Он удивлялся — почему же они зеленые? А потом тихо подошла Анастасия и села рядом, и они сидели вдвоем и смотрели на запорошенные первым снегом ели и землю, и вдруг Андре грустно сказал:

— Как же там император, как же там Великая армия, если у вас в октябре уже зима и все сказали, что Москва сожжена?

Анастасия не ответила, только тихо улыбнулась, а потом сказала:

— Как же красиво у нас в России. Да, Андре?

— Очень красиво, — грустно ответил он.

Они так и сидели на скамейке, когда опять пошел тихий белый снег. Крыша беседки защищала их от него, и они видели, как всё больше и больше покрываются снегом деревья и дорожка к дому становится совсем незаметной. И чем больше падало снега, тем грустнее становился Солей.

— Я вас чем-то расстраиваю, Андре? — спросила девушка.

— Нет, Анастасия, мне очень нравится, что вы рядом, мне очень нравится, как вы говорите, но мне грустно от этого снега. Я думаю, как же там наша армия...

— Вы думаете о своей армии, а мы, русские, думаем о своей.

— Вы дома, — проговорил Солей, но так тихо, чтобы девушка не услышала.

Но Анастасия услышала и сказала жестко:

— Но вас с оружием к нам, в Россию, никто не звал, — она показала в дальний угол сада, под дерево. — Вон там холмик — это все, что осталось от моего брата.

— Может, вы и правы, Анастасия... Простите, я не хотел вас обидеть. Извините, я пойду, — Солей встал и, не оборачиваясь, ушел в дом. А Анастасия еще долго сидела в беседке и грустно, опустив голову, молчала. На глазах у нее были слезы.

Они не встречались, то ли старались больше не встречаться, но Солей, если выходил из дома, в беседке больше не сидел, а гулял вокруг дома либо старался уйти из имения. Правда, недалеко — его пугал лес, жесткой зеленой стеной вырастающий из белых сугробов. Анастасия молча сидела одна в беседке и, замерзнув, уходила в дом.

Мишель видел, что с его хозяином творится, что-то непонятное, но не спрашивал, а уходил с Дуней куда-нибудь в уголок дома и... учил русские слова, которые на удивление легко запоминал. Играли роль, по-видимому, десятилетия, проведенные на войне, в разных странах, с разными народами, да и многочисленные солдаты-иностранцы со своими языками в армии императора. А может быть, все дело было в красивой русской женщине Дуне? Мишелю никто не мешал ухаживать за ней. После излечения Анастасии он стал уважаемым человеком в доме.

XII

В один из октябрьских дней в доме вдруг всё ожило, хозяева и слуги ходили и улыбались, а потом все вместе ушли в небольшую церковь, стоявшую на взгорке, и вернулись из нее еще более радостные и продолжали креститься и славить Господа.

— Что такое случилось? — спросил Мишеля Солей, и тот побежал к Дуне. Он долго не мог понять, о чем она го-

ворит, из-за ее радостного плача и вновь переспрашивал, перемежая французские и русские слова, а когда наконец понял, что произошло, то удивленно открыл рот, затряс головой и побежал к Солею.

— Ваше сиятельство, они радуются тому, что наш император и наша армия покинули Москву. Как они говорят: «Бежит».

Солей был ошарашен, глаза налились слезами. И старый солдат открыто плакал. А из-за стены слышались смех и радостные крики.

— Я не могу это слышать, — тихо сказал Солей. — Помоги мне одеться.

Надев тулуп, шапку и необычную обувь — валенки, Андре ушел из имения по тропинке в быстро темнеющий заснеженный лес. Мишель хотел пойти с ним, но Солей запретил:

— Ты представляешь, как тяжело сейчас нашей армии? Как я хочу в этот час быть со своими товарищами! Я пошел бы сейчас к ним в одной рубашке и босиком. Господи, как же им тяжело. Господи, спаси их! Не мешай мне, я погуляю и приду, — и ушел один.

К вечеру он не вернулся.

Мишель опять побежал к Дуне и кое-как объяснил, что ему нужен факел. Та, сбегав в сарай, принесла факел и кресало с трутом, после чего Мишель, надев свою медвежью шапку, тоже ушел в лес. Быстро наступала ночь, мела поземка. А в имении радостно пели: Наполеон ушел! Конец позору! Скоро вся русская земля будет свободна!

Ночью поземка перешла в метель. Когда в доме стали уже успокаиваться и укладываться спать, Анастасия, проходя, увидела, как в уголке плачет Дуня.

— Ты, Дуня, чего рыдаешь?

— Они пропали-ии... — завывла Дуня... — И-ии... Пропали.

— Ты что, девка? Напилась? Кто пропал?

— Михайло Иваныч и его хозяин, этот Андрей...

— Как это пропали? — от удивления всплеснула руками Анастасия.

— Хозяин-то, хранцуз, ушел в лес, а потом ушел и Михайло Иваныч. Еще у меня факелы выпросил.

— Давно?

— Давно-о-о, — опять завывла Дуня.

— Дура! Что же ты молчала?

— А кому скажешь-то? Все же радуются, празднуют.

— Беги, буди мужиков. Пусть одеваются и идут искать. И чтобы нашли. Иначе заporю! И тебя заporю!

Дуня взвизгнула и, продолжая выть, побежала в людскую, где жили слуги. Через несколько минут забежали по двору мужики, на ходу натягивая на рубахи полушубки и зипуны, а на голые ноги, забыв намотать онучи, — лапти. Староста Порфирий стоял перед Анастасией с непокрытой седой головой и заискивающе спрашивал:

— Ваше сиятельство, графинюшка, а в какую сторону ушли-то? Мы ведь не знаем... Всех посылать в одну сторону или в разные?

— Ты, Порфирий, что, совсем на старости лет из ума выжил? На Москву они пошли, куда же еще.

— А лошадей можно взять?

— Я тебя, Порфирий, первого заporю, за твою тупость. Бери все, что нужно, и ищи! Я не шучу, заporю!

Порфирий стал командовать, кому куда идти, и сам бил мужиков в спины и кричал: «Заporю!» К шуму и бестолковой беготне по саду мужиков с факелами добавился такой вой выскочивших полуголых и босоногих жен и детей, что вышли недоумевающие, только-только заснувшие старый князь Трубецкой и граф Тарутин и удивленно глядели на всю эту суматоху, ничего не понимая. В конце концов граф поймал за рукав зипуна пробежавшего мимо Порфирия и закричал:

— Да что здесь происходит-то? Пожар, что ли? Или спалить дом хотите?

— А-а-а! У барыни Анастасии спросите. Хранцезы вроде как пропали. И черт бы с ними, но барыня сказала, что, если не найдем, заporет насмерть.

— Как это пропали? — закричал Трубецкой. — Заporю!

— Ну вот, а я что говорю? — крикнул Порфирий.

— Куда они денутся? — протянул Тарутин. — Побродят, подзамерзнут, да и вернутся. Мишеля, однако, жалко.

— Ты, Петр Иванович, говори, да не заговаривайся! Андрей-то мне вроде как родственник. Пусть седьмая вода на киселе, но граф. Ровня тебе.

— Мне, русскому дворянину, ровня? Ты меня, князь Петр, обидеть хочешь? А ты, дочка, чего раскомандовалась здесь? Тебе-то чего?

— Вы, папенька, шли бы в дом, а то застудитесь, а Мишель пропадет — кто лечить-то всех будет?

— А Трофимыч-то на что? Баня и рюмка водки — вот лучшее лечение. Впрочем, я и правда пойду в дом.

— А вы чего стоите? — закричал Трубецкой на своих слуг. — Порфирий, вместо лошадей их запрягай. Да моих-то лошадей тоже бери. А вы, сукины дети, не найдете французов — можете домой не возвращаться, в лесу у лихих людей или среди волков оставайтесь!

Искали почти всю ночь, кричали, аукали, размахивали факелами, проезжали на лошадях и проходили пешком между деревьев туда-обратно и все-таки нашли — как и сказала княжна Анастасия, «ближе к Москве», оба сидели, замерзшие, под разлапистой елью, прижавшись друг к другу, чуть дышали. Положили, как бревна, в сани и повезли в имение. А там, уже никого не спрашивая, затащили в жаркую баню и, несмотря на титулы, от души отхлестали венниками, а потом заставили выпить самогону и, закутав в зипуны и накрыв тулупами, уложили спать на прохладный, пахнувший травой и полевыми цветами сеновал.

Староста Порфирий мял шапку в руках и с опущенной седой головой стоял перед Анастасией и князем Трубецким — ждал, когда прикажут пороть. А баре, расчувствовавшись, одарили всех серебряными рублями и разрешили выпить на радостях.

— Выпейте за победу над ворогом! Свободной скоро вся земля русская будет! — сказал князь Трубецкой. — А мы, графинюшка Анастасия, пойдём-ка в дом, надо мне с твоим батюшкой помириться, да и рюмку выпить — продрог я.

— Пойдемте, пойдемте князь Петр Сергеевич. Сама налью и вам, и батюшке.

— Что это с тобой, графинюшка? — посмотрел на Анастасию князь и, покачав головой, тихо добавил: — Никак влюбилась девка? Это ж надо такое — всех пообещала выпороть за Андрея. Ей-богу, влюбилась. А Сергея, значит, побоку? Да-а, дела! Что-то теперь будет?

На следующий день Солей сидел грустный и молчаливый в занесенной снегом беседке, когда подошла Анастасия.

— Можно мне рядом присесть, Андре?

— Да, сударыня, простите, что я вас не заметил. А по правде — я вас жду.

— Зачем вы, Андре, пошли туда, к Москве?

— Хотел вернуться в Великую армию великого императора.

— Неужели для вас человек, приведший французов к нам, в Россию, на погибель, такой великий?

— Если бы ваш император Александр привел свою армию в Париж, что бы вы, русские, сказали о нем?

— Не знаю.

— Вы бы назвали его великим русским царем.

— Но вы бы не догнали свою армию. Вы бы погибли.

— Я знаю, но ничего не мог с собой поделаться. Я понимаю — я в плену.

— Зря вы так, Андре. Какой вы пленный, вы больше гость. Разве стали бы искать десятки людей пленного, убежавшего зимой в лес. Ну погиб и погиб.

— Я знаю, что вы спасли мою жизнь. Но зачем мне такая жизнь?

— Как зачем? Чтобы вернуться домой к своей жене, к своим детям.

— У меня нет жены и детей. Были, но умерли во время родов, — опустив голову, тихо сказал Солей.

— О господи! Простите меня, Андре, — девушка заплакала. — Я не знала и не хотела вам сделать больно.

— Но, Анастасия, — Солей непроизвольно взял руку девушки в свои руки, — вы же больше думаете обо мне как о враге, который виноват в смерти вашего брата.

— Моего брата уже не вернешь. А что я думаю о вас... — девушка выдернула руку и, закрыв лицо руками, побежала в дом. Солей долго и удивленно смотрел девушке вслед, а потом вдруг подумал: «Какой же я дурак! Обидел хорошую девушку, которая спасла мне жизнь... Какая же она красивая!» И опять какое-то неизвестное ранее, необыкновенно теплое чувство разлилось в его душе.

Через неделю приехал, всего на один день, уже полковник князь Сергей Трубецкой. Он получил Георгиевский крест из рук самого фельдмаршала Кутузова, чему особенно гордился его отец, Петр Сергеевич. Князь Сергей обрадовался выздоровлению Солея, обнял при встрече и осторожно похлопал по плечам. В половине Трубецких накрыли стол, пришли графы Тарутины, грустные, оттого что на этом торжестве уже нет их сына. Впервые за столом у Трубецких сидел и Андре Солей. Сергей Трубецкой подарил ему свой костюм, но тот даже сильно похудевшему Солею был мал в плечах и в длину, отчего Андре еще больше стеснялся. Графиню Анастасию посадили между Сергеем и Андре, и все вдруг обратили внимание, как необычайно хорошо смотрятся рядом белокурый синеглазый Андре и стройная, русоволосая кареглазая Анастасия и что Сергей Трубецкой, красавец, князь, полковник с самой уважаемой офицерской наградой на мундире, проигрывает внешне этому немногословному, стесняющемуся малой в плечах одежды французу. Поговорили о войне, но, щадя чувства Солея, немного, зная, что Сергей потом всё расскажет без Андре, в кругу семьи. Да и разговаривать старались больше по-русски. Но когда Сергей и Андре вышли на улицу — подышать, Солей сразу же спросил:

— Что с нашей армией, князь? Где император? Почему ваш император Александр не подписывает мира?

— Как много вопросов, Андре. Я тебе тогда, в Вильно, говорил, что лучше будет, если вы не пойдете на Россию. Наполеон не поверил, и вот результат. Ваша армия бежит и тает на сотни и тысячи солдат каждый день — они умирают от голода и холода. А это еще не настоящая русская

зима. И я не представляю, что будет с вашей армией, когда придут настоящие морозы. Я думаю, что вся французская армия будет лежать замерзшей в наших полях. И для этого не надо будет ни одного сражения. Такова, Андре, жизнь. Так что я знаю, куда ты хотел пойти и куда бы ты не дошел.

— Ты об этом знаешь?

— Мне рассказали родители. А какая Анастасия молодец!

— У вас, русских, все женщины такие?

— Нет, конечно, но русская женщина, крестьянка она или графиня, ради своей семьи может пойти на любые жертвы, на любые испытания, даже на смерть. Такова суть русской женщины... Я знаю, что ты хочешь у меня спросить — пленник ли ты? Сразу отвечу: нет. Ты свободен. Хочешь, я отвезу тебя к твоей армии, но помни — ты не увидишь свою Францию и свой дом, и у тебя не будет семьи и сыновей, о которых ты так мечтаешь. Ты погибнешь здесь, в России. Поверь, Андре, я желаю тебе только добра. Ты же не знаешь, что ваш император требовал там, в сражении у Бородино, от маршала Мюрата тебя спасти. А тебя спас я, русский офицер. Хотя должен был бы радоваться, если бы тебя разорвали на куски русские солдаты, за то что ты убил и искалечил десятки их товарищей. Я, когда после сражения встречался с Мюратом, рассказал ему о тебе и предложил передать тебя французам, а он мне ответил, что ты уже мертв и это лучше для всех. А сейчас ты хочешь опять идти под начало Мюрата?

— Я служу не Мюрату, я служу Франции и своему императору.

— Ну что же, иди. Я завтра уезжаю и, если хочешь, возьму тебя с собой.

— А Мишель?

— А он вообще свободен. Его поступком восхитилась вся наша армия, о нем узнал наш император Александр и тоже был восхищен его преданностью. Спроси своего Мишеля — если он захочет, то тоже поедет с нами. Но я должен тебя предупредить: как только вы отойдете от наших войск, я за вашу жизнь не поставлю и ломаного гроша —

вас уничтожат партизаны. Мишель — ладно, но тебя мне будет искренне жаль.

— Партизаны? Кто это?

— Это крестьяне, вооруженные вилами и топорами, и казацьи эскадроны, воюющие вдоль дорог и нападающие на отставших от армии Наполеона солдат и на обозы с довольствием.

— Странная это война. Ваша армия была разбита при Аустерлице, под Эйлау и Фридландом, а все равно вы считаете себя непобежденными. Раньше мы разбивали армию противника и война заканчивалась. Сейчас ты говоришь о какой-то другой войне. И что, вы хотите, чтобы мы умерли от холода и голода? Это уже не война. Это убийство!

— Да, раньше вы разбивали армию и война заканчивалась, но сейчас вы воюете в России, и это уже война не армий и не нашего государя против вашего Наполеона, это война русского народа против вас. А русских как народ победить нельзя. А то, что голод и холод — так это не Европа, это Азия!

— Значит, русских победить нельзя, а нас, французов, можно?

— Францию можно, французов — нет.

— Хорошо, можно я подумаю до завтра?

— До завтра, Андре.

— До завтра, Сергей.

Солей пришел в свою комнату и позвал Мишеля.

— Мишель, я хочу завтра уехать в русскую армию, а затем перейти в армию нашего императора. И если верить тому, что рассказал сейчас князь Трубецкой, мы погибнем, но мы погибнем вместе со своей армией. Собирайся.

— Ваше сиятельство, я не поеду.

— Как не поедешь? Почему, Мишель?

— Потому что я ее люблю.

— Кого?

— Женщину, которую все здесь называют Дуней.

— Бери ее с собой.

— Чтобы она погибла вместе со мной? А если мы дойдем до армии, то где она будет — в обозе вместе с париж-

скими шлюхами? Нет, ваше сиятельство, я старый солдат, я даже не знаю точно сколько мне лет, а что я в этой жизни видел? Ничего. Меня в шестнадцать лет забрали служить, и только те пять лет, что я провел у вас в Ла-Рошели, и были для меня мирными, а остальное время я воевал. И что я заслужил — медвежью шапку и десятки ран? Лучше я останусь здесь и буду служить у графа Тарутина. Он уже предложил мне стать здесь, в их имении, старостой вместо Порфирия. Я никогда и никого не любил, и все мои женщины — это проститутки, обслуживающие за деньги нас, солдат. А тут, в России, я встретил Дуню. И она меня любит. Даже ревнует! Я даже не ожидал, что выучу немного русский язык. Я уже почти всё понимаю, что они говорят. Это удивительно хороший язык, да и русские — хорошие люди. И очень добрые. Простите меня, ваше сиятельство, но я не поеду. Может быть, потом, когда война закончится, я поеду во Францию. Я все-таки свободный человек... А разве вам не жалко графиню Анастасию?

— При чем здесь графиня?

— Так она же вас любит.

— Мишель, прекрати говорить глупости. Она невеста князя Трубецкого.

— Я это знаю, мне Дуня говорила. Но то, что она вас любит, не я говорю — это они говорят. Ваше сиятельство, она вас любит.

— Значит, ты не поедешь со мной?

— Нет.

— Уходи. Я буду собираться.

Собрать было нечего, кроме палаша, и, затушив свечу, Андре лег в постель, но так и не смог заснуть. Как только он смыкал веки, перед ним почему-то возникал образ Анастасии. Андре вздыхал, вставал, ходил по комнате, вновь ложился и опять видел ее лицо. «Надо с ней проститься. А то как-то неудобно всё...» — думал он. А что это за «всё», он так себе и не мог ответить.

Утром, выйдя во двор, он увидел, как слуги Трубецких вывели из конюшни лошадей и стали запрягать их в сан-

ную кибитку, устилая ее шубами. И еще увидел разговаривающих о чем-то в садовой беседке Сергея Трубецкого и Анастасию. Было видно, как князь взмахивал руками и что-то ей возбужденно говорил, а она, склонив голову, слушала, и они оба не видели вышедшего из дома Солея. Андре вначале хотел подождать, пока они поговорят, а потом решил, что надо все же проститься с Анастасией. Он почему-то боялся это сделать и решил, что в присутствии Трубецкого, ее жениха, прощаться будет легче и, главное, быстрее. Он подошел к ним и услышал, как громко и возбужденно говорил Трубецкой:

— Как, графиня? Как вы можете? Он же простолюдин, рыбак! Неужели вы можете поменять русского князя на фальшивого французского графа?

— Ничего вы, князь Сергей, не понимаете. Я никаких клятв вам не давала. Это больше игра. Игра наших родителей и вас с моим покойным братом по отношению ко мне. А меня-то вы, князь, как и мой покойный брат, спросили? Чего я-то хочу? Я же не девка из людской! Я вас не люблю, князь. Понимаете? Люблю как брата, как друга, но не более, — ответила Анастасия.

— Да как вы так можете, Анастасия? Мои чувства к вам уже ничего не значат? — и вдруг Трубецкой увидел идущего к ним Солея. Лицо его покрылось красными пятнами, а глаза сверкнули.

— А вот и соперник! — крикнул Трубецкой и с нескрываемой язвительностью и презрением в голосе добавил: — Граф, ваше сиятельство, мы вас ждем.

— Прекратите, князь! — крикнула Анастасия и, путаясь в юбках, согнувшись, как от ветра, пробежала мимо Солея в дом.

— Простолюдин и рыбак — это, по-видимому, про меня, князь? — спросил Солей.

— Про тебя, милейший!

— Чем я мог вас так обидеть, князь? Ничего дурного по отношению к вам я никогда не совершал.

— Не совершал?! Да ты украл у меня самое дорогое — мою невесту. Девушку, которую я люблю.

— Каким образом я мог украсть у вас графиню? Я знаю много лет, еще с Тильзита, что у вас есть невеста, а здесь узнал, что это Анастасия.

— Украл, Солей! Вскружил ей голову. Ты подлец!

— Князь, вы желаете вызвать меня на дуэль?

— Да, желаю!

— Я к вашим услугам. Выбирайте оружие.

— Ну, на саблях мы драться не будем...

— Согласен! — перебил Трубецкого Солей. — Это будет неравная дуэль. Хотя я не знаю, как вы деретесь на саблях.

— Раз выбор за мной, будем драться на пистолетах, и немедленно.

— У меня нет пистолетов и нет секундантов. Мишель не в счет — он не дворянин.

— Так и ты для меня с сегодняшнего дня не дворянин.

— А чего же вы тогда деретесь со мной, простолюдином и рыбаком?

— Потому что я желаю тебя убить. И у меня нет времени ждать. Дуэльные пистолеты у меня есть. Как будто чувствовал, что пригодятся. А секунданты нам не нужны. Жди здесь.

Трубецкой побежал в дом и почти сразу выскочил оттуда, прижимая к шинели дуэльный ящик.

— Пошли. Предлагаю стреляться с пятнадцати шагов.

— Хорошо, — с удивительным спокойствием ответил Солей.

Они пошли по тропинке в лес и там, на поляне, отломав две ветки, отмерили пятнадцать шагов.

— Выбирай! — Трубецкой открыл ящик. В нем лежали два пистолета. — Не беспокойся, они оба заряжены. И даже пристреляны. Я из них стрелялся на пяти дуэлях и, как видишь, жив.

Солей взял пистолет и спросил:

— Кто будет стрелять первым? Желаете первым? Я вам уступаю, князь.

— Мне твои уступки не нужны. Не знаю, как у французов, а у нас, русских, для этого есть монета.

— Согласен. Бросайте.

— Выбирай.

— Решка.

Трубецкой бросил монету и поймал в ладонь, сжав в кулаке.

— Орел! — произнес он, разжимая кулак и показывая монету.

Солей не ответил и пошел на край поляны, к воткнутой в снег ветке. Он не прикрывался пистолетом, не старался стать вполоборота — он спокойно стоял и смотрел на небо. Его красивые волосы развевал ветер. «Как на море! — вдруг подумал он. — Какой хороший ветер».

Раздался выстрел. Пуля пролетела у самой головы Солея и вонзилась в ствол ели — полетели щепки. Раздался удивленный крик Трубецкого:

— Промахнулся?! Не может быть! Ну что ж, твой черед!

Князь тоже не стал прикрываться пистолетом, а стоял прямо и, усмехаясь, смотрел на Солея, а потом язвительно крикнул:

— Стрелять-то умеешь, рыбак? Это же не весло и не двуручный меч.

И вдруг явственно увидел, как Солей поднял пистолет и ровно, без дрожи прицелился, увидел его потемневшие синие глаза и дуло пистолета и зачем-то мысленно прочертил линию от этих глаз, черного отверстия дула к себе, и эта линия уперлась в его лоб. Он физически почувствовал ее и понял, что сейчас раздастся выстрел и пуля обязательно попадет ему в лоб или, что еще хуже, в лицо. Ему стало страшно, он закрыл глаза и непроизвольно сжался, ожидая выстрела.

Солей опустил пистолет.

— Я хочу вам сказать, князь, что мои предки прекрасно стреляли из лука. Из английского лука. За двести шагов в яблоко! И для нас пистолет — пушинка. Если мы встанем даже на пятьдесят шагов, я и тогда с легкостью прострелю вам голову! Но я не буду вас убивать! При всем том, что вы сказали про меня, я не держу на вас зла. Я уже говорил вам, что мы, Солеи, не держимся за свои титулы. Потому что мы их завоевываем, а не получаем. Я не знаю, почему вы на

меня так смертельно обиделись. Я не давал вам для этого повода. И я всегда помню, что вы, князь, спасли мне жизнь, хотя это было и против моей воли. Я бы хотел остаться на том поле сражения под Москвой. Вы зря меня спасли. И теперь об этом сами жалеете, — Солей поднял пистолет над головой и выстрелил в воздух. — Я думаю, по второму выстрелу мы делать не будем. Да у нас для этого нет и пистолетов. Мы квиты, князь. Считайте, я свой долг вам отдал.

— Мы с тобой, Солей, еще встретимся. На поле боя.

— С удовольствием, князь. Прошу только об одном: не надо, чтобы кто-то знал о нашей дуэли. Я искренне уважаю ваших родителей и семью графа Тарутина.

— Еще бы, ты же надеешься стать их родственником! Вся ваша семейка Солеев — семейка французских мошенников. Вначале вы опозорили глупую бабку Наталью, а сейчас влезаете своими грязными ногами и в убитую горем семью Тарутиных.

— Я, по-видимому, зря выстрелил в воздух, князь. Уходите, а то я как простолюдин и рыбак просто ударю вас кулаком, и поверьте — это будет последнее, что вы испытаете на этом свете!

Трубецкой бросил пистолет в снег, где лежал красивый, темный от лака ящик, и, развернувшись, почти побежал к дому. А Солей еще долго-долго стоял и смотрел на небо, на лес, а потом зашвырнул свой пистолет далеко за деревья и тоже пошел к дому.

Перед домом стояла запряженная сытыми лошадьми кибитка, в нее садился Сергей Трубецкой.

Трубецкие и Тарутины стояли у крыльца, и князь Петр Сергеевич все спрашивал:

— Сергей, почему ты так неожиданно уезжаешь? Мог бы побыть еще пару дней. Объяснись — почему? Зачем, Сергей?

Мать Сергея Трубецкого, княгиня Анна, ничего не спрашивала, только плакала. Тарутины стояли безмолвно, зябко кутаясь в воротники шуб. Анастасии не было. Кибитка тронулась, и когда проезжала мимо идущего к дому Солея, из нее раздался голос Трубецкого:

— Запомни, я ничего и никогда не прощаю. Мы еще встретимся, рыбак Солей. И это будет твой последний день, — Трубецкой ударил кулаком в спину кучеру и зло крикнул: — Пошел!

— Андре, вы знаете, что случилось? Князь Сергей прибежал откуда-то, весь как взмыленный, и, даже не простившись, уехал, — спрашивала Солея заплаканная княгиня Трубецкая.

— Ваше сиятельство, я не знаю, — ответил Солей.

— А вы-то, Андре, почему не уехали? Вроде хотели, Сергей говорил, — спросил князь Петр, а потом вдруг хлопнул себя ладонью по лбу: — Да я, кажется, понял! Анастасия отказала нашему сыну?!

— Как это? — вскрикнула княгиня Анна.

— Как это? Не может этого быть! Вы не правы, князь Петр, — удивился и граф Тарутин.

— Видимо, может, — зло произнес князь. — Пошли, княгиня Анна, в дом. Пора и нам собираться!

— Как это, князь? А мы? — произнесла графиня Наталья Тарутина. — Вы что же, без нас едете?

— Нам больше здесь делать нечего. Спасибо за приют! Пора и честь знать!

— Как вы можете так говорить, князь? — шепотом произнес Тарутин. В голосе слышались слезы. — Чем мы вас обидели? То, что вы сказали об Анастасии, неправда. Мы сейчас сходим к ней, и все выяснится. Подождите, князь.

— Идите-идите, граф Петр Иванович. А мы, как я уже сказал, пойдем собираться...

Все разошлись, и дом как-то сразу притих, и даже слуги старались неслышно ходить и не шуметь. Так бывает, когда в дом приходит горе.

Солей опять всю ночь не ложился спать, ходил по комнате и думал, что же ему делать, как уехать и как попасть в армию императора. В конце концов он вышел на улицу, чтобы пройти по зимней ночи, и, подставив горящее лицо холодному воздуху, пошел вокруг дома. Вдруг он заметил, что в одном из окошек мерцает свет непогашенной свечи. Он знал, что это окно Анастасии. Сам не зная зачем, он по-

дошел к окну и заглянул в него. Анастасия сидела за столом и плакала. Андре не выдержал и тихонько постучал в окно. Анастасия испуганно вскочила, потом, по-видимому, увидела его лицо в окне, еще больше испугалась, и этот испуг был весь на ее лице, в ее расширенных глазах. Она подошла, открыла окно и так же испуганно спросила:

— Что вы делаете здесь, Андре? Уходите. Если нас увидят, что могут обо мне... о нас подумать?

— Только скажите, Анастасия, почему вы плачете? Вас кто-то обидел?

— Какой вы, Андре, все-таки странный. Вы же взрослый, а ничего не можете понять. Женщину может обидеть только отвергнутая любовь. Уходите!

— О чьей любви вы говорите? Кто вас мог отвергнуть? Князь Трубецкой? Так он заявил, что я украл вас у него.

— Уходите, Андре, и больше не появляйтесь.

— Так я и хочу уйти. Совсем. Попробую все-таки дойти до своей армии. А если убьют — ну что ж, видимо, такова моя судьба. Здесь я уже никому не нужен.

— Как вы можете так говорить?! — заплакала Анастасия. — Неужели вы не понимаете, не чувствуете, что я вас люблю!..

— Любите? Меня? Но почему?

— Люблю, и все! С первой минуты, как увидела, люблю!

— Но князь? А свадьба?

— А когда, где я хоть раз обмолвилась, что люблю князя? Уходите, Андре, — Анастасия стала закрывать окно.

— Но это я вас, Анастасия, люблю! — произнес Солей. — Я не мог вам признаться в этом — вы же невеста князя Трубецкого.

— Я уже не невеста!

— Значит, я могу вам сказать, что я вас люблю?

— Скажите, Андре, и говорите это столько, сколько захотите.

— Тогда я хочу говорить, что я люблю вас, Анастасия, всю жизнь.

— О господи! Ну зачем же вы меня мучаете? Дайте я закрою окно.

— Хорошо, Анастасия. Давайте завтра встретимся в нашей беседке?

— Хорошо. В двенадцать.

— Боже, как я счастлив! — тихо произнес Солей.

Анастасия закрыла окно, дунула на свечу и сказала тихо и радостно:

— Боже, как я счастлива! Какое счастье быть любимой!

— Любовь, — прошептал Солей, укладываясь спать. — Любовь, наконец-то любовь! — и только приложил голову к подушке, как моментально заснул.

ХІІІ

На следующий день Трубецкие собирались в далекую дорогу в Петербург. Тарутины не выходили из своей половины — обиделись. Они пробовали поговорить с Анастасией, но та, к их удивлению, вся почему-то светилась от счастья и, напевая какие-то песенки, порхала по дому, а на вопросы родителей отвечала невпопад или отмахивалась: «Потом!» Те ничего не понимали. Графиня Наталья только причитала:

— Да что же такое происходит? Да что делается-то? — и к мужу с вопросом: — Да что происходит-то, Петр Иванович? — А тот только рукой отмахивался — неужели не понимаешь?

— Андрей, а ты почему не собираешься? Ты что, не едешь с нами в Петербург? — спросил, увидев Солея, князь Петр Трубецкой. Но в этом вопросе было больше учтивости, чем удивления. Петр Сергевич как бы говорил: «Вот ты-то, родственничек, мне сейчас ой как не нужен. Ведь это ты причина несчастья и отъезда моего сына — отъезда, больше похожего на бегство».

— Нет, ваше сиятельство, — столь же учтиво отвечал Андре. — Я и Мишель остаемся. Я уже получил согласие Петра Ивановича остаться в имении. А Мишель будет здесь старостой.

— Зря, граф! В Петербурге ты, может быть, сможешь встретиться с пленными французскими офицерами. Да

и скоро узурпатора прогонят с русской земли и, глядишь, вас отпустят домой. Слово возьмут, что не будете больше против нас воевать, и отпустят. Наш государь император милостив.

— Спасибо, ваше сиятельство, но я решение уже принял. А насчет узурпатора — и для меня, и для народа Франции он наш император... И мне почему-то говорили, что я не пленный.

— Зря говорили! — зло сказал князь Петр Трубецкой. — И для всего мира Наполеон твой — узурпатор и будет согнан с трона, который он для себя построил. Как говорим мы, русские: чем выше летаешь, тем больше падаешь, — Трубецкой очень внимательно посмотрел на Солея и произнес: — А я вчера все понял, — и засмеялся: — Вот она, причина отъезда Сергея! Так давно же известно, что Анастасия его не любит. Да и сам Сергей это прекрасно знал. Гордость дворянская заела? Глупость это, а не гордость. Без любви жить плохо, граф Андрей. Очень плохо. А ты и правда нашу кровушку имеешь. Я Анну-то свою тоже из-под венца увел. Другому предназначалась! Стрелялся потом. Хорошо, что оба промахнулись. Господь уберег! У нас, у русских, и на этот счет поговорка есть, что... если кто-то не захочет... другой не вскочит... Княгине Анне ничего говорить не буду, и так вся в расстройстве. Болеет. Прощай, Андрей... Будешь в Петербурге — не забывай, навести старика.

— Спасибо, ваше сиятельство.

— Не навестишь, знаю. А надо бы — чай, не чужой мне, родственник, да и кое-что не мешало бы тебе увидеть в моем доме... Может, я еще и пригожусь. Я ведь к государю свободно вхожу...

— Я постараюсь, ваше сиятельство.

— Что ты заладил, как попугай: ваше сиятельство, ваше сиятельство, сам-то тоже не барон занюханный — граф! Пусть даже и французский. Так там графы на тыщу лет раньше нашего появились. У нас-то только при Петре Алексеиче... Великом. Вон предок Петра Иваныча отличился под Полтавой — и шась из простых солдат в поручики и дворянство получил, а уж при Катьке-то... тоже Великой,

что Россию Россией сделала, уже в полковники и графы вышли. Вот времена-то были, не как мы — из столбовых бояр, в Кремле в шапках вроде как у твоего Мишеля, только из бобра, сидели на лавках, думу думали и бородами пол подметали. Царь указ скажет, бояре соглашаются — и вся служба! — Трубецкой вдруг по-молодому засмеялся, показывая полный рот желтоватых, крепких зубов. — Потому-то мы к государям входим без стука и просьбы наши, а не прошения, как у других, всегда исполняются. Род на Руси — великое дело! Ты сейчас не поймешь, но вспомнишь меня, когда домой соберешься.

— Почему, князь Петр?

— Так ты из России сможешь выехать, только имея паспорт, то бишь разрешение самого государя императора. А как ты к нему попадешь? Вот так-то у нас все на Руси: кто ближе к помазаннику божьему, тот и прав. Это не ваши революции и конституции. Здесь не Франция... здесь Русь великая! Надо же, в двух словах всё про Русь и рассказал. Не совсем еще, значит, старый! — и опять засмеялся. Потом повернулся и пошел в комнату жены, на ходу похлопывая пониже спины всех встречных хозяйских служанок.

Трубецкие со слезами и обидами с обеих сторон уехали, и дом вдруг стал пустым и почему-то очень большим, хотя был всего лишь обыкновенным одноэтажным деревянным домом.

Андре не понимал, что надо делать, но Мишель сообразил — старый солдат, помолодевший от любви к нему русской женщины, у нее же и спросил, как на Руси объясняются в любви и просят руки. Дуня Мишеля научила и тихо спросила:

— А меня-то когда в жены позовешь? Или так, дурой, под насмешки любить тебя буду?

На что получила в ответ:

— А ты согласна стать моей женой?

— Тогда уж не я дура, а ты старый дурень, коль не видишь простого... Весь в своего хозяина! Одно слово — хранцуз!

Мишель пересказал все Андре, упустив слова, относящиеся лично к нему. Солей пошел к Тарутиным и попросил графа о личном разговоре. Они ушли в кабинет графа, где Андре и попросил руки дочери Петра Ивановича. Граф опешил, а потом вскрикнул, больно хлопнув себя по щекам ладонями.

— И-и-и, а я-то, старый дурень, не мог сразу догадаться... Сергей-то, князь, потому и уехал, а за ним и родители... И что — сказать не могли? Ну все же знали, что не любит она его. А так бы еще год назад свадьбу сыграли, и закричал на весь дом: — Наталья! Графинюшка, беги скорей сюда, к нам свататься без сватов пришли! — и весело засмеялся!

Странно, но Тарутины сильно не возражали — поняли, что и без них дочь уже все решила. Граф Петр Иванович расспросил Андре о его доходах и имуществе, и когда Солей сказал, что его семья — одна из богатейших во Франции, всё принадлежит только ему как единственному сыну и что у него нет семьи и детей, Петр Иванович обрадовался: его имение было только здесь, в Тверской губернии, и земли были худыми — из пашни одна рожь, а так болота да леса, и крестьяне не сильно отличались от холопов и нищих. Дома же в Петербурге и Москве содержались кое-как — не было денег; вот-вот один, петербургский, должен быть заложен. Да еще пожар в Москве, и донесли уже, что московский дом сгорел. И одна надежда была, что император денег на восстановление даст — вроде как обещал. Только не верилось: все знали, что государственная казна пуста. На одном графском титуле да на сыне все в семье Тарутиных держалось. Сына не стало — не стало и доходов на содержание.

— Одно плохо, граф Андррэ, — Тарутин почему-то так произносил имя Солея, — ты же не наш, не православный, а мы же католиков не признаем.

— Так я, ваше сиятельство, не католик — я, как все в нашей семье, протестант.

— Это еще кто?

— Это вера христианская, но католическую веру не признает, за что много лет подвергалась гонениям.

— Так это же другое дело! Это почти что наша вера! Тогда, я думаю, препятствий нет... — радостно заговорил граф, а потом прищурился и спросил: — А где вы хотите жить?

— Пока идет война и я не могу выехать во Францию, то, если вы не возражаете, здесь, в вашем имении, а потом уедем ко мне в Ла-Рошель.

— Нас-то с матушкой Натальей потом к себе пригласите? — всплакнул Петр Иванович.

— Да хоть сразу с нами. Я вам там дом построю. Будете отдыхать в саду или океаном любоваться.

— Я от петербургской-то воды болею, а тут целый океан. Сырости-то сколько!

— Что вы, ваше сиятельство, это другое море. Теплое.

— Тогда надо ехать — косточки погреть нам с матушкой на старости лет. Что только со сватами-то делать? — и опять прищурился. — А не обманешь? Дочку возьмешь, а потом уедешь — и как звали...

— Как это?

— А как бывает, — и хорош, и богат, а потом оказывается один пшик.

— Граф Петр Иванович, вы хотите меня оскорбить?

— Нет-нет, Андррэ, это так, к слову. Все-таки единственную дочь отдаю замуж, а сына уже нет, — граф заплакал.

— Я сделаю все, ваше сиятельство, чтобы ваша дочь была счастлива, а вместе с ней и вы.

— Тогда, Андррэ, не называй меня сиятельством. Говори проще: батюшка. У нас, русских, так принято называть родителей жены: батюшка и матушка.

— Красиво. Хорошо, батюшка.

— Вот и ладно. А скажи-ка, дочку-то после свадьбы как по-вашему будут величать?

— Анастасия Солей, графиня Роше.

— Неплохо звучит. Не хуже, чем графиня Тарутина...

— Так можно добавлять: графиня Тарутина.

— Совсем хорошо! Надо только все по-русски сделать, как положено, и чтобы с дракой, а иначе это не свадьба, — и повернулся к молчащей жене. — А ты-то, графиня, чего

застыла? Дочь-то замуж собралась — пореви, что ли... Пореву, пореву — без этого тоже нельзя!

Наталья Ивановна завывала в голос.

На следующий день, никому не объясняя зачем, граф Петр Иванович уехал к соседу, такому же бедному дворянину барону Алексею Рогенфельду и вернулся через два дня весь больной, но довольный. И наутро после приезда, выйдя в столовую с перевязанной полотенцем головой, плаксиво заговорил:

— Ох уж и наливочка у Ляксея Ильича. Ох-ох... Рассолу принесите, да капустки квашеной, да огурчиков солененьких... Ох, за что мне такие муки? Дочь единственную в неметчину отдаю-ю, — и пьяненько заплакал.

А еще через день в имение приехали супруги Рогенфельд и, повесив через плечи широкие ленты, вместе с Солеем вошли к Тарутиным.

Граф все еще болел, но уставил стол наливками, водками и закусками. Выпили; графу полегчало.

— Ну-с, ваше сиятельство, Петр Иванович, вот наш купец, а ты показывай свой товар. Может, он нам и не подходит? — сказала Мария, жена Алексея Ильича Рогенфельда

От выпитой второй-третьей рюмки голова у графа закружилась, и он потерял нить игры.

— Как это не подходит? — заволновался он. — Нешто вы ее не видели?

— Таков закон, что от предков идет. Показывай товар, граф Петр Иванович, а не то развернемся и уйдем! — выпив, заявил барон Рогенфельд. У него тоже болела голова.

— Да что же ты, Ляксея Ильич, такое говоришь? — вмешалась графиня Наталья Тарутина. И непонятно было — игра это или правда никто уже не понимал друг друга.

— Так покажете или нет? — раскричался Рогенфельд и обратился к жене: — Матушка, поехали домой. Видимо, товар-то у них порченный.

— Да ты, Ляксея Ильич, белены объелся?! — закричал граф Петр и, хлопнув рюмку, плаксиво произнес: — Графинюшка, Настенька, выйди, посмотри, какие к тебе сваты пожаловали.

В комнату вошла, потупив глаза, Анастасия в платке и простом серо-голубом платье, подчеркивающим ее природную красоту и стройность фигуры.

— Эк! — крикнул Рогенфельд и провел руками по седым усам. — Хороша. А ты как думаешь, сваха?

— Хороша! Да и наш не дурен, — заявила Мария Рогенфельд.

— Ну что, граф Петр Иванович, по рукам? — спросил, посмеиваясь, барон.

— По рукам, — ответил граф. — Давай нальем.

И тут запричитала, заплакала, как простая русская баба, графиня Наталья, а за ней завывала и Мария Рогенфельд, чем вызвали смех у стариков.

— Во дают! Налей-ка, граф Петр Иванович — сравнить хочу со своей-то наливкой. Чья лучше?

— Давай, Ляксей Ильич, сравним.

Никто уже не обращал внимания на Андре и Анастасию. Женщины наливали наливочку и, обнявшись, плакали, мужчины перешли с наливочек на самогон и стали петь русские песни.

— Свааты, мы, может, пойдем? — спросила Анастасия.

— Подождите! Пока не забыли, зачем собрались, и коли все согласны, то давайте назначать день свадьбы, — сказал граф Тарутин.

Посмотрели по святкам — решили, что шестого декабря.

— Сейчас можете идти... Но до свадьбы ни-ни... — произнес заплетающимся языком граф Петр. — Ну, этого самого... А то откажу... Ляксей Ильич, а не попробовать ли нам вот этой настоечки?

— Как же без этого, батюшка Петр Иванович... Как без рюмочки в таком-то деле? Как в бой. А невеста, скажу тебе, граф Петр, хороша. Ой как хороша. Эх, где мои годы?

— Ты о ком? — оторвалась от графини Натальи Мария Рогенфельд. — Ты смотри у меня, кобель старый... Представляешь, графиня, ни одной ведь девки по сей день в имении не пропустит. Ох уж эта наша бабья доля... Давай выпьем, графинюшка Натальюшка.

— Давай, Машенька, — и женщины, выпив, опять обнялись и заплакали.

И вдруг граф Петр вскочил и закричал тоненьким голосом:

— Куда? Стойте! Забыли!

— Что? — хором спросили все.

— А про икону-то забыли!

— Ох ты! — вскрикнули Рогенфельды.

— Ах! — всплеснула руками графиня Наталья и, вскочив, быстро принесла икону — первую, до которой дотянулась в красном углу — Владимирскую Богоматерь, старинную, треснувшую от времени, без оклада. Андре и Анастасию поставили на колени и заставили целовать святой образ. Тарутина и Рогенфельд, обнявшись, вновь заплакали, а граф с бароном выпили по чарке.

— Вот сейчас, кажись, по-нашему, по-русски! — радостно сказал Тарутин.

— Да-а, по-русски, — поддержал Рогенфельд. — Ну у тебя, Петр Иванович, и память! У меня и в молодости такой не было.

— Что есть, то есть! — горделиво произнес граф Петр...

Они еще не знали, что в день назначенной свадьбы всего 30 тысяч солдат из полумиллионной французской Великой армии пересекут, возвращаясь, границу России. Ужасная смерть в водах Березины будет последним трагическим аккордом этого великого похода, приведшего к крушению великой империи и падению величайшего из полководцев, какого когда-либо знало человечество за свою историю, выигравшего столько битв, сколько выиграла Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал и Суворов, вместе взятые...

— Не пойму я, почему они плачут? — спросил Анастасию Солей.

— Так на Руси радуются, когда выдают замуж дочь.

— Радуются? Плачут?

— А у нас всегда вначале плачут, а потом песни поют. Подожди, еще на свадьбе драться начнут.

— Зачем?

— А у нас свадьба без драки — не свадьба!

— Господи, какой же вы странный народ, русские.

— Не нравимся?

— Наоборот. Я начинаю вами восхищаться.

— А мной?

— Тебя я просто люблю.

А свадьбы сыграли две. Женился и Мишель на красивой русской женщине Дуне. Поп маленькой церкви, что стояла в соседнем селе, на взгорке, вначале наотрез отказался венчать молодых, сказав графу Тарутину:

— Барин, да как такое возможно? Они же бусурмане, вроде нехристей.

На что получил ответ:

— Ты, батюшка, перепил или белены объелся? Какие же они нехристи, если самые что ни на есть христиане и даже кресты носят, — слукавил граф. — Они же за свою веру такие страшные муки от папы римского и всей его церкви приняли... ой-е-ей! А если упираться будешь, то я тебя пинком под зад из церкви-то вышибу на мороз. Может, поумнеешь.

— Так сразу бы и сказали, ваше сиятельство. Раз они нашей веры, то кто же тут спорит?

Свадьбу праздновали громко, как и положено на Руси. Мужики, которым в честь праздника досталось с барского стола, подрались, но без увечий, до первой крови. А так, что же это за свадьба без драки...

А через месяц из письма князя Петра Сергеевича Трубецкого, в котором он (удивительно?!) поздравлял молодоженов, узнали, что вся русская земля свободна. А, узнав, какие потери у французов, ужаснулись. Солей с Мишелем пошли в церковь и поставили по русскому обычаю перед русскими иконами свечи за упокой души всех своих погибших товарищей.

Был ли Солей пленным? Конечно, нет. Чувствовал ли себя пленником? Конечно, да. Оправившись от многочисленных ран, он все время думал о французской армии и императоре Наполеоне. И тот побег поздней осенью в Москву был осознанным желанием убежать из плена. И он бы

в конце концов убежал, но добежал ли до Великой армии? Скорее всего, нет. Отказ старого солдата Мишеля, участника почти всех наполеоновских сражений, бежать с ним его удивил, но и открыл глаза на другой мир, а вспыхнувшая любовь к Анастасии этот мир позволила не только увидеть, но и почувствовать.

С каждым днем его чувства к Анастасии — вначале как к невесте, а потом и жене — только росли, ширились, и когда она сказала, что ждет ребенка, он забыл обо всем — стал беспокоен, вспомнив, как уже однажды потерял и жену, и сына. Он старался уделять Анастасии как можно больше времени: гулял с ней по ближайшим полям и лесу, говорил нежные слова на русском языке, который он, по примеру Мишеля, тоже стал учить и почувствовал, что он чем-то похож на его родной язык — не произношением, а смыслом сказанного. Он даже пробовал читать русские книги, и ему в этом особенно помогала жена. Но нет-нет и его взор направлялся туда, на запад, где все еще сражалась и умирала Великая армия. Иногда он доставал свой палаш, уходил один в лес и долго-долго махал им, разрубая ветки и стволы деревьев, а потом, устав, гладил лезвие рукой и, вздыхая, заворачивал палаш и уносил домой, где прятал от всех.

Солей не чурался простой крестьянской работы, а особенно любил рубить лес. Для этого местный кузнец выковал ему топор с необычным длинным лезвием, а топориче Солей выстрогал сам — оно было в отличие от русских топоров очень длинным. Этим топором он рубил вековые деревья, и крестьяне, разинув рты, восхищались тем, как барин управляет с совсем не барским делом.

По весне крестьяне нашли в лесу лакированный ящик и два дуэльных пистолета. находку принесли графу Петру Таругину. Тот, увидев, захохотал и, пока не видели жена Наталья и Анастасия, спрятал. Потом пригласил к себе для разговора Солея и долго его спрашивал, не знает ли тот, откуда в имении дуэльные пистолеты.

— Вы же знаете, батюшка, что я у вас появился при смерти и при мне ничего, кроме моего палаша, не было, так что я не знаю. Может быть, кто выбросил?

— Ой, что-то мне с трудом в такое верится, Андрей, — граф сменил обращение на привычное, русское. — Кто это в глухом лесу такой красотой разбрасывается? И куда же мне их деть?

— Утопите.

— И то правда. Может, сам сделаешь, Андрей?

— Хорошо, батюшка...

О пистолетах Тарутин написал в письме князю Петру Трубецкому — старики давно помирились, — но испугался и письмо сжег.

XIV

Москва была разрушена, графский дом сгорел, и вслед за Трубецкими в начале лета 1813 года, когда подсохли дороги и прекратились дожди, Тарутины собрались в Петербург. Имение оставляли молодым — графиня Анастасия должна была родить, и ни о какой поездке по тряским, разбитым дорогам не могло идти и речи.

В сентябре Анастасия родила девочку, которую крестили в церкви. Тот же пьяненький попик не возражал, а, наоборот, радовался, что «этот бусурманин» крестит своего ребенка в самой истинной вере — в русском православии. Назвали девочку по просьбе Солея Натальей — в честь прабабки Натальи Трубецкой, когда-то в своей любви к гвардейцу кардинала Ришелье Полю Солею подарившей миру первого барона Роше. Ну и конечно, в честь другой Натальи — Тарутиной, матери Анастасии. Граф и графиня Тарутины, узнав, были необычайно рады. Девочка была копией матери: русоволосая и кареглазая, что очень обрадовало Андре. Иногда вечерами, когда никто не видел, он с легкостью брал на руки Анастасию с дочерью и кружил, напевая простые рыбацкие песенки.

— Ах, мои девочки, — говорил он, кружась, — как же сейчас хорошо на море. Скорей бы уехать в Ла-Рошель.

Но понимал, что, пока не кончится война, ему не выехать из России. Это в 1812 году, уже кажущемся таким далеким, он мог бы с помощью Сергея Трубецкого перейти

небольшое пространство между воюющими армиями и вернуться к своему императору. Но тогда дело закончилось дуэлью, и сейчас он этому радовался — рядом были любимая женщина и любимый ребенок.

А у Мишеля, который стал старостой в имении графов Тарутиных, и Дуни, располневшей от семейного счастья, родился сын, которого называли Петром и тоже крестили, что опять обрадовало пьяненького попа — с крещением церкви перепадали неплохие подарки как деньгами, так и любимым священником вином.

С рождением дочери в душе Солея наступили такие покой и радость, что он сам удивлялся и даже стал меньше уходить на охоту, которая ему нравилась своей страстью, необходимой выдержкой и большой физической нагрузкой.

Сведения о войне приходили редко и были очень скупы. В основном узнавали от проезжавших и иногда останавливающихся на ночлег людей и из редких писем Тарутиных. Было известно, что война продолжалась в Европе, выигрывал то Наполеон, то русские с союзниками, а в союзники уже перешли Пруссия и Австрия. И еще очень много денег России дает Англия, которая к тому же высадила свои войска в Испании.

Эти известия так расстраивали Андре, что он закрывался один в своем кабинете и никого не допускал к себе, а потом выходил тихий, с потухшими глазами.

Когда из писем стало ясно, что война Наполеоном проиграна, Андре объявил Анастасии, что хочет вернуться во Францию, в Ла-Рошель.

— А как же мы, Андре?

— Настя, я не понял твоего вопроса. Ты русская, а мне говорили, что русские жены всегда следуют за мужьями. Разве это не так?

— Значит, ты берешь нас с собой? — обрадовалась Анастасия.

— Не беру, а ты обязана ехать со мной.

— Я с тобой поеду хоть на край света.

— Когда мы приедем в Ла-Рошель, если ты захочешь, мы можем сесть на корабль и поплыть на край света, в Новый Свет, в Америку.

— Где это?

— Это очень далеко, за океаном.

— Я никогда не видела океана. Я Финского залива боюсь, а тут океан. Нет, мы лучше с Наташей на бережку посидим. Тем более у нас скоро будет сын.

— Почему именно сын?

— Потому я знаю, что будет сын.

Андре подхватил Анастасию на руки и стал кружиться и целовать ее.

— Подари мне сына. Настя, подари мне сына.

— А как же океан?

— Ты его увидишь и сразу влюбишься. И уже никуда не захочешь от него уезжать.

— Я люблю только тебя, Андре...

— А я тебя... Как же я счастлив...

В России дворянин мог покинуть страну только с разрешения министерства иностранных дел, а Солей как француз смог бы выехать только с соизволения императора Александра.

Он отправил прошение императору, но ответа не получил — даже ссылка на свой графский титул, на женитьбу на русской, православной, верноподданной графине Анастасии Тарутиной не сыграла роли. Для царя какой-то Андре Солей был не более чем пленным французом, а в Европе все еще шла война и Наполеон ожесточенно сопротивлялся. Да еще как — союзные армии терпели сокрушительные поражения. На исходе были и людские ресурсы — русские деревни стояли пустыми, некому было сеять хлеб, а финансы были настолько расстроены, что казалось: еще чуть-чуть — и денежные бумажные ассигнации, введенные в оборот любимой бабкой царя Александра Екатериной Великой, превратятся даже не в простую бумагу с красивыми завитушками, а в пыль. Спасали только английские деньги. А тут еще какой-то француз с нелепой просьбой!..

К императору обратился с просьбой принять его граф Петр Иванович Тарутин, но Александр сослался на занятость — предстояла поездка в Европу на празднование

победы над Наполеоном, в которой уже никто не сомневался.

Петр Иванович обиделся, но желание помочь своему новому родственнику победило и он пошел к князю Трубецкому. Вообще-то граф Тарутин очень боялся, что Солей окажется мошенником, что у него во Франции есть жена, нет никаких богатств, да еще брак, заключенный в России, не будет признан католической церковью. И он думал, не лучше ли было бы, если бы Солей остался в России. Но на отъезде настаивала единственная дочь, да и с каждым днем все более беднеющему графу, хотелось бы получить, как он считал, причитающиеся за дочь деньги.

Петр Сергеевич Трубецкой искренне обрадовался приходу своего старого друга. Старики уселись в большой столовой и стали пробовать различные настойки и наливки. Напробовались до того, что на следующий день князь Трубецкой приехал к болящему от перепитого графу Тарутину и после второй рюмки спросил:

— Ты, Петр Иванович, зачем вчера приезжал-то?

— Как это зачем? Неужели не помнишь? — обиделся граф.

— Так ты же ничего и не говорил, — вывернулся князь.

— Да? Черт, сам не помню.

— Вот видишь, Петр, что с нами эта паскуда, — князь постучал пальцем по графину, — делает. Давай еще по одной, и расскажешь.

— Давай...

Когда вчерашнее отошло, а новое еще не совсем размогло, граф Петр вновь изложил свою просьбу.

— Ты же, князь, вхож, не мы... — обидчиво сказал Тарутин.

— Что есть, то есть. А не боишься, что он того... улизнет от тебя?

— От меня-то ладно, а как от семьи? Боюсь, ой как боюсь, князь Петр Сергеич.

— Так, может, и не надо?

— И что — он будет на моей шее сидеть? А вдруг и правда сказочно богат?

— Друг мой, он богат, я знаю. Мне сын говорил. Он один из самых богатых людей во Франции.

— Все-таки правда! Слава тебе, Господи! — сдавленно просипел граф. Перекрестился и радостно продолжил: — Налей-ка, Петр Сергеич. Ты с моей души камень снял. А вдруг у него там жена?

— Нету у него ни жены, ни детей — погибли во время родов, а другую точно не завел.

— И мне он так говорил, что нет. А что погибли, не знал.

— Правду он тебе говорил, Петр Иваныч. Налей.

— Тогда помоги, князь Петр. Век тебя помнить буду.

— Да ты о чем, Петр Иваныч? Он же мне родственник. Он мог бы и сам ко мне обратиться. Или гордый? И Сергей про него не спрашивает. Ну того понять можно — невесту увел...

— Не хотел я говорить, даже письмо, уже написанное, сжег, но все же скажу тебе, князь Петр Сергеич. Весной, как снег-то сошел, недалеко от дома, в лесу, нашли дуэльный ящик лакированный и два пистолета...

— Да ты что? — побледнел лицом князь Трубецкой.

— Вот такие дела. И зятек мой об этом, сколько я его ни пытал, ничего не сказал. Нечисто все это.

— Тогда, помнишь, когда Сергей-то так быстро уехал, вроде как выстрелы мы с тобой слышали? Еще говорили: кто бы это мог быть? Может, они, о господи, стрелялись... из-за Анастасии?

— О господи! — Тарутин стал размашисто креститься.

— Если так, то слава богу, что не убили друг дружку. Мой-то весь в меня. Я ведь тоже стрелялся из-за Анны.

— А я из-за Натальи стрелялся. Промахнулись оба.

— И мы промахнулись.

— Да-а, дела, князь Петр Сергеич! — слезливо произнес граф Тарутин.

— Надо помочь. Иначе черт его знает, чем это кончится, если Андрюшка-то в России останется... Сергей не простит.

— Вот и я говорю: ехать им надо.

— Завтра же пойду к государю. Давай нальем. И чтобы женам ни гу-гу!

— Да как можно, князь Петр...

Ответа не было. Желание вернуться домой все больше и больше овладевало Солеем, и он, поговорив с женой, решил ехать в Петербург сам.

Солей в Париже бывал, но большие города не понимал и не любил. Ехать в Петербург накатанной зимней дорогой было легко, февральское солнце поднималось над горизонтом, и белый снег искрился, как мириады бриллиантов. Лес то стеной подступал к самой дороге, то, наоборот, уходил куда-то вдаль, и открывались широченные поля, занесенными снегом. Маленькие речушки и широкие реки были скованы льдом. Кибитка легко катилась, колокольчик позванивал, в шубе было тепло — только нос пощипывало, и пробегающая перед глазами природа завораживала и умиротворяла. Если бы не деревеньки с провалившимися крышами да одинокие постоялые двory, от нищеты и отсутствия постояльцев больше похожие на хлев для скота, то, казалось, можно было ехать до самого конца русской земли и всё восхищаться. Иногда на высоте саней неслась снежная поземка и были видны только белые от инея крупы и морды лошадей, а сверху светило солнце. Становилось нестерпимо холодно, и никакая шуба не могла спасти от пронизывающего до костей, похожего на туман, бегущего по земле ветра, и было не по себе, и Солей спрашивал кучера, скоро ли какая-нибудь станция или постоялый двор. А сам вдруг явственно представлял, как по такой красоте идут французские солдаты в летнем обмундировании, таща пушки, сжимая в голых руках железо ружей, и как будто видел над морозной дымкой, как мираж, тысячи склоненных киверов, колеблющиеся штыки и слышал хрип из десятков тысяч замерзших ртов. Он задавал себе вопрос: смог бы он тогда выжить? И не мог ответить. И от осознания того, что в русской земле есть такая страшная сила, с которой не смогла справиться другая людская сила, сила Великой армии, ему становилось до слез обидно.

Петербург с первой минуты удивил и восхитил Андре. Ровные улицы в вечерних сумерках, дворцы и дома, похо-

жие на дворцы, огромные площади, костры, чтобы горожане не замерзли от морозов, несущиеся по улицам лошади, запряженные в кибитки, кареты и простые сани, и белый, поднимающийся в морозное небо дым из сотен печных труб. Что-то сказочное, завораживающее было в этом городе.

Тарутины встретили Андре с распростертыми объятиями. Петр Иванович все, что ему сообщил Трубецкой о зяте, рассказал жене Наталье. Плакали при встрече и радовались за дочь. Кормили и поили с мороза, а потом граф Петр увел зятя к себе в небольшой кабинет. Да и весь дом Тарутиных был небольшой: двухэтажный, каменный, без завитушек и выкрутасов — просто дом.

Граф Петр рассказал, что ходил к князю Трубецкому, но пока от князя известий не получал.

— А я могу попасть к императору Александру? — спросил Солей. — Он когда-то называл меня викингом.

— Боюсь, что нет. Сейчас к французам отношение, мягко говоря, не очень хорошее. Может, поговоришь с князем Петром?

— А он будет со мной разговаривать?

— Мне показалось, что он очень хорошо к тебе относится. Я сейчас же отправлю ему весточку, что ты приехал.

Слуга убежал, а Тарутины потчевали гостя. Когда узнали, что Анастасия вновь в положении, обрадовались, а графиня Наталья спросила:

— Сын будет — как назовешь?

— Алексей.

Тарутины, обнявшись, заплакали.

Пришел слуга и принес письмо, в котором князь Петр Сергеевич Трубецкой приглашал графа Андре Роше к себе завтра на вечер.

— Нас не пригласил? — затынул Петр Иванович.

— Да прекрати ты, батюшка! Опять же напьетесь, а там разговор серьезный, — сказала жена.

— Наверное, ты, Наталья, права. Давай, зятек, выпьем.

— Ты, Петр Иванович, мне зятя-то не спаивай! — крикнула графиня Наталья.

— Всё-всё, молчу, молчу! Давай просто выпьем за твою семью.

— Ну и хитер же ты, старый! — всплеснула руками графиня. — Тогда и мне налейте...

Дом Трубецких больше походил на дворец — с мраморными колоннами и лестницами, с картинами на стенах, со слугами в расшитых золотом ливреях. Такую роскошь Солей видел только у императора Наполеона. «Как же тогда живут русские цари?» — подумал Солей, пока слуги снимали с него шубу и, склонившись, провожали «их сиятельство» через множество комнат в огромный зал, где его встретил, раскинув руки в желании обнять, князь Петр Сергеевич Трубецкой

— Рад, безмерно рад видеть тебя, граф Андрей, у себя дома. Сейчас княгиня выйдет, и посидим по-семейному. А может, устал с дороги, пойдешь отдохнешь? Нет? Ну и то правда — как можно устать, если от дома графов до моего без шубы дойти можно. Ну и прекрасно. Пойдем пока, я кое-что тебе покажу, — князь повел Солея по кабинетам, где висели портреты всех Трубецких, и, остановившись около одного из них, показал рукой на портрет:

— Наталья Трубецкая. Твоя прабабка.

Андре Солей смотрел на портрет необыкновенно красивой женщины в старинном костюме на фоне летнего берега моря.

— Какой-то итальянец нарисовал. У нас-то, на Руси, в те времена только иконы и умели писать. Это все, что осталось от княжны Натальи. Детей, кроме твоего прадеда, у нее не было, и замуж не выходила, да и не успела — рано умерла. Красивая, не правда ли?

— Да, необыкновенно... — с першением в горле от волнения сказал Солей, а сам подумал: «Странно, но Анастасия на нее похожа. Только глаза карие. Приеду домой, обязательно закажу портреты. Это хорошая русская семейная мода. Когда бы я еще смог увидеть бабушку Наташу? А сейчас понимаю, почему в нее так влюбился гвардеец Поль Солей».

— О чем задумался, граф Андрей? — услышал голос Трубецкого.

— Думал о судьбе.

— Нет, что ни говори, а род наш, Трубецких, красив, да и вы, родственнички французские, не подкачали, — князь многозначительно посмотрел на Андре. — Если бы не родословная... Да не в этом суть, родословной-то и нашей на всех хватит... Ну пойдем, пойдем, граф, наверное, и княгиня Анна уже вышла. Я потом тебе еще одну вещь покажу, тоже связанную с твоей бабкой. По твоему делу, может, отдельно поговорим? Тогда милости прошу в мой кабинет.

— Так, наверное, лучше, князь Петр Сергеевич. Зачем княгине мои заботы?

— Ты, Андрей, зря так. Ты нам не чужой.

— Спасибо, Петр Сергеевич. Вы знаете, что я решил вернуться домой?

— Один? — спросил, прищурившись, Трубецкой.

— Почему один? Вот и Анастасия такой вопрос задала. Конечно, с семьей. И Мишеля с его семьей хочу забрать. У него явные способности управлять хозяйством. Но необходимо разрешение императора Александра. Я к нему обратился с просьбой, но он даже не ответил. Знаю, что и граф Петр Иванович обращался, и вы хотели помочь.

— А я уже решил.

— И... Князь Петр Сергеевич, не томите.

— Примет он тебя. Хотя трудно было уговорить.

— Почему?

— Потому что война с Францией. И пока будет война, ты разрешения не получишь. Ты же не в русскую армию служить едешь?

— Нет.

— Ну, значит, к Наполеону. Тот сейчас нуждается, как никогда, в офицерах. Князь Сергей пишет, что воевать приходится с мальчишками. Ни стрелять, ни на лошадях ездить не умеют, а бросаются на пули и штыки. Наши-то, русские солдаты жалеют, стараются не убивать, а бывшие союзники узурпатора — австрияки не жалеют, рубят, рас-

стреливают, зверствуют. За что? Это мы, русские, могли бы такое делать в отместку за поругание земли нашей, но не делаем же. А они-то почему себе позволяют? От прошлого страха? Государь меня принял — мне-то он отказать не может... Столбовые мы! Трубецкие все-таки, не какие-то Миныны с Пожарскими... Хотя Митрий-то Пожарский тоже князем был. Ну да ладно... Сейчас я тебе покажу одну вещь, — князь полез в секретер и положил на стол перед Солеем маленький портрет. — Копию я сделал с портрета Натальи. На память тебе от меня.

— Спасибо, ваше сиятельство, — с дрожью в голосе ответил Солей.

— Ну давай я тебя расцелую, — и когда обнял, шепнул в ухо: — Ты только матушке моей Анне и Анастасии о дуэли-то ничего не говори.

— Вы о чем, ваше сиятельство?

— Сам знаешь, о чем. Пистолеты-то нашли, а то, что Сергей тебя вызвал на дуэль, я и не сомневаюсь. Весь в меня. Только неправ он. У русских есть хорошая поговорка по этому поводу. Я тебе говорить не буду — еще на дуэль вызовешь, — князь задорно засмеялся. — Но это я так, в шутку. Пойдем, заждались нас к столу...

XV

Русский царь и правда, несмотря на занятость, старому князю Трубецкому не отказал, и не из-за прошлых подвигов предков и особого дворянства, а потому что в гвардии служил полковником красавец Сергей Трубецкой, почему-то отказывающийся перейти в адъютанты государя, но всегда по просьбе императора принимавший участие в различных торжественных встречах с влиятельными людьми Европы и на небольших, по большей части закрытых банкетах, где всегда имел успех у женщин и где подчеркивал своей красотой красоту русского царя. И у иностранцев, впервые видевших царя Александра и его свиту, создавалось впечатление, что русские сплошь высокие, стройные красавцы. Когда в разговоре с князем Петром Трубецким

прозвучала фамилия графа Роше, император задумался, а потом проговорил:

— Мне уже писал о нем граф Тарутин. Роше... Роше? А ну-ка опишите мне его, князь.

— Высокий, крепкий, очень сильный, синеглазый с необычными волосами — белыми, а кончики рыжие...

— Вспомнил! — обрадовался Александр. — Он сопровождал Наполеона в Тильзите. И еще при Аустерлице и Бородине прославился. Викинг! Имя и титул у него вроде как другие были? Пленен? Женился, говорите... Жаль. Почему же сам не приехал? Очень жаль. Только имя у него другое было.

— Он Андре Солей, граф Роше.

— Вот-вот... Так... И где он?

— Он здесь, в Петербурге.

— Да? Пусть послезавтра в полдень явится ко мне во дворец. Хочу на него посмотреть. Всё такой же... интересный?

Широкая, замощенная камнем площадь перед дворцом, скованная льдом Нева, Стрелка Васильевского острова, Петропавловская крепость, Невский проспект с недавно построенным Казанским собором — все это опять восхищало Солея, и в душе его возникло сомнение: а стоило ли воевать с Россией, с этой северной страной, сумевшей построить такой необыкновенно красивый, под стать красоте своих людей, город? Вспомнил, как три года назад в Стокгольме со страхом вспоминали русских шведы. Двести лет прошло, а как о русских — так сразу: Полтава!

Во дворце было прохладно и гулко от пустоты, но это почему-то еще больше подчеркивало красоту здания, а его залы и переходы, увешанные оружием и картинами, не подавляли, а восхищали.

Александр был в темно-зеленом мундире, все так же статен и красив.

— Говорите со мной громче, граф. Я стал немножко хуже слышать. Грохот пушек, наверное, и трубы славы. А вы еще больше похорошели, граф. Возмужали, а глаза и волосы всё такие же. Если уж по правде, то вас надо было

бы сразу расстрелять, а не спасать, как сделал князь Сергей Трубецкой. Уж больно много вы моих верноподданных убили. Но спишем это на войну... и на вашу необычайную силу. Да и вы уже граф. Быстро растете, молодой человек. Наверное, заслужили. Впрочем, мои офицеры не хуже. А, граф?

— Ваше величество, у вас лучшая армия в мире.

— Вы хотели сказать, после армии Наполеона? Не льстите — мне кажется, это вам не идет. Знаете, граф, мои казаки вот-вот войдут в Париж. Рассказывают, что во Франции они пьют вино безмерно и девками слишком увлекаются. Француженки от них без ума. Дни узурпатора сочтены. Я тоже собираюсь в Париж. Поедете со мной?

— Ваше величество, я с женой и детьми в Париж заезжать не буду, поеду дальше, домой, в Ла-Рошель.

— Что женился на дочери графа Петра Тарутина, слышал. Сына ему погибшего, говорят, заменил. А что уже детей завел — не знал. И зачем ехать во Францию — обрусел, чай?

— Ваше величество, океан каждый день снится, да и мать одна.

— А может, на войну хочешь успеть? — вдруг жестко спросил император. — Так для таких, — Александр показал в окно на видневшуюся через Неву приземистую Петропавловскую крепость, — у меня тюрьма есть.

— Ваше величество, скажу честно: меня все время не покидало желание убежать, добраться до своей армии и служить своему императору. Но с женитьбой на любимой женщине, с рождением ребенка и увиденной красотой вашей страны и ваших подданных что-то в моей душе перевернулось. Вот я сегодня шел к вам, ваше величество, и меня одолевала постоянная мысль: зачем мы воевали против России? Я никогда больше не подниму меч против русских.

— Русские — это я!

— Да, ваше величество. Я это и имел в виду.

— А вы, граф Роше, все-таки льстец! — император вновь перешел на вежливое обращение и обошел вокруг

Солея, и тот не успел обернуться за ним, как Александр провел рукой по его волосам. — Лыстец, лыстец. Научился в России. Что-что, а у нас это умеют, как нигде. И спросил: — А не хотите, граф, послужить мне, в моей армии? Как генерал Жан Моро. Он даже похоронен с почестями в церкви святой Екатерины — здесь, совсем недалеко от моего дворца.

— Извините, ваше величество, а как бы вы отнеслись к своему офицеру, русскому, который бы стал служить в армии Наполеона? И умереть я хочу во Франции, а лучше, как все мужчины в нашем роду, в море.

— Нет, он еще и хитер. Хорошо, граф. Я прикажу, чтобы вам побыстрее оформили паспорт. Но я буду помнить, что вы мне сказали сейчас. Я не требую давать какую-то клятву. Вы дворянин, и этого достаточно.

— Спасибо, ваше величество. То, что я обещал сегодня вам, я завещаю и своим детям. Никогда не воевать против России.

— Скажите, граф Роше, это ведь вас разыскивал старый солдат с письмом от Наполеона?

— Да, ваше величество.

— Удивительный солдат. Он тоже уезжает?

— Вот он, на удивление, совсем русским стал, даже не говорит, а тараторит по-русски. Женился, завел детей, служит в имении Тарутиных старостой. Уезжает всей семьей. Будет, как и раньше, управляющим в моем доме.

— Вот видите, граф, что делают русские люди по отношению к врагам, пришедшим с мечом на их землю. Русский человек необычайно добр к поверженному противнику. Такой доброты нет ни у одного народа в мире.

— Я согласен, ваше величество. Я об этом буду говорить французам.

— И скажите французам, что и среди русских есть столь же преданные люди, как ваш Мишель. А уж русские женщины... Идите, граф, и помните, что вы сказали здесь мне, русскому царю.

— Спасибо, ваше величество. Я всегда буду помнить вашу доброту.

Через неделю вестовой офицер доставил в дом Тарутиных необходимые бумаги.

— Каков ты, родственник, приткий. Как правило, месяцами ждут. Чем ты так приглянулся государю? Или я так на государя повлиял? — сказал, разглядывая бумаги, приглашенный к Тарутиным князь Трубецкой.

— Правдой, ваше сиятельство.

— Ой ли! Наш государь любит только лесть.

В дорожных документах указывалось, что из России выезжают французский граф Андре Роше с супругой и детьми и двое слуг, женского и мужского пола.

Солей попрощался с родственниками.

— Князь Петр Сергеевич, я буду необычайно рад видеть вас и всю вашу семью во Франции, — сказал он Трубецкому.

А князь, обнимая его, спросил:

— Ты, Андрюша, с Сергеем-то встретишься?

— Непременно, — Солей посмотрел на князя Трубецкого. Тот понял и кивнул головой.

— Если сын родится, то не забудь, что обещал, — просил Петр Тарутин

— В честь вашего сына, граф, Алексеем назовем.

— Ой, как хорошо! — Петр Тарутин заплакал. — Вот Алеша там, на небесах, порадуетя.

— А вас, Петр Иванович и Наталья Ивановна, прошу, как только соберетесь, незамедлительно бросить все и приехать. Дайте только знать заранее, и я вам дом построю, а захотите — в нашем семейном доме в городе будете жить. Тоже очень хороший дом.

И все обещали встретиться во Франции.

— Если честно, то я уже не знаю, француз я еще или уже русский, — вконец растрогался Солей. — Я даже к имени Андрей привык и разговариваю по-русски. О господи, до чего же в России жить хорошо!

— Так оставайся! — просили со слезами.

— Я там единственный сын и наследник. Вот сын родится, подрастет — и приедем всей семьей сюда в гости. Но прежде вы к нам.

И в имени прощались со слезами, с вытьем, какое бывает у русских при расставании. Сбежались все домашние, Мишель накрыл стол и, выпив русского крепкого самогона, пьяненький, обнимал возвращенного к должности в связи с его отъездом старосту Порфирия и шептал ему на ухо:

— Ты, Порфирий, на меня зла не держи. Ты знаешь, какой я теперь ученый, как я буду управлять домом у графа. Он пообещал меня вновь назначить управляющим всеми его домами. И денег пообещал, и дом отдельный построить нам с Дуней и детьми. Ты знаешь, какая там красота? Океан там. Без края! Приезжай, покажу, а то и поплывем на корабле.

— Ужас! Не-е, мы лучше здесь, в лесах, — отвечал седовласый Порфирий.

Попик тоже присутствовал и все порывался, напившись, спеть песню. У него не получалось, и он тянул:

— Я-то вначале думал, что вы бусурмане... Ан нет, самые что ни на есть русские люди. Вы там на чужбине-то нашу веру не уроните и крест православный высоко держите, — трясущейся рукой поднял свой крест со старой заляпанной рясы. — Веру несите высоко! — он заплакал и опять стал подвывать и затягивать песню...

Снег еще лежал, но оседал под весенним солнцем. Графиня Анастасия и Дуня были в положении, так что не спешили и лошадей не гнали. После Москвы началось что-то ужасное: по обеим сторонам дороги из снега торчали трупы людей и лошадей, не трупы даже, а уже полускелеты в обрывках одежды. Трупы сидели, лежали, некоторые стояли, опираясь на ружья. А когда стали проезжать Бородино, то увидели безмерное поле с десятками тысяч мертвых тел и миллионами кричащего, радостного воронья.

— О господи! — воскликнула графиня Анастасия и в страхе уткнулась лицом в грудь мужа. — Ужас! Что это, Андре?

— Это поле нашей славы, — тихо и глухо произнес Солей. — Поле великой славы Великой армии!

И так вдоль дороги до самой Березины — трупы, трупы, трупы. А в Польше, Пруссии и Франции стояла гулкая

пустота. Редкие крестьяне тащили на старых клячах плуги по заросшей бурьяном пашне, в городах множество домов было заколочено, а встречные горожане, слышав стук копыт лошадей, быстро прятались за выступы зданий и уже оттуда пугливо выглядывали — не за ними ли пришли, чтобы погнать на войну! А на площадях калеки, калеки, калеки! В Эперне, откуда был родом Мишель, не останавливались. А что останавливаться — всё давно былшем поросло. После этой глухой тишины городов и деревень Париж показался веселящимся адом, наполненным музыкой, криками, танцами, драками, поножовщиной, дуэлями, тысячами проституток, готовых отдать свое тело за кусок хлеба, лишь бы спасти детей от мучительной голодной смерти, золочеными экипажами, наполненными возвратившимися из изгнания, из небытия королевскими особами, тысячами попрошаек и, как по всей стране, но здесь, в Париже, особенно — калеками, калеками, калеками! Закрыв наглухо окна карет, Париж проехали, не останавливаясь, хотя где-то здесь — может, на Монмартре, может, на Елисейских полях — молодой русский полковник Сергей Трубецкой в одном из вновь открывшихся с приходом русской армии многочисленных кафе, в которых сидели одни русские, пил «Мадам Клико» и кричал официанткам: «Быстро! Быстро!» А как русским солдатам и офицерам радовались французские женщины! Да и как не радоваться, если из-за совсем мальчишек молодые девки и пожилые женщины в городах и деревнях дрались между собой — миллион французских мужчин белели своими косточками вдоль дороги от Москвы до Парижа, не считая миллионов калек. А еще — четыре миллиона погибших и искалеченных граждан вассальных стран. Европа была пуста!

3 мая 1814 года путешественники увидели Атлантический океан. Стоял тихий, солнечный, весенний день, когда две коляски въехали во двор дома семьи Солей. На крыльце стояла постаревшая, седая женщина — мать Андре, а немногочисленные слуги с любопытством и нескрываемой завистью и восхищением смотрели не столько на возвратившихся из небытия войны своего хозяина и управляю-

щего Мишеля, сколько на двух необыкновенной красоты русских женщин.

И в этот же день в Средиземном море на остров Эльба, что всего в 50 милях от его родины — Корсики, с корабля высаживался в изгнание великий полководец Великой армии.

Андре Солей, вернувшись домой, был безмерно счастлив. Его корабли, кроме двух, потопленных англичанами, были целы и по окончании войны опять смогли выйти в море. В торговых домах в Ла-Рошели и Марселе пришлось сделать небольшой ремонт, и они вновь заработали, с каждым месяцем преумножая доходы своего хозяина. Солей как будто забыл, что он граф, что он вернулся с войны; он дни и ночи пропадал в конторе или уходил с торговыми или рыболовными кораблями в океан и не возвращался домой неделями. Разобравшись с финансами, он отправил в Россию Тарутиным большую сумму золотом, написав в сопроводительном письме коротко: «За дочь! Жду!»

Всем большим домашним хозяйством вновь стал управлять Мишель, которому был подарен отдельный дом — за заслуги перед семьей Солей. Дуня, жена Мишеля, стала учить французских женщин готовить русскую еду, сама обучаясь готовить французскую, все время приговаривая: «Конечно, нам бы в России такую-то муку да такое мясо, мы бы из них ой сколько хорошего напекли-нажарили...» Графиня Анастасия и Дуня словно наперегонки готовились родить по второму ребенку. Дуня, посмотрев на формы выпирающих животов, сказала:

— У меня девка будет, а у вас, графинюшка, точно парень.

Жарким сентябрем, почти день в день, русские женщины родили хорошеньких младенцев. Дуня отказалась от помощи акушерки, заявив: «Срам-то какой!» А Анастасия, как и положено графине, рожала в окружении акушеров и врачей, которые больше толкались, чем помогали. И Дуня оказалась права: у нее родилась девочка — копия матери, а Анастасия родила мальчика, крепкого, смотрящего на мир синими глазами и с необычными, как у отца, волосами — белыми с красными кончиками.

— Солей, — сразу сказала, помотрев на новорожденного Изабель, мать Андре, и все радостно закивали в знак согласия головами: «Точно, вылитый Солей».

— Как назовешь сына? — спросила мать у Анастасии.

— Пусть решение примет Андре. Я знаю, но пусть скажет он.

Андре был в море и, вернувшись через несколько дней, обнял и поцеловал жену, поднял на руки сына и громко сказал:

— Родился Алексей, или, как ласково говорят русские, Алеша.

Ночью, целуя жену в пополневшее и похорошевшее, с ямочками на щеках лицо, произнес:

— Пора мне исполнить свой долг.

— Какой долг? — удивилась Анастасия.

— Долг графа Роше. Спи, Настенька, ты устала.

Больше он никогда не говорил ни о каком долге. В доме жила радость.

XVI

Странное наступило время — не было Наполеона, а созданная им Франция существовала: работали созданные им суды, префектуры, действовали школы и университеты, и даже армия была наполеоновской, пусть сокращенная, с изгнанными на половинную пенсию офицерами, но это была наполеоновская армия, только под королевским, белым с лилиями флагом. И генералы были те же генералы, и графы оставались графами, а Мюрат — Неаполитанским королем. Даже орден Почетного легиона существовал! И Кодекс работал! Франция оставалась наполеоновской и ждала его возвращения!

— Мишель, мне надо с тобой поговорить, — закрыв плотнее дверь в кабинет, сказал своему управляющему Андре Солей.

— Что изволите, ваше сиятельство? — подкрутил свои большие «гвардейские» усы, спросил Мишель. За время проведенное в России, без войны, и здесь в Ла-Рошели, лицо

старого солдата округлилось, сгладились морщины и оно стало удивительно добрым, с постоянной улыбкой от счастья, которое он испытывал от семейной жизни и детей.

— Скажи, Мишель, тебе не хочется увидеть своего императора?

— Ах, ваше сиятельство, хочется, еще как хочется. Но его же нет во Франции.

— Я собираюсь на яхте в Италию и хочу зайти на Эльбу. Поплывешь со мной?

— Я так понимаю, об этом никто не должен знать?

— Правильно, Мишель. Скажешь Дуне, что я попросил тебя сопровождать меня в Египет.

— Хорошо, ваше сиятельство. Когда?

— Через пять дней, если позволит погода. Все-таки зима, штормит.

— Боже, я сразу вспомнил плавание в Швецию. Неужели мне предстоит испытать то же самое?

— Там ты лежал в каюте чужого корабля, а здесь в твоём распоряжении будет целая яхта. Возьми побольше вина, оно помогает.

— А что же вы, ваше сиятельство, раньше-то об этом не говорили?

— Ты только всё не выпей. Я его хочу подарить императору.

— Тогда я отберу самое лучшее.

— Ты знаешь какое?

— Конечно — то, которое любил ваш отец.

— Правильно. И прошу, не надевай свою шапку. Мы — торговцы вином.

— Я все понял. Правда, я думаю, Дуня не поверит в сказку о Египте. Она знает о моем паническом страхе перед морем.

— Вот тебе и гвардия! — засмеялся Солей.

Личную яхту Солея, которую он назвал, приехав из России, «Анастасия», начало болтать и швырять на волнах, как только они отошли от берега в Ла-Рошели, и так продолжалось весь путь, пока не обогнули Пиренейский полуостров и не вошли через узкий Гибралтар в Средиземное море.

Мишель лежал в каюте — вино не помогало, а Солей подтрунивал:

— Не ты один такой — Нельсон всю жизнь блевал!

Ни в какой Египет яхта не заходила, а напрямик направилась мимо Сардинии и Корсики к Италии, где всего в 12 милях от берега лежал самый известный в мире остров — остров Эльба.

— Ваше величество, вас просит принять его капитан яхты «Анастасия» из Ла-Рошели. Своего имени он не называет. Говорит, что привез вам вино. Еще один желающий увидеть вас. Отказать? — склонил голову перед Наполеоном адъютант.

— «Анастасия»? Какое-то русское название... Из Ла-Рошели? Кто бы это мог быть... из Ла-Рошели? Хорошо, я приму.

Когда перед Наполеоном появились двое в морской одежде и, сняв шляпы, поклонились, бывший император от удивления открыл рот, а потом, оглядевшись — не наблюдает ли кто, тихо произнес:

— Неужели это ты, Солей? Эти волосы, эти глаза. Конечно, ты! Значит, жив?! А кто это рядом с тобой? Постой, не говори... Старина Мишель, все— таки нашел своего хозяина. Ты похоронен, кругленький стал. Тебе Россия пошла на пользу. Ну, граф, рассказывай, что с тобой произошло?

Солей коротко рассказал о спасении в сражении под Москвой, жизни в имении графов Тарутиных, женитьбе на Анастасии, возвращении во Францию и рождении дочери и сына.

— Ну а ты, старый вояка, чем промышляешь? — спросил Наполеон Мишеля. Тот ничего не мог ответить — плакал.

— Ваше величество, Мишель в России стал управляющим имением, женился на русской женщине, и у него двое детей. Сейчас он с семьей в Ла-Рошели — он управляющий моим домом.

— Вы, ребята, наверное, первые, кто неплохо устроился после войны. Впрочем, это же все у тебя, Солей, и до войны было. Ты просто вернулся домой.

— Да, ваше величество, я вернулся домой.

— Я рад за вас, мои боевые товарищи и друзья.

— Ваше величество, у меня есть долг перед вами, а Солеи не любят иметь долги, а уж тем более перед своим императором.

— Бывшим императором, бывшим. И какой может быть долг лучшего из солдат перед своим командиром? Это я всем обязан таким, как ты.

— Свой титул графа, ваше величество, я еще не заслужил. Я встречался с вашим бывшим адъютантом, графом де Сегюром. Он сказал, что Англия и король Людовик настаивают на переводе вас на другой остров. Звучит название — остров Святой Елены.

— Я об этом знаю, Солей. И если такое решение будет принято, а оно обязательно будет принято, то что я могу сделать?

— Но Франция ждет вас!

— Осторожней, Солей, здесь везде есть уши, и такие слова могут стоить тебе головы. Тебе хочется повоевать? Не навоевался?

— Ваше величество, за вас я готов сражаться с любым противником, кроме русских.

— Русских? Почему?

— Я их полюбил. И у меня жена русская. И я это обещал русскому царю Александру.

— Ты его видел?

— Да, я был у него на приеме в его дворце в Петербурге.

— Какой ты счастливый, Солей! А со мной он ни встречаться, ни разговаривать не захотел. Как тебе Петербург?

— Необыкновенно красивый город. Не знаю, как летом, но зимой он восхитителен!

— А дворец у Александра?

— Я же не был в королевских дворцах в Париже и Версале, поэтому не могу сравнить, но то, что я видел в Петербурге, меня поразило своей изысканностью и великолепием.

— Как жаль, что мы с Александром так и не договорились. Мы бы могли поделить весь мир. Я с тобой согласен, граф, я тоже не хочу больше воевать с Россией. С Россией

надо дружить и торговать. Ах, как я ошибался! А ведь я просил у Александра руки его сестры. Вернуть бы все... Где моя армия?

— Я ее видел.

— Где?

— Вдоль дороги от Москвы до Немана.

— Хочешь меня обидеть, Солей?

— Нет. Только прошу вас, ваше величество, когда вернетесь на трон Франции, не вести нас вновь в Россию.

— Это я могу тебе пообещать. Это я могу пообещать всем французам. Но есть еще сами русские... Впрочем, это только слова, брошенные в пустоту. Мы с тобой на острове, окруженном морем.

— Ваше величество, по морю двигаться легче, чем по земле, здесь дороги в любую сторону. Лишь бы был хороший корабль и знающий море капитан.

— А ты хитрец, Солей. Пойдем-ка, погуляем по саду. Мишель, прошу тебя, охраняй нас. Кстати, старина, ты увидишь некоторых своих старых товарищей — тех, кто сумел выжить в походе на Москву.

Когда вышли из дома и стали гулять по саду, Наполеон тихо спросил:

— Итак, что сказал мой адъютант?

— Граф де Сегюр просил передать...

Мишель шел сзади и, как ни напрягал свой слух, слышал только обрывки фраз.

— Нас настигнут и тут же утопят...

— «Анастасию» не догонят...

— Гвардейцев на кораблях...

— В Ла-Рошель... или Марсель...

— Нет, у Канн...

— Там же батарея...

— У тебя же есть Мишель... Будут...

— Когда?

— Конец февраля...

26 февраля 1815 года на острове Эльба происходил страшный переполох. Все население острова прибежало

на набережную, а мальчишки оседлали прибрежные скалы. Батальон гвардии бывшего императора торжественно, рота за ротой, шел в порт, где солдаты садились в лодки и переправлялись на стоящие на рейде корабли «Непостоянный» и «Каролина». Потом быстрым шагом прошел император Наполеон в своей неизменной шинели и треуголке. Его аккуратно посадили в лодку, и гребцы уронили весла на воду. Наполеон поднялся на «Непостоянный» и с палубы помахал треуголкой жителям острова. Толпа взревела, некоторые мальчишки от испуга упали со скал в море, но они были островитянами и легко доплыли до берега. А многочисленная команда наблюдения за бывшим императором металась по кабинетам, не зная, что же делать. Потом, все-таки сообразив, наняли лодку и поплыли в сторону Италии, до которой можно было доплыть не только под парусом, но даже на веслах.

Выйдя из бухты в море, «Непостоянный» вдруг замедлил ход. К его борту подошла большая морская яхта, и на нее перешел Наполеон с десятком гвардейцев. Император помахал треуголкой стоящему у борта корабля генералу Бертрану и крикнул:

— Генерал, вы знаете, что дальше делать. Я вас жду... там, где жду. А я пока покатаюсь на этой красивой яхте с таким необычным названием «Анастасия». Я всегда мечтал поплавать по морю на яхте. Я же за всю жизнь плывал только в Египет и обратно. И я бы не сказал, что это было приятное плавание, особенно второе. Как же давно это было, — и, повернувшись к человеку, державшему руль яхты, император радостно произнес: — Вперед, Солей! Перед нами опять встает солнце Аустерлица!

Яхта отошла от борта «Непостоянного» и направилась в море. Корабли подняли все паруса и, поймав ветер, поплыли к Корсике.

— Зачем он это сделал? — спросил капитан «Непостоянного» у генерала Бертрана.

— А вы, капитан, думаете, что за нами не будет погони? Да мы еще не отошли от Эльбы, а уже в Италию понеслась на всех парусах лодка. За нами сейчас будет охотиться весь

английский флот вместе с непотопленными остатками флота французского.

— Так они же меня утопят, не спрашивая, для чего я в море! И что мне отвечать, если перед тем, как утопить, они меня все-таки спросят, чем я тут в море занимаюсь?

— А чем в море занимаются?

— Плавают.

— Вот и отвечайте, что плаваете.

— А куда?

— Так у вас на борту сотни гвардейцев Наполеона. Так и говорите: вывозите их с острова.

— Если у нас такая сила, почему же император не с нами?

— А что могут сделать эти храбрецы в море против пушек англичан или короля? Разве что славно утонуть.

— Я понял. Но куда же мы все-таки плывем?

— Во Францию!

— О господи!

1 марта корабли вошли в залив Жоан у мыса Антиб.

— Сейчас меня разнесут пушки батареи Габель! — воскликнул капитан «Непостоянного».

Пушки молчали. А на берегу стоял император и махал своей неизменной треуголкой. В заливе стояла яхта, на которой Наполеон уплыл с Эльбы.

Когда корабли бросили якоря и войска стали выгружаться, генерал Бертран подошел к императору и спросил:

— Ваше величество, капитан все боялся, что нас разнесут на куски пушки батареи, а они молчали...

— Анри, — Наполеон указал на стоящего недалеко капитана яхты, — не помните этого капитана? Он когда-то был полковником кирасиров.

— Больно шевелюра знакомая. Ба, да это же Солей! Белая смерть, как кричали про него русские под Аустерлицем и Эйлау.

— И под Москвой тоже.

— А он-то как здесь? Он же, кажется, погиб там, в России.

— Ожил. И он же капитан яхты «Анастасия». И это он разоружил с десятком моих гвардейцев батарею Габель.

Кстати, по его словам, они, увидев шапки и усы моих солдат, больше обрадовались, чем испугались.

— Зачем же так сложно-то, ваше величество?

— Граф Бертран, я не мог так рисковать. Вас-то даже не арестуют — вы свободный человек, а меня сразу же выкинули бы за борт, чтобы больше не возиться.

— Что дальше, ваше величество?

— Идем на Париж!

— Нас встретят пушками!

— Нас встретят цветами! Пора строить солдат в колону и идти, а то они настрадались от морской качки. Им нужна хорошая прогулка по весенней Франции. Ах, какой воздух! Вперед, генерал Бертран!

Анастасия плакала. Она сидела на мятой от сна и любви постели и выла, как умеют выть только русские женщины.

— Ну почему, почему ты, Андрей? — она любила называть мужа русским именем. — Ты же обещал больше не воевать! Андрей, у тебя семья, дети, у тебя, в конце концов, дело: корабли, торговля. Что будет, если... Это же война! Андрюша, не уходи, прошу, умоляю тебя...

— Настя, я стал французским виконтом, а потом графом благодаря одному человеку — моему императору. И я обязан сделать все, чтобы император вернулся. Этого хочу не только я и Мишель, этого хочет французский народ. Чтобы это понять, далеко ходить не надо — стоит только выйти на улицу. А ведь это Ла-Рошель, протестанты, всегда не любившие любую французскую власть.

— И ты опять будешь воевать с русскими? Ты же обещал русскому царю не воевать против русских.

— Никогда! Никогда я не буду воевать с русскими. Это как воевать с тобой, с детьми, с самим собой, наконец. И император не будет воевать с Россией.

— Откуда ты знаешь?

— Я с ним разговаривал.

— Ты был на Эльбе?

— И я, и Мишель.

— И когда твой император вернется во Францию?

— Он уже вернулся.

— Ты... для этого ты и плавал несколько раз на своей яхте... в Египет? Как же я не догадалась!

— Зачем тебе, любимая, догадываться? Тебе этого и не надо.

— Но я боюсь, я очень боюсь, Андрей.

— Чего ты, Настя, боишься?

— Ты знаешь чего.

— Моей гибели? Но я солдат, Настя. Я французский офицер, полковник, я наполеоновский граф.

— К черту эти титулы, к черту эти звания, если они отнимают любимого человека. Что я буду тогда делать?

— Растить детей. Я тебе рассказывал историю нашего рода от Харальда Солнечного до Поля Солея. И ты всегда помни: Алексей, единственный сын и не должен воевать. Только защищать свой дом. Вот этот дом. Я уже все документы подписал на тебя и сына. И семье Мишеля я подарил дом. Мишель тоже уходит.

— Зачем же ты вернулся? Чтобы рвать мое сердце?

— Я пришел сказать, что я тебя люблю.

— Нельзя так — любить и уходить.

— Значит, можно, если тебя зовет твой император, твоя страна.

— Тогда чего ты сидишь здесь? Уходи!

— Сейчас возьму свой палаш, кирасу и уйду.

— Ту ужасную саблю, которую я видела в России, которая висит у тебя в кабинете? А Мишель свою медвежью шапку?

— Да.

— Уходи. Ты не любишь ни меня, ни детей, ты любишь только своего императора.

— Как ты можешь так говорить? Разве так говорят уходящему на войну мужу? Так принято говорить у русских?

— Ну при чем здесь русские? Так говорит всякая женщина, которая чувствует, что любимый мужчина от нее уходит. А ты хочешь, чтобы я бросилась к твоим ногам и стала заламывать руки и умолять не делать этого? Андрей,

это пишут в ваших французских романах. Я их начиталась в своей юности. Все русские барышни воспитаны на них. Только в жизни мы ведем себя совсем по-другому. Хочешь, я поеду с тобой? Куда ты сейчас едешь?

— В Париж.

— Тогда я тоже еду в Париж. Я там не была, вот и поеду. И не смей меня удерживать, я пошла собираться...

— Прекрати, Анастасия. Я уезжаю не пить вино в парижских ресторанах или миловаться с парижанками. Ты знаешь, что я люблю только тебя и буду любить тебя вечно. Я уезжаю на войну! С сегодняшнего дня я командир бригады тяжелой кавалерии. Правда, — грустно засмеялся Андре, — бригада состоит из одного полка.

— Где же другие?

— Другие погибли славною смертью героев.

— Видимо, и ты хочешь стать героем? Мертвым героем!

— Прощай, Настя! Точнее, до свидания... Мне надо еще обнять детей...

Две русские женщины: одна — до мозга костей изнеженная, образованная, начитанная, очень богатая русская барыня, а вторая — простая русская баба, неграмотная, из поколения в поколение крепостная — стояли, обнявшись, и плакали, глядя, как уезжает вдаль коляска, увозящая их мужей на войну. Когда коляска скрылась и пыль осела на дорогу, они, согнувшись, как две старушки, ушли в дом. Они понимали, что больше не увидят своих мужей. Графиня прошла в детскую и села рядом с кроваткой, где, раскинув во сне ручки, спал маленький мальчик с необыкновенными, похожими на солнце волосами. На груди у мальчика тускло мерцал старым-старым золотом медальон с неровным отверстием в середине, только что надетый ему шею ушедшим на войну отцом.

Женщина стала покачивать кроватку и тихо-тихо напевать какую-то протяжную колыбельную песню на необычном для страны, где родился этот мальчик с русским именем Алеша, мягком, непонятном для всех, кроме нее и этого мальчика, языке.

На раскисшем от двухдневного дождя поле около неизвестного бельгийского городка Ватерлоо, под ураганным огнем английских пушек и палашами тяжелой кавалерии пруссаков погибала армия Наполеона. В этой армии выделялся воин в блестящей кирасе с развевающимися белыми волосами, который впереди своих кирасиров раз за разом бросался на англичан и пруссаков. У него оставалось все меньше и меньше всадников. Англичане не знали, кто это, и бросались на него со своими саблями, но у воина был в руках огромный палаш, больше похожий на меч, и он им убивал подскочивших кавалеристов прусского генерала Блюхера. Это был Андре Солей, граф Роше, уже генерал, командир бригады тяжелой кавалерии дивизии генерала Гийо. Вся дивизия состояла из двух бригад, а бригада — из одного полка! Два дня назад бригада дралась с драгунами Блюхера и разбила их, но и от бригады осталась половина полка. Сейчас же Блюхер, уйдя от посланной за ним в погоню половины армии Наполеона, увернулся от маршала Груши и пришел на помощь Веллингтону — и участь Великой армии была предрешена!

К командиру бригады подъехал, на спотыкающемся от усталости коне, всадник — адъютант из штаба.

— Господин генерал, император требует вас к себе. Вы знаете, где сейчас находится его штаб?

— Знаю, — ответил генерал Солей, но отвечать было уже некому — адъютант, совсем мальчишка, мертвый, заваливался с лошади.

В доме с окнами без стекол император Франции Наполеон обнял Солея и, кашляя, простуженно произнес:

— Ах, как ты славно дерешься, Солей! Почему, имея таких, как ты, героев, мы проигрываем? Солей, ты заменил мне Мюрата. Тот думает, что, предав меня, останется Неаполитанским королем? Они его вышвырнут, как только меня не будет. Солей, собери всю оставшуюся кавалерию и останови англичан. Я должен отступить и спасти остатки моей армии... Ах, Груши, что же ты наделал? Солей,

мне нужен час. Я оставляю здесь и свою гвардию. Задержи их...

— Будет исполнено, ваше величество.

— Солей, верь мне — я соберу новую армию, больше и сильнее, чем та, с которой я пошел войной на Россию. Я еще завоюю весь мир! — все знали, что император серьезно простудился и у него был сильный жар. Наполеон посмотрел на Солей, в глазах его стояли слезы. — Я всегда помнил, что у меня есть ты, Андре Солей!

Останавливать англичан было нечем — от двух полков тяжелой кавалерии осталось три эскадрона, да несколько сотен гвардейцев, включая музыкантов, — вот все, кто должен был задержать армии Веллингтона и Блюхера.

— Они отступают! Фельдмаршал, они отступают! — кричал адъютант Веллингтона полковник Хельнет.

— Наполеон решил убежать, не получив по заслугам? Нет. Мы сейчас всю горстку оставшихся смельчаков перебьем и догоним узурпатора, — произнес сидевший на сером коне по кличке Копенгаген сухопарый человек в гражданском сером фраке и шляпе. Это был английский фельдмаршал Артур Уэсли, герцог Веллингтон.

— Это не так-то просто будет сделать, фельдмаршал, — сказал сидевший на переминавшей ногами лошади офицер в форме русского полковника.

— Почему вы так думаете, князь? Посмотрите, кучка израненных солдат — это всё, что мог противопоставить мне узурпатор.

— Это не просто солдаты — это гвардия! Посмотрите на их шапки, а эти всадники — кирасиры. Они прошли войну в Европе и в России.

— Это, князь, вам не Бородино, где вы умудрились потерять всю армию и убежать за Москву. Это Ватерлоо, и здесь победителем буду я, чего бы мне это ни стоило.

— Вы, фельдмаршал, плохо знаете, что произошло под Бородино. Там было триста тысяч сражающихся с двух сторон! Это было не сражение двух армий, а битва двух великих народов и двух великих императоров. И уж не хотите ли вы, фельдмаршал, обозвать в моем лице всех русских

трусами? Хоть вы и английский герцог, не забывайте, что я русский князь, полковник русской императорской гвардии и являюсь представителем моего императора Александра в вашей армии. Конечно, здесь нет ни русских солдат, ни русской кавалерии, а то бы мы вам показали, как умеют драться русские! Париж, между прочим, взяли мы, а не англичане и уж тем более не пруссаки.

— Какой вы, князь, однако, гордый. Впрочем, я дам вам кавалерию — пойдите и уничтожьте эту кучку французских всадников.

— Отлично! Дайте мне четыре эскадрона драгунов, и я заставлю их сдаться.

— Ну как откажешь вам, князь? Отказать вам — обидеть русского царя. Лучше, конечно, если бы это были эскадроны Блюхера, а не английские. У меня, знаете, каждый солдат на счету. За каждого погибшего с меня спросят там, в Англии, ее величество королева, парламент и их родственники. Но я пообещал... Дайте полковнику три эскадрона моих славных драгунов.

— Фельдмаршал, я просил четыре.

— Это вам, князь, не русские драгуны, которых считать не пересчитать, а англичане. А если вы, князь, не согласны, то прекратим этот разговор.

— Хорошо, фельдмаршал.

— И никакой сдачи и никаких пленных, князь. Мне пленные не нужны!

— Если бы французы вас, герцог, услышали, то, думаю, не хватило бы и полка драгунов.

На усталые, израненные две сотни кирасиров — всё, что осталось от бригады Солея, — неслись сотни всадников с вытянутыми вперед саблями и палашами. Впереди скакал офицер в кирасе и каске с конским хвостом. Кони столкнулись, всадники начали рубить друг друга, слышались предсмертные крики, ржание коней и ругательства. Солей размахивал своим огромным палашом и рубил английских кавалеристов. Вся его одежда и кираса были в крови, белые волосы слиплись от пота и крови. Вдруг раздался крик: «Белая смерть! Это же Белая смерть! Я его видел при

Аустерлице!» И драгуны начали разворачивать коней, а им рубили спины и затылки, они с криками падали с лошадей, и только несколько десятков всадников вырвались и понесли на взмыленных конях к своей армии.

Из английских драгунов только их командир не повернул коня и продолжал драться, размахивая саблей. «Руби его, ребята!» — кричали кирасиры, но что-то Солею, подъехавшему к кружившим на своих конях вокруг одного всадника французам, показалось знакомым, и он крикнул:

— Не смей! Он мой! — и остановился напротив всадника. Тот нанес удар саблей, но Солей молниеносно отбил удар своим палашом, и сабля, ударившись о дамасскую сталь, переломилась.

— Черт! — крикнул по-русски всадник и опустил голову, понимая, что наступил момент его смерти. Вокруг него опять заплясали на лошадях французские кирасиры, подлаживаясь, как бы с одного удара разрубить этого всадника в блестящих доспехах.

— Князь? Сергей Трубецкой? Вы? — вскрикнул Солей. — Не трогать его!

— Хочешь сам меня убить? — Трубецкой снял с головы каску. — Как говорим мы, русские: твоя взяла, Солей.

— Что вы-то здесь делаете, князь? Здесь же русских нет.

— Я представитель императора Александра в армии фельдмаршала Веллингтона.

— Ну и как? Герцог уже празднует победу?

— Думаю, что да.

— И вам, князь, захотелось кусочка от его славы? Неужели вам мало, что вы победили Наполеона? Великого Наполеона... Уезжайте, князь — это поле не вашей и не английской славы. Это поле нашей славы. Ваше где-нибудь еще впереди.

— Ты меня отпускаешь? Какое благородство от рыбака.

— Ничуть. Я пообещал вашему императору Александру и своей жене, что никогда не буду воевать с русскими. Уезжайте, и поскорей, а то мои кирасиры откажутся мне подчиняться. Они же понимают, что уже мертвы и им никто

уже не указ. Даже наш император... Прощайте, князь. Передайте поклон вашим родителям и особенно вашему отцу за помощь и за портрет моей прабабки Натали. Он висит на самом видном месте в моем доме в Ла-Рошели.

— И Анастасия там?

— И Анастасия, и наши дети — Наташа и Алексей.

— Наташа и Алексей, — тихо проговорил Трубецкой.

— И Мишель со своей семьей там... Скачите, князь, прошу вас.

— У тебя мундир генерала?

— Да, я бригадный генерал. И вся моя бригада перед вами.

— Извините меня, генерал Андре Солей, граф Роше, за мое недостойное поведение там, в России.

Солей снял перчатку и протянул руку Трубецкому.

— Ну что вы, князь, мы же с вами родственники, и вы когда-то спасли мне жизнь. Давайте уж простимся, как вы меня когда-то научили и как прощаются русские. Прощай, Сергей.

— Прощай, Андре.

Всадники обнялись и трижды поцеловались. На все это удивленно смотрели кирасиры. Трубецкой вначале медленно, а потом рысью поскакал к стоявшим плотными рядами шеренгам английских солдат...

— С кем вы так любезно прощались, князь, при этом угробив три сотни моих первоклассных драгунов? — зло спросил фельдмаршал Веллингтон подъехавшего Трубецкого.

— Фельдмаршал, это генерал Андре Солей, граф Роше, или, как его называли мы, русские, при Аустерлице, Эйлау и Бородино, Белая смерть, — ответил Сергей Трубецкой. — И не я «угробил» ваших драгунов — это был более сильный и достойный противник. Да и ваши драгуны оказались трусами.

— Не скрою, я тоже видел, как они бежали от французов. Но верноподданных моей королевы уже нет, и я не представляю, что будет со мной, если ее величеству расска-

жут, что я отдал их под начало русского полковника, который повел их на смерть, а сам остался жив...

— Только благодаря графу Роше, и прошу вас, герцог, если он не будет убит и попадет в плен, отдать его мне.

— Почему?

— Он мой родственник.

— Как это? Он же француз!

— Это длинная история.

— Я отдам его вам только мертвого. Пленные мне не нужны. Только мертвые французы не поднимут снова меч против моей Англии.

— Тогда, фельдмаршал, это поле будет полем не вашей, а французской славы. Полем бессмертия.

— Это всё слова, князь. А Англии не нужны слова, ей нужны пространства, и главный враг для нее — Франция. Так было и так будет всегда.

— А Россия?

— Посмотрим, князь... — Веллингтон поднял подзорную трубу и крикнул:

— Вот как надо! Правильно — пушками по ним, пушками... Смотрите, он все-таки упал.

Израненного, умирающего Солея старый солдат в медвежьей шапке, круглолицый, по-видимому, от хорошей жизни, схватил за ремни разбитой и продырявленной кирасы и втащил внутрь каре, образованного последними живыми гвардейцами Великой армии. Все называли этого солдата «Мишель из Ла-Рошели» — его многие помнили и все эти сто дней возвращения Наполеона удивлялись:

— Где ты был, Мишель? Ты такой холеный и гладкий, у тебя даже усы стали другими — еще пышнее и красивее. Кем надо быть, чтобы так выглядеть? Твои товарищи почти все в могиле, а ты...

— Я был в России.

— В плену?

— Нет, в раю. Я женился на русской женщине, и у меня есть дети.

— Дети? Сколько тебе лет, Мишель? Они где, в России?

— Нет, в Ла-Рошели. Я управляющий у графа Роше.

— Это вон тот, белый, которого все называют Белая смерть?

— Да.

— И ты пошел воевать? Вы оба сошли с ума?

— Вот и жена мне сказала то же самое. Я пошел за своим императором, когда он попросил ему помочь.

— Ты, Мишель, со своим графом дураки! Никто бы из нас не сделал этого. Мы здесь потому, что нам нечего есть и негде приложить голову, чтобы поспать. Мы отбросы общества, и нам нечего терять. Нет, ты дурак, Мишель...

Каре гвардейцев в высоких медвежьих шапках оцетинилось штыками. К ним подъехал английский офицер и приказал садиться...

— Если не сдадитесь, все будете уничтожены, — офицер уже знал, что эти последние солдаты Наполеона будут уничтожены, потому что, отъезжая сюда, слышал, как фельдмаршалл Веллингтон приказал:

— Я не собираюсь терять английских солдат, создавая славу этому сброду французов. Вспомните, как царь Дарий убил остатки спартанцев при Фермопилах! Вот и мы поступим так же. Окружите их орудиями и расстреляйте картечью. И стреляйте, даже если будет стоять хоть один солдат!..

— Храбрые французы, сдавайтесь! — крикнул английский офицер полковник Хельнет.

Из каре вышел старый наполеоновский солдат в медвежьей шапке, круглолицый, с широкими седыми усами и крикнул в ответ:

— Дерьмо! Гвардия не сдается!

Заиграли в трубы и забили в барабаны сто пятьдесят еще живых французских военных музыкантов, стоявших внутри каре.

Фельдмаршал Веллингтон взмахнул белым платком.

Английский полковник Хельнет понял, что ответил ему этот старый гвардеец, покрылся пятнами от злости, отъехал и приказал:

— Огонь!..

Первым умер круглолицый «Мишель из Ла-Рошели». И когда уже всё каре гвардейцев и все музыканты лежали мертвыми, вдруг поднялся, опираясь на палаш, беловолосый французский офицер в залитой кровью кирасе...

— Ах, Андре, зачем же ты это сделал?! Не стреляйте! — крикнул Трубецкой.

— Огонь! — прокричал полковник Хельнет. Его лицо все еще горело, как от пощечины, от слов уже мертвого французского солдата.

— Теперь он ваш, князь. Хотя я бы его скормил собакам и воронью! — сказал Веллингтон и, опустив подзорную трубу, поехал с поля битвы, говоря окружающим его офицерам: — Я устал и хочу пива. Позовите генерал-фельмаршала Блюхера на постоялый двор Бель-Альянс, где я остановился. Это он герой этого сражения, и я хочу угостить его настоящим английским элем. Мне вчера привезли бочонок...

Князь Трубецкой подозвал двух слуг и что-то им приказал. Через полчаса слуги вернулись. Один из них вел под уздцы лошадь, на которой сидел хирург английской армии. Он тяжело слез с коня и раздраженно сказал:

— Князь, я все же английский хирург, а не коновал из России. Я захватил инструменты, но почему вы привезли меня в поле, где одни убитые? Где ваш раненый? Что, нельзя было донести его хотя бы до палатки? Вы знаете, сколько это будет стоить?

Трубецкой показал на мертвого Солея, а потом, как будто что-то вспомнив, показал и на мертвого «Мишеля из Ла-Рошели» и, наклонившись к уху хирурга, что-то сказал.

— Ваше сиятельство, князь, вы... что себе позволяете? Да как я, английский хирург, могу...

— Возьмите! — Трубецкой протянул хирургу мешочек, в котором что-то звякнуло. — Надеюсь, этого будет достаточно.

Хирург растянул тесьму на мешке и заглянул внутрь. Брови его удивленно поднялись вверх, и на глазах выступили слезы.

— Золото!.. Да, князь. Конечно. Более чем... Но куда я их положу?

Трубецкой махнул рукой, и слуги подали хрустальный сосуд — урну для праха и глиняный кувшин с широким горлом.

— Для себя берёг. Всю войну возил. И как раз сегодня бы пригодился, если бы не этот французский генерал, — тихо сказал Трубецкой.

— Хорошо, ваше сиятельство. Я все сделаю, как вы просите, но хотел бы и вас попросить...

— Говорите.

— Ваше сиятельство, я бы хотел, чтобы мой приезд сюда и эта операция сохранились в тайне. Ну и тем более это, — хирург постучал по одежде на груди, из-под которой выпирал спрятанный мешочек с деньгами. — Поймите, князь, если герцог Веллингтон узнает, что я бросил раненых, пусть даже ради просьбы князя, единственного русского офицера в нашей армии, меня выгонят из английской армии без пенсии и без права заниматься хирургической практикой. И это в лучшем случае. А всё, — хирург сделал ударение на «всё», — отберут и даже могут сослать на кааторгу в Австралию.

— Я вам даю слово русского офицера, что никто ничего не узнает. Я сегодня уезжаю. Приступайте.

Англичане с пруссаками шумно праздновали победу. Пушки палили беспрестанно. Лил дождь, обмывая лица тысяч мертвых солдат погибшей Великой армии.

— Ваша светлость, кто это такую бесславную атаку на гвардию узурпатора совершил и погубил столько ваших драгунов? И как он сам-то живой остался, если их всех уничтожили? — спросил генерал-фельдмаршал прусской армии Блюхер.

— Это русский князь Трубецкой. И это я дал ему три эскадрона драгунов, и вот итог — всех изрубили французы, — жестко ответил Веллингтон.

— Хорошо, что не моих... А что, в вашей армии были русские? — удивился Блюхер. — Я и не знал.

— Всего один. Князь Трубецкой был представителем русского царя в моей армии.

— А что же он не здесь, с нами? И почему «был»?

— Он уехал.

— Как это?

— Так. Он же русский князь. Они же все язычники, варвары и не признают наших приказов, — Веллингтон засмеялся. — Тем более не пьют пива. Но мы-то с вами, генерал, как настоящие воины, любим этот божественный напиток!

* * *

По дороге, раскисшей от дождей и разбитой десятками тысяч ног, шедших по ней всего несколько дней назад умирать и уже умерших солдат Великой армии, ехала повозка в сторону Франции и далее через всю страну к океану. Повозка ехала в далекий город Ла-Рошель, где в большом красивом доме на берегу Атлантического океана из нее достали два сосуда — хрустальный и глиняный, палаш, медвежью шапку и отдали два письма.

Графиня Анастасия.

Посылаю вам сердце вашего мужа Андре Солея, графа Роше, погибшего славной смертью героя в сражении при Ватерлоо. Я не встречал никогда более храброго и более благородного человека, чем ваш муж. Когда-то в России я смертельно обидел его и вызвал на дуэль. Я стрелял первым и промахнулся, а Андре выстрелил в воздух. Тогда я не понял, что в его груди бьется самое благородное сердце на земле. Но в сражении при Ватерлоо он спас мне жизнь. Я видел, как погибла великая армия, я видел, как погиб ваш муж и как погиб его храбрый товарищ, гвардеец Мишель, сердце которого, зная, что его семья живет с вами, я посылаю его жене. Ваш муж очень любил вас, Анастасия, своих детей и море. Он мне сам об этом, прощаясь, сказал. Пусть же его сердце упокоится, как он этого хотел, в море. Их тела похоронены мной на поле битвы под Ватерлоо. Посылаю вам письмо, найденное у него на груди.

Князь Сергей Трубецкой.

Второе письмо было прорвано в нескольких местах и в пятнах засохшей крови.

Любимая моя Анастасия!

Завтра решающая б...ва. Думаю, что это посл...ее сражение Вел...ой армии. Если я погибну, то хочу, чтобы ты зн...а — я безмерно тебя люблю и рядом с то...й я был сам...м счастл...ым чело...ком на свете. Береги детей. Поцелуй их за меня. И прости меня.

Люблю и целую тебя.

Твой навсегда Андрей.

Украшенные цветами урны вывезли на красивой яхте с названием «Анастасия» в океан и опустили в воду. На палубе стояли две женщины в черных платьях с маленькими детьми. У одного из детей — беловолосого синеглазого мальчика — в разрезе рубашки виднелся тускло отсвечивающий на солнце круглый золотой медальон с неровным отверстием в центре...

А недалеко от Ла-Рошели, в проливе Антиош, у острова д'Экс, великий император взшел на палубу английского корабля «Беллерофон», чтобы плыть к заброшенному посреди Атлантического океана одинокому, пустынному, скалистому острову Святой Елены. Он плыл в свое бессмертие!

Оглавление

Книга первая

Часть первая	
ВИКИНГ	5
Часть вторая	
КРЕСТОНОСЕЦ	201

Книга вторая

Часть первая	
ГВАРДЕЕЦ КАРДИНАЛА	463
Часть вторая	
СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ АРМИИ	580

Дмитрий Евгеньевич Ружников

Француз

Том I

Верстка Е. В. Житинской
Корректор Ю. Б. Гомулина

Дизайн обложки Е. О. Шваревой

Подписано в печать 02.02.15. Формат 84x108 ¹/₃₂

Гарнитура Чартер. Печ. л. 23

Заказ № 06/10

Издательство «Геликон Плюс»

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28

<http://www.heliconplus.ru>